

Հարգելի՛ ընթերցող.

ԵՊՀ հայագիտական հետազոտությունների ինստիտուտը, չհետապնդելով որևէ եկամուտ, իր կայքերում ներկայացնելով հայագիտական հրատարակություններ, նպատակ ունի հանրությանն ավելի հասանելի դարձնել այդ ուսումնասիրությունները:

Մենք շնորհակալություն ենք հայտնում հայագիտական աշխատասիրությունների հեղինակներին, հրատարակիչներին:

Մեր կոնտակտները՝

Պաշտոնական կայք՝ <http://www.armin.am>

Էլ. փոստ՝ info@armin.am

НАЦИОНАЛЬНЫЙ АРХИВ АРМЕНИИ

**ГЕНОЦИД АРМЯН
В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ**

1915

**СВИДЕТЕЛЬСТВА
ВЫЖИВШИХ ОЧЕВИДЦЕВ**

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ

ЮниПресс и К
Москва
2015

УДК 821.161.1-2
ББК 84(5 Арм)-45

Рекомендовано к изданию ученым советом
Национального архива Армении

Составители:
Аматуни Вирабян и Гоар Авакян

Перевод с армянского:
Мариам Ханзадян и Ашота Меляна

Редактор перевода:
Юрий Мравян

**Национальный архив Армении
выражает свою благодарность
общественной организации «Ван»,
за всестороннее содействие
по подготовке и публикации
настоящего сборника**

Геноцид армян в Османской Империи. Свидетельства выживших очевидцев: Сборник документов / Сост. А. Вирабян, Г. Авакян. – М.: – 564 с., ил.

ISBN 978-5-9905743-4-2

В данном сборнике документов представлены свидетельства выживших очевидцев Геноцида. В этих документах на основе неопровержимых фактов выявлены планы турецкого правительства по истреблению армянского населения Западной Армении и осуществленные им действия, представлены имена организаторов и исполнителей этих преступлений, потери армянского населения, оборонительные бои армян, бегство уцелевшего населения в Закавказье и потери беженцев по пути их следования.

Сборник документов рассчитан на историков, политологов, исследователей геноцида, а также на всех читателей, интересующихся историей Армении.

ISBN 978-5-9905743-4-2

© Национальный архив Армении, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
О ПРАВОВОЙ ЗНАЧИМОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ МИССИИ ПО СБОРУ СВИДЕТЕЛЬСТВ ВЫЖИВШИХ ОЧЕВИДЦЕВ ГЕНОЦИДА АРМЯН	19
ДОКУМЕНТЫ.....	25
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	411
ПРИМЕЧАНИЯ.....	421
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	434
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	438
ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ	496

ВВЕДЕНИЕ

С первых же дней Первой мировой войны в Турции развернулась оголтелая антиармянская пропаганда. Турецкому народу внушалось, что армяне не хотят служить в турецкой армии, что они готовы сотрудничать с врагом. Распространялись измышления о массовом дезертирстве армян из турецкой армии, о восстаниях армян, угрожавших тылу турецких войск, и т.д. Разнузданная шовинистическая пропаганда против армян особенно усилилась после первых серьезных поражений турецких войск на Кавказском фронте. В феврале 1915 г. военный министр Энвер отдал приказ об уничтожении армян, служащих в турецкой армии (в начале войны в турецкую армию было призвано около 60 тысяч армян в возрасте от 18 до 45 лет, т.е. наиболее боеспособная часть мужского населения). Этот приказ был выполнен с беспрецедентной жестокостью. Вскоре был нанесен удар по армянской интеллигенции. 24 апреля и в последующие дни в Константинополе были арестованы и затем высланы в глубь Анатолии около 800 человек – писатели, журналисты, врачи, ученые, представители духовенства, в том числе депутаты парламента Турции. Арестованных без суда и следствия препроводили в отдельные населенные пункты; часть депортированных была убита по пути, другие – по прибытию в места назначения. Расправы избежали единицы.

С мая-июня 1915 г. началась массовая депортация и резня армянского населения Западной Армении (вилайеты Ван, Эрзерум, Битлис, Харберд, Сивас, Диарбекир), Киликии, Западной Анатолии и других местностей. Осуществлявшаяся депортация армянского населения на деле преследовала цель его уничтожения. Посол США в Турции Г. Моргантау отмечал: «Истинной целью депортации было ограбление и уничтожение; это действительно является новым методом резни. Когда турецкие власти отдавали приказ об этих высылках, они фактически выносили смертный приговор целой нации»¹. Подлинные цели депортации были известны и Германии, союзнице Турции. В июле 1915 г. посол Германии в Турции Вангенгейм сообщал своему правительству, что если вначале изгнание армянского населения ограничивалось вилайетами, близко расположенными к Кавказскому фронту, то затем турецкие власти распространили эти действия на те части страны, которые не находились под угрозой вражеского вторжения.

¹ Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалаов, Ереван, 1982, с.VIII.

Эти действия, заключал посол, способы, которыми производится высылка, свидетельствуют о том, что турецкое правительство имеет своей целью уничтожение армянской нации в турецком государстве. Такая же оценка депортации содержалась в сообщениях немецких консулов из вилайетов Турции. В июле 1915 г. немецкий вице-консул в Самсуне сообщал, что проводимая в вилайетах Анатолии депортация имеет целью или уничтожить, или же обратить в ислам весь армянский народ. Немецкий консул в Трапезунде в это же время сообщал о депортации армян в этом вилайете и отмечал, что младотурки намерены таким образом положить конец Армянскому вопросу.

Выводившиеся из мест своего постоянного проживания армяне сводились в караваны, которые направлялись в глубь империи, Месопотамию и Сирию, где создавались специальные лагеря для них. Армяне уничтожались как в местах своего проживания, так и по пути в ссылку; их караваны подверглись нападениям турецкой черни, курдских разбойничьих банд, охочих до добычи. Вследствие этого до мест назначения доходила небольшая часть депортированных армян. Но и дошедшие до пустынь Месопотамии не были в безопасности; известны случаи, когда депортированные армяне выводились из лагерей и вырезались тысячами в пустыне. Отсутствие элементарных санитарных условий, голод, эпидемии являлись причиной гибели сотен тысяч людей.

В результате геноцида армян, осуществленного младотурками в 1915–1916 гг., погибло 1,5 млн. человек. Около 600 тысяч армян стали беженцами; они рассеялись по многим странам мира, пополнив собой уже имеющиеся и образовав новые армянские общины. Образовалась армянская Диаспора (спюрк). В результате геноцида Западная Армения лишилась своего исконного населения. Лидеры младотурок не скрывали своего удовлетворения по поводу успешного осуществления задуманного злодеяния: немецкие дипломаты в Турции сообщили своему правительству, что уже в августе 1915 г. министр внутренних дел Талаат цинично заявил, что «действия в отношении армян в основном осуществлены и Армянского вопроса больше не существует».

Сравнительная легкость, с которой турецким погромщикам удалось осуществить геноцид армян Османской империи, объясняется отчасти неподготовленностью армянского населения, а также армянских политических партий к надвигающейся угрозе истребления. Во многом облегчила действия погромщиков мобилизация в турецкую армию наиболее боеспособной части армянского населения – мужчин, а также ликвидация армянской интеллигенции Константинополя. Определенную роль сыграло и то обстоятельство, что в некоторых общественных и клерикальных кругах западных армян считали, что неподчинение турецким властям, отдававшим приказы о депортации, может привести лишь к увеличению числа жертв.

Однако в некоторых местностях армянское население оказало турецким вандалам упорное сопротивление. Армяне Вана, прибегнув к самообороне, успешно отразили атаку врага, удержали город в своих руках до прихода русских войск и армянских добровольцев. Вооруженное сопротивление во много раз превосходящим силам противника оказали армяне Шапин-Каракисара, Муша, Сасуна, Шатаха. Сорок дней продолжалась эпопея защитников горы Муса в Суэтии.

Геноцид армян был осуществлен правящими кругами Турции. Именно они являются главными виновниками чудовищного преступления – первого геноцида XX века. Свою ответственность несет также правительство кайзеровской Германии, которое не только было в курсе готовящегося злодеяния, но и способствовало его осуществлению.

Осуществленный в Турции геноцид армян нанес громадный ущерб материальной и духовной культуре армянского народа. В 1915–1916 гг. и последующие годы были уничтожены тысячи армянских рукописей, хранившихся в армянских монастырях, разрушены сотни исторических и архитектурных памятников, осквернены святыни народа. Разрушение историко-архитектурных памятников на территории Турции, присвоение многих ценностей культуры армянского народа продолжается по настоящее время.

Пережитая армянским народом трагедия отразилась на всех сторонах жизни и общественного поведения армянского народа, прочно осела в его исторической памяти. Воздействие геноцида испытало как поколение, ставшее непосредственной его жертвой, так и последующие поколения.

* * *

Накануне Первой мировой войны Западная Армения была разделена на вилайет²: Ванский, Битлисский (Багешский), Эрзерумский (Каринский), Харбердский, Диарбекирский (Тигранакертский), Сивасский (Себастиийский). Многочисленным было армянское население в Трапезунде и в других вилайетах Турции.

Площадь *Ванского* вилайета составляла 33,6 тысяч кв. км. Он был разделен на два санджака – Ванский и Хаккярский.

Ванский санджак состоял из каз: Арцке-Альджаваз, Арчеш, Беркри, Гяваш (нахие: Карчакан, Мокс, Верин Каркар), Махмуди, Нордуз (с 1913 г. –

² В 1864 году был принят закон, по которому устанавливалось новое административное деление Османской империи. Страна была разделена на вилайеты, санджаки, казы, нахие. Эти административные единицы были установлены по образцу французского административного деления и, как правило, совпадали с российскими губерниями, уездами, округами и волостями. Во главе каждой из названных административных единиц были поставлены соответственно: вали, мутасарыф, каймакам, мюдир. В селах представителем власти был староста – мухтар.

Мамурет ур Решат), Шатах, Ван (нахие: Ван-Тосп, Арчак, Тимар и Хайоц Дзор). Хакьярский санджак состоял из каз Ахбак, Гявар, Хошаб, Шамдинан, Джуламерк.

Перед началом Первой мировой войны в Ванском вилайете проживало около 485 тысяч человек (армян, курдов, айсоров, турок, езидов, евреев, кавказских горцев, цыган и др.). В 1870–1880 гг. численность армян составляла 250–300 тысяч (около 60% всего населения). Однако резня и депортация только 1894–1896 гг. сократили численность армянского населения Ванского вилайета приблизительно на 50 тысяч человек. Тем не менее вплоть до Первой мировой войны армяне составляли самую многочисленную этническую группу местного населения – 210 тысяч человек (около 43%).

Битлисский (Багешский) вилайет, административно-территориальная единица Османской империи в Западной Армении, был образован в 1879–1880 гг. с центром Битлис (Багеш). Ранее он входил в состав Ванского, Эрзерумского и Диарбекирского вилайетов. В 1909 г. в него входили четыре санджака – Битлисский, Сгердский, Мушский, Генджский, площадь составляла 27 100 кв. км.

Битлисский санджак состоял из каз Хлат, Битлис, Датван (Рахва), Азнавзор (Гёзалдара), Татик, Байик, Моткан, Хизан. Сгердский санджак состоял из каз Сгерд, Харзан, Эрун, Барвар, Ширван. В Мушский санджак входили казы Маназкерт, Буланьк, Вардо, Муш. В состав Генджского санджака входили казы Гендж, Чапахджур, Хулп.

Перед началом Первой мировой войны население Битлисского вилайета насчитывало около 500 тысяч человек. В 1882 г. в нем проживало 250 тысяч армян, число которых значительно уменьшилось в результате резни 1895–1896 гг. и последовавшей за ней вынужденной эмиграции. Тем не менее в 1914 г. в Битлисском вилайете проживало около 240 тысяч армян. В Битлисском вилайете проживали также курды, турки (в основном курдского происхождения), айсоры.³

Эрзерумский (Каринский) вилайет – административно-территориальная единица Османской империи в Западной Армении с центром Эрзерум, был образован в 1514–1534 гг.

Эрзерумский вилайет был одним из имеющих многочисленное армянское население вилайетов Западной Армении. Он состоял из Эрзерумского санджака (с казами Эрзерум, Баберд, Дерджан, Басен, Спер, Торгум, Кеским, Хнус, Кеги), Ерзнкайского санджака (с казами Ерзнка, Камахи, Керчанис, Гузуджан, Куручай) и Баязетского санджака (с казами Баязет, Алаш-

керт, Диадин, Каракилисе, Айнтап или Дутаг). Численность армянского населения вилайета накануне войны составляла более 200 тысяч человек.⁴

Харбердский (Мамурет-ул-Азиз) вилайет – административно-территориальная единица Османской империи в Западной Армении, с центром Харберд (в 1867 г. – Мезире), был образован в 1894 г. из санджаков, отъединенных от вилайетов Диарбекир, Сивас и Мараш. В 1913 г. в вилайете были три санджака: Дерсимский санджак (с казами Хозат, Кызылкилиса или Назымие, Мецкерт или Мазкерт, Чарсанджак, Чмшкацаг, Оваджик); санджак Мамурет-ул-Азиз (с казами Акн, Арабкир, Харберд, Капан-Маден, Путурке или Широ); санджак Малатия (с казами Агджадаг, Бехесни, Исни-Мансур или Адияман, Малатия, Кяхта). Площадь вилайета составляла 37.800 кв. км.

В начале XX в. в Харбердском вилайете проживало 575 тысяч человек. Армяне всегда были самой многочисленной частью его населения. Армяне Харбердского вилайета понесли большие потери во время резни 1894–1896 гг. В 1912 г. в Харбердском вилайете проживало 204 тысячи армян (35,4%). Были также курды (в основном кзылбаши), турки, айсоры, греки.

Диарбекирский (Тигранакертский) вилайет – административно-территориальная единица Османской империи в Западной Армении, с центром Диарбекир.

В начале XX в. в Диарбекирском вилайете входили три санджака: Диарбекирский, Аргнийский или Аргана-Маденский и Мардинский. Площадь вилайета составляла 47 220 кв. км.

В начале XX в. население вилайета составляло 470 тысяч человек (армяне, айсоры, курды, турки, арабы, греки, евреи и др.). В начале 1880-х годов в Диарбекирском вилайете проживало около 150 тысяч армян, хотя в последующие десятилетия в результате резни и вынужденной эмиграции их численность значительно сократилась. Перед началом Первой мировой войны в вилайете проживало более чем 130 тысяч армян.

Сивасский (Себастиийский) вилайет – административно-территориальная единица Османской империи в Западной Армении, на территории исторического Покр Айка (Малой Армении). Административный центр – Сивас (Себастия). В конце XIX в. вилайет имел четыре санджака: Себастия (центральный санджак), Шапин-Карахисар, Евдокия (Тохат), Амасия, которые были в свою очередь разделены на 28 каз.

По данным Константинопольского Армянского патриаршества, в 1880-х гг. в Сивасском вилайете и Кесарийском санджаке проживало 670 тысяч армян (20–25 тысяч погибло во время резни 1895–1896 гг.).

³ См. Краткая армянская энциклопедия, т. 1, Ереван, 1990, с. 531-532 (на арм. яз.).

⁴ См. Краткая армянская энциклопедия, т. 2, Ереван, 1995, с. 240-241 (на арм. яз.).

Во время Геноцида 1915 г. основная часть армянского населения Сивасского вилайета была уничтожена на пути в Алеппо и в Дейр-эз-Зоре. Из 418 тысяч армян Сиваса уцелело лишь 16.800 человек.

Трапезундский вилайет – административно-территориальная единица Османской империи на южном берегу Черного моря, с центром Трапезунд, был образован в 1519–1520 гг. Границы Трапезундского вилайета были окончательно определены в 1878 г., после того, как Аджария отошла к России. Его площадь составляла 31.300 кв. км (по другим данным – 32.700 кв. км). В Трапезундский вилайет входили четыре санджака: Трапезундский, Лазистанский, Гюмушханеский и Джаникский. В 1910 г. Джаник был преобразован в отдельную административную единицу – «самостоятельный санджак».

Армяне – древнейшие жители Трапезундского вилайета. До XVIII в. большое число армян проживало в его восточных и южных областях – Амшенском (Амамшенском), Келькитском (Гайлгетском) и Сюрменийском санджаках, а также Трапезунде и других городах. В XVIII в., в результате турецких погромов и варварства, основная часть амшенских армян была насильственно обращена в мусульманство (в 1914 г. на вышеуказанной территории насчитывалось сотни населенных пунктов, где проживало 150–200 тысяч армян, обращенных в мусульманство, которые сохранили свой язык и национальный быт). После резни 1895–1896 гг. началась массовая эмиграция армян из Трапезундской губернии в Российскую империю. Перед началом Первой мировой войны в Трапезундском вилайете проживало около 100 тысяч армян.

* * *

В 1916 г. по инициативе Бакинского комитета Армянской революционной федерации Дашнакцутюн был спланирован и реализован сбор сведений среди армянских беженцев, нашедших убежище в разных местностях Закавказья, об организации и осуществлении резни армянского населения Западной Армении. Целью сбора этих свидетельств, получивших название «Вштапатум» («История скорби»), было «уточнить число жертв среди армян в Турции в результате последней войны, оценить масштаб нанесенного им материального и культурного ущерба, а также показать действительную, неприкрытую картину ужасов и мучений, перенесенных армянами».⁵

Собирателям сведений были представлены следующие основные вопросы:

1. Выяснение прежнего и настоящего положения дел, что включало в себя уточнение места проживания, численности населения, в том числе армянского и неармянского; сколько и какого имущества имелось у населения: коров, овец, пшеницы и т.д.; сбор информации об имеющихся в данной местности церквях, монастырях, школах, культурных учреждениях, потерянных или уничтоженных памятниках старины, редких предметах, рукописях и т.д.; сведения о настоящем состоянии поселения.

2. Каким лишениям и насилию начали подвергаться армяне после объявления войны, выяснение обстоятельств проводимой турками мобилизации армян, конфискации, «добровольных пожертвований», разных трудовых повинностей; каково было положение армянских солдат в армии, требовалось ли от армян выступить против союзных государств и оказывалось ли на них давление.

3. Группа вопросов о резне и депортации, которая была самой большой по объему. Она преследовала цель выяснить, когда почувствовалось приближение катастрофы; есть ли доказательства того, что она планировалась давно; когда и при каких обстоятельствах началась резня и депортация армян; кто этим руководил, кто отдавал приказы, кто были исполнителями (войска, курды, жандармы, преступная чернь); какими способами осуществлялись погромы, где они происходили, каково было число жертв; как обращались с различными слоями общества; по каким дорогам и куда перемещалось депортированное население; сколько было жертв среди беженцев во время передвижения, каким мучениям они подвергались – истязания, изнасилования, насильственное обращение в мусульманство и т. д.; как относилось остальное население (турки, курды, греки, европейцы) к резне и депортации армян, в частности, роль и поведение немецких военных. Необходимо было выяснить также, где в данный момент находилась уцелевшая часть армянского населения и в каком она была положении, в каком состоянии находилось движимое и недвижимое имущество армян.

4. Группа вопросов о самообороне предусматривала выяснить – где, почему, как и с чего началась самооборона; кто был ее организатором; сколько человек принимало в ней участие; в какой последовательности развивались события; сколько времени продолжалась и чем закончилась самооборона, каковы были потери; какими были отношения между участниками самообороны и правительством; какую позицию по отношению к самообороне заняло остальное местное население и европейцы; были ли отдельные стихийные случаи самообороны, где и как они проходили.

5. Депортация и бегство: в этом разделе должны были быть собраны сведения о том, где, когда и как началась депортация; по какой дороге шли беженцы и при каких обстоятельствах; каким лишениям, болезням, мучениям

⁵ Национальный архив Армении (далее: НАА), ф. 57, оп. 1, д. 421, л. 94.

и насилию подвергались выселенцы; каково число жертв; где в момент сбора сведений находятся уцелевшие; есть ли вернувшиеся на родину; сохранилось ли что-нибудь из их имущества, в каком состоянии и в чьих руках оно находится.

В течение сбора свидетельств предусматривалось также собрать следующие документы:

I. Фотографии – действительные факты варварства во время депортации и резни армян, следы зверств и разрушений.

II. Документы – телеграммы государственных и национальных учреждений, приказы, письма, журналы, листовки, объявления, дневники должностных лиц и другие подобные документы: либо подлинники, либо заверенные копии, а также важные номера турецких газет.

III. Свидетельства иностранцев – письма, дневники, доклады, высказанные мнения и другие свидетельства консулов, миссионеров и частных лиц и, по возможности, свидетельства курдов и турок.

IV. Свидетельства очевидцев-армян:

а) дневники, письма, воспоминания осведомленных или принимавших участие в событиях лиц;

б) переживания жертв и дословные рассказы очевидцев, лично присутствовавших при описываемых событиях.

В последнем случае собиратель сведений предупреждался о том, что записывая свидетельства, он не должен забывать, кто передает информацию о том или ином событии, где и когда оно происходило; по возможности он должен выяснить имена жертв, их число, а также имена преступников. Было желательно иметь об одном и том же важном событии рассказы нескольких очевидцев, независимых друг от друга, надо было избегать наличия в них оценок, суждений и философствования. Также надо было не допускать, чтобы рассказчик обращался к художественным произведениям, преувеличивал, а только рассказывал конкретно и коротко о событиях, называя цифры, имена.

V. Статистические данные о прежнем и настоящем положении, составленные прямо на месте собирателем лично, после уточнения.

VI. Карты, составленные с одной и той же целью одними и теми же людьми, также после уточнения собирателем лично.⁶

Айк Аджемян и Арсен Хацагорцян (Аштарак, Апаран), Амбарцум Галстян (Нахиджеван), Сурен Мелоян (Каравансарай, Дилижан), Гарегин Неркарарян (Эчмиадзин, Сурмалу), Грант Каринян (Цахкадзор, Бжни), Ширин Егназарович Акопян (Кохб), Ншан Тирацуян и отец Григор Тер-Григорян

⁶ НАА, ф. 57, оп. 1, д. 421, л. 94-95.

(Александропольский уезд, Ширак), Варос Саргсян (Карс), Гарегин Турикиян и Амадуни (Карин, Кеги), Ваан Петросян (Парскаайк) и другие,⁷ которые сами себя в одних случаях называли – следователями, в других – собирателями фактов, в третьих – записывающими, с разработанными списками вопросов, обходили все те местности Закавказья, где проживали беженцы-армяне как из Западной Армении, так и из Персии. Они посещали приюты для сирот в Баку, Тифлисе, Дилижане, Аштараке и др. местностях, записывали свидетельства людей, выживших резню, о деталях осуществленных в местах их проживания погромов. В освобожденной Западной Армении – в Карине и окрестных уездах, работа по сбору фактов осуществлялась в основном Г. Турикияном и Амадуни, в то же время здесь значительное число документов составляют свидетельства, записанные самими же очевидцами.

Как отмечалось, список вопросов был составлен таким образом, чтобы было возможно собрать точные сведения как о человеческих, так и о материальных и культурных потерях армян. Иногда об одном и том же населенном пункте давала сведения группа беженцев-односельчан. Эта информация часто сопоставлялась со свидетельствами проживающих в других местностях беженцев из того же населенного пункта.

Работой по сбору фактов руководил Ростом (Степан Зорян), деятельное участие принимали Андраник Озаян, начавший в 1917 г. издавать в Тифлисе газету «Айастан», Ваан Тотовенц, Себастиан Мурад, священник Акоп Хачванкян.⁸

Работа по сбору фактов протекала нелегко, были трудности, главная из которых – отсутствие необходимых материальных средств и денег. Сохранилось письмо Гарегина Турикияна от 7 декабря 1916 г., адресованное Бакинскому национальному бюро, где есть следующие строки: «Послав в Тифлис г-ну Андранику на дорожные расходы выплаченные мной 25 (двадцать и пять) рублей [счет], вы можете представить, какие у меня были другие расходы для завершения этого дела. Ни от одной организации я не получал денег на дорогу, пенсии или денег на расходы. Надеюсь, что будете иметь в виду те мои расходы, которые дадут мне возможность продолжить подобную работу».⁹

Работы по сбору фактов проводились в течение 1916–1917 гг., хотя известны свидетельства, записанные позднее. В частности, сведения о массовой резне армянского населения села Тандзот Арданучского участка Ард-

⁷ Пока не удалось выяснить имена собирателей фактов в Тифлисе (один человек), в Баку (два человека), так как они не подписывались под собранными сведениями или подписывались псевдонимами.

⁸ НАА, ф. 57, оп. 5, д. 140, л. 1; ф. 227, оп. 1, д. 454, л. 1.

⁹ Там же.

винского округа Батумской области, захваченного турецкими войсками в декабре 1914 г., были записаны 6 февраля 1919 г.¹⁰

Собранные сведения, как видно из вышеупомянутого письма Г. Турикаяна, посылались в Баку, в Национальное бюро, часть из них – лично Ростому, другая – издаваемой Андраником газете «Айастан», затем они были сосредоточены в Тифлисе, где их начали группировать по местностям и по темам.¹¹

По административно-территориальному принципу сведения разделены на пять частей по вилайетам (губерниям): I. Ванский, II. Эрзерумский (Каринский), III. Битлисский, IV. Диарбекирский (Тигранакертский) и V. Харбердский. Сохранились и дошли до нас четыре списка свидетельств (кроме материалов по Эрзерумскому вилайету). На каждом свидетельстве римскими цифрами по вышеуказанной последовательности указан номер вилайета, а арабскими цифрами – номер свидетельства. Список Вана состоит из 109-ти свидетельств и из переписки депутата от Вана А. Врамьяна с местной властью и Османским правительством (32 документа).¹² Из упомянутых 109-ти отсутствует 7 свидетельств (N 12, 72–76, 83), а переписка А. Врамьяна, которая велась на османском языке, сохранилась полностью в армянском рукописном переводе.¹³ Хотя список Карина не сохранился, римской цифрой «II» обозначено 68 свидетельств, отсутствуют 11 (N 10, 12, 20, 29, 40, 41, 49–52, 65). Список Битлиса состоит из 77 свидетельств,¹⁴ из которых отсутствуют 4 (N 2–4, 9). Список Тигранакерта включает 4 свидетельства, которые сохранились полностью,¹⁵ а в списке Харберда – 22 свидетельства¹⁶, также в полном виде. Но имеется также 23 архивных дела (N 423–426, 428, 430–432, 434–436, 438–442, 444–449, 453) с сотнями свидетельств, которые не входят в вышеназванные списки – это свидетельства, записанные в Эриванской губернии (Аштарак, Апаран, Эчмиадзин, Цахкадзор, Бжни, Сурмалу, Кохб, Нахиджеван) и в Тифлисе. Это обстоятельство говорит о том, что в списки были включены те свидетельства, которые были записаны в Баку или посланы в Баку, а неучтенные свидетельства были собраны в Тифлисе. Собранные в Баку сведения подверглись также тематической обработке: рядом с некоторыми отрывками свидетельств на полях отмечены цифры.

¹⁰ См. «Вестник архивов Армении», 2005, N 1.

¹¹ См. НАА, ф. 227, оп. 1, д. 468, л. 35 об., д. 478, л. 20.

¹² Там же, д. 469, л. 1–11.

¹³ Там же, д. 416.

¹⁴ Там же, д. 490, л. 1–7.

¹⁵ Там же, д. 492, л. 1.

¹⁶ Там же, д. 491, л. 1–4.

Сохранились значения этих цифр: 1. – прежнее состояние; 2. – военный захват и передвижение войск; ...5. – приказ о депортации и депортация; 6. – индивидуальное или коллективное сопротивление; ...8. – дорога депортации; ...10. – резня и насилие во время депортации; ...12. – самоубийства и сопротивление женщин и еще 24 подобные тематические группы.¹⁷

Сколько всего собрано свидетельств, сегодня трудно уточнить, так как нет свидетельств, записанных во многих местностях Закавказья и Западной Армении, в частности, в Эривани, Ване, в то время как в Эривани было большое количество беженцев, а в Ване и его окрестностях в 1917 г. проживало около 30 тысяч армян. Есть данные, что часть «Вштапатума» пистельница З. Есяян увезла с собой из Баку за границу, чтоб использовать там для пропаганды. Сохранилось письмо Ростом своим египетским коллегам, написанное им из Баку 3 апреля 1918 г.: «Г-жа Забел расскажет вам о нашем положении, хотя до того, как она доедет до Египта, оно уже войдет в историю. Г-жа Забел везет с собой материалы «Вштапатума». Их надо использовать для широкой пропаганды. Она сама будет работать».¹⁸ Сейчас трудно сказать, что повезла с собой З. Есяян – подлинные записи свидетельств или переписанные. Известно также, что правительство Республики Армения на заседании 10 января 1920 г. приняло решение перевезти из Тифлиса в Армению материалы «Вштапатума» и передать их министерству иностранных дел для использования их по необходимости.

Материалы «Вштапатума» сегодня хранятся в трех фондах Национального архива Армении, в фонде редакция газеты «Мшак», в фонде канцелярии Католикоса Всех Армян и в фонде «Коллекция документов об армянском вопросе». Сегодня трудно сказать, как они оказались в редакции издаваемой в Тифлисе газеты, но более чем 700 свидетельств с другими документами редакции газеты «Мшак» в 1920-е годы были перевезены в Армению и до 17 июня 1946 г. в неупорядоченном виде хранились в партийном архиве ЦК Компартии Армении, затем, в вышеуказанный день, были переданы Государственному архиву Армянской ССР.

* * *

Приступив к работе над данным сборником, составители решили опубликовать все без исключения свидетельства,¹⁹ чтобы показать всю карти-

¹⁷ Там же, д. 468, л. 45–46.

¹⁸ Центральный архив «Дашнакцутюн», д. 339-3.

¹⁹ Имеется в виду трехтомник «Геноцид армян в Османской Турции. Свидетельства выживших. Сборник документов». Ереван, 2012 (на арм. яз.).

ну осуществленной турецкими властями резни армянского населения – по каждому конкретному селу, по каждому городу.

Свидетельства были собраны спустя всего лишь год после резни и депортации, поэтому велика их достоверность и документальность, а следовательно, и их ценность для всестороннего исследования Геноцида армян.

Сборник имеет огромное историческое, а сегодня уже и политическое значение и ценность, т. к. еще раз доказывает, что Геноцид армян, осуществленный младотурецким правительством, был заранее спланирован и подготовлен.

В сборнике нашли место также свидетельства греков, айсоров, турок, персов о фактах массового уничтожения армянского населения турецкими властями.

Фактически, впервые публикуются документы, представляющие достоверную картину Геноцида армян 1915 г. в Западной Армении. Вместе с тем, публикуемая параллельно с ними группа документов в полной мере отражает самооборону армянского населения в этих вилайетах, благодаря которой уцелела часть армянского населения Вана, Муша, Сасуна.

Всестороннее исследование публикуемых документов дает возможность представить четкую картину подготовки и осуществления геноцида армян в Западной Армении.

Еще до начала Первой мировой войны в Турции объявляется «сеферберлик» – всеобщая мобилизация, которой подлежало как мусульманское, так и христианское население, в том числе и армянское. Мужчины призывного возраста, 20–23 лет, уже находились в армии, поэтому мобилизация началась сначала среди мужчин 24–27 лет, после чего – среди лиц в возрасте до 32 лет, затем – до 45 лет. Армянские солдаты с самого начала находились в очень тяжелых условиях, они выполняли самую тяжелую работу, подвергались издевательствам и насмешкам, оскорблению их религиозных чувств, разного рода насилию. Осенью 1914 г. армян начинали разоружать и переводить в «амеле табури» (рабочие батальоны).

В результате проведенной летом 1914 г. мобилизации армянское население оказалось беззащитным: в селах, оставшихся без мужчин, хозяевами стали турецкие должностные лица и жандармы. Под видом сбора военного налога «текеалифи арбие» они начали грабить армянское население, конфискуя у него все: пшеницу, ячмень, крупы, масло, сыр, хлеб, овец, телок, кур, войлок, шерстяные носки и рукавицы, лапти, рубашки, брюки, сено, навоз, веревки, шерсть, керосин и т.д. В то же время население было обязано делать для нужд армии военное пожертвование – «иане», которое составляло для каждого округа – 200 жестянок кавурмы, 250 окка (25 пудов) масла; для каждого села – 10 овец, а также пшеницу, ячмень, солону, сено.

Собираемый налог, а также обязанность перевозить разные военные грузы, называемая «олам», в основном ложились на плечи армянского населения. Мужчины непризывного возраста, т.е. старше 45-ти лет, и даже женщины, взвалив на свои плечи мешки пшеницы, ячменя, пороха и т.д., шли по глубокому снегу в направлении фронта.

Однако катастрофа приближалась. Для реализации своего плана турецкие власти сначала вооружили мусульманское население и посредством побоев и угроз отняли у армян остатки оружия.

Еще во время боев самообороны в руки армянской стороны попали некоторые официальные документы, содержащие сведения о планах уничтожения армянского населения.

Публикуемые документы со всей очевидностью свидетельствуют о достоверности первого пункта турецкого плана по уничтожению армянского населения, а именно – полное истребление мужского армянского населения. В них содержатся также подробные сведения о зверствах, применяемых во время резни армянского населения: со многих живьем сдирали кожу, отдирали куски кожи щипцами, шампурами, вырезали части тела, некоторых сжигали и т.д. Особую жестокость проявляли к священнослужителям: священников, подвергая страшным пыткам, убивали, у них отрывали или выжигали бороды, выкалывали глаза, отрезали языки и носы и т.д. Для уничтожения людей применялись всевозможные средства: ружья, штыки, мечи, кинжалы, топоры, вилы, серпы, лопаты, веревки, камни; жертв сбрасывали в пропасть, топили в реке, сжигали, заживо хоронили.

Благодаря публикуемым документам выявляются имена организаторов и исполнителей резни.

Следующим пунктом турецкого плана было насильственное обращение в мусульманство армянских женщин и детей, и в некоторых местностях им это удалось. В первые дни резни, под воздействием происходящего ужаса, некоторые шли на этот шаг, но очень многие предпочитали смерть вероотступничеству.

Жители многих армянских населенных пунктов оказывали ожесточенное сопротивление турецкой регулярной армии и тысячному разъяренному сброду. В некоторых случаях, благодаря самообороне, часть армянского населения уцелела от турецкой резни. Самооборона осуществлялась как коллективно, так и отдельными людьми. Знаменательна Сасунская самооборона 1915–1916 гг., во время которой армяне показали блестящий пример храбрости и самоотверженности. Не всегда самооборона достигала успеха. Часто из-за нехватки боеприпасов участники самообороны с боями отступали или погибали вместе с остальным населением.

Необходимо затронуть еще один важный вопрос. Принимало ли участие в резне армян все мусульманское население, или среди него были честные люди, которые не участвовали в уничтожении армянского населения, спасали жизнь своих соседей, односельчан или выступали против политики властей, преследующих армян. Такие люди были, и очевидцы геноцида не забыли их.

Политика турецких властей, направленная на уничтожение армянского населения, во всех вилайетах имела один и тот же почерк. Сначала арестовывали видных представителей армянского населения и, под видом того, что их якобы перевозят в другие местности, по дороге, в глуши, их убивали, затем очередь доходила до остальных мужчин, далее – до женщин и детей.

* * *

Публикуемые документы сборника сгруппированы по административно-территориальному принципу. Документы, содержащие данные, касающиеся нескольких населенных пунктов, помещены в начале раздела этой административно-территориальной единицы.

Археографическое оформление документов выполнено в соответствии с действующими правилами. Каждый документ имеет редакционный заголовок, указано место и дата его записывания. Даты и места, установленные составителями, приводятся в квадратных скобках.

В документах сохранены язык и стиль изложения, сделаны некоторые орфографические поправки, уточнены топонимы и имена. Если текст имеет смысловые пропуски, они восстановлены и даны в квадратных скобках. В легенде каждого документа указываются архивный шифр, подлинность документа, способ воспроизведения текста.

Научно-справочный аппарат сборника составляют: настоящее введение, примечания по тексту и содержанию документов, именной и географический указатели, список документов. При составлении примечаний использовалась как имеющаяся литература и различные словари, так и многочисленные архивные первоисточники.

О ПРАВОВОЙ ЗНАЧИМОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ МИССИИ ПО СБОРУ СВИДЕТЕЛЬСТВ ВЫЖИВШИХ ОЧЕВИДЦЕВ ГЕНОЦИДА АРМЯН

Работа по сбору, обобщению и систематизации свидетельств выживших очевидцев Геноцида, с юридической точки зрения имеет неопределимое значение для понимания полной картины фактологических обстоятельств Геноцида армян, отдельных эпизодов данного преступления, обоснования наличия специального геноцидного намерения (*dolus specialis*) полностью уничтожить армянский народ, выявления контекстуальных элементов Геноцида армян.

Подобные документы даже сегодня – в канун столетия Геноцида армян не потеряли свою правовую актуальность. Более того, можно с уверенностью утверждать, что современные тенденции, такие как: активизация процесса признания и осуждения Геноцида армян парламентами различных государств, непрерывные попытки принятия законопроектов, предусматривающих ответственность за отрицание Геноцида армян, удовлетворение судами разных стран правовых требований, связанных с Геноцидом (страховых, имущественных) и т. д. вновь возвращают проблематику Геноцида армян в юридическую плоскость. Несомненно, это обусловлено также определенными позитивными глобальными тенденциями, такими как процессы в Международном суде ООН, инициированные в соответствии с Конвенцией о предотвращении преступления геноцида и наказании за него, развитием системы международного уголовного правосудия и другими аналогичными начинаниями. В контексте вышесказанного большое значение приобретает выявление и систематизация юридических документов и других относящихся к геноциду материалов, имеющих доказательное значение. Отраженные в сборнике сведения представляют интерес в первую очередь в контексте более детальной аргументации фактологических аспектов Геноцида армян и привлечения к международно-правовой ответственности государства-правопродолжателя Османской империи.

Надо отметить, что отраженные в сборнике свидетельства одних очевидцев или жертв данного преступления созвучны показаниям других. Свидетельствующие, как правило, являются жертвами того или иного эпизода Геноцида, и, одновременно, очевидцами того, что происходило с другими.

Материалы, включенные в сборник, могут быть использованы для доказательства следующих фактов, имеющих юридическое значение для квалификации геноцида:

1. Наличие специального намерения (*dolus specialis*) полностью уничтожить армян как национальную и религиозную сообщество в Османской империи и сопредельных территориях.

2. Совершение следующих деяний для достижения указанного намерения:

а) убийство членов преследуемого сообщества;

б) причинение членам преследуемого сообщества серьезных телесных повреждений или морального ущерба, включая пытки, истязания, изнасилования, акты сексуального насилия, унижение и нечеловеческое отношение, включая насильственное принуждение к отречению от веры;

в) предумышленное создание для данной общности таких условий жизни, которые направлены на ее полное или частичное физическое уничтожение;

г) насильственная передача детей в другие человеческие сообщества.

2. Указанные действия осуществлялись в контексте явного проявления схожей линии поведения, направленной против преследуемого сообщества, или представляли собой такую линию поведения, которая сама по себе могла привести к уничтожению группы.

Кроме вышеуказанной информации, имеющей доказательное значение, обобщенные в сборнике свидетельства важны для выяснения числа погибших во время Геноцида армян в Западной Армении, в Османской империи и на сопредельных территориях, а также числа скончавшихся после него в результате полученных травм, ранений и иных увечий.

Представленные в сборнике документы, несомненно, представляют большой интерес для оценки и обобщения масштабов материального ущерба, причиненного армянам в результате Геноцида, поскольку в них отражены данные о средствах производства, экономических возможностях, учебных заведениях, церквях, других сооружениях, культурных ценностях, о поголовье скота, количестве и видах получаемого урожая в соответствующих населенных пунктах.

Необходимо отметить, что благодаря четкому перечню вопросов, разработанному членами миссии по сбору фактов, в сборнике получили свое отражение данные о материальных и финансовых средствах, полученных Османской империей от армянонаселенных областей в качестве военных сборов в начале Первой мировой войны или на ее кануне, что в свою очередь может служить дополнительным материалом для оценки объема экономического потенциала армянских населенных пунктов.

Документы, обобщенные в сборнике имеют также важное значение с точки зрения выяснения непосредственных исполнителей Геноцида армян. Вопрос, который во многих случаях остается вне поля зрения исследователей. Несомненно, в процессе Геноцида армян были задействованы десятки тысяч непосредственных исполнителей; личность многих из них даже невозможно установить. Поэтому, как правило, и с практической и с теоретической точки зрения, основное внимание бывает направлено на выявление организаторов и главных исполнителей Геноцида и привлечение их к ответственности. С этой точки зрения собранные в данном сборнике свидетельства, в которых упоминаются имена многих преступников, могут иметь серьезное юридическое значение для выяснения личности непосредственных исполнителей Геноцида армян хотя бы в тех местностях, откуда эти свидетельства были собраны, и тем самым сделать более полным список лиц, ответственных за него.

Следует отдельно отметить и то обстоятельство, что лица, собирающие данные свидетельства пытались работать в формате действительной миссии по сбору фактов или следственной комиссии, что повышает юридическую ценность этих свидетельств. Факты, указанные в этих записях, дошли до нас не в виде обрывочных воспоминаний, а в результате систематизированной работы, направленной на выявление, обобщение и анализ фактических обстоятельств Геноцида армян. Не случайно, что во многих свидетельствах специально выделено подзаглавие «резня». Анализ содержания документов позволяет сделать вывод, что собиратели фактов попытались выяснить численность армянского населения в исследуемых населенных пунктах, объем военных сборов, полученных с них во время войны, сведения о численности армян, призванных в Османскую армию, а также описать резню и последовавшие за ней события, обобщить данные о местах временного пристанища беженцев и т. д.

Кроме отмеченного, юридическая ценность, достоверность сведений, переданных очевидцами, увеличиваются с учетом того обстоятельства, что их сбор происходил непосредственно после событий. Эти сведения изложены либо самими, пережившими Геноцид, либо переизложены с их же слов. Материалы данного сборника представляют интерес также с точки зрения выяснения степени участия государственных органов, вооруженных сил и полиции Османской империи в Геноциде, а также отношений между центральной и местными властями Османской империи.

Документы могут иметь большое значение с точки зрения выявления контекстуального элемента Геноцида армян. Любое из свидетельств, помещенных в сборнике, само по себе может рассматриваться как сведение об отдельном законченном преступлении – убийствах, пытках, истязаниях,

причинении телесных повреждений, изнасилованиях и т. д. Однако все эти отдельные преступления представляют целостную картину одного, совершенного с единым намерением преступления, только в том случае, когда выявляется контекстуальный элемент Геноцида, суть которого заключается в том, что вышеуказанные деяния совершались в контексте явного проявления единой линии поведения, иначе говоря, были взаимосвязаны друг с другом.

С этой точки зрения ценность указанных свидетельств, действительно, очень высока, так как их анализ позволяет выявить явное проявление единой линии поведения по отношению к армянскому населению Османской империи и сопредельных территорий. Имеющиеся в документах зеркальные свидетельства, полученные из населенных пунктов различных вилайетов (бесчеловечное отношение к армянам, призванным в Османскую армию, использование данных переписи населения для выявления армян, вторжение в армянские села, уничтожение мужского населения, насильственное обращение в другую религию, насильственная передача женщин и детей в другие человеческие группы, обнажение жертв и т. д.) свидетельствуют о том, что лица, осуществляющие Геноцид армян в различных вилайетах Османской империи, действовали не отдельно друг от друга, не имея сведений о действиях других лиц, а согласованно осуществляли единое геноцидное намерение.

Конечно же, необходимо отметить, что доказательное значение различных документов, включенных в сборник не равнозначно. Во многих из них довольно подробно описываются события, указываются лица, совершившие преступления, упоминаются имена погибших или скончавшихся, другие же, напротив, носят отвлеченный характер, отрывочны, кратки. При юридической оценке этих свидетельств необходимо учитывать также возраст, гендерные особенности тех лиц, у которых они собраны, уровень их образованности, эмоциональное состояние как во время описываемых событий, так и во время сбора у них сведений.

Вновь обращаясь к доказательному значению материалов, представленных в сборнике, следует отметить, что обобщенные в нем документы не должны трактоваться в абстрактном, отрешенном виде. Они должны рассматриваться в общем контексте иных фактов и свидетельств, составляющих фактологическую основу Геноцида армян. При анализе указанных документов следует принимать в расчет по крайней мере следующие обстоятельства:

Во-первых, эти документы, как с географической, так и с хронологической точки зрения, относятся только к начальным эпизодам Геноцида и фактически включают сведения преимущественно из тех мест, которые во

время Первой мировой войны в 1915–1916 гг. находились под контролем русских войск, или в их непосредственной близости, и в основном свидетельства тех лиц, переживших Геноцид, которые в результате июльского отступления русской армии переселились на Южный Кавказ. Конечно, надо учитывать и то важное обстоятельство, что эти сведения были получены в тот отрезок времени, когда геноцидное намерение еще не было доведено до конца, и даже сборщики информации не могли четко представить истинный характер и масштаб трагедии.

Во-вторых, никто не ставит под сомнение то обстоятельство, что эти свидетельства сами по себе не могут доказать факты, связанные с теми или иными эпизодами Геноцида. Оценка доказательств должна осуществляться в совокупности доказательств, на основе их всестороннего, полного и объективного анализа. Следовательно, приводимые свидетельства должны дополняться подтверждающими их достоверность другими доказательствами, такими как, например, материалы официальной дипломатической переписки, официальные государственные документы, сведения из военных и иных архивов. Все эти материалы в совокупности должны быть всесторонне и объективно проанализированы.

С этой точки зрения, прежде чем подвергать сомнению достоверность и истинность этих документов, говоря, что они опосредованные, односторонние, отвлеченные и т. д., надо понимать, что они направлены на доказательство тех фактов, которые подтверждаются сведениями, уже полученными из многочисленных иных источников.

Необходимо отметить, что после осознания того факта, что планируется преднамеренное уничтожение армянского населения, в некоторых районах Западной Армении и Киликии местным армянским населением были приняты необходимые меры самообороны.

Касаясь случаев самообороны, упоминающихся в свидетельствах, следует отметить, что они не могут стать поводом для обоснования того заведомо ложного утверждения, что армяне якобы стали жертвой «гражданской войны». Обращаясь к вышеназванным возможным «аргументам», необходимо также уяснить, что факт гражданской войны (если допустить его истинность) сам по себе не может являться отрицанием самого факта Геноцида. Ярким свидетельством этого являются события в Руанде в 1994 г., когда параллельно с вооруженным конфликтом немеждународного характера, осуществлялся геноцид. Иначе говоря, даже теоретическая возможность ссылки на гражданскую войну как таковую не исключает факт совершения геноцида. В случае же Геноцида армян вообще не может идти речи о гражданской войне. Что же касается случаев самообороны, то надо отметить, что их факт тоже никоим образом не может затмить факт Геноцида.

да по той простой причине, что оказание сопротивления преступникам, попытки защитить собственную жизнь или жизнь близких, даже организация самообороны или восстания не может стать основанием для переквалификации состава преступления геноцида в какое-либо иное деяние, предусматривающее или не предусматривающее наказания. Примеры подобной самообороны наблюдались во время практически всех случаев геноцида, когда в районах компактного проживания представителей преследуемой группой вспыхивали восстания или имели место акты самообороны. Даже во время Холокоста имели место различные эпизоды самообороны, самым известным из которых, пожалуй, является Восстание в варшавском гетто, длившееся с 19 апреля по 16 мая 1943 г. и жестоко подавленное со стороны нацистов. Поэтому эпизоды самообороны, имевшие место во время Геноцида армян, о которых довольно часто упоминается в материалах данного сборника, не могут никоим образом затмить факт Геноцида. Напротив, наличие подобных эпизодов может быть одним из важных свидетельств преследования армянского населения.

Подводя итог вышесказанному, можем с уверенностью утверждать, что обобщенные в этом сборнике свидетельства содержат колоссальный исследовательский материал. Наряду с большим историко-политическим значением, эти свидетельства представляют исключительный интерес для лиц, проводящих правовые исследования. Они позволяют более четко определить элементы объективной стороны состава преступления в различных эпизодах Геноцида армян и выявить специальное намерение совершения Геноцида, установленные в Статье II «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него», принятой Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года.

Владимир Варданян,
кандидат юридических наук,
эксперт по международному праву

ДОКУМЕНТЫ

ВАНСКИЙ ВИЛАЙЕТ ВАНСКИЙ САНДЖАК

№ 1

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО ГАРЕГИНА ГЕВОРКЯНА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ АВЕРАК ТИМАРСКОГО НАХИЕ ВАНСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА

21 августа 1916 г.
Игдир.

Рассказ жителя села Аверак Тимарского нахией¹ Гарегина Геворкяна (45 лет): Аверак состоял из 182 дворов с населением 1150 человек, в селе имелись церковь²⁰ Св. Степаноса, новопостроенная школа, 1 600 голов овец, 1500 голов скота. Годовая прибыль села составляла 6400 мер² пшеницы и 10 000 снопов сена. Часть села была сожжена.

Во время войсковой мобилизации 20 июля 1914 года из Аверака увели в солдаты всех мужчин от 20 до 45 лет. Если военнообязанный не прибывал в положенное время, полицейские сжигали его дом, не разрешая выносить что-либо из дома. Например, полицейский Махмад Кафо из Вана сжег дом Гарегина Егизаряна, дом Сианоса Маркосяна и др. Во время мобилизации из Аверака принудительно забрали (тот же Махмад Кафо) 250 мер пшеницы, 200 мер ячменя, 4 литра³ топленого масла, 8 мер пшена, 80 овец, 30 коров, 200 пар шерстяных носков. Полицейские принудительно взыскали с Аверака 25 османских лир. Карапет Арутунян уплатил «бетел»⁴ в размере 41 осм. лиры и отдал один киле⁵ пшеницы вышеназванному Махмаду за освобождение от воинской обязанности и т.д.

7 апреля 1915 года 2000 курдов и солдат регулярной армии во главе с Махмад беком из Вана, кёприкойцем⁶ Ага беком, Сиа беком из Вана (сыном Кямил бея) и Ариф беком (тркашенцем), с тремя пушками, вооруженные казенными винтовками «маузером» («кючюкчап»), напали на Аверак (на

²⁰ В церкви хранились два древних рукописных Евангелия, первое называлось «Воскепорик Аветаран», второе – «Тагавор (Царский) Аветаран». В церкви хранились также два золотых креста, 40 серебряных крестов, два серебряных кимвала, два серебряных опахала, две серебряных чаши, два серебряных кадила и др.

рассвете). Вооруженная сельская молодежь противостояла им весь день, а с наступлением темноты вместе со всем народом отступила в Ван. Во время этого боя были убиты 50 аверакцев.

18 июля 1915 года аверакцы вместе с населением Вана вынужденно переселились на Кавказ. В ущелье Беркри на них напали курды, погибли 4 человека. А во время переселения умерло 400 человек.

В настоящее время аверакцы живут в окрестных селах Эривани. Двадцать аверакцев вернулись на родину.

Записал Гарегин М. Неркарарян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 426, л. 10, подлинник, рукопись.

№ 2

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВЫЖИВШИХ ОГАНЕСА ЖАМКОЧЯНА И ПЕТРОСА МАНУКЯНА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ КУРУБАШ ВАН-ТОСПСКОГО НАХИЕ ВАНСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА

19 августа 1916 г.
Халфалу.

Рассказы Оганеса Жамкочяна и Петроса Манукяна, крестьян из Курубаша (пригорода Вана), очевидцев резни.

Курубаш состоял из 120 дворов с населением 880 человек, в селе имелись церковь (Св. Степаноса), школа, 12 водяных мельниц, маслодавильня, 1500 голов овец, 1000 голов скотины. Годовая прибыль села насчитывала пшеницы, винограда, сена и др. на 6400 осм. лир. В церкви хранились древнее рукописное Евангелие и драгоценные сосуды, серебряные кресты, одежды и др. стоимостью более 2000 осм. лир.

Большая часть села была сожжена. Были сожжены церковь, школа, водяные мельницы и маслодавильня.

20 июля 1914 года из Курубаша были уведены в солдаты все мужчины от 21 до 45 лет. Если военнообязанный не прибывал по вызову, полицейские сжигали его дом; его движимое и недвижимое имущество забирали в пользу государства, насиловали его жену. Например, полицейские Палахасан (из Харберда) и Кел Мехмед (из Вана) изнасиловали Маргарит, жену Гаспара Егояна, и наказали «фалакой»⁷ старосту села Григора Агваняна и Оганеса Гьюсяна (одного из помощников старосты).

Во время военной мобилизации из Курубаша принудительно забрали 40 волов, 16 телег, 400 мер пшеницы и ячменя, 5000 снопов сена, 60 000 окка⁸ жнивья, 8 литров топленого масла, 100 голов овец, 180 пар шерстяных носков, 60 топоров, 60 пар мешков. Из села забрали также 70 осм. лир якобы в уплату «хань»⁹.

Начиная с февраля 1915 года администрация Вана разместила вокруг Курубаша три патрульных отряда, каждый по сто человек. Эти патрули 3–4 апреля напали на Курубаш и, не обнаружив мужчин в деревне, сожгли церковь и школу, а утром следующего дня 350 курдов во главе с Лезкином напали на село и учинили неслыханные зверства, насиловали женщин и затем убивали их. В полях Курубаша был убит человек по имени Амбарцум из Возма, ему выдернули ногти, выкололи глаза, отрезали мужской орган и положили ему в рот.

В Курубаше было убито 20 человек.

Примечание: Мужчины Курубаша перед войной убежали в Вараг, где присоединились к местным отрядам самообороны.

Население Курубаша покинуло село 18 июля 1915 года и переселилось на Кавказ. Около Беркри на них напали курды, погибли десять курубашских мужчин. Также были потеряны все овцы и скот и вся собственность, которая у них была с собой. Во время переселения погибли 300 курубашцев.

Записал Г. М. Неркарарян.

НАА, ф.227, оп. 1, д. 423, л. 26 и об., подлинник, рукопись.

№ 3

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ МАКРУИ МЕЛКОНЯН О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ПАХЕЗИК ВАН-ТОСПСКОГО НАХИЕ ВАНСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА

[1916 г.]
Баку.

Я, Макруи Геворкян-Мелконян, жительница арчакского села Пахезик Ванской губернии, 33 лет, сейчас живу в доме №¹⁰ ул. 10-ая Нагорная Армянского села [вблизи] Баку, мне помогает Комитет беженцев.

На родине я жила в нашем доме, в котором жили 12 человек, в настоящее время остались я, мой муж Геворк, мой деверь Мисак, его жена Гаяне, его дочь Србуи, мой другой деверь Седрак и мой свекр Мелкон, всего 7 человек.

Убиты мои сыновья Казар, Грант и моя свекровь Искуи, всего три человека, у меня отняли мою дочь Наник, умерла моя золовка Айкануш.

Во время мобилизации 1914 года из нашего села, как и из остальных сел, также забирали в солдаты силой и побоями. Каждый день к нам навевались полицейские с новыми требованиями. Оламу¹¹ и податям не было конца, поборы стали обычным делом: забирали пшеницу, ячмень, сено, овец, топленое масло, сыр, шерстяные носки, тягловых и вьючных животных. Так как [армия] нуждалась в этих [продуктах и вещах], то требования все увеличивались. Мы, как и остальные крестьяне, терпели все это до начала апреля 1915 года. Каймакам Сарая, вырезав села Арчак и Хараконис, перешел к резне сел Кэзджа и Набат; выжившие в этой резне убежали в нашу деревню. Узнав и услышав обо всем об этом, мы также решили бежать в Ван, и объединившись с ними, двинулись в сторону Вана. Дошли до села Шушанц и остались там. Наши мужчины поднялись в горы, вступив в отряды Тороса и Ширина, а мы 8 дней оставались в селе. На рассвете 9-го дня турецкое войско и милли захватили монастырь Варага и окружили село Шушанц. Все женщины и дети убежали на гору Шушанц, а мужчины оборонялись. Вечером после наступления темноты воюющие отступили к Айгестану, а мы ночью спрятались в расселинах и в скалах горы, пока не наступило утро. На рассвете эта чернь¹² поднялась на гору и напала на нас – вырезали всех взрослых мужчин, женщин и детей. В это время я, моя свекровь, мои сыновья Казар и Грант и моя дочь Наник прятались за одним камнем. Курды заметили и напали на нас, мы попытались убежать, но они опередили нас и, не говоря ни слова, расстреляли мою свекровь и затем схватили меня, отобрали у меня Казара и изрезали его кинжалами (плачет, не может рассказывать), а Гранта выхватили из моих рук и ударили о камень, разбив ему голову, дочь мою Наник отобрали у меня, и не знаю, что с ней после было. А меня схватили и по похоти своей... (плачет), после истязаний отвели меня к другим женщинам, раздели нас, и оставив на нас только исподнее белье, били и истязали нас до вечера; вечером протрубили полицейские, и турки ушли, оставив нас, а мы, голые, окровавленные и с плачущими сердцами ночью направились в Айгестан, где продолжался бой. В Ване мы нашли наших мужчин, которые ушли в Ван с Ширином и Торосом. Оставались в Айгестане около трех недель. Турки убежали, и ванские храбрецы стали победителями. После мы вернулись в наше село.

Мы вынужденно переселились во время июльского отступления 1915 года и добрались в Эчмиадзина, где умерла моя золовка Айкануш, а мы переселились в Баку и в настоящее время живем в Армянском селе.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 469, л. 20–21, подлинник, рукопись.

№ 4

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ ВОСКЕХАТ АЗОЯН О РЕЗНЕ В СЕЛЕ АРЧАК АРЧАКСКОГО НАХИЕ ВАНСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА

1916 г.
Баку.

Я, крестьянка из села Арчак Ванского санджака, Воскехат Азоян, 50 лет, в настоящее время живу в Армянском селе вблизи Баку, мне помогает Комитет беженцев.

На родине я жила в своем собственном доме, наша семья состояла из 13 человек, в настоящее время живы 12 человек, один умер в Баку.

Все изменилось во время войсковой мобилизации. Многолетние армяно-курдские отношения стали враждебными, дальновидные люди усматривали призрак грядущего несчастья – ведь и Армения должна была стать ареной войны.

Война уже началась, турки спешно переправляли войска на границу, при смене войск в Котол гяле¹³ несомненно должны были бы распределить их в Арчаке. Так как в волости не было казенных гарнизонов, правительство постоянно требовало от нас предоставлять им дома [для постоя]. Больно было видеть, как зимой посреди ночи детей переправляли из дома в дом, так как что в их домах должны были расположиться полицейские и войска.

В ноябре 1914 года я отправила свою сноху с ее двумя детьми, своих дочерей Егине, Сенеке, Берсабе, Мариам и сына своего Арменака в Ван, так как в селе стало опасно. Мы по опыту своему знали, что в таких обстоятельствах в селах опаснее.

В селе остались я, мой муж Арутюн и мой сын Айкак, мы не могли уйти все вместе, так как правительство заметило бы. Осенью, когда армия Андраника отошла от линии Сарая, и Халил бей продвинулся вперед по линии Возма, турецкое правительство озверело. Армянские солдаты бежали из армии, так как у них отняли оружие.

Весной 1915 года ситуация ухудшилась, возвращающихся армянских солдат убивали, мюдир¹⁴ села негласно давал понять сельчанам, чтобы те вывели из села своих жен и детей, насколько это возможно. Многие послушались и за несколько дней до этих событий отправили своих детей в Ван.

Везде угадывалось решение об истреблении армян: в Ване еще ничего не произошло, а каймакам Сарая (не знаю имени) 5 апреля явился в наше село со своими отрядами и, как обычно, расположился в селе без каких-либо подозрительных движений. Остановившись ночью в селе, он уехал в

неизвестном направлении, так что оставшиеся в селе посчитали, что опасность миновала, но... ночью они ворвались в соседнее с нами армянское село Мандан (это село Мандан находится на расстоянии 7–8 верст к северу от Арчака), и в ночной тиши вырезали всех, даже женщин и детей не пожалели.

Вот еще факт, который подтверждает, что турки искажают факты, стремясь доказать европейским странам, что «причиной резни было восстание». Ведь до этого Ван еще не перешел к самообороне, переполох Ванской самообороны начался 7 апреля, а каймакам Сарая свел свои счета с Манданом на рассвете 6-го числа.

В тот же день он вернулся в наше село в 4 часа вечера. Начался страшный переполох, и поднялся большой шум. Я выскочила оттуда, где находилась, с непокрытой головой, и что я вижу: село окружено, оставшиеся мужчины безумно мечутся под лавиной пуль, бегут в эту сторону, в ту сторону, пытаются спастись, но тщетно... Изверг надежно захлопнул западню, покрыв землю человеческими трупами – солнце было не в состоянии осушить кровь последних жертв. Каймакам с окровавленными сапогами, гордясь своим отрядом и завершив свои дела с помощью курдских гамидие, перешел в Хараконис, чтобы учинить там то же самое, что он совершил в Арчаке и Мандане. Хараконис был окружен, чтобы в ту же ночь в 7 часов начать резню, но их судьба была во власти винтовок... и их планы не были осуществлены...

Все это пусть рассказывает кто другой, а я расскажу то, что я видела своими глазами: на страницах истории мира историки пусть отметят события тех кровавых дней, которые видели мы – живые мертвецы.

Как птицы, лишившиеся гнезда, скитались мы в селе и не могли найти друг друга; оттуда нас отправили в дом Каро из Вана под надзором милли. Никто не может хладнокровно описать прошедшие события со всей точностью... Отнимали у матерей детей от 3 до 10 лет, чтобы отвести их на бойню, и таким образом отобрали 25–30 детей, и сколько, сколько матерей было расстреляно, матерей, которые не захотели расстаться со своими возлюбленными детьми.

Слезы плача и стенаний матерей не могли смягчить сердца этих зверей, изнасилования... простое слово и часто употребляемое... не хочу вводить это слово в свой рассказ, потому что очень много слышали об этом люди, но не смогли стереть османское государство с карты; та добросовестная Европа, которая не хочет слышать это слово и напрасно увещевает бесстыжее турецкое правительство не совершать злодеяний, но это государство нужно уничтожить.

И сколько, сколько невинных жертв увели. Молитвы были бессильны, сам Бог убежал из нашего села, несомненно ушел с Андраником... потому

что у него были куски горячей стали, и, народ мой армянский, знай, что там, где сталь, там и есть всемогущий Бог.

Наши страдания продлились 25 дней – голодные, без еды и питья, питались мы одной поджаренной пшеницей. Когда нас отправили в Ван, мы были похожи на скелеты, и в Ване мы нашли остальных членов нашей семьи. Во время общего переселения мы перебрались в Баку, где умерла моя дочь Мариам. Остальные живы, получаем пособие от Комитета беженцев.

Вместо моей матери [подписываюсь] С. Арутюнян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 437, л. 24 об. – 26 об., подлинник, рукопись.

№ 5

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ АСЛИК КАЗАРЯН О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ДАГВЕРАН ВАНСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА

1916 год
Баку.

Я, жительница села Дагверан Арчакской волости Ванского уезда Аслик Казарян, 30 лет, в настоящее время проживаю по адресу: дом № 12 ул. 12-ая Нагорная Армянского села [вблизи] Баку, мне помогает Комитет беженцев.

На родине я жила в нашем доме, семья наша состояла из 8-и человек, в настоящее время в живых остались только я и жена моего деверя.

Убиты мой муж Манук, мои деверья Сион, Айро и свекр Ато. Умерли моя дочь Сона и дочь моего деверя Пайцар.

Во время войсковой мобилизации турки пришли и в наше село, собрали молодежь села и увели в армию. Из нашей семьи увели моего мужа Манука и деверья Сиона. После этого каждый раз, когда турки заявлялись в село, забирали у нас желтые деньги¹⁵, затем стали забирать пшеницу, ячмень, сено, тягловых животных, волов, сыр и другие нужные им вещи. В конце осени, во время разоружения армян, когда армяне начали сбегать из армии, в те же дни убежали мой супруг Манук и деверь Сион. Несколько дней они оставались в Ване, затем вернулись в село и жили как беженцы – то в селе, то в городе. Зимой турецкий олам стал невыносимым: они приходили и забирали из села сено, жнивье, пшеницу, муку и все остальное, в чем нуждались; взваливали все это на спины мужчин и женщин и отправляли их в Арчак или в Сарай. Неделями использовали людей как вьючных животных.

В начале апреля 1915 года во время резни, учиненной каймакамом Сарая в Арчаке, курды Рахмена²¹, объединившись с курдами других нескольких сел, напали на наше село и всех мужчин села убили пулями и кинжалами. В тот же день несколькими выстрелами в нашем доме были убиты мой свекр Ато и мой деверь Айро. Мой муж Манук и мой деверь Сион убежали в горы, но курды их также нашли и убили – мы видели их трупы около села. После того, как убили всех мужчин, собрали нас в доме нашего односельчанина Казара, и ограбили, оставив на нас только исподнее белье, после выбрали из нас красивых – более 20 женщин – и увели, выпустили 3–4 женщин через несколько часов. Те, кто остался с нами – насильники – сотворили с нами всякие зверства: этой напасти не избежала ни одна из нас, даже я и жена моего деверя не избежали.

Нас продержали в селе целый день, после чего отправили в Хараконис. Там мы встретили плененных там женщин, с которыми на следующий день с невыносимыми тяготами и потерями дошли до Арчака, после чего я тоже претерпела все те лишения и страдания, которые приключились с ними (как оставались в Арчаке, о перенесенных лишениях до того, как дошли до Вана, рассказывает то же самое, что рассказывает хараконисска N 1¹⁶, так как она тоже была с ними).

В Ване мы пробыли две недели, а во время майского освобождения, вернулись в наше село, где умерли моя дочь Сона и дочь моего деверя Пайцар.

Покинули мы свое село во время июльского отступления и переселились в Баку.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 469, л. 18–19, подлинник, рукопись.

№ 6

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ САТЕНИК ПАРУНАКЯН О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ХАРАКОНИС АРЧАКСКОГО НАХИЕ ВАНСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА

1916 г.

Баку.

Я, Сатеник Парунакян из Харакониса, 30 лет, в настоящее время живу в Армянском селе, по адресу ул. 12-я Нагорная N 20, мне помогает Комитет беженцев.

²¹ Рахмен – курдское село, на расстоянии двух часов от нашего села - Дагверана.

Наша семья состояла из десяти человек: я, мой муж Аршак, мои свекровь и свекр, деверья Карапет и Атом, жена деверя Рипсимэ, мои трое детей – Варсеник 6-ти лет, Агавард – 3-х лет и новорожденный Вардануш. В живых остались только 6 человек.

Наше село состояло из 300 дворов, все – армяне. После объявления войны притеснения курдов усилились: они отнимали наше имущество, мы возвращались домой днем, чтобы в темное время суток не оставаться в поле. Правительство забирало в «амалию»¹⁷ по одному человеку и по одному волу с каждого двора. Эти работы длились 3–4 дня, после чего они возвращались обратно, но никого из них не убивали. Самые большие тяготы мы понесли во время набора аскяров (солдат). Моего мужа и моего деверя увели в аскяры, а другого деверя увели в «амалию» и держали его при себе постоянно, но когда прошло 4 месяца, все трое убежали и вернулись.

Когда [русские] захватили Сарай, мой муж и мой деверь впервые участвовали в сражении и убежали после Сарайской битвы.

В день Зеленого Воскресенья¹⁸ после Пасхи, когда каймакам окружил Арчак, наше село окружили курды. Все мужчины Арчака сбежали в наше село, и рассказали, что [в Арчаке] убили священника и всех молодых людей. Мужчины нашего села, опасаясь, что и нас вырежут, собрались и решили не впускать турок и курдов в село и подготовились к обороне. Все мужчины, у которых было оружие, вышли на посты, укрепились по четырем сторонам села, а женщин и детей собрали в церкви. До того в наше село сбежали арчакцы, манданцы и дагверанцы, к тому же два месяца уже жили у нас беженцы из села Азар: их село было разграблено и уничтожено еще два месяца назад. 100–150 наших людей были вооружены пистолетами и винтовками, их возглавил Ширин Егиазарян. Все наши сельчане подчинялись ему, потому что он был «комитетчик»¹⁹.

Расположение нашего села было удачным: с одной стороны лежало Арчакское озеро, с другой стороны – Джаник²⁰, и была всего одна дорога, по которой могли подойти к нашему селу, и на этой дороге заняли позиции наши односельчане. Вечером следующего дня курды еще больше приблизились к нашему селу, и с первым лучом солнца напали на наше село. Бой продлился целый день, вечером курды удалились. Наши собрались ночью и устроили совещание: долго обороняться мы не могли, на следующее утро курды должны были вернуться с большими силами, и сражаться стало бы намного тяжелее. Учитывая все это, мы решили оставить село и уйти в Ван через Кзлджа. Все молодые и сражающиеся, взяв с собой тех членов своих семей, кого смогли, отправились ночью в Ван, а беспомощные остались в селе.

В этот день в бою были убиты всего два человека – Сахо из Мадана и Какос из Харакониса, а курды, говорили, понесли много жертв.

На следующий день курды вновь окружили село и открыли по нему огонь. Когда из села ответа не последовало, они медленно подошли к нашим постам, затем – к селу и, наконец, вошли в него, убивая оказавшихся на их пути мужчин. Мы уже вышли из церкви и вошли в дом Оганеса, сына Базо. Мужчин среди нас было мало, и все они были стариками, остальные же были женщины и дети. Мы вошли в дом Оганеса, а мужчины – в хлев и заперли дверь, и староста Гиро (Грикор) оставался с нами. Этот староста и Оганес, сын Базо, не сбежали из Харакониса, потому что надеялись, что их спасет курд Али бек, их знакомый, который был агой²¹ Мзра, и однажды спас их во время резни 1895 года. Оганес, сын Базо, со своими дочерьми и пятью сыновьями отправился за Али беком, чтобы привести его в село, но в поле на них напали, и убили и его, и всех 11 человек, что с ним были. Когда курды напали на село, они пришли к дому, где мы прятались и пытались открыть дверь, уговаривая нас из-за двери, мол, не бойтесь, открывайте, мы мужчин ищем. Мы не открыли дверь, но они ее сломали и ворвались внутрь. Огромная группа вооруженных курдов ворвалась во двор и стала искать мужчин, два раза обыскали, не нашли, на третий раз обнаружили старосту Грикора, поволокли его и убили его в нашем присутствии. Его раздели полностью и похоронили в одной рубашке. После убийства старосты обыскали село в очередной раз. В хлеву обнаружили и вывели 5 мужчин и убили их на наших глазах. Вновь обыскали хлев, и на этот раз вывели 15-летнего Мко, сына Казара; он стал умолять не убивать его и обещал деньги за это. Когда курды потребовали деньги, он сказал, что деньги находятся у матери, а его мать умоляла нас: «Ради Бога, не говорите, что я его мать». Курды спросили нас, кто его мать, мы ответили, что у него нет матери. На наших глазах и его зарубили саблей.

Нам удалось спрятать одного парня, Назара из села Азар. Мы надели на него женскую одежду и дали в руки ребенка, вроде это ее ребенок. Этот Назар оставался с нами все время, невредимым добрался до Вана и погиб во время Ванского сражения.

В этот день курды нас, женщин, не тронули – они были заняты грабежом. На следующий день нас и собравшихся в других домах женщин собрали и отвели в дом священника. Вся дорога была усеяна трупами мужчин и детей. Среди нас не было ни одного мужчины. Они обыскивали нас и если находили мужчин, забирали и убивали. Даже детей не жалели: если им в руки попадался ребенок мужского пола, они его убивали сразу же без всякой жалости. У нас мальчики на голове носили прядку, так курды стали осматривать головы детей: если находили прядку на голове ребенка, то сразу же отнимали его у нас и убивали. Мы стали зубами вырывать прядки детей (ножниц не было у нас). Несколько раз осмотрели головы моих детей и, к

счастью, не догадались, что они мальчики, и они спаслись таким образом. Мы несколько дней оставались в доме священника, у нас не было ни хлеба, ни другой еды, из колодца набирали воду и ею кормили наших детей. Многие дети так и умерли от голода. За эти 4–5 дней вытерпели мы всякие мучения: курды приходили когда им заблагорассудится, отбирали наше золото и серебро, обыскивали нас, отбирали все, что находили, снимали с нас понравившуюся им одежду, выбирали из нас красивых девушек и невесток и уводили, отправляя их назад утром, а 4–5 женщин совсем увели. В один из дней собрали всех нас, вновь обобрали до последней нитки и с раннего утра отправили в Арчак. Мы шли, окруженные ими со всех сторон, и они избивали тех, кто отставал. Когда мы дошли до реки Арчака, всех нас вогнали в реку и заставляли переходить ее. Река была быстроходной, и мы не могли ее одолеть, но они принуждали нас. Когда мы переходили через реку, со мною рядом была моя свекровь, но ее унесла река. В руках у меня были мои малые дети, и, держась за мой подол, переходила моя старшая дочь Варсеник, которую тоже унесла река. В этот день в реке утонуло много женщин и детей, и берега со всех сторон были покрыты трупами, либо воды реки несли трупы.

Жена нашего соседа Антарам переводила троих своих детей через реку, один из детей стал тонуть и ухватился за мать. Положение было невыносимым: обезумевшая мать, чтобы спасти остальных детей, своими руками вливала воду в рот тонувшей дочери, чтобы та утонула, и она могла бы спасти оставшихся двух детей.

День был холодным, вода – ледяной, все мы замерзли. Еле-еле, замерзшие и посиневшие, вышли на другой берег. Мои дети промокли, а я не могла согреть их. Агавард умер по дороге, в моих руках, похоронила его у дороги. Дошла до Арчака, сберегши всего одного ребенка. Нас всех курды знали [в лицо]. Когда мы дошли до Арчака, с нами была и семья Ширина. Отобрали у матери сына 8–9 лет, допросили его, через два часа увели от нас мать ребенка, младшего брата и сестер – 5 человек, и всех безжалостно зарезали и сбросили в колодец. Мы оставались в Арчаке около одного месяца. Мюдир в качестве тайина (дневного пайка) давал нам в день одно ячменное соми (круглый хлеб весом около одного фунта), этим и жили. Каждую ночь с факелами окружали нас и выбирали красивых, забирали к себе и отпускали днем. Мюдир очень старался, чтобы нас таким образом не притесняли: он приставил к нам стражей, чтобы никому не позволить подходить к нам, но не удавалось, [курды и турки] всегда приходили, не обращая внимания на этих стражей. Так обращались с нами целый месяц: не осталось ни одного человека, которого бы турки не увели. Уводящие были аскияри и солдаты гамидие. Много детей осталось под копытами их лошадей во время

этих ночных нашествий, и не осталось в живых почти ни одного ребенка мужского пола. Место наше было ужасным: под открытым небом, в грязи и нечистотах мы спали и справляли наши нужды, и так – целый месяц. Через месяц нас окружили и отвели в город – Ван. Мюдир написал письмо, чтобы нас отвели и передали хюкюмдару²². Дорога была длинной, и мы не могли идти: больные, голодные, многие из нас падали на землю обессиленными и не могли продолжать путь. Сопровождающие нас милли избивали таких, многих убивали и оставляли трупы на дороге. Таким образом до Вана мы понесли много потерь. Когда мы подходили к Вану, армяне сражались с турками: мы оказались между двух огней. Турки больше нас не сопровождали, оставили нас, чтобы мы вошли в армянскую часть. Мы дошли уже до глухих улиц, когда армяне узнали нас и впустили в город.

Когда мы шли в Ван, турки забрали у нас двух женщин, но им через несколько дней удалось сбежать и прийти в Ван, но они долго не прожили, через несколько дней умерли в Ване.

В Ване я нашла своих [домочадцев]. Когда началось переселение, мы убежали в Тифлис. Когда добрались [до Тифлиса], умерла моя старшая свекровь. В настоящее время все оставшиеся живы.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 469, л. 22–26 об., подлинник, рукопись.

№ 7

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО ПОГОСА АВETИСЯНА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ СЕВАН АРЧАКСКОГО НАХИЕ ВАНСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА

12 августа
Каравансарай.

Ван – Арчак – село Севан.

Прежнее состояние: 70 дворов армян, 45 дворов курдов; летом 1914 года у армян имелись 2000 голов овец и 1000 голов другой скотины, все было отобрано курдами весной 1915. Здание церкви было древним и архитектурным, а также имелась школа.

Войсковая мобилизация. Вначале через полицейских отправляли списки фамилий тех, кого должны были забрать в солдаты. Полицейские же оставались в селе день за днем и вели себя разнузданно, входили в дома под разными предлогами и даже задевали женщин. Если военнообязанного не

было на месте, они становились более чем разнузданными. Целыми днями за счет крестьян устраивали пиры и кутежи, а если не находили того, чего хотели, то избивали и истязали их.

В конце мобилизации уже не требовали законных документов, а врывались в села и забирали всех, кто попадался на глаза, невзирая на возраст.

Насильственные поборы. Из села забрали очень много жнивья, сена, топлива, ячменя, пшеницы, шерстяных носков, шерстяных рукавиц, овец, масла топленого, пшена – все без оплаты, взамен давали заемную бумагу. Крестьянин был обязан все эти продукты переправлять на своих же тягловых животных, а если таковых у него не было, то на собственной спине и на расстояния, которые требовали нескольких дней пути. В этих случаях также имели место побои, истязания и порицания всякого рода; часто, не находя мужчин для этих дел, заставляли женщин выполнять эту тяжелую работу. Во время этих работ турки выражали ненависть к армянам, бранили их, говоря, что они хотят дружить с русскими, что у них есть припрятанное оружие, что они хотят царства²³...

Резня. После объявления войны уже чувствовалось приближение катастрофы. Отношение турок и курдов к армянам резко изменилось, чувствовались необузданность и ненависть. Турки готовились [к резне] на наших глазах. Из Вана телегами вывозилось оружие и раздавалось мусульманам. Правительство само щедро раздавало боеприпасы курдам и туркам.

Резня началась одновременно с апрельским сражением в Ване: погромщиками стали курды-односельчане, которых возглавил Рспи Сало и Хашо, его слуга. Погром начался с разрешения Джевдет бей – губернатора Вана. Абдул Рахман, один из турок Вана, сын Хамад агы, владеющий поместьями, овцами и скотом в Севане, сыграл крупную роль в организации погрома.

Тот, кто рассказывал о резне, сам испытал на себе все, что там произошло. Вот что он рассказывает:

«Однажды курды-односельчане нас уговорили пойти с нами в город, взяв с собой продуктов и «тезгереси Гамидие» (свидетельства для совершеннолетних), якобы так приказал Джевдет-бей. Часть крестьян, догадываясь о замыслах курдов, смогла сразу же спрятаться в амбарах и погребах, но нас, 74 человека, они смогли уговорить, и мы вышли из села, окруженные курдами. В пути курды не выказали ничего враждебного, наоборот, притворились друзьями, угощали папиросами и всячески старались обнадеежить нас.

Когда мы удалились от села на 2–3 версты, в местечке под названием Пинкоц цар, в ущелье, вдруг они изменили свое отношение, стали ругаться

с нами и разделившись на две-три части, окружили нас и стали собирать нас в группы. Одна часть встала на дорогу, ведущую в Ван, и, окружив нас с трех сторон, выстрелила залпом. Армяне посыпались друг на друга, как орехи с дерева. После первого же залпа я бросился бежать из группы сидящих, одежда моя сгорела во многих местах, но, слава Богу, меня не ранило. Дойдя до камня из белого известняка, я бросился за камень. Другие тоже пытались бежать, но курды, погнавшись за ними, поймали и убили, а меня не заметили и прошли мимо. Скрючившись под камнем, я ждал, что они сейчас придут, припав к земле лицом, думал, что если будут убивать, пусть убьют со спины, чтобы я не видел. Но они меня не заметили. Всех убили, кроме старосты, которого вновь отвели в деревню. После наступления темноты я убежал в горы.

Курды, забрав с собой старосту, вновь вернулись в село. Старосту изрезали ножами, выкололи ему глаза и опрокинув на голову, поставили его в центре села ногами вверх, к стене. После разбрелись по селу и, обыскивая, выводили спрятавшихся мужчин и убивали на месте, затем собрали мальчиков 10, 12 и 15 лет – человек двадцать, вывели за село и зарезали одного за другим. Во время пыток один из детей утешал своих товарищей, говоря им, что «умираем за веру и за родину нашу».

Собрали красивых женщин и девушек, отделили их и заперли в одном доме, а остальных отправили в Ван. Похищенных женщин было двадцать человек, и о них до сих пор ничего не известно.

Это были: 1) Цовик, сестра старосты Карапета, жена Атанеса, сына Ханеса, 30 лет, 2) Гаро, жена Самвела, сына Ханеса, 35 лет, 3) очень красивая дочь Цовик 20 лет, с нею были и ее две младшие сестры, 4) Вардуи, дочь Хачатура Асрояна, 25 лет, 5) Сирун, жена Папина Шарурца.

Отправленные в Ван женщины, подвергаясь по дороге истязаниям со стороны курдов и турок, бросали своих детей в воду.

Село стало жертвой хитрости и не оборонялось. Поля безжалостно и беспрепятственно были уничтожены. По отношению к женщинам учинялись всякие зверства, даже заставляли их полностью обнажаться и ходить перед ними обнаженными.

Имена жертв арчакского села Севан Ванской казы, насколько это было возможно²⁴.

Сообщил житель села Севан и очевидец Погос Аветисян.
Записал Сурен Мелоян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 433, л. 1–5, подлинник, рукопись.

№ 8

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВЫЖИВШИХ СВЯЩЕННИКА ГЕВОНДА САРУХАНИЯ И ЕГО ЖЕНЫ О РЕЗНЕ АРМЯНСКИХ СЕЛ ТИМАРСКОГО НАХИЕ ВАНСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА

21 сентября 1916 г.
Дилижан.

Ван-Тимар.

Села, вырезанные во время апрельских сражений Вана в 1915 году: Аспарацин (Тирамер ванк – букв. монастырь Богородицы) – 60 дворов, Дарабек – 70 дворов, Джаник – 120 дворов, церковь, школа, Сосрат – 65 дворов, из которых 35 – армянских, церковь, школа, Алюр – 400 дворов, две церкви и школа, Мармет – 120 дворов, церковь и школа, Джирашен – 50 дворов, церковь и школа, Адыгезал – 40 дворов, церковь и школа, Кюсненц – 130 дворов, церковь и школа, Кёчани – 100 дворов, церковь и школа, Гёллу – 80 дворов, из которых 20 – армянских, Эрерин – 130 дворов, церковь и школа.

С момента объявления войны мы терпели всякие лишения и испытывали давление на нас. Создалась ситуация какого-то безвластия: полицейские, армия, курды стали разнузданными и развязными – в наших домах они вели себя как в своих собственных и обращались с нами и с нашим имуществом как им заблагорассудится.

В начале войсковой мобилизации, как полагалось по закону, вызвали тех мужчин, которые по возрасту своему подлежали военной службе, но в конце мобилизация приняла совершенно иной характер: заявлялись в села и якобы в целях призыва забирали всех мужчин, которые попадались им в руки.

Одновременно под именем военной подати и пожертвований, собирали всякое продовольствие, как например, пшеницу, ячмень, сено, жнивье, пшено, масло топленое, волов, лошадей, овец, телеги, одежду, мешки, шерстяные шерстяные носки и др.

Мы, крестьяне, были обязаны целыми днями перевозить собранное продовольствие либо на животных, либо на собственных спинах.

Резня. С объявлением войны и, в частности, с осени 1914, когда на границе появились русские войска и добровольческие отряды, внезапно отношение турок еще более ухудшилось, и начали распространяться плохие вести – курды иногда угрожали резней. Подозрения усилились, особенно когда губернатор Вана Джевдет бей в начале апреля 1915 вернулся с персидского фронта; с каждым днем наше положение становилось все более

сомнительным. Турки неприкрито выражали сдерживаемую до того ненависть по отношению к нам. Выражением этих напряженных настроений стало происшествие в селе Пайрак еще 14 марта: село оборонялось от турецкой и курдской черни, а последние получали от правительства пушки. Было очевидно, что правительство тайно подстрекает мусульман против армян. Каждый день из казенных арсеналов Вана вывозилось оружие в огромных количествах и раздавалось мусульманскому населению.

В свете вышеназванных условий и началась резня, сигналом к которой стало восстание в Ване.

Резня в селе Аспарацин. Курдский ага села Иришат с приблизительно 500 милли 8 апреля напал на село. 30 вооруженных мужчин, которые находились в селе, оборонялись и на некоторое время задержали вторжение турок в село, однако оборона продлилась всего три часа. Обороняющиеся по причине как своей малочисленности, так и нехватки патронов, отступили, и только некоторым из них удалось бежать, а большинство мужчин, а также женщины и дети стали жертвой зверств турок. Беспрепятственно ворвавшись в село, турки стали беспощадно убивать. Была уничтожена большинство жителей села: кого бросили в море, кого зарезали, кого сожгли или убили посредством всяческих пыток. Молодых женщин насиловали и похищали. Группе жителей удалось добраться до берега и переправиться на остров Лим, который находился поблизости.

Резня в селе Дарабек. Турки-односельчане заранее подготовились к погромам, и поводом к ней стала резня в Аспарацине. Чернь, завершив свое дело в Аспарацине, разделилась на две части – одна часть направилась в Дарабек и, объединившись с мусульманским населением, начала резню. Не было никакого сопротивления, было убито около 30 мужчин и множество женщин и детей. Заранее предупредили, чтобы ни один турок или курд не смел прятать армян, но один курд ослушался и спрятал двух армян. Когда [об этом] узнали, вначале убили курда, затем – армян.

Резня в селе Джаник.²² После того, как началось сражение в Ване, местное правительство, заверив крестьян, что им не грозит никакая опасность, удержало их в селах. Но по прошествии короткого времени чернь, вырезавшая Аспарацин, с увеличившимися силами напала на село, и, не встретив сопротивления, ворвалась в него. На улицах села началась резня, которая длилась целый день. Не было ни одного случая сопротивления. Только мужчин в этот день было убито 150 человек, и [было убито] много женщин и детей. Часть овдовевших и осиротевших женщин направилась к морю и

²² Джаник был центром Тимарского нахие, там же находилась резиденция мюдир – мюдир Джаника являлся управляющим этого нахия.

смогла перебраться на остров Лим, где оставалась до прихода русской армии в Ван.

Резня в селе Сосрат. В день убийства Ишхана²⁵ Сирун, дашнакский деятель уезда, согласно указаниям, поступившим из Вана, направился в уезд, чтобы до начала боя подготовить села к борьбе и организовать самооборону. Однако Сируну удалось добраться всего лишь до Пиркариба и отправить нескольких гонцов в окрестные села с указаниями из центра. Крестьяне Шахгялда, Сосрата, Гомса и Пиркариба едва успели собраться в одном месте и направиться к острову Лим, чтобы укрыться там. Однако в пути их настигли и окружили турки, приближающиеся со стороны Аспарацина и Джаника к местечку Белый камень Тасмалуа. Началась битва в черных камнях на высотах села Хжишк вблизи села Атер. Бой продлился целый день, армяне постепенно ослабевали, но в это время на подмогу подоспел Альджавазский отряд «Копит»²⁶, в составе которого находились 60 вооруженных и храбрых солдат. Они были дашнакцаканами. Битва ужесточилась, во время боя турки попытались занять позиции «Дурси тан»²⁷ Лимского острова и отрезать пути отступления армян. Но силы турок постепенно ослабли, и армянам удалось захватить позиции «Дурси тан» и переправить людей по морю. Враг к вечеру был вынужден прекратить бой и отступить. В этом бою армяне потеряли 7, а турки – около 20-ти человек.

Резня в селе Кёчан. Большая часть мужчин этого села заранее покинула село и укрылась в горах. Чернь напала на село и убила всех встретившихся им на пути, сожгла несколько домов и ограбила все село.

Резня в селе Алюр. Через два дня после начала сражения в Ване (4–5 апреля) жители тимарских сел Атнаканц, Пайрак и Трлашен по приказу подкомитетах²⁸ в лице Алюра, со своими семьями переправились в Алюр для организации самообороны.

Ввиду событий в Хжишке из Вана вывезли оружие для черни. 4 молодых человека, жители села Лезк в предместьях Вана, заранее оповестили об этом жителей Атнаканца, чтобы напасть на переправляющих оружие. Мы с 22-мя вооруженными людьми остановили их у старого кладбища села Трлашен; турок было 25 человек, они без сопротивления оставили оружие и животных и убежали. Мы захватили около 8000 патронов для винтовок маузер и мартини²⁹, двух лошадей, двух волов, одного осла, сахар, папиросы и др... Среди вышеназванных продуктов нашли также два объявления красными письменами на турецком, которые прочли для нас и перевели. Мы поняли приблизительно следующее: «Христиане сражаются, чтобы не осталось имени ислама, все мусульмане сражаются за свою с[вятую] веру, это религиозная война, не надо жалеть христиан, не жалейте армян, ни взрослых, ни детей, истребляйте их нещадно...» После подробно были изложены обязан-

ности мусульман по отношению к своей религии и родине. Угрожали всем тем, кто воспротивится и спрячет армян или других христиан. Под объявлением было подписано: «Энвер». Эти объявления мы вручили молодежи из Лезка, для того, чтобы они отнесли их в Ван.

Сбежавшие полицейские направились в село Гёллу²³, куда прибыла и чернь, напавшая на Хжишк. Мюдир вновь отправил полицейских в Ван за оружием. Не прошло одного дня, как они получили достаточно боеприпасов в сопровождении 150-ти солдат. На этот раз мы, армяне, не рискнули напасть на них, и они беспрепятственно дошли до Гёллу. В конце концов 16 апреля около сорока курдов напали на село Хавенц и собрались угнать овец. Все жители заранее покинули село, только 6 молодых людей случайно оказались в селе. Курды угнали овец, а несколько солдат, которые следовали за турками, захотели войти в село, однако армяне открыли по ним огонь, и они убежали. На следующий день к Алюру приблизилась разношерстная толпа из 500 человек и остановилась на расстоянии одной версты, заняв позиции. Одновременно оповестили турецких крестьян близлежащих сел Аянц и Малакасм, которые также пришли и окружили Алюр с запада и со стороны холма Св. Геворка³⁰.

Предвидя надвигающуюся опасность, мы заранее подготовились к сопротивлению. Наши посты располагались в садах, расположенных вокруг села, в высоких домах, в разных местах, где мы заранее в стенах открыли лазейки.

Осаждающие стали медленно подходить к селу, мы же никак не давали о себе знать. Алюр разделен на два квартала – Восточный и Западный. Сражающихся в Восточном квартале возглавлял молодой дашнакцакан Сурен Оганесян, а сражающихся в Западном квартале – Абисогом, которого дашнакцаканские органы назначили [главой дашнакцаканского] подкомитета села. В селе Алюр собралось около 800 дворов народу из окрестных сел, число людей, вооруженных регулярным³¹ оружием, доходило до 160-ти человек. Вооруженные револьверами мужчины разместились в домах и в началах улиц, чтобы во время наступления охранять народ.

Когда чернь достаточно подошла к селу, Сурен из Восточного квартала уже приготовился дать команду стрелять, однако староста села воспротивился, говоря, что, возможно, пришедшие не нанесут вреда селу и пройдут, и, возможно, правительство испытывает нашу верность. Доверившись словам старосты, мы продолжали сохранять молчание. Курды и полицейские толпой беспрепятственно вошли в село и сразу же стали грабить и убили двух встретившихся им людей. Сражающиеся в Восточном квартале более

²³ Здесь располагался полицейский центр волоста.

не смогли сдержаться и стали стрелять. После первого же залпа напавшие на село в панике и ужасе бежали, оставив 35 человек пленными. Покинув село, они заняли свои посты и до вечера не переставая и бесцельно стреляли по селу. Вечером осаждающие село с востока оставили посты и ушли, а осаждающие со стороны холма Св. Геворка продолжили стрельбу до утра.

Ночью мы созвали собрание, чтобы решить, что нам делать дальше. Были учтены некоторые проблемы, связанные с самообороной. Решили, что откроем проемы в стенах домов, чтобы легче было сообщаться друг с другом. Также учли то обстоятельство, что некоторые из крестьян Алюра во время боя бросили своих товарищей и укрылись в заранее подготовленных тайниках. Этот вопрос обсуждали довольно долго, а после поклялись, что каждый из нас верно будет сражаться на своем посту и сражаться от всей души.

На рассвете стрельба прекратилась, чернь, отступившая прошлым вечером, вернулась и вновь заняла свои посты. Немного спустя два турка с белыми флагами в руках подошли к селу, чтобы войти в него. Большая часть сражающихся была против их входа в село, но крестьяне самого Алюра во главе со своим старостой, а также дашнакцаканский орган в лице Абисогома потребовали, чтобы посланникам разрешили войти. Вопреки недовольству большинства, туркам разрешили войти в село. Пришедшие были из близлежащего Малакасма, они нас уговаривали перестать сражаться, говорили, что правительство не имеет ничего против нас, что все эти бесчинства устроены курдами, которые должны быть наказаны, что мы являемся соседями, и зачем зря враждовать. «Что да нас, – говорили они, – что вы накануне убили несколько курдов, разве стоит беспокоиться из-за нескольких собак, правительство никогда вас за это не осудит, пусть ваш староста пойдет с нами в Гёллу, где мы вам вернем отобранное у вас имущество и скот – правительство отняло их у курдов, пусть ваш староста придет и заберет все это, а вы спокойно сидите на ваших местах – вот наше и правительственное доброе пожелание».

Под воздействием старосты села Гюламира его односельчане поверили этому предложению и потребовали, чтобы староста пошел с турками и заключил с ними мир. До того мы с нашим командиром Суреном хотели выждать, (что же будет со старостой и как поведут себя турки), предчувствуя дальнейшие события и догадываясь об устроенной турками западне, однако и на этот раз местный орган воспротивился нам, и мы были вынуждены уступить.

Немного спустя староста с двумя турками на лошадях выехали из села. В Гёллу турки различными обещаниями как следует убедили старосту и, отдав награбленное несколько дней назад имущество, предложили, чтобы он вернулся в село, но отправили с ним 50 полицейских, сказав: «Позаботьтесь о них в течение одного дня, а завтра они должны уйти в город, и несколько полицейских пусть останутся в селе и будут защищать вас». Староста со-

гласился со всеми предложениями и вернулся с полицейскими. Полицейские, однако, в село не вошли, вошел только староста, и предупредив нас, чтобы мы не стреляли, с поспешностью и не поставив нас в известность, собрал один короб хлеба и отнес полицейским, одновременно подписав бумагу, что на село напали курды, а не правительство.

Вернувшись в село, староста Гюламир заявил, что вне села находятся 90 правительственных солдат, которых нужно накормить и дать им кров до завтрашнего дня, а завтра они уйдут.

Едва избежавший боя народ поверил обещаниям Гюламира. Турки, чтобы еще больше обнадежить армян, прибегли к еще одной хитрости: они заявили, что не хотят входить в село, и предложили, чтобы им предоставили ночлег вне села. За селом на некотором расстоянии находится монастырь Нарек. Турок вначале провели туда для ночлега, однако турки отказались ночевать там, сказав, что не хотят осквернить святыню и вводить туда лошадей [на постой]. И предложили, чтобы староста провел их в село, и вдруг, вопреки нашей ярости и гневу, во главе со старостой полицейские на конях вошли в село, а за ними чернь толпой – турки, курды...

Увидев все это, часть сражающихся решила застрелить как старосту, так и Абисогома, но так как у последних были сильные единомышленники, это намерение не удалось выполнить.

Сражающиеся армяне в это время были рассредоточены по постам. Было уже темно, когда турки вошли в село и под руководством старосты расположились в домах. Однако не удовлетворившись этим, староста потребовал, чтобы молодые люди покинули свои посты и «служили» гостям.

Собравшиеся с окрестных сел армяне, поняв, что более невозможно сражаться и защищаться, осознавая, что им уготована западня, решили покинуть село, однако в скором времени турки вышли из села и заняли важные дороги. 100 человек вооруженных крестьян из других сел, понимая, что вскоре их убьют, вышли с одного края села, но и они, когда возвращались в село, чтобы узнать, что там творится, были арестованы полицейскими.

Утром подоспели другие курдские и турецкие силы и беспрепятственно вошли в село. Они забрали с собой старосту Гюламира и потребовали, чтобы он собрал всех мужчин и все оружие. Староста собрал всех мужчин одного за другим, а также – оружие, и показал все тайники и вырытые в земле ямы, где прятались люди. Эти ямы были вырыты в виноградниках, в колодцах и в других потайных местах. Таким образом собрали всех и передали [туркам], а о тех местах, о которых он не знал, выводывали у женщин пытками и побоями. Таким образом [турки,] собрав примерно 260 мужчин, заперли их в церкви под строгим надзором – даже естественные нужды были вынуждены справлять в церкви.

Арестованные решили продырявить стену церкви со стороны алтаря и сбежать, но староста и на этот раз отговорил их: «Пожалейте церковь, – сказал он им, – не делайте этого понапрасну, вам не грозит никакая опасность». Три дня удерживая их под замком, [турки] ночью вывели их в место, называемое Какан-Пасек, неподалеку от села, связали веревками группами и 260 человек расстреляли сразу. Из них в живых остался только крестьянин из Трлашена, молодой человек по имени Габриел Айвазян, которому удалось спастись следующим образом: вместе с ним были связаны в одну группу его двоюродные братья, когда раздались выстрелы, он бросился на землю и, оставшись под трупами, выжил.

Примечание: До этого убийства турки в селе потребовали вернуть им трупы курдов, убитых в первый день. Гюламир показал, где находятся трупы, и трупы подняли из одной ямы. После этого ярость курдов достигла высшей точки: они поклялись, что за каждого убитого курда они убьют сто армян. После того, как подняли трупы, Гюламира раздели, сняли с него обувь и, бросив на землю, стали пытать. Выкололи ему глаза, затем бросили кота к нему в штаны и избивали до тех пор, пока он не умер. А труп оттащили и бросили в помойку.

После того, как убили вышеназванных 260 человек, вернулись в село утром и начали грабить и насиловать. Множество мужчин прятались в домах в женской одежде, обнаружив их, выводили и убивали в селе. Оставались в селе целых десять дней и учиняли всякие зверства по отношению к женщинам.

Бывший подкомитетчик Мндоян Саркис сопротивлялся, когда его выводили, и убил одного из полицейских пистолетом Семет³². Его схватили и отвели к своему начальнику, который спросил Саркиса, чем он убил полицейского. Саркис, показав ему пистолет, сказал: «Вот этим». Задав еще несколько вопросов, начальник приказал убить Саркиса. Отвели его на площадь, выкололи ему глаза, затем отрубили обе руки и, истязая его, убили.

После Алюра один за другим вырезали села Аменашат, Мармет, Джирашен, Аннаванк, Цактар и Хавенц.

Из вышеназванных сел Хавенц был вырезан следующим образом: полицейские вошли в село хитростью и, задабривая крестьян, остались в селе несколько дней, проводя время в кутежах, веселье и карточных играх. Но как только Алюр был уничтожен, полицейские убили всех крестьян и разграбили все село.

Примечание. Еще до погрома в Сосрате односельчане турки созвали собрание, на котором совещались, как бы им застать армян врасплох и убить, и решили, что на следующий день позовут к себе двоих армян и притворятся, будут они собралась, чтобы решить, как сохранить армянам жизнь. Такой хитростью усыпили армян, однако один курд по имени Мхе сообщил армянам об истинных замыслах турок, но никто ему не поверил. Курд

многократно умолял армян оставить село, но напрасно... Началась резня, и все были убиты. Священника Сосрата, который спрятался в куче мусора, вывели оттуда и убили 25 выстрелами. Мхе спас несколько человек и тайно вывел их на берег, откуда они смогли перебраться на остров Лим...

Мармет. Армяне Мармета отправились в турецкое села Зева и, вручив свое оружие туркам, попросили защиты у них. Предводитель – курд по имени Фахрат – обнадежил марметцев и отправил их обратно. Немного спустя курды и турки окружили село и захватив 120 мужчин, вывели их из села и отвели их на высоту рядом с водяных мельницей Авета, между селами Мармет и Аменашат, где всех их убили...

Екмал. Крестьяне этого села не дали себя обмануть и, убежав, спаслись.

А убежавшие из Алюра крестьяне Атнаканца и Пайрака, после предательства в Пайраке остались в окрестностях своих сел, вступая в частые бои с малочисленным врагом до тех пор, пока не пришли русские.

События в селе Пайрак.²⁴

В конце марта 1915 года в уездах Вана начались отдельные столкновения между курдами и турками [с одной стороны] и армянами – с другой. Находящееся по соседству с турецкими селами Тимара село Пайрак насчитывало 30 дворов и около 850–900 голов скотины.

За день до этих событий в полях Трлашена слышались выстрелы, и крестьяне в ужасе оставили полевые работы и бросились в село. В Пайраке в этот момент находилась группа вооруженных молодых дашнакцаканов, которые, собрав мужчин трех сел (Трлашен, Пайрак, Атнаканц), стали преследовать стрелявших турок. Начался бой между нами и турками. 12-часовой бой завершился гибелью одного из нас – горожанина по имени кузнец Мкртыч, а турки потеряли несколько человек.

Турки отступили, убив еще 8 армян, которые встретились им на пути. Вскоре подоспела и пушка из города. Армяне хотели боем захватить пушку, однако подоспевшая из города группа Мисака вмешалась и для предотвращения разрастания мятежа, убедила сражающихся уйти. Крестьяне трех сел покинули свои села, а села были сожжены правительством.

Примечание: от начала событий до входа турок хитростью в Алюр рассказал атнаканский священник Тер Гевонд Саруханян, а после и до конца – его жена, которая оставалась в селе до конца событий.

Сообщили Тер Гевонд Саруханян и его жена.
Записал Сурен Мелоян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 464, л. 1–8, подлинник, рукопись.

²⁴ Этот случай уже описан в данном свидетельстве.

№ 9

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО АГАРОНА ГРИГОРЯНА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ АСТВАЦАЦИН ТИМАРСКОГО НАХИЕ ВАНСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА

23 августа 1916 г.

Даллар.

Агарон Григорян, крестьянин из села Св. Аствацацин ванской области Беркри, рассказывает следующее о резне в их селе:

Наше село состояло из 70 дворов, 642 армян, а также владело стадами буйволов, волов, коров, лошадей в 1300 голов, стадами овец в 1500 голов, 3200 мерами пшеницы. Также в селе была церковь (монастырь Св. Богородицы), 2 школы. В настоящее время все село, как и все хранившиеся в монастыре предметы древности, все рукописи и реликвии разграблены, разрушены и сожжены иришатцем Слеман беем и чернью.

До войны правительство отправило список военнообязанных от 25 до 45 лет и потребовало, чтобы все в течение 24 часов прибыли в правительственный центр для военной службы, при этом [заявили, что] все уклоняющиеся от явки будут подвергнуты военному суду и наказаны самым строгим образом.

Через 24 часа после объявления мы все собрались и с готовностью предстали перед полицмейстером Амар беком, и нас оттуда отправили в Ван. Там, после долгих скитаний, на основе заявления Патриархата, временно были освобождены 80 мужчин 35–45 лет для полевых работ. [Амар бек] оставил у себя всего 40 мужчин от 25 до 35 лет и отправил их в Багеш, Сарай и Карин.

В качестве военной подати у крестьян забрали 250 мер пшеницы, 15 мер крупы, 145 мер ячменя, 8 литров масла, 26 голов овец, 140 пар шерстяных носков, 85 пар шерстяных рукавиц, 120 пар чарухов³³, 560 куриц, 1700 окка выпеченного хлеба, 50 телег сена, 60 телег жнивья и денег на сумму 1500 гурушей.

Крестьяне, оставив свои домашние дела, в качестве службы в «амелие тапури» переправляли все это на своих тягловых животных, а зимой – на собственных спинах в села Арчак, Молла Гасан и Джаник, оттуда же в Ван, Багеш, Буланьк и Маназкерт. И все это под надзором четников. Из-за их присутствия и разнузданности наше положение становилось еще более невыносимым: мы постоянно закалывали для них кур и овец, щедро кормили их коней ячменем и сеном. Во время этих перевозок военные Арчака отняли у нас и закололи 12 волов.

После выполнения всех этих работ и повинностей правительство забрало еще 45 человек в «амалию» для работ на дорогах между Беркри и Джаником, однако обеспечивать их продовольствием должны были мы.

Наши солдаты писали нам письма из армии, в которых они рассказывали, что сами тоже живут в невыносимых условиях, целыми днями остаются голодными, без воды, одежды и обуви, что с того дня, как они служат в армии, они носят одну и ту же одежду, в которой их забирали.

Когда была объявлена война, они в своих письмах писали, что их разоружили и они работают в «амелие» – в лагерях и окопах Хасан-Калы, под руководством немецких инженеров и офицеров, и свою жизнь в письмах они называли «Египетским пленом» и «Страданиями Христа». С утра до ночи их заставляли работать, не обеспечивая ни едой, ни водой; после тяжелого трудового дня они были вынуждены спать на дорогах и в окопах, так как постелей также не было, и многие, оставаясь без медицинского ухода и заботы, заболели заразными болезнями, [так что] многие из них вынужденно сбежали и вернулись обратно.

Каймакам Беркри в это время взял под надзор армянские села [при помощи] вооруженных мусульман от 15 до 60 лет. [Под предлогом того, что] в страну проникли русские шпионы, он созвал всех старост в правительственный центр, и сказал, что если в каком-либо селе обнаружат шпионов, то весь скот и имущество этого села будут сожжены, и они, как ответственные за это, будут подвергнуты военному суду.

Разоружение армянских солдат, вооружение курдов и турок от 15-ти до 60 лет, и настолько строгое отношение правительства к нам явственно указывают на то, что резню запланировали заранее.

7 апреля 1915 года регулярная армия под командованием Зия бей, слуги и чернь иришатских беев Слеман, Фархата, Арифа и Шевки окружили село и стали стрелять и убивать всех попавших в их поле зрения крестьян. Было убито 150 мужчин, женщин и детей, среди них 100-летний священник нашего села – Тер Геворк, его братья Григор и Аствацатур, Давид, Григор Мурадян.

Насильственно обратили в ислам Алтун Согомонян, Римпсимэ Аковпян, Охер Сафарян, женщин Алтуз, Сусан и Айкануш и 25 детей 1, 2, 4, 5, 7 лет. Их увели слуги Ариф и Слеман беев.

Это внезапное нападение потрясло нас. Вскоре мы увидели воочию ужасающую и запланированную резню. Даниел Давтян, Мартирос Манасян, Арутюн из Горцота и др. – 12 человек под руководством нашего односельчанина Смбата Алояна – обратились к оружию и самообороне. 6 часов длилась неравная борьба, и несколько курдов и солдат регулярной армии были повалены на землю. Обстреливая село снарядами, турки сожгли село.

Патроны сражающихся закончились, они остались в доме священника Тер Геворка и погибли в огне. А оставшийся народ на лодках переправился на остров Лим, где оставался 30 дней, пока русские войска и добровольческие отряды не вошли в Ван и не захватили окрестности. Мы вернулись в свое село, ждали там. Приступили к жатве. Вскоре началось июльское отступление, мы оставили покосы и по линии Беркри в безопасности перешли на Кавказ. Однако в пути, из-за плохих условий заболели и в пути, а также в Эчмиадзине умерли 60 человек. По указу «Братской помощи»³⁴ Эчмиадзина мы разместились в различных селах Гамарлу.

15 марта 1916 года мужчины вернулись на родину, получили от Объединенного товарищества тягловых животных, семена и приступили к мирной работе, однако во время августовского отступления все бросили и вернулись на прежние места, а в настоящее время вновь стали возвращаться на родину.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 438, стр. 14 с об. – 16 с об., подлинник, рукопись.

N 10

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО ВАРДАНА ГАЛУСТЯНА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ЭРЕРИН ТИМАРСКОГО НАХИЕ ВАНСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА

8 августа 1916 г.

Блур.

Рассказ Вардана Галустяна, крестьянина из села Эрерин Тимарской волости (он был очевидцем, ему 42 года).

Эрерин состоял из 180 дворов с населением около 1000 человек; в селе была церковь и школа под названием Оганес (в красивом здании). Годовая прибыль села составляла 5000 мер пшеницы, 40 000 снопов сена, 32 000 литров винограда, 500 пудов орехов, 5000 пудов яблок, 5000 пудов абрикосов и других фруктов. Под алтарем церкви была клинописная надпись³⁵, но после сожжения церкви она оказалась под руинами. В церкви хранились 300 серебряных крестов, 3 Евангелия в серебряных окладах, драгоценные сосуды, церковная одежда и др.

Сожжены церковь, школа и 70 домов.

20 июля 1914 года, через месяц после объявления войсковой мобилизации, из Эрерина увели в солдаты всех мужчин от 20 до 45 лет. Дома отсутствующих военнообязанных сожгли (напр. сожгли дом Погоса Думаняна).

Из Эрерина для армейских нужд забрали 200 мер пшеницы и ячменя, 1800 снопов сена, 70 овец, 100 литров топленого масла и 28 османских лир.

Григор Чгнаворян и Григор Айрапетян, которые сбежали из турецкой армии, рассказывали следующее:

«Турецкие офицеры нас, армянских солдат, заставляли нещадно работать, отнимали у нас наши деньги, зверски нас избивали, оскорбляли и пр.».

13 марта 1915 года после событий в Альджавазском селе Арен беженцы из этого села сбежали в Эрерин; 12 полицейских во главе со сборщиком налогов Омаром из Вана окружили село под предлогом подсчета овец и, встретив нескольких аренцев, выстрелили в них. На следующий день из Вана пришли войска в большом количестве и сожгли село, не встретив никакого сопротивления со стороны местных жителей. 23 апреля 1915 года 35 вооруженных молодых людей вступили в бой с солдатами вышеназванного Омара, с курдской чернью на горе близ села. Погибли 8 человек, а в селе были убиты 17 мужчин, а также 9 человек в рабочих ротах. Руководящий этим Омар действовал по приказу Дживдет паши. Фазиль Салах и Мушур Махмад из Малакма, сыновья Хушо из Амкуберда Урфут и Уммут, Мусен Махмади, Гасан Давут и другие курды изнасиловали большую часть женщин Эрерина²⁵.

Эреринцы переселились на Кавказ 15 июля 1915 года. В пути они подверглись нападению курдов в скалах Беркри и потеряли 2000 голов овец и скота, в реку бросилась одна женщина – Аслик Саакян и двое детей, была убита еще одна женщина, и три девочки были тяжело ранены.

В настоящее время эреринцы живут в Блуре, Эчмиадзине, Эривани и Баку.

Записал Г. М. Неркарян.

Примечание: Во время атаки на «Дрси тун»²⁶ Лимского монастыря у курдской и турецкой черни закончились патроны. Потребовали патронов из Вана, и немедленно по приказу Дживдета отправили им [патроны]. И когда дабоны²⁷ с патронами довели до берега Сев гета около Атнаканца, 4 вооруженных мужчины напали на полицейских, несущих патроны и захватили эти дабоны, в одном из которых было найдено письмо, написанное рукой наместника Вана Дживдет бея, со следующим содержанием:

«Мы объявили джихад²⁸, отныне не жалеете ни одного армянина, не обращайте внимания на пол и на возраст, но безжалостно истребляйте всех армян и всех христиан, которые попадутся к вам в руки».

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 426, л. 3 с об., подлинник, рукопись.

²⁵ Если необходимо, может назвать имена изнасилованных женщин. – прим. Г. Неркаряна.

№ 11

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО ГАРЕГИНА ОВСЕПЯНА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ МАРМЕТ ТИМАРСКОГО НАХИЕ ВАНСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА

27 августа 1916 г.

Гамарлу.

Житель села Мармет Тимарской волости Вана Гарегин Овсепян рассказывает следующее об их селе.

Мармет состоял из 160 дворов с армянским населением 1340 человек. Село владело стадами овец в 3100 голов, стадами разного скота в 3270 голов, 64 100 мерами пшеницы, 25 150 мерами ячменя, 20 800 мерами ржи.

В селе были одна церковь²⁶, одна двухклассная школа и одна школьная библиотека, насчитывавшая около 2000 исторических и художественных книг, которые в настоящее время разграблены, разрушены и сожжены, как и село.

До войны (1914 г.) правительство Тимара объявило, что мужчины от 24 до 45 лет, как военнообязанные, в течение 24 часов явиться в правительственный центр Тимара, откуда будут отправлены туда, куда будет необходимо, а тот, кто не подчинится закону, будет наказан Военным судом. Через 24 часа после объявления мы предстали перед военным руководством, и оттуда [были отправлены] в Ван. 15–20 дней скитались по Вану, после были освобождены мужчины 35–45 лет, и только 35 человек были отправлены в Багеш, Карин и др. места в качестве солдат регулярной армии.

Наши односельчане Овсеп Симонян, Петрос Григорян, Петрос Манян, Егиазар Арутунян, Азиз Маргарян, Мартирос Тер Карапетян, Агарон Давтян, Акоп Мхитарян, Седрак Минасян и Мкртич Оганесян заплатили правительству в качестве военных откупных каждый по 51 осм. лире и 5 с четвертью гурушей. Однако, после объявления войны правительство забрало их в солдаты и отправило в Карин, не вернув им денег, и до сих пор ни один из них не вернулся.

В качестве вонной подати правительство принудительно забрало у крестьян 340 мер пшеницы, 150 мер ячменя, 112 мер крупы, 850 пар шерстяных носков, 800 пар шерстяных рукавиц, 1200 пар чарухов, 520 овец, 20 телег, 80 волов и 20 человек в качестве возниц. До сих пор ни один из них не вернулся. Также забрали 40 литров топленого масла, 5000 яиц, 450 гусей, 150 литров рыбы и 15 лошадей.

²⁶ Церковь называлась Св. Геворк.

Все забранное имущество крестьяне на своих животных переправили в амбары и хранилища села Аванц. А зимой переправляли все это на своих спинах в Хлич-Гедук, Сарай и Багеш – для солдат.

Еще 40 человек из нашего села правительство Джаника отправило в «амелие» на строительство дороги между Ваном и Востаном. За работу им не платили, и мы были обязаны их содержать, так как правительство их не кормило.

В это время правительство вооружило способных носить оружие мусульман от 15 до 70 лет казенными винтовками капахли³⁹, мсрли⁴⁰, мартини⁴¹ и организовало группы четников, отправив их в армянские села для конфискации военных вещей. Побои, пытки, преследования достигли своего зенита. Они настолько обнаглели, что врываются в дома армян, отнимали у женщин их украшения и даже похитили из нашего села девочек: Пируз, 12-летнюю дочь Мхитаряна Акопа, Пируз, 13-летнюю дочь Тер Оганеса хана Погоса, Маргарит, 10-летнюю дочь Султаниян Погоса, мать которой – Сусанну – убили, Алтун, 15-летнюю дочь Чвекян Оганеса, Алмаст, 7-летнюю дочь Гамбаряна Арутюна. Похитителями оказались совершенно незнакомые нам люди, говорили, что они из Багеша и Абаги.

8 апреля 1915 года Мехмед бей из айтаранской племенности, который уже два дня находился на постое в селе со своими слугами и чернью, число которой доходило до 700 человек, через старосту приказал мужчинам от 15 до 80 лет собраться в церкви для ознакомления с правительственным указом.

Около 150 крестьян пришли и предстали перед беим, он их собрал в церкви и приказал было сжечь, но женщины заголосили, заплакали и умоляли его, после чего он велел их связать группами. Их вывели за село на гору Жамтан на расстоянии четверти часа [ходьбы] от села и всех убили. Среди них были Тер Акоп, староста Оганес, из знатных крестьян села – Ншан, Галуст, Мартирос, Товмас, Арменак (учитель), Торос и Маргар, причетники церкви.

На следующий день регулярная армия во главе с мюдиром Джаника и Мехмед бей со своими слугами окружили село, разграбили и безжалостно убили всех, кто попался им на пути – 30 женщин и детей – и сожгли село. На глазах у всех аскяры и курды изнасиловали Алтун Анагян, Сапри, жену Мкртыча, жену Согомона, Гюлизар, жену Тер-Оганесян Галуста. Мы попытались убежать в Ван, а в это время на 25 человек, которым удалось избежать турецких и курдских зверств, напали курды из села Зевен, камнями и топорами разбили им головы и убили в ущелье Кчаниц. А остальной народ убежал в село Аванц, армяне которого взяли их под защиту, пока русские войска и добровольческие отряды не захватили Ван и окрестности. Мы вернулись в наше село, приступили к покосу, жатве и обмолоту, как вдруг вне-

запно нагрянуло июльское отступление, и мы бросили все и ушли по линии Беркри, где подверглись нападению зиланских и айтаранских курдов. 100 женщин и 15 детей от 8 до 10 лет были убиты или умерли от страха, семеро бросились в реку Бенди-Магу и утонули, их имена: Арсен Погосян 10 лет, Арутюн Карапетян 7 лет, Аваг – 7 лет, его братья Мкртыч и Карапет – 8–9 лет и др.

В пути заболели и в Абагинской долине умерли три женщины – Нанэ, Маринос и Мариам. В Игдире умерли 100 человек, и в Эчмиадзине умерли 3 человека – Минас, Мкртыч и Воскен.

А остальные разместились в районах Игдира и Гамарлу. 20 марта 1916 года вернулись на родину и, получив от Объединенного товарищества тягловых животных и с-мена, начали полевые работы, но бросили все во время августовского отступления и вернулись на прежние места без человеческих потерь. В настоящее время вновь стали возвращаться на родину.

Гарегин Овсепян.

НАА, ф.227, оп. 1, д. 438, л. 24–24, подлинник, рукопись.

№ 12

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО КАРАПЕТА ДАВТЯНА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ХОСП ХАЙОЦДЗОРСКОГО НАХИЕ ВАНСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА

20 августа 2016 г.
Меграблу.

Крестьянин из села Хосп Хайоцдзорской волости Вана Карапет Давтян рассказывает следующее о резне в своем селе:

Хосп состоял из 50 дворов с армянским населением 350 человек, владел 2100 мерами пшеницы и ячменя, стадами овец в 1200 голов и стадами скотины всякого рода в 530 голов.

В селе были одна церковь и одно школьное здание, которые чернь сожгла вместе с селом.

До войны турецкое правительство заявило, что военнообязанные [мужчины] 25–35 лет должны [явиться на службу] в течение 24 часов, а тот, кто в установленное время не предстанет перед военными властями, будет передан военному суду и жестоко наказан. Полицейские заявили в село и собрали всех мужчин, которых отправили в Беркри и Арчеш. После несколь-

ких дней скитаний их, за исключением 40 человек, освободили [от военной службы].

В качестве военной подати у сельчан принудительно забрали 230 мер пшеницы, 85 голов овец, 15 литров топленого масла, 20 мер пшена, 60 пар мешков, 50 пар шерстяных носков, 45 пар шерстяных рукавиц, 40 телогреек. Все эти товары мы на наших тягловых животных, а в зимнее время – на собственных спинах, переправили в амбары и хранилища Вана, Арчеша, Сарая.

Наши сыновья, которые служили в армии солдатами, писали нам, что живут в очень плохих условиях, нуждаясь даже в черством куске хлеба; с того дня, как их забрали в армию, носили они только свою собственную одежду, оставались голыми и босыми; служили в армии, но денег просили у нас, иначе погибли бы от голода. Так продолжилось до объявления войны. Позже в письмах они сообщили, что их разоружили и направили в «амали тапури» строит дороги и рыть окопы под строгим надзором регулярной армии, и что живут они в еще более невыносимых условиях: целыми днями их оставляют без еды и без воды, и так как спят без постелей на мокрой и холодной земле, заболевают заразными болезнями, [из-за чего] многие вынужденно сбежали. А от остальных писем так и не получили.

Строгость правительства [по отношению к нам] возрастала день ото дня, четники появлялись [в селе] каждый день, жестоко избивали и истязали всех крестьян, забирая в солдаты и в «амелие». Они стали для нас настоящим бедствием: мы [были вынуждены] закалывать для них кур и овец, обильно кормили их лошадей сеном и ячменем, и не было предела их разнузданности. Так продолжилось до конца.

2 апреля 1915 года в село пришел один курд из Бжникерта по имени Мчо и сообщил курдам нашей деревни, что Ишхана убили в Хирче, и что губернатор Джевдет приказал истребить армян. 7 апреля чернь, состоящая из курдов Бжникерта, Хирча, Кюсни и Кхзи, во главе с Садык агой из Кёл-Пасанах⁴² осадили наше село и убили и уничтожили всех, кого встретили на своем пути. Убили 80 человек, в их числе – священника Тер Мартирос, старосту Азиз, бывшего старосту Саркиса, из знатных сельчан – Мкртыча, Товмаса, Оганеса и Овсепа. Изнасиловали и насильно обратили в ислам Варвар – 14-летнюю дочь Манука Азизяна: ее увел Мехмед из Хирча, жену Срго Маран и двух его дочерей – Пто и Азнив: их увел нордузский бек Слеман. Слеман бек насильно обратил в ислам и увел 12-летнего Мовсеса Горояна, 13-летнего Арама, внука Гаспара, 10-летнего Вардана Саргсяна. Остальные в ужасе сбежали на гору Лвавер.

На следующий день та же чернь, удвоившись в числе, окружила гору Лвавер, чтобы осуществить свои черные помыслы – истребить армян. Наш

районный комитет [в лице] Мкртыча Атовмяна из Кема, учитывая грозящую нам опасность, собрал нас и возглавил группу из храбрых молодых дашнакцаканов – 70 человек. Мы взяли в руки оружие и приступили к самообороне, сражались в неравном бою целый день, после боя прорвались сквозь плотные курдские ряды и ночью с народом перебрались в Ван и ждали там, пока враг не потерпел поражение и не убежал из Вана, и когда русские и добровольческие войска вошли в Ван и захватили окрестности, мы вернулись в свои тлеющие и дымящиеся дома, предали земле незахороненные трупы и начали покос и жатву, однако началось июльское отступление, и мы по линии Беркри переселились на Кавказ.

Однако в пути из-за лишений и страшной жары заболели и в Эчмиадзине умерли 40 наших односельчан. А остальные по указу местной «Братской помощи» устроились в различных селах того же района, в Эривани и Гамарлу.

20 марта 1916 года мы вернулись на родину, и, получив от «Объединенного комитета» тягловых животных и семена, начали полевые работы, [и работали] до августовского отступления, когда [все] оставили и вернулись на свои прежние места. Теперь вновь группами возвращаются на родину.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 438, стр. 13–14 с об., подлинник, рукопись.

№ 13

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО ОЧЕВИДЦА КАЗАРА МАНУКЯНА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ КЕМ ХАЙОЦДЗОРСКОГО НАХИЕ ВАНСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА

8 августа, 1915 г.

Блур.

Кем состоял из 100 дворов с 777 жителями, в селе были церковь Св. Тадевоса, школа в красивом здании, три водяных мельницы, маслодавальня, 3000 голов овец, 1000 голов скотины. В церкви хранились три рукописных Евангелия (одно из них называлось Красное Евангелие, а второе – Цахкаберх⁴³ Евангелие), драгоценные сосуды, Евангелия в серебряных окладах и др.

Годовая прибыль села составляла 4000 мер пшеницы, 500 мер льна и 30 000 снопов сена.

20 июля 1914 года, когда была объявлена войсковая мобилизация, мужчины Кема от 20 до 45 лет увели в солдаты. Сожгли все имущество в домах военнообязанных Овакима Матосяна и Гаспара Манукяна, так как они отсутствовали во время мобилизации. Сжигали Салых чауш из Востана, артаметский Шавеш вместе с мюдиром Артамета. В сентябре 1914 года арчешский полицейский Гасан, услышав от Мкртыча Атовмяна из Кема, что русские дошли до Башкале, сообщил об этом правительству, и мюдир Артамета Айяс с 200 полицейскими окружил село и открыл по нему огонь: в течение целого часа село непрерывно находилось под обстрелом, и со стороны армян не последовало никакого ответа. Но когда были убиты несколько человек (Маргарит Сианосян, 10-летний Мовсес Ахиджанян, 10-летний Андраник Гаплянян), крестьяне вынужденно прибегли к самообороне. Эта самооборона продлилась 5 часов.

Во время мобилизации из Кема принудительно забрали 175 османских лир, 120 волов, 6 телег с волами, 200 мер пшеницы, 150 мер ячменя, 400 пар шерстяных носков, 200 комплектов белья, 30 литров топленого масла, 30 мер пшена, 600 снопов сена, 150 телег жнивья и пр. Пятидесятник из Вана Джадых оглы Яхыб, Ахмад чауш из Хошаба и Нури из Вана получили взятку от старосты села Аветиса Арутуняна в размере 80 османских лир, 30 мер ячменя и 6 голов овец за перенесение срока мобилизации солдат на 8 дней.

5 апреля 1915 года правительственные войска, состоящие из 600 человек, во главе с Чмук Гусейн агой, с одной пушкой, и 800 милли (курдов) во главе с сыном Рашида эфенди Файыгом из Вана, Челенка из Бжнискерта, сыном Халила Гасан бека из Зеринака, а также турецкая и курдская чернь под руководством Серхенга, сына Махсо из Хошаба, Пекыра Смо из Агасава и Лезкина, сына Шакыр аги, с одной пушкой и вооруженная казенными винтовками (кючукчап), напала в полночь на Кем. Вооруженная молодежь села защищалась до полудня, после же смогла выбраться из села: за то время, когда покидали село и направлялись к Ангху, погибли 110 детей, 30 женщин и 60 женщин. Трое мужчин – Галуст Оганесян, Уно Мурадян и Хачо Мурадян укрепились на холме между Кемом и Ангхом, чтобы не дать черни воспрепятствовать выходу народа из Кема. Все три молодых человека погибли, но благодаря им народ Кема смог добраться до Ангха.

Несколько вооруженных парней – Аршак Какосян, Мкртыч Атовмян и Овсеп Хлхатян, сражались 4 часа в монастыре Ангха и были убиты только после того, как у них кончились патроны. Они убили 4 врагов и потеряли своих трех товарищей – Мовсеса Вердояна, Арменака Петросяна и Хосрова Навояна.

Село полностью – вместе со школой и церковью – было сожжено. Вся эта турецкая и курдская чернь напала на Кем по прямому приказу наместника Вана Джевдет бея. Из Кема насильственно увели 12 женщин. Остальной народ депортировали в Артамет. Во время депортации погибло 12 женщин и 8 детей.

Жители Кема переселились на Кавказ; 18 июля 1915 года около Беркри подверглись нападению курдов и потеряли 6 мужчин, 16 детей утонули в реке, и было убито 8 женщин. Курды захватили все имущество и весь скот.

В настоящее время кемцы живут в Блуре и в Ахверисе.

Примечание: За месяц до боя в Кеме Нури из Севаграка, сын Тахыр аги, и Абдул Азиз из Каравана, сын Али, сообщили Казару Манукяну и Мкртычу Атовмяну, что «правительство решило истребить всех армянских мужчин, а женщин и детей переправить в Аравию. Эти два курда сбежали из армии Джевдета».

Рассказал Алексан Патурян – житель Кема.

Записал Г. М. Неркарарян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 423, л. 14–15, подлинник, рукопись.

N 14
**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ САРЫ АРУТУНЯН О РЕЗНЕ
В СЕЛЕ МАШТАК ХАЙОЦДЗОРСКОГО НАХИЕ
ВАНСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА**

[1916 г.]

Баку.

Я, Сара Арутунян, 25 лет, из села Маштак Хайоцзорской волости Ванской губернии, в настоящее время живу в Армянском селе [вблизи] Баку по адресу дом N⁴⁴ ул. 6-я Нагорная; получаю помощь от Комитета беженцев.

Я жила в нашем селе, состоящем из 70 дворов, из которых 15 были курдскими, а остальные – армянскими. Моя семья состояла из 4 человек, все четверо [в настоящее время] живы.

В июле 1914 года, когда была объявлена Европейская война, турецкое правительство объявило мобилизацию и забрало всех наших мужчин от 20 до 45 лет. В первый раз их забрали и сразу же освободили на 15 дней, чтобы каждый мог приступить к жатве. А когда 15 дней подошли к концу,

вновь забрали всех и распределили по двум группам – настоящих солдат⁴⁵ и здоровых мужчин определили в армию и отправили в Эрзерум – около 30 человек. А тех, кто был слаб здоровьем, определили в полицейский состав и отправили в близлежащие села для надзора над правительственными делами. В этом полицейском составе был и мой муж Мартирос.

После того, как провели призыв, стали собирать пшеницу, ячмень, топленое масло, сыр, скотину, овец и все остальное, в чем нуждалась армия. Четыре раза провели такие поборы, и отправили наших людей в город. Хотя в этот период еще не убивали [армян], но побои, преследования и поборы были более чем невыносимыми. Так нас мучили до того времени, когда русская армия подошла к Сараю в ноябре 1914 года. После этого правительство немного ослабило поборы. А когда разоружили наших армянских солдат и большинство солдат отправили обратно домой, в наше село вернулись всего 2 человека из 40, а об остальных до сих пор ничего не известно. Одним из этих двоих был мой муж. Так прожили до апреля 1915 года, когда с одной стороны Востан⁴⁶ воевал с крестьянами Спитак Ванка, а с другой стороны правительство Шатаха воевало с [армянским] народом. Несмотря на доносившиеся до нас слухи о резне, правительство в то время успокаивало нас. На[пример], когда 6 апреля наши сельчане отправились в Артамет к начальнику нашей волости для того, чтобы осведомиться о сложившейся ситуации, он сказал им: «Правительство наказывает те села, которые до сих пор не подчинились ему, а остальным селам ничего не угрожает». Доверившись его словам, люди вернулись [в село] и не беспокоились до 7 апреля, когда Ишхан (революционный предводитель Вана) отправился на переговоры с правительственными полицейскими с целью примирить сражающихся в Шатахе. Когда же Ишхана убили на полпути, мы уже не осмеливались посещать соседние села для решения насущных вопросов. 7 апреля Гусейн ага из Гяваша с приблизительно 400 милли прошел по нашей стороне в Востан, и прошел без какого-либо шума. Мы, не подозревая ничего плохого, подумали, что им всего лишь нужно было проехать мимо нашего села, но когда они дошли до Блтенца, который находился на расстоянии одного часа [ходьбы] от нашего села и был в подчинении Востана, до нас дошли звуки пушечного обстрела. Через час они уже вошли в село и сожгли его. Народ села за день до того уже бежал в Ван, и за эти 5 часов они сожгли 3 села – Атананц, Блтенц и Спитак Ванк.

Ночью мы переночевали в соседнем курдском селе, в этот вечер наши сельчане отправили двух курдов в Мюлк, чтобы узнать правду. Но когда вестники вернулись, они нас обманули, сказав нам: «Только те села должны быть сожжены, которые восстали против правительства». И снова мы

поверили с наивностью, но в то же время предприняли кое-что: ночью спрятали все наше имущество, и наши вооруженные мужчины со своими винтовками собрались в город. Но так как было поздно, они решили в город не идти на ночь глядя, а подняться в гору. Они прятались в пещере до 8 часов утра, когда из Кема дошли просьбы о помощи. Чернь из соседних сел решила напасть с той стороны, чтобы народу было некуда бежать. 1000 человек во главе с известным военным сотником Хатум беком на рассвете напали на Кем. Кемцы, будучи не в состоянии противостоять им, днем покинули село, и вооруженные люди села тоже покинули деревню. Пока дошли до нашего села, 2/3 населения погибло по дороге. В это время все вооруженные люди собрались в Ишханигоме, и потому мы тоже вместе с кемцами убежали в Ишханигом, а курды нашего села ушли в курдское село Мюлк, которое находилось по соседству. В Ишханигоме собрался народ из приблизительно 20 сел. Наши солдаты организовали посты, и когда чернь напала на село, мы начали оборону. 8 апреля целый день сражались с этой чернью. Хатум бек за этот день выпустил 15 снарядов по селу, но мы за весь день потеряли всего одного человека (звали его Саргис).

Турецкое войско сражалось с нашими мужчинами, да еще и группа курдов рыскала по горам и ущельям, чтобы найти и убить [спрятавшихся] людей.

После целого дня боя патроны наших солдат закончились, [и они] решили, что здесь оставаться не надо и не надо сражаться завтра, а вместо этого нужно уходить в Ван и увести туда весь народ. Собрались около 500 человек, и направились в Ван. Когда дошли до ущелья Св.Вардана, там наши мужчины передумали и решили женщин, стариков и мальчиков отправить в Артамет, а самим продолжить путь в Ван. И так и сделали, и среди отправившихся в город был мой муж Мартирос и мой свекр Тер Мкртыч. А мы – народ, когда остались без сражающихся мужчин, передумали идти в Артамет. Нас было около 1000 человек, и мы вернулись в наши дома. Ночью не смогли дойти до села и заночевали в полях Ишханигома до рассвета. Когда рассвело, чернь окружила нас и начала грабить, нас всех раздели, кто сопротивлялся, того расстреливали на месте. В этот день из нашего села были убиты жена Караханяна Овсеп со своими двумя сыновьями – Акопом и Бениамином, жена Зравяна Мурада и ее двое сыновей, а из других сел были убито несметное число женщин и детей. Целый день истязали нас и насиловали, отпустили нас только к вечеру, и мы вернулись в наше село. И по возвращении в село не оставили нас в покое, приходили искать мужчин и убивали их. В тот день вывели Караханян Овсеп из его дома и убили его на пороге.

N 15

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ ТАРЕР ВАРДАНЯН
ТЕР-АВЕТИСЯН О РЕЗНЕ В СЕЛЕ СУРП ВАРДАН ХАЙОЦЗОР-
СКОГО НАХИЕ ВАНСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА**

Через два дня после боя правительственные войска ушли, и мы остались в руках наших соседей курдов. Артаметские турки два-три раза в день заявлялись в село и всячески нас истязали. Два раза в день нас выводили из села, говоря: «Отправляем вас в Артамет и оттуда в дальние места – в плен». Но каждый раз, как только мы доходили до горы, там нас насиловали и отправляли обратно. Как-то раз курды пришли в село и нашли имущество, спрятанное под землей, после чего принялись искать людей и нашли 5 человек, спрятавшихся в пещерах, – Амирхана, Барика, Арслана, Азиза и Мартироса. Отвели их в Мюлк и зарезали там четверых, а Мартироса держали у себя до конца войны и освободили: у Мартироса был знакомый курд, который сохранил ему жизнь. Он вернулся и рассказал нам про это. После того нашли еще семерых⁴⁷ – Мурада, Согомона, Хачика, Акопа, Амбарцума, Петроса, Гаспара, Галуста, и убили их. За восемь дней из нашего села убили приблизительно 100 мужчин и детей. Через десять дней из города пришла вооруженная группа наших армян, чтобы увести оставшихся людей в город. наших солдат было приблизительно 100 человек. Когда они пришли в село, курды в ужасе убежали. Солдаты забрали нас, и мы вместе направились в город. Когда дошли до Курубаша и должны были перейти через реку, нас окружили находившиеся в Курубаше турки. [Начались] плач и стенания, рыдания и вопли – мать бросала свое дитя, брат – свою сестру, родственник – своего родственника, каждый пытался спасти свою жизнь. Каждый из сопровождавших нас солдат занял свою позицию и стал сражаться с ними. Сражались три часа, из Варага подоспели к нам на помощь, мы спаслись и пошли в город. Я и моя золовка дошли до Вана и там нашли моего мужа и свекра. 15 дней оставались там, пока, наконец, турки стали постепенно убегать. Мы были уже на грани отчаяния, и вдруг видим, что весь город опустел – турки все убежали. Уже наши солдаты нападали на турецкие села и истребляли оставшихся, пока русские не вошли в Ван. Когда русские вошли в Ван, мы вернулись в наши села и около одного месяца прожили там. Во время отступления русской армии мы оставили наши дома и отступили вместе с ними, добрались до Эчмиадзина, оттуда же переправились в Баку.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 473, л. 11–13 с об., подлинник, рукопись.

[1916 г.]
Баку.

Я, крестьянка из села Сурп Вардан Ванской санджака, Тарер Варданян Тер-Аветисян, в настоящее время проживаю в Армянском селе [вблизи] Баку по адресу 6-я Нагорная N 95, и мне помогает Комитет беженцев.

Я жила в нашем селе, которое состояло из 30 дворов армян. Наша семья состояла из семи человек, остались в живых мы четверо – я, мой муж Александр, моя свекровь Пироз и мой деверь Степан. Убит мой деверь Карапет, умерли жена моего деверя Сандухт и мой сын Хачик.

Войсковая мобилизация: летом (15 июля) 1915 года правительство приказало, чтобы все мужчины от 21 до 45 лет явились и записались в солдаты; все военнообязанные мужчины нашего села собрались и пошли в армию, и с ними мои деверья Степан и Карапет. После сбора войск полицейские явились к нам в село для сбора необходимых для армии вещей: пшеницы, муки, топленого масла, сыра и др.

Собрали в достаточном количестве и унесли; по истечении определенного срока правительство снова отправило своих полицейских за нашими продуктами и [вещами]. Так мучили и грабили нас всеми возможными способами до осени, до сражения в Сарае. Когда русская армия дошла [до Сарая], турецкое правительство стало разоружать армянских солдат, и по этой причине многие убежали, и многие были убиты за это. Мои деверья также сбежали из армии, вернулись в село и прятались там до весны (апрель 1915 г.), когда правительство со всей строгостью вновь потребовало солдат обратно, но на сей раз армяне не подчинились, и уже под этим предлогом правительство стало претворять в жизнь свою заговорщическую программу.

В начале апреля 1915 уже начались столкновения. В Шатахе шел бой, Востан сражался со своими ближними селами (Атананц и Спитак Ванк), 7 апреля началось Ванское сражение, и в тот же самый день чернь напала на наши села. Битва началась с села Кем, затем [народ] постепенно сбежал в наше село, и чернь за ними, убивая всех на своем пути. В тот день мой деверь Степан с несколькими своими друзьями пошли в Ишханигом, где вооруженные молодые люди сражались с турецкой армией, а другой деверь Карапет остался в нашем селе, пока село не осадили. Когда оставаться в селе стало опасно, он попытался сбежать из села. Едва отошел от

дома на несколько шагов, как ему встретились турецкие войска, и он вступил с ними в бой, но не смог сопротивляться [долго] и был убит нещадным образом. Село превратилось в бойню: безжалостно убивали мужчин старше 8 лет, всех собрали на берегу и убили. Убили также всех женщин, которые были некрасивыми и не могли заплатить им, а красивых женщин после изнасилования либо убивали, либо отпускали. Я и одна женщина из Хоргома прятались вместе, пришли и, избивая, отвели нас [туда]. Когда нас уводили, я увидела, что они поймали 14-летнего сына моего дяди и хотели заколоть его кинжалом. Я умоляла пожалеть его, они сняли с него и с меня одежду и отпустили, чтобы через несколько часов вновь поймать и убить его.

Мы со своей подругой спрятались в дупле дерева, а после сбежали, укрылись в церкви и стали молиться. Остались там на ночь. На следующий день сбежали в село Маштак, которое находилось на расстоянии одного часа [ходьбы] от нашего села. Две недели оставались там, после чего из Варага подоспели 20 наших мужчин, собрали нас и отвели в Ван. После получасового боя с курдами дошли до села Курубаш, и там на нас снова напала турецкая чернь. У наших солдат не было ни лошадей, ни патронов, а турки напали на нас большими силами. В народе началась паника – мать оставляла свое дитя, брат – сестру, и поднялась большая паника, но наши солдаты очень храбро сражались с турками, пока из Варага не подоспела помощь. Там около 50 детей утонули в реке. Несколько человек, в том числе и я, попали в руки турок и оставались у них 4 дня. В один из дней пришел Джевдет бей, приказал вывести из нашей группы 12 мальчиков и убить их кинжалами. Им сначала отрезали головы, затем по кускам стали отрезать остальные части тела, и таким образом убили всех 12 мальчиков, а нас отправили в Ван. По дороге нас очень мучили, останавливали на каждом шагу, обыскивали, насиловали, избивали и отправляли дальше. Наконец на исходе дня довели нас до Вана. 20 дней оставались мы в Ване, пока добровольцы и русская армия не вошли в Ван. Все крестьяне – голодные, жаждущие – находились в Ване. Жена моего деверя Сандухт и мой сын Хачик умерли от страха. После освобождения мы вернулись в наше село и стали приводить свои дома в порядок, но началось отступление, и мы переправились в Эчмиадзин, из Эчмиадзина – в Чардахлу, а оттуда переселились в Баку. В настоящее время живем здесь.

НАА, ф. 277, оп. 1, д. 469, л. 36 – 37 с об., подлинник, рукопись.

№ 16

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО САРГИСА КАПУТЯНА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ КЁШК ХАЙОЦДЗОРСКОГО НАХИЕ ВАНСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА

14 августа 1916 г.

Юва.

Саргис Капутян, крестьянин из села Кёшк Нордузского уезда⁴⁸ Вана рассказывает следующее о резне в их селе.

Село Кёшк состояло из 25 дворов с армянским населением 240 человек, в селе имелись 420 голов овец, 260 голов скотины всякого рода, 950 мер пшеницы, 540 мер ячменя и пр. Была одна церковь, которую разрушили вместе с селом.

Наше село было отдано во владение Мхе бей из аланского племени [курдов], живущего в селе Ахсин с времен тирании⁴⁹, следовательно, мы, крестьяне, и во время войны 1914 года не подлежали призыву во время войсковой мобилизации. В 1914 году в качестве военной подати, правительство (Нордуза) принудительно забрало у нас 70 голов овец, 20 литров топленого масла, 10 мер булгура, 40 пар шерстяных руковиц, 30 пар чарухов, 20 пар мешков, 3 волов и заставило переправить все это военное продовольствие, боеприпасы и другие вещи [в нужные им места], никак не оплатив [этот труд].

Отобранное у нас имущество мы на своих же животных и телегах перенесли в амбары и хранилища Нордуза, Востана, Сарая, Беркри.

Кроме того, что правительство заставило нас переправлять все эти вещи даром, так мы еще были обязаны служить нашему бейю и его слугам: благодаря ему мы были освобождены от воинской обязанности. Мы были вынуждены пренебречь своими домашними делами и выполнять то, что [от нас требовали], и [в результате] едва успели снять урожай с одной четверти наших полей.

А зимой всех мужчин села от 17 до 40 лет в «амалие тапури» на своих спинах переносили продовольствие и боеприпасы в Ван, Сарай, Багеш, Арчеш, Хлат и в другие места. [Трудились] целыми днями и покрывали огромные расстояния (несколько дней пути) в невыносимых условиях – в худой одежде, без обуви, без еды и воды. Все вынесли, все перетерпели.

12 апреля 1915 года каждый из нас был занят своим делом, когда вдруг вооруженные слуги нашего бейя – Тymo, Ипо, Хасо, Гатыр, Ахмен, Ыло [и др.], всего десять человек, заявили в село и через старосту объявили нам, что наместник Вана Джевдет бей приказал всем бейям и ага истребить армян в своих владениях, но Мхе бей решил защитить нас, как своих армян. Со-

брали нас, всего 45 человек, и отвели в село бея, где заперли нас в амбаре Ыло. Через 4 часа пришли и отпустили нас домой, чтобы мы, отобедав в наших родных домах, вернулись обратно, однако у нас появились сомнения, так как нас строго стерегли и строго относились к нам. Немного погодя наши подозрения подтвердились: брат мой Маргар, который служил работником у бея, тайно узнал правду, пришел и поведал нам о коварстве курдов, после чего я с двумя своими товарищами сбежал на гору Сег, где мы бродили 5–6 дней. Брат мой пошел искать меня, нашел и рассказал, что на второй день нашего побега всех 42 мужчин убили в амбаре и трупы выкинули на солнце за амбаром. В числе убитых был староста нашего села Оганес Мелконян и члены семьи его сына – Мартирос Оганесян и Товмас Арутюнян. Когда мой брат выходил из села, курды тайно последовали за ним и поймали нас, после чего рыская по горе, обнаружили еще 14 человек из разных сел. Собрали нас вместе, привели и арестовали в конюшнях бея. Немного погодя нам приказали явиться к бею, где сидел мулла. Нам предложили принять ислам, [но] мы отказались. До того староста села Оганес со своими сыновьями приняли ислам, но прежде всего убили их – со страшными пытками и кинжалами отрубая части их тел. Воспротивился и сам мулла: «Так как они прибегнут к любому способу, чтобы спасти свои жизни, – сказал он, – следовательно в случае страха и подобных условий Коран против их исламизации». Прекратив говорить, он ушел, а нас вновь отвели в конюшню.

25 апреля мулла Саид с регулярными войсками и огромной толпой черни прибыл в Ахсин. Мой брат сообщил нам, что русские захватили Ван, и что эти бежали, потерпев поражение; опасаясь их, мой брат пришел к нам.

Вечером после захода солнца регулярная армия и чернь осадили двери конюшни и ердик⁵⁰. Мы поднялись на ердик, пытаясь сбежать, однако они перекрыли и этот выход. Под напором черни мы открыли двери. Они ворвались внутрь (у некоторых в руках были топоры, косы, серпы и другие орудия) и вывели нас к амбарам. Прежде всего нас раздели и направили на нас винтовки, ожидая приказа. Один из слуг аги, будучи со мной в частной вражде, попросил у черни, чтобы меня отдали ему, так как намеревался убить меня после жестоких пыток. Чернь с радостью приняла его предложение. Отделили меня от моих товарищей, и мы удалились от них на несколько шагов. Он стал избивать меня палкой. Понимая, что умру так или иначе, я напал на него. Он позвал своих товарищей на помощь с криками, что его убивают. Все побежали в нашу сторону, стреляя из винтовок, но так как, к моему счастью, ночь была дождливой и темной, я смог спрятаться в поле и [остался там], будучи не в состоянии продолжать путь. Упал на землю с ослабевшими ногами. Они долго искали меня и, в конце концов,

вернулись в село и подобно стае волков умертвили 16 человек, убив их кинжалами, серпами и избивая палкой. Когда они вернулись в село, я поднялся на гору Сег, 5–6 дней провел там в снегах, вьюге, дождях, без еды и питья и полностью голый. Там я встретил нескольких женщин из нашей деревни. [От них] узнал, что наше село полностью сожгли, разграбили все [имущество] и всех безжалостно убили. Забрав женщин с собой, я направился в Хайоц Дзор. Русские и добровольческие войска уже вошли в Ван и захватили окрестности, и мы оставались там до июльского большого отступления. Уходили по линии Беркри, где айтаранские и зиланские курдские племена напали на нас, однако отступили, так как добровольцы вступили с ними в бой, и мы без урона перешли на Кавказ, в Эчмиадзин, где от сильной усталости и жары умерли 30 человек.

Оставшиеся в живых 15 человек расселены в селах Гамарлу и Эчмиадзина и до сих пор не вернулись на родину. Наши поля опустели.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 435, л. 1–2, подлинник, рукопись.

№ 17

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ САНАМ ВАРДАНЯН О РЕЗНЕ В ПОСЕЛКЕ БЕРКРИ БЕРКРИЙСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА

6 августа, 1916 г.
Мазра.

Рассказывает Санам Варданян из Беркрийского уезда Ванской губернии, в настоящее время живет в селе Мазра в Старом Нахиджеване.

21 июля 1914 года правительство объявило, что все мужчины поселка Беркри от 20 до 45 лет должны явиться на военную службу, и пригрозили, что тех, кто не явится, предадут военному суду. Таким образом была призвана вся молодежь [села].

Под предлогом военной подати правительственные чиновники начали регулярный грабёж. Например, только из нашего дома унесли 4 вьюка (два сшитых вместе мешка), один палас, 1 попону из войлока, 3 мотка веревки, пол литра масла топленого, 8 мер пшеницы, 12 голов овец.

Турки обращались с нами хорошо, пока русские не дошли до Кавре-Шаме. В это время правительство через глашатаев приказало каждому отправиться на свою мирную работу. Вечером 5 вооруженных полицей-

ских ворвались в наш дом, арестовали 7 мужчин, арестовали также всех мужчин Беркри (28 человек) и бросили их в тюрьму. Каймакам Беркри, муавин⁵¹ и местные чиновники заставляли армян отступить от своей веры и отказаться от своих жен, которых должны были отдать мусульманам в жены, и, наоборот, принуждали самим жениться на мусульманках. Армяне отказались. 8 дней уговаривали армян стать мусульманами, пока ага Баязета Али бей со своими милли не превратил Арчеш в пепелище, соорудил холмы из груд убитых армян и после ворвался в Беркри. Али бей убедил каймакама истребить армян от грудного младенца до взрослых, истребить, чтобы «не допустить объединения армян с Кери, когда русские захватят Беркри».

Мы отправились к каймакаму Беркри... Сколько раз целовали ему ноги, умоляя не убивать мужчин, но каймакам сказал, что ему приказано нещадно истреблять армян. На 9-й день заключения связанных мужчин отвели на мост, расстреляли по одному и бросили в реку. Подвергнув пыткам, убили мастера Маргара, а Тер Амаяку правительство вручило бумагу, в [которой было сказано] не поднимать на него руку. Каймакам передал священника Хуршуд бею из Малабата и приказал не прикасаться к Тер Амаяку. Три дня Тер Амаяк переносил имущество монастыря Хускан Ворди в дом бея, и [каймакам] сказал бею, что если [русские] не завоюют страну, то все останется тебе, в противном случае все вернешь священнику. Бей укрыл священника в тайнике, каймакам вскоре позвал бея и потребовал у него священника и арестовал его, требуя вернуть священника. Полицейские отвели священника и убили у источника Катнук. Курды Малабата избили полуживого священника до смерти. В рот всыпали мусор и бросили в реку.

В ужасе спрятали наших детей в муке в амбаре, дабы избавить их от турецкой свирепости. Всех женщин собрали в одном доме, чтобы отуречить их. Мы были в отчаянии, когда вдруг со стороны горы послышались выстрелы. Турки убежали, женщины спаслись.

Оставшаяся часть народа расселилась в разных селах Эриванской губернии. Мы, здесь живущие, состоим из 3 дворов и 16 человек, из которых работают 4 человека. Никто не вернулся на родину.

Во время отступления нам не разрешили взять с собой даже малую часть нашего имущества: [в нашем хозяйстве остались] 30 мер пшеницы в амбаре, 2 карара⁵², 2 меры муки, 3 буйвола, 4 вола, 5 коров, 4 осла, 7 телят, 45 овец и 45 ягнят и вся домашняя утварь.

Рассказала 55-летняя Санам Варданян из Беркри, грамотой не владеет.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 424, стр 9 об., подлинник, рукопись

N 18
**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ ЯЛДУЗ ЕГИАЗАРЯН
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ГЮЗАК БЕРКРИЙСКОЙ КАЗЫ
ВАНСКОГО САНДЖАКА**

[1916 г.]

Баку.

Я, крестьянка из села Гюзак Беркрийской уезда Ванской губернии, Ялдуз Тер-Саргсян-Егиазарян, в настоящее время живу в Армянском селе [вблизи] Баку, по адресу 16-я Нагорная N 10, мне помогает Комитет беженцев.

На родине я жила в своем доме, наша семья состояла из пяти человек.

Остались в живых только я и моя дочь Сирануш – всего два человека.

Убиты мой муж Хачо и мой сын Тигран – всего два человека. Умерла моя дочь Гоарик, всего один человек.

О войсковой мобилизации 1914 года, вторжении Амар бея в их село в начале апреля 1915 года и об их страданиях во время пленения рассказывает то же самое, что в N 1⁵³.

В начале апреля, в тот самый день, когда Амар бей вырезал мужчин нашего села, в наш дом ворвались 6 курдов и нашли моего сына моего Тиграна в тайнике. Я с плачем пошла за ними. Курды потребовали у моего сына пистолет, мой сын, указав, где находится пистолет, сказал мне: «Мама, ради Бога, вытащи пистолет и отдай им, чтобы они не убили меня». Я отдала пистолет курдам, двое из этих курдов в тот же момент схватили моего деверя Миро и привели к нам. Курды собирались убить моего сына, я плакала и [умоляла их], тогда один из курдов потребовал у меня денег за жизнь моего сына. Я отдала ему 7 меджитов⁵⁴, все, что у меня было, а курд, забрав деньги, выстрелил в моего сына и убил его. Сын мой повалился наземь и умер с песней на устах. Пока я сидела рядом со своим [умирающим] сыном, на другой стороне курды убили Миро (плачет и не может рассказывать дальше). Мой муж Хачо с тремя товарищами убежали и укрылись в горах еще до этих событий. Курды настигли их в горах и убили.

После того курды собрали всех нас, женщин, и, разграбив, отослали в село Горцот. Мы направились в Горцот, где местная молодежь уже сражалась с Амар беем. Сдались на 21 день боя в Горцоте. Я была свидетелем, как убивали крестьян этого села (рассказывает то же самое, что свидетель из Горцота N 1⁵⁵).

После этого нас отправили в Беркри, но и там не предоставили нам пристанища и отправили в село Пзтик, откуда турки убежали через несколько дней. Пришли армянские добровольцы, и мы спаслись.

Мы вернулись в наше село, где умерла моя дочь Гоарик.
Во время июльского отступления 1915 года мы переселились в Баку.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 472, л. 12–13, подлинник, рукопись.

№ 19

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ ДИЛБАР МКРТЧЯН
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ГОРЦОТ БЕРКРИЙСКОЙ КАЗЫ
ВАНСКОГО САНДЖАКА**

[1916 г.]
Баку.

40-летняя Дилбар Мкртчян из села Горцот Беркрийского уезда Ванской губернии, в настоящее время живу в Армянском селе вблизи Баку по адресу 15-я Нагорная № 12, мне помогает Комитет беженцев.

До войны я жила в нашем селе Горцоте. Наша семья состояла из пяти человек – я, мой муж, мои двое сыновей и мой внук. Теперь я осталась одна, мой муж и оба сына убиты, мой внук Вазрик умер.

Мой брат был старостой нашей деревни, потому я знаю [всё], что случилось в нашей деревне.

Когда началась война, и наших сельчан стали забирать в аскяры и в амалию, курды начали притеснять нас: на наших глазах отбирали наше имущество, наших коров и овец и уносили в свои села. Ситуация ухудшалась день ото дня становилась, и наши сельчане решили уйти в горы, чтобы там быть свободными от [посягательств] курдов. Едва мы успели собраться и взять с собой еды перед тем как уйти в горы, как обо всем узнал каймакам и позвал моего брата – старосту нашей деревни – к себе, в Беркри Кале (это было на 8 день Пасхи). Он строго-настрого запретил ему уходить в горы, и приказал всем крестьянам продолжать пахоту и посев, а кто ослушается, с того взыскать штраф в размере 5 золотых монет. Мой брат сказал ему, что мы боимся курдов и не можем оставаться в селе. Каймакам поклялся именем Мухамеда, что армянам не грозит никакая опасность. Мой брат повел каймакаму и, вернувшись в село, через сельского посыльного объявил сельчанам, чтобы те не тревожились и приступили к пахоте и посеву. Через 6 дней после того случая сам каймакам явился в наше село и приказал моему брату собрать всех мужчин для того, чтобы отыскать среди них дезертиров, и сказал, что он вернется через три дня и уведет их с собой, и чтобы

не смели стрелять в войска, иначе всех сельчан убьют. Еще до этих событий мы подготовили в нашем селе лахумы⁵⁶ под нашими амбарами для того, чтобы спрятаться в них в случае необходимости. Когда каймакам пришел на третий день, все молодые люди (800 человек) укрылись в этих лахумах. Каймакам, узнав о том, что крестьяне спрятались, привел с собой настоятеля монастыря Тер Хускан Ворди Тер Манвела⁵⁷ и сам он пришел с 500 конными аскярами и курдами. Часть этого войска вошла в село и укрепились в церкви, а остальные окружили село. Тер Манвел и староста посовещались и решили, что прятаться не имеет смысла, и будет лучше, если все выйдут из тайников и повяжут на спины кожаные фартуки (все батраки работают в таких фартуках) для того, чтобы показать, что они бедные батраки, и после пусть идут служить конникам, а часть крестьян пусть приготовит еду для них. Когда [войска] поели и насытились, подозвали крестьян и потребовали 600 лир и 150 винтовок «моси». Мой брат староста собрал по всему селу 900 лир и отдал каймакаму. Они забрали деньги и потребовали еще 100 лир. Когда староста сказал, что денег больше нет, его схватили и стали избивать, нанося удары по спине и голове, затем собрали 60 видных людей села и по-одному кастрировали всех (рассказчица плачет и долгое время не может рассказывать дальше). На рассвете собрали их всех, связали и отвели на вершину горы. Мы, 12 женщин, обратились к каймакаму, просили его, умоляли, чтобы пожалел нас, 3 женщины положили перед лошадьё каймакама своих грудных младенцев, говоря, что жертвуют этими детьми, только бы он освободил хотя бы 30 человек, а каймакам ответил, мол, не бойтесь, возвращайтесь, я всех верну вам. Но мы им не поверили и пошли за ними. Вскоре из отведенных [сельчан] 30 человек вернули в село, мол, даруем им жизнь. Мы продолжали идти за арестованными. Брат мой не мог ходить, раны опухли и свесились, два турка вели его за руки. Брат мой обратился к нам, мол не бойтесь, у меня с собой много золота, я спасусь, и, вытащив золото, всыпал в ладони курда. Золото забрали, но продолжали его вести. Всех отвели в ущелье Егвана, хотя оно и было вдали от дороги, но мы продолжали надеяться, что их не убьют. Когда дошли до края ущелья, [выставили] палку с белым платком, произнесли салават⁵⁸ и стали их вязать и расстреливать, оставшихся в живых забили камнями, несколькими разорвали рты и после зарезали как овец. В их числе убили моего сына Хало – 20 лет, моего сына Хуршуда 18 лет и моего мужа Григора...

Вернулись в село. В селе в тайниках оставались около 400 молодых людей. Они вышли из своих тайников. В тот же день в нашем селе собрались крестьяне из соседних сел Гюзак, Сурп Тадевос, Кабабик, Псти гюх, Кёшк, Андзав со своими женами и детьми и решили сражаться с турками и курдами и не впускать их в село. Крестьян возглавили сын Акопа Гюмро, сын

Месропа Мело и Мирза, сын Корчо. Все они были партийными людьми. Со всех сторон села устроили посты. Курды и турки нападали на наше село, мы сражались 20 дней и не впустили никого в наше село. Но турки разрушили все водяные мельницы, перекрыли воду, и в селе начался голод. 8 дней сражались голодными, сражались бы еще, но было ясно, что так больше не может продолжаться. Сельчане собрались, чтобы решить как нам поступить. Миракенц Шапух, который когда-то был мюдиром, предложил сдаться, но часть крестьян воспротивилась этому. Ночью около 30 юношей вышли из села, чтобы сбежать в горы. В поле убили восьмерых, остальные убежали, укрылись в горах и кое-как пробыли там [некоторое время]. Оставшиеся в селе собрались в церкви, священник причастил всех. Когда наступило утро, турки ворвались в село. Курдов возглавляли Омар Мамо (ага Кёшка) и Амалбек (сын бека Беркри Кала Махмада), а аскяров вел каймакам. Окружили церковь с четырех сторон, собрали нас и разделили на три части – молодых женщин и невесток отдельно, старух отдельно и отдельно мужчин. Девушек и невесток забрали себе (их было 50 человек), в их числе – Гюлизар, дочь моего брата. Из этих девушек и невесток около 40 человек вернулись после того, как пришли добровольцы, а что случилось с остальными, мы так и не узнали, но и все вернувшиеся умерли, кроме одной – дочери Казара, которая жива и вышла замуж за добровольца Аршака (в настоящее время живет в эриванском селе Камарлу).

Всех мужчин отвели и собрали в домах Манука эфенди, агы Саака и Чко. 20-летний сын Шапуха убежал и спрятался в сельской маслодавильне, его окружили и потребовали, чтобы он вышел из маслодавильни и сдался, но он не вышел. Стали стрелять. Он отстреливался из маслодавильни, убил 10 курдов. Когда патроны кончились, вышел из маслодавильни и попытался убежать. Настигли его у источника, привели его обратно к нам, перед нашими глазами выкололи ему глаза, потом отрубили руки, ноги, и только в конце – голову. Остальных мужчин привели, всех раздели, затем позвали женщин и приказали, чтобы каждая встала перед своим мужем, и приказали, чтобы мужчины стали танцевать перед своими женами, и в это время начали расстреливать. Никому не удалось спастись, все погибли, только один смог убежать и, чтобы не попасть в руки турок, бросился в колодец и утонул там. Все трупы сбросили в колодцы. Священника мы спрятали среди нас, женщин, и надели на него женскую одежду. [Но они] нашли его и, схватив его за бороду, отрезали голову. Часть пожилых женщин убили и сбросили в ущелье. Из 800 молодых людей села спаслись 3 человека: Мадо, доброволец в группе Дро, и еще двое. Пришли русские и повесили их в Беркри Кале и таким образом подрубили под корень всех мужчин нашего села. Они ушли искать свое имущество и ввязались в бой с турками. Казаки вмешались,

а наши парни, не зная, что это казаки, стали биться и с ними, и в итоге их повесили за то, что стреляли в казаков.

Многих женщин убили, а кто остался в живых, те сбежали в горы. Там невозможно было находиться, мы голодали, мой внук Вазрик, который был со мной, умер в горах от голода. И езиды, объединившись с курдами, очень много тягот причинили нам в горах. Через несколько дней езиды сообщили нам, что русские пришли, что они видели добровольцев около Беркри Кале. После этих вестей мы спустились в Псти гюх, а когда пришли наши добровольцы, они отвели нас в Беркри кале, где были еще 8000 женщин. Нас стали кормить и заботиться о нас, а после разместили в наших селах. Наш сельчанин Мадо, который был добровольцем в отряде Дро, собрал нас всех и отвел нас в село. В нашем селе собрались около 400 женщин и детей и два старика, и Мадо.

Когда мы убегали в горы, многие женщины оставили своих детей (32 ребенка) в доме Шапуха. Всех детей растерзали собаки.

На мой вопрос, участвовали ли езиды [в этом], она ответила, что езиды [в это время] смешались с курдами, на ее глазах они убили 6 человек, а когда пришли добровольцы, прикинулись друзьями.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 473, л. 27–30, подлинник, рукопись.

N 20

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ СИМАМ КАЗАРЯН О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ДЕРОН АБАГИНСКОГО НАХИЕ БЕРКРИЙСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА

6 августа 1916 г.
Мазра.

Резня в Абагинском селе Дерон.

Рассказывает Симам Казарян из села Дерон Абагинской волости, в настоящее время живет в селе Мазра в Старом Нахиджеване.

В день Пасхи 1915 года, в понедельник, Мустафа ага из села Чбхлу явился в наше село с 45 милли, окружил село, чтобы никто не убежал, и выбрал и увел 35 молодых людей, обманув нас, что ведет их на работы. Они работали у него неделю, после чего Мустафа ага убил всех в Арчеше, только два человека сбежали и спаслись. Затем [Мустафа ага] собрал 30 человек среднего возраста в одном доме, вызвал правительственные войска из села Каймаз, и они повели наших людей на равнину, называемую Бзрхан⁵⁹. Не-

смотря на то, что нас избивали, мы последовали за ними до вышеназванного места, где они связали людей по двое и расстреляли. С особенной жестокостью и пытками убили [священников] Тер Геворка, Тер Арутюна и Григора Барсегиана – самого богатого человека в селе.

Мустафа ага, сын Махмад аги, поклялся честью Расула⁶⁰, что сохранит жизнь Тер Арутюну, если тот отдаст ему все свои деньги. Священник принес наполненный османским золотом сосуд и отдал Мустафе аге. Отобрали у него и серебряные деньги. Но обещание свое ага сдержал в течение всего одного часа, а после священника отвели к источнику вверх от села, набросили веревку на шею и пытали его до рассвета. Священника посадили, дали ему в руки яд, после обернулись к нам, оставшимся в живых, и говорили: «Вот, смотрите, взрослые и младенцы, священник сейчас покажет, кто Верховный Правитель, кто нет», и [говорили] прочие издевательства. После Тер Арутюну отрезали язык, вложили яд в рот и расстреляли. Тер Геворка также вывели из дома два человека и расстреляли.

Увели дочь Тер Арутюна Айкуш и одну женщину – Луси Манукян. Последняя воспротивилась, у нее в руках был грудной младенец, так они ребенка отрезали ноги саблей, бросили его оземь, а мать связали и увезли на лошади. В день по 3–4 раза приходили в наше село, раздевали всех женщин и детей, собранных в доме, говоря им, что у них есть спрятанные деньги. Вскоре подросли русские, и турки убежали, не имея возможности вырезать остальных.

Те, кто остались в живых, в основном живут в Эриванской губернии.

Рассказчица – неграмотная женщина около 40 лет из села Дерон Абагинской волости.

НАА, ф. 1, оп. 1, д. 424, л. 10 об., подлинник, рукопись.

№ 21

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО ДАВИДА ФАРМАНЯНА
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ХАЧАН БЕРКРИЙСКОЙ КАЗЫ
ВАНСКОГО САНДЖАКА**

15 августа 1916 г.

Юва.

Житель села Хачан Абагинской волости Давид Фарманян рассказывает следующее о резне в их селе.

Село Хачан состояло из 100 армянских дворов с населением 1360 человек. В селе имелись 2500 голов овец, 1240 голов разного скота, 72 000 мер пшеницы, 20 500 мер ячменя и ржи.

В селе были одна церковь и одна школа, которые сейчас в полуразрушенном состоянии, как и село.

Армянские села Абагинской волости разделили между собой айтаранские аватапеты⁶¹, подобно церковным приходам. Даже после принятия конституции мы подвергались убийствам, притеснениям и давлению.

Наше село находилось под властью Бадыра, сына айтаранского Мехмед бея, и во время войны, как и всегда, на нас войсковая мобилизация не распространялась. Только по просьбе мюдира Базидага отправили 8 человек в «амели» – на дорожные работы, организованные правительством Арчеша. Правительство в качестве военной подати забрало у крестьян 220 голов овец, 250 волов с телегами и всем снаряжением и отправило их на транспортировку военного продовольствия. Также забрали 270 мер пшеницы, 120 литров масла, 52 меры крупы, 100 полотнищ войлока, 120 пар шерстяных носков, 50 пар чарухов, 105 пар шерстяных рукавиц и 50 телег сена (каждая телега по 70 турецких литров). Все это мы на наших средствах переправили в амбары Базидага и Каймаза.

А зимой на спинах переправляли продовольствие и боеприпасы в Беркри, Хлич-Гедук и другие места.

25 марта 1915 года мюдир Базидага явился в наше село с 15 полицейскими, и жестоко избил старосту Аветиса, священника Тер Месропа и еще некоторых людей, после чего собрал все оружие сельчан – 18 единиц [оружия]. 6 апреля мюдир с 15–20 полицейскими, и Амар, сын мюдир бея, со своими 10 слугами явились в наше село и привели с собой 32 связанных крестьян из Назарове, связали также 28 человек из нашего села, одним из которых был я, и в десятом часу вечера (по т. в.)⁶² отвели в стороны Каймаза, в место слияния вод Кара-Су и Пхорахане⁶³. Прежде всего раздели нашего священника Тер Месропа и сказали ему, что освободят его, если он примет ислам, в случае же отказа – убьют. Конечно же священник отказался, и тогда стали вырывать ему бороду, ятаганом отрубили части тела и в конце – голову, и бросили в воду. Так же истязали и убили старосту нашего села – Аветиса, депутата Акопа, Григора, Авака. Та же участь постигла Аспатура Овсепяна, Акопа Петросяна и Бахдасара Галояна. Очередь дошла и до меня, меня тоже раздели, и палачи стояли вокруг как ангелы смерти и ждали приказа, [между тем] солнце зашло. Вырвавшись из их рук, я бросился в воду. Они стали стрелять. Я поплыл, гребя своими обессилевшими руками, и через короткое время вышел на другой берег. Моему примеру последовали только двое крестьян из Назарове.

Мюдир во главе регулярного войска, взяв с собой айтаранских беев Мехмеда и Бадыра с их людьми и огромной толпой черни, на следующий день еще до рассвета осадил село. Начали грабить, стрелять и убивать всех без разбору. Убили 350 человек. Оставшиеся в живых убежали к Тахар бегу. Правительство приказало ему, чтобы либо он сам убил армян, либо сдал правительству. Он не выполнил ни одного приказа, и был отравлен правительством и умер, а народ разбежался кто куда. Через 5 дней русские вошли в Ван и захватили окрестности. Мы вернулись в наши дома и приступили к покосу, однако наступило июльское отступление, и мы ушли по линии Кизылдизея, где нас ограбили зиланские и айтаранские курды, [уже принявшие] подданство русского правительства. А Бадыр бей и зиланские аватепеты, скрывшиеся на горе Алакан, напали со своими людьми на нас около Кисана. Мы под руководством наших добровольцев – Аршалуйса из Эривани, ахалкалакца Арама и Арташа из Гандзака, сражались с ними целый день, обратили курдов в бегство и прошли в безопасности, только потеряли 8 человек из Каймаза – 4 мужчин и 4 женщин.

Из-за сильных тягот пути, страха и плохих условий умерли по дороге – в Айричаре 80, а в Эчмиадзине – 20 человек. Те, кто остался, по указанию «Братской Помощи» Эчмиадзина, разместились в селах Эчмиадзина, Каравансарая, Ахзитепе и Гамарлу.

В 1916 году мы без разрешения вернулись на родину, однако [оказалось, что] Бадыр бей, поглотивший столько крови, предстал перед русским правительством послушным и миролюбивым [человеком] и присвоил себе все движимое и недвижимое имущество армян. Мы скосили траву, однако когда наступило августовское отступление, всё оставили и вернулись на прежние места.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 438, л. 1–2, подлинник, рукопись

№ 22

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО АРАКЕЛА ГАРИБЯНА
О РЕЗНЕ АРМЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В АРШЕСКОЙ
И АЛЬДЖАВАЗСКОЙ КАЗАХ ВАНСКОГО САНДЖАКА**

11 августа 1916г.
Караханбеглу

Рассказывает Аракел Гарибян, из села Норшен Альджаваза, в настоящее время живет в селе Караханбеглу Старого Нахиджевана, 34 лет.

21 июля 1914 года правительство издало отдельный приказ и призвало в армию [мужчин] от 20 до 45 лет. Не явившиеся подлежали военному суду. Призвали даже тех, кто был младше 20 и старше 45 лет, их призвали и обманом распределили в воинские ряды. Пока правительство не замышляло чего-то против армян, по крайней мере против нас, состояние армянских солдат было терпимым, несмотря на то, что мы постоянно подвергались религиозным оскорблениям, и с нами обращались равноправно. Нам неизвестно, по какой причине турки вдруг резко изменили свое отношение к нам, но угрозы и побои уже не прекращались. Еще когда мы находились в Беркри, нас, армянских солдат, отделили и разоружили, что вызвало у нас сильные сомнения о том, что турки всенепременно замышляют черное дело. И по этой причине те из нас, кому предоставилась такая возможность, совершили побег во время нашей переправки в Ван.

Оставшиеся в селах жители переправляли все, чем владели, на границу для армии, а в семьях, где не было мужчин, даже женщин обязали [делать это]. Жандармы врываются в дома, отнимали и уносили рис, скотину, овец, топленое масло, сыр и пр. Очень часто те, кто перевозил армейское продовольствие на собственных волах, [пропадали без вести] и не возвращались. Их обычно убивали, а редкие счастливые спасались взяткой либо с помощью товарищей курдов.

Наши села расположены вдоль дорог Ван – Беркри – Баязет, в частности, вдоль дороги, ведущей в Хлич-Гедук. По этой причине мы подвергались нескончаемому насилию, угнетениям и лишениям. Уезд за короткое время опустел. Различными обещаниями полицейские, [известные] своим взяточничеством, обобрали нас до последней нитки и после истребили [всех].

Резня в Арчеше началась 7 апреля. Каймакам лично руководил погромщиками. Зачинщик резни со своими милли и полицейскими обманом собрал всех мужчин и женщин Арчеша в казарме; связав их рядами. Отвели людей к краю рва, сбросили их вниз и засыпали песком. Среди убитых был местный священник (Глава епархии), мастер Аро со своими сыновьями, кузнец Ове со своими сыновьями.

На следующий день, 8 апреля, очередь дошла до Альджаваза. Уездный центр Альджаваза заполнился полицейскими каймакама и правительственными войсками, и был вырезан весь Альджаваз, спаслись всего лишь 3 мужчин. Мюдир Сарису вместе с курдами начал резню [армян] этого уезда и опустошил некоторые села.

Так, из села Верин Сипан, которое состояло из 50 дворов, спасся всего один мужчина по имени Сето. Среди убитых жителей этого села – известные лица: Мелик Ове со своими тремя сыновьями, Его Маргарян со своими

двумя сыновьями, Хаджи Акоп (торговец), Аво Гюламирян со своими тремя сыновьями и Сароян Хчо со своими двумя сыновьями.

Спасшиеся от резни альджавазцы убежали в горы, спускаясь в села лишь ночью, чтобы найти себе пропитание, а после часть альджавазцев перебралась в монастырь Лима, а остальные – в села Тимара, пока не подоспели русские.

Во время июльского отступления 1915 года многие были расстреляны вероломными курдами во время перехода через Беркрийский мост.

Никто не вернулся на родину. В настоящее время живут в селах Эриванской губернии, в уезде Гандзака и др. местах.

Подпись рассказчика – Аракел Саркисович Гарибянц.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 424, л. 20–21, подлинник, рукопись.

№ 23

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО МКРТЫЧА АСЛАНЯНА
О РЕЗНЕ В ПОСЕЛКЕ АКАНЦ-АРЧЕШ
АРЧЕШСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА**

23 августа 1916 г.

Ошакан.

Рассказ исконного арчешца (Ван) Мкртыча Асланяна (45 лет). Единственный мужчина, который спасся после резни Арчеша.

Прежнее состояние села: поселок Арчеш состоял из 550 дворов с армянским населением и 2500 дворов с турецким населением, большинство жителей занималась земледелием. В Арчеше были две армянские церкви – Св.Геворк²⁷ и Св. Тадевос (Фаддей) с двумя священниками. Наш священник Тер Егише⁶⁴ был Главой епархии. В селе были две начальные школы – одна для армян-прихожан Армянской апостольской Церкви, другая – для армян-протестантов⁶⁵. В школах учились 500–600 детей обоих полов. Была библиотека с читальней «Еркатян»⁶⁶, в которой хранились 1500 экземпляров книг, и [которая получала] 5-6 наименований газет.

Армянская часть села владела стадами скота (волы и коровы) в 1200 голов, стадами мулов – 500–600 пар, лошадей – 100–200 голов, ослов – 300 голов, а также стадами овец в 1000 голов, а также [владела] 700–800 халварами⁶⁷ пахотных земель, 300 стогами лугов, 20–30 водяными мельница-

ми, 1200–1500 виноградниками и фруктовыми садами. В селе имелись 300 телег, 250 плугов, 500–600 сох.

Кроме местных крестьян, в Арчеше жили также около 300 ванских и битлисских торговцев, у которых были свои магазины.

Нынешнее состояние села: Арчеш в настоящее время полностью обезлюдел. Церковь Св. Геворка сожгли турки, а церковь Св. Тадевоса разрушена. Все древности (манускрипты и др.) и церковная утварь разграблены. Армянскую школу сожгли русские согласно какому-то военному плану, а протестантскую армянскую школу сожгли курды. Сожжен также весь Арчеш: дома турок – руками армян (после того, как турки покинули село перед вступлением русских войск), а дома армян – руками турок и курдов после отступления армян.

Вся скотина села присвоена турками и курдами. Во время отступления турки переправили свое имущество на наших животных, а все, что осталось в селе во время отступления, досталось курдам.

Число спасшихся мужчин Арчеша едва достигает 100, 20 из которых, служа солдатами в турецкой армии, смогли сбежать в Ван и спастись; еще 10 мужчин, прячась в разных местах, смогли избежать [резни]. Уведены в плен одна женщина, две девочки и один мальчик – остальные все женщины, девочки и мальчики (до 10 лет) спаслись от резни.

Войсковая мобилизация и состояние армян, армянские солдаты. Во время войсковой мобилизации из села ушли в солдаты около 100 военнообязанных, 10 из которых были посланы в сторону Эрзерума, и до сих пор неизвестно, где они, а 20 – в сторону Вана, и им удалось сразу же сбежать в Ван и спастись. Кроме них, еще 250 человек работали в «амалия» на строительных работах дороги от Арчеша до Орорана, все со своим пайком. А повинности и военные подати, «текалиф харпин» (военная подать) и «иане»⁶⁸ стали обычным делом, как и в других местностях.

Резня и ее подробности. До 7 апреля, Дня благовещения, соседи турки и курды относились к нам как обычно: о резне не было никаких слухов. Только после резни мы узнали, что месяц назад наш каймакам получил телеграмму из Константинополя, [в которой было написано] мол, истребите этих собак. Каймакам до того был хорошим человеком, он не вредил армянам, но приказал, чтобы отравили и убили всех собак села, так и случилось до резни армян...

В полдень 7 апреля, когда мы по обыкновению работали, вдруг каймакам прислал на рынок полицейских, и главу Епархии (который сидел там в магазине), священников, а также всех мастеровых и всех торговцев позвали в правительственный дом, мол, каймакам вас зовет. После этого полицейские стали рыскать по селу и по полям, чтобы собрать остальных крестьян по спискам населения, [которые были составлены] после проведенной ими переписи.

²⁷ Св. Геворк был важным местом паломничества.

Предчувствуя беду, я сразу убежал в дом соседа Мухтара али чавуша, жена которого – Амаяил, 40-летняя добрая старуха, спрятала меня за кроватью под тряпками (в тот момент никого не было дома, кроме нее). И сколько раз не приходили бы турки после этого, все-таки не смогли найти меня ни в нашем доме, ни в доме этого турка. Амаяил всегда выпроваживала их и клялась, что у нее дома никого нет. Ночью муж Амаяил, вернувшись домой, велел жене выдать спрятанного человека. Убедившись, что мое пребывание здесь становится опасным, я вышел из дома турка и спрятался в нашем хранилище кизяка. Но до того сообщил своим домашним, и они принесли мне одеяло, в которое я завернулся, спрятался в хранилище, а кизяки набросил на себя, на голову же положил 2 вязанки хвороста, чтобы меня не было видно и чтобы перевести дух на некоторое время. Целых 32 дня прожил я в таком состоянии в нашем хранилище. Каждый день из дому тайно приносили мне хлеба и воды, поиски турок результата не принесли, никто не смог меня найти.

Когда стемнело, глашатай прокричал, чтобы ни одна женщина или ребенок не выходили на улицу, иначе будут наказаны. После этого объявления глашатай послышались оружейные залпы и раздирающие душу крики умирающих. Часто турки усаживались около моего хранилища, облокачивались на его стену и рассказывали [друг другу] о своих геройствах. Из этих рассказов я узнал, что наш священник (Тер Егиазар) и наш Глава епархии (священник Тер Егише), все знатные люди армян по приказу каймакама были зарезаны кинжалами – их порубили на куски, а до того как их убить, с каждого них содрали бороду с кожей лица, чтобы прибить к стене рынка в качестве украшения... Торговец из Вана Ншан ага Абагян, который в то же время был секретарем при правительстве, спросил каймакама, зачем он творит такие свирепые вещи, какое преступление мы совершили, что тебе сделали эти несчастные? Каймакам в ответ сказал: «Имени армянина не должно остаться на земле».

Горожане были убиты во дворе казармы, большая часть – холодным оружием. Был слышен голос Ншана Абагыана, который умолял «Ради бога, убейте меня пулей». А крестьян, связав группами, вывели из Арчеша и убили рядом с рвами и ямами (у водяных мельниц Перела, около дорог Харкена и Орорана, Вана и садов) и бросили их в ямы. Убитых в казарме тоже отнесли и бросили в эти ямы. А до того в эти ямы были сброшены убитые накануне собаки...

В дни резни правительственные телеги вывозили все имущество и богатства из домов и магазинов армянских торговцев в правительственный дом, только дома местных исконных арчешцев избежали этого грабежа. Резня была совершена руками регулярных турецких полицейских, число которых доходило до 200–300, а местные турки нас не тронули.

По мере приближения русских войск турки убежали, кроме 10–15 богачей, как например, Хаджи Гасан агы, сына Каграмана агы Шакир эфенди,

Шариффенди, сына Чавуш агы Мустафа агы, Ибрагима эфенди (из военачальников), Ибрагима эфенди Ала-кютапа и других, которые сдались русским, но в конце концов были отпущены...

Как только русский авангард вошел в наше село, мои домашние пришли и увели меня домой. Я вышел из своего тайника и достал ячменя для их лошадей, а для них – хлеба и еды, пока армия и армянские добровольцы не вошли в село...

Отступление и потери во время отступления. 15–16 июля вдруг зиланские курды (микайенские, хаджикские, хамасские) пришли и осадили село. Все местные мужчины, которые находились в Арчеше (около 10 человек) и около 40–50 армянских добровольцев вместе напали на них и погнали их до курдского села Чахырбек. Русские не приняли участия в этом бою.

Сразу же на следующий день этого сражения русские объявили, что отступают. У нас даже не было времени на сборы. Едва успели взвалить на спины наших детей и немного еды и выступить в панике. Наша скотина была в полях, у нас не было времени забрать ее и погрузить на нее поклажу. В тот первый день дошли до курдского села Арнис (на дороге в Беркри), на следующий день дошли до Беркри, до русских сторожевых постов. Оттуда в три дня дошли до Игдира, где оставались 2 дня. После добрались до Эчмиадзина и окрестных сел Эривани. По дороге умерли 15 женщин и мальчиков, а в Игдире и Эчмиадзине – около 20 человек. За прошедший год многие умерли, не знаю точного числа. Большая часть наших односельчан живет в Эчмиадзине и Эривани.

Написано согласно моему рассказу.

Ввиду неграмотности [рассказчика] подписываюсь за Мкртыча Асланяна – Г. Ачемян.

НАА, ф. 227, оп.1, д. 432, л. 12–17 об., подлинник, рукопись.

№ 24

СВИДЕТЕЛЬСТВО НУБАРА РАШОЯНА О ПЕРЕНЕСЕННЫХ МУЧЕНИЯХ АРМЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕЛА АГАСАП АРЧЕШСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА

1 сентября, 1916 г.
Маргара.

Рассказ Нубара Рашояна, жителя арчешского села Агасап (резня в селе).
Через две недели после Пасхи (1915 г.) среди курдов Агасапа началась чрезвычайная суматоха.

В селе Агасап было всего 2 двора армян и 20 дворов курдов. Армянки спросили курдянок: «В чем дело?», а последние ответили: «Поступил приказ убить всех армян». Фате, жена Рашид агы, вручила оружие своему сыну Нури Мехмеду, сказав ему: «Вооружись, среди армян есть трое мужчин (Амбарцум Арутюнян, Мовсес Мурадян, Манук Екмалян), отведи их и передай русским, чтобы курды не убили их».

И так и вышло. Мехмед ночью тайно вывел мужчин из села, и им удалось перейти в русскую армию.

Оставшиеся армяне (женщины и дети) остались в руках курдов, но, благодаря Фате, были в безопасности. Во время наступления армянских добровольцев Фате убежала, а женщины и дети, бывшие под ее защитой, остались в руках курдов, которые всех женщин и девочек (даже 8–10-летних) и даже всех мальчиков того же возраста (8–10 лет) изнасиловали и похитили.

Это длилось 9 дней. Армяне, пока русские были на подходе, убежали в курдское село Чанчахбюр, где курды напали на них и отобрали овец и скотину. После они пришли в Аканц (Арчеш), где оставались две недели, и во время июльского отступления (1915) по линии Беркри-Абага перешли в Игдир, оттуда же расселились по окрестным селам Эчмиадзина.

Написано согласно моему рассказу.

Ввиду его неграмотности и по его просьбе написал вместо него. Крестьянин из села Маргара – Аветис Маргарян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 449, л. 8–9 об., подлинник, рукопись.

№ 25

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ ОВСАННЫ
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ БАНОН АРЧЕШСКОЙ КАЗЫ
ВАНСКОГО САНДЖАКА**

21 августа 1916г.
Бзованд Куламали.

Овсанна, крестьянка из арчешского села Банон, рассказывает следующее о резне в их селе.

Село Банон состояло из 22 армянских дворов с населением 450 человек. Она также владела стадами коров, волов и мулов в 1050 голов, стадами овец в 1500 голов, 20 000 мерами пшеницы, ячменя и пр. Перед войной правительство увело из села 30 мужчин в солдаты. Полицмейстер Арчеша взял в

качестве взятки 70 овец (у Манука Акопяна) за освобождение его сына от воинской обязанности, но не прошло и недели, как он лично отправил того в армию.

Правительство в качестве военной подати забрало у крестьян 200 мер пшеницы, 22 волов, 40 пар шерстяных носков, 30 пар чарухов, 22 пары мешков, 30 [мотков] веревки, 40 телег сена, 30 телег кизяка, 400 окка выпеченного хлеба и прочее. Все это мы переправили в амбары Арчеша на собственных животных.

От наших солдат приходили письма [в которых они писали], что находятся в очень неблагоприятных условиях: днями оставляют их без еды и воды, подвергаются наглým оскорблениям и презрению офицеров. После объявления войны их всех разоружили и отправили в отряды «амелие» строить лагерь, новые правительственные дома и рыть окопы. Там их тоже не кормили, а ночь они проводили на сырой земле, среди них начались болезни, и они по этой причине убежали.

В марте правительство забрало из нашего села 40 человек в «амелие» [на территории] между Арчешем и Орораном. Вначале им приказали выкопать огромную яму, и, чтобы [у них не возникли сомнения], руководящий ими и жестоко мучивший их Нури бек приказал засыпать [вырытой] землей дорогу. В апреле все 40 человек были убиты. Среди них были Мартирос ага, Манук, Акоп, Алексан, Габриел. Их бросили в ту яму, которую они выкопали своими руками недели назад. Мы пошли и увидели своими глазами, там было много трупов армян – известных людей этой местности. В апреле Хамзо из Тунтраса, Мрде из села Муин со своими слугами объединились с полицейскими мюдира, осадили село, разграбили все имущество и увели весь скот, убили 50 человек обоих полов. Курды Тантраса и Ягина силой обратили в ислам и увели невестку Манука Джейран. 14-летнюю дочь Хачатура Ерко, 14-летнюю дочь Акопа Антарам, невестку Акоп агы Нубар с ее тремя детьми убили на месте, когда они отказались выполнять их волю – старшему ребенку было 5–6 лет.

Мы убежали в правительственный центр Арчеша. Каждый день курды и полицейские грабили нас. 10 дней мы голодали и [в конце концов] убежали в Зиланидзор, где были курды. Когда подошли русские, они нас обменяли на своих людей [курдов], которых русская армия арестовала за воровство.

Когда русские захватили Арчеш, мы вернулись в свои дома, но во время июльского отступления 1915 года вынужденно переселились по линии Беркри. Зиланские и айтارانские курды напали на нас на дороге, наши парни вместе с добровольцами оборонялись, и мы перешли на Кавказ. Из-за тягот дороги заболели и в Эчмиадзине умерли 20 человек.

В настоящее время расселены в селах Эривани, Эчмиадзина, Гамарлу и других районах, и по сегодняшний день никто из нас не вернулся на родину.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 435, л. 6 об. – 7 об., подлинник, рукопись.

№ 26

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ СУСАН МУРАДЯН
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ГОЗЕ АРЧЕШСКОЙ КАЗЫ
ВАНСКОГО САНДЖАКА**

10 августа, 1916 г.
Алигамарлу.

Гозе состоял из 70 дворов, из которых армянскими были 30, остальные 40 – курдскими.

Несмотря на то, что мужчин [армян] Гозе от 20 до 45 лет увели в солдаты, все они вернулись после того, как их разоружили в турецкой армии.

7 апреля 1915 года более чем 200 джалалских курдов во главе Тамир агой Мхе (Пайнци) напали на Гозе. Собрали всех мужчин старше 20 лет (50–60 человек), отвели в ущелье Голи гом на западной стороне села, раздели и, привязав их друг к другу, убили всех из винтовок. Та же чернь, тяжело ранив 10 женщин кинжалами, бросила их в яму рядом с домом старосты села Рашо. Более десяти дней из этого рва доносились стоны этих женщин, пока они не умерли.

Из села Гозе спаслись только три женщины. Остальные убиты или уведены в плен.

Записал Г. М. Неркарарян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 423, л. 18, подлинник, рукопись.

№ 27

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ ГЮЛИЗАР БЕДЕЛЯН
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ КТРАЦ КАР АРЧЕШСКОЙ КАЗЫ
ВАНСКОГО САНДЖАКА**

1 сентября 1916 г.
Маргара.

Рассказ крестьянки из села Ктрац кар Гюлизар Беделян (о резне в их селе).

Когда началась самооборона Вана (7 апреля 1915 года), то несколько дней спустя близлежащие (курдские) племена во главе с Мхе, Мирзой эфенди, Озманом, Мхе Тамир агой, Мыго, Озманом, сыном Дервиша агы, Паша ханом, Черкезом и других ага напали на села Арчеша.

Осадили село Ктрац кар. Мужчины села (около 40 человек) собрались в доме живущего в селе Мурад агы (турка), надеясь, что турок защитит их. Часть же мужчин, которая не смогла пойти туда или не доверяла Мураду аге, спряталась в разных сторонах домов, в хранилищах, амбарах, хлевах и других местах.

Курды пришли, вывели всех мужчин из дома агы, связали им руки и увели за село, на берег ближайшей речки Даличай, где всех раздели, а после стали стрелять в них из винтовок. Когда все упали на землю, курды кинжалами нанесли удары в животы, сердца и рты упавших людей, убив и тех, кто был ранен. Все были убиты. После этого злодеяния курды вошли в село, обыскали все дома, все шкафы и потайные места, и, если находили мужчин, убивали их саблями и кинжалами, камнями разбивали им головы, расстреливали, а после собрали все трупы и сожгли в амбаре.

В то время, когда мужчин убивали таким ужасным образом, Мурад ага сразу открыл двери своего дома перед объатыми ужасом женщинами и детьми и всех взял в свой дом, дал им пропитание и заботился о них. Полицейские и гамидие часто угрожали ему, что не дай Бог, если он спрятал мужчин, [если найдут], то сожгут его дом и убьют его самого. После этих угроз Мурад ага испугался и выдал полицейским тех нескольких мужчин, которых прятал, и полицейские безжалостно их убили. Мурад ага две недели заботился о женщинах и детях села (около 200 женщин и детей) и избавил их от похоти курдов, которые постоянно требовали, чтобы он выдал им красивых женщин и детей. Ага часто выходил к ним и говорил: «Убейте меня, но я не отдам вам ни одной семьи». Через две недели, в конце мая, русские подошли к селу Ктрац кар. Ага, увидев русских, ужаснулся. В страхе, что русские убьют его, он обратился к спасенным им самим женщинам и

сказал. «Я надежно защищал вас от курдов в течение двух недель, защитите же и вы меня от русских».

Когда русские подошли, женщины и дети окружили Мурад агу, пошли навстречу русским и попросили не убивать его. Русские дали Мурад аге документ, который должен был защитить его и от остальных [русских].

Народ оставался в селе еще неделю, когда вдруг курды осадили село. Женщины и дети бежали в Аканц (Арчеш), где оставались две недели, а когда русские в июле (1915) отступили из Васпуракана, жители Ктрац кара также перешли на Кавказ по линии Беркри-Абага.

Написано согласно моему рассказу.

Ввиду неграмотности (рассказчицы) подписал Айк Ачемян (из Вана).

НАА, ф. 227, оп.1, д. 449, л. 5–8, подлинник, рукопись.

№ 28

СВИДЕТЕЛЬСТВА ГРУППЫ ВЫЖИВШИХ О РЕЗНЕ В СЕЛЕ СОСКУНАРЧЕШСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА

26 августа, 1916 г.
Верин Айналу.

Сведения, полученные от крестьян из арчешского села Соскун – Мариам Петросян (40 лет, дочь старосты села), Воскан Овсепян (55 лет) и Ехсо Погосян (35 лет).

Прежнее состояние села. Село состояло из 8 курдских и 150 армянских дворов. Армяне владели 5 стадами овец, в каждом по 2000 голов. Об остальных богатствах села рассказчики точных сведений не имеют²⁸.

Резня в селе. До Рождества в селе необычных случаев почти не было. Как и везде, военные подати и повинности, обязанности по обеспечиванию продовольствием проходящие (военные части) приобрели силу закона. Но когда 4 солдата из села (Геворк Петросян, Саргис Гуланян, Айваз Тухикян, Сероб Саргсян) отправились на праздник Крещения Господне и сбежали на Кавказ, из Арчеша в село прибыли полицмейстер (имен не знают²⁹) с более

²⁸ Мужчины села живут в Айтахе, от них можно узнать точные сведения о населении и богатстве села. А священник села живет в Муганджуге.

²⁹ Абдул эфенди и Мухтар эфенди. Примечание айтахцев.

чем 30 полицейскими и стали безжалостно избивать как родителей сбежавших солдат, так и сельских священника, старосту, знатных людей и всех военнообязанных. Тер Симона (который был убит в Арчеше) повесили вниз головой в комнате Гаро (старосты села) и избивали всю ночь, бросили кошку в его штаны и избивали ее, чтобы она искусала и исцарапала его половые органы, и надеясь вынудить [людей] сдать убежавших полицейским³⁰. Всех военнообязанных молодых людей собрали в комнате старосты и так же безжалостно избили, в основном били по ногам, избили так, что на следующий день кровь от их ран окрасила снег в красный цвет. На следующий день священника, старосту и всех военнообязанных (более 200 человек) отвели связанными в Арчеш и арестовали. Около трех недель продержали их в тюрьме, а после старосту и священника выпустили, других же отправили в «амелие» – на дорожные работы на Арчешской дороге.

Еще 11 солдат (Тигран Мирханян, Мовсе Глурян, Назар Потоян, Симон и Торо Галеян, Аршак Сардарян, Абро Шагениян, Рошо Шагениян, Мовсес Погосян, Ако Худоян, Сероб Мурадян) сбежали из Сарая и вернулись в село. В день миджинка⁶⁹ Великого Поста тот же полицмейстер вновь явился в село с многочисленными полицейскими и вновь избил старосту, священника, знатных людей и родителей сбежавших солдат. Сбежавшие в ужасе [от всего этого] пришли и сдались. Претерпев те же мучения, они были отведены в Арчеш, брошены в тюрьму на одну неделю, а после их отвели в «амелие» на дорожные работы. Вечером в Великий Четверг тот же полицмейстер с 40 полицейскими осадил село и начал обыск. Они якобы искали тех солдат, которые убежали в Россию в День Крещения. Разъяренный полицмейстер всех от мала до велика мучил до утра, избивая розгами. Его полицейские, как и он сам, взламывали сундуки, забирали ценные вещи, украшения и деньги, и если где-то обнаруживали хоть один патрон, дом этот становился домом скорби – не жалели даже женщин. Кишмиш Петросян, красавицу, жену Айваза Тухикяна, одного из сбежавших солдат, полицмейстер забрал к себе и до рассвета он и его солдаты подвергли ее изнасилованиям, а утром отпустили ее полуживой. Пятнадцать 15-летних юношей сбежали и укрылись в церкви. Полицейские их вывели и, избивая как скотину, связали им руки и собрали в доме старосты. В Великую Пятницу всех мужчин села, кроме двух слепых и одного 80-летнего старца, вместе со священником и старостой отвели в Арчеш со связанными руками, арестовали их на несколько дней, а после отпустили 15-летних домой, свя-

³⁰ Рассказчицы сообщили, что второй священник села Тер Аствацатур также был избит, но его прекратили избивать, когда он крикнул: «Я попал в рай вашего Махмеда». И в следующий раз этого священника не били и не арестовали, пока во время резни он со своими двумя братьями не сбежал и не перешел на Кавказ.

щенника и старосту оставили в тюрьме, остальных же, кто по возрасту был военнообязанным, отправили на дорожные работы.

В ночь с 6 на 7 апреля курдский сотник села Гузел Мирза эфенди (из племени шейхе) с 60–70 курдами осадил село. В ту же ночь в Арчеше устроили резню: всех солдат-амелие Соскуна со связанными руками зарезали, как и священника и старосту села. Этой резни избежал только соскунец Манук Петросян (сын старосты Петроса), который в то время, когда их выводили из тюрьмы³¹ смог со связанными руками убежать и добраться до Соскуна. Он рассказал о черных замыслах правительства, собрал вокруг себя 40 мужчин, которые прятались в селе, и поднялся с ними на гору Гре-Гёл. Рассвело рано, и они не смогли уйти далеко. Утром 7 апреля Мирза эфенди ворвался в село, и началась резня. [Всех мужчин], от десятилетних мальчиков до 80-летних старцев (даже оставленного слепого и немощного старика) вывели из села, зарезали и расстреляли в поле. Женщин избивали, отнимали у них детей, а Гёзе Погосян, которая была очень красивой женщиной, и к тому же очень богатой, насильовали всю ночь, а после удушили, разграбив все ее богатство (только на ней было 30 золотых). Вырезав таким образом все село, Мирза эфенди отправился в окрестные армянские села, чтобы продолжить резню. Село он не разграбил.

Махмад ага и Осман ага (из племени калке) Соскуна, которые во время резни намеренно ушли из села, чтобы не быть причастными к резне, вернулись в село после того, как ушел Мирза бей. Их слуги остались в селе, чтобы охранять имущество и скот села. Махмад ага и Осман ага отправили своих слуг и курдских солдат из других курдских сел, которые пришли в Соскун, на гору Гре-Гёл за скрывавшимися там мужчинами и, поймав их, перебили всех. Четверо из них – Манук, Мурад, Мушег и Нато, которым удалось добежать до села, в селе и были убиты.

Из мужчин села спасся только Тер Аствацатур со своими двумя братьями и 15 другими мужчинами, которые ночью 6 апреля, не говоря ни слова сельчанам, сбежали на Кавказ и добрались без потерь.

Когда мужчин в селе более не осталось, Махмад ага и Осман ага собрали все армянские семьи в доме старосты Петроса и держали их там взаперти, чтобы курды к ним не подходили. Каждой семье давали по одному коту⁷⁰ муки, чтобы пекли себе хлеб и ели. 3 недели питались только этим хлебом

³¹ Армян в тюрьме держали связанными, они заранее тайно развязали свои узы, чтобы сбежать, когда их будут выводить, но во время этой попытки всех их расстреляли, а Манук Петросян, руки которого оставались связанными, спрятался между лошадьми и, воспользовавшись темнотой, сбежал. 6 избивающих его [жандармов] преследовали его до кладбища, часто стреляя в сторону села, но не нашли его, только пули продырявили его одежду.

и не имели права выходить из дома старосты или заходить в свои дома. Все богатство села Махмад ага и Осман ага раздали курдам.

Когда русская армия дошла до Гавришами, курды Соскуна оставили пленных и убежали. Армяне просили Махмада агу и Османа агу забрать и их тоже, так как курды из окрестных сел могут напасть на них и зарезать, однако они выругали их и отказались со словами «Вот ваш Кери и ваши люди пришли, уходите с глаз долой, идите к ним...»

Жители Соскуна, понимая, что они беззащитны, все вместе ушли из села в Арчеш и укрылись у женщин, которые оставались там. В Арчеше оставались 2 полицейских,³² которые и защищали село от нападающих курдов. Наконец через 10 дней русские вошли в Арчеш. Эти две полицейские сдались русским, неизвестно что с ними произошло после. За эти 10 дней соскунские семьи питались едой из домов сбежавших турок.

После того, как русские вошли в Арчеш, соскунцы жили в Арчеше еще две недели, а затем были переправлены русскими в Батноц. Через три дня вновь были возвращены в Арчеш. После чего оставались в Арчеше еще две недели до июльского отступления.

Уходили по линии Беркри-Игдир. 3 дня оставались в Игдире, 4 дня в Эчмиадзине, после расселились по селам Эчмиадзина (Айтах, Грампа, Верин Айналу, Сардарапат и Игдир).

По дороге многие дети осиротели. Соскунцы перешли на Кавказ отдельными группами. В группе [рассказывающих об этом] умерли в пути 2 детей, в Маргаре – 2 женщины, 2 мужчин³³, 2 детей, в Эчмиадзине – 1 женщина, 1 мальчик. В этом селе (умерли) 2 девочки.

Соскун в настоящее время заселен курдами.

Написанное полностью соответствует рассказанному нами.

Ввиду неграмотности рассказчиков подписываюсь

Попечитель села Верин Айналу Гукас Петалян.

НАА, ф. 227, оп.1, д. 445, л. 20–27, подлинник, рукопись.

³² Юсуф эфенди, Шариф эфенди - примечание айтахцев.

³³ Эти вернулись в село вместе с добровольцами.

№ 29

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО МАНУКА АРУТУНЯНА
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ АРЧРА АЛЬДЖАВАЗСКОЙ КАЗЫ
ВАНСКОГО САНДЖАКА**

13 августа, 1916 г.
Кызылтамир.

О резне в Альджавазском селе Арчра рассказал крестьянин того же села Манук Арутунян.

Когда началось сражение в Ване (7 апреля 1915 года), солдаты Арчра вышли в море на лодке, Сиа Ахмед чавуш с 70 всадниками осадил село, сказав: «Пусть все мужчины села соберутся в доме Аслана, мне есть что им сказать, а [после] каждый пойдет по своим делам, нет ничего [опасного], не беспокойтесь». Большинство крестьян, около 150 человек, собралась в доме Аслана. Сиа Ахмед приказал всех их связать. Связали и, окружив их с четырех сторон, открыли огонь. При виде этого бедствия женщины и дети бросились бежать, некоторых взяли в плен. Часть тел убитых растерзали собаки, часть бросили в ямы, а часть тел была похоронена вернувшимися за ними родственниками.

Рубен Арутунян, Искандар Мурадян и Ншан Петросян, крестьяне Арчра, смогли спастись и на лодке вышли в море. Лодка была беспарусной, и потому ее часто уносило в воды далеко от берега. Когда они подходили к берегу для того, чтобы взять воды и нарвать для пропитания зелени и люцерны или собрать ячменные зерна, иногда попадались на глаза курдам, и те открывали по ним огонь. Будучи не в состоянии добыть питьевой воды, Ншан и Искандер пили воду из моря, и часто плакали от отчаяния. В лодке нечем было укрыться, [была] только грубая рогожа. Чтобы разжечь огонь, стреляли из пистолета браунинга по тряпкам, надеясь, что тряпки воспламятся и у них будет огонь, но напрасно. Разобрав патроны, из пороха приготовили шуки кав (легковоспламеняющееся вещество), и, высекая огонь кремнем, согревались. Подчас несколько дней оставались в лодке и страдали от холода. Все это происходило в апреле 1915 года.

Написанное соответствует моему рассказу, подписываюсь
за себя и за своих товарищей.
Искандар Мурадян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 434, л. 16–17, подлинник, рукопись.

№ 30

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО ГАСПАРА САРГСЯНА
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ АРЧРА АЛЬДЖАВАЗСКОЙ КАЗЫ
ВАНСКОГО САНДЖАКА**

13 августа, 1916 г.
Кызылтамир.

Крестьянин из села Альджавазского села Арчра Гаспар Саргсян (27 лет) рассказывает следующее.

Рассказчик прятался в пещере около ущелья вместе с несколькими товарищами и видел, как турецкие полицейские и курдские всадники ведут издали толпу женщин и детей. Когда они подошли [оказалось], что ведут женщин и детей из разных армянских сел. Их остановили, всех детей полицейские отвели за холм и вернулись. Женщин и девушек силой раздели и построили в ряд. Пленницы плакали, сгибались и усаживались на землю от стыда, но курды и полицейские уложили их и изнасиловали, сменяя друг друга. Плач и рыдания женщин доносились до мужчин, прятавшихся в пещере, они пришли в отчаяние, но ничем не могли помочь. Один из них, увидев, как насилуют его 18-летнюю дочь, от отчаяния ударил себя в грудь ножом и упал полумертвым. Похищенные женщины и девушки, надев свою одежды, с плачем продолжили свой путь и, обогнув холм, присоединились к группе детей. Красивые мальчики также были изнасилованы турецкими полицейскими. Когда по дороге пленные женщины спросили полицейских, куда их ведут и просили оставить их умирать в полях от голода, один из полицейских ответил, что мы ведем вас в Муш, к немецким офицерам, чтобы они насладились вашей красотой, красивых из вас выберем и отправим в Германию, а некрасивых сожжем или убьем – нам так приказано.

Написанное соответствует моему рассказу, подписываюсь
Гаспар Саргсян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 434, л. 18 с оборотом – 19 об., подлинник, рукопись.

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ ГЁЗАЛ БАНТОЯН
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ЭГЕДЗОР АЛЬДЖАВАЗСКОЙ КАЗЫ
ВАНСКОГО САНДЖАКА**

21 августа, 1916 г.
Басаргечар.

Альджаваз – Эгедзор.

Через десять дней после Пасхи в нашем селе собралось население 6 сел – Бешнагомера, Джутгяха, Цакцака, Ахсрафа, Армизона, Арчраниц ванка. Крестьяне решили организовать оборону после того, как узнали о резне в Арчеше. Но пришел ага Тахыр из села Карашех, обманул всех [обнадежив нас], что, мол, я позабочусь о вас, и отвел всех армян в свой дом. По прошествии нескольких дней появилась армия и айтаранское [курдское] племя и осадили село Карашех. Мужчин (около 150 человек) по двое вывели из дома Тахыр бека и убили. [Среди них] были Миро из нашего села со своими сыновьями и братьями – 7 [человек], Гзпо со своими сыновьями и другие, Месроп и другие из села Цакцак, сыновья Тер Хорена из Арчраниц ванка и другие. Женщин и детей раздели, мучили, вывели из этого дома и после сожгли дом Тахыра эфенди. Оставшиеся там женщины убежали в Арчке и Норшен. Скитались более 25 дней в страданиях и муках. В Норшене умерли более 100 женщин и 100 детей. Русские пришли к Вознесению⁷¹. Из нашего села убито, умерло и уведено в плен 25 женщин и детей. Село состояло из 20 дворов, спаслись 17 человек, из них 2 мужчин, и все рассеялись кто куда. Село разрушено, никто не вернулся обратно. Я живу тут, в Басаргечаре. Один двор, живут 2 человека, потери после отступления 1915 года – 4 [человека].

Гёзал Бантоян из села Альджаваз.
Следователь – Ширин.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 430, л. 31, подлинник, рукопись.

**СВИДЕТЕЛЬСТВА ВЫЖИВШИХ КАРАПЕТА АКОПЯНА
И СЕДРАКА МИСАКЯНА О РЕЗНЕ
В СЕЛЕ КОЧЕРЕР АЛЬДЖАВАЗСКОЙ КАЗЫ
ВАНСКОГО САНДЖАКА**

12 августа, 1916 г.
Ошакан.

Большая часть наших сельчан живет в Эчмиадзине, а священник – в Нор Баязете, [он] расскажет точнее.

Прежнее и нынешнее состояния села. Наше село состояло из 25 дворов с исключительно армянским населением, владело стадами овец в 400 голов и волов в 200 голов, а также в селе имелись 20–30 голов мулов, 17 лошадей, 100 коров, 30 ослов, 100 халваров пахотной земли, 250 стогов сена, 15 виноградников, 15 плугов, 20 телег, 3 водяных мельницы.

Все имущество села разграблено, село сожжено и опустело.

Резня в селе. В ночь на Благовещение (7 апреля) полицмейстер Мехмед эфенди явился в село с 20 полицейскими и объявил, что все мужчины должны отправиться в село Арен, где каймакам должен прочесть им султанский ферман⁷² в связи с началом сельскохозяйственных работ. Когда мужчины, последовав за Мехмедом эфенди, вышли из села, на пути в Арен их всех связали и около Порки Гёля расстреляли, как и мужчин села Гузел. Трупы оставались непокрытыми до 40 дней, только после турки прикрыли их тонким слоем песка. После резни всех женщин и детей отвели в Альджаваз (Арчке), где выбрав из них красивых, увели в плен, а некрасивых распределили по турецким дворам как слуг... Наше село владело 6 кораблями, 4 из которых правительство захватило и отобрало холсты⁷³, а хозяева кораблей были убиты, только один корабль, увернувшись от преследования, остался на свободе. Этот и еще один корабль были освобождены во время прихода русской армии. Эти два корабля тайно приплыли к нашему селу (Кочерер) и, взяв на борт сбежавшие из Альджаваз семьи, переправили их на остров Лим. Несмотря на то, что турки напали на корабли и убили одного человека, тем не менее моряки сопротивлялись и смогли надежно довести корабль до острова.

Около Арена было убито 55 мужчин из нашего села; 5 детей и 3 женщины были уведены в плен. 20–30 детей умерли от голода, еще 15 человек умерли в пути во время отступления.

Из нашего села спаслись 35 мужчин и 50 женщин.

Переселились 15 июля, с [населением] Вана по линии Беркри-Игдир.
По другим вопросам сведений не имеем.

Подписи (Карапет Акопян, Седрак Минасян)

НАА, ф. 227, оп.1, д. 432, л. 1об. – 2, подлинник, рукопись.

№ 33

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО БАГДАСАРА КАЗАРЯНА
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ГУЗЕЛ АЛЬДЖАВАЗСКОЙ КАЗЫ
ВАНСКОГО САНДЖАКА**

1916 г.
Ошакан.

Рассказ Багдасара Казаряна, жителя села Гузел, о своем селе.

До всеевропейской войны село Гузел состояло из 20 дворов (все были родственниками друг другу) с исключительно армянским населением в 200 человек (80 мужчин). Село владело стадом овец в 1000 голов, стадами коров, волов, буйволиц, лошадей и ослов в 500 голов. Церковь Тух Манук была построена в древности. Церковь владела церковной утварью на сумму около 150 осм. лир. В церкви хранились также древние рукописи и пергаментные книги. Во время грабежа села церковь также была разграблена и разрушена. Священника церкви Тер Погоса курды силой увели в ущелье и зарезали его там. В селе действовала школа с 20 учениками обоего пола. Село в настоящее время разрушено, [находится] в руинах и обезлюдело.

После того, как глашатаи объявили о войне, всех мужчин забрали в солдаты и увели в село Арен, откуда отправили в Эрзерум, Ван, Сарай и др. места. Вначале забирали продовольствие, скот и остальное под видом военной подати, а после – под видом пожертвований. Когда в конце концов у крестьян уже ничего не осталось, курды и турки, врываясь в дома крестьян, забирали их имущество силой, ругательствами и побоями. Холодной зимой увели людей и тягловых животных для выполнения тяжелых повинностей.

Когда началось сражение Вана (7 апреля 1915 года), вечером [того же дня] полицмейстер Реджеп эфенди со своими полицейскими осадил село. Он объявил через глашатая: «Пусть каждый человек придет к дому старосты, здесь будут составлены списки, и полицмейстер выдаст семена крестьянам для пахоты и сева».

Все мужчины собрались во дворе дома старосты. Им всем связали руки. Когда связанные мужчины спросили их: «Почему вы нас связали?», [полицейские] им ответили: «Мы отвеем вас в село Арен, а от туда – в армию».

Связанных мужчин погнали в село Арен, и, не доходя до Арена, около озера близ села, их всех расстреляли и зарезали. Убитых было 40 человек. В то время, когда мужчин убивали около Арена, с другой стороны курдская чернь напала на село, и, изнасиловав красивых женщин и девушек, увела их в плен. Всех похищенных обратили в ислам. Оставшийся народ (женщины и дети), обезумевшие и отчаявшиеся, рассыпались по полям и горам, где оставались 30 дней, питаясь зеленью и травой. Когда русские вошли в Альджавазский уезд, все скитающиеся армяне собрались в одно место, чтобы [обустроиться] и жить дальше. Когда русские отступали, народ ушел с ними и добрался до Кавказа. В настоящее время в Ошакане живет 10 семей из села Гузел – 50 человек (7 мужчин). Село владело полями на 500 халваров. Когда покинули село, оставили 500 халваров пшеницы. Жители села Гузел рассеялись по Карсской области. В селе Гузел были два парусных корабля, каждый стоимостью по 600 лир. Корабли были потоплены турецкими солдатами. В селе была одна водяных мельница стоимостью 300 лир, которая полностью разрушена. Каждый дом в среднем понес убытков на 250–300 лир. Своими злодеяниями выделились Сиа Ахмед (курд), Гасан ага (курдский вождь племени) и известный Кёр⁷⁴ Гусейн паша, по приказу которого много сел было вырезано и разрушено дотла. После первой резни в селе (7 апреля) 15 человек сбежали к морю и укрылись в пещерах, которые выходят к морю. Спрятались там. Жажда мучила их и, не выдержав, они отправили одного из своих товарищей за водой. В тот момент, когда человек выходил из своего тайника, курды его заметили, поймали и угрожали убить, если он на покажет им, где спрятались его товарищи. Он ничего не сказал им, [и тогда они] его зарезали и отрубленную голову бросили в море. Его товарищи увидели отрубленную голову на поверхности воды, узнали своего товарища и в ужасе бежали из своего тайника, чтобы найти более безопасное место. В тот же момент курды напали на них, всех убили, и, сорвав со всех одежды, бросили их в море.

Все написанное полностью соответствует моему рассказу, и я позволяю Арменаку Седракяну подписаться вместо меня.

Багдасар Казарян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 431, л. 4 об. – 7 об., подлинник, рукопись.

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ НИГЯР ПЕТРОСЯНЦ
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ НОРШЕН АЛЬДЖАВАЗСКОЙ КАЗЫ
ВАНСКОГО САНДЖАКА**

11 августа 1916 г.
Тумбул.

Рассказывает Нигяр Петросянц из Альджавазского села Норшен, в настоящее время живет в селе Тумбул Старого Нахиджевана.

В конце июля 1914 года была объявлена мобилизация. Правительственные полицейские забрали в солдаты из каждого дома по одному мужчине. Но они убегали, как только выдавалась такая возможность, так как их всячески унижали, угрожали им и заставляли нещадно работать. В солдатах остались лишь 5 человек, о судьбе которых неизвестно.

Якобы собирали военную подать, но на деле грабили нас. Например, у нас забрали две ванских киле⁷⁵ крупы, 20 ванских киле пшеницы, 40 овец, 10 голов скота, 12 литров масла – все это унесли с нашего разрешения. А также одну лошадь. А до резни силой забрали 200 голов овец, 2 лошадей, 4 буйвола, 10 коров, 2 волов, 2 телеги, 10 штук глиняных горшков, 10 постелей⁷⁶, 20 полотнищ войлока и все движимое имущество нашего дома. После того как убили моего супруга, забрали еще 100 осм. лир.

На Благовещение 1915 года Муса ага из Чыл-Кайны со своими 100 курдами напал на наше село, расстрелял из винтовок и пистолетов 43 мужчин, у которых не было возможности бежать. Увели с собой 7 женщин и девушек: 1. Маран Мкртчян, 2. Мариам Гаспарян, 3. Атлас Закарян, 4. Джейран Сукиасян, 5. Пайцар Пареян, 6. Ерко, невестку Петроса, 7. Азо, дочь Мурада. Из мужчин увели: 1. Миграна, 2. Мисака, 3. Саргиса, 4. Сахака, 5. Гегама, 6. Похана, 7. Минаса.

Дома сожгли...

Курды разграбили все имущество армян. Даже подземные зернохранилища выкопали и зерно унесли.

10 молодых людей из нашего села спрятались в пещере за селом. Курды [об этом] узнали, сложили кизяки у входа в пещеру, подожгли, и от сильного дыма все находившиеся в пещере умерли, а после вынесли их тела из пещеры и разрубили на куски своими саблями. Среди них были священник нашего села Тер Арутюн, Калантар Аспатурян, Асо Петросян, Аршак Тер Арутюнян и другие. Среди убитых были знатные жители нашего села – Вардан Петросян, Гаспар Потикян, Аспатур Тороян и Мкртыч Мухсиян.

Недавно мы узнали, что из плененных юношей четырех привели в Ван. Курды отвели их в поле на покос. Внезапно напали русские, курды убежали, а юноши спаслись. С ними спаслись также многие плененные армяне Альджавазы и окрестностей (число неизвестно).

Население нашего села рассеялось по разным сторонам Кавказа.
Рассказчица – неграмотная женщина 45 лет.

НАА, ф. 227, оп.1, д. 424, л. 25 об., подлинник, рукопись.

**СВИДЕТЕЛЬСТВА ВЫЖИВШИХ АРШАКА МЕЛИК-ГАБРИЕЛЯНА
И ГЕВОРКА ГАСПАРЯНА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ НЕРКИН СИПАН
АЛЬДЖАВАЗСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА**

12 августа 1916 г.
Ошакан.

Сведения, полученные от Аршака Мелик-Габриеляна (30 лет), сына старосты Альджавазского села Неркин Сипан, и Геворка Гаспаряна (45 лет).

Большинство живет в Сардарапате.

Прежнее состояние села и нынешнее состояние. Наше село состояло из 30–35 дворов с исключительно армянским населением. Село владело стадами овец в 800 голов, стадом волов в 300 голов, буйволиц и коров в 100 голов, 30–40 буйволами, в селе имелись 20 плугов, 50 сох, 50 телег, 7 виноградников, 10 плодовых садов, 9 водяных мельниц и бесчисленное количество земли.

Село в настоящее время обезлюдело и полностью разрушено.

Резня в селе. В день Благовещения член Альджавазского меджлиса и коренной альджавазец Хаджи Ахмед эфенди и Сулейман бей явились в село и заверили старосту, что никакой опасности [для нас] нет, и что, наоборот, они приехали защищать село. Мы прождали до вечера, и вечером увидели, как в село пришел Габриел Яроян из села Хоранц (в настоящее время убит), полубожженный и с пулевыми ранениями, и сообщил нам, что всех мужчин их села сожгли в одном из амбаров Хоранца и что нам нужно спастись. Узнав об этом, часть наших сельчан решила забрать свое оружие и сбежать, но староста не согласился с их решением, так как вышеназванные турки были его знакомыми и частыми гостями в его доме: он не мог и представить, что они его обманут и поступят с ним вероломно.

В эту ночь мы, мужчины (30 из нас были вооружены), убежали на гору Сипан, где в снегах прожили 25 дней. Когда на второй день нашего побега проголодались и спустились в село, узнали, что старосту, одного из его сыновей и сына его брата отвели за село и убили, еще 4 человек убили в селе палками и кинжалами. Часть женщин увели в плен, часть сбежала в Альджаваз. В селе были только курды, и знакомые слуги-курды дали нам хлеба и проводили, сообщив нам, что оставшимся семьям опасность уже не грозит. Такое пропитание дорого нам обошлось. 12 человек, доверившись своим знакомым курдам, пошли к ним, и все были убиты. 6 человек были убиты, когда приносили нам еду из села. Остальные 17 человек смогли на кораблях кочерерцев добраться до острова Лим, а 6 человек долго скитались по горам, дошли до Диадина, оттуда в Каракилису, где объединились с русскими и вернулись в село, однако нашли село полностью разрушенным.

Написанное здесь полностью соответствует рассказанному нами.

Ввиду неграмотности Аршака Мелик-Габриеляна и Геворка Гаспаряна подписываюсь Саргис Галустян (местный житель).

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 432, л. 2 об. – 3 об., подлинник, рукопись.

№ 36

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО АНДРАНИКА МУРАДЯНА
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ АТАНАНЦ ГЯВАШСКОЙ КАЗЫ
ВАНСКОГО САНДЖАКА**

[1916 г.]
Баку.

Андраник И. Мурадян, 10 лет.

Из гявашского села Атананц.

(В настоящее время) в бакинском приюте № 2.

а. До войны наша семья состояла из двух человек – моей матери и меня.
б. Моя мать умерла от дизентерии в нашем селе.

Резня в селе Атананц³⁴.

Накануне апрельского сражения в Ване группа турецких милли напала на наше село. Наши сельчане после короткого боя забрали свои семьи и ушли в Хайоц Дзор. Около двух недель скитаясь в горах и время от времени вступая

в поединки с курдами, они решили идти в Вараг, где собралось много сражающихся со всех сторон. Один молодой человек по имени Оганес пришел с группой солдат из Варага, долго сражался на горе с курдами и, в конце концов, пробил себе дорогу в село Маштак и, освободив нас (приблизительно 200 человек женщин и детей), отвел в Вараг. А больные остались в селе: кто умер, кто был убит. Я не был знаком с ними. Дойдя до Варага, мы оставались там всего два дня, так как турецкие солдаты захватили Вараг, и мы были вынуждены искать убежище в городе. А солдаты остались в Вараге и ночью спустились в Айгестан. На пути в Ван, в долине Шушанц нас окружили турки, и мы все попали в плен. С нами было всего двое мужчин, которые пытались сбежать. Я не был знаком с ними. Турки настигли их и расстреляли. После всех нас отвели в село Сыхга и собрали всех в одном доме (около 60–80 человек). Некоторое время спустя пришли курды и окружили дом. На мне была девичья одежда. До того, как курды вошли этот дом, моя мать тайно спрятала меня в тонире⁷⁷, и закрыла тонир плитой. Через несколько минут началась сильная суматоха, слышались плач и звуки выстрелов. Прошло много времени, шум прекратился, только раздавался плач. Моя мать отодвинула плиту, и я вышел. Я увидел тело расстрелянного мужчины в женской одежде. Моя мать рассказала мне, что курды пришли за мужчинами, нашли этого человека в женской одежде и расстреляли его (не помню его имени). Мне показалось, что опасность миновала, но я жестоко ошибался. Ночью курды ворвались в дом во второй раз со свечами в руках. Моя мать пришла в замешательство и не успела спрятать меня, как в прошлый раз. Я сильно испугался. Но так как в первый раз турки, тщательно обыскивая, обнаружили и увели всех детей мужского пола старше года, они и не подозревали, что среди нас могут быть мальчишки. Поэтому нас не обыскали, и мне удалось спастись. Во второй раз курды пришли за грудными детьми младше года. Я видел, как они выхватывали этих детей из рук матерей и, бросая их на землю, наступали на них ногой и, ухватив руками их за голову, резали их как овец (я не узнал их). Последнего ребенка накололи на саблю и, подняв ее вверх, вышли с хохотом, оставив матерей в плаче и стенаниях.

... Три дня мы оставались в заключении в этом доме, пока армянские солдаты Вана не узнали, что мы остаемся в руках курдов. Они напали большими силами на Сыхга, прогнали оттуда курдов и турок, и, освободив нас, привели в Ван, где мы оставались до майского освобождения.

После освобождения мы вернулись в наше село, где через 6 дней моя мать умерла от дизентерии. А во время отступления я с нашими соседями добрался до Эчмиадзина, где меня взяли в приют.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 468, л. 24–25, подлинник, рукопись.

³⁴ Атананц – село около Востана, было населено исключительно армянами.

N 37
**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ САРЫ МУРАДЯН
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ БОГАНИС ГЯВАШСКОЙ КАЗЫ
ВАНСКОГО САНДЖАКА**

[1916 г.]
Баку.

Я, Сара Мурадян, жительница села Боганис Гявашской казы Ванского санджака, 30 лет, в настоящее время живу по адресу Армянское село вблизи Баку, по адресу 11-я Нагорная N 30, получаю помощь от Комитета беженцев.

Я жила в нашем селе, состоявшем из ... дворов⁷⁸, со своей семьей, состоящей из десяти человек: я, мой супруг Акоп, деверь Ншан, мои дочери Арегназан и Заназан, сын Ваган, деверь Арпиар, жены деверей Ехсо и Воско, моя свекровь Алтун. В настоящее время нас осталось 4 человека.

В начале мобилизации в армию забрали всех наших мужчин от 20 до 45 лет. Забрали и моего мужа Акопа и деверя Ншана, но они сбежали и спаслись. Для освобождения наших мужей мы заплатили полицейским 15 золотых и 5 мер пшеницы. После того, как закончился призыв, правительство стало забирать для армии нашу пшеницу, топленое масло, сыр, карпеты, мешки, овец, скотину и все остальное, что могло пригодиться для армии. До зимы 2–3 раза устроили такие поборы, забрав у нас 3/4 часть нашего имущества. Когда армянских солдат разоружили, часть наших солдат вернулась, а от остальных до сих пор нет никаких вестей. Вернувшиеся жили как беженцы: полицейские каждую субботу являлись в село и причиняли нам много невзгод из-за наших беглецов. Мы часто откупались от них взяткой, но и они часто забирали тех, кого хотели.

Зимой же в селе Белу нашего уезда были столкновения между солдатами-революционерами и турецким правительством. [Учитывая то обстоятельство], что русская армия дошла до Сарая, правительство пошло навстречу армянам и больше не забирало наших военнообязанных. Так продолжилось до весны, до конца марта. В один из дней один полицейский переходил по Барадотику из села Илли в Песандашт, но так как армяне запретили какие-либо передвижения на этом участке, то проходящий полицейский был убит. Правительство, рассердившись, послало 200 военных и приказало им оцепить наше село и дорогу в Барадотик. Когда войска вошли в село, молодые убежали из села, а старики остались. 7 человек из села, в их числе и мой отец Арутюн, 20 дней служили им, а когда началось сражение в Ване, всех

семерых убили. За эти 20 дней войска вытворяли всякие бесчинства: ограбления, побои, изнасилования и пр.

А когда началось сражение в Ване (8 апреля⁷⁹ 1915 года), Гусейн ага из Гяваша с правительственными милли напал на Гяваш, но в наше село он не вошел. Через день наше село окружили со стороны Каркара, со стороны горы, называемой Ахт, но эта дорога была уже оцеплена жителями Каркара. Целый день каркарцы сражались, но, будучи не в состоянии сопротивляться дальше, ночью убежали в Песандашт. На следующее утро чернь напала на наше село. Мужчины молодого и среднего возраста (те, кто смог) ночью ушли в Песандашт к Левону (Левон из Хараканца, который с подготовленной группой организовал сопротивление правительству, сражался целый месяц и в итоге спас народ Песандашта). Старики, дети и женщины остались в руках черни. Целых 35 дней Халыд бек, сын Гёле хана, грабил наше село со своей группой. Всех мужчин старше 5 лет, оставшихся в селе, убили и наши поля и дома поделили меж собой.

Три раза в день [Халыд бек] собирал нас, женщин, и заставлял принять ислам, тем же, кто отказывался, угрожал смертью. Два раза предлагал мне отуречиться принять ислам, и когда я отказалась, направил винтовку на мою грудь. В эту минуту мои дети бросились ко мне и потеряли сознание. Он оставил меня и ушел. По этой причине мой сын Оган умер от страха через несколько минут. Деверя моего убили на моих глазах. В день два-три раза нас собирали, отводили в поле, раздевали донага и насиловали. У нас забрали даже самые незначительные вещи. Подвергли нас тысяче и одному страданию до тех пор, пока русские войска не вошли в Ван. Когда русские войска вошли в Ван, турки Вана бежали в Битлис, а когда Востан был занят добровольцами, из нашего села бежали и курды со своими семьями, уведя с собой в плен невестку сестры моего отца и ее брата, и до сих пор ничего не известно об их судьбе. Мы остались в селе, пока отряд Кери⁸⁰ не вошел в наше село, и мы стали собирать имущество курдов. Через месяц спокойного существования русская армия начала отступать, и мы вместе с ними ушли и добрались до Эчмиадзина. Из нашей семьи в пути пропали жена моего деверя Воско и моя свекровь Алтун, а дочь моя Заназан, деверь Арпиар и жена деверя Ехсо умерли в Эчмиадзине, откуда мы вчетвером переселились в Баку и в настоящее время живем в Баку.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 473, л. 4–6 с об., подлинник, рукопись.

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ МАРГАРИТ АКОПЯН
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ АРБЕРД ГЯВАШСКОЙ КАЗЫ
ВАНСКОГО САНДЖАКА**

[1916 г.]
Баку.

Я, жительница села Арберд Гявашского уезда Ванской губернии, Маргарит Варданян-Акопян, 27 лет, в настоящее время живу в Армянском селе [вблизи] Баку, по адресу 11-я Нагорная дом N 30, живу на пособие от Комитета беженцев.

Я жила в нашем селе, которое состояло из 45 дворов, из которых 35 были армянскими и 15 – курдскими. Наша семья состояла из 4 человек. В настоящее время остались я и мой муж Егиазар, умерли мой сын Абел и дочь Гюлик.

15 июля 1914 года, когда началась Европейская война, турецкое правительство объявило о мобилизации. Мобилизация у нас прошла со всей жестокостью: турецкие полицейские, которые забирали солдат, сильно нас притесняли, побои и мучения дошли до предела, а ругательства стали для них обычным делом. Если военнобязанные опаздывали или не прибывали вовремя, [то в этом случае] селу причинялись жестокие страдания: сжигали дом военнобязанного, отбирали его поля, если у него были близкие родственники – отец, мать или другой родственник, то их арестовывали. Наш сельчанин Амбарцум Аспоян не выдержал тягот солдатской службы, тем более, что был тяжело болен, и когда его состояние [немного] улучшилось, он сбежал и вернулся в село. Полицейские явились за ним в село и при первой же возможности ворвались в дом Амбарцума и взяли под стражу его отца Аспо. Когда у Аспо потребовали Амбарцума, и Аспо сказал им, что он не имеет вестей от своего сына, то стали его избивать и подвергать всяким мучениям, а после побоев насыпали вокруг него сена, облили керосином и подожгли. Также сожгли дом Огана Гюрояна за то, что он не пошел в солдаты. После призыва стали забирать у нас нашу пшеницу и топленое масло, сыр, овец, скотину и все остальное, что могло им понадобиться. Наши страдания продолжались до апреля 1915 года.

Когда стали доноситься слухи о резне, и наш сельчанин курд Бахрам бек понял, что происходит, он посоветовал всем нашим мужчинам уйти в горы. Мужчины, как и советовал Бахрам, убежали в Шитан, где [народ] уже сражался, и в то же время Левон из Харакана подготовил отряды для сопротивления.

На следующий день Джангир ага из Востана, во главе отряда из 200 человек, ворвался в наше село и стал безжалостно убивать и рубить саблями всех, кто был старше 15 лет. Не пожалели даже тех, кто был старше 5 лет. Через два дня после своих изуверств, они собрали нас всех и, избивая, вывели из села,

наказав нам не возвращаться в село. «Можете идти туда, куда хотите», – сказали нам. В тот день мы скитались там и тут до вечера и не решались вернуться в село. Пошли в село моего отца Бахванц, которое было на расстоянии получаса [ходьбы] от нашего села. При первой же возможности вошли в дом моего отца и увидели, что отец мой Вардан, брат мой Саргис, братья моей матери Казар и Затик убиты на пороге моего отчего дома. Когда я увидела их тела, не смогла сдержать себя и стала кричать и проклинать курдов. Когда они меня услышали, напали на меня и хотели убить, но я сбежала, от страха бросив своего сына Абела. Хотели убить моего сына, но один из их товарищей не позволил им. Два дня оставались в селе моего отца, после нас вновь отправили в наше село. Через день мы ушли в Боганис и умоляли местного Амара агу, чтобы позволил нам заночевать в селе. Два дня оставались там, после чего бек нашего села Бахрам обратился к Джангир аге и отвел нас в наше село. Изнасилования уже стали обычным делом. Так мы жили до того, как отряд Кери вошел в Ван и до того, как захватили Востан. Когда Востан захватили, часть курдов уже убежала, оставшиеся тоже убежали, и мы спаслись. Забыла сказать, что когда я убежала, оставив своего сына, пошла искать его через два часа, когда почувствовала себя в безопасности, и нашла его у дома своего отца: он дрожал от страха. Взяла его [на руки], но не смогла вылечить: 20 дней он болел и умер.

Дочь моя Гюлик умерла через несколько дней после того, как отряд Кери вошел в наше село: она умерла от истощения.

В течение одного месяца, как наше село перешло к русским, мы жили спокойно, а когда началось отступление, мы ушли с русской армией, добрались до Эчмиадзина, оттуда перешли в Баку и до сегодняшнего дня живем в Баку.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 469, л. 37 с об. – 38 с об., подлинник, рукопись.

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ РИПСИМЭ ПЕТРОСЯН
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ МОХРАБЕРД ГЯВАШСКОЙ КАЗЫ
ВАНСКОГО САНДЖАКА**

[1916 г.]
Баку.

Я, жительница села Мохраберд Гявашского уезда Ванской губернии Рипсимэ Петросян, 35 лет, в настоящее время живу в Армянском селе вблизи Баку и служу в приюте N 3 по 8-й Нагорной.

Я жила в нашем селе, которое состояло из 100 дворов, наша семья состояла из 7 человек: я, мой супруг Петрос, мои сыновья Вардгес, Арам, Вагац, Барсег и дочь Арусяк, в настоящее время остались 4 человека – мужа моего убили, сын Барсег и дочь Арусяк умерли от страха в селе.

Правительственные подати, олам и побои стали для нас обычным делом. Хотя убийств до поры до времени не было, но строгость и злоупотребления [правительства] стали невыносимыми. наших мужчин, свободных от военной обязанности, – стариков и юношей – целыми днями заставляли работать в отрядах «амалия», и все наше имущество – хлеб, ячмень, сено, скотину, муку – отобрали у нас.

Правительство отправило в наше село группу полицейских из 30 человек защищать нас от проходящих мимо нашего села воинских частей и курдов. Эти патрульные части защищали нас до весны, до апреля. Когда правительство ужесточило свое отношение и потребовало сбежавших солдат, но армяне отказались их выдать, правительство стало претворять в жизнь свои злые умыслы. Вначале вырезали Хайоцдзорскую волость, после чего перешли в наш уезд. Зная о надвигающейся опасности, часть наших молодых людей убежала в горы. На следующий день собрались все кретьяне и поднялись на гору, оставались там 4 дня и отдали 6 лир Таврелу, главному мулле патруля нашего села, чтобы он и остальных сельчан выпустил в горы.

Муллу разрешил всем нам подняться в горы. Два дня жили там спокойно. На третий день наши парни подготавливали позиции на горе для того, чтобы сражаться под началом Мухси [Мурада] и Петроса. Тогда чернь окружила нас, и бой начался. Битва продолжилась до полуночи. Шел снег, и чернь отступила в Норгюх, чтобы отдохнуть там. Наши парни, осознавая, что сил на следующий день не хватит, ночью отступили в Песандашт, а часть [парней], не зная об ушедших, осталась на горе до рассвета. Утром чернь вновь напала на нас, и вначале стали стрелять издали, когда же заметили, что некому обороняться, напали на нас, вывели всех мужчин от 10 до 100 лет и всех убили, в том числе и моего супруга Петроса. Убили 50 человек. После чего напали на нас, женщин, всех нас ограбили и раздели, оставив на нас только исподнее белье, мучили и насиловали до полудня, затем вернули нас в село. 8 дней продержали нас в селе, после заставили покинуть село. Силой вывели нас из села и увели с собой двух красивых женщин, удерживали их у себя 4 дня и после отпустили. И так мучили нас тысяча и одной пыткой целый месяц пока добровольцы не вошли в Ван. А когда добровольцы захватили Востан, мы все спаслись, жили свободно в течение одного месяца до отступления. Когда русские войска отступили, мы ушли с ними, добрались до Эчмиадзина, а оттуда переселились сюда.

Таким образом, от нашей семьи, которая состояла из семи человек, остались четыре человека – муж мой был убит, мой сын Барсег и моя дочь Арусяк умерли в селе от страха.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 468, л. 28–29, подлинник, рукопись.

N 40
**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ РИПСИМЭ ИГНАТИОСЯН
О САМООБОРОНЕ И ЖЕРТВАХ В СЕЛЕ ТШОГ
ГЯВАШСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА**

[1916 г.]
Баку.

Я, Рипсимэ Игнатиосян, крестьянка из села Тшог Гявашского уезда Ванской губернии, 38 лет, в настоящее время живу в доме N⁸¹ на пересечении улиц 3-я Нагорная и 7-я Перевальная в Армянском селе [вблизи] Баку.

Я жила в нашем селе, которое состояло из 60 дворов с армянским населением, в семье, состоящей из 22 человек: я, мой супруг Оганес, сыновья Азат и Погос, дочери Агавни и Айкуш, свекровь Асмин, деверь Арутюн, его жена Агавни, сыновья Айк, Седрак, Хло, Азнив, Пайцар⁸², Фалик, Акоп, деверь Абгар, его жена Вардуи, сын Хачо, дочь Вардануш и деверь Ншан с женой Агавни.

Во время мобилизации, несмотря на то, что наших мужей забрали в армию и отобрали большую часть нашей еды, но тем не менее нас не обижали семь недель, [до] октября 1914 года. Тогда около 40 полицейских и более 20 военных явились в село для поиска сбежавших солдат. Когда обыскивали дома, встретили Казара из Мокса, который жил в нашем селе. Заметили его маузер и погнались за ним, а он убежал, закрылся в своем доме и стал обороняться. Войска осадили село и, в частности, его дом и стали стрелять по его дому. Парень выстрелил несколько раз изнутри и ранил одного–двух полицейских. Этот случай стал поводом к тому, чтобы полицейские вышли из села и направились прямо в Востан. Когда они удалились из села, Казар со своими друзьями вышли из села и ушли в близлежащие села – Нарек, Пшаванк, Ахаванк, Пахванц и другие.

Полицейские в Востане пожаловались каймакаму на восстание в селе. Двух дней не прошло, как наше село осадили приблизительно 200–300 полицейских. Выстрелили несколько раз и удостоверившись, что ответа не

будет, ворвались в село и схватили женщин – жену моего деверя Агавни, мою крестную мать Атран и жену нашего сельчанина Оганеса. Избивая, допрашивали о тех, кто оказывал им сопротивление в те дни, во время столкновениях, даже раскаленной железной нитью высекли их. Не добившись от них ничего, собрали всех женщин, избили и потребовали сказать им, где находятся солдаты-беглецы. Не добившись от нас ни слова, отпустили нас и стали грабить село. Все ценное, что было в наших домах, унесли, зарезали безжалостно наших овец и бросили их на улицу. После [этого] каймакам вернул войска в Востан, а сам с несколькими полицейскими остался в нашем селе. Он позвал старосту Марто и подробно допросил о случившемся. Ответы старосты его не удовлетворили, и каймакам отправил старосту со связанными руками и глазами в Востан, а оттуда – в город (Ван). Несколько раз допрашивали и моего деверя Похана, который был помощником старосты, но не арестовали его.

Таким образом подвергали нас жестоким истязаниям до апреля 1915 года, когда был убит Ишхан⁸³. В тот же день десять полицейских явились в наше село, позвали моего мужа Оганеса, Эло, сына Марто и Аспатура, которые были хмбапетами⁸⁴ и потребовали сдать все оружие села. Наши мужчины ответили, что у нас нет оружия, а они связали нашим мужчинам руки, чтобы отправить их в Востан, но молодежь села пригрозила им и не позволила увести их. Полицейские вернулись в Востан, но через два дня вновь осадили село и стали стрелять по селу. Когда наши парни выстрелили в ответ, они сражались с нами в течение одного дня, а после собрались и ушли. На следующий день, объединившись с чернью со стороны Хизана, под началом Гусейн агы из Тахмана, они осадили село Нарек и сражались с Нареком до вечера. Когда стемнело, крестьяне Нарека, Пшаванка, Пахванца и Ахаванка отступили в наше село под руководством Чатоян Миграна и Абро из Норгюха. Народ этих сел со своими силами поднялись на гору Гирича, там вступили в бой. Они сражались, а мы с плачем направились в Шитан. На горе Артос от пережитого страха и холода умерло приблизительно 30–40 человек, среди которых был и священник нашего села Тер Микаэл. Добравшись до Шитана, мы увидели, что Левон из Хараканца с 300–400 солдатами подготовили позиции и готовятся сразиться с турками. Когда мы дошли до них, Левон и его солдаты вышли встретить нас, очень организованно отвели и разместили нас в селах Шитана, а сами, [наши] солдаты, укрепились на позициях на 4 опасных острых скалах Шитана. Не унывая, сражались целый месяц. Благодаря нашим бесстрашным и отважным храбрецам все 30 дней мы были в безопасности. В один из дней у наших мужчин закончились патроны, и они слегка отчаялись, но семь молодых людей смогли добраться до Вана и привезти патроны без потерь. Когда бой закончился, мы заранее

отправили 10–12 человек в Арберд, чтобы узнать о наших семьях, которые были там. А когда добровольцы вошли в Востан, и наша область была освобождена, в тот момент парни, которые поднялись на гору Гирича, вступили в бой, погибло 7 наших людей, в числе которых был и мой деверь Ншан.

Люди, посланные нами в Арберд, пришли и увидели, что часть наших крестьян увели в плен, а часть оставили в селе. Мы тоже вернулись в наши дома и около одного месяца жили спокойно, пока русская армия не отступила, и мы вместе с ней ушли, добрались до Эчмиадзина, а оттуда – в Баку.

Из нашей семьи во время этих боев были убиты Ншан и мой супруг, а Хло, жена моего деверя Агавни и моя дочь Айкуш, и дочь моего деверя Азнив умерли в нашем селе от голода. Мы добрались до Беркри, там на нас напала чернь, осадила нас, тьма покрыла нас, многие бросились в реку, чтобы раз и навсегда избавиться от таких страданий. Многие были убиты, а те, кто смог убежать, оставили все свое имущество и сбежали. Наконец избавились и от этой резни и добрались до Баку, в настоящее время живем в Баку.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 468, л. 30–31 с об., подлинник, рукопись.

№ 41

СВИДЕТЕЛЬСТВА ГРУППЫ ВЫЖИВШИХ О РЕЗНЕ В КАРЧАКАНСКОМ СЕЛЕ ГОМС ГЯВАШСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА

29 августа 1916 г.
Кызнавуз.

Петрос Манукян, Назар Аветисян, Хачатур Мурадян и Ншан Оганисян, крестьяне из Карчаканского села Гомс, сообщают следующее о своем селе.

Прежнее состояние села. Село Гомс до войны состояло из 70 дворов с исключительно армянским населением. Село владело стадами овец в 2000 голов, стадами коров в 1000 голов. В селе также имелись 70 плугов, 250 сох, 50 телег. В год село производило 2450 халваров пшеницы, 1000 халваров ячменя, 7000 телег сена. В селе была старинная церковь Св. Геворка, одноименные мощи крестьяне закопали во время переселения, но когда потом пришли за ними, оказалось, что мощи выкрадены. Священников было двое – Тер Саак и Тер Хачатур, оба были убиты в селе.

Объявление войны и мобилизация. Когда началась всеевропейская война, из села в солдаты забрали 11 человек, и до сих пор неизвестно, что с ними было дальше. В качестве военной подати правительство забрало из села 100 халваров пшеницы и ячменя, 30 пудов топленого масла, 100 пудов пшена, по десять овец с каждого двора (700 овец), 70 коров, 140 волов, бесчисленное количество сена и жнивья, 70 пудов выпеченного хлеба (сухарей), 1500 чарухов, много шерстяных носков и шерстяных рукавиц, 70 полотнищ войлока и карпетов, [а также] 400 осм. золотых.

На олам отводили тех, кто не подлежал военной обязанности. Во время этих работ пропали без вести (возможно, были убиты) 18 человек со своими телегами и скотиной. Тех женщин, мужей которых забрали в армию, заставляли перетаскивать на спинах трехпудовые тяжести в Ван и Баязет. Число женщин, выполняющих такую работу, доходило до 32.

Когда турецкие войска и курдские гамидие останавливались в селе, крестьяне были обязаны кормить их и давать пропитание их лошадям. В селе не прекращались побои и изнасилования во время их постоев.

Резня. Когда началось Ванское сражение (7 апреля 1915 года) Амза бек из Тихтиса с 400 курдскими гамидие 10 апреля осадил село Гомс. Угнали весь скот – овец и скотину – и, сжимая кольцо окружения, ворвались в село, собрали 35 человек, связали им руки веревками и отвели на край села в амбар Канчо, где всех расстреляли, после чего подожгли амбар, который сторел и обрушился на трупы.

После убийства этих 35 человек курды стали обыскивать дома и зарубили саблями 18 женщин (их вынуждали говорить где находятся их тайники и выдать мужей) и 150 мужчин от 5 до 80 лет. Изнасиловали и похитили всех красивых женщин и девушек и увели 34 невесток и девушек, о которых до сих пор ничего не известно.

После резни село осталось в руках курдов, которые каждый день заявлялись в село, выкапывали и уносили пшеницу из [подземных] хранилищ и грабили домашнее имущество.

За три дня до резни 50 человек под руководством господина Вардана, вооружившись, поднялись на гору Гомац, опасаясь, что окажутся в руках Амза бека, который забирал мужчин в солдаты. Амза бек до резни получил от села взятку в 200 золотых, обещав защитить мужчин. Группа господина Вардана пряталась в пещерах горы Гомац 15 дней.

Самооборона. В конце апреля курды внезапно окружили гору Гомац (зевейские, айтаранские, кокейские, базейские курды и люди Амза бека), преследуя двух ехегисских братьев Огана и Саака, добрались до горы Гомац. Наши (группа господина Вардана) укрепились на позициях, и начался ожесточенный бой. Группа под руководством Вардана напала на курдов,

которые оставили свои позиции и убежали. В бою погибли четыре человека – Согомон Акопян, Саргис Хачоян, Хло Акопян и Вардан Саргсян, все из Гомса.

Группа оставалась в горах 35 дней, пока в начале мая не пришел Мовсес Акопян, доброволец из отряда Амазаспа, и сообщил о том, что отряд на подходе.

После того боя группа в целях безопасности покинула гору Гомац и поднялась на гору села Огванц, называемую Берд⁸⁵, где в очередной раз была окружена курдами. Начался бой, которое длилось 10 часов (события происходили в начале мая).

Во время второго боя армяне потеряли двух человек – Мурада Акопяна и Поло Мартиросяна. После этого боя группа спустилась в село и увела всех женщин и детей в горы. К вечеру один хромой парень, которого звали Саргис Маргарян (которого курды увели в плен), поднялся на гору и сказал: «Все зевейские курды убежали, добровольцы и русская армия на подходе, выходите, пойдем в Зеве за продовольствием». Около 30 сельчан направились в Зеве и привезли на корабле еды на два дня женщинам и детям. После того, как они вернулись на гору, Вардан с 40 людьми (среди которых были крестьяне из Огванца, Ехегиса, Хумса, Сорба, Ваника, Уранца, Бенканца) направился в село Бенканц за продовольствием. Когда они на рассвете входили в село, курды издали выстрелили по ним два раза.

После курды спешно доложили об этом турецким войскам в селе Сорб. Через час около 1000 турецких всадников из регулярной армии окружили село Бенканц и открыли огонь по нашим солдатам, которые ожесточенно сопротивлялись. Бой продлился 12 часов и было очень упорным. К вечеру руководитель группы господин Вардан был ранен в сердце, когда напал на одного военного, который яростно пытался прорваться через армянские позиции.

В этом бою было убито 20 армян (7 человек из Гомса). Армяне, осознав, что дальнейшее сопротивление невозможно, оставили свои позиции и отступили на свою гору, где переночевали, а на следующий день доброволец Мовсес Акопян сообщил о том, что русские войска и добровольцы на подходе. Господина Вардана и других двоих раненых перевезли в Ван, где господин Вардан умер и с большими почестями был похоронен на кладбище Араац, а остальные двое раненых выздоровели.

Добровольцы вошли в Гомс, народ Гомса также вернулся в свои дома. Когда добровольцы оставили село и отступили в Гяваш, народ ушел с ними и месяц жил в Гяваше. Добровольцы вновь продвинулись вперед, народ – вслед за ними и 15 дней [народ] прожил в селе до 19 июля (1915

года), когда русские отступили по всему Кавказскому фронту и за шесть дней дошли до Вана, народ которого уже ушел. Весь народ Карчакана и Гяваша, собравшись в Ване, встал на путь переселения и дошел до Джаника, где добровольцы им сообщили, что ущелье Беркри захватили курды. Народ в течение одной ночи вернулся в Ван и двинулся по линии Сарая, чтобы перейти в Персию. Дошли до Арчака и оттуда спустились в ущелье Махмадик⁸⁶, где идущие впереди солдаты встретили 50 вооруженных курдов. Началась ожесточенная битва, которая продлилась до вечера, во время которой армяне потеряли двух человек. Народ без сопровождающих продолжил свой путь, всю ночь скитался по горам и незнакомым местам, а на рассвете обнаружилось, что они вновь очутились в ущелье Махмадик.

На рассвете огромная толпа курдов, около 500 всадников, окружили ущелье Махмадик. 40 человек из народа, во главе с крестьянином Аршаком из каркарского Ехегиса, 6 часов сражались с курдами, после чего патроны у наших закончились. А до того сказали народу, чтобы каждый спасался как может, и люди в панике, потеряв голову, разбежались кто куда. Курды погнались за ними, резали и расстреливали всех, кого удавалось поймать, ранили, насильовали красивых женщин и девушек, похищали и учиняли всякие варварства. В этой резне погибли 6 мужчин из Гомса, а 24 женщины, дети и мужчины пропали без следа: их либо убили, либо увели в плен.

Народ рассыпался кто куда и убежал в разных направлениях. За три ночи дошли до Сарая, часть укрылась на сенокосе, когда вдруг вдали показалась русская армия. Один из добровольцев и три казаки подошли к народу, отвели людей в Сарай, кормили там три дня, после отвели в Хой, а оттуда епископ Атрпатакана Нерсес разместил их в селах Атрпатаканского, Салмастского и Хойского уездов.

В Персии умерло шесть человек из села Гомс.

Весной 1916 года большая часть крестьян Гомса вернулась в свое село и начала жить довольно хорошо, но когда в июле того же года началось русское отступление, народ переселился на Кавказ и в настоящее время живет в селе Хзнауз.

Написанное полностью соответствует нашему рассказу, подписываемся:

Петрос Манукян,
Хачатур Мурадян,
Назар Аветисян,
Ншан Оганесян.

НАА, ф.227, оп.1, д. 447, л. 1–8, подлинник, рукопись.

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ АЗНИВ АСЛАНЯН
О РЕЗНЕ В КАРЧАКАНСКОМ СЕЛЕ ХНДЗОРГИН
ГЯВАШСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА**

1916 г.
Баку.

Азнив М. Асланян, 13 лет, из Карчаканского села Хндзоргин³⁵.
[Находится] в бакинском приюте № 3.

1) До войны наша семья состояла из 4 человек – отец Мисак 35 лет, мать Хзмо 30 лет, Азнив 13 лет, Надро 4 года.

Из нашей семьи в живых осталась только я.

Отец мой Мисак 35 лет был убит в бою на горе Немрут.

Никто не пропал без вести.

Моя мать умерла в Эчмиадзине, в больнице, а брат Надро умер в Хлате от истощения.

Было начало мая. Однажды ночью к нам домой пришли два молодых человека, один был из Муша, звали его Мушег, другого звали Князь, он был из Карчакана; оба сбежали из турецкой армии. Отец из сострадания приютил их в нашем доме. Когда Карчаканское правительство узнало об этом, приказало моему отцу выдать их обоих. Отец предусмотрительно переправил обоих в амбар нашего соседа. Через два дня наше село заполнилось многочисленными курдскими конниками, которые стали силой собирать сено и ячмень для своих лошадей. Мушег и Князь, подозревая, что их могут обнаружить и арестовать, тайно вышли из амбара и стали подниматься в гору. Курды заметили их и погнались за ними, стреляя по ним. Мушег был убит сразу же, Князь сражался с курдами довольно долго, но они в конце концов окружили его и убили. Во время этого происшествия наши мужчины взяли свое оружие и ушли в село Мзре. Убийство этих двоих послужило началом резни. Курды вернулись в село и ограбили всех нас, ограбили так, что на нас осталось только исподнее белье. Мы последовали за нашими мужчинами в Мзре (нас, женщин и детей, было 30–33 человека), где нас взял под свою защиту Шапап ага. Прожили там два дня, после ушли в армянонаселенные села Битлисского уезда. Когда дошли до датванских сел Кцвак и Цгак⁸⁷, укрылись под скалами на берегу; оттуда же намеревались переправиться на кораблях в Ван. Была ночь, и мы чувствовали себя в безопасности. Когда рассвело, мы увидели, что на скалы покрыты многочисленными зарезан-

³⁵ Хндзоргин был исключительно армянонаселенным селом, состоявшем из 30–40 дворов.

ными и растерзанными телами. Это были крестьяне Хлата и Цгака, которые пришли сюда в надежде убежать на кораблях, но были убиты руками спрятавшихся здесь курдов. Об этом рассказал нам один раненый человек из Цгака, который спрятался под камнем. В ужасе от этой сцены, мы убежали оттуда в Хлат. На расстоянии трех часов [ходьбы] от Хлата нас вдруг окружили курды. Был полдень, наши мужчины – 8–10 человек – сражались до вечера, и, будучи не в состоянии сопротивляться без патронов, сдались. В этом бою был убит мой отец Мисак. Курды вначале отнесли к нам благосклонно. Собрали наше оружие и заявили, что они посланы правительством, которое поручило им собрать всех армянских мужчин для работ в амалия. Заставили всех наших мужчин искупаться в местной реке Уртап, сменить белье и отправиться в путь. Сцена расставания была душераздирающей: все мы плакали, не хотели расставаться и будто предчувствовали, что больше их не увидим. Мы остались стоять там, а наших мужчин увели. Мы смотрели им вслед, пока они не спустились в ущелье и не скрылись с наших глаз. Не прошло и пяти минут, как раздались выстрелы. Мы не сомневались, что они были убиты. До сих пор ничего о них не известно. Испугавшись, что курды могут вернуться и истребить нас так же, как и мужчин, мы на одном дыхании убежали в Хлат. По дороге к нам присоединились армянские женщины и дети Кцвака – 30–35 человек. Мы почти уже дошли до города, когда нам встретился один вооруженный курд, который погнал нас как стадо овец в одно курдское село. Издали мы увидели черные точки в поле. Мы вначале подумали, что это овцы, но когда приблизились, оказалось, что это тела убитых, большей частью детей. Увидев нас, курды высыпали из своих домов и даже белье наше исподнее отобрали у нас. Красивых женщин и девушек отделили от нас и увели (они были из сел Цгак и Кцвак – 5–7 человек), мне они были не знакомы. Остальных распределили между собой как пленных, и мы работали в их домах как слуги в очень жестоких условиях: нап[ример], моя мать пекла хлеб, но ей не разрешали есть этот хлеб. Мы жили, питаясь почти одной травой. Не выдержав голода, мой брат Надро (4 года) умер от истощения. Хлеб, который они давали нам, был таким плохим, что его невозможно было есть. Почти две недели ели траву, тем и жили. В один из дней в поле мы сговорились и ночью все (50–55 человек) убежали в Хлат. Нас отвели в правительственный дом. Там, к нашему удивлению, мы увидели несколько мужчин из нашего и соседних сел, которых ранее увели в солдаты. Они стояли в строю с другими, из них я узнала только Месропа, сына старосты Патурса. Через некоторое время пришли турки с лопатами и мотыгами и о чем-то спросили офицера, который стоял там с солдатами. Затем турки ушли. После солдаты, связав этих армян, отвели их за город, и нас с ними. Мы там увидели тех турок с мотыгами и лопатами,

которые рыли большую яму. Они собрали связанных в одно место и, уложив приблизительно 40 человек на землю, всех зарезали кинжалами. Потом их бросили в яму и засыпали ее, среди похороненных были и полумертвые люди. Оттуда отвели нас обратно в город и арестовали в одном доме. Через два дня мы вдруг заметили, что наши стражи отсутствуют. Открыли дверь и вышли, не встретив ни одного курда или турка – все они убежали. Через несколько часов русские вошли в Ахлат. Мы были освобождены. Через две недели русские вдруг отступили. Мы хотели уйти с ними, но не смогли, они были на лошадях, а мы были ослабевшими и истощенными. Вновь вернулись курды, еще более злые и озверевшие. Мы спрятались на близлежащей горе. Курды боялись подходить туда, потому что русские были в селе Арцке. У нас было очень мало еды, питались в основном травой. Тех женщин и девушек, которые попали в руки курдам, заперли в домах и сожгли – 20–30 человек (маленьких девочек особенно не трогали). Через три недели русские вновь захватили Хлат и мы, оставшиеся в живых (не более 20 человек), наконец избавились от верной смерти. А во время отступления я с моей матерью и нашими крестьянами добрались до Эчмиадзина, где моя мать заболела дизентерией, ее отвели в больницу, где она умерла от этой болезни.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 468, л. 26–27 с об., подлинник, рукопись.

№ 43

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО МАРТИРОСА ОГАНЕСЯНА
О РЕЗНЕ В КАРЧАКАНСКОМ СЕЛЕ ВАНИК
ГЯВАШСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА**

12 августа 1916 г.

Игдир.

Согласно рассказу крестьянина из села Ваник Карчаканского района Мартироса Оганесяна (37 лет) (он был свидетелем):

Карчакан состоял из 50 исключительно армянских дворов с населением 400 человек, в селе были церковь Св. Геворка и новопостроенная школа, село владело стадами овец в 1500 голов, скота в 500 голов, годовая прибыль села составляла 4000 мер пшеницы и 1500 мер сена.

В феврале⁸⁸ 1914 года правительство забрало всех мужчин Ваника от 15 до 50 лет в солдаты, а когда в конце июля 1914 года была объявлена всеобщая мобилизация, все мужчины Ваника уже были в армии. Если военно-

обязанный не прибывал в положенное время, полицейские сжигали его дом, не разрешая вынести какое-либо имущество и забирали в пользу государства весь его скот (овец и скотину), движимое и недвижимое имущество. Еще в феврале 1915 года Фарсо из Нахи, который был выбран начальником курдских милли, избил крестьянина Ваника Исразля Сахакяна (50 лет) и освободил его только тогда, когда получил от него 50 осм. лир, несмотря на то, что Исразль ни в чем не провинился да и старостой не был. В начале всеобщего мобилизации из Ваника принудительно забрали 85 мер пшеницы, 50 мер ячменя, 30 войлока, 80 литров топленого масла, 300 пар шерстяных носков, 400 телег сена. Под названием пожертвований взыскали с села 80 осм. лир. Срубили 2500 деревьев.

10 апреля 1915 года 500 курдских милли, вооруженные казенными винтовками «кючукчап», по приказу наместника Битлиса и во главе с Фарсо из нахие, напали на Ваник. Так как все мужчины были в армии и некому было обороняться, то милли безжалостно вырезали население Ваника: было убито 70 детей, 40 женщин, 112 мужчин, а 15 женщин и 10 детей увели.

Оставшееся в живых население Ваника переселилось на Кавказ 15 июля 1915 года. Из всего населения Ваника в живых остались 45 мужчин, еще 15 мужчин находились за рубежом. Во время переселения умерло 23 человека из жителей Ваника.

Записал Г. М. Неркарарян.

НАА, ф. 227, оп.1, д. 429, л. 3 с об., подлинник, рукопись.

№ 44

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО ТАНГИКА АВАГЯНА
О РЕЗНЕ В МОКСКОМ СЕЛЕ ГОМЕР
ГЯВАШСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА**

[1916 г.]
Баку.

Тангик Авагян, 11 лет, из мокского села Гомер, [находится] во бакинском приюте № 2.

До войны наша семья состояла из 8 человек⁸⁹: отец 35 лет, мать Манушак 30 лет, я – 11 лет, Асмик 13 лет, Шушан 6 лет, Агаси 7 лет, Мисак 9 лет. В настоящее время живы 4 человека. Убиты мать Манушак и Асмик – в нашем селе, пулями курдов, отец Аваг пропал во время войны.

Резня в селе Гомер.

Наше село было исключительно армянонаселенным селом, состоящим из 300 дворов. Узнав о событиях в Ване, молодежь нашего села поднялась в горы, взяв с собой продовольствие, и оставалась там до прихода русских. В числе ушедших был и мой отец Аваг, от которого до сегодняшнего дня нет вестей. Наш сосед, курдский бек, (не помню его имени) пришел в наше село и убедил крестьян переправиться к ним, чтобы они смогли защитить нас от других курдов. Поверив ему, мы всем селом переправились к ним. Нас, как овец, всех собрали в одном доме, приблизительно 60–70 женщин и детей. Нам не разрешали выходить. Через три дня, открыв ключом дверь, сказали, мол, выходите, русские пришли. Когда мы вышли, увидели что перед дверью стоят несколько вооруженных курдов, и они выстрелили в нас. От этих пуль погибли жена моего дяди (брата матери) Пируз, ее сын Тармо 9 лет, моя мать, сетра Асмик, а брат Мисак, который был на руках матери, получил ранение в ногу, но не умер. Правая рука матери повисла с плеча, и от этой раны она скончалась через три дня. Я убежал и спрятался в одном разрушенном доме. На следующий день, когда все курды уже убежали, я вышел из своего тайника и нашел своего раненого брата с другими женщинами. Через 8–10 дней пришли добровольцы и переправили нас в Востан, где мы оставались до первого отступления.

Во время отступления я и мои младшие братья Седрак и Мисак с нашими односельчанами добрались до Игдира, где нас троих разместили в разных приютах.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 454, л. 6 с оборотом, подлинник, рукопись.

№ 45

**СВИДЕТЕЛЬСТВА ВЫЖИВШИХ АВЕТИСА ДАВТЯНА
И КАЗАРА БАЛОЯНА О ЖЕРТВАХ В МОКСКОМ СЕЛЕ СЫПКАНЦ
ГЯВАШСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА**

29 августа 1916 г.
Нор Баязет – Пашакенд.

Мокс – Сыпканц – 18 дворов.

Знатные крестьян нашего села собрали и сдали правительству (Муртулле бею) все оружие села (короткоствольное и длинноствольное) – 30 единиц.

В день Вознесения (июль 915), [во время отступления], добровольцы Григор, Трчун и Амбарцум пришли и забрали нас из села, оставив имущество в [селе] Аген. В селе остались немощные люди, было убито 9 человек – Аветис, Симон и женщины.

Каждый день в течение двух месяцев добровольцы сражались с турками. Была середина июля, когда добровольцы отступили в Ван. Мы последовали за ними. Чернь дошла до монастыря Путку, вырезала около 200 человек, также много людей осталось в Моксе, и они не смогли выбраться.

Дошли до Вана, прошли по беркрийскому мосту через Пантимах. Долины Кёшка заполнились турецкими и курдскими всадниками, которые стали рубить людей саблями. Мы, оставив наше имущество, убежали по восточным горам Беркри. Через три дня дошли до Гавришами: добровольцы были там. В долине Кёшка погибло 35 человек из нашего села – Чато, Абраам, Пган и другие. Мы добрались через Арцап до Эчмиадзина, и оттуда переселились сюда без какого-либо имущества.

О селе нет никаких сведений, все рассеялись, кто куда.

Из 18 дворов остались 35 человек.

Рассказчики из Сыпканца Мокса – Аветис Давтян и Казар Балоян живут в Пашакенде.

Следователь Ширин.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 430, стр 44 с оборотом, подлинник, рукопись.

№ 46

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ ЛУСАБЕР ТОВМАСЯН О САМООБОРОНЕ АРМЯН В ПОСЕЛКЕ ШАТАХ ШАТАХСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА

[1916 г.]

Баку.

Лусабер Товмасын.

Коренная жительница Шатаха, бакинский приют № 2.

До войны наша семья состояла из 12 человек. Бабушка (старшая мама) Шагик 70 лет, я 14 лет, брат Давид 18 лет, Еремия 15 лет, дядя (брат отца) Багдасар 35 лет, Заруи 23 года, Евгине 7 лет, новорожденный ребенок, другой дядя Оваким 28 лет, его жена Нвард 26 лет, Паргев 6 лет, новорожденный ребенок.

Умерли бабушка Шагик, невестки Заруи и Нвард и их дети, всего пять человек в Эривани от дизентерии.

За две недели до апрельских сражений Вана (в Зеленое воскресенье⁹⁰) турецкое правительство в Шатахе арестовало местного дашнакцаканского лидера – господина Овсепа Чолояна и четырех его товарищей. С момента их ареста прошло 4 дня. Ночью четвертого дня турецкие ночные патрули при обходе встретили одного сбежавшего солдата, который шел из дома напротив. В тот же момент выстрелили в него. Он убежал. Его товарищи, которые были в доме, узнав о происходящем, ответили туркам выстрелами. В эту ночь с обеих сторон никого не убили, но этот случай стал поводом к началу боя.

На следующее утро турки продолжали бесцельно стрелять, и так же бесцельно наши стреляли в ответ. Но армяне, предполагая угрожающую им опасность, переправили армян, живущих вблизи домов турок в армянонаселенные центры на противоположном берегу и начали подготавливать позиции. С нашей стороны было около 200 сражающихся мужчин, которыми, в отсутствие Овсепа, руководили Самвел Месропян и Тигран Багдасарян-Чаникянц. Бой начался в полдень. Армяне сожгли деревянный мост, чтобы турки не перешли на нашу сторону, а на каменном мосту устроили свои позиции. На турецкой стороне у армян была всего одна позиция в доме Ована эфенди, откуда наши в течение двух недель пытались захватить правительственный дом, но безуспешно. Здесь был убит всего один солдат – Сахак Абрекян. Осознавая, что дальнейшее сопротивление окружившим [дом] туркам невозможно, наши оставили эту позицию и отступили на позиции на армянской стороне. Бои ожесточались с каждым днем. Из близлежащих сел приходили раненые и разграбленные женщины и девушки и рассказывали об убийстве мужчин и об ужасах, через которые им пришлось пройти. Турки их пропустили и не повредили, когда они добирались до нас. Прошло уже 20–23 дня, когда наши попытались соорудить пушку. Левон Налбандян, который служил в артиллерийском турецком полку и его отец (земледелец) взяли одно очень крепкое бревно, выдолбили его внутри, обмотали железными обручами и заранее нарезанной телеграфной проволокой, и, придав бревну достаточную устойчивость, стали обстреливать позиции турок. Таким образом соорудили две пушки – большую и малую. Большая не дала никакого результата, а вот малая хотя бы напугала турок – [они подумали], что у нас тоже есть пушка, хотя не знали, что она из себя представляет. В качестве ядер использовали старые железные шары, которых в Шатахе было предостаточно. Турки, поверив в то, что у нас есть пушки, приказали привести свои пушки и стали обстреливать наши позиции, но так как наши дома были построены из камня, ядра их пушек нам вреда не нанесли. Турки

заранее захватили здание нашей школы, которое располагалось на высоте и оттуда сильно теснили нас, тем более что эта позиция располагалась над водяными мельницами, и мы лишились возможности молотить пшеницу. Над этим зданием, на склоне горы располагалось село Созванц, куда наши пошли ночью и оттуда осадили здание школы. Эта осада дала свой результат, но в итоге наши не смогли выбить турок оттуда, так как ночью курды и турки окружили село Соганц и наши (приблизительно 20 человек) погибли там, кроме трех человек, которым удалось убежать, и они рассказали нам все подробности.

Бои продолжились до отступления турок. Ван уже был освобожден, а мы не знали об этом, пока передовые отряды Дро не дошли до нас.

Бои еще продолжались, когда один молодой человек по имени Пайлоз, который был арестован вместе с Овсепом, сбежал от турок и рассказал, как Овсеп и четырех его товарищей (в том числе и его), после нескольких недель ужасных пыток в тюрьме, отвели на берег реки, чтобы убить, а он бросился в воду и, будучи хорошим пловцом, переплыл реку и смог спастись. Он рассказал, что Овсепу вначале отрезали руки, затем ноги, а после обезглавили, остальных же расстреляли. Когда началось отступление, я ушла с нашими [сельчанами], дошла до Игдира, где меня отвели в штаб и переправили в приют. А бабушка Шагик, Заруи, Нвард и дети умерли в Эривани.

НАА, ф. 221, оп. 1, д. 468, л. 22 об. – 23 об., подлинник, рукопись.

№ 47

СВИДЕТЕЛЬСТВА ГРУППЫ ВЫЖИВШИХ О САМООБОРОНЕ АРМЯН ПЕСАНДАШТСКОГО НАХИЕ ШАТАХСКОЙ КАЗЫ ВАНСКОГО САНДЖАКА

1 сентября 1916 г.
Эвджиляр.

Рассказы Ншана Мурадяна, Мовсеса Азизяна и Мовсеса Саргсяна, крестьян из села Шитан Песандаштской волости Шатахского уезда Васпуракана, о самообороне [армян].

27–28 марта 1915 года в шатахском поселке Таг начались самооборонительные бои.

Шатахский комитет написал письмо (подписанное Самвелом Месропяном) 4 селам Песандашта, в котором было сказано: «Займите гору Барадотик

(ветвь Артоса), чтобы чернь из Востана не вторглась в ваши границы». 50 вооруженных мужчин из четырех сел Песандашта (Шитан, Кайнемеран, Арег, Кахазис) заняли гору Барадотик. Комитет приказал перерезать телеграфные провода сразу после начала боя. Через два дня после начала боев на гору Барадотик поднялся чиновник с 15 вооруженными полицейскими для ремонта телеграфных проводов. Когда они дошли до той части горы, где заняли позиции наши песандашские солдаты, последние стали стрелять по ним. Полицейские сообщили об этом в Востан, и разношерстные силы – курды, полицейские, войска – огромной толпой оцепили холм Баражкут напротив горы Барадотик. Две позиции – армянская и турецкая – разделялись ущельем посередине. Чернь заняла позиции в камнях Баражкута и день и ночь, не переставая, обстреливала нас. Наши отвечали им одиночными выстрелами.

Около 8000 человек из Гяваша, Хайоц Дзора и Тимара правительство гоняло по горам и решило направить их в Песандашт, чтобы вызвать голод среди сражающихся. Пришедший народ разместился в четырех селах и получал там продовольствие для пропитания.

Сражающиеся Песандашта (40 человек) пошли в Шатах за помощью и сыграли там большую роль. Левон из Хайоцзорского Хараканца со своими солдатами перешел в Шатах, чтобы помочь сражающимся. Когда в Гяваше начались резня и бои, Левон со своей группой решил перейти по Песандашту в Гяваш для помощи сражающимся. Но до того гявашцы, будучи не в состоянии сопротивляться дальше, убежали в Песандашт, где был Левон, который со своими солдатами остался там до конца боев.

Враг сражался с солдатами самообороны целый месяц: частые атаки, обстрелы – ничего не привело к успеху. Наши с радостью оставались на своих постах – песни, танцы, веселье не иссякали. Все это оставляло очень тяжелое воздействие на врага, который, как выше было сказано, целый месяц бесцельно стрелял и устраивал неудачные атаки. Убедившись, что винтовками победить сражающихся невозможно, принес из Востана три пушки и начали обстреливать армянские позиции и даже устраивать атаки. Армяне прежде всего открывали огонь по нападающим. Каждый раз, убивая курдов, заставляли их отступать. Бои продлились 45 дней. С нашей стороны не было ни одной жертвы до самого конца, пока армянские добровольцы не дошли до нас. Дро со своим отрядом перешел в Шатах, а Кери из Востана перешел в Гяваш. Турки и курды уже убежали.

Эти 45 дней самообороны спасли жизнь 10 тысячам армян, нашедших пристанище в селах Песандашта – тимарцев, гявашцев, каркарцев и др, а также населению 7 сел Песандашта.

После побега курдов народ забрал продовольствие из покинутых курдских сел и с любовью позаботился о нашедших здесь пристанище людях.

Написанное соответствует рассказанному нами.
Ввиду неграмотности Ншана Мурадяна, Мовсеса Азизяна, Мовсеса Саргсяна [подписываюсь] Айк Ачмян из Вана.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 449, л. 13–16 с об., подлинник, рукопись.

№ 48

**СВИДЕТЕЛЬСТВА ХАНО, СГАНА И МАТОСА САИЛЯНА
О ЖЕРТВАХ В СЕЛЕ ТАМРАН МАХМУДСКОЙ КАЗЫ
ВАНСКОГО САНДЖАКА**

16 августа 1916 г.
Нор Баязет – Даликардаш.

Сарай – Гасан Тамран.

В начале декабря 914 г. в из Сарая в наше село пришли жандармы вместе с Махмад агой из нашего села, увели наших мужчин и убили около водяных мельниц 8 [человек]: Мко, Геворка, Ехо и других. Отнесли их тела в церковь Ахорика, но каймакам из Сарая не разрешил нам похоронить их. Курды нашего села заставили 2 женщин, 1 девочку и 4 мальчиков принять ислам. Нас, оставшихся женщин и детей и нескольких стариков, вместе с народом Ахорика погнали в снега Карадара. Там были убиты староста Мурад, Сахан, а нас раздели и красивых увели. По горам перешли в Персию, в Млхамлу. Многие умерли от холода в горах, в основном ахорикцы. В Млхамлу нас полностью раздели и убили Каро и Геворка. Перешли в Мухур, там нас тоже мучили. Мзтаба бей Гарана и Автазак бей после того, как давали нам еды 20 дней, отправили нас в Татос Аракел. Там мы оставались до июня 915 года, до отступления. С ахорикцами ушли по линии Ездихана, сражались с курдами, там погиб Усик из Ахорика. С помощью Ширина из армянского штаба Вана получили берданки, перешли в Беркри и Игдир, после пришли сюда. Село сейчас занято курдами.

7 дворов, 40 человек, 5 погибших.

Хано, жена Мко, крестьянка из Гасан Тамрана Сарая.
Схан, жена Ашо и Матос Маилян.

Следователь Ширин

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 430, л. 3, подлинник, рукопись.

ХАККЯРСКИЙ САНДЖАК

№ 49

**СВИДЕТЕЛЬСТВА ВЫЖИВШИХ МИНАСА ГЕВОРКЯНА,
ХАЧАТУРА АВЕТИСЯНА И СРБУИ О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ХУРТУК
ХОШАБСКОЙ КАЗЫ ХАККЯРСКОГО САНДЖАКА**

22 августа 1916 г.
Нор Баязет – Колахран.

Хошаб – Хуртук – 50 дворов.

В 914 г. насильственно [провели] мобилизацию, убили Оганеса, до сих пор не вернулся один [человек]. Сожгли дома Паноса, Тумаса и других – 5 домов.

Силой забрали в качестве военной подати («текалiffe арпин») 12 овец, 380 мер пшеницы, 100 мер муки, 30 литров масла, 40 литров шерсти, 160 пар шерстяных рукавиц, 60 пар мешков, 30 волов и др. Олам – Ван, Башкале.

Через несколько дней после Пасхи бинпаши милли⁹¹ Ахмед бей убил нескольких жителей Акрака в полях. Два человека из Крела сообщили нам о резне. Мы, как вооруженные, так и безоружные мужчины, поднялись в гору, пока каймакам находился в селе. Жандармы погнались за ними, и начался бой. Прибыли Ислам бей Зернака, Ибрагим бей Хачана и др., приблизительно 400 человек. Среди нас было 17 сражающихся солдат – Хачо, Тигран, Андреас и др. Сражаясь, перешли на гору Абласат, где находились солдаты Крела и Хндстана. В бою потеряли пять человек – Абеда, Акопа и др. Собравшись, спустились с горы в Хндстан, перешли на гору Вараг. Остались в Бирои калих⁹², через 4 дня пошли в Вараг и увидели тела 7 убитых – [в их числе] 3 архимандрита: Ари-стакес⁹³, Петрос⁹⁴ и других. Оставались в Вараге до боев в Кохпанце и в Шушанце. Где-то около 25 апреля отряды отступили из Варага в Ван, мы еще два дня оставались в горах, после перешли в Ван, а наши жены и дети оставались в селе.

Другой рассказчик. Мужчины ушли сражаться, мы оставались в селе, унесли все [наше] имущество и стали мучить женщин, требуя у них денег, избивать их и пр. Женщину по имени Срме избили хачеркатом⁹⁵, у другой женщины отрубили руки, одну женщину убили. После этих бесчинств курды удалились, похитив 11 женщин и одного ребенка – Тируи.

В начале мая нас собрали и отвели в Ван, после чего мы вернулись в село. Два месяца оставались в селе, [после] началось отступление, ушли

в Ван, [а после] в Беркри. Когда мы переходили по мосту, нас обстреливали из винтовок. Оставили 1800 голов овец, 300 голов навьюченной скотины и убежали в Игдир и сюда. Весной наведывались в село, оно оставалось в целости. Во время отступления пропали 27 (человек). В настоящее время [здесь живут] 20 дворов, оставшихся в живых – 82 [человека].

Первые рассказчики – староста Минас Геворкян.
Хачатур Аветисян.
Вторая рассказчица – жена Барсега Србо.
Следователь Ширин.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 430, л. 32, подлинник, рукопись.

№ 50

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО НШАНА ОГАНИСЯНА
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ КРЕЛ ХОШАБСКОЙ КАЗЫ
ХАККЯРСКОГО САНДЖАКА**

21 сентября 1916 г.
Дилижан.

Ван-Хошаб, резня в селе Крел.

Прежнее состояние. Во всем Хошабе 66 сел, из которых армянских – 15: Салахан – 70 дворов, из которых 20 армянских, Зенис – 60 дворов, из которых 30 армянских, Каср – 90 дворов, 30 армянских, Крдикан – 40 дворов, 10 армянских, Клисе – 60 дворов, 10 – армянских, Сел – 60 дворов, Пут – 40 дворов, 10 армянских, Бханц – 45 дворов, 15 армянских, Крел – 100 дворов, полностью армянское село, Акрак – 40 дворов, 10 – армянских, Уртук – 60 дворов, полностью армянское село, Пака-Гадук – 70 дворов, 20 – армянских, Канквар – 60 дворов, 30 армянских, Касрик – 150 дворов, 20 армянских.

Село Крел владело стадами овец приблизительно в 4000 голов, скотины в 1000 голов. В селе были церковь и школа. Церковь построили несколько лет назад, в церкви были великолепные арки, которые в настоящее время разрушены.

Мобилизация. После объявления войны по метрикам были призваны мужчины 20–45 лет. Народ безо всякого сопротивления в первый раз послал около 80 человек, которые под звуки дхол-зурны и с флагами направились

в центр области – в Хошаб, чтобы предстать перед правительством. После проверок правительство отправило их назад для покоса, им дали для этого 15 дней, однако еще до завершения срока полицейские окружили село и на этот раз, невзирая на возраст, забрали около 100 человек и насильно, избивая, отвели их в Хошаб, а оттуда в Башкале.

11 ноября 1914 года, после столкновения русских с турками около села Ханык на персидском фронте, армянских солдат вдруг разоружили и одновременно стали относиться к армянам с недоверием, искать повода, чтобы пытаться, избивать и расстреливать их. Это отношение стало причиной группового и одиночного побега армян из армии. В этот период убежала и большая часть солдат из нашего села. Они рассказывали, что к армянам относились с особой жестокостью: побои и пытки были обычным делом, происходили тайные убийства, вдруг исчезал тот или иной армянский солдат, по самым незначительным причинам или подозрениям расстреливали, оставляли армянских солдат без еды, не выдавали одежды, тяжелые работы на морозе были уделом одних армян. Таким образом в армии от побоев погибли трое крестьян из нашего села – Кочо 50 лет, Ехо 60 лет, Пайлоз 25 лет...

Насильственные поборы. Правительство заявило, что во время войны все имущество, богатство и даже семьи людей принадлежат государству, следовательно, каждый человек обязан выполнять все, что потребуется в интересах государства.

После объявления войны двери наших домов были открыты как перед официальными, так и неофициальными лицами. Мы были обязаны отдавать все, чего бы они не потребовали. Таким образом из нашего села, как и со всей области, собрали всех лошадей, овец, используемых и предназначенных для убоя животных, телеги, пшеницу, ячмень, топленое масло, шерсть, шерстяные носки, чарухи, сено – жнивье, кизяки – топливо, пшено – муку. Взамен не было заплачено ни копейки: давали только заемную бумагу, якобы для уплаты в будущем. Даже заставляли нас, армян, покупать на наши деньги у курдов недостающие вещи и продукты, как например топленое масло и шерстяные одеяла, и отдавать им...

Так как в селе мужчин совершенно не осталось, эти повинности пришлось выполнять женщинам, которые на своих плечах переправляли продукты [на длительные расстояния] в течение 5–6 часов, подвергаясь побоям и истязаниям. Под предлогом поиска сбежавших солдат полицейские часто врываются в село, нагло обыскивали село, сжигали дома сбежавших, бесплатно закалывали десятки овец для своих кутежей, избивали и калечили встретившихся на пути людей безо всяких помех. В этот период были и случаи похищения и изнасилований... Когда им удавалось поймать сбежавшего

армянского солдата, приводили его в село и заставляли, чтобы армяне сами его убили... Называли нас предателями и сторонниками русских.

Резня и депортация. Начиная с осени 1914 года, когда добровольческие отряды появились на персидской границе и даже вошли в Сарай, продвигаясь к Вану, и вдруг отступили, турки стали относиться к нам с [неприкрытой] ненавистью. Очень скоро в армии разоружили всех армянских солдат. Также сильно обострились наши отношения с курдами: они нас считали предателями и сторонниками русских и часто выражали свою ненависть и вражду по отношению к нам. Угрозы учащались день ото дня. Курды часто говорили: «Подождите, скоро придет весна, и мы с вами рассчитаемся...» Всегда указывали время – в этот день, после такого-то времени, весной, и пр... И действительно, все произошло в указанное ими время... Правительство тайно вооружало мусульман, огромное количество оружия из города (Вана) было роздано курдским и турецким селам. Вооружались [все мусульмане], начиная от самых младших до взрослых. Это обстоятельство не ускользнуло от нашего внимания. Отдельные курды сообщили своим товарищам армянам о запланированном...

Наместник Вана Джевдет бей в марте 1915 года перешел с персидской границы по Башкале в Хошаб, на пути организуя курдские села и планируя резню. Дойдя до Хошаба, он созвал к себе всех курдских вождей и главарей и, раздав им нужные указания, продолжил путь в Ван.

По прошествии короткого времени эта подготовка дала о себе знать: курды не таясь говорили нам: «Осталось 8 дней, и горе армянам, если же за эти 8 дней армяне сдадут свое оружие и своих беглецов солдат, то тогда только главные будут наказаны, иначе есть приказ, чтобы мы истребили всех армян... Ждем телеграммы из Вана, божьей помощью да не запаздает».

По приказу Ванского дашнакцаканского центрального комитета мы, сбежавшие солдаты, не оставались в селах, а поднялись в горы, чтобы из-за нас в селах не начались беспорядки. Это было всеобщим приказом дашнакцаканской партии: нам было приказано избегать столкновений и не провоцировать какие-либо события...

В день резни сел Хошаба я, как и другие сбежавшие парни, находился в горах. В селе остались не сбежавшие и старые мужчины (около 100 человек), как и безоружные женщины и дети.

3 апреля курды уже вырезали всех армян в окрестных селах, но мы не знали об этом.

В тот же день двое крестьян, которые пахали в поле, были окружены четырьмя вооруженными курдами на лошадях и убиты на месте. Другой

крестьянин, увидев издали это, тотчас же сообщил об этом в село (имена убитых Костан Амроян и Мартирос Ханоян). После этой вести в селе началась паника. Мы вечером спустились в село и, поняв ситуацию, решили выйти из села и как-то добраться до Вана: около 200 мужчин, забрав с собой несколько красивых женщин и детей, ночью отправились в Ван.

По пути мы проходили мимо армянского села Юрдук, состоявшего из 60 дворов. Здешние крестьяне, ничего не зная об угрожающей опасности, оставались в селе. Взяв и их с собой, мы поднялись на близлежащую гору. Из Юрдука с нами в горы поднялись 60–70 мужчин, а женщины и дети остались в селе. Продолжив путь, мы перешли в Хайоц Дзор и остановились на одном холме около села Хндстан. К нам присоединились жители Хндстана со своими семьями. До обеда никаких происшествий не случилось. Немного отставшие от нас крестьяне Юрдука подверглись нападению курдов (число которых доходило до 70), они не смогли сопротивляться и бежали, пока не дошли до нас. Курды преследовали их, и мы вынужденно вступили в бой, который продолжился до вечера. Вечером курды отступили, после того как потеряли двоих. Мы вошли в Хндстан и, забрав с собой продовольствие, продолжили путь, перешли в село Тони, которое находилось за Варагом, и провели там два дня. Вскоре началось восстание в Ване.

9 апреля по приказу дашнакцаканского органа Вана наши отряды собрались захватить Вараг с тыла, где правительство заранее разместило 50 жандармов. Мы продвинулись вперед и вышли к Варагу. Заняли некоторые позиции и вдруг услышали оружейные залпы в Вараге, после чего увидели, как жандармы вышли из монастыря и устремились на дорогу, ведущую в Ван. Не мешкая, мы быстро направились к Варагу.

Войдя в Вараг, мы увидели двух убитых архимандритов⁹⁶, одного хлебопека и трех работников. Вардапеты были убиты в своих комнатах. В них стреляли, а после растерзали кинжалами и саблями (рассказчик сам их похоронил). Хлебопек убили топором, разрубив ему голову пополам, у одного работника был вспорот живот, а двоих расстреляли и после растерзали.

Мы оставались в Вараге несколько дней. К нам присоединилось много людей из сел Вана, которым удалось избежать резни.

Когда турки захватили монастырь Кармравор и село Шушанц, мы вынужденно оставили монастырь и спустились в Ван.

Рассказал коренной сельчанин Ншан Оганисян.

Записал Сурен Мелоян.

№ 51

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ НУБАР МАРТОЯН
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ХАРАТУН АГБАКСКОЙ КАЗЫ
ХАККЯРСКОГО САНДЖАКА**

5 августа 1916 г.
Шых-Махмуд.

Рассказывает Нубар Мартоян, из села Харатун Башкале, в настоящее время живет в селе Шых-Махмуд.

После объявления войны в 1914 г. 23 июля турки забрали в солдаты всех мужчин без возрастного ограничения. Никто из ушедших не вернулся.

Под предлогом военной подати у нас забрали 2 овец, 4 вьюка муки, 2 комплекта постели (шерстяные стеганные матрас с одеялом), 2 пары шерстяных носков, 2 мотка веревки, 2 тары топленого масла, 2 тары сыра, 10 войлока. Это требования повторялись каждый день.

В начале войны курды часто угрожали, что, мол, «русские придут вас защищать, но мы вырежем вас, не допустим, чтобы русские избавили вас из наших рук». Каждый день ожидали погромов. В октябре русские вошли в Агбак. На рассвете тысячи курдов ворвались в наше село, одним из их вождей был Шахбаз ага из Джруба. В селе не было молодых людей: всех забрали в армию. Всех оставшихся стариков и юношей расстреляли. Из нашего дома погибли 4 человека. Нас, женщин, ограбили, отняли даже рубашки, которые были на наших телах.

В середине октября добровольцы Андраника обнаружили нас голыми и в ужасном состоянии, а народ дальних сел полностью был вырезан. Только в нашей семье от обморожения погибло четыре ребенка. Женщины и дети, не способные идти по грязи, падали обмороженными вдоль дорог. Тысячи людей умерли, до Салмаста дошла только лишь одна треть.

Добавлю, что только один из 8 мужчин нашей семьи выжил благодаря нашему соседу курду Хдро, который спрятал его у себя в доме.

Незначительная часть народа вернулась в Салмаст, остальные живут в разных уездах Кавказа. Никто не вернулся на родину.

Рассказчица Нубар Мартоян, неграмотная женщина старше 45 лет.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 424, л. 6 об. – 7 об., подлинник, рукопись.

№ 52

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ БАНАМШАХ ОГАНЕСЯН
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ХАСПСТАН АГБАКСКОЙ КАЗЫ
ХАККЯРСКОГО САНДЖАКА**

11 августа 1916 г.
Тмбул.

Рассказывает Банамшах Оганесян, из Агбакского села Хаспстан, в настоящее время живет в селе Тмбул (Старый Нахиджеван).

18 декабря 1914 года русские отступили из района Башкале. Мы, чтобы не пасть жертвами ярости турок и курдов, к концу недели после отступления русских обязались отступить, так как курды с османскими войсками уже вырезали Баз, Арак и Агбак. Мы собирали [нужные нам вещи] ночью, чтобы уйти на следующее утро. Но войско и собравшиеся со всех сторон курды еще до рассвета окружили наше село. Те, кто смог, убежали тайными тропами и спаслись, а мы укрылись в домах соседей курдов, но всех порубили кинжалами и саблями или расстреляли. Точное число неизвестно, так как в селе была паника, однако была убита почти половина мужчин нашего села, состоявшего из 100 дворов. В числе убитых были священник нашего села Тер Вардан, пономарь Торос, известные богачи села Погос, Тигран, Хчо и Григор.

Увели с собой около 20 женщин и красивых девушек. Не знаем, кто именно увел, потому что в погромах и грабеже принимали участие все – турецкие войска, курды, курдские вожаки.

Все наше имущество было разграблено. Оставшиеся в живых женщины и дети, голодные и голые, вышли в путь. По дороге многие умерли от обморожений, голода, наготы.

Оставшаяся часть нашего народа вернулась в дилманское село Махлам, а остальные, около 30 дворов, живут в разных уездах Кавказа.

Рассказчица – 40 летняя неграмотная женщина.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 424, л. 22, подлинник, рукопись.

N 53
**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ МАРИАМ КАЗАРЯН
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ СОРАН АГБАКСКОЙ КАЗЫ
ХАККЯРСКОГО САНДЖАКА**

[1916 г.]
Хефтвап.

32-летняя Мариам Казарян, крестьянка из села Соран Агбакского уезда, рассказывает о тех несчастьях, которые постигли ее и ее семью.

Записал учитель из Ахдаханы Ваган Петросян.

Наше село располагалось в юго-западной части Башкалы, в свое время оно состояло из 40 дворов (исключительно армянских), но в настоящее время, вследствие [действий] сыновей Аджи Йомар оглы – Кямила агы, Османа агы и Тефика агы, остались 4–5 дворов армян. Да и они безропотно денно и ночью служили им как рабы, как мужчины, так и женщины, чтобы добыть свой насущный кусок черного хлеба и не умереть с голоду. Лет двадцать назад наше село владело стадами овец в 5000–6000 голов, скотины, лошадей и пр. в 500 голов и пахотной землей на 378 стогов. Вся земля возделывалась, а в настоящее время у нас, у армян, нет даже одного кота и ни пяди земли. Даже наших мертвецов мы были вынуждены хоронить на кладбище Башкале, которое отстояло от нас на 7–8 верст. Все это перешло к вышеназванным ага и подобным им, которые силой отобрали у нас все перечисленное. Но даже этого не хватило им: денно и ночью они искали повода выпить нашей крови. И такой повод представился в августе 1914⁹⁷, когда турки объявили войну русским. В то время наша семья состояла из 8 человек: мой отец – Казар Абкоян (75 лет), мать Сона (55 лет), брат Симон (35 лет), мой супруг Галуст Саргсян (45 лет), а остальные – дети. Точно не помню, но знаю, что у нас в качестве военной подати (иане, хана) забрали пшеницы, пшена и разных вещей на сумму около 20 османских лир, так как наши люди служили мельниками у вышеназванных ага. Однажды – хорошо помню этот день – полицейские пришли и потребовали войлока, которого у нас совсем не осталось, так они вместо войлока вытащили маленькую подушку из-под головы моего сына и унесли. Тем не менее, никого из наших мужей в армию не забрали, так как (выше я уже говорила) наши мужья служили у курдских ага. В тот же год мой отец отдал много взяток тем же ага, которые в то же время служили правительственными чиновниками. Я не помню, когда именно русская армия вошла в Башкале и отступила, вызвав огонь на наши бедные головы. Только помню, что морозным зимним утром тот же Тефик ага собрал наших мужей,

как и остальных мужчин села, сказав им: «Собирайтесь, правительство решило направить вас в отряды «амели»... отправляют вас строить дороги». И мы видим, как наши наивные мужчины собрались вокруг него как овцы и собираются безо всякой задней мысли направиться на какие-то работы. Даже из села не успели выйти, как раздались оружейные залпы. Мы побежали вслед за ними, и что мы видим: отец мой – раненый, полуживой умоляет их: «Ради Бога, не убивайте моего зятя – у него дети малые!». Но мольбы моего отца остались без ответа, всех наших мужчин убили в тот же день на наших глазах и после стали грабить нас, срывая с нас даже нашу одежду. У моего отца, владевшего тремя ремеслами (он был плотником, каменотесом и каменщиком), только инструментов и различной утвари было [на сумму] 10–15 золотых, вдобавок еще и около 100 золотых – все это отобрали у нас. Как и сорок мер пшеницы – как нашей, так и отцовской. Мы, слабые и незащитные женщины и дети, остались во власти курдов. Один из курдов, Хаджи Сафо, которому было 80 лет, заставил Шохо, одну из невесток нашего села, которая 6 лет была замужем, принять ислам и увел ее к себе. Всю зиму мы босыми отправлялись в горы за сеном для овец курдов, а ночами укрывались под закоптелой крышей того же дома с куском черного черствого хлеба, без одеял и без рогож, и нечем было укрывать наших малых детей, которые от холода плакали и кричали до утра. Так прошла зима и наступила весна, которая принесла с собой еще более черные и мрачные дни, еще более горькое несчастье. Моя мать в ту пору была еще жива, что было слабым утешением для несчастной дочери и четырех малых незащитных детей. Однажды армия Джевдет бей, которая оставалась в Салмасте 4 месяца, отступила и вошла в Башкале, и тогда курды стали относиться к армянским пленным с еще большей ненавистью. Джевдет бей приказал своим войскам безжалостно насиловать, грабить и истреблять армян: не жалели даже десятилетних девочек. Такого приказа ждали курды и шейхи, которые, распалившись в своем исступлении, учинили над нами невиданные и непередаваемые словами зверства. В одну из ночей я услышала, что в дверь стучат, встала, подала голос, снаружи сказали: «Каче, дер вака» (по курдски – «девочка, открой дверь»). Но я испугалась и не открыла. Не успела сообщить своей матери, как вышеназванный кровопийца Тефик и его дядя Мустафа, взломав дверь, ворвались внутрь. Выволокли за косы мою мать и еще одну женщину – Нуно, ослепшую еще десять лет назад, бросили их оземь, угрожая убить, если они тотчас же не отдадут им свое золото. Моя несчастная мать со слезами на глазах бросилась к ногам курдов, говоря им: «Не убивайте меня, я покажу вам где находится золото». Но золото ведь унесли еще осенью. Моя мать хотела таким образом избавить нас от верной смерти, но напрасно плакала она и умоляла: они вы-

стрелили одновременно из пяти пистолетов, и пули попали в голову моей матери. Ее тело рухнуло на землю, они за ноги потащили ее за село, где были высокие камни и бросили с этих камней. А слепую женщину живьем бросили в яму и навалили на нее камней, и еще два дня слышались стоны этой несчастной женщины. Так прошло несколько дней, и когда русская армия вновь вошла в Агбак, а турки и курды ушли, они увели с собой и наших детей – тех мальчиков, которые могли работать и переносить тяжести. Таким образом, из нашего села попали в плен 13 мальчиков и женщин, а мы, несколько женщин, ночью убежали в горы, оставив многих наших малых детей в селе, и, вернувшись после ухода курдов, забрали их обратно. В настоящее время мы остались втроем – я и две мои малые дочери, и живем мы сейчас в салмастском селе Хефтван.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 462, стр. 1 об., подлинник, рукопись.

№ 54

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ ХАМЕ АРЕЯН О РЕЗНЕ
В СЕЛЕ ХАНАНЦ ДЖУЛАМЕРИКСКОЙ КАЗЫ
ХАККЯРСКОГО САНДЖАКА**

3 августа 1915 г.
Старый Нахиджеван.

Рассказывает Хаме Ареян, женщина около 50 лет, из джуламерикского села Хананц (Ванская губерния), которая в данное время живет в Старом Нахиджеване.

В начале мая 1915 года ассирійцы Тиара были вырезаны курдской чернью.

Маршимун – религиозный и политический предводитель ассирійцев⁹⁸, услышав о резне в Тиаре, сбежал. До побега он предупредил армян, как и наших сельчан (Хананц), чтобы мы собрались в Боганисе. Мы, узнав о резне ассирійцев, посчитали правильным переправиться в Боганис. До того, как мы направились в Боганис, ушедшие ассирійцы вновь вернулись. Курды Артоша⁹⁹, Фарашина и Джуламерика напали на беззащитных людей. Народ оставил своих овец и скотину и попытался спастись. Сотни людей, особенно женщины и дети, были вырезаны. Наши вооруженные мужчины вместе с ассирійцами организовали самооборону, но и там были сотни убитых, и многие утонули там же.

Таким образом был вырезан народ до границ Башкале, где русская армия разбила курдов и обратила их в бегство.

Оставшаяся часть народа перешла на Кавказ, и в настоящее время живут в Эривани и его окрестностях, в Гандзаке, Эчмиадзине и в других местах.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 424, стр. 2 об., подлинник, рукопись.

№ 55

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО ШАХБАЗА ХЛОЯНА
О САМООБОРОНЕ И ЖЕРТВАХ В СЕЛЕ ПАКАН
ДЖУЛАМЕРИКСКОЙ КАЗЫ ХАККЯРСКОГО САНДЖАКА**

[1916 г.]
Хефтван.

Рассказывает Шахбаз Хлоян, коренной житель джуламерикского села Пакан, 60 лет, о тех событиях, которые он пережил. Записал коренной хасп-станец Ваган Петросян.

В начале августа 1914 года османцы объявили войну русским. В то время у меня был магазин в Тиаре (Ассирия), население которого состояло только из ассирійцев и насчитывало 15 000 дворов.

В моем магазине было товаров на сумму 1256 осм. лир, а домашнее имущество насчитывало 4 головы скотины, 15 голов овец, 2 дома со всеми своими украшениями и удобствами, 10 мер пшеницы, мебель и домашняя утварь, постель: стоимость всего перечисленного доходила до 5000–6000 рублей. Местное правительство в качестве пожертвования (айана, хана) забрало из моего магазина товаров на 56 золотых, а также 2 меры пшеницы, одну меру ячменя, одну меру пшена, 2 овец, 5 чванов, 3 пары мешков, 4 пары обуви, 3 пары шерстяных рукавиц, 6 комплектов белья, 4 окка керосина, 9 окка меда, 8 окка топленого масла. Все это правительство забирало у армян сообразно их состоянию. Какие бедствия мы пережили зимой 1914 года... Каждую ночь каймакам отправлял полицейских в дома армян, якобы среди нас прячутся солдаты-беглецы или фидайны, но на деле это было всего лишь способом вымогания денег, и так вела себя вся властная верхушка. Каждый день наши бедные крестьяне (те, которые по возрасту не подлежали военной обязанности) [подвергались аресту] и содержались в темных и сырых хлевах Джуламерика, как предатели правительства. В таком положении был не только я, но и все наши крестьяне, да и все

армянские и ассирийские села, оказавшиеся меж двух мечей. С тревогой ждали, что же преподнесет нам судьба. А что касается скотины, имущества и домашней утвари, то все это забрали у нас абсолютно не таясь. Будучи свидетелями резни в Башкале, мы отдавали все, лишь бы сохранить наши жизни. Вытерпели все эти бедствия, лишь бы не потерять людей, пока в мае 1915 года русская армия вновь не вошла в Башкале. Тогда местное правительство наделило местных полицейских и курдов абсолютным правом грабить и убивать [нас]. Полицейские убили известного богатого торговца и помещика Бабагюля Алахвердяна (57 лет), и другого торговца – Давида (27 лет). Они оба владели тремя магазинами, в которых товара было на 3000 османских золотых. Еще зимой (1914) увели наших крестьян – Тароса, Еремию и Похика, собираясь их убить, но они в итоге со своими семьями приняли ислам и спасли свои жизни. Одним словом... В мае 1915 года народ Вана восстал, и тогда же армии генерала Назарбекова и Андраника вошли в область Нордуза и преследовали османскую армию до уезда Левин и до Джуламерика. Тогда курды, турки и правительственные чиновники пришли в замешательство, забрали всю нашу скотину и всех наших овец и бежали, а мы заранее ушли в горы. В горах мы, армяне, оставались три дня и три ночи, а после перешли в Кочанис, село Маршимуна, чтобы укрыться там. Это село находится на северо-востоке Джуламерика, в 20 верстах от Башкале. Нам едва удалось спасти жизни своих детей и жен: все они были без [теплой] одежды, босые и с непокрытыми головами. Я (Шахбаз) в то время находился в Тиаре, и там пока ничего не происходило, так как местных было много, и горы были неприступными: турки и курды много раз пытались напасть на нас, но ничего не могли сделать и, терпя [каждый раз] жестокое поражение, удалялись. Когда я направился в Кочанис к своей семье, в мое отсутствие ассирийцы разграбили мой магазин, в котором было товаров и денег на 2257 осм. золотых – это [имущество и эти деньги] я не осмелился взять с собой, так как дорога была небезопасной. Я добрался до Кочаниса, там мы, армяне, посоветовались и решили как можно быстрее добраться до Башкале, чтобы спастись. Но нам помешал ассирийский Маршимун, который в то время пришел в Башкале, чтобы получить от русских оружие и вернуться, победить курдов и утвердить нас на нашей родной земле. Но надежды наши оказались напрасными, и эти тщеславные замыслы Маршимуна вырыли для нас, несчастных армян Джуламерика, еще более глубокую могилу. И действительно, не прошло и десяти дней, как в один из дней, солнечным утром мы увидели, что село окружено тысячами курдов и правительственных полицейских, и что нет ни одной возможности убежать или спастись. Бой продлился 7 часов, несколько молодых людей из наших крестьян, которые сбежали из армии, сражались смело (они видели, как их

сослуживцев убивают на их глазах, и потому убежали из Дутага (Эрзерум) и если бы не они, все мы погибли бы. Сражаясь непрерывно 7 часов, наши храбрецы прорвали [цепь] курдов и смогли увести народ, как армян, так и ассирийцев, которых было в десять раз больше, чем армян. В этом бою погибло 20–30 человек, как армян, так и ассирийцев. Непрестанно сражаясь, мы дошли до ассирийского села Севик, которое находится на расстоянии 25 верст к северу от Кочаниса. Там курды вновь перекрыли нам дорогу, и снова начался кровопролитный бой, который вынудило многих матерей бросить своих детей в воду и убежать с обнаженной головой. Здесь осталось много ассирийских и армянских женщин и детей: тех, кто не мог идти дальше, обессилев от голода, болезней и ранений. Убежав отсюда и пройдя 30 верст, дошли до Авараша (Севджур). Река разлилась страшным образом. Наступило жизнетворное весеннее утро, и мы, мужчины, собирались снять с себя часть своей одежды, чтобы переправить детей через реку, так как моста не было. В тот же час мы вновь подверглись нападению курдской черни. Были ранены два наших храбреца – Ваган Аллахвердян и Геворк Варданян. В реке утонуло 10–15 женщин и детей, а остальные, полуживые и еле дыша, добрались до полей села Сорхача (Кармирхач), в 6 верстах к югу от Башкале, откуда пули из ружей мосин достигали Башкале. Думая, что спаслись, мы присели отдохнуть в полях этого села, как вдруг снова послышались оружейные залпы. Начался бой, в результате которого многие женщины и дети умерли от страха. От страха умерла также девушка 16 лет Искуи Абрамян. Одним словом, от Кочаниса (село Маршимуна) до Башкале погибли более 100 человек, как ассирийцев, так и армян: мужчины, женщины и дети остались лежать вдоль дорог, а сколько курдов было убито, я не знаю, знаю только, что в Кочанисе остались трупы 10–12 курдов и полицейских. Наш народ, дойдя до Башкале, едва успел перевести дух в течение одного-двух дней, как русские военачальники объявили нам, что нужно бежать в Салмаст. До нашего побега в Салмаст все местные и все беженцы уже убежали в Россию. Дошли до Хоя, и видим, что все христиане огромной толпой остановились в равнине Хоя и в селе Сейдавар. В то же время началось ужасное переселение из Вана. Будто наших страданий было нам мало, так нас еще настигла холера, которая унесла сотни жизней.

Число армян Джуламерика в свое время доходило до 1300 человек, а сейчас остались около 100 человек – все женщины и дети; около 40 мужчин ушли в армию, а 25 известных и богатых армян были убиты. Все остальные умерли. Наша семья до войны насчитывала 6 человек, сейчас нас осталось 4 человека, и в настоящее время мы живем в салмастском селе Хефтван.

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ НАЗЛУ ПЕТРОСЯН
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ДИЗА ГЯВЯРСКОЙ КАЗЫ
ХАККЯРСКОГО САНДЖАКА**

[1916 г.]

Баку.

Я, Назлу Ервандян-Петросян, крестьянка из гяварского села Диза Ванской губернии, 25 лет, в настоящее время живу по адресу 6-ая Нагорная дом N 32 в Армянском селе [вблизи] Баку, мне помогает Комитет беженцев.

На родине я жила в нашем доме, в семье, состоявшей из 11 человек. В живых остались я, моя дочь Маргарит, свекровь Зардар, деверь Мартирос, золовки Гюльбехар и Шогик – всего 6 человек.

Убит свекр Петрос, увели в плен жену деверя Тагуи, умерли мои сыновья Мовсес и Нерсес.

Так как наше село входило в отдельный уезд и находилось далеко от города, то войсковая мобилизация 1914 года прошла у нас чересчур строгим образом. Собрали всю молодежь села и постепенно всех увели в армию. В армию забрали и моего супруга Маргара, и до сегодняшнего дня нет о нем никаких вестей. После мобилизации постоянно наведывались в село, требовали желтые деньги (золото) и забирали пшеницу. Взвешивали пшеницу в гумнах и, оставив необходимое для пропитания одной семьи, остальное забирали в пользу государства, а тех, кто сопротивлялся, либо избивали, либо убивали. Ячменя оставили очень мало, и после регулярно являлись за сеном, овцами, вьючными и тягловыми животными, топленным маслом, сыром, ковриками, мешками, шерстяными носками и всем остальным, в чем нуждались. В таких условиях прожили до середины декабря 1914 года, когда на линии Джуламерика начались столкновения турок с русскими. Там турецкое правительство претворило в жизнь свои хитрые замыслы и, разоружив армянских солдат, измучило их под предлогом амалии. Те из армян, кто был догадливее и проворнее, сбежали, а оставшиеся, насколько нам известно, все были убиты.

Часть наших парней-солдат убежала в Ван, а часть спряталась в селе и в других местах, но большинство уже разоруженных парней остались в отрядах амалия. Во время этих боев курдское племя шикак ушло со своих мест проживания на персидской границе и переселилось в нашу сторону. Местное правительство разместило курдов в наших домах и в нашем присутствии заявило им, что отныне они являются хозяевами, и что все, что принадлежало фланам¹⁰⁰ – дома, богатства и все остальное,

отныне принадлежит им, и, обратившись к нам, заявило, что, мол, дома ваши с этой поры вам не принадлежат, а принадлежат шинакцам, обращайтесь с ними хорошо, не то... К нам в дом заселили курдскую семью из 12 человек. И после этого мы с курдами жили под одной крышей, чувствуя внутреннюю глубокую ненависть, но не было у нас иного выхода: вынуждены были терпеть.

Как прошло Крещение Господне, собрали армян соседнего села и привели к нам, и из нашего села собрали более 250 человек, взвалили им на спины телеграфные провода и другие вещи, а на спину сельского священника – мешки с табаком, и увели их в амалию на границу с Персией. В Гянгячинской долине связали всем им руки и убили. Но до того как убить их, привязали священника к дереву и изрезали его [кинжалами] (нам рассказывали курды-очевидцы). После того как убили всех, отрезали у убитых уши и отнесли каймакаму и полицмейстеру в доказательство злодеяния, совершенного ими. В день, когда до нас дошла весть об убийстве, один из полицейских нашего села по имени Мушли Махмуд со своими товарищами вошел в сельскую церковь и вынес большой крест. Повесили крест на шею своей собаке и, окликая ее именем Хачо, провели по селу и говорили нам: поклонитесь вашему кресту. Прошли две недели, и вновь со всех сел области собрали работников амалия и привели в наше село. Из оставшихся мужчин нашего села собрали всех, кто был старше 15 лет и, вручив им лопаты, повели около 350 человек в Башкале очищать от снега дороги, а оттуда отвели их в Хошаб. Как дошли до реки Хошаба (а с собой забрали и барабанщика Аракела), всех усадили на берегу реки, приказали бить в барабаны и стали плясать, а заранее назначенным джелатам (палачам) приказали зарезать армян кинжалами. И так зарезали 350 невинных и подневольных армян, среди которых был и мой свекр Петрос. В тот день сохранили жизнь только барабанщику Аракелу, который, вернувшись в село, рассказал о случившемся нескольким женщинам из нашего села. Через несколько дней и Аракел пропал: его увели, и не знаем, что с ним случилось. После этого курды в наших домах чувствовали себя полноправными хозяевами и мучили нас как хотели. А сборщики налогов, [выполняя] свои обязательства, забирали все, что было, не оставляя нам ничего для пропитания. Только скотина оставалась у нас до Великой Пасхи, а потом и ее отобрали и увели.

В таких до непередаваемых стесненных условиях прожили до кахнова¹⁰¹ 1915 года, до дня Вознесения, терпя побои и издевательства правительства с одной стороны, а с другой – курдов, живущих в наших домах. В этот день Халил бей потерпел поражение от Андраника и бежал, явился в наше село с войском и курдами, числом более 4000 человек,

и приказал собрать всех мужчин, без исключения. Войско рассыпалось по селу, собрали всех мужчин от 5 до 100 лет и отвели в крепость вблизи села, а тех, кто отказывался идти или умолял о пощаде, убивали на месте. Остальных отвели и закрыли в тюрьме. Оставили там детей от года до десяти, остальных отвели в курдское село Сокрам неподалеку, заставили их рыть мусорную свалку³⁶, убили всех и сбросили туда. Мальчики от года до десяти оставались в тюрьме – их не убили. Каймакам и турецкий сотник попросили Халил бей не убивать их. После того, как убили всех мужчин, Халил бей двинулся в Ван со своим войском, а чернь, оставшаяся в селе, делала что хотела и не оставила в домах никакого имущества. После того, как все разграбили, дошла очередь и до нас. Так обобрали, что кроме исподнего белья ничего не оставили на нас, а после выбрали красивых и увели человек 300, среди них была и жена моего деверя Тагуи, и до сих пор ничего о ней не известно. Остальных изнасиловали, и редкой женщине удалось избежать этой участи. И я не избежала [изнасилования]. Многие из нас спрятались в уборных и в руинах обрушившихся стен, пока они не ушли. Егисабет, дочь Товмасян Мариам, более двух часов оставалась скрюченной, попросив свою мать сесть на нее, как на стул, пока к вечеру похотливые страсти курдов не улеглись. Курды ушли, отделив молодых от старых, и увели их с собой, и таким образом спаслась она (Егисабет). Я же в ту же минуту, когда стали отделять старых от молодых, бросилась в камни, и смогла остаться со старыми. Так прошло еще два дня. Халил бей вернулся из Вана и привел с собой в наше село пленных женщин из Башкале, собрал молодых женщин нашего и соседнего сел и вместе с курдами увел их (среди них была и жена моего деверя Тагуи, о которой ничего не известно), а старух оставил. Мы остались в селе. Через неделю пришли добровольцы с русской армией и, освободив нас, отправили в Салмаст. В Салмасте умерли мои сыновья Нерсес и Мовсес, а мы, выжившие, добрались до Баку и живем в Армянском селе.

Примечание: Крестьянка из того же села Рхан Акопян, см. [свидетельство] N 9¹⁰², рассказывая об отрезанных ушах сказала, что об этом ей рассказала Басе, жена курда-односельчанина Апо, об убийстве же священника в Салмасте рассказал похоронивший священника ассириец.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 421, стр. 1–4, подлинник, рукопись.

³⁶ В селах Турции крестьяне собирают золу из своих тонилов и другой мусор в отдельных местах, где они остаются годами, и эти места называются мусорными свалками или улицей.

БИТЛИССКИЙ ВИЛАЙЕТ

N 57

СВЕДЕНИЯ, СОБРАННЫЕ СВЯЩЕННИКОМ ГРИГОРОМ ТЕР-ГРИГОРЯНОМ О РЕЗНЕ В МУШСКОЙ ДОЛИНЕ И В САСУНЕ

25 января 1917 г.

Дзитханков.

Резня в Мушской долине.

Рассказывает Смбат Хандилян-Сехлянц, житель села Зиарат.

В Мушской долине, как и в других приграничных областях, прежде всего собирали бахру (натуральная податъ), размер которой увеличили в три раза, припасы для армии (военную податъ – захире¹⁰³), белье, шерстяные носки, рукавицы, чарухи, шапки, топленое масло, сыр, пшено, булгур (отваренное и высушенное пшено), лук, картофель, пшеницу, ячмень, муку, сено, жнивьё, войлок, карпеты, попоны (накидки) для волов, веревки и др.

В армию забрали мужчин от 17 до 25 лет, а мужчин от 25 до 50 лет отправили на перевозку грузов и строительство дорог. Захире собирали Хаджи Муса (военачальник) и Али эфенди. Они обходили села вместе с кятипами (писцами) и полицейскими, собирая продовольствие и припасы для армии, а военнообязанных собирал мюдир Байрам эфенди. От нас, жителей Зиарата, потребовали 150 винтовок, но не получили ни одной.

Когда весной 1915 года русские захватили Маназкерт и Коп, османцы ворвались в села Мушской долины, и началась резня. После того как вырезали ближайшее (к нам) село Хабиан, войска к вечеру достигли Зиарата. Военачальник (не помню его имени) позвал к себе 8 знатных людей из села, связал их вместе и щипцами вырвал ногти их рук и ног и мышцы их тел. Они потребовали 300 золотых за освобождение связанных сельчан. Крестьяне собрали все что могли: у кого были деньги, отдал деньги, у кого денег не было, отдали золотые украшения своих жен и заплатили требуемую сумму, но османцы не освободили связанных людей. Солдаты с оружием в руках продержали их до рассвета, обливали их горячей водой и били, после обливали холодной водой и продолжали избивать. Утром, когда войско двинулось к Св. Карапету, связанных людей увели с собой и убили на горе Св. Карапета.

Войско двинулось вперед и осадило монастырь Св. Карапета. Там укрылись знатные люди нашей области со своими священниками. Вырезали всех монахов монастыря, всех учеников с их учителями и всех нашедших здесь пристанище. Настоятеля монастыря архимандрита Вардана¹⁰⁴ обернули в

пастушью бурку, облили керосином и сожгли. Убили архимандрита Егеше, архимандрита Кеоса, священника Сордара Тер Смбата¹⁰⁵, священника Зиарата Тер Амазаспа¹⁰⁶, господина Акопа, господина Сисака и господина Мамбре (школьных учителей) и других. Покинув монастырь, [палачи] спустились в село Сордар и вырезали все село, а вечером, во время кормления овец и доения, ворвались в село Зиарат. Часть мужчин убежали, а остальных вместе с женщинами и детьми заперли в двух больших хлевах и сожгли, (облив стены керосином).

Семья рассказчика состояла из 20 человек, в живых остались только он с братом, а из всего села (Зиарат), состоявшего из 350 дворов, спаслись 12 мужчин без женщин и детей.

Вырезанные села – Боглан, Квара, Сордар, Пазу, Зиарат, Багло, Мегти, Хабиан, Гомс¹⁰⁷, Том, Норак, Сахак, Явран¹⁰⁸, Кемик, Дерик, Цхау, Курау¹⁰⁹, Артерт, Агджан, Сулук¹¹⁰, Артхонк, Хашгалдых¹¹¹, Похоргов¹¹², Верин Авзахбюр, Шехлан¹¹³, Курдмейдан, Гомер¹¹⁴, Кзылахадж, Сндзнут, Блел¹¹⁵, Трагом, Клахуле, Кардзор, Хоранк, Джрик¹¹⁶, Торнен, Питар, Ариндж, Могонк, Цабна, Аринджванк, Тер Геванк¹¹⁷, Сохгом¹¹⁸, Хобер, Бклиц, Хунан, Цронк¹¹⁹, Алиджан, Шейх-Брем¹²⁰, Шех-Усуф, Хардос¹²¹, Крдагом, Неркин Авзахбюр¹²², Шмлук, Франк Нор-Шен (армяне-католики), Хас-гюх, Двник, Харс, Хай Уштам, Варденис, Дрмерд¹²³, Хорданк, Тил, Хацик¹²⁴, Авзут, Уруг, Кцу, Ардгонк и город Муш.

Самое малочисленное из сел состояло из 100 дворов, самые большие (Кызыл-Агадж, Хас-гюх, Алвариндж, Франк Нор-Шен и др.) – из 1200 дворов. Из Яврана спаслись 16 человек из 800 дворов, из Кызыл-Агаджа – 5 человек (2 мальчика, 3 девочки) из 1200 дворов, из Хорданка – 1 мужчина, 2 женщины, 2 мальчика и 2 девочки из 100 дворов, из Шехлана 12 человек из 600 дворов, из Курдмейдана 3 человека из 200 дворов – мужчина по имени Ехо, одна женщина и одна девочка, из Авзахбюра – 12 человек из 200 дворов.

Убивали как местные курды, так и регулярная армия. Когда турецкая армия, терпя поражения, отступала вглубь страны, курды – беженцы из Алашкерта, Баязета, Маназкерта, Буланька и из других мест заполонили Мушскую долину и получили приказ от имени султана убивать всех армян и уничтожать армянские села. Тот курд, который не убил хотя бы одного армянина, считался муртуром¹²⁵ и харамом¹²⁶ (нечистым), с такими они за один стол не садились. Эти курдские мухаджиры, объединившись с регулярной армией, вырезали села Мушской долины. Отбирали из армянок, которых собирались сжечь или убить, красивых женщин и девушек и уводили с собой, а остальных уничтожали. Когда войско проходило через Зиарат к монастырю Сурп Карапета, 7 аскаров поймали семилетнюю девочку, изнасиловали ее поочередно, и девочка умерла в этом состоянии. Она была

дочерью жителя Зиарата Киракоса, сына Тер Манвела, звали ее Сандухт. Избежавшие резни беглецы, около 4000 человек молодых людей, с которыми были женщины и дети, укрылись в лесах Св. Карапета. Оттуда они наблюдали за происходящим и видели, как выведенный из сел народ погнали к берегам Евфрата и сбросили в воду. Из этих сброшенных в воду людей спаслась одна женщина, дочь Кеоса из Зиарата, по имени Пепрон, которая смогла выплыть на берег и спрятаться в кустах, пока аскары не ушли. С нею были два ее сына и две дочери, которые утонули в реке. Когда народ сбрасывали в воду, матери падали в воду, держа за руки своих детей.

Через три дня после резни в Сурп Карапете войско узнало о прятавшихся в лесу людях и оцепило лес. Утром начался бой и продлился до полудня. Когда [у армян] закончились патроны, армия вошла в лес и вырезала всех. На глазах у рассказчика (который спрятался в овраге) курд по имени Баше перерезал горло второму священнику Зиарата – [Тер] Амазаспу (который был рукоположен на Кавказе). Спаслись всего лишь сто человек, но и большинство из них было убиты позже в других местах. После этого боя 30 спрятавшихся в лесу парней направились в курдские села, принуждаемые голодом, и сдались. Их всех убили вероломные курды, а рассказчик со своим братом, несколько дней проведя в одном месте и узнав, что их ждет верная смерть, тайно сбежали в другое место. Позже так же сбежали и оттуда и, постоянно перебегая с места на место, смогли выжить.

Самооборону возглавили Ходжка Ово, Саргис, сын Рубена из Зиарата, Арам Гукян из Сордара и Амазасп Мардоян из Зиарата. Когда началась резня в селах Св. Карапета, Байрам эфенди отправил два письма группе хребрецов, которая укрывалась в горах. В этих письмах он уверял Ходжка Ово, что султан его помиловал, призывал сложить оружие и спуститься с гор вместе с своими товарищами. Но они не поверили и не спустились вниз, а после тайно спустились в лес, присоединились к спрятавшимся там людям и приняли участие в известном бою, трагичным итогом которого стала нехватка патронов.

После резни более чем 400 человек депортировали в Диарбекир. Взвалили на мужчин грузы весом по 3–4 пуда и погнали толпу без хлеба и без воды с их земель. Возглавляли депортацию Байрам эфенди, Омар ага, Гасан эфенди, Севдулла, Хаджи Ибрагим, Саид ага, Ренус ага. Многие из депортируемых умерли от страданий, голода и жары. Резня и депортация датируются июлем 1915 года.

Во всех селах были 1–2 церкви, в большинстве сел действовали 4–5 летние школы – все они разрушены. [Разрушены] и Мушский монастырь Св. Карапета, церкви Св. Оганеса, Св. Ахберика¹²⁷, монастырь Св. Араке-лоц, церкви Саака Айрапета¹²⁸ и Антания (наверное Атанагине).

Имущество Зиарата:

Богатые – 100 голов скотины, 1000 голов овец, 40 голов буйволов.

Бедные – 15 голов скотины, 60 голов овец, 6 голов буйволов.

Богатые – 5–10 лошадей, 60–100 ульев, 1000 киле пшеницы.

Бедные – 1 лошадь, 20 ульев, 50 киле пшеницы (8 кот = 10 пудам).

Богатые – ячмень – 400 киле, лен – 20 киле, рис – 20 киле.

Бедные – ячмень – 20 киле, лен – 4 киле, рис – 2 киле.

Богатые – просо 100 киле, чечевица – 6 киле, горох – 30 киле, табак – 400 пудов.

Бедные – просо 20 киле, чечевица – 2 киле, горох 10 киле, табак – 100 пудов.

Богатые – виноград – 1000 корзин (1 корзина = 6 пудам) винограда, 50000 штук арбуза и дыни и др.

Бедные – 50 корзин винограда, арбуза и дыни 10 000 штук.

В таком размере необходимо исчислять и имущество остальных сел.

Маленькое дополнение о Мушской долине от жителя Мграгома Сербоба Арутуняна Мхоянца.

Когда русские захватили Маназкерт, османцы сбежали. Регулярная армия, курдские гамидие, объединившиеся с местными курдами, под общим руководством Хаджи Муса бека разграбили и вырезали армянские села. Мужчин Мграгома собрали в двух хлевах и сожгли, а женщин увели в ближайшее село Эриштер. Собрали здесь женщин, девушек и детей Мграгома, Хас-гюха и Эриштера, заперли их в 14 хлевах и сожгли, а тех, кто пытался убежать, расстреляли и бросили тела в огонь. Семья рассказчика – Мграгомского Мхо¹²⁹ – была знатной и богатой, состояла из 36 человек, выжил только рассказчик, а остальные были сожжены вместе с крестьянами.

Священника Хас-гюха, Тер Кероба убили страшным образом: вначале выкололи ему глаза, отрезали уши и нос, вырвали ногти рук и ног, содрали кожу и только в конце расстреляли. Это совершили Хаджи Феро из балакской племенности и Гулсе Сло (из Муша).

Добавленные села – Ирзак – 120 дворов, Мграгом – 70 дворов, Алиглбун¹³⁰ – 100 дворов, Эриштер – 130 дворов, Колосик – 50 дворов и Крдагом – 150 дворов.

Второе дополнение о Мушской долине.

Рассказывает житель села Цронк Срапион Погосян Алеянц.

Особенных изменений до ноября 1914 года не наблюдалось, только с начала обмолота годовую бахру еще до войны собрали три раза (обычно бахра составляла 1/8 часть урожая, а в этом году дошла до 3/8), обосновав тем, что армии нужно много продовольствия. После собрали военные подати, про-

довольствие и одежду для армии (об этом достаточно упомянуто в других местах), налог на землю (салеан¹³¹ или амлак¹³²), налог «вер-сурма» (отдавай и не спрашивай, что за налог) и амалия.

Для перевозки военного продовольствия и военных принадлежностей собирали как группы грузчиков, которые перетаскивали грузы на длительные расстояния в течение 7–8 дней, так и забирали крестьян в бегяр¹³³, во время которого многих крестьян грабили, убивали, и многие пропадали без вести.

Сигналом к резне стало следующее событие в Цронке. Потребовали 68 грузчиков (олам) из села, село предоставило 66 человек, так как двое сбежали. Сбежавшие укрылись на ближайшей горе Сим (гора Косура), где скрывались и другие беглецы. Полицейские, ответственные за войсковую мобилизацию, узнав, где скрываются парни, направились к горе Сим и потребовали от парней сдаться. Парни, почувствовав опасность, выстрелили и убили одну лошадь, чтобы полицейские удалились. Последние оттуда направились напрямиком в Муш и доложили о случившемся. Из Муша прибыла регулярная армия в 500 человек и 200 всадников курдов. В селе убили 18 парней, сожгли 150 домов, а 180 человек увели и арестовали в Муше во время Масленицы 1915 года (в феврале). Резню учинила армия Муса бека во время Вардавара¹³⁴. Мужчин, женщин и детей загнали в четыре хлева и сожгли, а красивых увели себе в жены. Семья рассказчика состояла из 13 человек, выжил только он один, шесть человек сожгли, жену похитили, остальных убили.

Были вырезаны следующие села, о которых вспомнил рассказчик – Цронк¹³⁵, Хунан, Бглиц, Оркноц, Крдагом, Хацик, Абулбухар, Еризак¹³⁶, Эриштер, Вардхах¹³⁷, Цгак, Артонк, Варденис, Харс, Арнист, Мушегашен, Авзут, Срыголе, Мозак, Шеф-Юсуф, Шимлак, Алвариндж, Бердак¹³⁸, Ярах, Хаваторик, Могунк, Ализрнан, Сохгом, Огунк, Цабна, Джрик, Карнен, Питар, Алиджан, Сулух, Агджан, Хардерг, Хаш-галтыг, Кар-дзор, Гомер, Хикян, Херкерт¹³⁹ (перечислены и другие села, которые упомянуты выше). Села состояли из 50–500 дворов с населением от 5 до 35 человек в каждом дворе, спаслись только единицы, и то не с каждого двора.

Ближайшие святыни – Св. Карапет, Св. Оганес, Матнаванк, Аракелованк, Сурп Ахберик – со своими братствами, приютами, школами и всем хозяйством были разграблены и разрушены.

В этом уезде 30–40 человек попытались начать самооборону. Власти вступили с ними в переговоры, обманули и перерезали всех. Например, им поверила группа из А[ва]торика, спустилась с горы, сдалась и была убита на месте. Переселение началось во время Вардавара 1916 года (в июле) по линии Хнус – Басен – Кагзван – Кохб – Сардарпат и Ширак, где все и были размещены.

Другие подробности о [Мушской] долине.

Рассказывает житель села Дрмерд Аветис Григорян.

Когда курды, переселенные из Буланька, Хлата и других приграничных уездов, хлынули в Мушскую долину, они и курдские гамидие в первое время промыслили отдельными грабежами армян, но до открытых убийств и грабежа сел не доходило, потому что этому воспротивились Муса бек из Хута и два его брата – Нхо и Хасым беки. Они были беками Мушской долины, владели многими селами и не хотели, чтобы их хозяйства пришли в упадок, как хозяйства курдов других уездов. Но ситуация полностью изменилась в июле 1915 года, когда у мутасарыфа прошло собрание Муша. Там собрались Муса бек и его братья, шейхы села Тил, Мустафа из Вардхаха (предводитель племени), Хаджи Феро из Балыка, знатные турки и курды из Муша, (правительственные) чиновники и другие предводители аширетов (курдских племен). На собрании обсуждалось предложение правительства об истреблении армян, в том числе и в Мушской долине. Некоторые выразили свое согласие, некоторые – несогласие. После собрания в село Дрмерд пришел Сифо Мыстафи, сообщил о случившемся и сказал, что он и еще несколько человек не согласились с предложением об истреблении армян и что необходимо созвать армян и курдов на (общее) собрание, чтобы они поклялись на Коране и на Евангелии оказывать друг другу взаимопомощь. (Этот Мыстафи считался защитником и покровителем [армян] Дрмерда, Яргаванка и Хуштама, которые (принадлежали ему): курды в свое время разделили армянские села между собой, каждый считался хозяином нескольких сел и при необходимости защищал своих людей). Но собрание так и не было созвано: Муса бек явился в Хас-гюх с приказом резни (в руках) и приказал курдам со всех сторон собраться в Хас-гюхе. В среду, четверг, пятницу, субботу и воскресенье поста Вардавара вокруг Хас-гюха собралось несметное число курдов. Днем, в воскресенье Вардавара вырезали армян Муша, а вечером – армян Хас-гюха. В понедельник все эти курды ворвались в [армянские] села и одновременно по всей области вырезали армян. Мужчин убивали на месте, а женщин и детей собирали вместе и сжигали в домах и хлевах. Такая массовая резня прошла в городе Муш, в селах Ализрнан, Хас-гюх, Эриштер, Куртуштам (курдское село), Харс, Варденис и Авзут. В селе Неркин Авзахбюр узнали о случившемся в воскресенье, и, подзревая, что они тоже будут истреблены, в понедельник устроили матах¹⁴⁰, решив, что все должны отведать жертвенного мяса во время обедни, но в то время, когда в церкви уже шла служба, в село ворвались курды и прямо в церкви вырезали всех [сельчан] вместе со священником, который служил обедню. Здесь же находился Тер Мелик, священник Дрмерда. Он остался под упавшими телами и выжил. Когда курды ушли из этого села, он ночью

вышел и направился к своему селу, но при подходе к нему увидел, что село вырезано и что там находятся курды. Спрятался в пшеничном поле вблизи села и оставался там три дня. В последнее утро поднял голову, чтобы посмотреть в сторону села, но курды заметили его с высот возле церкви и расстреляли несчастного священника.

После того, как в воскресенье вечером вырезали Хас-гюх, в понедельник, на рассвете [курды] ворвались в Дрмерд и стали убивать. Сбежавшие мужчины выжили, остальные были убиты на месте. Женщины, считая, что сами находятся вне опасности, помогли мужчинам сбежать, а сами остались в своих домах.

Избавившиеся от резни люди провели тяжелые дни, наполненные злоключениями, пока после блужданий и скитаний не дошли до русской армии или армянских беженцев. Сбежавшие из Дрмерда мужчины спрятались в вырытых в земле кладовых, которые были вырублены в оврагах Кырлышу (в изломах русла реки). На берегу вырыли яму и углубившись под землю, расширили ее так, что там могли вместиться 4–5 и даже до 10 человек. Вход был прикрыт куском дерна снаружи и таким же дерном изнутри, так что в траве на берегу реки никак нельзя было увидеть входы в эти спасительные тайники. Из села сбежало и в этих тайниках укрылось около 40 мужчин. Они молча, без звука, страдая от недостатка воздуха, голодные, объятые ужасом и страхом, оставались целыми днями под землей, а ночами выходили из своей норы, чтобы вдохнуть свежего воздуха и понять, что происходит вокруг. В день резни эти тайники подверглись сильному обстрелу: мужчины бежали, а курды, преследуя их, вырезали многих. Разъяренные курды на лошадях скакали по берегу над тайниками, и укрывшиеся беглецы дрожали в страхе смерти под копытами их лошадей. Эти кладовые в свое время служили тайниками для жителей Дрмерда, которые сбежали от хамалболука¹⁴¹, не желая служить в армии носильщиками. Три дня оставались беглецы там, после поднялись на гору Севсар и прятались в лесах шесть дней. По прошествии этих шести дней некоторые вернулись в тайники, а некоторые ушли в другом направлении. С разных сторон собралась группа из 43 человек. От голода и отсутствия табака многие ослабли, в том числе и рассказчик, но ожили благодаря двум новым товарищам. Последние в ближайшей деревне нашли немного жажика¹⁴² (остатков сыра) и взяли с собой. Эти несколько горстей сыра и вода привели ослабевших товарищей в чувство. Те, кто спустились с Севсара, через 5–6 дней ушли в разные стороны, направляясь к русским войскам. Рассказчик со своими товарищами за 33 дня странствий ни разу не ел хлеба, питались зернами поспевших чечевицы и гороха и пшеничными колосьями. Некоторым удалось спастись, некоторые были убиты, некоторые попали в руки курдов. Не все, кто встретился с

курдами в это время, были убиты: случилось и так, что курды заботились и спасали знакомых им армян, кормили их и отправляли их пасти свои стада. Таким образом удалось спастись Марто из Дрмерда и его 4 товарищам.

Рассказчик вспоминает следующие происшествия:

Мальчик герой.

Когда в одном из хлевов Авзута собрали женщин и детей, чтобы сжечь их, там же была жена дрмердца Микаэля Амрояна Санам со своими тремя сыновьями. Она руками разломала поперечные брусья в одном из углов кровли, ногтями разрыла землю¹⁴³ и, открыв лаз, выбросила старшего сына – 16 летнего Амбо из ердика, а сама со своими двумя младшими сыновьями осталась в хлеву и сгорела. Выброшенный из лаза Амбо убежал, курды заметили его и выстрелили в него, но пули его не задели. Несколько курдов оседлали лошадей и преследовали его несколько дней. Парень бежал изо всех сил, но увидев, что курды приближаются, поднялся на гору и от безысходства бросился с огромной скалы вниз, лишь бы не попасть в руки курдов. Курды воочию узрели отчаянный поступок мальчика и, будучи уверенными, что он разбился, вернулись в село. Один из курдов, раздумывая над поступком мальчика, решил вернуться и увидеть хотя бы труп этого храбреца. Каким же было его удивление, когда он подошел и увидел, что мальчик жив. Увидев курда, тот испустил крик отчаяния. Курд остановился, удивляясь, что ни одна пуля не настигла его, и что парень остался невредим после прыжка с огромной скалы, сломав себе всего один зуб. Курд сжалился над мальчиком, приняв его спасение за божий промысел, и, успокоив его, взял к себе на лошадь, привез обратно в село, ухаживал за ним и не разрешал никому прикасаться к нему. Когда они перекочевали и переселились вниз, в Хут, курд проводил мальчика в русскую армию, которая в то время уже дошла до Муша. Храбрый юноша до сегодняшнего дня живет в селе Дзитханков.

Сало.

Житель Дрмерда Мушег со своей женой и 4 детьми спрятался в ближайших полях. Курды нашли их, убили его и увели с собой женщину с детьми. Ночью жена курда, похитившего женщину, посоветовала Сало (так звали эту женщину) убежать, понимая, что могут убить и ее, и ее детей. Женщина оказалась в замешательстве, не зная что делать и как спасти четверых детей. Подумав, она забрала с собой старших сыновей (7 и 10 лет), а 2-летнюю дочь и 4-летнего сына оставила там и сбежала. Дошла до села Уштам, где было много армянских женщин. Здесь по прошествии некоторого времени один курд решил забрать к себе миловидную и красивую телом

Сало. Курд увел ее к себе, но ночью Сало не пожелала отдаться ему, и расвирепевший курд повесил ее с потолка, а свою дочь оставил надзирать, пока женщина не умрет. Веревка разорвалась, и Сало сбежала, но дочь сообщила отцу о бегстве Сало. Курд погнался за нею и зарубил несчастную Сало топором.

Дитя водяной мельницы.

От беженцев-армян отстал ребенок семи лет. Скитаясь в одиночестве, ребенок добрался до водяной мельницы вблизи Муша и стал жить там один. Собирал траву, на которой спал и которой укрывался, прятался под досками вокруг жерновов. Ребенок питался остатками муки, которая осталась на земле вокруг жернова. Когда же мука закончилась, мальчик, боясь людей, днями старался не высовываться, а ночами пробирался в город и искал себе пропитание. Так он жил до тех пор, пока казаки не нашли мальчика на мельнице и не взяли его в город. Здесь [на мельнице] казаки обнаружили куриные перья: стало ясно, что ребенок добыл курицу в городе и, за неимением огня, съел ее сырою.

Дитя чуда.

Манушак – жена Абре, жителя Дрмерда, жила в селе Цгак вместе с остальными армянскими женщинами. Когда она услышала о том, что русские вошли в Муш, взяла своего 8-летнего сына Азата и тайно сбежала от курдов в направлении Муша. Курды, узнав об этом, погнались за ней, выстрелили в нее много раз, но ни одна пуля не задела ее, сына же, который был на спине матери, ранило в 4 местах – в лицо, в локоть, в руку ниже локтя и в спину около копчика, но ни одно ранение не оказалось смертельным для чудом спасшегося ребенка. Пули прошли сквозь его тело в безопасных для жизни местах. Раненый ребенок уже выздоровел и живет в селе Дзитханков.

События в Сасуне.

Рассказывает крестьянин из сасунского села Кермав Мартирос Амазаспан Тумасянц (сын Амзе, внук Тмо).

С начала войны продовольствие и войсковые принадлежности собирали так же, как указано в предыдущих рассказах. Потребовали также оружие, но сасунцы его не отдали. А солдат не требовали: после принятия Конституции в Турции решили распространить закон военной обязанности и на Сасун, но сасунцы воспротивились, обосновав свой протест тем, что за последние 50 лет они два-три раза претерпели резню, и если сейчас они отправят мужчин в солдаты, то в селе не останется рабочих рук. В итоге в

мирное время мужчин Сасуна не забирали в солдаты. Но после начала войны мужчин забирали в хамал-болуки и амалия тапуре.

В апреле 1915 года, когда турецкое войско продвигалось на помощь своим военным частям в Маназкерте, племя Бего, Юсуф сын Хабе, Гасан, сын Амара, внук Бшаре Халила и Салим сын Гаваза разграбили несколько сасунских сел (Кермав и другие). После этого грабежа многие – жители Шеника, Семала и Хаватаворика близ Муша – со своим имуществом поднялись в горы. Находясь в горах, они слышали, что Муш и Мушская долина в безопасности и резни там нет, и многие отправили своих жен и детей в Муш, а сами остались в горах. Но в воскресенье Вардавара (в июле) армян Муша и [Мушской] долины вырезали. Еда, приготовленная в тот день – сваренное мясо для матаха, растопленное масло для плова – так и осталась на своем месте. Напали на Муш с двух сторон, как со стороны реки Мурад, так и со стороны Мехрагета, и пушками разбомбили город. Местные армяне оборонялись под руководством Хаджи Кото, Мкртыча сына Мчо и его брата Аршака, но после двух дней самообороны город был разрушен пушечными ядрами. Тех, кто попадал им в руки, запирали в домах и сжигали, убегающих расстреливали. Таким образом погибли все семьи, которые спустились с Сасунских гор.

Сбежавшие из Муша поднялись на гору Андок и сообщили о случившемся жителям, собравшимся с окрестных сел Сасуна (около 7–8 тысяч человек). Здесь же находился и В[аган] Папазян со своими товарищами, а Рубен¹⁴⁴ находился в селе Семал вместе с Торо, Мкртычем из Муша, Тиграном из Алиджана, Петросом из Цронка, Мкртычем, Элом и Хуршудом.

Турецкое войско осадило Сасун. Ваган вместе с народом из Мушской долины укрепился на горе Кана, а Рубен со своими товарищами и солдатами укрепился на позициях Андока. Войско и гамидие, возглавляемые Сулейман агой из Хиана (начальник гамидие), окружили их со всех сторон пушками. Осажденный народ оборонялся 30–40 дней, но когда убили Исро, Мкртыча и других товарищей, и погибли около трех тысяч людей, армяне поникли духом и стали убегать в разные стороны. Рубен с двадцатью солдатами смог прорваться и объединиться с Папазяном. Объединившись в группу из 35 человек, они дошли до русской армии. Народ обвинял Папазяна за то, что он сбежал тайно, мол, если бы захотел, смог бы спасти тысячи людей.

В ноябре [1915 г.] правительство издало приказ о помиловании армян. Армяне, скрывающиеся в горах и прятавшиеся в других местах, вышли и собрались в Муше. Через четыре дня стало ясно, что их обманули. Женщин сожгли в домах, а мужчин отправили на работы. Заставляли их работать на руинах города и выкапывать спрятанные богатства – домашнюю утварь,

ковры, посуду, украшения, золото и др. Во время этих работ многим снова удалось сбежать и подняться в горы.

Выжившие в резне мужчины остались в горах Андока, вырыли землянки и прятались там целыми днями. Грелись, сжигая древесину, но не днем, чтобы себя не выдать, а только ночами. Некоторые нанялись к знакомым курдам в батрачество и так прожили зиму, некоторым удавалось получить немного муки и одежды от знакомых в [разных] селах. Жили в лесах Гелигюзана в условиях такого жесточайшего голода, что вынужденно варили кавурму из мяса трупов, питались ею, и многие умирали от такой еды. Так прожили до января (1916 г.), когда мюдир Талиб эфенди прибыл в Гелигюзан и осведомился о том, что в горах остались спрятавшиеся армяне. В те же дни русская армия захватила Муш, и Талиб убежал со своими людьми в направлении Стерда, а армяне спаслись и пришли в Муш.

Разграбленные и вырезанные села – Кермав – 35 дворов, Коп – 75 дворов, Ирицанк – 30 дворов, Тапык – 50 дворов (30 дворов армян, 20 дворов курдов), Шушнамерк – 42 двора, Гехашен – 40 дворов, Семал – 100 дворов, Шеник¹⁴⁵ – 105 дворов, Гелигюзан – 700 дворов, Агби¹⁴⁶ – 200 дворов, Етинк – 100 дворов, Спганк – 40 дворов, Ехгард – 30 дворов, Талворик – 80 дворов, Парх – 50 дворов, Хагманк – 60 дворов, Двалинк – 40 дворов, Хлохенк – 70 дворов, Хартк – 50 дворов, Хоснут – 20 дворов, Кораху – 30 дворов, Артгу – 20 дворов, Аргик – 30 дворов, Харкорк – 35 дворов, Крдаманк – 25 дворов, Гомер – 30 дворов, Хоснер – 25 дворов, Кистах – 30 дворов, Хавкунк – 35 дворов, Татанк – 40 дворов, Чртник – 70 дворов, Мшгех – 100 дворов, Хндзорик – 50 дворов, Талхур – 70 дворов, Тарук – 70 дворов, Псанк – 30 дворов, Горнкес – 25 дворов, Ходзец ванк – 35 дворов, Мктинк (село Геворка Чавуша) – 110 дворов, Баци – 50 дворов, Берм – 180 дворов, Галие-Гисонма – 35 дворов, Ишханадзор¹⁴⁷ – 100 дворов, Алианцик – 75 дворов, Гялиемсур – 50 дворов.

Разрушены следующие святыни: Св. Ахберик, Гомоцванк, Ходзец ванк, монастырь Спагана (Спагана ванк) и Св. Карапет. Убиты архимандрит Акоп Св. Ахберика, архимандрит Степан Гомоц ванка¹⁴⁸, священник Спагана ванка (не помню его имени). В каждом селе была своя церковь, они были разрушены вместе с селами. Разрушено также около 10 школ, и вырезаны все ученики со своими учителями.

Часть народа, в основном женщины и дети, была депортирована в Диарбекир. Курды взяли мужчин себе в слуги, но когда правительственные чиновники люди узнавали о них, их убивали.

Оставшийся народ переселился на Кавказ по линии Муш – Хнус – Каракилиса – Кагзван – Кохб – Талин – село Согютлу, первый пункт Александрополя, где их накормили, и оттуда расселились по селам Ширака.

Новые дополнения о Сасуне.

Рассказывает житель села Дахалайсе Габриэл Кандилян Шароянц.

После того как турки вырезали армян Муша и Мушской долины, они приступил к резне в селах Сасуна. Всех мужчин в селах зарубили саблями, а женщин и детей сожгли в домах группами. Семья рассказчика состояла из 20 человек, в живых остались 8 человек. Государство издало приказ о том, что те курды, которые спрячут армян, будут истреблены в первую очередь, и уже после – спрятанные ими армяне. И поэтому как армия, так и местное курдское население. безжалостно убивали армян.

Вырезанные села в Нижнем Сасуне – Дахалайсе, Синамирг, Марник, Аваторик, в Верхнем Сасуне – Коп, Кермав, Ирицанк, Тапык, Гехашен, Шушнамерик, Семал, Шеник, Хитинк, Агби, Мктинк, Гелигюзан, Гелигнман, Гелимсур, Талворик, Спганк, Ходзец ванк, Хардк, Хоснут, Парх, Дваленк, Хакманк, Хлогинк, Тытинк, Харкорк. Только в Ходзец ванке и в Тапыке вместе с армянами в том же селе жили и курды, а в остальных жили исключительно армяне. Самое большое село состояло из 200 дворов, самое малое – из 30. В самых больших семьях жили 35–40 человек, в малых – 7.

В среднем, богатые и бедные (крестьяне) в селах владели следующим имуществом:

Богатые – 60 голов скотины, 5 лошадей, 1000 голов овец, 250 ульев.

Бедные – 10 голов скотины, – лошадь, 50 голов овец, 10 ульев.

Годовой урожай:

Богатые – 50 киле³⁷ пшеница, 50 к. овес, 6 к. лен, 100 к. просо, 100 к. килкил⁴⁹, 10 к. чечевица (горох).

Бедные – 5 киле³⁷ пшеница, 3 к. овес, 2 к. лен, 20 к. просо, 10 к. килкил, 4 к. чечевица (горох).

Резню в Сасуне провели регулярная армия и [курдские] племена, которые возглавляли Садо из балакского Шенстана, Авейсский Селим, Хаджи Фро, Хаджи Муса бек из ханского племени Авдула, племени хианские, бакранские, ладжканские, рштунские, быдырцийские и др.

Женщин и детей, которые избежали смерти, взяли в плен и исламизировали. Под страхом смерти многие приняли ислам, но как только предоставлялась возможность, убегали и спасались.

Составил священник Григор Тер-Григорян.

25 января 1917 года.

Дзитханков.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 480, л. 1–10 с оборотом, подлинник, рукопись.

³⁷ Киле равняется нашим 5 котам или 10 пудам.

СТАТИСТИКА, СОСТАВЛЕННАЯ ХАЗО ГРИГОРЯНОМ, О РЯДЕ СЕЛ МУШСКОЙ И САСУНСКОЙ КАЗ МУШСКОГО САНДЖАКА

сентябрь-октябрь 1916 г.
Александропольский уезд.

Сасун.

В этой области было приблизительно 100 армянонаселенных сел. Несмотря на то, что Габылджоз считается частью Сасуна, но Габылджоз находится на расстоянии 3-4 дней пути от исконного Сасуна, и история резни Габылджоза независима от истории сражающихся на [горе] Андок сасунцев. Из этих сел припоминаю следующие:

Название деревни	Дворов армян	Дворов курдов	Всех дворов
1. Кермав (Гярмав)	40	-	40
2. Коп	60	-	60
3. Ирицанк	15	5	20
4. Тапык	20	15	35
5. Гехашен	40	-	40
6. Шушнамерик	35	-	35
7. Семал	80	-	80
8. Шеник	70	-	70
9. Неркин Келин	15	-	15
10. Айланцик	30	-	30
11. Гелигюзан	300	-	300
12. Хтан	15	-	15
13. Агби	140	-	140
14. Хитин	100	-	100
15. Ходзец ванк	50	50	100
16. Ехгард	15	-	15
17. Дзорер	15	-	15
18. Спганк	30	-	30
19. Талворик (7 кварталов)	500	-	500

Название деревни	Дворов армян	Дворов курдов	Всех дворов
20. Хлохенк	20	-	20
21. Ишханадзор	100	-	100
22. Хагманк	50	-	50
23. Мктинк	300	-	300
24. Петар	55	-	55
	2085	80 ¹⁵⁰	2165

В 24 селах Сасуна было около 2080 дворов, а в 100 селах всей области – 5000 дворов, с населением в 50 000 человек.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 452, стр. 25 с разв., подлинник, рукопись.

№ 59

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО ОГАНЕСА АБРААМЯНА О САМООБОРОНЕ И ПЕРЕСЕЛЕНИИ МУША И САСУНА

1 марта 1917 г.
Тифлис.

Сведения об [армянах] Сасуна.

Когда началась война, турецкое правительство стали забирать армян в армию. В 1914 году мюдир Талыф эфенди отправил к нам армейские части с требованием предоставить им войска¹⁵¹, но мы, выиграв время, собрались на общее собрание и решили не отправлять наших мужчин в солдаты. Ведь из курдских племен никого не забирали в солдаты, и если бы наших парней увели бы от нас и отправили на поле боя, откуда домой не возвращался каждый десятый, то, учитывая то обстоятельство, что турки и курды относились к нам враждебно, они могли бы приказать своим аширетами или войскам вырезать оставшийся народ.

Вышеназванный мюдир во второй раз заявился [в Сасун] с войском (по приказу мутасарыф паши из Муша его сопровождал глава нашей Епархии архимандрит Вардан¹⁵²) и в очередной раз потребовал предоставить солдат для мобилизации. Председатель нашего собрания Манук Шароян ответил ему, что мы не отдадим наших мужчин в солдаты, но если мобилизация затронет соседние с нами курдские племена, то и мы в ту же минуту примем участие в мобилизации. Как же это понимать – мы оба (армяне и курды)

являемся подданными государства, от них вы мобилизации не требуете, а нас принуждаете наистрожайшим образом. Они уехали.

В декабре того же года вышеназванный мюдир вновь явился [в Сасун] и потребовал, чтобы мы предоставили ему людей для перевозки продовольствия в места военных действий. Мы снова ему отказали, и он вернулся обратно. В январе 1915 года во главе достаточно большого войска тот же мюдир стал объезжать наши села с одной целью: насильно захватить людей и увести с собой. Вначале заявился в село Шен. Наши люди сообщили об этом видным людям Семала, Гелигюзана и остальных сел и спросили, что нам делать, ведь они (турки) замышляют насилие. Староста Гелигюзана Киракос со своими товарищами, и мы вместе с ними направились в Шеник, чтобы встретиться с мюдиром и [сказать ему], что наше [решение] окончательное: нет у нас людей для вас и напрасных потерь мы не хотим. Мюдир, удостоверившись, что насильственные действия не пройдут, удалился, не проронив ни звука.

Так прошла зима, и наступила весна. Мы уже знали, что турецкое правительство ищет повода и средств, чтобы истребить нас, воспользовавшись тем обстоятельством, что все державы [находятся] в военном положении. Несмотря на то, что уже начался посев, но мы с другой стороны действуя через АРФ Дашнакцутюн, ждали новой [партии] оружия и новых сил, чтобы хотя бы противостоять [туркам] и погибнуть как мужчины.

Первые столкновения начались в селах Коб и Кермав. Восточные курдские племена и балацы, быдырцы, племя Юсуфа и другие объединились и напали на вышеназванные села, чтобы разграбить и убить армян. Их было 2500 человек. Армяне, узнав об их нападении, и осознавая, что собственных сил не хватит для самообороны, ночью сообщили об этом западным армянам и попросили помощи. До рассвета оставалось еще три часа, как в ту же ночь вышеназванные курды напали на эти села. Но к счастью, в одном из ближайших сел, в Гехашене, в этот момент находились солдаты АРФ Дашнакцутюн, которые, взяв с собой и местных солдат – около 80 человек, отправились на помощь к ним. Бой уже начался, когда АРФ Дашнакцутюн подоспела на помощь: господин Корюн, беспощадный Мкртыч (Мко), С. Т. Карапет, Киракос, господин Манук (сын Шаро) и другие 8 часов храбро сражались. Курды стали отступать. Мы преследовали их до их границ, на расстояние, [которое можно было пройти за] 28 часов. После боя мы забрали с собой население Коба (Талворика) и Кермава и разместили между Гехашеном и Семалом. Не забыть упомянуть, что во время этих сражений погибли смертью храбрых отважный Грко из Гелигюзана и два человека из Коба, а курды оставили 25 убитых, 30 курдов было ранено.

Между Кобом и Гехашеном находится село Тапык, где часть населения была армянской, а около 25 дворов были курдскими, и, что особенно важно,

в местном гарнизоне жили мюдир Талыф эфенди из Муша и более 30 жандармов. Во время вышеназванного боя они, увидев что курды терпят поражения, тихо–молча зашли к себе домой и заперли двери, не проронив ни звука. Армяне хотели напасть на них и разнести их в пух и прах, но наши предводители не разрешили, обосновав это тем, что не надо [восставать] против турецкого правительства. Однако, оно [правительство] уже издало безжалостный приказ об истреблении армян, приказ, который был дан всем [туркам] и всей армии – истребляйте армян и не оставляйте ни одного армянина на турецкой территории. Армян уже начали истреблять, до нас доносились вести, что в Карине, Хнусе, Битлисе, Тигранакерте армян убивают и истребляют, особенно после восстания в Ване. И, конечно, нас тоже не оставили бы в живых.

Мы видели, что [правительство] хочет истребить само имя армян во всей Турции, вплоть до самых ее глухих областей, и не надеялись ни на кого. Да, были у нас соотечественники и товарищи с пламенной душой, но какой прок, если они были далеко от нас и не могли прийти нам на помощь.

Мы и АРФ Дашнакцутюн, объединившись друг с другом, уповая только на свои силы и на свои десницы, решили, что лучше погибнуть смертью храбрых, чем смиренно склонить голову перед таким надменным и заблудшим народом, который не позволял почитать крест и (нашу) религию.

Бои постепенно разрастались. До нас дошли слухи, что армия и курды напали на армян Мушской долины и с пятницы до воскресенья, в день Вардавара, вырезали их. Те же, кто избежал резни, сбежали на гору Кан. В понедельник на рассвете грохот пушек и оружейные залпы обрушились на армян Муша. Местами они оборонялись около 4–5 дней, и до нас дошли их просьбы о помощи. Мы сразу же направились со своими группами к ним, пока не дошли до самых высоких вершин Муша – до Хини катара, Куртка и Зхарата. Но к сожалению, нам дорогу преградила правительственная армия, и мы не смогли помочь им, и они, обессилев, потерпели поражение: кого зарубили саблями, кого сожгли, кто бросился в воду и утонул. Из 15 000 армян едва 200 человек ночью убежали в нашу сторону и спаслись. Везде были бои. Наш народ сосредоточился у подножий Андока, Гебина и Мичелни.

Пока русские побеждали в войне, турки не так сильно давили на нас. Но к сожалению, в июле¹⁵³ русские остановились и отступили. В тот же момент турки всеми своими силами напали на нас, мы же постепенно сосредоточились на вершинах Андока и Гебина. Нашими военачальниками были Рубен, Сасунци Манук и другие, которые воодушевляли народ и вселяли в него надежду. Пять дней мы сражались на вышеназванных вершинах, но, обессилев и потерпев поражение, рассыпались в разные стороны, оставили все свое богатство врагу и сбежали. Но турки так окружили нас со всех сторон, что мы

не смогли перевести даже часть народа к русским войскам, чтобы спасти их. От начала самообороны до поражения из 30000 людей, собравшихся в горах, погибли 200 человек, после поражения каждый день погибали сотни и тысячи. Осознавая, что таким образом погибнут все, мы не нашли иного выхода, чем вновь разбиться на группы и сражаться целыми днями до 29 июля¹⁵⁴. В эти дни арестовали несколько армян в местах, куда они сбежали и, оставив их в живых, отправили к нам в то время, когда мы укрывались в лесах, горах и позициях. Через них передали нам, что султан Решад¹⁵⁵ помиловал нас: «Зачем вам оставаться здесь и погибнуть от голода и холода, возвращайтесь и сдавайтесь, будьте уверены, что никто не посмеет повредить вам». Эту весть передали нам местный мюдир Талыф эфенди и военачальник Мурад бей.

Мы также посчитали, что нас, конечно же, оставят на свободе, и с этой надеждой, начиная с сентября, мы направились к правительству, чтобы сдать.

Правительство хранило молчание и, чтобы окончательно успокоить народ, направило нас на жатву урожая и запасание его в зернохранилищах, якобы для того, чтобы в будущем оно послужило нам пропитанием. Но мы подозревали, что оно замышляет тайные планы и только внешне старается успокоить нас. Народ был сосредоточен в селе под названием Тапык, где находился вышеназванный мюдир, несколько войсковых частей, их военачальники Мурад бей и Рза бей. Начиная с 27 сентября, отделили мужчин и, взвалив им на плечи собранную нами пшеницу, отправили в Муш, обещая, что нас разместят в селах Мушской долины и предоставят помощь, там и будем жить. Слабых мужчин, больных, женщин и детей, с которыми был и один из наших руководителей Манук Шароян, раненый в обе руки – всех также отправили в Муш, приставив с четырех сторон патрульные отряды. По прибытии в Муш, более 400 мужчин правительство отправило в Битлис на работы на правительственных стройках, и еще 550 человек отправили в Хнус и Харберд, а остальных истребили: кого сожгли, кого зарубили саблями, кого утопили в реке. Вышеназванного Манука Шарои и нескольких священников раздели, водили по улицам, избивали, наносили им удары острыми предметами и плевали на них со словами: «Где ваши избавители, пусть придут и избавят вас». Все они умерли через три дня.

Когда наступила жестокая невыносимая зима, часть народа все еще оставалась в Сасуне, укрывшись в лесах и пещерах. Не забыть упомянуть, что сдавшегося старосту Гелигюзана господина Киракоса и еще одного человека по имени Ове, в сопровождении полицейских, отправили в Муш. Когда до Муша оставался один час ходьбы, их обоих убили и, отрубив голову Киракосу – светлая ему память! – отнесли ее в Муш, дабы показать мутасарыф паше и похвалиться – мол, таких вот людей убили – и получить чины.

Если кто из вышеупомянутых работников заболел, в ту же минуту его убивали или топили в воде. С рабочих мест, с разных сторон, тайно сбегая до нас дошли беглецы: их число доходило до 2000. Уже подступала зима, и нам не удавалось найти ни пропитания, ни укрытий. Некоторые люди направились к горным курдам, чтобы жить у них под именем курдов, а другие, те что были коренными сасунцами и годами находились во вражеских отношениях с турецким правительством и курдами, не смогли найти себе пристанища.

В ту пору нам удавалось добывать еды, которой хватало всего на один день; ночами мы рассыпались по скошенным полям, собирая остатки пшеницы. Среди нас были крестьяне из Гелигюзана, Шеника, Семала, Гехашена, Агби, Хетинка, Талворика и из других мест. Укрывались в скалах и пустынных местах, устраивали позиции, потому что турки не отставали от нас, и в неделю почти два-три раза устраивали облавы.

Была уже осень, и в конце ноября ударили морозы, на нас не было теплой одежды, постелей, на которых мы бы могли спать ночью, да и возможности найти еду не было, а мы к тому же не знали о путях и расположении линии фронта, и поэтому не могли уйти со своих мест. Хотя мы и собрали пшеницу с разных мест, но нам ее хватило бы едва на месяц. Своего проводника у нас не было, мы постарались тайно найти одного курда, который смог бы провести хотя бы часть народа к русским, но к сожалению, это не удалось. А все потому, что приключилась следующая история: крестьяне Хаватаворика из Муша тайно встретились с курдами-соседями: Ади, сыном Мшко и Махмадом, и попросили проводить их к русским, пообещав все, чего те не попросят. За одну женщину и 45 мужчин курды запросили 46 осм. золотых, медные изделия и оружие и обнадежили армян, чтобы те не волновались. Завели их в одно здание и сказали им: «Оставайтесь здесь, а как только стемнеет, придем за вами и проводим». Но, видя степень их несчастья, эти курды направились к своим вождям и сообщили им, что в таком-то месте скрывается столько-то жителей. Вооруженные курды окружили их со всех сторон и убили. Лишь одна женщина спаслась, добралась до Сасуна, нашла нас и сообщила о случившемся. Мы, сасунцы, учитывая, что проводника-армянина у нас нет, а курды-проводники, возможно, вырежут нас так же, как и тех несчастных, предпочли умереть в родных скалах от голода и холода, чем попасть к таким в руки и пропасть бесславно.

Что было нам делать, чтобы выжить? Потеряв мы надежду, кто утешил бы нас и дал нам еды? Настал декабрь. Мы собирались в группы, пробирались ночами в ближайшие курдские села, чтобы добыть овец, скотины и пшеницы, закопанной в земле – тем и жили. В декабре места, где мы скрывались, занесло снегом, мы не могли уже пройти куда-либо, и еда наша иссякала. Нам едва удавалось питаться раз в три дня. Да и эта еда закончилась.

Выпало слишком много снега, и мы опасались выходить из наших укрытий и искать еду, потому что по нашим следам турки и курды нашли бы нас, а еще потому, что горы были такими неприступными, что при прохождении под подножием горы нас осыпало бы лавиной снега и мы погибли бы на месте. Поддерживая друг друга, питаясь всем, что могли найти, чтобы выжить, мы надеялись, что Господь Бог смилостивится и посетит свой пленный народ, от которого осталась одна маленькая горстка.

Состояние наше было тяжелым, и ситуация была невыносимой, особенно в вопросе продовольствия. Невозможно рассказать, чем мы питались: мясом диких животных – волков, лисиц, кошек, зайцев, сорок и всем, что попадалось, а летом питались головами, ногами и шкурами зарезанных животных, которые валялись на земле. Выкапывали эти кости из-под снега, высота которого составляла три аршина, крошили их, подогревали и ели. Мы также питались высохшими травами и их корнями, выкапывая их из-под снега. Но настал такой голод, что часть народа погибла. До того дошли, что некоторые из нас ели мясо умерших людей, и сами умерли через неделю.

Но жестокое турецкое правительство не успокоилось на этом, вновь и вновь направляя войска чтобы убить нас, и каждый раз нам удавалось укрыться в горах, и мы укрываясь на своих позициях, сопротивлялись. Войска не могли долго оставаться в снегах и возвращались.

20 января 1916 года, когда снег замерз и не таял, и люди умирали от голода, мы были вынуждены отправить часть молодежи в далекие курдские села, чтобы выкрасть из курдских сел несколько овец для нашего пропитания. В последний раз мы укрывались в разрушенном Гелигюзане. Курды донесли правительству, что в таком-то месте еще есть спрятавшиеся армяне, которые постоянно нападают и угоняют овец. Они проверили наши места, сразу же направили войско в 250 человек в Хулп и те, объединившись с 350 вооруженными курдами, 24 января напали на нас. Мы вновь поднялись на наши позиции. Это было нашей последней надеждой – мы должны были сразиться и погибнуть, нам некуда было бежать и некому было нас спасти. Бой продлился 24 часа, жертв у нас не было, они лишь сожгли несколько сооружений, которые мы построили для того, чтобы в них укрываться, и вернулись в Муш. Нам показалось, что они, не сумев одолеть нас своими силами, ушли за новой партией оружия и вновь вернутся напасть на нас. Но им не удалось вновь вернуться, потому что русские теснили их, приблизившись к Мушскому санджаку. Турки едва смогли спасти свои жизни и убежали в Шен, Харберд и в другие места. Нам было неизвестно, где находятся русские, но несколько наших сасунцев работали ремесленниками в Муше, и они 3 февраля пришли и сообщили нам, что в настоящее время русская армия находится в Муше.

Мы хоть и обессилели от голода, но когда весть о свободе достигла наших ушей, мы обрели новые силы и восхвалили Господа, что удостоил эту горсть народа соей молости и дал нам возможность найти единоверцев и своих сородичей армян. При подходе к Мушу [мы заметили], что курды Хулпа еще не перекочевали со своих мест и напали на курдское село Сиок. Сражались достаточно долго и отняв 30–40 овец, вернулись в наши места – в село Гелигюзан. А на следующий день мы отправили часть народа в Муш, и с несколькими вооруженными парнями напали на село Тапык, чтобы убить тамошних курдов. Курды сражались недолго и убежали к племени Юсуфа и Балаго, чтобы спастись. Никто из нас не погиб, а из них погибли 8 человек. Мы прождали там десять дней, пока не собрали с разных мест армянских пленных и вместе с ними направились в Муш.

Добравшись до Муша, мы смогли собрать продовольствие для нашего пропитания благодаря оставленному продовольствию в домах сбежавших из города турок. До Муша еще не дошли армянские штабисты¹⁵⁶. Было подозрение, что русские отступят, но мы постепенно обнадежились. Постоянно получали от русских войск оружие и со своими отрядами пошли в разведку, чтобы отомстить курдским жителям Брнашена. Несколько дней вели бой, после вернулись в Муш, чтобы отдохнуть. После этого мы еще два раза нападали на курдов на Косорской стороне: они еще сопротивлялись русским. Нас, вооруженных армян, было более 90 человек. Начали бой, победа вначале была на нашей стороне, убили более 160 курдов. Через 8 часов на нас напало около 1500 курдов – всадников и пеших. Нас было мало, хотя дрались мы храбро, но в силу нашей немногочисленности и недостатка оружия, мы вынужденно отступили, убив 40 человек. Мы были в таком состоянии, что не думали о гибели... Вновь взяли оружие и вернулись в Сасун на разведку. Турки потерпели поражение в бою и отступили в сторону Пасура, русские довольно потеснили их с тылу, и бой прекратился. В то время наши группы находились на Андоке, на Гапракара-Хане, Мичелни, в Гехашене и Хоре Шатаха. 22 июля вновь начался бой около Шеника. В это же время русские стали отступать. Мы спустились с гор в ночь на 24 июля, в 8 часов переправили беженцев из Муша, сообщив осевшим в селах малочисленным армянам, что нужно переселяться в Хнус. Народ этих сел перешел мост Сулуха на реке Мурад, на рассвете дошел до села Курайру и остановился на отдых. Мы думали, что поможем русским и, вновь отшвырнув турок назад, вернемся в Муш. Но этому не суждено было сбыться. Враг захватил даже мост, и мы переправились в Хнус. Уже здесь нам помогли продовольствием, мукой и сахаром, и мы, продолжив свой путь, дошли до Александрополя и расселились в селах Шорагяла, и после получали установленную зарплату, тем и жили.

Я, крестьянин из села Гехашен, Оганес Абраамян написал эти сведения собственной рукой.

И я, Н. Агбальянц, с любовью переписал с незначительными исправлениями.

НАА, ф. 57, оп. 5, д. 150, л. 1–8 с оборотом, подлинник, рукопись.

БИТЛИССКИЙ САНДЖАК

№ 60

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ НОЕМИК ХАЧАТРЯН О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ТЕХУТ ХЛАТСКОЙ КАЗЫ БИТЛИССКОГО САНДЖАКА

[1916 г.]

Баку.

Ноемик Хачатрян 12 лет. Из хлатского села Техут.

[Находится] в бакинском приюте № 2.

До войны наша семья состояла из 19 человек: отец Хачатур (31 год), мать Чичек (28 лет), я (12 лет), брат(ья) Назарет (10 лет), Левон (12 лет), Мелкон (14 лет), муж тети – Пето (44 года), его жена Зило (33 года), Абгар (25 лет), Лече (13 лет), Дарваз (15 лет), Азат (9 лет), Азнив (28 лет), Явро (12 лет) и др.

В живых остались 8 человек, в настоящее время живут в Эчмиадзине.

Были убиты Пето (44 года), Хосров (16 лет), Азнив (28 лет).

Умерли 6 человек, все в деревне Султанмут.

Пропал без вести мой отец Хачатур (31 год): черкесы¹⁵⁷ во время своего отступления увели его с собой как пастуха овец.

Техут был армянонаселенным селом, состоящим из приблизительно 400 дворов. Как и другие, наше село тоже подверглось нападению черкесов. В конце апреля наши мужчины поднялись в горы с оружием в руках и 8 дней сражались с ними. Наших было около 30–35 человек, руководил ими Акоп (Бдо) из Техута. Когда турки в Хлате узнали, что наши мужчины еще живы и сопротивляются, то отправились к ним, обманом спустили их с гор, уверив в том, что им не грозит никакая опасность. Мой отец спрятался у истоков реки монастыря Св. Оганеса. Когда крестьяне сдались, он тоже сдался, и его отправили пасти овец. Когда началось отступление, черкесы увели его с собой. В первый день у наших мужчин отобрали оружие, и на следующий день их всех со связанными руками спустили на берег моря,

чтобы мы тоже были свидетелями этой резни. Каждого расстреляли и бросили в море. Около 30–35 человек повернулись спиной к морю, а лицом – к палачам, и в каждого выстрелили один-два раза. Среди них был и сын моей тети – сестры отца – Петросян Хосров (16 лет) и его отец – Петрос, сын Гро, внук Сепо. После собрали всех оставшихся – детей, хромых и инвалидов – в одном доме и 4 дня держали их голодными. Затем отвели на берег моря, связали и расстреляли. О последнем событии рассказал нам один турок, который постоянно приносил нам вести.

Наших молодых, красивых женщин выбрали и увели с собой, приблизительно 10 человек, среди которых была и сноха старосты Бдо, которая недавно вышла замуж, а некрасивых молодых женщин заперли в одном доме и сожгли. Там была и моя мать, которая, когда черкесы пошли за керосином, смогла убежать в село Султанамут. Через несколько дней она и трое моих братьев умерли. Сожгли приблизительно 18–20 женщин. А нас, оставшихся в живых, избивали и требовали денег. У кого были – отдавали, а у кого не было – подвергался жестокому мучению. Двух женщин, у которых не было денег, задушили на моих глазах. Оттуда мы сбежали в Султанамут, где курды попытались похитить сноху моей тети – Азнив. Она стала сопротивляться. Один курд выстрелил ей в сердце, и она в ту же секунду упала на землю, а ее сын Азат, который был у нее в руках, упал с матерью на землю, но с ним ничего не случилось. Там из нашей семьи умерли за одну неделю семь детей.

На следующий день турки узнали о том, что русские подходят к Султанамуту, оставили нас и отступили.

Несколько недель мы оставались в Султанамуте. Когда началось отступление, один доброволец и один русский солдат посадили мою тетю с ее детьми и меня в фургон. Нас довезли до Игдира и там меня сдали в приют.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 468, л. 13 об., подлинник, рукопись.

№ 61

СВИДЕТЕЛЬСТВО РУБЕНА ИЗ ХЛАТА ОБ УБИЙСТВЕ СВОИХ РОДИТЕЛЕЙ

16 августа 1916 г.

Егвард.

10-летнего мальчика по имени Рубен избавили из плена 2 месяца назад и привели в Егвард. Мальчик был немой и не мог говорить, только произно-

сил отдельные слова. Когда я его спросил: «Где твой отец и мать?», мальчик потер указательным пальцем по большому пальцу, давая понять, что их за-резали курды. «Ты говорил когда-либо?» – вновь спросил я его, и мальчик опять мне знаками дал понять, что его мать изнасиловали на его глазах и зарезали вместе с его отцом, и он в эту минуту в ужасе стал громко кричать и бегать из стороны в сторону и через полчаса онемел. Его взял в свой дом один старый курд и заботился о нем, пока не пришли русские. Курд вручил им ребенка, они же, вернувшись на Кавказ, вручили ребенка его сельчанам.

Айк Ачемян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 440, л. 1, подлинник, рукопись.

№ 62

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВЫЖИВШИХ МЕЛО МАНУКЯНА И САВГЮЛ СИМОНЯН О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ТАПАВАНК ХЛАТСКОЙ КАЗЫ БИТЛИССКОГО САНДЖАКА

1 сентября 1916 г.

Маргара.

Прежнее состояние села. Село Тапаванк до войны состояло из 200 дворов с исключительно армянским населением. Село владело стадами овец в 8000 голов, скота в 5000 голов, в селе имелись 300 плугов, 400 сох, 400 телег. В год село производило 1 000 000¹⁵⁸ литров пшеницы, 2000 телег сена и пр. В селе были 4 водяных мельницы и 200 рощ с 40 000 деревьями.

Нынешнее состояние села. Село на сегодняшний день полностью разрушено и обезлюдело, дома в руинах.

Церковь Тапаванка – Св. Богоматерь, была построена в древности, [там служили] 4 священника. Следующие крестьяне владели древними рукописными Евангелиями: Тер Барсег, Тер Шмавон, Тер Гукас, Тер Мартирос, Мхитар Овсепян, Еранос Серобян, Ог. Погосян, Карапет Мхитарян, Мело Манукян и др. Правительство запрещало сельчанам открывать школу в селе, потому что дети учились в хлевах.

Все Евангелия либо потеряны, либо украдены, сохранилось только Евангелие Хачо, сына Сев Каро, которое сейчас находится в Карсе, у своего обладателя.

Войсковая мобилизация. В солдаты забрали 100 человек и направили в Эрзерум и в др. места. Из этих ста человек бежал и выжил только Мело

Манукян, всех остальных либо убили, либо они пропали без вести. В качестве военной подати правительство забрало из села 500 кот (один кот равен 1 литру) пшеницы, 150 волов, 300 овец, 1000 золотых монет, 2000 пар чарухов, шерстяных носков и рукавиц, 100 литров топленого масла, 200 кот пшена, 50 полотниц войлока, 100 карпетов, 150 телег жнивья, 150 телег сена, 2000 куриц.

100 мужчин на своих телегах, в которые были впряжены их же собственные тягловые животные, и 150 человек грузчиков направились в Эрзерум на олам. Никто из них не вернулся – их либо убили, либо они пропали без вести в лагерях. 4 военнообязанных дали каждый по 100 золотых монет в уплату бетела для избавления от военной обязанности, но в конце концов всех забрали в солдаты и убили.

Резня в селе. В мае 1915 года, когда русские наступали со всех сторон в направлении Маназкерта, за две недели до праздника Вознесения турецкий полицейский Гасан онбаши (десятник) явился в село с 12 полицейскими и собрал все 200 винтовок села, сказав нам: «Если не сдадите оружие, всех вас убьем». На рассвете, в праздник Вознесения регулярная армия, гамидие и чернь окружили село. Со всех сторон ворвались в село и стали убивать всех, кто попадался им в руки: женщин, мужчин, детей безжалостно расстреливали либо рубили кинжалами. Крестьяне в панике оставили село и убежали к горе Немрут. Из мужчин села Аветис Абраамян попал в руки курдам, которые заставили его показать тайники. Он показал им, где находятся тайники церкви, и тем самым спас себя и свою семью. Приняв ислам, оставался [там] три месяца и после сбежал на Кавказ. Во время резни всех четырех священников села зарезали в церкви.

Предводитель Багеша Сурен Вардапет¹⁵⁹ до резни написал следующее письмо в деревню: «Народ Вана вырезали из-за того, что те не сдали свое оружие, не храните в селе ни одного оружия, все сдайте правительству, чтобы вас не вырезали».

На горе Немрут крестьяне жили, питаясь снегом и зеленью. Курдские всадники рыскали по горам, искали спрятавшихся и убивали всех, кто попадал им в руки.

Во время резни в руки курдов попали все красивые женщины и девушки села, их похитили и увели в плен.

Пленная Савгюл Симонян (30 л.) рассказывает: «Меня похитили, заставляли раздеваться и плясать перед ними. Исполняла (их) требования. Каждую ночь 10–12 курдов насиловали меня. После один из них, Амар из села Нист, увел меня к себе как слугу. В его доме выполняла очень тяжелую работу: осенью с утра до вечера в полях косила траву, выполняла тяжелые домашние дела, а зимой убирала снег во дворах всех домов. У меня было

двое детей – 13 и 10 лет, которых курды каждый день жестоко избивали и заставляли работать. Так жили до тех пор, пока русские не захватили Битлис. Курды Ниста заявили о своем подчинении русским, а я со своими детьми сбежала к добровольцам, которые привели меня с другими пленными в Алашкерт. Сейчас я направляюсь к своему супругу, который живет в Нор Баязете».

В Тапаванской резне были убиты 600 мужчин, 700 женщин и детей. В плен увели 100 женщин и 300 детей. Спаслись 150 мужчин (7–60 лет) и столько же женщин и детей. В плену остаются 100 женщин и детей.

Резню устроили турецкие полицейские и курдские конники хаснанских, сюзских, айтар[ан]ских, чухусских племен во главе с Касым-беком, известным Муса беком из Муша и Заман ханом.

Написанное соответствует рассказанному нами.

Ввиду неграмотности Савгюл – (подписываюсь) Айк Ачмян (из Вана).
Мело Манукян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 449, стр. 1–4 с разв., подлинник, рукопись.

N 63 СВИДЕТЕЛЬСТВА ГРУППЫ ВЫЖИВШИХ О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ТАПАВАНК ХЛАТСКОЙ КАЗЫ БИТЛИССКОГО САНДЖАКА

29 августа 1916 г.
Нор Баязет – Пашакенд.

Хлат – Тапаванк.

Мобилизацию 1914 года [провели] силой и до сих пор не вернулось 30 человек. Сожжены дома Похана, Яро, Амбро и др. – около 20 домов.

На текалифе харпин увели силой, а в олам грузчиками в Битлис, Муш, Хнус, Маназкерт, не вернулось 70 человек.

В последние дни Великого поста 915 года Папо бей из Прхуса пришел с 70 жандармами и силой забрал около 50 [единиц] оружия.

Резня. На следующий день после Вознесения Папо бей и Абдул Меджит с войсками и курдами, в составе несколько тысяч человек, окружили наше село. На рассвете убили около 400 [человек, в их числе]: Тер Барсега, Тер Шмавона, Тер Гукаса, старосту Агаджана, знатных крестьян Минаса, Артина, Князя; также узнали, что в тюрьме убили Тер Мартироса. Убили еще

60 женщин и девушек, а также детей и мальчиков 7–8 лет (более 200 человек) и унесли все имущество. Кто убежал в горы, а около 400 человек увели в мушское село Авзут, где были сотни армян из других сел. Там их всех заперли в домах и сожгли, а мы, сбежавшие в горы, добрались до маназкертской крепости. Часть сбежавших женщин и детей укрылась в курдских селах Пахче и Агтат; когда русские дошли до нас, они тоже пришли, и мы все собрались в Маназкерте. На Вардавар русские отступили, мы последовали за ними по Алашкерту в Игдир, Эчмиадзин, Эривань и сюда. О селе никаких известий не имеем.

Выжившие односельчане [живут] в Александропольском уезде. Здесь в Пашакенде, нас – 18 дворов (88 человек).

Во время отступления 915 года в пути в Игдире и в Эчмиадзине умерли 43 [человека] из 18 семей.

Свидетель сожжения [армян] в мушском селе Авзут – Овсеп Затоян из села Тапаванк.

Рассказчики – Акоп Мхитарян, Галуст Тер-Барсегиан.

Живут в Пашакенде.

Следователь Ширин.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 430, стр. 51, подлинник, рукопись.

№ 64

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО МИСАКА СЕДРАКЯНА
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ПРХУС ХЛАТСКОЙ КАЗЫ
БИТЛИССКОГО САНДЖАКА**

8 августа 1916 г.
Аштарак.

Рассказ Мисака Седракяна (16 лет), сироты из аштаракского приюта № 1, крестьянина из хлатского села Прхус.

Резня в нашем селе началась в праздник Вознесения 1915 года. За месяц до того мюдир нашего села, курдский бек Папо с 14 полицейскими и 20 добровольцами явился в наше село и насильно забрал у нас все оружие. Он сказал нам, что наше оружие отдадут сражающимся на войне, а после войны вновь вернут нам. Сельский посыльный Назар и соседи-курды, которые продавали оружие армянам, заранее показали им тайники, и согласно этому списку турки забрали все оружие. Да и молодежь

села уже была мобилизована в армию, так что Прхус лишился последних средств самозащиты.

Накануне Вознесения в село явился турецкий сотник и заявил, что русские приближаются и было бы хорошо, если бы все мужчины спрятались в полях, пока все курды не убегут, а затем они вместе с русскими войдут в село. Поверив его словам, мы взяли с собой немного еды, вышли в поля и спрятались там, но вдруг увидели, что село окружили со всех сторон... Возглавлял их мюдир нашего села Папо бек. Началась сильная стрельба. Многие наши товарищи погибли в полях. Через некоторое время стрельба прекратилась. Сельский посыльный на сельской площади звал нас: «Армяне, возвращайтесь, собирайтесь в селе, случившееся было недоразумением, эти курды – обычные мухаджиры¹⁶⁰, и завтра они уйдут из деревни». Поверив этим словам, многие вернулись в село. Курды запрягли телеги армян якобы для переправки в наше село своих пожиток, которые будто бы находились вдалеке, и забрали с собой [в подмогу] всех стариков и юношей, которые были в селе.

Утром в четверг со всех сторон началась стрельба. Курды ворвались с разных сторон и убивали всех армян, встречающихся на их пути. Врывались в кладовые и саблями рубили всех, кто там прятался. В тот момент я со своим младшим братом, сыновьями своего дяди и двумя соседями прятался в одной кладовой. Когда стали взламывать дверь, моя мать в ужасе бросилась к нам на помощь, но курды убили ее на наших глазах. Мой брат сразу же поднялся на ердик. Я тоже полез вслед за ним, но курды два раза ударили меня по спине камой¹⁶¹ и ранили. Я упал вниз. Один курд сказал, что я жалок и слаб, и не надо меня убивать. Оставили меня и стали грабить наш дом. Я вышел и увидел тело моей матери на пороге. Все село было покрыто трупами. На другой стороне насильовали одну невестку и силой уводили другую девушку. От страха я спрятался в хранилище кизяка. Курды пришли, вытащили меня оттуда, раздели донага и хотели убить, но вновь один курд запретил им, пожалев меня. Я снова спрятался в хранилище кизяка. Нашел там своего товарища, покрыл его кизяками, а сам во весь рост вытянулся в хранилище. Курды несколько раз заходили и заглядывали внутрь, но, не заметив ничего, удалялись.

В полдень курды за селом натолкнулись на одного армянина, который стал сопротивляться. Раздув эту весть, курды друг другу стали рассказывать, что сражались с целой группой, а не с одним человеком. Сразу же стали убивать оставшихся в селе армян и постепенно отступать. К вечеру они вернулись, палками разворошили хранилище кизяка, обнаружили меня и моего товарища и вывели оттуда. Потребовали показать им кладовые и тайники. Мы сказали, что не знаем, где они находятся, и тогда това-

рища моего убили. Один курд не дал им убить меня, сказал, что возьмет меня в слуги. Отца моего тоже нашли в тайнике и убили, ранили мою бабушку. Младшего брата наши одели в девичью одежду, и вместе с женой дяди он убежал в другое село, от них у меня не было вестей. Вместе со спасшим меня курдом мы дошли до села Сучхан. Жена курда, увидев в каком я состоянии, заплакала. Она позаботилась обо мне и постелила мне постель. Нарекли меня Ибо, чтобы [турки] не узнали обо мне. Когда этот курд вновь ушел на грабеж, один мулла показал мне дорогу и посоветовал убежать. Я убежал. В пути, около села Джезире мне встретились 6 вооруженных курдов. Я схоронился в высокой траве, пока они не ушли. После добрался до берега озера Назук, где нашел своего дядю с 11 людьми. Затем мы направились в армянское село Джезире, где жили и курды, и встретили там 20 женщин и детей из нашего села. В этот [момент] курды напали на Джезире. Мы убежали. Один юноша из Прхуса, по имени Ншо-Нуро, стал стрелять в курдов из пистолета браунинг. Курды погнались за ним и вдруг окружили всех нас. Ншо-Нуро сражался в одиночку против курдов с винтовками, укрывшись за одним камнем. Курды не посмели приблизиться. Среди курдов оказался один наш знакомый, который заставил своих товарищей уйти и не позволил им повредить нам. В ту ночь мы переночевали в курдском селе Хиартанк, куда пришел и Ншо-Нуро.

Правительство заставило армян Хиартанка вернуться в Прхус и похоронить трупы, но все те, кто подчинился этому приказу, все были убиты там.

Из Хиартанка пришли в село Хулик, где служили пастухами у черкесов. До той поры черкесы не убили ни одного армянина. Но после, получив правительственный приказ, связали 200 мужчин и передали правительственным войскам, которые всех перебили.

Через месяц русские захватили Хулик, но, не выдержав контратаки турок, отступили в Маназкерт, взяв с собой находящихся там армян. Я с ними добрался до Игдира. Оставил своих брата и сестру в Эчмиадине, а сам направился в Гамарлу. После, узнав, что их отправили в Аштарак, я тоже пришел сюда, и меня приняли в приют N 1.

Написанное соответствует моим рассказам.

Мисак Седракян из Прхуса, сирота Аштаракского приюта N 1.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 428, стр. 1–5, подлинник, рукопись.

N 65

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ АГАВНИ ХЛГАТЯН О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ПРХУС ХЛАТСКОЙ КАЗЫ БИТЛИССКОГО САНДЖАКА

9 августа 1916 г.

Аштарак.

Рассказ Агавни Хлгатян (12 л.), сироты из аштаракского приюта N 2.

В праздник Вознесения, когда курды напали на наше село, моя мать сразу же надела лохмотья на новую одежду, а меня и моих братьев вымазала грязью и одела в лохмотья, чтобы мы выглядели некрасивыми, и курды не вздумали нас похищать. Мой отец спрятался. Курды и их женщины напали на мою мать и поймали ее. Курдянки позвали своих мужчин: «Идите сюда, здесь тоже есть красивая женщина...» Мать сразу же швырнула свое золото (украшения) курдам, которые оставили мою мать и стали спорить друг с другом из-за золота. Воспользовавшись ситуацией, мать забрала меня и братьев, и мы убежали в Хлат. Там бродили несколько дней без еды и вернулись в село. Отец еще был жив. Мать надела на него женскую одежду. Курды заметили это и хотели убить отца. Мы все пали перед ними на землю, целовали им ноги, умоляя сохранить жизнь отцу. Мать, понимая, что таким образом не сможет сохранить жизнь отцу, дала ему немного хлеба и наказала, чтобы он бежал в Россию.

Отец едва дошел до села Хулик, где его поймали курды, которые кинжалами изрезали его на части, но он перед тем как умереть, попросил одну курдянку, которая была свидетельницей его убийства, отнести его окровавленное полотнище войлока жене и детям, дабы она уложила детей на нем. Курды, заметив, что отец в силах говорить, выстрелили ему в грудь несколько раз. Мой несчастный отец умер с нашими именами на устах...

После этого мы направились в курдское село Мзре вблизи Хнуса. Мзре уже захватили русские. Однажды мать отправилась в соседнее село за хлебом. Пока ее не было, вдруг турки и курды атаковали крепость Хнуса. Русские отступили. Мы с братьями последовали за ними, не дождав-шись нашей матери. В пути я потеряла своих братьев и, обессиленная, упала под один камень и заснула. Солдаты, заметив меня, взяли меня на свои дроги и переправили в Алашкерт. Прожила там несколько месяцев, после чего меня переправили в Каракилису. Еще один-два месяца про-жила среди наших односельчан, пока во время последнего отступления не добрались до Эчмиадзина. Оттуда меня привели сюда. Через некото-

рое время нашлись и мои братья, которые сейчас с мной. Они рассказывают, что наша мать тоже жива.

Рассказала крестьянка Прхуса Агавни Хлгатын.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 428, л. 7 об. – 9, подлинник, рукопись.

№ 66

**СВИДЕТЕЛЬСТВА ВЫЖИВШИХ ЕГИАЗАРА ГАРИБЯНА
И ГУТРАД АВETИСЯН О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ПРХУС
ХЛАТСКОЙ КАЗЫ БИТЛИССКОГО САНДЖАКА**

19 августа 1916 г.

Двин Айсори.

Крестьянин из села Прхус (в багешском уезде Хлат) Егиазар Гарибян рассказывает о резне в селе Прхус. В то время он также служил солдатом в турецкой армии.

Наше село состояло из 200 дворов с населением 2700 человек. Село владело стадами овец в 6300 голов, стадами всякой скотины в 1800 голов, [годовая прибыль села составляла] 45000 кот пшеницы (1 кот равен 2 литрам), 20 000 кот ячменя и ржи.

В селе были 1 церковь¹⁶² и 1 школа (миссионерская). Все село, за исключением церкви и школы, сожжено.

Согласно правительственному объявлению о мобилизации в августе 1914 года, мы, мужчины 25–45 лет, в 24 часа явились в военное управление Хлата. Под надзором полицейского Мехмеда мы были отправлены в Багеш, где скитались в течение 15 дней. Затем мужчин от 35 до 45 лет отпустили, а остальных (и меня в их числе) – 150 человек – отправили в Ван, где мы провели еще 20 дней без пропитания. Оттуда нас направили в Хлич-Кятук и распределили по разным ротам 99-го полка 7-й армии.

Правительство под именем военной подати силой забрало у крестьян 20 000 кот пшеницы, 600 овец, 100 литров топленого масла, 40 голов скотины для убоя, 50 телег и 100 волов, 500 пар шерстяных носков, 370 пар шерстяных рукавиц, 100 телег сена, 100 телег жнивья, 120 телег кизяков. Весь этот груз мы переправляли в Хлат, Багеш, Муш и Буланьк на своих тягловых животных, а в зимнее время – на собственных спинах.

Также правительство взяло по 65 лир и 5 с половиной гурушей военного выкупа у наших односельчан – у Степанян Минаса за его сына, у Камаляна

Седрака за его сына Бениамина, у Гукасяна Гургена за его сына Амазаспа и у Тртошян Абре за его сына Геворка. Однако сразу после объявления войны правительство забрало их в солдаты.

Наша армия оставалась в Хлич-Кятук полтора месяца, однако мы жили в крайне плохих условиях: нас постоянно отправляли на [тяжелые] работы, притесняли и обращались с нами очень строго: на протяжении всех этих дней мы оставались голыми, босыми и голодными. Когда же в октябре Турция объявила войну России¹⁶³, нас оттуда направили в Гасан-кале и разоружили в присутствии немецких офицеров, самым грубым образом оскорбляя нашу религию и пр.

Нас отделили от армии и отправили работать в лагерь – рыть окопы под надзором регулярной армии. Там наше состояние стало еще более невыносимым: мы работали целыми днями голыми, босыми, без еды и питья и без права на отдых. Ночи же мы проводили на сырой и холодной земле, без постелей, [в итоге] заболели, и многие, оставшись без медицинского ухода, умерли. Мы вынужденно сбежали.

В феврале 1915 года мюдир нашего волоста Бабо бек с 25 полицейскими собрал около 300 мужчин нашего села (от 15 до 60 лет) и отправил их переправлять грузы в Багеш, а оттуда – в Карин. [После], применив строгие меры, подверг женщин допросу, и по их показаниям [нашел] и забрал все оружие нашего села – 110 единиц винтовок моси, греческого кремневого ружья¹⁶⁴, берданок и пистолетов разного рода – и вооружил курдов. Мы [уже] тогда почувствовали, что опасность не за горами.

1 мая 1915 года Юсуф ага из Тртопа Верхнего Буланька, Надир, Ягуб и Хайто из Хиартанга со своими слугами похитили весь наш скот с полей.

А когда на следующий день русская армия продвинулась вперед, в село Хлич-Кятук, и захватила Маназкерт и часть Верхнего Буланька, Абдул Меджит и айтаранский паша Кёр Хусейн со своими слугами бежали и ворвались в Прхус. Объединившись с мюдиром, они безжалостно вырезали мужчин, женщин и детей – всего 1300 человек, среди которых был Тер Оганес, его братья Геворк ага и Барсег ага, Сероб, Пноян Матеос, Мухсурян Гало, Степанян Минас, Хчоян Гево, Мкрян Сархат, Мосеян Акоп, Камалян Седрак, Мкре.

Во время резни 50 человек сбежало из нашего села в Хиартанг и укрылось у курдов. Правительство Буланька отправило 15 полицейских, [которые] забрали их, связали и всех убили около Тртопа, на берегу озера Назик.

Крестьянка из Прхуса Гутрад Аветисян добавляет следующее:

Во время резни часть народа сбежала в Хлат, в правительственный центр, а часть, и я в том числе, убежала на гору Егонак. С разных сел там собрались около 2000 женщин и детей, из которых 400 женщин и детей – из нашего села. 15 дней мы скитались в этих горах. Питались зеленью и артишоком. Каждый

день на нас нападали курды и полицейские, раздевали нас донага, и мы вынужденно прикрывали нашу наготу овечьей шерстью. Они нас насильовали и принуждали принимать ислам. Атлас, невестку нашего односельчанина Геворка агы, похитил Киама шзо, сын Надыра из Хиартаранга, Шоге похитил Хамзо, сын огородника Мирзы, Нуник похитил Ипо из Джебзире. Мармар, невестку Барсег агы, похитил огородник Ызо. 13-летних дочерей Геворка агы похитил Чачан из Джебзире. Назик, невестку Камальян Седрака, похитил Зыпыр из Чхара. Мани, невестку Мосеян Акопа, похитил Мехмед из Хиартанга, 16 летнюю Гино, дочь Сероба, похитил битлисец Чавуш. Джейран, жену Срго, похитил один курд из Хиартанга, не знаю его имени, 15 летнюю Мамир, дочь Мхо, 15 летнюю Азнив, дочь Уко и Мармар, жену Бардугимеоса похитила чернь. А мы – голодные и жаждущие – обессилели, питаюсь одной зеленью; каждый день рядом с нами умирало 200–300 человек, а у нас не было даже сил, чтобы похоронить их. Правительство Буланька отправило полицейских, которые собрали нас и отвели в село Пионк Нижнего Буланька, и местный Халаф ага защищал нас до того времени, как русские взяли Нижний Буланьк, а нас [в то время] оставалось 50 человек. Мы переправились в крепость Маназкерта. Едва успели передохнуть, как началось июльское отступление, и мы убежали в направлении Алашкерта. Однако в пути от усталости и неблагоприятных условий заболели и умерли 20 женщин и детей, а те, кто выжил, живут в районах Кызыл-Тамир, Ахта, Камарлу и в др. местах. В марте 1916 года мужчины вернулись на родину, чтобы обустроить наше село, однако, так как у них не было разрешения русского правительства, они вновь вернулись назад, в свои нынешние места обитания.

Наши дома сейчас пустуют, и [село] полностью обезлюдело.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 438, л. 5 об. – 6, подлинник, рукопись.

№ 67

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО ВАЧАГАНА ПЕТРОСЯНА О РЕЗНЕ АРМЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В БИТЛИСЕ

8 августа 1916 г.
Блур.

Рассказ битлисца Вачагана Петросяна (35 лет).
Войсковая мобилизация в Битлисе была объявлена в июле 1914 г.¹⁶⁵ На военную службу забрали всех мужчин от 20 до 46 лет. Если военнообязан-

ный не прибывал в положенное время, правительство сжигало его дом и забирало все его имущество.

Во время мобилизации полицейские забирали из магазинов, торговых лавок и домов все те продукты и вещи, которые были им нужны. Под предлогом «иане» (пожертвование) с каждого богатого человека взыскали с 25 до 40 осм. лир. Эти взыскания совершили в три раза. Более 500 человек заплатили бетел в размере 61 осм. лиры (каждый), но через 25 дней их, тем не менее, насильно и с побоями забрали в армию. Тех, кто по возрасту не подлежал военной службе, заставляли выполнять всякую тяжелую работу: переправлять военное продовольствие и боеприпасы на дальние расстояния – до Гасан-кале, Эрзерума и др. А кто не мог носить грузы на спине, того забивали ударами палок.

Симон Чавуш из Артишена¹⁶⁶, один молодой битлисец и пятидесятник Мисак из Арабкира, которые убежали из турецкой армии после того, [как армян] разоружили, рассказывали следующее:

«Вначале к солдатам армянам и к мусульманам относились одинаково, но как только Турция начала войну против России, отношение турецких военных к армянам ухудшилось: нас, солдат-армян отправили на передовую линию фронта. Но и [на передовой] мы часто видели собственными глазами, как турецкие офицеры стреляли в армянских солдат и убивали их. В конце мая 1915 года всех армян по приказу Энвер паши разоружили около Гасан-кале и отправили в рабочие батальоны. И когда вышеназванный Симон Чавуш спросил Битлисского сотника ...тама¹⁶⁷, с которым находился в хороших отношениях – «почему они нас разоружают?», последний, по секрету, сказал ему: «Энвер паша издал приказ, чтобы в армии не осталось ни одного солдата-христианина. Отныне ваша жизнь в опасности – спасайся...».

Когда наместник Вана Джебдет бей отступил в июле в Битлис и встретил там армян, то спросил наместника Битлиса: «Здесь еще остались армяне?». Тотчас же приказал принести «тефтер»-ы¹⁶⁸ и, по этим записям собрал всех мужчин от 15 лет и старше и запер всех в гарнизонах. Затем их вывели группами, отвели в сторону Духанаше (между Битлисом и Стердом) и там убили, и бросили тела в воду. Часть армян отвели в сады Шапухянца (сады одного богатого битлисского армянина) и, построив всех шеренгой, расстреляли, и сбросили в заранее вырытые ямы (многие из них даже не были ранены или были ранены легко). Таким способом истребили всех [армянских] мужчин Битлиса. А из женщин и детей выбрали понравившихся им и заставили принять ислам. Остальных женщин и детей также группами отвели в Стерд и, раздев их на берегу реки, закололи кинжалами и бросали в воду, а большинство маленьких мальчиков бросали в реку живыми.

Примечание: за день до резни в Битлисе казнили через повешение знаменитых битлисца Охикяна Арменака, хизанца Вардана и уртапца Карапета. М[ухси] Джирджиз отдал правительству столько золота, сколько весил он сам, чтобы сохранить себе жизнь, однако его убили после того, как получили золото. В резне участвовали регулярные правительственные войска, полицейские, разношерстная турецкая и курдская чернь.

Битлисцы Погос Оганесян и Мушег Ераносян, которые были свидетелями резни в городе, подтвердили, что эти сведения соответствуют действительности.

Записал Г. М. Неркарарян.

НАА, ф. 227, оп.1, д. 423, л. 13 об., подлинник, рукопись.

№ 68

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО САРГИСА ГАРИБЯНА
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ БАС ТАТИКСКОГО НАХИЕ
БИТЛИССКОЙ КАЗЫ БИТЛИССКОГО САНДЖАКА**

29 августа 1916 г.
Халфалу.

Саргис Гарибян (38 л.), крестьянин из села Бас Татикской волости Битлиса рассказывает следующее:

Бас состоял из 70 дворов с населением в 420 человек, в селе были три церкви, имелись одна мельница, 500 голов овец, 1100 голов скотины. Годовая прибыль села составляла – пшеницы, ячменя, орехов и др. на сумму 3000 осм. лир. В церкви также хранились рукописные Евангелия. Бас в нынешнее время не сожжен.

20 июля 1914 года всех мужчин Баса от 21 до 41 года забрали в армию. Если военнобязанный не прибывал в положенное время, правительственные чиновники сжигали его дом и забирали все его имущество.

Во время войсковой мобилизации из Баса силой забрали 100 мер пшеницы, 10 мер ячменя, 500 снопов сена, 200 деревьев, шкуры 30 волов, 35 овец и 25–30 лир.

Те мужчины Баса, которые не подлежали военной службе, были уведены на строительство правительственных дорог в места, которые находились от Баса на расстоянии двух дней ходьбы. За эту работу им не платили.

В мае 1915 года Решид и Мгте, сыновья Фазка Халила, крестьянина из хизанского села Харит, а также Хаджи Тело, Фазка Сарман и Шаме ворвались

ночью в Бас и начали грабить село, сказав нам: «Из Алемании¹⁶⁹ пришел приказ, что ни одного армянина не должно остаться в живых, отдайте все свое имущество, так как оно вам больше не понадобится...» В конце мая 200 конных курдов, которых возглавлял Сулейман ага из Алашкерта, напали на Бас, население которого накануне сбежало в курдское село Кждоник к курдскому аге по имени Мрато Решид. Курды нашли в селе четверых слепых мужчин (М[ухси] Оганес, Киракос Маргарян, Оганес Саакян, Аветис Минасян) и убили их. После же, узнав о том, что жители Баса нашли убежище в Кждонике, курды напали на это село и потребовали у Решида аги, чтобы тот выдал им как всех жителей Баса, так и скотину и овец этих людей. Но Решид отдал им только скотину и оказал вооруженное сопротивление, убив двоих налетчиков. Тогда же все курды Кждоника, кроме Решида, покинули свое село. «И нас убьют из-за армян и Решида, – говорили они, – какое право мы имеем защищать их?».

Решид выгнал тех жителей Баса, которые не имели денег (300 [человек]). Изгнанные убежали в армянское село Мочконк, народ которого еще не вырезали, но через 8 дней харитские курды напали на Мочконк и истребили часть находившегося там народа, а остальные убежали в Харит, где их насильно исламизировали (около 300 человек), после чего сообщили об этом правительству, чтобы удостоиться его одобрения. Но правительство (Битлиса) отклонило их предложение и приказало истребить исламизированных армян. И тогда харитские курды, во главе с Решид Фазка Халилем и шейхом Фазка Сарманом, вывели армян из села и убили всех в лесу Хозерута (300 человек).

Из села Бас спаслись всего 6 (шесть) мужчин и 3 женщины, еще 4х женщин заставили принять ислам в Сгерде.

Примечание: В уезде Татик было всего 8 армянских сел, вот их список:

Название села	Дворов	Жителей	Спаслись
1. Мочконк	50	400	5 мужчин, 20 женщин
2. Клок	60	410	4 мужчин, 6 женщин
3. Гихр	40	320	5 мужчин, 3 женщины
4. Цхам	40	280	3 мужчин, 1 женщина
5. Ваник	60	-	4 мужчин, 9 женщин
6. Сасик	35	280	3 мужчин, 5 женщин
7. Востин	40	-	15 мужчин, 10 женщин
8. Бас	70	420	6 мужчин, 3 женщины

Записал Г. М. Неркарарян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 423, л. 25 об., подлинник, рукопись.

**СВИДЕТЕЛЬСТВА ВЫЖИВШИХ АСПАТУРА БРУТЯНА
И САРГИСА ГАЛУСТЯНА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ХУЛТИК
БИТЛИССКОЙ КАЗЫ БИТЛИССКОГО САНДЖАКА**

[1916 г.]

Багеш, село Хултик.

Резня и гибель [Хултика]. Село Хултик находилось на расстоянии 2 часов ходьбы от города, к югу от него. Состояло из 500 дворов армян и протестантов¹⁷⁰, из двухэтажных каменных домов, где жило 3500 человек, все – развитые ремесленники. Число ремесленников: 200 ткачей, 150 гончаров, 150 ткачей бязи¹⁷¹, 50 владельцев магазинов, 50 кузнецов, сапожников и др. ремесленников, также было 4 священника, 1 проповедник, 3 учителя, 400 учеников в школе¹⁷² – 300 мальчиков и 100 девочек; они владели 4 языками – армянским, турецким, французским и английским. Жители Хултика владели материальными средствами – от одной сотни до 20 000 золотых, церковь же владела имуществом на 50 000 золотых.

Как османцы уничтожили Хултик. В 1914 году, когда началась война, из Хултика мобилизовали [всех мужчин] от 20 до 50 лет. Некоторые крестьяне ушли [в армию], гончары и ткачи оставили свои дома, чтобы ткать полотна для армии и изготавливать посуду и похраки¹⁷³ для казарм. Когда русская армия в 1915 году дошла до Вана, 10 мая [правительство] приступило к конфискации оружия и приказало нам сдать свое оружие, чтобы [оно] не стало поводом к конфликтам и чтобы армян не убили. [Сказали], что султан помилует вас, что вам не грозит опасность, так как вы нужны султану и верны ему. Обманула нас османская собака: пока русские подходили к городу и его областям, [турки] истребили наше село и Парханд. В тот день, когда вырезали [армян] в городе, крестьяне испугались и убежали из села. 50 беглецо] было убито. Тем, кто остался в селе, ничего не сделали: в селе находилась армия и курды-добровольцы числом 800 человек, но вне села находились сотни тысяч курдов. После этого 22 дня провели в кромешном ужасе. На 22 день, 3 июля, утром в 8 часов из города пришел один полицейский с письмом в руках, отдал письмо их военачальнику, тот прочел письмо на своем (турецком) языке. Письмо было от заместника и состояло из трех строк – «Перемолоти и быстро возвращайся». Военачальник сразу же распределил курдов по селу, прочел имена всех сельчан от 10 лет до самых старых, чтобы никого не пропустить. Молодых заперли в одном доме, людей среднего возраста – в другом, стариков – в третьем, приказали взять с собой мотки веревки, сказав нам, что отведут нас в город на похрак (изго-

товление похрака). Начали... Вначале раздели молодых и связали группами по 50 человек. Войско и курды оседлали лошадей, вывели их всех за село на расстояние полверсты и там расстреляли. Таким образом, распределив всех в группы по 50 человек, расстреляли всех за два часа. Когда мужчин увели, военачальник оседлал лошадь и уехал из села, сказав курдам: «Все, что есть [в этом селе], принадлежит вам по милости султана – делайте что хотите». Как звери, тысяч[ами] нападали они на женщин и детей, грабили и убивали, сжигали дома и похищали красивых женщин и детей. Кому удалось убежать, те умерли от голода. Во время резни 2 мужчин и одна женщина задушили сами себя, 2 женщины и 1 ребенок бросились с моста. Одну женщину убили, ее 2-летний сын подошел к ней, окликнул мать, а мать не отвечала, и ребенок стал плакать и звать курдов: «Дяди, дяди, идите сюда, моя мать заснула и не просыпается». Курды подошли, увидели, что мать мальчика убита и, ничего не сказав, ушли. Последний, кому удалось спастись – Смбат Мартиросян – рассказывает, что когда курды его вернули обратно в село, он зашел в дом, постель там была раскрыта, когда он приподнял ее край, то обнаружил в постели одну умершую женщину, ее маленький сын лежал рядом с умершей, а с другой стороны лежала девочка. Он их окликнул, но они не ответили, он еще раз окликнул их со словами «я армянин, не бойтесь», тогда девочка открыла глаза и встала, а мальчик был при смерти. Оставили [их] и ушли вместе с курдским агой. Когда они зашли на мельницу, чтобы взять инструменты для мельницы, [то увидели], как 4 ребенка – 2 мальчика и 2 девочки – убежали и спрятались. Они осмотрели жернова: те были так вылизаны, будто водой вымыты. Курдский ага, увидев это, заплакал и забрал 4 детей к себе, и заботился о них 1 месяц. После [все они] умерли.

Саргис Галустян. Мы убежали в горы, нас было 24 человека. 5 дней укрывались в пещерах, а османская армия стояла рядом с пещерами. В одну ночь вышли из пещер и спустились в поля – нарвать колосьев для пропитания. Вокруг пещер было много травы, и по следам на ней солдаты узнали, что [мы] прячемся в пещере. Пришли, навели ружья, сказали – выходите, ничего вам не сделаем. Одного нашего товарища убили у входа, 23 человека вышли, осталось 6 человек, они спросили – нет больше никого, один парень сказал, что там его отец и еще один человек, позвал и вывел своего отца. Турки начали позвать этого человека. Нас оставалось пятеро, мы ему говорили «выходи», а он нам говорил – «ты выходи». Никто не хотел выходить – в этом случае всех бы убили. Один из наших товарищей сказал: «Дайте мне одну золотую монету, и я выйду». Мы дали ему золотую монету, он вышел и поклялся, что [пещере] больше никого нет. Их всех увели и убили. Ночью мы сбежали и добрались до русской армии.

Из нашего села спаслись 30 человек, из 4 человека них умерли. [Некоторые] ушли в добровольцы, из них еще 4 были убиты. Весной 1916 года, когда взяли Багеш, были спасены (из плена) еще пять женщин и 10 сирот. По рассказам [других очевидцев], в плену у курдов остаются еще около 100 женщин и детей.

Аспатур Брутян, крестьянин из Хулта, 40 лет. Все трое сыновей пропали. [Ему рассказывали], что его жена Айкануш и сыновья – первенец Гарник (10 лет), второй – Эдуард (5 лет) и третий сын Шмавон (3 лет) – находятся в плену.

Аспатур Брутян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 490, л. 23–24 об., подлинник, рукопись.

№ 70

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО БАГРАТА ПЕТРОСЯНА
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ КАРБ ГЁЗАЛДАРСКОГО НАХИЕ
БИТЛИССКОЙ КАЗЫ БИТЛИССКОГО САНДЖАКА**

12 августа 1916 г.
Игдир.

Рассказ Баграта Петросяна (42 года), очевидца, крестьянина из села Карб Гёзалдарской волости.

Карб состоял из 60 дворов с населением в 1500 человек, в селе была церковь Св. Симона¹⁷⁴, школа, две мельницы, одна маслодавильня. В церкви хранились 15 рукописных Евангелия, 12 серебряных крестов и 4 Евангелия в серебряных окладах. Годовая прибыль села составляла 64 000 мер пшеницы и ячменя и 60 000 бардов сена. Село владело стадами овец в 2580 голов и стадами скотины в 1800 голов.

В конце июля 1914 года из Карба забрали в солдаты всех мужчин от 18 до 30 лет. Все они были обязаны взять с собой десятидневные запасы продовольствия, к тому же из их домов забрали еще и 1/7 часть оставшегося продовольствия. В том случае, если военнобязанного в селе не оказывалось, то сжигали его дом со всем имуществом и забирали всю скотину. Например, во время мобилизации отсутствовал Казар Охеян: его дом сожгли и забрали все его имущество, так же поступили с Мануком Овсепяном, Овсепом Гаспаряном, Микаэлем Срапионом, Ваганом Багдасаряном, Минасом Согомоном и др.

Вардан Акопян (житель Карба) и Назар Симонян, которые сбежали из турецкой армии, рассказали следующее:

«Турецкие офицеры заставляли нас нещадно работать, целыми днями оставляли голодными и отправляли в дозоры на всю ночь. Даже самые последние рядовые оскорбляли нашу религию и наши святыни. В феврале 1915 года нас, всех армян, разоружили и собрали в местечке под Ерзнкой, которое называлось Цаккар. Там нас заставили рыть [ямы] в различных местах, и, когда вырытая яма становилась достаточно глубокой, нас заставляли спускаться в нее и расстреливали нас в могилах, вырытых нашими же руками. Когда мы увидели, как погибли наши товарищи, ночью смогли убежать».

В начале мая 1915 года 10 000 курдов и турков и турецкая регулярная армия, которую возглавляли битлисец Али эфенди, Насыл эфенди, Давуз ага из Котома, Фазка Гасан из Шикрна, и Кулин из Мызра, напали на Карб и на десять сел Гёзалдарской области. 70 вооруженных мужчин из Карбе 4 дня напролет оказывали сильное сопротивление в ущелье под названием Джодж, но в конце концов их силы иссякли из-за голода и нехватки патронов. Они смогли прорвать осаду, но спаслись только шесть человек. Ими руководили Ваган Багдасарян, Левон Аспатурян, Согомон Шахбазян и Погос Мхитарян, которые живы по сей день. Все население Карба, как и все армянское население Гёзалдарской области увели в Битлис и убили вместе с армянским населением Битлиса.

Из Карба спаслись всего шесть мужчин. Из сельчан 54 человека до этих событий ушли за границу, и неизвестно, в каких странах они находятся.

Записал Г. М. Неркарарян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 423, л. 20 об., подлинник, рукопись.

№ 71

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО МХИТАРА МИРЗОЯНА
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ТОП БИТЛИССКОЙ КАЗЫ
БИТЛИССКОГО САНДЖАКА**

26 августа 1916 г.
Эчмиадзин.

Топ состоял из 35 дворов с населением в 300 человек, в селе были церковь под названием Св. Саргис, школа, а также имелись одна мельница,

одна маслодавальня, 1000 голов овец, 400 голов скота. Годовая прибыль села составляла 1600 мер пшеницы, 2000 бардов сена. В церкви хранились два древних рукописных Евангелия и рукописный лечебник, две серебряные чаши, один золотой крест и др.

Село в настоящее время сожжено.

В конце июля 1914 года из Топа забрали в солдаты всех мужчин от 18 до 45 лет. Если военный не прибывал вовремя, полицейские сжигали его дом со всей домашней утварью, забирали все его имущество и насиловали его жену. Например, мюдир Шевкет эфенди из Вана приказал сжечь дома Аслана Амирханяна и Оганеса Саакяна, забрал все их имущество и отдал их жен на изнасилование полицейским.

Во время мобилизации из Топа забрали 40 кот пшеницы, 6 литров топленого масла, 15 овец, 5 волов, 70 пар шерстяных носков, 15 осм. лир в качестве «иане».

17–18 мая 1915 года 1000 курдов, которых возглавляли алашкертцы Фархо ага и Слеман ага, напали на Топ. Так как все мужчины села заранее поднялись в горы, чернь нашла в селе всего десять мужчин и, связав их вместе, убила. Укрывшиеся в горах 28 мужчин после 10 дней голодания спустились в армянское село Харт, где находился Насыл эфенди (битлисец). Последний отделил от них 18 человек и отправил их в Битлис, а остальные десять мужчин из Топа 40 дней оставались в Харте. Один из слуг Насыла эфенди – Хаджо, сообщил им, что завтра их убьют по приказу правительства. Получив эту весть, они сбежали, и во время побега было убито еще пять мужчин.

Оставшихся в селе женщин и детей полицейские, избивая кнутами, погнали в Сгерд, где всех бросили в реку с моста. Из женщин и детей 10 человек были также уведены в плен в село Алберд, где их насильно исламизировали.

Одна женщина из Топа, которую звали Салве, видела своими глазами, как убили сельских старосту Киракоса и священника Тер Мовсеса на горе (вблизи того же села Топ). Вначале выстрелили в них из ружей, а после растерзали их тела кинжалами и разбили их головы камнями, а тело старосты изрубили на части.

Из села Топ спаслись всего 10 человек (6 мужчин)³⁸.

Трое человек из выживших мужчин вернулись на родину.

Записал Г. М. Неркарарян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 423, л. 29 об., подлинник, рукопись.

³⁸ 20 человек (из того же села) еще до этих событий находились в России.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ТОРОСА МРТОЯНА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ТАГ АНДИ ХУТ-БРНАШЕНСКОГО НАХИЕ МОТКАНСКОЙ КАЗЫ БИТЛИССКОГО САНДЖАКА

Сентябрь-октябрь 1916 г.
Александропольский уезд.

Хутская область – Таг Анди.

[Крестьяне] владели 100 головами скотины и 1000 головами овец, годовая прибыль составляла 100 киле пшеницы (киле = 8 кот), 20 киле килкила. В селе была церковь Св. Степаноса. Школы в селе не было. Когда они (сельчане) покидали село, село оставалось в целости (апрель 1916 года). Возвратившихся не было, и потому сведений о теперешнем положении села не имеем.

Войсковая мобилизация здесь была проведена в начале января 1915 года. Из села в армию забрали всего 15 мужчин. В первый раз забрали 4 мужчин, впоследствии один из них умер в армии от болезней, трое убежали и умерли от обморожения. Во второй раз забрали 7 человек, 3 из которых умерли в армии от холеры, 4 сбежали и вернулись в село, но были убиты первыми в начале резни. В третий раз в армию забрали трех мужчин, из них Максуд Хажоян был убит во время побега турецкими же солдатами, двое других пропали без вести. Последним в солдаты ушел Апро Серобян, от него нет никаких вестей. После мобилизации мужчин от 20 до 25 лет дошла очередь до более старших по возрасту, но [местные] курды защитили армян и не позволили увести их. Когда правительство отправляло [полицейских] за армянами, армяне поднимались в горы, а соседи-курды приходили в их дома, прикидываясь хозяевами этих домов, и не допускали разбоя и грабежа. Говорили полицейским, что армяне ушли неизвестно куда. Этим чиновникам курды давали взятку, и те удалялись. В первый раз отдали чиновникам 6 османских золотых, во второй раз – 30 голов скотины и овец, в последний раз – 12 киле (100 кот) пшеницы. Что отдавали, то потом возмещали армяне.

Курды защищали армян, и (за это) отправляли армян бесплатно пахать и засеивать свои земли.

Во всей Хутской области ситуация была такой же, как в этом селе. В этот период правительство не забирало армян на трудовые повинности, как и не проводило насильственных поборов и «пожертвований».

Мы и до этого опасались возможной резни, но когда местные курды пришли и рассказали о резне в Буланьке и других местах, с этого дня армяне жили в ужасной тревоге, каждый день ожидая надвигающейся катастрофы. За месяц до резни правительство назначило в села стражей-надзирателей,

которых называли корто¹⁷⁵. Правительство заявило, что в их обязанности входит защита армян от разбойников и грабителей.

В воскресенье Вардавара вырезали [армян] Муша и Мушской долины, а на следующий день – село (Таг Анди). Прежде всего убили вышеназванных четырех беглецов из армии: Мисака Хачикяна расстрелял сын Асефа Курчана, когда Мисак просто вышел на улицу. Томаса Макаряна убил Бекир Алихан оглы. Аво Асатурияна убил Чемпало Хале оглы и Саргиса Манукяна убил Чемпало Челепи оглы. После этих убийств началась резня [всего села]. Местные курды вели полки гамидие и давали им указания кого и где убивать. В домах убивали всех без разбору – женщин, мужчин, детей и стариков. Кто смог, тот убежал в горы. Когда наступила ночь, Карапет Хачикян спустился в село, чтобы узнать о последств[виях] резни и добыть немного хлеба. Зашел в дом сельского священника и насчитал 16 трупов – у всех было перерезано горло. В ужасе убежал. Курды преследовали армян и в горах и многих убили. После же решили выманить армян из тайников, объявив, что султан их помиловал. И таким образом в их руки попало много женщин и детей. Мужчин вырезали, а женщин и детей отвели в Датван, который находился на расстоянии одного дня ходьбы. Их оставили в Датване и вреда не причинили. Из села увели четырех красивых невесток. Зиму провели в невыносимо адских условиях – ели выкопанные из земли корни растений и трупы животных. В конце концов оставшиеся рассеялись; в разные стороны и разделились: многие пошли к своим знакомым курдам и нашли там пристанище. В конце марта 1916 года, когда русские вошли в Муш, и рассеявшиеся армяне воссоединились и нашли друг друга в Муше. Из 400 жителей села в Муш пришли 100 человек, остальные были убиты в селах и в горах или умерли от болезней. В Муше мы оставались 3–4 месяца, за это время там умерло еще 20 человек. Бродили по селам вокруг Муша, находили там припрятанное зерно и ели. Во время отступления русских в июле 1916 года народ встал на путь переселения: прошли Аличан, Чарпхор, Магалесор, Хнусберд, Чаурме, Карабудах, Хархарут и дошли до басенской Каракилисы. В пути умерли одна женщина и один ребенок. До Каракилисы испытали на себе все тяготы пути, голод, жажду, но там нас накормили, и мы насытились (впервые за долгое время). Оставшиеся в живых сельчане сейчас живут в Артике – около 60 человек, в Ширванчухе¹⁷⁶ и Хнусе. Они не принесли с собой никакого имущества. Их движимое и недвижимое имущество осталось в руках курдов. В село никто не вернулся, и о теперешнем состоянии ничего не знают.

Рассказал Торос Мртоян из Таг Анди.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 452, л. 22 с обор. – 24, подлинник, рукопись.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО КИРАКОСА МХОЯНА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ МЦУ МОТКАНСКОЙ КАЗЫ БИТЛИССКОГО САНДЖАКА

3 сентября 1916 г.
Норс.

Рассказывает Киракос Мхоян, из битлисского села Мцу, в настоящее время живет в нахиджеванском селе Норс.

Резня в нашем селе началась 15 мая. Хаджи Рашид и Хаджи Муса в конце апреля и начале мая стали угонять скот и овец из нашего и других сел. 15 мая Хаджи Рашид, Хаджи Муса и Шефкет (Хаджи Фарыс) ворвались в наше село, собираясь убить нас. Хаджи Фархо, ага нашего села, которому мы каждый год платили налог (6–10 рублей в год или кто-что мог: топленое масло, овец и пр.), хотел спасти нас от резни, но не смог воспротивиться вышеназванным курдским ага – число их солдат превышало 4000 человек. В ночь на 15 мая наше село окружили. Несколько курдов (из окружившего село войска) предупредили своих знакомых армян, что нужно бежать и спасаться от резни. Так, курд по имени Кунджо передал нам, чтобы мы бежали как можно скорее, пока они не ворвались в село... Убили 50 человек, которые не смогли тайно сбежать. Убили предводителей нашего села князев Манука Кутикяна, Петроса Мирзикяна, Шго Мирзикяна. Расстреливали и убивали холодным оружием. Крепко связав руки жертвам, повязав их группами, повели их на берег реки, расстреляли и бросили тела в воду, предварительно проверив, не остался ли кто в живых.

Женщин закололи кинжалами, а красивых увели с собой. Дети удостоились той же участи.

Мы жили в доме нашего ага Хаджи Фархо до взятия Битлиса. Ночью сбежали и пришли в Битлис. В пути курды открыли по нам огонь. От пули погибли одна женщина и один ребенок. Мы – трое мужчин – добрались до Битлиса невредимыми, а 28 мая перешли на Кавказ.

Рассказчик – крестьянин из села Мцу, молодой человек по имени Киракос, безграмотный.

Записал Амбардзум Галустян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 424, л. 2, подлинник, рукопись.

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО МХИТАРА ХАЗРОЯНА
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ШЕН И ОКРЕСТНЫХ СЕЛАХ
ХУТ-БРНАШЕНСКОГО НАХИЕ МОТКАНСКОЙ КАЗЫ
БИТЛИССКОГО САНДЖАКА**

15 сентября 1916 г.
Ханвали.

Область Хута (Битлисская губерния), село Шен.

В этой области существовало около 20 армянских сел, в которых жили и курды.

Название села	Дворов	Армянских	Курдских
1. Шнист	47	40	7
2. Неркин Шнист	23	3	20
3. Акрак	20	20	—
4. Тагаванк	44	40	4
5. Шен	40	40	—
6. Пичонк	15	15	—
7. Тагудзур	30	15	15
8. Гилонк	13	10	3
9. Таг (квартал) Анди	35	20	15
10. Таштадем	25	15	10
11. Хошут	32	30	2
12. Гцанк	20	10	10
13. Лонтрдзор	10	10	—
14. Ынкузек	15	5	10
15. Арук	10	5	5
16. Гост	13	3	10
17. Плокан	25	15	10
18. Шахверди	5	5	—
19. Хндкыдзор	16	6	10
20. Зорава	22	2	20
Всего	460	309	151

Село Шен.

Крестьяне были бедны и были крепостными курдского бека их села – Сафара: земля им не принадлежала. Владели 200 головами скота, не было у них ни одной овцы, производили в год 100 киле проса (1 кила = 5 кот), 60 киле пшеницы и 20 киле килкила¹⁷⁷.

Село вместе с 3–4 соседними селами имели одну церковь – Св. Степанос, которая была невысокой и бедной. Школы в селе не было. Никто не вернулся в село, и нет никаких известий оттуда.

Влиятельные курды Сафар и Чезо беки защитили армян и не позволили, чтобы правительство забирало армян в солдаты, грабило их имущество или притесняло каким-либо другим способом. Как только полицейские направлялись в село, крестьяне убегали, поднимались в горы, а курды защищали село и не позволяли грабить его. Правительство не смогло подчинить село своей власти: не смогло забрать солдат, провести насильственные поборы или забрать товары под видом пожертвований.

На Вардавар 1915 года, когда в Мушской долине, Хнус[е] и Буланые резня уже началась, местные армяне в страхе ожидали такой же участи, (какая постигла армян Муша), но влиятельный Сафар бек пришел к армянам и успокоил их, заверив, что он не нанесет им вреда и не позволит прикоснуться даже к волосу армянина. В этой области многие села избежали резни благодаря местным влиятельным и человеколюбивым курдам, которые любой ценой защищали армян до 26 марта 1916 года, когда курды, прослышав о приближении русских, оставили Мушскую область и, оставив свое имущество и скот, сбежали ночью в глубинные районы страны.

Курды, защищая армян, [в то же время] унесли все их продовольствие в свои дома, сказав им: «Пока вы живы, приходите и обедайте у нас, а если выйдет так, что мы не сможем защитить вас и вас убьют, пусть ваше продовольствие останется нам, вместо того чтобы достаться другим курдам или правительственным чиновникам». Оставили только скотину.

Из жителей этого села было убито 4 человека: Серо Оганесян и его брат Абре, Каро Карапетян и его брат Авдал. Один 15-летний курдский юноша, сын Авчалила Рупадола, вывел их за село, сказав им, что для них есть работа, и там расстрелял их.

Как были курды, защитившие армян, так и были села, где армяне были вырезаны руками своих курдов-соседей или при их руководстве и по их указаниям, (но) руками полицейских и солдат; в некоторых селах курды сдали полицейским или черни только знатных армян села, которых те увели и убили.

После побега курдов в начале апреля 1916 года подросли армянские добровольцы, которые переселили народ в Муш. Армяне оставались там

2 месяца, питались собранным в полях закопанным в хранилища черным килкилом, из которого пекли хлеб. Когда в городе еды больше не осталось, направились в села Дрмет и Авзахбюр в Мушской долине, где срывали поспевшие колосья и ели. Оставались там 2 месяца. В августе 1916 года, когда русская армия отступила, армян тоже принудили к отступлению. Через три дня пути дошли до Хнуса, Ароса. Во время побега шесть человек – Асрат Мовсисян и его жена Фето, Арго Мурадян и его двое детей – 4-х лет и 1-го года – и Мариам Мелконян – остались в селе, чтобы закопать собранную пшеницу в земле, но тут напали турки и убили их.

Во время переселения сельчане привели с собой 30 голов скотины, но в Муше их увели и съели казаки и русские солдаты.

За три дня пути до Хнуса претерпели они жестокие лишения: не было никакой еды, голодные, жаждущие, шли они вперед без остановок и без сна в страхе, что вновь подвергнутся нападениям турок. От холода, голода, бессоницы и усталости заболели и умерли 15 человек. В пути от Хнуса в Кагызман их встретили представители армянских организаций, они накормили их и позаботились о них до прибытия на русскую территорию. В пути от Хнуса до Кагызмана и до расселения в селах умерли еще 15 человек. От пыли и пота ослепло несколько человек, в их числе и Агрут – Мхитар Азроян.

Два дня оставались в Кагызмане, после пошли по берегу Аракса и пересекли Аракс на лодке, переночевали на одной станции (не помню названия), оттуда уже расселились по селам.

Из нашего села с начала и до сегодняшнего дня убито и умерло от болезни 40 человек. В нынешнее время выжившие живут в селах Ханвал (1 двор) и Чачур.

Никто не вернулся в село, и нет никаких вестей о теперешнем положении села.

Рассказал крестьянин из Шена – Мхитар Азроян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 452, л. 20 об. – 22 об., подлинник, рукопись.

№ 75

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО АВЕТА ГАСПАРЯНА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ КАШАХ МОТКАНСКОЙ КАЗЫ БИТЛИССКОГО САНДЖАКА

22 августа 1916 г.

Илан-Чалан.

Сведения, полученные от Авета Гаспаряна, крестьянина из села Кашах Мотканского уезда Битлисской губернии.

Прежнее состояние села. Село Кашах до европейской войны состояло из 30 [дворов] с армянским населением. Село владело стадами овец в 1500 голов, стадами крупного рогатого скота в 1000 голов. В селе имелись 50 плугов, 2 мельницы, 100 сох. Каждый двор в среднем состоял из 35 человек. Сельская церковь Св.Акопа была построена в древности, священник Тер Саргис был убит во время последних событий. Стоимость церковных богатств (церковная утварь и др.) доходила до 200 осм. лир. Сельские дети ходили в школу в селе Кындзу, до которого было два часа ходьбы. В год село производило 5000 халваров пшеницы, ячменя, 5000 телег сена.

В селе и вокруг него росли 10 000 ив и тополей.

Теперешнее состояние села: село в настоящее время обезлюдело и находится в руинах, дома разрушены и сожжены.

В Кашахе было 366 источников.

Объявление войны и мобилизация. Сразу после объявления войны Турция провела войсковую мобилизацию; в одну ночь полицейские окружили село и, захватив 76 мужчин, увели их в Датван, а оттуда в Битлис, из Битлиса же отправили их в Эрзерум. Из 76 мужчин спаслись всего лишь 10 человек, остальные пропали без вести.

Крестьяне выполняли военные повинности (олам): на своих телегах и со своими (вьючными) животными переправляли грузы в Эрзерум, работали на строительстве дорог и пр.

Многие из выполняющих военные повинности пропали или умерли, не выдержав тяжелой работы.

В качестве военной подати правительство забрало из села 100 голов овец, 20 голов (крупного рогатого) скота, 50 халваров пшеницы и ячменя, 20 пудов топленого масла, 200 телег сена, 100 телег жнивья, 1200 пар чарухов, шерстяных носков и рукавиц, 2000 куриц, 200 пар ложек.

Резня в селе. В середине мая 1915 года, когда русская армия заняла Васпуракан, турецкие полицейские и курды (500 человек) во главе с с агой Хаджи Рашидом, агой Фархо и агой Хыло-Джынто ночью окружили село, а днем собрали

мужчин – 250 человек – и сказали им: «Русские на подходе, мы подозреваем, что армяне восстанут, и потому отведем и арестуем вас». Разделили мужчин на три группы, отвели их в ущелье Ормзу (в окрестностях села), в Канач Ахбюр и Сесар и всех убили. Из [всех мужчин] села спаслись всего 10 человек – Аваг Минасян, Астур Погосян, Аветис Гаспарян, Эло Шагенян, Григор Маркосян, Лусо Варданян, Мовсес Минасян, Мартирос Яроян, Даво Яроян, Ове Маркосян.

Когда мужчин увели и убили, курды и турки ворвались в село, изнасиловали красивых женщин, девушек и юношей, забрали овец, скот и разграбили движимое имущество.

Женщины и дети в ужасе отправились в Битлис и собрались перед домом наместника, он же в ярости посмотрел из окна и закричал: «Соберите этих собак и отправьте их во внутренние области!» Полицейские стали собирать их в группы и отправлять во внутренние села. В пути они подвергались насилию всякого рода. По дороге во внутренние области (в сторону Сгерда), часть [женщин и детей] убили и сбросили в реку, а красивых насильно обратили в ислам. Из села с населением 1500 человек на данный момент спаслись всего 10 мужчин и 5 женщин, которые сейчас живут в Эчмиадзине. Эти 15 человек спаслись следующим образом: курды увели их к себе, и они, приняв ислам, спаслись. Когда русские подошли к Битлису, курды стали сомневаться в принявших ислам армянах и решили их убить. Однако армянам удалось сбежать и дойти до русских, и когда русские отступили в июле 1915 года, они с ними переправились на Кавказ.

Написанное соответствует моим рассказам, и я разрешаю Айку Ачемяну подписаться вместо меня.

Айк Ачемян (из Вана).

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 444, л. 5–7 об., подлинник, рукопись.

№ 76

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО АВETИСА ТЕР-НЕРСИСЯНА
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ХАРХОЦ ХИЗАНСКОЙ КАЗЫ
БИТЛИССКОГО САНДЖАКА**

21 августа 1916 г.
Каракилиса.

Сведения, полученные от Аветиса Тер-Нерсисяна (55 лет), старосты села Хархоц Хизанского уезда Багеша.

Прежнее состояние. Уезд Хизан состоял из трех волостей (нахие) со своими мюдирями, а резиденция каймакама находилась в Карасу. Вот эти волости: 1. Шнидзор-Прошенц с 16 армянонаселенными селами, 2. Спаркерт-Мамртанк со смешанным армяно-курдским населением: резиденция мюдира находилась в Неркин Хьюруке, 3. Хорорс, преимущественно курдонаселенный. Село Хархоц находилось в составе Шнидзорской волости, и (от нас) до Прошенца было едва полчаса ходьбы. Село состояло из 42 дворов с исключительно армянским населением.

Село владело стадами овец в 1500 голов, крупного рогатого скота в 500 голов (буйволов в селе не имелось), а также имелись 2 лошади, 10 мулов, 20 ослов. Каждый двор имел свои фруктовые сады и виноградники, в селе имелись 4 мельницы, 2 маслодаильни, 30 плугов, 40 сох, 35 телег. В год производилось 1600 халваров зерновых (200 халваров отдавали в качестве ушура¹⁷⁸), 2000 бардов сена. В селе имелись также 500 пчелиных ульев.

До начала этих событий из села переехали в Варну 2 человека, в Потти – 2 мужчин, в Константинополь – 1 мужчина.

В селе была церковь Св. Саака Светоносного. Она была каменной, с арками, со сводчатым потолком и тремя алтарями, в которых хранились мощи Св. Саака, Св. Геворка и Св. Христофора. В церкви служили 2 священника: Тер Оганес (жив) и Тер Овсеп (умер в Аштараке). На краю села находилась часовня Тух-Манук. В церкви хранились многочисленные древние рукописные Евангелия, некоторые из них – пергаментные; золотые чаши, кресты, ризы и много церковной утвари, которая осталась погребенной под обломками церкви.

Действовала двухклассная школа с 50 учениками и двумя учителями.

Резиденция предводителя села и настоятеля монастыря (Вардапет Петрос, которого убили в монастыре) находилась в хизанском монастыре Св. Креста; он был утвержден католикосом Ахтамара. Теперешнее состояние: в Хархоце в настоящее время живут курды, нет ни одного армянина – армянам запрещено возвращаться. Алтарь церкви и ее кладовые разрушены. Разграбили или осквернили всю церковную утварь, манускрипты, древности и др.

Войсковая мобилизация и положение армян в этот период. Еще в 1908¹⁷⁹ году, до русско-турецкой войны, село отправило в турецкую армию около 70 солдат, из которых спаслись всего три человека, которые сбежали и вернулись в село, а из остальных 20 были зарезаны турецкими войсками в апреле в ущелье Банота (по дороге в Багеш). Из них только тяжело раненый Хало Сосоян смог добраться до села и рассказать о совершенном преступлении. Но и он во время отступления своих сельчан, осознав, что

не сможет идти (на его раненых ногах началась гангрена), сам себя зарезал серпом. Кроме законно забранных солдат, остальных сельских мужчин тоже использовали в армии, как грузчиков. Они служили на линии Багеш – Муш – Баязет. Из них 25 человек убили во время работ в Багеше, двоих (Мхо Манукян и Вардан Мирзоян) зимой забили палками в долине Рахва (на линии Багеш – Датван). Будучи больными, они не могли перетаскивать грузы, и потому их убили.

Военная подать. Село в качестве военной подати отдало 20 овец, 3 телеги с впряженными в них 6 волами, 200 халваров ячменя и пшеницы, 40 пудов топленого масла, более 1000 яиц, 110 пар шерстяных носков, 100 пар шерстяных рукавиц, 200 пар чарухов, 20 пудов меда, 60 мешков, 70 мотков веревки, 40 полотнищ войлока и др. Село находилось на дороге между Багешом и Каркару, и, вследствие своего расположения, неделями кормило проходящие мимо турецкие и курдские войска.

Резня и переселение. До апрельских сражений Вана соседние хизанские курды вели себя как обычно. Но как только началось восстание в Ване, курды стали часто угрожать нам расправой. Их отношение крайне ухудшилось после сражений в Каркаре. Местные революционеры Каркара, преследуемые турецкими солдатами, спустились в Хизан и укрылись в домах армян. Правительство сразу же стало обыскивать армянские села, жестоко избивать и пытаться армян, принуждая их выдать революционеров и сдать [имеющееся] оружие. Двух священников¹⁸⁰ Хархоца связали вместе и подвергли жестоким побоям. Во время этого обыска из села забрали около двадцати [единиц] оружия. Днем крестьяне вынужденно отправляли всех вооруженных мужчин в горы (на гору Балажу), а ночью они спускались обратно в село. В последние дни слухи о резне распространялись особенно упорно. После этого революционеры из сел уже не выходили. Всякие отношения между курдами и армянами были разорваны. В начале мая, после взятия Вана, турки и курды вдруг оцепили горы села и увели овец и скот. В Хархоце в тот день находилось около 60 вооруженных мужчин, которых возглавляли Мнацакан и Микаэл – крестьяне из хизанского Пахора. Они отправили жителей села в Спаркерт, а сами преградили путь врагу перед горой Балажу и начали обороняться. Народ без потерь достиг Спаркерта, куда уже вошли армянские добровольческие отряды (полк Дро). Здесь же находились Лато из Возма и Чатоян Мигран. Из жителей села были убиты всего 4 пастуха, которые в тот день пасли овец. Целых три дня длилось сражение на горе между армянами и турецко-курдскими силами. Добровольцы отправились на помощь сражающимся. 3 дня жители Хархоца оставались в Спаркерте, после чего вместе с добровольцами переправились в Мокс, где оставались два дня, а затем перешли в Востан, где жили до июльского

отступления из Вана. Вплоть до Мокса враг преследовал отступающих добровольцев и народ.

Во время отступления из Вана жители Хархоца немного отстали и когда дошли до села Тирамер, услышали оружейные залпы сражения Беркри. Лишь часть сельчан успела ночью перейти через мост, как мост был захвачен курдами, и отставшие были убиты или утонули в Бентимаху. В ту ночь были убиты или утонули более 20 жителей Хархоца. Остальные добрались до Игдира и Эчмиадзина, откуда были расселены в разные места (в районе Нор Баязета). В дни переселения погибло около 200 жителей Хархоца. Выжившие составляют едва 1/3 часть населения села.

Написанное соответствует моим рассказам.

Староста села Хархоц Аветис Тер-Нерсисян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 445, л. 6–10 об., подлинник, рукопись.

№ 77

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО ГЕВОРКА АМИРХАНА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ШЕН ХИЗАНСКОЙ КАЗЫ БИТЛИССКОГО САНДЖАКА

12 августа 1916 г.

Игдир.

Согласно рассказу крестьянина из хизанского села Шен Геворка Амирхана (31 год).

Шен состоял из 60 дворов с населением в 447 человек, в селе были одна церковь¹⁸¹ и школа, имелись мельница, 1400 голов овец и 400 голов скота. Годовая прибыль села составляла 400 мер пшеницы, фруктов на 400 осм. лир и др. В церкви хранились два рукописных Евангелия – Цахик Аветаран¹⁸² и Кармир Аветаран.¹⁸³

Из Шена в начале июля 914 года забрали в солдаты мужчин от 20 до 50 лет.

В конце мая 915 года 1200 курдов (главарь неизвестен) напали на Шен и безжалостно вырезали население Шена. Чернь была вооружена казенными ружьями марки маузер. Многих женщин пытали раскаленным железом, чтобы выпытать у них, где находятся спрятанные деньги, других забили камнями. Из жителей Шена в плен к курдам попали 20 человек, насильно исламизировали 4 женщин. Спаслись всего 70 человек.

Население Шена переселилось на Кавказ 18 июля 1915 года.

В нынешнее время живут в Панике, часть – в Салмасте и находятся в чрезвычайно стесненных материальных условиях.

Записал Г. М. Неркаряян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 423, л. 21, подлинник, рукопись.

№ 78

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО ТОРОСА ОГАНЕСЯНА
О РЕЗНЕ И САМООБОРОНЕ В СЕЛАХ СПАРКЕРТСКОГО НАХИЕ
ХИЗАНСКОЙ КАЗЫ БИТЛИССКОГО САНДЖАКА**

[1916 г.]

[Место не указано].

Битлис, Спаркерт.

Прежнее состояние: Спаркертская волость состояла из 47 сел, 27 из которых были армянским с некоторым числом курдских жителей.

Села с преимущественно армянским населением: Сев кар – 18 дворов, Чажван – 50 дворов, Верин Котенц – 40 дворов, Неркин Котенц – 20 дворов, Хоханд – 20 дворов, Хьюрик – 50 дворов, Нерпан – 15 дворов, Лвар – 15 дворов, Пазенц – 80 дворов, Ванк – 4 двора (в Пазене монастырь Св. Богородицы), Таг – 15 дворов, Кигис – 20 дворов, Тандзис – 15 дворов, Дашт – 20 дворов, Мат – 18 дворов, Матацмен – 12 дворов, Даларс – 25 дворов, Дусу – 40 дворов, Харкин – 12 дворов, Хюсп – 30 дворов, Хойт – 20 дворов, Патрананц – 15 дворов, Неркин Хьюрик – 35 дворов, Сузанц – 15 дворов, Харнджик – 25 дворов, Сори – 40 дворов, Паст – 60 дворов (все истреблены, выжили всего два мальчика), Бердак – 18 дворов.

Вышеназванные села располагались очень близко друг к другу, имели свои церкви и школы. Из этих сел Паст, будучи окружен со всех сторон курдскими селами, был вырезан полностью. Вышеназванные села сейчас разрушены.

Объявление войны.

Войсковая мобилизация. Как только началась мобилизация, областной начальник – мюдир – созвал старост всех сел и потребовал, чтобы села предоставили определенное количество солдат. Однако старосты возразили ему, что не могут предоставить требуемое количество солдат, так как многие военнообязанные отсутствуют по разным причинам или находятся на чужбине. Услышав эти слова, мюдир приказал связать старост. Их жестоко

избили и пытали. После чего мюдир заставил старост собрать всех находящихся в селах мужчин от 20 до 45 лет. Старосты вынужденно исполнили этот приказ и, собрав достаточное число людей, передали их мюдиру, который отправил собравшихся в Багеш, оттуда – в Ван. Несколько человек, которые добрались до Вана, смогли убежать, но их снова арестовали. Во время первой мобилизации увели более 250 мужчин. Ни один из них не вернулся: все были отправлены в Эрзерум и уничтожены.

Насильственные поборы. Под именем военной подати и «пожертвований» у нас забрали огромное количество шерстяных носков и рукавиц, овец, мулов, топленого масла, сыра, яиц, не заплатив ни копейки.

Во время поборов наши села подвергались всяким зверствам, и полицейские вели себя очень нагло: у нас отбирали все, что более-менее бросалось в глаза. Кроме поборов и откровенного грабежа, полицейские по любому предлогу оставались в селе на длительный период времени и заставляли нас оказывать им всякие почести, накрывать для них богатые столы и устраивать пиры. Наши жалобы на них правительству оставались без ответа. Даже если обращали внимание, то взваливали вину на нас и наказывали тоже нас.

Резня и депортация. Зверства начались в феврале 1915 года. За месяц до этого правительство тайно вооружило окружавшее нас мусульманское население. В январе [правительство] разместило более 500 солдат «кочар»¹⁸⁴ под руководством Мала-шариф Маджара (сына дяди шейха Саид Али) в селах Верин Хьюрик, Пазенц и др. Эти солдаты полностью завладели селом и начали творить неопишуемые бесчинства: закалывали десятки, а то и сотни овец, избивали и мучили жителей села, грабили и поджигали дома, не скрывая своих действий от правительства.

Один из дашнакцаканских деятелей нашего села, Лато из Возма, написал письмо мюдиру, сообщил ему о творящихся беспорядках и потребовал, чтобы им был положен конец. Мюдир приказал Маджару удалиться из села со своими людьми, однако Маджар воспротивился, но после того, как мюдир повторил свой приказ, Маджар был вынужден уйти из сел.

В этот период вновь самым строгим образом стали требовать от нас солдат. По распоряжению Лато, мы отправили нескольких пожилых людей в Багеш, в качестве военнообязанных – работников-амелие. В таких условиях прошла зима, и нагрянуло Ванское сражение.

Курды стали спешно готовиться. Наш руководитель Лато, угадав их замыслы, приступил к подготовке армян. Во всем нашем районе было около 120 солдат, которые были вооружены ружьями «Моти»¹⁸⁵ и «Моси».

Однако, нам было неизвестно, какая участь постигла сражающихся в Ване, мы не знали, кто сражается, в каком положении находится Ван, и в течение этих тридцати дней мы пребывали в состоянии ожидания. В таком же

состоянии находились курды, только с тем отличием, что они каждый день получали сведения из Вана и не предпринимали никаких действий, ожидая исхода (Ванского сражения).

По указанию нашего руководителя Лато, наши солдаты были размещены вне села, охраняя въезды в село в местах, откуда курды могли атаковать нас. Но однажды ударил такой сильный мороз, что стало невозможно оставаться в горах, и, по просьбе солдат, Лато в ту ночь позволил им переночевать в селе.

Однако именно в это утро [на нас] напали отступающие из Вана курды и турки, но наши солдаты успели преградить дорогу, и чернь не достигла своей цели.

Наши парни стреляли без остановки целых два часа, и турки вынужденно отступили. Именно в это время до нас доехал мюдир области и, встретившись с Лато, приказал прекратить сражение. Лато согласился, так как они с мюдиром условились заранее, что друг друга убивать не будут.

В то время добровольцы уже дошли до Мокса, но мы не знали об этом. Лато оставил 60 солдат в Спаркерте, а сам с остальными двинулся в Мокс, куда дошли и добровольцы. Там, в селе Харнджик, в маленьком укреплении укрылось довольно большое число курдов, которые оказывали сильное сопротивление добровольцам. Лато присоединился к добровольцам и ему удалось за одну ночь разрушить укрепление и выгнать курдов.

Дро вместе с сотником Казаром пришел в Спаркерт. Созвали всех знатных курдов и потребовали сдать оружие, но они не согласились. Пока Дро собирался применить к ним строгие меры, началось отступление.

Ночью добровольцы вошли в села, подняли народ и проводили людей до Востана, ближе к Вану. Пробыли там три дня, и когда началось Ванское переселение, перешли на Кавказ по дороге Беркри.

В пути, около Беркри подверглись нападению и потеряли много человек. Некоторые были убиты, а многие, особенно женщины и дети, утонули, бросившись в воду. До Кавказа добрались почти голыми, оставив все имущество, даже овец и скот.

В Эчмиадзине многие умерли от голода, болезней и лишений.

Самооборона. Руководителем самообороны стал дашнакцаканский деятель Лато из Возма, который с самого начала вступил в переговоры с правительством и старался поддерживать мир.

Несмотря на то, что в Спаркерте не было крупных сражений, мы с января до мая, зная заранее о грозящей нам опасности, не выпускали из рук оружия. Все наши 120 солдат были нашими сельчанами.

В Спаркерте было вырезано только село Паст, состоявшее из 60 дворов и окруженное курдскими селами. Курды пленили армян этого села и увели в Неркин Хьюрик.

Когда Дро узнал о том, что случилось с жителями Паста, он захватил 30 человек курдов из сел Ханд и Норс, вместе с беком Абдырахманом, и увел их в Мокс. Одновременно он отправил весть курдам, что освободит захваченных курдов только в том случае, если они отпустят жителей Паста. В этот момент подоспели два молодых человека из Паста и сообщили, что всех их односельчан курды уже убили следующим образом: весь народ – мужчин, женщин и детей – отвели на берег реки и, отрубив всем головы, бросили их тела в воду. Эти парни спаслись, бросившись в воду.

Дро, разгневавшись от этой весты, приказал вывести всех курдов, заколоть их и бросить в воду.

А вот как погиб Лато, оказавший неоценимую помощь спаракертцам.

Когда наш народ при переселении дошел до Востана, Лато решил вернуться в Мокс, но его солдаты не последовали за ним. В сопровождении хмбапета Трчуна он решил напасть на курдское село Петар, состоящее из 300 дворов. Дошли до села, наметили позиции и, оставив Трчуна и его солдат на позиции напротив села, Лато с несколькими людьми напал на село и вошел в него. Курды вышли из села, напали на позицию Трчуна с тыла и вынудили его отступить. После отступления Трчуна Лато был окружен и, сражаясь до последнего с несколькими товарищами, был убит в курдском селе.

Рассказчик спаракертец Торос Оганесян.

Записал Сурен Мелоян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 461, л. 1 – 5 об., подлинник, рукопись.

СГЕРДСКИЙ САНДЖАК

№ 79

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО ОВСЕПА КЕРОЯНЦА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ДЕХ ЭРУНСКОЙ КАЗЫ СГЕРДСКОГО САНДЖАКА

7 августа 1915 г.

Паник.

Рассказ Мартироса Овсепяна-Кероянца (50–60 лет) из села Дех Барварской¹⁸⁶ казы.

Дех состоял из 300 дворов с населением в 2500 человек. В селе были две церкви (С. Оганеса¹⁸⁷ и Св. Богородицы¹⁸⁸). В церкви Св. Оганеса хранилась рукописная книга с красными письменами (содержание книги неизвестно).

В селе имелись школа, 5 мельниц, 7600 голов овец, 1500 голов скота, 250 мулов и лошадей и др.

Мобилизация в Дехе была проведена в конце июля 1915 года. В армию забрали всех мужчин от 18 до 50 лет (всего 700 человек). Если военнообязанный убегал, вместо него арестовывали мужчин его семьи.

За три месяца до резни в Дехе Махмед ага из Шарнаха, сын Али аги из Ароха, Джанки ага из Даргама и Ибрагим ага из Эроя сообщили жителям Деха Мартиросу Овсепяну–Джафаряну, Карибу Казаряну и Мураду эфенди (последний был помощником каймакама), что они собираются нас вырезать.

Когда турки отступили из Вана, отступающая чернь по приказу наместника Вана Джевдет бея напала на Дех (15–16 мая) и безжалостно истребила всех жителей, начиная от детей до стариков преклонных годов. Во время резни насильно исламизировали 100 человек и разместили их в курдском селе Арох. Спаслись всего 20 мужчин, которым удалось убежать в Ван. В настоящее время пять человек из этих двадцати живут на Кавказе (неизвестно, где именно). А остальные 15 были добровольцами³⁹.

Записал Г. М. Неркарарян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 423, л. 12, подлинник, рукопись.

№ 80

**СВИДЕТЕЛЬСТВА ВЫЖИВШИХ ВАРДАНА ГАЛОЯНА
И МИРЗО БХАРЯНА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ВОЗМ БАРВАРСКОЙ КАЗЫ
СГЕРДСКОГО САНДЖАКА**

10 августа 1916 г.
Гётакбулаг.

10 апреля 1915 года в село внезапно ворвались армия и курды (около 400–500 человек), которых возглавляли Рабха ага из Сгерда и Махмад Рашид ага из Барвара. Мужчины – как вооруженные, так и безоружные – по указу старосты поднялись в горы, чтобы вдруг не случилось столкновения. Но чернь ворвалась в село и стала сжигать дома и грабить. Были убиты 35

³⁹ Жителей тридцати дворов Деха защитил и спас сын Кармир аги из Шарнаха. Они и сейчас находятся у этого аги. Жители еще девяти дворов нашли пристанище у Джанкир аги из села Нивла и у Дахр аги из Дархама.

человек – Тер Саак, Пахто, Сосо, Мартирос и др. Народ сбежал в горы. Увели в плен 31 женщину и детей. В горах (в монастыре) оставались один день, затем всем народом направились в Мокс. Там остались только женщины и дети, а все мужчины перешли в Шатах. Нас, вооруженных мужчин, было 65 человек. После сражений в Цицанце и Чноке под руководством Овсепя Шагиняна мы перешли в Мокс на помощь армянам, которые сражались там с курдами. Еще одна наша группа отправилась в Мамртанк на помощь Лато, который сражался против шейхов Хизана. Наши семьи также перешли в эти области. Был убит наш десятник – односельчанин Тигран Камалян. Мы также переправили народ Мокса, Мамртанка, Спаркерта, Каркара в села Гяваша и в Востан.

Началось отступление Вана. Мы также направились из Востана в Ван, Беркри, где там русские сражались с османцами. Русская армия и Дро продвинулись вперед, османцы стали рубить армян. Мы убежали, 4 человек из моей семьи убили. Многие бросались в реку. Я по горам перешел в долину Абаги, где разместились русская армия.

В село никто вернулся. Переселились без какого-либо имущества.

Возмийцы, живущие в Гётакбулаге, Вардан Галоян и Мирзо Бхарян.

1916 год, 10 августа.
Следователь Ширин.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 430, л. 1 об., подлинник, рукопись.

№ 81

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО МУРАДА АРУТУНЯНА
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ АВИН ШИРВАНСКОЙ КАЗЫ
СГЕРДСКОГО САНДЖАКА**

15 августа 1915 г.
Игдир.

Рассказ крестьянина из села Авин битлисской казы Эрун¹⁸⁹, очевидца со- бытий Мурада Арутуняна (25 лет).

Авин состоял из 30 дворов с населением в 200 человек. В селе была одна церковь Св. Шмавона, имелись одна мельница, 400 голов овец, 500 голов скота. В церкви хранились 10–15 рукописных древних Евангелий. Годовой доход села составлял 1000 мер пшеницы, 100 000 снопов сена и 1000 пудов орехов.

10 декабря 1914 г. всех мужчин Авина от 20 до 55 лет забрали в солдаты. Дома военнообязанных, которые не прибывали вовремя, сжигали, забирали их движимое и недвижимое имущество и насиловали их жен.

10 июня 1915 года 400 курдов во главе с Махмад Эмином, Ахмад ханом, Фатах беком и Авди беком напали на Авин, не встретив никакого сопротивления. Собрали всех мужчин, женщин и детей и вывели за село, в место, называемое Бодер. Мужчин и женщин связали вместе по 20 человек и расстреляли (стреляя в уши и в лоб) из винтовок «кючукчап» и пистолетов маузер. Убили и маленьких мальчиков и девочек: разбив их головы о камни так, что вытекли мозги. Так убили всех, спаслись всего пять мужчин и две женщины.

Авин в настоящее время не разрушен, и там обосновались курды.

Примечание: в первую очередь убили старосту Мелкона Бархояна и Тер Петроса, связав их вместе.

Записал Г. М. Неркарарян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 423, л. 24, подлинник, рукопись.

№ 82

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО БЕРХО АЗОЯНА
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ГНДЗИК ШИРВАНСКОЙ КАЗЫ
СГЕРДСКОГО САНДЖАКА**

15 августа 1916 г.
Игдир.

Рассказ Берхо Алояна (41 год, очевидец событий), крестьянина из села Гндзи битлисского уезда Эрун¹⁹⁰.

Гндзик состоял из 55 дворов с населением в 600 человек. В селе была церковь Св. Степаноса, имелись две мельницы, 800 голов овец, 600 голов скота. В церкви хранились рукописные Евангелия, а также древний кондак¹⁹¹, на котором был изображен образ Св. Девы Марии. Этот кондак несколько лет назад забрал английский консул. Около церкви на кладбище, стоял камень, длиной в два аршина и шириной в четыре ладони, на котором с двух сторон были высечены клинописные надписи⁴⁰.

⁴⁰ Английский консул в Битлисе оценил этот камень в 200 осм. лир, но священник села Тер Горгиз не согласился отдать камень.

Годовая прибыль села составляла 2000 мер пшеницы, 7000 пудов орехов, 20 000 снопов сена.

Село в настоящее время не сожжено, но разрушено.

В декабре 1914 года всех мужчин Гндзика от 15 до 45 лет забрали в солдаты. Дома не прибывших вовремя военнообязанных сжигали.

Для армии из Гндзика забрали 300 мер пшеницы, 200 овец, 100 пудов топленого масла, 200 пар шерстяных носков, 200 мешков, 100 осм. лир.

10 июня 1915 года 400 курдов, вооруженные казенными винтовками маузер («кючукчап»), во главе с Махмадом Эмином, Ахмад ханом (из села Фезкерун) и С[ала]хедином, сыном Сейида Али, напали на Гндзик. Крестьяне не смогли организовать оборону, так как их оружие отобрали еще месяц назад. Чернь безжалостно истребила жителей Гндзика, а мальчиков младше семи лет и женщин увели в плен и всех утопили в реке Бохтан (Тигрис). Из Гндзика спаслись всего шесть мужчин и 14 женщин и детей. Выжившие в настоящее время находятся в Игдире.

Записал Г. М. Неркарарян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 423, подлинник, рукопись.

№ 83

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО ХАЧИКА ВАРДАНИЯНА
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ НАБАЙИН ШИРВАНСКОЙ КАЗЫ
СГЕРДСКОГО САНДЖАКА**

15 августа 1916 г.
Игдир.

Рассказ Хачика Варданяна, крестьянина из села Набайин битлисского уезда Эрун¹⁹².

Набайин состоял из 40 дворов с населением в 300 человек; в селе была церковь Св. Геворка, имелись одна мельница, 900 голов овец, 500 голов скота. В церкви хранились 15 рукописных Евангелий. Годовая прибыль села составляла 3000 мер пшеницы, 10 000 снопов сена, 50 литров меда.

20 декабря 1914 года всех мужчин Набайина от 15 до 45 лет забрали в солдаты. Дома тех военнообязанных, которые не прибывали в положенное время, сжигали, имущество отбирали, а жен подвергали изнасилованиям. Так, Мустафа эфенди, полицейский из Муша, Исмайил эфенди из Галса,

Гасан эфенди из Сгерда и др. изнасиловали Наргиз, жену Акопа Какосяна, Гино, жену Фарсо Мурадяна, и др.

Вардан Арутуниан из Набайина, который сбежал из турецкой армии, рассказывал:

«Турецкие офицеры по-разному относились к нам и к турецким солдатам. Нас, армян, днями удерживали в отдельных комнатах и не кормили, а турецким солдатам давали и хлеб, и еду. На наши спины взваливали тяжелые грузы и заставляли переправлять на расстояния, достигающие до 24 дней ходьбы. Турецкие солдаты постоянно грозились, что убьют нас, солдат-армян, и пр.».

10 июня 1915 г. 200 курдов во главе с Касым Осман ханом (Кочар Махмарци), вооруженные казенными винтовками маузер, напали на Набайин, не встретив никакого сопротивления, и, собрав всех мужчин, зарубили их секирами, топорами и обоюдоострыми топорами (вид топора). Халыд Ахмад из села Арыт убил Гарника Киракосяна с неслыханной жестокостью: вначале живьем содрал с него кожу, затем выколол глаза ножом, отрубил руки, выдернул зубы, и, еще живого Гарника, разрубил на части кинжалом, и части тела бросил в его панталоны. Тот же Халыд Ахмад с сыновьями своего брата схватили Абро Булояна, Рашо Булояна, Карапета Оханяна и Охана Карапетяна, отвели их в курдское село Деркен и сожгли живьем. Перед тем, как поджечь дрова, Халыд сказал Абро: «Обратись в нашу веру, и избавим тебя», но Абро ответил: «Этот огонь лучше вашей веры, наш Господь страдал, и я пострадаю».

Беременным женщинам вспарывали животы, и доставали нерождённых младенцев; они накалывали детей на острия и кричали: «Вот армянские флаги!» Так поступили с дочерью Саида Нергиз, с дочерью Погоса Сейран, с Хзмо Арутуниан и другими, а маленьких мальчиков живьем бросали на землю, подкладывали под их головы камни и большими камнями разбивали им головы так, что мозги вытекали. И таким образом убили их всех.

Из Набайина спаслись всего 3 мужчин, одна женщина и один мальчик.
Записал Г. М. Неркарарян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 423, л. 23 об., подлинник, рукопись.

МУШСКИЙ САНДЖАК

№ 84

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО АКОПА ХОДЖЯНЦА О РЕЗНЕ И ПЕРЕСЕЛЕНИИ АРМЯН МАНАЗКЕРТСКОЙ КАЗЫ МУШСКОГО САНДЖАКА

[1916 г.]

[Место не указано].

Переселение Маназкерта.

Рассказывает житель Маназкерта Акоп Ходжянц.

С начала войны здесь, как и в других местах, бахру собрали в большем размере, также собрали текалифе арпин (военную подать), провели войсковую мобилизацию, забрали оружие и отправляли работать в хамал болуки (рабочие отряды).

Когда в начале апреля 1915 года русские дошли до Гилыч-гятука, курды убежали и увели с собой весь скот Берда¹⁹³ и окрестных сел, а сыновья Ибрагим бека – Авдыла бек и Гусейн бек собрали жителей в своем селе Акнер, и защитили их, сказав им, что приближаются Абдул Медджит и Гусейн паша чтобы истребить всех нас. Таким образом спаслись жители маназкертских сел Эгнаходжа, Вохджин, Хан-огли, Хараба-гасмик, Рызагигасми, Норадин, Султанлу, Рстам-Гядук, Готанлу, Дерик, Тондрас, Екмал, Латар, Шейтан-аве, Кара-кайя, Молла-баг, Толагбаш и Багран. Спаслось население 100 дворов из [Маназкертской] крепости, а из каждого другого села спаслось население 50–250 дворов. Так же защищали армян отец и дед Авдылы и Гусейн беков во время предыдущих русско-турецких войн.

Когда началось отступление Вана, спасенные жители этих сел перешли на Кавказ по линии Дутаг – Каракилиса – Игдир и расселились в основном в Александропольском уезде.

[Они] понесли такой же материальный урон, как и жители Каракилисского [уезда]¹⁹⁴ Алашкертской [долины], так как крестьяне Маназкерта и Алашкерта занимались тем же и имели почти те же средства к жизни и такое же имущество.

Несмотря на такие благополучные обстоятельства [спасение многих], были и потери: Хаджи Хамден бек вырезал 30 мужчин из Дукнука, 70 человек – из Норадина, 20 – из Хараба-гасмика, 10 человек – из Толагбаша, 20 – из Мурмуса, 30 – из Банзтена, 30 человек – из Рстам-Гядука. Саид, сын Надо, убил 20 мужчин из Молла-Мстафа и 30 человек из Готанлва. Эти убийства были совершены по приказу начальника армии и гамидие Хаджи

Хамден бека. Когда армяне бежали в сторону Хнуса из Гилич-гятука, он приказал забрать молодежь сел в хамал-болуки, собрал всех, построил в шеренгу на берегу реки Мурад у курдского села Гличлу и приказал расстрелять их: кто умер от пуль, кто утонул в реке. Были и выжившие, которые схоронились в завалах около берегов рек и спаслись.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 476, л. 4–5, подлинник, рукопись.

№ 85

**СВИДЕТЕЛЬСТВА ВЫЖИВШИХ МАРТИРОСА САРГИСЯНА
И САРГИСА ХАЧАТУРЯНА О НАСИЛЬСТВЕННОМ
ПЕРЕСЕЛЕНИИ И ПОТЕРЯХ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА МАРМУС
МАНАЗКЕРТСКОЙ КАЗЫ МУШСКОГО САНДЖАКА**

30 августа 1916 г.

Зейва Хайи.

Сведения полученные от Мартироса Саргисяна (35 лет) и Саргиса Хачатуряна (учитель) – крестьян из маназкертского села Мармус.

Село состояло из 40 армянских и 50 курдских дворов. Армянам принадлежали 1000 голов овец, 500 голов (крупного рогатого) скота, 200 буйволов, 20 лошадей, 10 ослов, 20 плугов, 100 сох, 50 телег, 2 мельницы, 2 маслодавальни, 1 дробилка для пшена. В год село производило 3500 халваров пшеницы и 2000 бардов сена.

В селе была кирпичная церковь Св.Оганеса, в которой служил один священник, одноклассная школа с одним учителем и 30 учениками обоих полов. Недалеко от села находился древний разрушенный монастырь Св. Саака.

Нынешнее состояние села. Село в настоящее время полностью обезлюдело и находится в руинах. Жители села сейчас живут в Гоше, Сардарапате, Ошакане и здесь.

Войсковая мобилизация. После принятия османской Конституции армяне отправили в армию 14 солдат, из них бежали и спаслись двое; судьба остальных неизвестна. В военные годы село отправило 24 человека в отряды «амалия», все они вернулись в село. Они работали грузчиками: переправляли на собственных спинах военное продовольствие для армий Хнус–Эрзерума.

Военная подать. В качестве военной подати из села забрали 30 голов овец, 40 волов, 10 телег, 100 окка топленого масла, 200 пар шерстяных но-

сков, 100 пар шерстяных рукавиц, шкуры 5 волов, 2000 кот пшеницы, 14 полотниц войлока, 20 постелей, 40 мешков и др.

Резня и переселение. Когда русская армия вошла в Дутаг, курды Мармуса забрали скот и телеги армян и переправились в Багеш, посоветовав армянам отправить своих мужчин в горы, чтобы остальные проходящие мимо курды не нанесли им вреда. В селе остался только шейх Гасан, сын шейха Фазиля, который укрыл большинство армянских семей в своем большом доме и все время охранял их до прихода русских. Мужчины же укрылись на горе Картафин. Через день после того, как русские вошли в Маназкерт, они дошли до Мармуса. Завидев вдаль русских, шейх Гасан навьючил пять волов и тронулся в путь. Но русские казаки пустились в преследование, отняли у него волов и поклажу и только по просьбе армян сохранили жизнь сыну шейха, который после убежал. В селе никого не убили, не изнасиловали и не похитили. Мармусцы оставались в своем селе до июльского отступления. Переселялись по линии Дутаг – Хамур – Дашли чай – Мосин – Игдир. Из села Маргара они были переведены в другие села, не входя в Эчмиадзин. В пути смертей не было. Но в прошлом году много человек умерло. В этом селе умерли 10 мужчин и 5 женщин.

Так как крестьянин из Мармуса Мартирос Саргисян не владеет грамотой, я подписываюсь за него.

Учитель из Мармуса Саргис Хачатурян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 446, л. 17–19, подлинник, рукопись.

№ 86

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ САЛВИ МАРГАРЯН
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ АПРЕ БУЛАНЫКСКОЙ КАЗЫ
МУШСКОГО САНДЖАКА**

20 августа 1916 г.

Баш-Апаран.

Салви Маргарян, крестьянка из Буланькского села Апре (молодая замужняя женщина), которая была похищена курдом Арифом, слугой шейха Сле, и оставалась в плену до [прибытия] в Муш, рассказывает о приключениях с ней несчастных следующее.

В среду Вардавара курды Муса бека вместе с курдами нашего села убили наших мужчин, после чего выбрали красивых женщин села, распределили меж собой, а некрасивых безжалостно убили. Я досталась слуге нашего

шейха Арифу. Он предложил мне следовать за ним, иначе грозился убить. Моего мужа уже убили в селе. Не было никакой возможности спастись, я вынужденно приняла предложение Арифа и тронулась в путь к Мушу.

Курдов постепенно прибывало все больше и больше. В первый день мы дошли до Хашхалдага – армянского села в Мушской долине, пройдя через армянские села Аблбухар, Цронк, Шейхбрим, Геркерт и Сулух. Кроме Сулуха, во всех остальных селах мужчин убили на моих глазах, а женщин и детей заперли в амбарах и сожгли, пустив в ход керосин и сухое сено. Мы, пленные армянские женщины, плакали от душераздирающих криков сжигаемых людей, а курды злились и грозились сжечь и нас, если мы не прекратим плакать... Кто попытался убежать из огня, того расстреляли. После того, как убили мужчин Сулуха, захватили мост на реке Мурад и, сбросив всех женщин и детей в воду, утопили их.

В этих селах резню проводили следующим образом: вначале окружали село, затем сжимали кольцо окружения, входили в село и начинали резню, не жалея даже маленьких детей.

Курды дошли до Хашхалдага и оставили нас там, а сами отправились в Муш, чтобы принять участие в резне армян Муша и оставшихся сел Мушской долины. До жатвы мы оставались в Хашхалдаге. Курды Муса бека и шейха Апре Сле во время жатвы рассеялись по армянским селам долины и стали собирать поспевший [урожай в] полях армян. В то время русские уже отступили из Маназкерта (в июле). Зимой мы переправились в армянское село Хош-Гелди в Буланьке. Курды в этом районе жили очень богато: кроме того, что собрали урожай армян, они еще и разрыли хранилища в армянском селе и обжирались топленным маслом и сыром, овцами и скотом, пока русские вновь не ворвались в Маназкерт. В этом сражении был убит похитивший меня курд, остальные же курды, не имея времени на сбор своих пожиток, в панике оставили нас и бежали. Русские вошли в село. Вместе со мной в Хош-Гелди было еще 20 армянских женщин и 10 маленьких детей. Мы стали креститься и дав понять русским, что мы армяне, спаслись. Казаки отвели нас в Лиз, к русскому коменданту, который передал нас местному армянскому добровольческому штабу. Около 20 дней оставались там, и штаб обеспечивал нас пропитанием. В Пасху нас переправили в Алашкерт, откуда все рассеялись в разные стороны. Я с несколькими добровольцами добралась до Игдира, где узнала, что моя сестра находится в Баш-Апаране, и пришла сюда, к своей сестре.

Написанное соответствует моему рассказу.

Ввиду неграмотности Салви Маргарян, с ее согласия и вместо нее подписываюсь

Крестьянин из маназкертского села Дерик Назарет Тер-Саргисян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 442, л. 4 с обор. – 6 об., подлинник, рукопись.

№ 87

СВИДЕТЕЛЬСТВА ГРУППЫ ОЧЕВИДЦЕВ О РЕЗНЕ В СЕЛЕ АПРЕ БУЛАНЬКСКОЙ КАЗЫ МУШСКОГО САНДЖАКА

20 августа 1916 г.
Баш-Апаран.

Сведения, полученные от Авсо Маргарян (40 л.), Гюлизар Карапетян (50 л.) и Салви Маргарян – крестьянок из села Апре Неркин Буланька.

Прежнее состояние села. До войны село состояло из 40 дворов армян и 300 дворов курдов. 50 дворов курдов составляли шейхи и фахи¹⁹⁵, главным среди них был шейх Сле.

Армяне имели 200 голов овец, 200 голов буйволов, 600 голов крупного рогатого скота, 4 лошадей, 4 ослов, 70 телег, 4 плуга, 80 сох, в год производили зерновых более 800 тысяч мер, 1200 бардов сена, владели 40 огородами. В селе была церковь Св. Акопа, где находились мощи Св. Акопа, в церкви служили два священника, один умер, а второй – Тер Нерсес, был убит во время резни. В церкви хранился «Красное» Евангелие.

Нынешнее состояние села. Шейх Сулейман разрушил сельскую церковь и все дома армян. В настоящее время село полностью обезлюдело. Почти не осталось мужчин, чтобы вернуться в село. «Красное» Евангелие украли курды. Все богатство села – овец, скот, домашняя постель, одежда и пр. – все разграблено. Даже сорвали и унесли одежду с женщин.

Войсковая мобилизация и военная служба. Армяне отправили в армию более сорока солдат, которые, за исключением 4 солдат, бежали и вернулись в село, и были убиты во время резни. А из тех четырех солдат одному удалось сбежать на Кавказ и спастись (Микро Гаспарян, в настоящее время живет в Тифлисе), а Григора Тер-Нерсисяна взяли в плен русские. Остальных мужчины села увели в олам в Гасан-кале, Эрзерум и др. места. С каждого двора для нужд армии забрали 1 окка топленого масла, 5 пар шерстяных рукавиц, 5 пар шерстяных носков, 5 пар чарухов, 1 полотноше войлока, 1 кот соли, 1 халвар пшеничной муки, 1 халвар ячменя, 2 волов, 3 овец, большое количество кур, по 10 кот пшена-булгура и др., и пр. Село находилось вблизи дороги, и по этой причине турецкие войска причинили селу много вреда.

Резня и переселение. В 1914–1915 гг. курды села по приказу шейха Сле совершали единичные убийства армян, но так часто, что число убитых за год достигло 20. В понедельник Вознесения армянам Верин Буланька удалось сбежать с русской армией в направлении Маназкерта и Дерика. Жи-

тели Апре тоже попытались сбежать, но турецкая армия сразу же оцепила весь берег Арацани и разрушила мост, воспрепятствовав побегу. С этого дня и до понедельника Вардавара шли сражения между русскими и турками. Крестьяне не осмеливались выходить из своих домов. Некому было идти на мельницу; мололи пшеницу ручными жерновами. В понедельник Вардавара, когда русские перешли реку и напали на турок, отступающая армия Муса бека и курдская армия Сле окружили Апре и потребовали, чтобы все мужчины собрались и выкопали за селом окопы. После того, как мужчины вышли из села, их всех связали веревками и задушили. Один юноша, который случайно выжил, попытался сбежать. Курды, засомневавшись, умерли ли все задушенные, вернулись обратно и закололи всех штыками. Убежавший юноша тоже был убит⁴¹.

Очередь дошла до женщин и детей села. Некрасивых женщин и детей убили, а красивых увели в плен. Тех, кто избежал сабли и пули, заперли в амбаре, подготовили сено и керосин, чтобы сжечь их, как вдруг пришла весть, что русские на подходе. Курды убежали в замешательстве и не успели завершить свое черное дело. Русские вошли в село, освободили оставшийся народ и увели с собой в Маназкертскую крепость, откуда они постепенно, вместе с остальными беженцами дошли до Эчмиадзина и были распределены по селам – Хамамлу – 4 двора, Баш–Апаран – 1 двор, Эчмиадзин – 3 двора, Тифлис – 2 двора, Карс – 1 двор, Джермалу (Карс) – 1 двор. Число спасенных доходит до 80, из которых 12 мужчин заранее перешли на Кавказ и в настоящее время находятся в составе добровольческой армии; остались в живых 11 мальчиков до 10 лет и 3 взрослых мужчин, все остальные – женщины и девочки. В плену находятся 27 женщин и девочек, 15 мальчиков до 15 лет, еще две женщины были извлечены из плена недавно.

Написанное соответствует нашим сведениям.

Вместо вышеназванных трех женщин при их согласии подписываюсь:
Крестьянин из маназкертского Дерика Назарет Тер-Саргисян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 442, л. 7–10, подлинник, рукопись.

⁴¹ Примечание: В числе заколотых штыками мужчин был и Ако Гукоян (Ако сын Баге), которому удалось спастись и присоединиться к русским. Он в настоящее время живет в Каракилисе. Он знает больше о событиях в селе.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО АРУТЮНА ТЕР-МОВСИСЯНА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ АТКОН БУЛАНЫКСКОЙ КАЗЫ МУШСКОГО САНДЖАКА

[1916 г.]
Кизыл-Чахчах.

Село Аткон, Буланыхская каза (уезд) Битлисской губернии.

Рассказывает Арутюн Тер-Мовсисян, нашедший пристанище в селе Кизыл-Чахчах.

В нашем селе была церковь, а также школа, но школьного здания не было. Село состояло из 150 дворов армян и нескольких домов курдов, которых в последние годы подсадили к нам насильно. Во время войны меня увели в бегяр, мой груз состоял из 2 мушского кота¹⁹⁶ продовольствия, которое я переправлял на собственной спине из Копа в Гасан-Кале – Эрзерум. Тяжесть и невыносимость работы в этот период были хуже смерти. Решил либо освободиться, либо умереть. Сбежал и вернулся в село. Прятался в одном из углов нашего дома, и так продолжалось три месяца. Несмотря на то, что этот мой тайник был ужаснее, чем тюрьма, но я был рядом со своей семьей, и при необходимости смог бы защитить ее в том случае, если бы подтвердились слухи, что армян должны истребить.

Наш односельчанин шейх Масуд в один день отправился в уездный орган, чтобы уточнить слухи об истреблении армян. Вернувшись, он объявил: «Армяне, русские уже захватили село Лиз и подходят к нам, мы должны переправить наши семьи в безопасное место, а вы позаботьтесь о себе сами». Мы пришли в замешательство, часть армян не поверила шейху, а часть поверила и помогла переселению шейха и остальных курдов, предоставив им людей и телеги. Начался побег в село Лиз, но там мы не увидели русских. В Лизе собралось армянское население нескольких соседних армянских сел. Оказалось, что это было дьявольским замыслом, который они осуществили с целью депортировать нас и вырезать. Те, кто переправлял имущество шейха, были расстреляны его холами (слугами). Когда мы вернулись в село на следующий день, то насчитали 205 трупов мужчин в разных местах села и в домах, а в селе не осталось ни одной скотины и никакого имущества – курды-соседи все разграбили и унесли.

С Вознесения до Вардавара мы оставались в селе Лиз, село защищал районный начальник Халыф эфенди. В Лизе располагался военный лагерь, и потому он был окружен многочисленными аскярами и курдскими добровольцами. Все армянское население Лиза с утра до ночи трудилось

для них: женщины пекли хлеб и готовили еду, либо изготавливали одежду и носки. Каждый день собирали 10–15 армянских мужчин, уводили их, и они больше не возвращались. В один день пастухи сообщили нам, что в полях видели трупы убитых мужчин и похоронили их... Эта резня повторилась несколько раз, и ужас объял нас, но у нас не было никакого выхода. Я должен был убежать, конечно, и убежал и спрятался в селе Пионк, в котором еще жили армяне. Через три дня у моего жилища появился полицейский и, увидев меня, догадался, что я беглец. Я избавился [от него] с большим трудом, отдав ему взятку – 3 золотых. Через 4 дня аскяры окружили это село и собрали всех армян перед домом Халыфа эфенди. Когда собрали всех нас, войско окружило мужчин и погнало нас в село Лиз, но женщин не тронули. Нас разместили в одном строении, которое состояло из 4 комнат. Ночью оставались под надзором. Ровно в полночь несколько солдат вошли в наши комнаты с фонарями, и выгоняя нас по одиночке, стали связывать нас вместе. Меня вывели почти последним. В ночной тьме я увидел окровавленные трупы убитых и окаменел от ужаса. Почувствовал на своем теле несколько ударов холодным оружием и упал рядом с остальными с веревкой на шее, но сознания не потерял. Ран было много, но опаснее была борьба моих тяжело раненых товарищей со смертью, они дергались и чуть было не задушили меня. Все было завершено. Я услышал голос их начальника, который приказал найти 50 телег, отвезти трупы, закопать в заранее вырытых окопах и покрыть землей. До этого я с большим трудом избавился от веревки на моей шее, уполз в темноту и незаметно для патрульных солдат забрался в разрушенный соседский хлев. Спрятался в одном из углов, видел и слышал, как переправляли трупы к окопам. Обшарив весь хлев и обследовав все углы, я нашел одну яму, которая заранее была подготовлена в качестве тайника для хозяина дома. Схоронился в этой яме и оставался там девять дней. Через детей я дал о себе знать моей сестре Никяр, которая вышла замуж и жила в Лизе, и время от времени получал от нее еду и хлеб. Когда русские захватили Лиз, я освободился и во время отступления перешел на Кавказ. Вот мои раны – 6 ран. Одна рана от удара саблей, остальные – от штыков. Мои потери – два моих сына, жена моего дяди, его сын и многие родственники.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 454, л. 35 с обор. – 36, подлинник, рукопись.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО СЕРОБА СТЕПАНЯНЦА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ГЯБОЛАН БУЛАНЫКСКОЙ КАЗЫ МУШСКОГО САНДЖАКА

[1916 г.]

[Место не указано].

Сероб Овсепян Степанянц (25 лет), крестьянин из села Гяболан, который оставался в плену у шейха своего села и смог убежать в феврале 1916 года и перейти к русским, рассказывает о том времени, когда он был в плену.

Я был пастухом многочисленных овец шейха Мсто, и за это он сохранил жизнь мне, моему младшему брату, трем сыновьям моего дяди, двум моим сестрам и моей матери. Мы с курдами дошли до села Хашхалдаг на Мушской стороне, после переправились в село Ардерт. Когда в феврале русские войска направились к Мушу, я убежал к ним, а мои родственники остались там, и нет от них никаких вестей.

Когда я был в Мушской долине у курдов, я видел, как курды и турецкие полицейские обходили армянские села, разбирали тайники или обыскивали колодца, выводили всех укрывшихся там людей, и убивали их, либо сбрасывали в реку. Были женщины, которые бродили совершенно голыми, лишь прикрыв тряпками срамные места и просили еды. Но курды и их не пощадили и, собрав их всех, отвели в село Гюмгюм уезда Вардо и там сожгли их¹⁹⁷. В селе Еризак (Мушская долина) я видел трехлетнего ребенка, который ползая на животе, добирался до родника, выпивал воды и, возвратившись обратно, опускал голову на труп своей матери и засыпал... Один курд три раза выстрелил в него из пистолета, но пули в него не попали. Оставив бедного ребенка в этом состоянии, мы ушли.

В селе Аткан курды нашли 70-летнюю старуху, схватили ее, бросили оземь и, забив ее рот землей, лили на нее воду, пока старуха не задохнулась... «Пусть сдыхает медленно», – смеялись изверги.

В Хашхалдаге курды рассказали о об одном случае: «В селе Джрик, вблизи Муша, один армянин (неизвестно, откуда он был родом) вошел со своей женой в один дом, оборонялся от нас пистолетом маузер, нас было более 70 человек. Он убил троих из нас. Когда осталось заряженный один магазин (10 патронов), он покинул свой пост вместе со своей женой и, прорвав нашу цепь, прошел вперед. Нам удалось ударить его со спины несколько раз и опрокинуть его на землю. Его храбрая жена сразу же выхватила кинжал мужа и, совершив самоубийство, упала на его труп... Мы опешили и восхитились...»

Об этом случае Серобу рассказывали и в других местах.

Изложенные здесь сведения о моем пленении и о событиях, свидетелем которых я был, соответствуют моему рассказу.

Ввиду неграмотности Сероба [подписываюсь]:

Назарет Кароян из Вана.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 425, л. 17–18 об., подлинник, рукопись.

№ 90

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО МОВСЕСА АРУТЮНЯН
АМИРЯНЦА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ЛИЗ БУЛАНЫКСКОЙ КАЗЫ
МУШСКОГО САНДЖАКА**

[1916 г.]

Пирвали.

Село Лиз, Буланьская каза Битлисского вилаета.

Рассказывает Мовсес Арутюнян Амирянц (нашел пристанище в селе Пирвали).

Накануне войны турецкое правительство провело большую военную подготовку. Объявив мобилизацию, собрали [полки] «гамидие» и отправив их на границу, объявили войну русским. Так как в армии уже служили и армянские солдаты, мы были уверены, что правительство будет относиться к нам хорошо и не будет называть нас «муханнат миллат»¹⁹⁸, но мы жестоко ошибались. Прежде всего разоружили армянских солдат и убили их, после же решили истребить и весь армянский народ. Кор и бегяр перешли все границы: впрягали в сани людей и взваливали на их спины тяжести в 2 мушского кота. Гнали их на длительные расстояния, до военных пунктов Гасан-калы и Эрзерума.

Нашему старосте приказали, чтобы каждый двор предоставил государству один хитр¹⁹⁹ муки, столько же булгура, 1 окка топленого масла, шерстяные носки, рубашки, чарухи, белье и остальные необходимые вещи. Постоянно отбирая у нас наше добро, в итоге полностью лишили нас имущества, а тягловых животных увели в бегяр, коров же и овец закололи для армии. Когда русские вошли в Алашкерт, сбежавших из этого района турок и курдов распределили по нашим селам, и мы кормили их нашим хлебом и водой, нашим продовольствием до второго отступления.

До войны в нашем селе имелись 4000 голов овец, 2000 голов коров, 1000 голов буйволиц, 1500 голов буйволов, 2500 волов, 500 лошадей и 1500

голов мелкого скота. Многие из наших сельчан имели амбары. Платили бахру – 1/7 часть [урожая], а во время войны заплатили 1/4 часть, и в конце концов силой унесли уже все, что нашли. Если армянин заболел во время выполнения бегяра, его либо избивали и заставляли нести грузы дальше, либо оставляли его (больного) на дороге, а после уже курды обирали его и убивали, и он пропадал без вести. Так были убиты наш сосед Бахдо Караян в местности, называемой мост Азрата, Оганес Карапетян со своими 12 товарищами, Колан Лавандян, Ако Исканян, Лаванд Умян и другие. Наш мюдир постоянно звал нас на собрания и увещевал, чтобы мы оставались верны правительству и служили всем своим имуществом.

Весть об истреблении армянских солдат дошла до нас в то время, когда турки отступили и прошли по окрестным землям мечом и огнем. Каймакам села Коп сбежал в наше село, будучи уверенным, что русские уже на подходе. Я со своими 39 товарищами сбежал и сдался русским с той надеждой, что русские освободят наше село от турецкой свирепости. С этого дня прошло 35 дней, и наш сосед, владелец магазина парон Багдасар Зулоянц, тоже сбежал со своими 4 товарищами к нам и рассказал об осаде села, трудовых повинностях и о том, как регулярно убивают мужчин. На тот момент уже 40 дней подряд женщины готовили для турецких солдат хлеб, масло, сыр и различную еду. Мастера работали в мельницах, мололи муку. На сороковой день сельский посыльный созвал на собрание – всех мужчин, от детей 8 лет до престарелых стариков, и объявил им, что они должны идти в Муш. Не успели они удалиться от села, как из богатых армян выбрали 20 человек, в том числе и моего отца, отпустили их на два дня, забрав по 20 золотых с каждого, а остальных связали веревками и зарубили саблями и кинжалами. Через два дня вызвали моего отца, Арутюна Амирянца, и остальных 19 соседей и убили их таким же способом. Из них только Мхитар Тер-Тумянц спрятался у женщин, попросив их о помощи. Последние спрятали его в том же тайнике, где прятался хозяин этого дома Ако Чанджиянц. После резни женщины выпытали ситуацию в селе и ночью помогли им бежать. Начальник казаков арестовал Тер-Тумянца и Чанджиянца. Ереванец Тигран, член армянского штаба Маназкерта, освободил их.

Женщинам и детям сообщили, что их переправляют в Германию, мол, Германия потребовала вас к себе, там вам будет безопаснее – говорили им. В таком ожидании они жили 6 дней, и за это время было совершено много изнасилований, от чего некоторые умерли. На шестой день женщин и детей разделили на три группы и разместили в трех хлевах, чтобы сжечь их и не разделить русским, которые были на подходе. Ночью женщины в своих укрытиях слышали шум, топот и ржание коней по направлению к Мушу. Они изнутри еще сильнее заперли двери. «Некоторые из убегающих кричали и

просили у нас хлеба, мы отдавали им через дверные щели, и они удалялись. На рассвете все улеглось, мы осмелились выйти и не увидели ни турок, ни русских. Немного спустя показались разведчики-казаки, которых мы приняли за турецких черкесов и, убежав, спрятались и заперлись в наших домах. Но те женщины, которые до того были в России, узнали казаков, и мы вышли встречать их. Пришли казачьи полки и другие войска. Они пообещали нам свободу, но на следующий день вернулись и объявили об отступлении. Это было ужасно...»

Отступали [по линии] Коп – Дерк – Маназкерт – Игдир. Часть выживших в резне людей умерла от голода, часть – от заразных болезней. Село в настоящее время разрушено. Если из нашего села кто и выжил, то благодаря нашему мюдиру Халыфу эфенди, в последние дни он ушел из села, чтобы не видеть, как истребляют армян. Он был выходцем из села Пионк.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 454, л. 36 с обор. – 37 об., подлинник, рукопись.

№ 91

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ НОЙЕМ НОРЕЯН О РЕЗНЕ В СЕЛЕ КОХАК БУЛАНЫКСКОЙ КАЗЫ МУШСКОГО САНДЖАКА

[1916 г.]
Кизыл-Чакчак.

Село Кохак, Буланыкская каза Битлисского вилайета.

Рассказывает Нойем Нореян, нашедшая пристанище в селе Кизыл-Чакчак.

Когак состоял из 300 дворов, из которых 100 – армянских. Наши соседи-курды притесняли, угнетали и грабили нас и до войны, но правительство не стремилось обуздать их. Наши жалобы оставались без ответа, перед нашими обнаглевшими врагами мы оставались безоружными и беспомощными.

В нашем селе была церковь²⁰⁰, имелись школа, 3000 голов овец, 1000 голов волов, 500 буйволов, 300 буйволиц, 1000 коров и более 1000 голов мелкой скотины. С самого начала войны наших мужчин забрали в аскяры и в редифы²⁰¹, увели в разных направлениях, остальных заставили перетаскивать боеприпасы. Постепенно увели всех мужчин и в эти работы стали вовлекать и женщин. Наши соседи курды были освобождены от этих работ, потому что отправили добровольцев в армию, они также пользовались другими льготами. Угнетенным, беспомощным, притесненным, беспризорным

и обираемым был армянин. Наше имущество переставало принадлежать нам, если оно вдруг попадалось на глаза аскярам или чиновникам.

Когда русские подошли к нашему району, курды окружили наше село и учинили всякие бесчинства, изнасиловали красивых женщин и девушек, и многих из них, в том числе и меня, похитили и увели. Меня похитил Амыр ага из рода Молла Амыров. Он жил в городе Муш и отвел меня в свою семью. Ко мне пришли моя мать Рнде и сестра Хумаш. Мою мать, как «ненужную», убили, а меня и сестру оставили. Семь месяцев прожили мы в этом доме, выполняли всю домашнюю работу, но нам на пропитание почти всегда давали черствый хлеб. Когда русские отступили, Амыр со своим родом переправил нас в наше родное село Когак, но когда русские вновь наступили, у амыра не было возможности переправиться в другое безопасное место, и он сдался русским и принял их подданство. Я посчитала, что отныне свободна, и пожаловалась русским на похитившего меня курда, но они ему ничего не сделали, наверное, потому, что он принял их подданство.

Меня нашел мой деверь Тигран и переправил на Кавказ.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 454, л. 21 об., подлинник, рукопись.

№ 92

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО ОГАНЕСА ЗАКАРЯНА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ КОП БУЛАНЫКСКОЙ КАЗЫ МУШСКОГО САНДЖАКА

[1916 г.]
Тифлис.

Оганес Закарян, 13-летний житель Копы, в настоящее время живет в тифлисском приюте Циранавор.

Когда началась война, турки нашего села (село наше было со смешанным армянским и турецким населением) забрали свои семьи и убежали. Затем вернулись вооруженные турецкие мужчины и остановились в нашем селе. В то время я жил в семье моего дядя Мкро, и был подпаском. Я был сиротой, мои отец и мать умерли 7 лет назад. Моему дяде Мкро было 35 лет, и его забрали в солдаты. Жену Мкро звали Мариам, у нее был один маленький ребенок.

Турецкие солдаты каждый день приходили в наше село и уходили на поле сражения. Однажды к нам домой пришли два турка, ели-пили и оставались у нас два дня. Эти турки отвели меня в дом к другим людям, а сами

№ 93
СВИДЕТЕЛЬСТВА ГРУППЫ ОЧЕВИДЦЕВ О РЕЗНЕ
В СЕЛЕ ХАМЗАШЕЙХ БУЛАНЫКСКОЙ КАЗЫ
МУШСКОГО САНДЖАКА

30 августа 1916 г.
Али Беклу.

Сведения о селе Хамзашейх, полученные от Мхитара Бшеряна (35 лет), Арстма Алексаняна (30 лет) и Мурада Акопяна (35 лет), крестьян из Буланькского села Хамзашейх.

Прежнее состояние села. Село Хамзашейх до войны состояло из 380 дворов с армянским населением. Село владело стадами овец в 10 000 голов, крупного рогатого скота в 10 000 голов, а также имелись 1000 буйволов, 1000 лошадей, 60 ослов, 100 плугов, 450 сох, 300 телег, 3 мельницы, 2 маслодавильни, 40 огородов, 20 рощиц (садов?) с 10 000 деревьями. В год село производило 78 000 мер пшеницы, 30 400 телег сена.

Сельская церковь²⁰² была древней и каменной постройкой, в церкви служили два священника – Тер Оганес и Тер Габриэл (оба убиты). Крестьяне нашего села имели Евангелия: у Хачика Маликяна было Евангелие от Марка, которое спасено и в настоящее время находится в селе Али Беклу (около Эчмиадзина) у своего хозяина, у Ареяна Мосика был древний манускрипт – Нарек (утерян), у Хачо Григоряна – Цагик Аветаран²⁰³ (украден), у Тер Меликseta – Евангелие (украдено). В селе была двухэтажная школа с 10 комнатами, 2 учителями и 170 учениками, годовые расходы на школу составляли 100 осм. лир²⁰⁴.

В селе усилиями Мисака Исояна была основана библиотека, которая получала 4 газеты и имела более 1000 книг.

Нынешнее состояние села. Село в настоящее время обезлюдело, дома и церковь разрушены, школа сожжена.

Войсковая мобилизация. Когда Турция объявила о мобилизации, из Хамзашейха забрали в солдаты 100 мужчин, из которых бежали 10 человек, а остальных по сей день ничего не известно (по всей вероятности их убили).

В качестве военной подати правительство забрало из села 5000 мер пшеницы, 380 голов овец, 100 голов крупного рогатого скота, 8 лошадей, 6 осницы, 47 буйволов, 7640 телег жнивья, 10 000 телег сена, 200 литров топленого масла, шкуры 10 волов и 10 буйволов, 500 пар шерстяных рукавиц и носков, 400 полотнищ войлока и одеял, 100 шерстяных стеганых матрасов.

Полицейские и четники разделили не подлежащих военной службе мужчин села на две группы и отправили на выполнение олама. Крестьяне на сво-

остались с женой моего дяди. Когда турки ушли, я побежал к нам домой и увидел, что жена моего дяди сидит у тондира и горько плачет. Она сказала, что заболела. Это случилось зимой 1915 года, в дни Масленицы. После того случая она болела и лежала в постели два месяца.

Весенней ночью 1915 года ашират (племя) Хаджи Муса бека ворвался в наше село и стал убивать и грабить крестьян. Несколько наших крестьян стали обороняться и убили нескольких курдов. Курды обратились в бегство. Я и жена моего дяди, которая была больной, вышли ночью и убежали к Маназкерт. Ребенок моего дяди умер в пути. Курды и турки погнались за нами. 15 мужчин из нашего села во главе с Князем сопровождали нас, сражаясь с ними, по дороге в Маназкерт. Это было в пятницу, и это было во время весеннего посева 1915 года. Жена моего дяди остановилась, не могла идти дальше, и я оставался рядом с нею два часа. Сидя на земле, она горько плакала и мучилась. Через два часа она умерла, а курды подходили все ближе ко мне. Я упал на землю в обмороке, а когда открыл глаза, увидел, что один из солдат нашего села – Алтун Оганес, посадил меня на свою лошадь и скачет в сторону Маназкерта. В Маназкерте мы встретили русских и армян-добровольцев.

В конце мая пришли турки и окружили Маназкерт. Русские начали отступать, и я пошел вместе с отступающим народом. Но русские ехали на лошадях и отступали быстро, и мы не успевали за ними. Я шел пешком, и на моих ногах образовались раны. Смог добежать до ущелья Хамура около реки Мурад.

Я и еще двое детей из нашего села – Востаник и Хачатур – вместе отправились на берег реки, где нашли одну тележку. Мы сели на тележку, но когда проходили арьергардные войска русских, они толкнули телегу в воду. С утра до вечера мы остались в увязшей в реке телеге и уже не надеялись спастись. Сзади доносились звуки пушечных выстрелов, а мы не могли слезть с телеги, боясь утонуть.

Оставались в таком состоянии, пока не пришли два добровольца и, увидев нас, остановили своих лошадей. Посадили нас на своих лошадей и быстро поскакали. Турки были уже близко, и если бы мы остались там еще немного, они убили бы нас. Мы двинулись вперед и дошли до Игдира в конце июля. Из Игдира мы пешком с нашими сельчанами перешли в Эчмиадзин. 15 дней я провел в Эчмиадзине, под стеной Эчмиадзинского монастыря на открытом воздухе. Нас кормил монастырь.

Один из наших сельчан, Абет, который был добровольцем, узнал меня и переправил в Тифлис. В настоящее время я живу в приюте Циранавор.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 454, л. 40–41, подлинник, рукопись.

их спинах переправляли пушечные ядра в Кеприкой, а оттуда в Гасан-кале (около Эрзерума). На своих телегах, в которые были впряжены их же тягловые животные, крестьяне доходили до разных фронтов, да к тому же перетаскивали на спинах грузы весом в 3–4 пуда. За время работ олама умерло 8 мужчин из нашего села, и многие заболели от обморожения.

Резня в селе. В день праздника Вознесения 1915 года, на рассвете, вдали вдруг показалась огромная толпа курдской черни, которая продвигалась к селу. Сельчане, увидев это, запаниковали, и каждый старался сделать все возможное дабы спастись. Из села в ужасе убежали к близлежащему селу Симон, где жили черкесы, у которых до того уже укрылись армяне Ширваншейха. Черкесы с любовью приютили армян обоих сел и, вооружившись, напали на курдов, которые преследовали жителей села. В селе Хамзашейх было убито 400 мужчин, женщин и детей. Курды безжалостно вырезали всех, кто попался им в руки. После чего собрали все трупы в амбарах и сожгли. Затем разграбили все движимое имущество села, забрали всю пшеницу и угнали весь крупный рогатый скот. Курды в основном были из этих племен – чипранские, хаснанские, аширет Абдил Меджита (из Алашкерта), былыкцы и др.

Крестьяне Хамзашейха и Ширваншейха укrywшиеся у черкесов (в селе Симон), нашли пристанище у своих знакомых, которые отнесли к ним с большой любовью. Армяне в селе Симон жили около 40 дней, служили черкесам (выполняли сельские работы), работая вместе с ними. В субботу Вардавара утром неожиданно 10 турецких полицейских и 30 курдских конников спустились в село Симон и сказали черкесам: «Если кто из вас осмелится спрятать армян у себя в доме, то мы всех вас истребим. Даем вам два часа, и если через два часа вы не выдадите всех находящихся у вас армян или если позволите им убежать, то мы убьем вас вместе с ними». Отчаявшиеся черкесы сдали укrywшийся у них народ обоих сел полицейским, но спрятали у себя 100 мужчин.

Курды же, заявившиеся в Симон и потребовавшие у черкесов выдать им армян, обманули их, сказав: «Мы должны отвести армян в село Лиз, т. к. армян помиловали, и всех там накормим».

Курды и полицейские отвели народ обоих сел на мост Зева на реке Мурад (около села Тегут). Мужчин убили и бросили тела в воду. Так же поступили с женщинами и детьми. В тот день на мосту убили 100 мужчин из Ширваншейха и 350 мужчин из Хамзашейха.

А с некоторыми матерями поступили следующим образом – отдавали ребенка в руки матери, затем расстреливали и бросали тела в воду. После убийств курды заставили двух армян натаскать ведрами воды и смыть кровь с моста, после же и их убили и сбросили в воду. С моста сбежала одна женщина с ребенком и нашла пристанище у черкесов. Полицейские еще раз

заявились в село Симон и потребовали выдать армян. На этот раз увели 28 армянских мужчин, их убили около села Карачобан и бросили тела в воду. Во время резни на мосту курды отобрали красивых женщин и невесток и увели с собой. Тем временем это, русские уже приблизились, и черкесы бежали и увели с собой многих армян, которые нашли у них пристанище (мужчины, женщины, дети). Оставшиеся мужчины, женщины и дети направились в Маназкерт, где оставались 8 дней. Во время июльского отступления крестьяне добрались до Эчмиадзина, где умерло 45 человек. Большинство жителей села живет в Александропольском уезде и в селе Алибеклу.

Написанное соответствует нашим рассказам, и (мы) позволяем подписаться вместо нас.

Ввиду неграмотности Мхитара Бшеряна, Арстама Алексаняна и Мурада Акопяна [подписываюсь]

Айк Ачемян (из Вана).

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 447, л. 20–24, подлинник, рукопись.

№ 94

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО СВЯЩЕННИКА МИКАЭЛА ТЕР–САМВЕЛЯНА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ШИРВАНШЕЙХ БУЛАНЫКСКОЙ КАЗЫ МУШСКОГО САНДЖАКА

[1916 г.]
Аразгех.

Священник Микаэл [Тер] Самвелян, нашедший пристанище в селе Аразгех.

Я – приходской священник села Ширваншейх. Османская Конституция также не принесла нам счастливых дней, несмотря на то, что мы, армяне, отправили (и напрасно) своих мужчин в солдаты в османскую армию. Армянские солдаты всегда притеснялись и назначались на самые низшие чины. В качестве налога мы отдавали 1/7 часть нашего дохода, а во время войны правительство довело поборы до половины наших доходов, забирая их насильственно либо под названием «пожертвований».

Когда Россия со своими союзниками сражалась против Германии, Турция, несмотря на то, что сохраняла нейтралитет, но лихорадочно проводила внутреннюю военную подготовку. Мобилизовала кавалерию – так называемые полки «гамидие», пехоту, редифов, народное ополчение «иттихат»²⁰⁵ и «мустахавиз»²⁰⁶.

Наше село состояло из 180 дворов с населением 2000 человек; в селе имелись приблизительно 2000 волов, 2000 буйволов, 3000 коров, 4000 овец, приблизительно 100 лошадей, 100 ослов и 1000 голов мелкой скотины. Все это сгинуло и пропало в лихорадочной работе на оламе – грузы переправляли вначале на телегах, а после на спинах людей. Человек, попав в руки правительства, лишался возможности вернуться – кого грабили и убивали, кто заболел от непосильного труда и умирал, кого расстреливали надсмотрщики, кто умирал внезапно или от обморожений. А спаслись те, кто подкупив полицейских, убежал и скрылся в горах. Меня, как священника, оскорбляли и тем ограничивались, а моих братьев из моего дома увели. У богатых насильственным путем отбирали деньги.

О неизбежной войне с Россией мы узнали из турецких газет. Они считали необходимым воспользоваться союзом с Германией, чтобы отомстить России за вековые обиды. Нас, армян, называли неблагонадежными – «хый-анат миллат»²⁰⁷, – и твердили, что мы обязательно изменим турецкому правительству и поможем России. По этой причине мы всегда опасались этого правительства. Все отдав правительству, мы истощились, лишились всех рабочих рук, даже женщин заставляли переправлять грузы. Своими глазами видел 15 женщин из села Лиз, которые должны были переправить продовольствие в Гасан-кале – Эрзерум. Их путь лежал через наше село. Мы подкупили сопровождающих их солдат и, передав грузы нашим парням, избавили этих женщин от этого труда.

Мы очень поздно узнали, что русские войска захватили Маназкерт, который находился на расстоянии 7–8 верст от нас и был отделен от нас рекой Мурад. В этот период отступающие турки и курды угнали у нас волов и буйволов, и на наши жалобы никто не обратил внимания. Наши бывшие «побратимы» курды вошли в раж, отобрали весь наш скот и разграбили все наше имущество, уговорами ли, насилем ли. Убили 4 мужчин – братьев Гегама и Мелика Казарянов, и Арутюна и Мисака Матосянов – отца и сына (их убил Надо из Былыка). Мы – я, мой брат и его сын – спрятались во внутренней комнате нашего Евангелия²⁰⁸. Началось бегство в соседнее село Хамзашейх, которое было правительственной почтовой станцией. Однако грабители ворвались и в это село и с той же жестокостью похитили многих женщин и девушек. Сын Гасан агы Ахмад похитил нашу соседку Карубар Манишак, Мамад похитил Чичак и Лусик. На этот раз мы сбежали в черкесское село Симон. Нас пригласил к себе Муса бек с тем условием, что он защитит нас от турок, а мы защитим их от русских. Через три дня они сказали нам, что русские уже на подходе, и они больше не в состоянии защищать нас. В эту же ночь я, Мовсес, Овсеп, Багдасар – около 100 мужчин – сбежали и присоединились к русской армии. Муса бек со всей верностью

защитил мою семью и отправил ее ко мне в Маназкерт, а остальной народ турки вырезали на мосту Зыхран и сбросили тела в воду. Наступило июльское отступление русских и мы под защитой русской армии добрались до Кагзвана, а остальные продолжили путь в Эчмиадзин.

Наше село в настоящее время разрушено. В последнее время некоторые сельчане вернулись в село, из них Казаренц Геворк был убит в курдском селе Молла-Мустафа.

Я спас и принес сюда наш семейный рукописный Цахик Аветаран²⁰⁹.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 454, л. 18 об., подлинник, рукопись.

№ 95

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО ЗАКАРА АГЫ МАРГАРЯНА О ПЕРЕСЕЛЕНИИ И ПОТЕРЯХ СЕЛА КАКАРЛУ БУЛАНЫКСКОЙ КАЗЫ МУШСКОГО САНДЖАКА

Сентябрь-октябрь 1916 г.
Александропольский уезд.
Район Буланька.

Буланьк разделен на две части – Верин (Верхний) и Неркин (Нижний) Буланьк с приблизительно 30 армянонаселенными селами.

Верин Буланьк находится в северной части, близко к русской границе около Алашкерта и вбирал в себя следующие села:

1. Латар	220 дворов	70 – армянских	150 – курдских
2. Какарлу	200 дворов	196 – армянских	4 – курдских
3. Пиран	80 дворов	50 – армянских	30 – курдских
4. Хачлу	40 дворов	4 – армянских	36 – курдских
5. Харапшахер	70 дворов	55 – армянских	15 – курдских
6. Коп (резиденция каймакама)	600 дворов	450 – армянских	20 – курдских
7. Ёнчалу	300 дворов	300 – армянских	130 – турецких
8. Блур	120 дворов	40 – армянских	–
9. Мербар	43 дворов	40 – армянских	80 – курдских

10. Мечетлу	150 дворов	145 – армянских	3 – курдских
11. Вотнчур	150 дворов	150 – армянских	5 – курдских
12. Тегут	160 дворов	160 – армянских	–
13. Ширваншейх	140 дворов	140 – армянских	–
14. Хамзашейх	200 дворов	197 – армянских	–
15. Карагыл	210 дворов	210 – армянских	3 – черкесских
16. Шейхеагуб	200 дворов	200 – армянских	–

В Верин Буланые резне подверглись села Хамзашейх, Шерваншейх, Коп и Карагыл. Из населения первых двух сел спаслась едва 1/10 часть. В Копе было убито 150 человек. Карагыл спасался самообороной, число жертв достигло 100. Остальные села обошлись небольшими человеческими жертвами, но потеряли все имущество. От курдов удалось утаить незначительную часть своего имущества, да и та по дороге была отобрадена у них русскими солдатами и казаками, так что до России донесли его ничтожную часть.

Неркин Буланек располагался в более глубинной части края, и состоял из следующих сел:

Лиз (резиденция мюдир)	350 дворов	345 – армянских	5 – курдских
Апре	200 дворов	50 – армянских	150 – курдских
Гяболан	60 дворов	20 – армянских	40 – курдских
Моллакенд	100 дворов	30 – армянских	70 – курдских
Пионк	80 дворов	40 – армянских	40 – курдских
Аткон	80 дворов	65 – армянских	15 – курдских
Пркашен	70 дворов	68 – армянских	2 – курдских
Хошкелти	150 дворов	147 – армянских	3 – курдских
Когак	300 дворов	60 – армянских	246 – курдских
Акрак	60 дворов	50 – армянских	10 – курдских

В Верин и Неркин Буланыхах было 4333 двора, 3282 – армянских, 921 – курдских и 130 – турецких.

В Верин Буланые – 2883 двора, 2407 – армянских, 346 – курдских, 130 – турецких.

В Неркин Буланые – 1450 дворов, 875 – армянских, 575 – курдских.

Итого: 4333 двора, из них 3282 – армянских, 921 – курдских, 130 – турецких.

В Неркин Буланые резня прошла со всеми ее ужасами, изощренностью, курдским зверством и варварством.

Верин Буланек.

Какарлу.

Село состояло из 200 дворов, имелись 2000 голов скота (буйвол, корова), 150 овец, 40 000 кот пшеницы, 1000 кот льна. Была одна церковь – Св. Геворка – и одна школа с 60 учениками, расходы на содержание которой покрывало село. Из 200 домов села 4–5 домов турки сожгли, порушили опоры остальных домов и сожгли потолочные брусья.

Через месяц после объявления всеевропейской войны, в августе, в Турции прошла всеобщая мобилизация мужчин от 20 до 38 лет. Крестьяне подали прошение каймакаму Копы и мютасерифу Муша, чтобы им дали время на завершение полевых работ. Прошение было отклонено, и 70 человек были отправлены в Коп, где их зарегистрировали и, выделив каждому по 14 гурушей на дорожные расходы, отправили часть в Муш, часть в Эрзерум. Одновременно с мобилизацией в селах начались насильственные поборы и ввели трудовые повинности. В августе же во время обмолота зерна в село явился каймакам и потребовал 8000 кот пшеницы и ячменя, 50 овец, 50 пудов топленого масла, 300 пар шерстяных носков, 300 пар шерстяных рукавиц, 50 стеганых постелей (одеяло, матрас и подушка), 40 полотнищ войлока. Эти требования были удовлетворены в течение одного месяца. Забирали товары и взамен давали заемную бумагу, подписанную каймакамом или снабженцем армии, и добавляли, что если наше правительство победит в войне и земля останется за нами, правительство возместит вам цену этих товаров по этим бумагам. Во время сбора товаров жестоко избили старосту села Кокола и его помощников, обвинив их в медлительности. Избивали и оскорбляли крестьян, если они из-за своей бедности не могли обеспечить требуемое количество товаров. Крестьян также заставили переправлять грузы в Коп, оттуда же в течение 4 месяцев крестьяне переправляли в Муш и Эрзерум продовольствие, одежду и другие вещи на собственных животных, спинах и телегах, в зимнюю метель и вьюгу. К каждой группе, состоящей из 10–15 грузчиков или возниц, присоединялись полицейские, которые в пути

постоянно избивали их, оскорбляли и угрожали им, заставляя пробираться сквозь снега наравне с лошадьми. 3 грузчика из этого села опустили тюки на землю, чтобы немного передохнуть, как сразу же полицейские застрелили их, обвинив в попытке бегства. Полицейские намеренно мучили армян. Их целью было либо убить армян, измучив их до смерти, либо обвинить их в преступлении, завладеть их волами и телегами, отвезти все это в город и продать. 10 человек из этого села, не выдержав побоев полицейских, холода и голода, оставили волов и телеги и бежали. Таким образом за 4 месяца было убито 11 мужчин из Какарлу – Мисак Сафарян, Левон Акопян, Саак Мхоян, Мисак Погосян, Мгер Мартоян, Арпик Мелконян, Мхо Гаспарян, Маргар Мартоян и другие (их имена не помню), были захвачены 96 телег со 192 волами и 300 мешков.

Армянским солдатам дали 3 дня, провели тренировки и научили обращаться с оружием, но через три дня забрали оружие, и часть солдат, которая была в Муше, отправили на дорожные работы, а ту часть, которая была в Эрзеруме, отправили на перевозку грузов из Кеприкоя в Катфан (дорога протяженностью в 3–4 дня ходьбы). В пути, не выдержав голода, холода и побоев, армянские солдаты (около 40 человек) дали взятки полицейским и убежали в село, а остальные 30 умерли в пути или были убиты военными и полицейскими.

Один из знатных людей села, Закар ага, который был одним из членов суда в Копе, и которого уважали как армяне, турки и курды района, так и правительство, обратился к каймакаму Копы Гусейну Фаиг эфенди и предложил образовать из армян отряды четников (как в случае с турками и курдами) и отправить их сражаться против русских. Каймакам поблагодарил его за эти патриотические чувства армян и пообещал обратиться куда надо и приказать организовать такие группы из армян. Через 20 дней Закар ага вновь обратился (за ответом), но прежнего каймакама перевели в другое место, а заменивший его Эсат бей, его помощник и мюфтий²¹⁰ ответили ему: «Мы знаем, в чем дело. Погос паша, ваш католикос и градоначальник Тифлиса пригласили Андраника из Болгарии и составили группы, чтобы сражаться против нас. Мы вам больше не доверяем, если дадим вам оружие, вы будете сражаться на поле боя против нас». Закар ага, предлагая образовать эти группы, надеялся не вызвать подозрений у правительства против армян и смягчить поборы и преследования, так как люди из правительственных кругов и знакомые высшие чины из армии сообщили ему, что армян хотят истребить.

В конце апреля 1918 года (28 апреля) раненый черкесский сотник Муса Казым, по дороге домой встретился с Закар агой и сказал ему, что через 10–15 дней русские достигнут Маназкерта. Он посоветовал найти способ

и бежать к русским, иначе его тоже непременно убьют, так как уже решено истребить всех армян в государстве, начиная от малых детей, и что не будет исключения и для высших чиновников. Через два дня военачальник Хлич–Кятука, которого назначили на новую должность в Багдад (а его заменил Хаджи Хамти бек) наведаясь в дом к Халид аге из гасананского аширета и сообщил ему в присутствии Закар аги (посчитав его курдом), что правительство перестало доверять армянам и решило истребить всех армян без исключения: «Будьте осторожны – не жалейте и не защищайте армян, потому что в этом случае правительство повесит вас».

Через 8–10 дней после этих событий, в среду Вознесения, русские вошли в Маназкерт. В понедельник и во вторник рядом с селом проносились полки гамидие, которые спасали свои семьи. Они попытались войти в село Каркарлу и вырезать армян, но влиятельный предводитель сельского курдского аширета Халыд вооружил своих людей и защитил армян, пригрозив не щадить гамидие, если они попробуют нанести вред селу. На протяжении всего этого времени, когда Халыд защищал армян, он беспрестанно говорил, что боится как бы правительство его не повесило за то, что он защитил нас. В среду отступление гамидие прекратилось, и войска тоже не проходили. На следующий день (в четверг Вознесения) люди спешно (некоторые – взяв овец и скот и необходимые вещи, а некоторые – с абсолютно пустыми руками) собрались переправляться в Маназкерт и присоединиться к русской армии. А Халыд ага забрал у крестьян 100 пар волов для переселения в Хлатский уезд, село Хулик. Этих волов он позже вернул в село, но армяне уже ушли из села.

В Маназкерте пробыли 2 месяца, еды и продовольствия было вдоволь. На Вардавар 1915 года русские отступили, а турки двинулись на Маназкерт. Народ пришел в замешательство и спешно приступил к бегству. Вечером дошли до села Бурни-Булаг (около 30 000 человек – весь народ Буланьика, Маназкерта и Хлата), отдохнули там три часа, а затем до нас дошла отступающая русская армия – обозы и казаки. В сумятице народ оставил там или потерял свои телеги, волов и овец. Взяв детей за руки, мы затесались между обозами и конными солдатами. Много детей погибло под обозами и копытами коней. Казаки и обозы без стеснения наезжали на людей и сталкивали их в реку Евфрат. Многие женщины оставили детей и бежали, остальные бросились в реку. На второй день дошли до Шейхизлан кетика, далее – до Хамура, Каракилысы, Ташгале, Учкилысе, Диадина, Кор Мусуна и на десятый день – до Игдира. Некоторые беженцы успели взять с собой овец, которые взяли хлеба и муки из Маназкерта – и только этим питались 30 000 людей за эти 10 дней. В пути казаки угнали у беженцев овец и скот, пригрозив убить тех, кто попробует им препятствовать, и действительно убили многих, кто воспротивился.

Многие умерли от голода, были люди, которые до Игдира ничего не ели, но шли безостановочно, день и ночь находясь в пути. С Маназкерта до Игдира по всей длине дороги лежали трупы – женщин и мужчин, детей, старых и немощных. Из 800 жителей Какарлу в пути умерло более 100 человек, а в Эчмиадзине и в районах от эпидемий – 60 человек. Остальные находятся в Эривани (Ахта, Башгех, Тайчарух, Птгни), Хаджихалил, Гёзалдара, Еганлар, Гуличан, Парнигех, Казарапат, Шиштапе, Дузхараба. Привели с собой 56–60 овец и около 100 голов скота. В конце мая 915 года мы отправились в село и вернулись обратно – 3 дома было сожжено, все имущество и утварь, как и зарытая в землю пшеница, были разграблены. [Деревянные части] остальных домов разрушила и сожгла русская армия.

Рассказал Закар ага Маргарян из Какарлу.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 452, л. 1–4, подлинник, рукопись.

№ 96

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО АСТВАЦАТУРА АКОПЯНА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ АРТОНК МУШСКОЙ КАЗЫ МУШСКОГО САНДЖАКА

31 августа 1916 г.
Неркин Хатунарх.

Рассказ Аствацатура Акопяна из мушского села Артонк.

(Этот человек не смог дать сведений о прежнем состоянии их села, овец, скотине и др...)

Резня в селе. На Вардавар 1915 года, в понедельник, войска Муса бека и курдские конники гамидие внезапно окружили село Артонк.

Прежде всего собрали всех мужчин села, из которых 150 человек отвели в амбар Мугу (сына Кико), всех расстреляли там и подожгли амбар, который обрушился на трупы. Народ в панике и в ужасе бросился в разные стороны. Курды погнались за людьми, зарубили саблями и расстреляли всех, кого смогли поймать.

Женщин и детей села отвели в село Авзут, где уже находились многие тысячи женщин и детей, приведенных сюда ранее из разных сел Мушской долины.

В Авзуте жил известный богач Малхас, в обширных амбарах и хлевах которого полицейские и гамидие собрали женщин и детей. После того, как всех

разместили в хлевах, амбарах и конюшнях, войска и гамидие окружили хлева и амбары. Навалили легковоспламеняющегося хвороста перед дверьми амбаров и хлевов и подожгли. Двери запылали пламенем. Толпа внутри кричала, издавала ужасные вопли и звала на помощь. Когда едкий дым жнивья в амбарах повалил в здания, запертые внутри люди стали задыхаться. Хлева и амбары воспламенились с треском, и крыши обрушились на людей. Амбары, хлева и конюшни горели 24 часа, все умерли, сгорев и обварившись.

Тех, кто смог пройти сквозь лавину огня и выбраться из окна хлева или амбара, либо зарезали, либо расстреляли.

Самооборона. Когда село окружили, 25 человек – Артин, Овик, Саргис, Дро, Багдасар, Арам, Мкртыч, Абгар, Рубен, Хачик, Георг, Каро, Киракос, Вардан и др. – укрылись в доме Саргиса Погосяна с двумя винтовками и стали сражаться с турками и курдами. Последние, увидев, что сражающиеся не сдаются, подожгли дом (позицию армян). Армяне проломили стену дома и убежали в дом Овика Хачояна. Курды, решив, что дом горит вместе с ними, ушли. После наступления темноты обороняющиеся укрылись в зарослях камыша вблизи села Артонк, где прятался народ из сел Варденис, Артонк, Авзут, Мушегашен, Мозык, Арнист и других нескольких сел.

Вооруженные мужчины заняли оборонительные позиции по всем сторонам зарослей, чтобы курды не посмели напасть и вырезать народ. 10 дней народ жил в этих зарослях – вверху солнце, внизу – вода. Ночами выходили в поля и собирали зерна с несжатых полей, варили их и ели, или размельчали зерна и так перебивались. Курды знали, что в зарослях прячутся люди, но они также знали, что среди них есть и вооруженные, и не смели нападать на них.

Через десять дней после праздника Вардавара русская армия Назарбекова подошла к Мушской долине, но вскоре отступила, и с нею ушел народ Мушской долины, который смог спастись от резни. По линии Арчеш – Беркри беженцы дошли до Игдира. Во время резни курды увели в плен 25 мужчин (10 человек были освобождены весной 1916 года) и 50 женщин, чей дети были убиты. Весной 1916 года около села Хотнкан произошло сражение между курдами и армянами; курды были из Зиланского ущелья – 6000 конников. В этом сражении погибли 11 варденисцев, 10 артонкцев, 220 мужчин из Сасуна. Резни в селе Артонк избежали приблизительно 200 мужчин. Большинство жителей Артонка живет в настоящее время в Александропольском уезде.

Написанное соответствует моему рассказу. Ввиду неграмотности рассказчика подписываюсь:

Айк Ачемян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 448, л. 8–12 об., подлинник, рукопись.

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО ДЖАВАИРА АВETИСЯНА
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ БОСТАКЕНД МУШСКОЙ КАЗЫ
МУШСКОГО САНДЖАКА**

31 августа 1916 г.
Арташат.

Джаваир Аветисян, крестьянин из мушского села Неркин Буланьк²¹¹, рассказывает следующее о резне в своем селе.

Село Буланьк состояло из 350 дворов с армянским населением в 2550 человек и из 8 дворов с курдским населением в 60 человек.

Армяне владели стадами овец в 3500 голов, стадами всякой скотины в 2300 голов. Годовая прибыль села составляла 90 000 кот пшеницы (кот равен 2 турецким литрам) и 60 000 кот ячменя и др.

В селе была своя церковь²¹², которая в настоящий момент полностью разрушена.

В 1914 году правительство забрало из нашего села 400 мужчин в солдаты и отправило их в Муш, а из Муша – в Эрзерум.

Правительство с нашего села собрало для армии 30 000 кот пшеницы, 450 овец, 200 литров топленого масла, 1500 кот ячменя, 150 коров для убоя, 200 телег, 400 буйволов, волов. Увели 150 человек для переправки грузов в Эрзерум и Басен, они так и не вернулись. [Среди них] были Аракелян Авдал, Нерсисян Сагател, Княз Пагоян, Мимян Авдал, Сардарян Григор, Тоно, Мкро, зурнач Княз, Врдеян Нато и другие. Также забрали 450 литров шерсти, 850 пар шерстяных носков, 750 пар шерстяных рукавиц, 900 пар чарухов. Четники застрелили беременную корову Петроса, сына Мне, содрали с нее шкуру и забрали с собой. Они также в поле связали ноги коровы Григора, сына Сероба, и вола Сероба, сына Мне, и вживьем содрали с них кожу, не зарезав их и не убив. Забрали также 500 мешков, 40 лошадей и пр.

Все эти товары крестьяне переправили на телегах в Муш, а зимой, в качестве «амелие», мужчины от 12 до 60 лет на собственных спинах перенесли в Эрзерум, под надзором четников, от чьих побоев в пути умерло 20 человек, среди них Гегам Аветисян, Кярам Аракелян, Авдал Аракелян, Симон Тоноян и др.

Четники среди бела дня врывались в дома армян, насиловали женщин и похищали девочек. Например, четники из Муша ворвались в дом Плче, сына Паго, и изнасиловали его невестку Воски, а также Ано, невестку Марто, сына Врде, Никар, невестку Симона, сына Врде, Хасе, невестку

Нерсеса Мнеяана. Насильно исламизировали 14-летнюю дочь Петроса – Гюльназ, а Петроса и его жену Кишмиш убили, так как те оказали сопротивление.

Всех мужчин забрали в олам (бегяр) и в солдаты, остались женщины и старики. Сеид, сын Арпо, жестоко измучил и избил Кишо, жену Марто, сына Врде, Шушан, жену Врдян Мро, Никар, жену старосты Мовсеса, Шушан, жену Пазоян Пото и забрал все оружие села – 80 единиц винтовок и пистолетов. Их слуги беспрепятственно входили в дома, грабили украшения и одежду женщин и сеяли среди нас ужас.

От наших солдат мы не получили ни одного письма, и никто из них не сбежал (и не вернулся) до сегодняшнего дня.

В мае 1915 года до нас дошла весть о том, что русские вошли в Буланьк-Коп. Саид, Садин с регулярными войсками Муша ворвались в наше село. Угнали весь скот из полей, разбрелись по селу, разграбили имущество и убили всех, кто встретился на их пути. Они расстреляли и убили 156 человек – мужчин, женщин и детей, среди которых был священник Тер Арутюн, староста Мовсеса, члены меджлиса²¹³ Мкртыч и Аракел. Насильно исламизировали и увели жену Горге – Воски, Гирто, невестку Тите, Србуи, невестку Салвик, Маргрит, невестку Чутме и Алмаст, невестку Сароян Казара. Еще 60 женщин и детей курды отвели к мосту Зыхран и сбросили их в воду. А мы, оставшиеся в живых, убежали в разных направлениях – в горы и в ущелья, и жили, питаюсь зеленью, пока русские не захватили Неркин Буланьк. Мы по линии Маназкерта и Алашкерта дошли до Эчмиадзина, и там по указаниям «Братской помощи»²¹⁴ разместились в районах Эчмиадзина, Игдира и Гамарлу. Из нашего села спаслись всего 30 человек.

В 1916 году 4–5 мужчин вернулись на родину, однако те курды, которые вырезали нас и сражались против русской армии, к этому времени приняли русское подданство и уже в качестве мирного народа завладели нашим селом и нашим имуществом. Из пришедших в село мужчин они убили 3 человек, а остальные вернулись сюда.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 435, л. 5 об., подлинник, рукопись.

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО ТОРОСА СИМОНЯНА
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ГЕЛИГЮЗАН МУШСКОЙ КАЗЫ
МУШСКОГО САНДЖАКА**

16 августа 1916 г.
Кохб.

Рассказ Тороса Симоняна, крестьянина из сасунского села Гелигюзан (47 лет, он был очевидцем):

Гелигюзан состоял из 247 домов с населением 2035 человек, в селе были 4 церкви²¹⁵, 12 мельниц, 3 школы, имелось 13550 голов овец, 2932 голов скота. В церквях хранились три рукописных Евангелия. Годовая прибыль села составляла пшеницы на 220 осм. лир. (2735 мер), 600–700 бардов сена.

В августе 1914 года правительство вызвало мужчии Гелигюзана (от 20 до 50 лет) в солдаты. Но гелигюзанцы ответили, что они с четырех сторон окружены аширетами (курдскими племенами), и каждодневно находятся под угрозой их нападения, следовательно, не могут отдать своих мужчин в солдаты, если из аширетов мобилизации не будет. После этого прошло три месяца, и хианские курды убили трех полицейских (мелкоигалийских). Правительство взвалило вину за эти убийства на гелигюзанцев и арестовало знатных людей Гелигюзана, из них шестерых повесили, троих бросили в тюрьму. Среди повешенных – Казар Оганесян, Абет Киракосян, Саак Донеян, Казар Ареян, Ехо Погосян, Оганес Погосян. В тюрьму попали Хачо Мкоян, Аро Мкоян и Арам Горгян. После убийства шестерых невинных людей мы полностью потеряли доверие к правительству, и гелигюзанцы не отдали солдат.

В июне 1915 года регулярная армия в составе 4000 человек и 6000 аширетов (курдов из аширетов) во главе с Кёр Слеманом (хианцем), Гусейном агой (гулпейцем), Хаджи Рашид агой (фархнейцем), Хати беком (хазровцем), Хаджи Махмадом (батканцем), Слеман агой (алманцем), Генджо Папури (усейцем), Усфе Хапе (шекотанцем), Салиме Хаве (бетарцем), Муса бе[ком] и Хасым бе[ком] из Хута напали на Гелигюзан и Андок⁴². В Андоке и в Гелигюзане собрался народ и вооруженные мужчины из остальных сел Сасуна. В течение одного месяца мы оказывали сильное сопротивление, и чернь не смогла ничего сделать. За месяц самообороны погибли только семь армян.

⁴² Кроме вышеназванных руководящих преступников, своими злодеяниями были известны Мхе Амар (хианский), Слеман Малахасани (хианский), Хаджи Шаро (багранец), Сло Прахим (харкорский), Тело Хшман из Богка и др.

А когда русские войска отступили (в июле), турецкое правительство направило войска в составе 12 000 человек и 15 000 курдской черни на подмогу черни, осадившей Андок и Гелигюзан (с 4 пушками и 2 пулеметами). 21 день они, не переставая, бомбили позиции Андока и в конце концов захватили и вырезали 20–25 тысяч человек, которые там укрывались. Часть армянских солдат убежала в горы и леса, где продолжались отдельные сражение. Правительство, убедившись, что силой не может истребить всех сасунцев, распространило заявление, в котором обещало помилование тем, кто сдастся. Укрывшийся в горах народ спустился в село Дапик и сдался начальнику уезда. Последний отправил их в Муш. Женщин и детей утопили в реке Евфрат, а мужчин отправили в Битлис и, связав вместе, расстреляли. 150 человек из оставшихся в Муше сбежали в горы. Из Гелигюзана спаслись всего 250 человек.

Записал Г. М. Неркарян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 439, л. 1 об., подлинник, рукопись.

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО РУБЕНА ВАРДАНЯНА
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ГОМС МУШСКОЙ КАЗЫ
МУШСКОГО САНДЖАКА**

1916 г.
Тифлис.

Рубен Варданян, 12 лет, из села Гомс вблизи Багеша, у него есть отец, который прибыл в Тифлис до резни. Живут в Тифлисе по адресу улица Ходжаванк, 15. Рубен посещает первое отделение Авлабарской приходской школы для беженцев.

О мобилизации и резне рассказывает следующее.

Из нашего села (30 дворов) в аскияры (солдаты) ушли 14 человек и не вернулись. До сражений в Ване в нашем районе было спокойно. Отдавали правительству все, что они требовали. Когда началось сражение в Ване, пришли турки, собрали 40 мужчин из нашего села и увели в Духан под Багешом, как рабочих «амалия», но всех убили и сбросили трупы в реку. Выжил всего один человек по имени Киракос, он в настоящее время работает пекарем в Тифлисе; он мне рассказал об этом.

После этого, под конец Пасхи (в апреле) в наше село пришли 10–15 жандармов. Сообщили, что хьюкмаг²¹⁶ (правительство) требует всех к себе. Мы

стали плакать. Утром схватили всех жителей села: несколько жандармов обошли село, собрали всех (мужчин, женщин и детей) и погнали. Кто попытался убежать, того убили – 2 человека погибли таким образом. В пути жандармы убили еще 4 человек, которые пытались бежать. Одного поймали и отрубили ему голову саблей. Через некоторое время повернули нас и привели обратно в село, в котором уже находилось много крестьян из других сел. Прибывшие (из Багеша) турки выбирали и уводили красивых невесток и девушек. Пришел наш знакомый Русул, забрал мою мать, меня и трех моих братьев в Багеш, к себе домой. Оставались у него один месяц. Однажды я с турецкими детьми пошел в наше село, чтобы найти вещи. Все дома в нашем селе были сожжены, деревянные части разобраны, а в церкви и вокруг нее лежали трупы – насчитали 80 трупов женщин и детей.

Через один месяц Расул попытался заставить нас принять ислам, но мы отказались, и он выгнал нас. Так же и другие турки, которые прятали у себя армян, выгнали их или убили после того, как завладели их скотом и имуществом. Расул отвел нас в одно курдское село и ушел. Курды отвели нас в лес и оставили там. Три дня оставались мы в горах, и вынужденно от голода спустились в город. Один наш знакомый по имени Рашид встретился нам и забрал нас к себе. Жили у него три месяца, моя мать пекла ему хлеб. Рашида увели в аскяры, и мы, выйдя из дома, вновь оказались среди курдов.

Нам встретились два жандарма, они схватили нас и отвели в хьюкмат. Там были и другие армянские женщины, около 40 человек. На следующий день в сопровождении 10 жандармов нас отправили в Сгерд. В пути, по всей дороге были разбросаны трупы людей и их кости. Когда мы поднимались в гору, жандарм выхватил ребенка из рук матери и разбил ему голову, бросив его о камень, потому что мать не могла хести его дальше. Прошло немного времени, и другой жандарм камнем размозжил голову одному десятилетнему мальчику: у него опухли ноги, и он не мог [ходить]. Ночью дошли до курдского села. Рано утром нас вновь вывели в путь. 12-летний Исо (Исаак) из нашего села не смог идти дальше, и жандарм зарубил его топором и бросил труп в ущелье. Не доходя до Сгерда, жандармы убили еще одну женщину, привязали двух 6–8 летних детей к хвосту лошади и погнали в Сгерд. Дошли до Сгерда и в конюшне провели два дня. Ночью нас подняли и сказали нам, что нас убьют и сбросят тела в реку. Моя мать с четырехлетним братом, который все время был привязан к ее спине, взяла нас и, воспользовавшись темнотой, убежала. 8 дней мы провели в горах без еды и питья. Вновь спустились в город к нашему знакому, турку Ахмаду. Ахмад прятал нас у себя два дня, затем отвел в село Шех-Нок и наказал курдам спрятать нас. Остались в этом селе. Моя мать пекла хлеб, а мой старший брат Арташес (14 л.) и я пасли овец. Через неделю пришел один

курд-балканец и увел меня к себе пастухом. Через день он прогнал меня из-за того, что я не знал курдского. Я вернулся к своей матери. На следующий день пришел Ахмад, тоже балканец, и увел меня к себе, я у него пас овец. Так жили шесть или девять месяцев. Пришли русские и захватили город.

Однажды курды пришли и сказали, что русские им велели собрать всех армян и передать им. Привели 10 человек из Балкана и 25 человек из Шех-Нока, я побежал искать свою мать, но узнал, что она попыталась бежать к русским, и курды убили ее и моих трех братьев.

Русские отправили нас на дрогах в Муш, там меня отправили в приют. Через неделю отправили в приют в Ошакане около Эчмиадзина. Отец мой был добровольцем, через один-два месяца он нашел меня и забрал с собой в Тифлис. Мой отец работает в настоящее время батраком, заботится обо мне и отправил меня в школу.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 423, л. 32–33, подлинник, рукопись.

№ 100

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО КАЗАРА ПОГОСЯНА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ЗИАРАТ МУШСКОЙ КАЗЫ МУШСКОГО САНДЖАКА

[1916 г.]

Рассказывает Казар Погосян, 45 лет, из мушского села Зиарат.

Село Зиарат состояло из 270 дворов с исключительно армянским населением, земледельцы.

Экономическое состояние: обеспеченное село, годовой доход каждого двора составлял 150–500 осм. золотых, овец и коров в каждом дворе по 15–300 голов.

Имущество общины: 1 каменная²¹⁷ церковь, имущество которой было оценено в 800 осм. золотых.

Школа одна, каменная, оценена в 400 осм. золотых – 5 классов, 60–70 учеников обоих полов, 2 учителя, жалование которых составляло 60–70 осм. золотых в год²¹⁸.

В июле 1915 года арестовали 7 выдающихся людей из Зиарата, и отвели к мюдиру, в монастырь Сурп Карапет. На половине пути потребовали 100 золотых, пообещав отпустить их. Вновь вернулись в село, взяли деньги, но (не отпустили их), а снова погнали в Сурп Карапет и расстреляли всех 7-х. На следующий день в село явился Саид из Кола с 15 жандармами, чтобы

арестовать всех мужчин, но тем удалось сбежать в горы. Женщин и детей собрали, погнали и на мосту Куркура окружили с обеих сторон. Начали убивать их штыками, многие бросились в воду и разбились.

В горах укрылось около 700 мужчин, из которых были вооружены только 70. Два месяца они отчаянно сражались, а ночами шли в курдские села, чтобы добыть еды. Голод мучил их, многие по этой причине спустились в долину, были пойманы и расстреляны. Многие погибли в боях. Из 700 человек продержались всего 17 человек, которым удалось добраться до русской армии и спастись. Из этих 17 человек своей храбростью прославились Рыпе Саргис и Паглуа Ово.

Число жертв Зиарата – 4970 человек²¹⁹, спаслись всего 17 человек.

Погосян Казар приводит следующие достоверные сведения о селах своего района:

Название села	Дворов армян	Спаслись
1. Курд Мейдан	50 дворов армян	ни одного человека
2. Шехан	160 дворов армян	5 человек
3. Хоронк	60 дворов армян	1 человек (Керовб)
4. Сахак	7–9 дворов армян	1 человек
5. Сордар	60 дворов армян	1 человек
6. Базу	80 дворов армян	5 человек
7. Хейпиан	160 дворов армян	7 человек
8. Мегти	50 дворов армян	3 человека
9. Хызлагач	260 дворов армян	7 человек
10. Сндзут	60 дворов армян	1 человек
11. Дон	60 дворов армян	11 человек
12. Артхонк	70 дворов армян	1 человек
13. Херкерт	60 дворов армян	ни одного человека
14. Село Мисак агы	30 дворов армян	ни одного человека
15. Дерик	40 дворов армян	1 человек
16. Цыхау ²²⁰	80 дворов армян	3 человека

Л. Матанян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 454, л. 14 об., подлинник, рукопись.

N 101
СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ САНАМ ОГАНЕСЯН
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ЭРИШТЕР МУШСКОЙ КАЗЫ
МУШСКОГО САНДЖАКА

[1916 г.]
Маврак.

Санам Оганесян из Мушской долины Битлисского вилайета, нашла пристанище в села Маврак.

Последняя русско-турецка война стала для нас настоящим бедствием, она унесла все, чем мы владели, законно или насильно – все отобрали. Затем [правительство] отобрало и увело мужчин, часть – в солдаты, часть – в олам. Олам был как постыдным, так и каторжным трудом, и всей тяжестью лег на плечи армянского народа. Взвалив на человека груз весом в 2 кота, а на двоих и с санями – в 8 кот, отправляли до Эрзерума – Хасан-калы. Только с нашего двора забрали 1 лошадь, 6 овец, 4 волов, 10 нуки²²¹ топленого масла, 12 пар шерстяных носков, 2 мешка, 1 ковер, 1 кулаб²²², 2 киле ячменя, 2 киле пшеницы, 1 киле булгура... По сравнению с нами, богатые отдавали больше. Так провели несколько поборов и полностью лишили нас имущества, да и работников в селе не осталось, чтобы содержать свои семьи каждодневным трудом.

В день Вардавара, как и все армяне, мы готовились к выполнению наших национальных обрядов и возрадоваться, но этот день стал днем скорби. Мы увидели, что горит армянский квартал Муша. Запыхали соседние села Хасгюх и Мкрагом. В тот же момент курды из соседнего села Дехдз ворвались в наше село и заявили нам, что вышел приказ о нашем истреблении. «Если хотите спастись, – сказали они нам, – бегите в наше село, мы вас защитим». Среди них был и Мамад Али. Мы были вынуждены отправиться к ним, и сразу же всей семьей переправились в Дехдз. На следующий день курды сказали: «Армяне, правительственные войска из Муша идут сюда, убивая и сжигая армян на своем пути, особенно мужчин. Пусть ваши мужчины бегут в горы, а мы сможем защитить ваших жен и детей». Когда мужчины ушли из села, вооруженные курды из этого села последовали за ними и вероломно убили, и наш новопосвященный священник пал мученической смертью со своей паствой в горах Дехдза. Многие из женщин, в том числе и я, в ужасе побежали в горы и стали свидетелями предсмертных мук наших возлюбленных. Были убиты мой супруг Погос, сын Аво, внук Григор, сыновья моего деверя Мушо и Гегам. Курды продержали нас в плену 3 дня по приказу Муса бека из Хвнера. До этого из Муша и из монастыря

Св.Карапета пригнали в Эриштер множество армянских женщин и детей и сожгли их там. Затем направились к Битлису и в Авзуте сожгли женщин и детей, среди них была моя замужняя дочь Айкануш и ее сын Карапет. Изнасиловали красивых женщин и девушек, заставили принять ислам и взяли в жены. Очередь дошла и до нас: аскяры потребовали у курдов выдать им спрятанных армян. Одна курдская женщина еле спасла меня и мою невестку Никяр и увела нас в горы. Спасенных было 18 человек, остальных сожгли с многочисленными армянами нашего района в следующих домах нашего села: 1) моего брата Аро, 2) в амбаре Аке, 3) в амбаре Мери Араке-ла, 4) в доме Коке Огана, 5) в доме Грко, 6) в доме Аре, 7) в амбаре Акопа и др., всего в 24 домах. После того, как людей сожгли и дома обрушились, а огонь погас, стали просеивать золу и искать драгоценные вещи сожженных людей – золото, серебро и пр. Когда опасность прошла, мы спустились с гор и сдались нашим «опекунам», и все лето они держали нас в своем доме как пленных. Трудились и работали как проклятые, взамен получая кусок черствого хлеба. Спасла своего сына Аветиса, отправив его служить к курдам, однако, увы, потеряла его через некоторое время...

Осенью Хаджи Муса бек, во главе войск, вновь собрал армянских плен-ных, которые жили в домах турок и курдов. На этот раз наши хозяева сами передали нас нашим палачам. Моего сына Аветиса и других, таких же спасенных расстреляли на моих глазах, а меня избили прикладом винтовки и погнали вперед. В пути у нашей соседки начались роды, и она не могла идти дальше. Один аскяр по имени Мама зарезал женщину кинжалом, вспорол ей живот и наколол ребенка на острие кинжала показал нам, как бы угрожая, и вновь погнал нас. Ева, жена нашего соседа Арута также была беременна и несла свою 3-летнюю дочь, привязав ее к спине. От голода девочка плакала: у матери после 8 дней голодания не было молока, чтобы приложить ее к груди и накормить; уставшая, она едва плелась за нами. Полицейский приказал ей сесть и покормить ребенка. Бедная женщина села, полицейский собственной рукой вложил ее грудь в рот ребенка и, немного отдалившись, прицелился и одним выстрелом убил бедную мать и дитя... Рассказывали много таких случаев, и наши окаменевшие чувства уже не реагировали ни на какие зверства.

Нас должны были отвести по направлению к Харберд-Генджу²²³, и ночью мы добрались до курдского села Крана. Нас разместили в овечьем хлеву. Нас было 362 женщины, 2 мальчика, 15 девушек, 6 юношей и 12 грудных детей обоих полов. 2 полицейских выбрали 2 молодых красивых женщин и увели к себе. Изнутри мы слышали, как они, находясь недалеко друг от друга во время своих звериных действий, звали и поощряли друга друга... Я не могла больше терпеть подобное бесчестие. Чтобы убежать, я осмотрелась и нашла в стене дымоход, но на выходе он был прикрыт каменной плитой.

Втиснулась туда, вскарабкалась наверх и, отодвинув плиту, вылезла. Убежала не знала куда, бежала как сумасшедшая, лишь бы быть подальше от населенных пунктов. Днями пряталась, ночами шла вперед, ела траву и дошла до Сасунских гор. Добралась до Лачкана, села одного шейха. Одна курдянка взяла меня в плен, и 2 месяца я жила в ее доме. В том же селе встретила Ано, невестку Аво, сына Марто из Арджавна. Она тоже была пленной бе-глянкой, как и я. Через некоторое время муж моей хозяйки Ыззо, вняв моим слезным мольбам, привел меня в Муш и вручил нашему знакомому Кяриму. Кярим с радостью принял меня и, помня нашу дружбу, содержал меня 2 месяца. В феврале русская армия подошла к Мушу, и Кярим собирался отпра-вить свою семью в Сасун, как в безопасное место. В те дни Кярим два дня отсутствовал по неизвестным мне причинам. Правительство приказало со-брать всех армян в полицейском центре. И меня отвели туда, но Кярим ско-ро вернулся и забрал меня. Я попросила свою хозяйку отпустить меня к нам в село, чтобы принести одежду своей невестки и свои украшения, которые я якобы спрятала в надежном месте. «Если я пойду с вами, жаль, пропадет все это» – сказала я... Она велела своему сыну пойти со мной. Воспользо-вавшись темнотой, я убежала. Дошла до Хасгюха, и мне встретился один курд. Он хотел убить меня, но сохранил мне жизнь и отвел в курдское село Колоси. Там один великодушный курд, упрекнув пленившего меня курда, освободил меня. Я вернулась в курдское село Дехдз и нашла свою невестку Никяр, которую спрятала в доме своих знакомых. Узнав о том, что русские взяли Муш, ночью я забрала свою невестку и пробралась в русскую армию. В пути, когда впервые встретила одного казака и объяснила, в какой ситу-ации мы находимся и куда идем, он сжалился над нами, и, спешившись с лошади, посадил мою невестку в седло, а когда я устала и не могла идти дальше, казак время от времени нес меня на своей спине. Так добрались до Муша. Оставались там долгое время. Мой сын Аршак – супруг моей вы-шеназванной невестки, будучи добровольцем в отряде Кери, в то же самое время был в городе, но мы не знали друг о друге. После этого армянский штаб отправил нас вместе с другими спасенными людьми в крепость Хнус. Оставались в приюте Хнуса один месяц. Мой сын-доброволец, узнав, что мы на свободе и где мы находимся, пришел и нашел нас. Когда курды в первый раз хотели изнасиловать мою сноху, мы обе оказали сопротивление и озверевший курд сломал нам передние зубы. Вот чем объясняется их от-сутствие. Потеряв все, утешаюсь лишь мыслью, что нас не обесчестили... Штаб отправил нас в Кагзван, и оттуда – в Карс. Мы спаслись от турецкого ада, но только наша семья потеряла 26 человек.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 454, л. 25–26 об., подлинник, рукопись.

**СВИДЕТЕЛЬСТВА ВЫЖИВШИХ ДАВИДА МЕЛКОНЯНА
И АМАЯКА МАТЕВОСЯНА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ХАСГЮХ
МУШСКОЙ КАЗЫ МУШСКОГО САНДЖАКА**

9 августа 1916 г.
Аштарак.

Свидетельства сирот 3-го сиротского приюта Аштарака, жителей Хасгюха Мушской долины Давида Мелконяна (16 лет) и Амаяка Матевосяна (15 лет) о резне в их селе:

28 июня 1915 года в воскресенье Вардавара, началась резня нашего села. Правительство уже заранее обманом завладело оружием, имевшемся в селе. За день до резни Касым и Муса беки пришли с отрядом в село и объявили, чтобы все занимались своим делом, а они направляются в город для получения распоряжений от правительства.

Ага нашего села Хаджи Феро несколько дней назад разместил в доме 4–5 вооруженных балыкских курдов, якобы для их безопасности, среди курдов встречались и безоружные мешочники (несомненно для грабежей). Однако, после того как Касым и Муса беки прибыли и убыли, Хаджи Феро открыто сообщил армянам, что правительство приказало вывести армян из села и сдать правительству, а тому, кто оставит у себя армянина, разможат голову. Таким образом, пусть армяне сами думают, как спастись.

В воскресное утро неожиданно осадили все село, и началась ожесточенная стрельба. Затем собрали всех мужчин, объявив, что нужно дать откупную, чтобы больше нас не преследовали. Но на следующий день к вечеру всех повязали (более семисот) и подвели ко рву (яме), что был возле села, где одного за другим убили и всех сбросили в ров. В воскресенье собрали всех наших сельчан мужчин и около четырехсот мужчин, пригнанных из Муша, согнали в дом и сожгли. Они также обыскали убежища села и всех, кого нашли – убили, а наших женщин и малых детей в четверг собрали и увели в село Эриштер, сообщив им, что их отправляют в плен в Германию. Однако многие женщины, предчувствуя беду, бросали своих детей на улицах села, чтобы не видеть их смерть своими глазами. Всех, кого привели в Эриштер, там же и сожгли, а местных армян заставили брошенных на улицах детей собрать и бросить в колодцы.

Части сельчан удалось бежать в Сасун. Один из наших рассказчиков, Давид Мелконян, был среди них. Когда Сасун пал и основные отряды ушли из города, Давид остался в Сасуне и прятался в пещерах, пока не пал Муш. Когда курды уже убежали, он спустился в Муш к русским. А второй рас-

сказчик, Амаяк, бежал в зозаны (яйлахи²²⁴) Хаджи Феро, где нашло прибежище и достаточное число хасгюхцев. Хасгюхский Садык бек забрал Амаяка к себе, а после туда прибыл один Буланькский курд и забрал его в село Алагяз Буланька. После до захвата Муша, прознав про это, Амаяк бежал оттуда и оказался в Муше.

Записанное здесь соответствует нашим сведениям.

Сироты 3-го приюта Аштарака :
Давид Мелконян,
Амаяк Матевосян.

НАА, ф. 227, сп. 1, кн. 428, лл. 9 об. –11 об., оригинал, рукопись.

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО ХАЧО ГРИГОРЯНА
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ШУШНАМЕРК ШАТАХСКОГО НАХИЕ
МУШСКОЙ КАЗЫ МУШСКОГО САНДЖАКА**

Сентябрь-октябрь 1916 г.
Александропольский уезд.

Шушнамерк.

Это село, из 35 домов с сугубо армянским населением, находилось в получасе пути от уездного центра села Тапык. В селе было 150 голов крупного рогатого скота (быков и коров), 1500 овец, 10000 мер зерновых (пшеница, ячмень, просо), выращивались овощи (репа, редька, артишоки), сады с плодовыми деревьями (яблони, груши, слива, орешины, и т.п.). В Гехашене была церковь Св. Степанос и школа на 35 мальчиков – на попечении Обьединенного об[щества]. Там учились также и дети села Шушанмерк. В церкви имелись рукописные и печатные книги.

Шушанмерк и все остальные села Сасунского района сожжены и сравнены с землей.

Как перед войной, так и во время объявления войны сасунские армяне правительству солдат не дали. Во время праздника Св. Богородицы²²⁵ 1914 года в село прибыл каймакам Талип Эфенди из уездного центра, села Тапык, вместе с 12 жандармами и потребовал очень много чего, но сельчане выделили только 500 пар башмаков и носов, 500 штук веревок, 5 литров пряжи [шерсть, хлопок], 20 литров масла, 15 овец и отправили к ним. 20 дней спустя вновь прибыл тот же каймакам с многочисленными жандармами и

потребовал солдат, зерно, ячмень и т. п. Однако до этого сельчане получили распоряжение из Муша отвергнуть требование предоставить солдат правительству, потому что [они] говорили – дадите или нет, вас перебьют. С тех пор тот же каймакам несколько раз в месяц прибывал в село и повторял свои требования, всегда убирался восвояси с пустыми руками.

В последний раз, когда наступал Новый 1915 год, прибыл тот же самый каймакам и попросил сельчан дать правительству хотя бы грузчиков. Он говорил: «Вы – наши подданные, помогите правительству, чтобы победили врага, дабы не дать ему занять нашу землю, надругаться над нашей честью и разорить страну». Он также сказал: «Армяне спокойны под крылом правительства, свободны и землей владеют, а если рус придет сюда, то загубит ваши семейные святыни, что вы так ревностно оберегаете, и завладеет вашими землями. Помогите нашему правительству, победим врага, а после вам по справедливости воздадут. В этом случае мы вас защитим и от турецких жандармов, и от курдских аширетов, чтобы они не нападали и не грабили вас».

Тем временем из сел Шеник, Семал, Гехашен, Шушнамерк ушли 8 человек с 4 быками. 70 человек повели в Муш, а оттуда, нагрузив их двумя пудами груза вместе с караваном из 1500 человек, набранных из долины и других мест, направили в сопровождении жандармерии в сторону Хасан-Кала. Время было зимнее, в дождь и в метель, грузчики шли по пояс в снегу. Без теплой одежды, многие босиком и нагие, поскольку солдаты, идущие на фронт, снимали с них новые башмаки и теплую одежду, а также забирали часы, ножи и т.п. В дорогу провианта не давали. Если встречали по пути какое-нибудь село, где удавалось поесть горячей пищи, это было большим везением. После целого дня пешего хода под дождем, когда добирались до села, их, вместо того, чтобы подводить к огню, где они могли бы высушить одежду и согреться, загоняли в хлева; там они дрожали в промокшей от дождя одежде в январском снегу и метели; многие умирали от холода. Утром снова взваливали на мокрую спину груз и пускались в бесконечный путь. Те, кто не выдерживали этих мучений, обмораживались, заболели и умирали. Как только они останавливались, чтобы перевести дух или по нужде, в них стреляли и убивали, обвиняя в намерении бежать. Вечером, когда они добирались до села, жандармы предлагали армянам дать им денег, чтобы освободить и отпустить в село. Наивный армянин давал ту сумму, что у него была и собирался бежать в село, но как только выходил оттуда или из хлева, другой жандарм стрелял и убивал его.

Из 70 грузчиков их сасунского района 10 умерли по дороге, остальные сбежали и вернулись в село. Многие из них, намучившись в дороге, забо-

лели в селах и умерли. Из 8 человек Шушнамерка вернулись все, но в селе заболели и умерли двое: Геворк Казарян, Саргис Киракосян.

Зима прошла. Во время пасхи курдские аширеты напали на село Агби, похитили коров и овец. Они перешли гору Цовасар и двигались дальше, когда молодежь села вооружилась и начала преследовать курдов, чтобы освободить коров и овец. В бою погибли 25 армян, а из курдов – никто: они были в скалах, стреляли из-за камней, а армяне оставались в открытом месте. Армяне направились в Тапык с жалобой к каймакаму, но тот на это внимания не обратил. Каймакам Талип Эфенди лично поехал по аширетам и во имя святой веры и Мухаммеда провоцировал и призывал их, чтобы они вошли в армянские села Сасуна и свободно и смело их вырезали и разграбили. Он им говорил, что правительство решило так, мол, скоро придут русские, мы будем вынуждены оставить этот район, а до нашего отступления, нужно перебить этих непокорных, хаини (коварных, вероломных) гявуров²²⁶. Он сказал: «Вы делайте все, а я на их (армян) жалобу внимания не обращаю». Об этом армянам рассказывали и предупреждали дружественные армянам курды. Так и вышло: когда армяне прибыли к каймакаму и пожаловались на то, что у них похитили имущество, а 25 человек убили, он им ответил, что не в состоянии сдержать аширетов. Спустя 15–20 дней те же аширеты напали на Кермав, Коп, Ерицанк и Тапык, убили в этих четырех селах 50 человек, забрали оттуда всех овец и рогатый скот, а также всю домашнюю утварь. Селяне снова пожаловались каймакаму, и когда это также осталось без последствий, ишхан Степан из села Кермав отправился в Муш жаловаться мутасарыфу, но там его бросили в тюрьму. Селяне на этот раз послали в Муш всех детей и женщин упомянутых четырех сел потребовать от правительства защиты и компенсации, но и они не вернулись в село – их вывели из Муша и в одном из ущелий всех перебили. Два дня спустя ишхана Степана, а также еще видных армян вывели из тюрьмы, отвели в село Ализрнан, зарубив саблями, облили нефтью и сожгли. Эти случаи произошли в период Вардавара (1915 г.), и в это же время случилась и резня в Мушской долине. Чудом спасшиеся из Муша 200 армян дошли до Сасуна и рассказали обо всем. Тогда армяне оставили свои села, взяли с собой только овец и коров и поднялись на гору Гявешери Фха. Там они пробыли два дня без войны. Здесь был весь народ из сел Кермав, Коп, Ирицанк, Тапык, Гехашен, Шушнамерк, Семал, Шеник и 200 человек, бежавших из Муша. В 1-2 часах пути от них были аширеты, которые следили за армянами и ждали подкрепления от других племен и армии, для того, чтобы напасть. Армяне ночью и днем держали сторожей для слежения за передвижениями врага, дабы не оказаться застигнутыми врасплох. На четвертый день поутру, после того, как они забрались на гору, войска и курд-аширеты двинулись к горе на

народ. Проходя через села, они сжигали их нефтью и двигались вперед со стрельбой. Среди армян было много мужчин, но лишь у 250 человек было оружие. Сельчане купили его у знакомых турок и курдов задолго до этого: было 4–5 типов ружей, из тех, что на вооружении у армии, греческие и немецкие маузеры, и т. д.

Армяне с оружием в руках были на позициях наготове, увидели врага, продвигающегося со стрельбой, и, когда враг приблизился достаточно близко, открыли огонь. Началась битва. Армяне три дня подряд сопротивлялись войску (числом около 2000) и курдскому сброду. Однако, когда враг получил новое подкрепление из Муша, да еще с пушками и пулеметами, армяне решили оставить это место и подняться на Андок. У них была надежда сопротивляться и там, пока возможно, туда не подойдут русские и не спасут их. В трехдневной битве на горе Гявешери Фха погибли 300 человек. На четвертый день вечером армяне оставили эту гору и поднялись на гору Андок, где собрались из других сел Сасуна около 40–45 000 человек. Всего, вместе с новоприбывшими было около 50 000 душ, из которых около 10 000 были мужчины, способные держать оружие, но, увы, у них было всего 900–1000 ружей. Вокруг Андока сначала собрался аширет, однако не решался напасть на армян. Через три дня, после того как перебрались с Гявешери Фха на гору Андок, наутро появился упомянутый враг с 12 000-м войском и многочисленными аширетами, пушками и пулеметами. Они окружили Андок и напали на армян. Сначала армяне отважно сопротивлялись, но когда пулемет и пушка стали собирать свою жатву, их охватило отчаяние и началось бегство. Из воюющих на позициях десяти человек девять погибли за секунду от пушечного снаряда. Спустя три дня сопротивления, армяне уже не могли защищать позиции и бежали. Вечером на третий день враг вошел в стан армян, и началась резня. В ту ночь до зари перебили армян – мужчин, женщин, детей. На следующий день продолжилось преследование и бойня – до трех дней – тех, кто спрятался в схронах, лесах, пещерах и под камнями. В течение тех трех дней войны и резни пало около 30 000 человек. После той резни для того, чтобы вынудить выйти тех, кто попрятался по убежищам, (пленного) Ованеса (Оло) Мартояна из села Шушнамерк убедили в том, что война с русскими завершена, и что царь объявил общее прощение тем, кто сдастся правительству – останутся без наказания, а тех, кто этого не сделает, поймают и уничтожат. Этого человека (около 40 лет от роду) отправили в убежища Андока, чтобы убедить их предстать перед правительством. Из 15–20 000 нашлось лишь 40–50 человек, кто не пове-рил в эту весть и остался на горе, а все остальные спустились и сдались в селе Тапык представителю правительства каймакаму Талипу Эфенди. После Андокской резни аширеты забрали овец, коров и прочее богатство ар-

мян и вернулись к себе, а войско разместилось в селах Гелигюзан, Шеник и Тапык, откуда отправилось в район военных действий, как только армяне сдались правительству.

Еще одна причина для сдачи правительству заключается в том, что верной гибели от голода народ предпочел сомнительное спасение. Люди вооруженные ходили в поле, собирали пшеницу, несли на гору, там ее отбивали и ели. Однако от этой недостаточной пищи многие заболели и умерли, а тут еще и зима наступала.

В селе Тапык в течение одного месяца каймакам отправлял народ в поле на жатву. Собранную пшеницу грузом отправляли в Муш и засыпали в правительственные амбары. Пока мужчины работали в поле, каймакам, после того как собрал по пять курушей с человека, на десятый день после сдачи повел 1500 человек – мужчин, женщин и детей – в Муш якобы для того, чтобы содержать и заботиться о них в тамошних селах. Однако он загнал их в постройки, три дня держал под стражей без воды и хлеба. Тем временем к ним врывались военные и жандармы, насиловали женщин, отбирали деньги. Три дня спустя их вывели из постройки, вывозили в Мушскую долину в село Блел, загнали в хлева и сожгли нефтью.

После окончания полевых работ весь народ – около 15–20 000 человек – погнали в Муш, где разместили по тюрьмам: женщин отдельно, мужчин отдельно. Так же три дня держали под стражей без еды и воды, наконец, женщин погнали к реке в двух часах от Муша, сбросили в воду, а остальных сожгли, после того как подвергли всякого рода изнасилованию. Что касается мужчин, их ввели в амелие табур (рабочую группу). Отвели армян в армянские дома Муша, разрушенные пушками, заставили раскопать и извлечь деньги и прочие вещи. Потом из Муша два раза погнали к Хнусу – переносить припасы для армии. Больных отделили от группы и убивали. В Тапыке оставшихся около 100 больных также вывели из села и перебили в ущелье. Когда русские взяли Хнус, оставшихся 300–400 сасунцев из Муша собрали в село Карнец и всех убили в одном ущелье, а сами бежали в направлении Битлиса, так как русские уже подошли к Мушу. Оставшихся в Битлисе 200–300 человек загнали в какое-то строение, разбили на группы – в каждой по 50 человек, вывели связанных веревкой и убили. Спаслись три человека: они продырявили крышу и убежали. Из этих троих сейчас один добрался сюда, Аршак Киракосян из Гелигюзана, остальные двое тоже пропали.

Во время этой резни армяне делали все возможное, чтобы спастись. Многие, воспользовавшись темнотой, бежали к горе, были и такие, которые подкупали сторожащих их солдат и бежали, другие дырявили потолок, стену, воспользовавшись сном сторожей и бежали в Сасун. Таким

образом, бежало много людей, и 600 сасунцев в зимнюю стужу поднялись на гору. Там они провели зиму в ужасных условиях. Сначала те, у кого были деньги или оружие, несли их к знакомым курдам, меняя на меру пшеницы. Но когда кончились деньги и оружие, вытаскивали из земли сухие корни травы, высохшие трупы забитой скотины, даже мясо погибших друзей. Те, кто съедали человечину, около 8 дней маялись, худели и умирали. Около 100 человек спаслись, прячась у знакомых курдов до прихода русских.

Около 240 сасунцев пришли в Гелигюзан и, немного прибрав сожженные дома, стали жить, но когда об этом узнал каймакам Тапыка, он прибыл туда с 100 солдатами, похитил армян, убив двух женщин и трех детей и сжег село. Зимой жандармы поднимались в горы и каждый день отлавливали 4–5–10 человек, а после ограбления убивали.

В феврале в Муш вошли русские. Турки и курды бежали вглубь страны, а армяне пошли и группами сдались русской армии. С февраля по июль прожили в Муше, питаясь найденными в домах бежавших турок кореньями и готовой пищей.

Нация²²⁷ им выдала на душу по полпуда пшеницы и по три рубля денег. В Муше было много припасов, и они полностью насыщались. Армяне шли впереди русской армии.

Около 200 сасунцев дошли до Муша. Во время июльского отступления русская власть отобрала у армян оружие, русские засели в Мушской долине, а армяне пришли в Хнус, где присоединились к собравшимся там беженцам – около 6000 человек из Сасуна, Хнуса, Хута и разных других сторон. Дорогу преодолели очень спокойно. Представители армянских организаций дали им еду (хлеб, чай, сахар, мясо и пр.). Только два дня оставались без питьевой воды. По пути многие больные умерли. Из села Шушнамерк спасшихся дошло 12 человек – 9 мужчин, 2 женщины и одна девочка. Из всего Сасуна спаслось около 900 человек, находятся в селе Касмалу. Из России в село возвратившихся не было. Их село сожжено и сравнено с землей, а их имущество очень давно забрали курды.

Рассказал Хачо Григорян из села Шушнамерк.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 452, лл. 25 об. – 30 об., подлинник, рукопись.

СВИДЕТЕЛЬНО ВЫЖИВШЕГО АБРАМА ГРИГОРЯНА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ВАРДЕНИС И БЛИЖАЙШИХ СЕЛАХ МУШСКОЙ КАЗЫ МУШСКОГО САНДЖАКА

[1916 г.]

Резня, устроенная в Армении кровопийцами Муса беком и Абдул Маджидом.

Когда Россия объявила войну туркам, эти беки стали проявлять варварство в отношении несчастных армян. Со всех сторон собрав курдов, набрали крупное войско, чтобы воевать против русских. Их замысел состоял не только в том, чтобы воевать против русских, но и грабить несчастных армян.

Прошли месяцы. Когда урус стал продвигаться вглубь Армении, наши звери курды начали громить и грабить армянские села.

Апрель 1915 года подходил к концу, когда урус приблизился к хнусской крепости, и кровопиец Муса бек стал зверствовать повсюду в Мушской долине. Собрал со всех сторон курдов – из Хуты, Моткана и Косора – чтобы составить алайи²²⁸ против русских. В субботу вечером вместе с 800 курдскими бандитами и 150 полицейскими обманом прошел через Варденис в курдское село Агбиенис, бывшее очень близко от нас. Утром послал человека в Варденис и потребовал сельские давтары²²⁹, чтобы рассчитаться с правительством. В 9 часов неожиданно окружил Варденис с четырех сторон и начал грабить село. Со всех сторон поднялся крик и шум. Сын моего брата, Хачик, ребенок четырех лет, от страха перед курдами побежал и, прижавшись к матери, спросил – где спрятаться, чтобы курды меня не зарезали.

– Не бойся, сыночек, Господь велик, и урус придет и освободит нас из когтей этого зулума²³⁰.

Собрали молодежь села, загнали в школу и начали одного за другим мучить и пытаться; блажен тот, кто не видел и не слышал этого. Зверь Муса бек уже к вечеру превратил Варденис в руины. Собрали 20–25 ружей, 1000 пуль, 6–7 человек обреза, которые умерли через три дня, а остальных связал друг с другом и отвел в Муш, где сдал правительству.

Две семьи из страха перед курдами сбросили своих детей.

Не прошло и недели, как негодяй Абдул Маджид устроил резню целого Хлатского района. Он выступил со своих позиций, отошел в район Муша и жестоким образом разорил многие-многие села, такие как Хули, Кармундж, Цахкен, Прхус, Мецк, Колтан и Тапаванк.

С звериной жестокостью разорил, разграбил и превратил в руины и пепел армянские села. Изнасиловали красивых девиц и недавно вышедших

замуж невест, перебили юных детей, насильно отбирали прямо из объятий их матерей и убивали у них на глазах, разбивали о камни, многих бросили в глубокие колодцы. Дошло до того, что даже один грязный курдский щенок, который и в жизни-то армян не видел, отобрал для себя и увел 2–3 красивых и только созревших 12–15 летних армянских девочек.

Оставшихся, то есть стариков, погнали в сторону Мушской долины, голодных, босых, обнаженных. После блужданий в тех местах, их вместе с людьми из Мушской долины сожгли огнем.

1 мая, поутру, в четверг Вознесенья кровопийца Абдул Маджид из Ахлатского района пришел в Мушскую долину. В 9 часов утра 30–40 курдских бандитов на лошадях вошли в наше село, то есть Варденис, чтобы и это село предать мечу, и потребовали от старосты, чтобы он дал 20–30 захомутанных быков, чтобы их отогнали в дом их аги [Абдул] Маджида. А с другой стороны прибыли курды и начали забирать скотину, что имелась в селе. Послышалась стрельба, люди метались в разные стороны. А в это время парни Вардениса – Асрат и несколько его друзей спрятались в одном укромном месте в селе, в доме Хандела.

Когда начали грабить село, прибыли черкесы, находившиеся рядом с нашим селом и несколько кесанских курдов. Они вскоре отогнали солдат Абдул Маджида, изгнав их из села, говоря, мол, если грабить, то мы ближе, и нашу долю вам не дадим.

Когда стада погнали из нашего села, жена нашего звонаря Джнто (а у нее была одна корова) пошла, чтобы привести ее обратно. Когда она пошла на гору, что вдали от села, курдские щенки напали на несчастную, сказав, чтобы сняла свою одежду и отдала им, а она отказалась. Сразу же вытащили ружье, там и убили ее, бедную. В Абдул Маджид привел с собой 1800 быков, которые принадлежали несчастным армянам, и направился в село под названием Гёли Глух, в котором часть жителей были армяне, а остальные – курды. Там он собрал бедных и несчастных армян с семьями и малыми детьми с их матерями, всех обманом собрали в одном доме, где продержали четыре дня, после чего по приказу кровопийц Муса бека и Абдул Маджида запустили огонь внутрь дома и всех армян сожгли, превратив в пепел. То же самое сделали в Мушашхене, где зверь Ибрагим бек связал по 40–50 человек и всех зарезал. Ибрагим бек обманом отвел к себе сына мушашхенца Гро Авдала, привязал к дереву веревкой и начал зверски убивать: его, живого, в течение 12 часов он расчленил на части с ног до головы. Вопль и хрип несчастного раздавался в округе; а тот говорил, где же ваш дядя урус или ваши братья, пусть придут и освободят вас. То же сделали с армянским селом Авзут. Нет сил, чтобы описать нашу боль, да и кому описывать, если никто не слышит наши страдания. И вот сегодня мы добрались сюда, никто нас не слушает. Во всех местах резня была, но наша боль

иная. К примеру, ванцы и алашкертцы дошли сюда со своими семьями и имуществом. У них здесь есть голоса, а у нас, выживших столько страданий и потерявших имущество, потерявших отцов, матерей и прочая и прочая, голосов нет.

Продолжение следует.

Варденисец Абрам Григорян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 490, лл. 13–14 об., подлинник, рукопись.

N 105

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ АЛМАСТ МКРТЧЯН О РЕЗНЕ СЕЛА КРДАГОМ МУШСКОЙ КАЗЫ МУШСКОГО САНДЖАКА

1916 г.
Кзыл-Чахчах.

Село Крдагом, Мушской казы Битлисского вилайета.

Алмаст Мкртчян, нашедшая приют в селе Кзыл-Чахчах.

В нашем селе устроили резню в воскресенье, в полдень. До резни мой муж Седрак, сын Нерсес и деверь Керовб с несколькими мужчинами из нашего села бежали к наступающим русским, чтобы спастись, но поскольку дороги были закрыты, вернулись и были убиты. Мою 12-летнюю дочку Берсабе увел офицер. Когда начали резню в селе, меня тоже ранили в четырех местах: в голову – кинжалом, в живот (в двух местах), и в левое бедро (в одном месте). Вот – из-за раны в голове глаза портятся. Приготовила лекарство из трав и цветов и частично выздоровела. Со своими детьми 5 недель бродили по горам и полям, ели зелень и все, что попадетс... Вернувшись в село, я всю зиму пряталась в доме махаджира Халила. В середине большого поста русские захватили наши села. Я, мой семилетний сын Тигран и моя десятилетняя дочь Змрухт сдались русским. Нас привели в Хасгюх, оттуда – в Маназкерт, и через Сарикамыш добрались до Кавказа. Содержащий меня турок был гуманный и нравственный человек, относился ко мне как к сестре. Из-за меня турки в конце концов его убили. Аскяры, прослышав обо мне, пришли, чтобы забрать и убить, но он предпринял все возможные средства, чтобы освободить меня. А в последний раз он обратился к главе села и заявил, что если не поспособствуете и аскяры уведут женщину, живущую в моем доме, то я вас выдам, сообщу, что вы армянок держите и сожительствоете с ними. Таким образом освободилась и в последний раз.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 454, л. 27 об., подлинник, рукопись.

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО МКРТЫЧА ТОРОСЯНА
О ЧИСЛЕ СПАСШИХСЯ ОТ РЕЗНИ В СЕЛАХ ВЕРИН ХАРЗАН
(ХАБЫЛДЖОЗ) САСУНСКОЙ КАЗЫ МУШСКОГО САНДЖАКА**

[1916 г.]

Хабылджоз – Сасун.

В уезде Хабылджоз было около 200 армянских сел, откуда остатки жителей 20 сел поднялись на гору Маратук и спаслись. Вот эти села:

1. Патрмут	70 домов	30 армянских	40 курдских
2. Хатни	130 домов	60 армянских	70 курдских
3. Хрут	30 домов	20 армянских	10 курдских
4. Кошак	10 домов	5 армянских	5 курдских
5. Пиршенк	15 домов	15 армянских	—
6. Тзи	20 домов	5 армянских	15 курдских
7. Дзорахпи	24 домов	4 армянских	20 курдских
8. Риконк	10 домов	5 армянских	5 курдских
9. Арвыдоц	50 домов	5 армянских	45 курдских
10. Тнкетк	20 домов	10 армянских	10 курдских
11. Котрфер	20 домов	10 армянских	10 курдских
12. Карцер	25 домов	20 армянских	5 курдских
13. Охнгедж	14 домов	4 армянских	10 курдских
14. Гомк	5 домов	5 армянских	—
15. Неркин Тах	22 домов	7 армянских	15 курдских
16. Мшкатар	17 домов	15 армянских	2 курдских
17. Овгех	10 домов	10 армянских	—
18. Надопа	11 домов	10 армянских	1 курдский
19. Талидзор	20 домов	5 армянских	15 курдских
Всего	523 домов	255 армянских	268 курдских

НАА, ф. 227, оп. 1, д., 452, л. 30 об., подлинник, рукопись.

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО СТЕПАНА АРУТЮНЯНА
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ МЕДЖГЮХ САСУНСКОЙ КАЗЫ
МУШСКОГО САНДЖАКА**

16 августа 1916 г.

Кохб.

Согласно рассказанному свидетелем Степаном Арутюняном (23 года), жителем села Меджгюх Сасуна:

В Меджгюхе было 52 дома и 900 жителей, монастырь (Св. Апостолов²³¹), школа, мельница, 4000 овец, 500 коров, 52 мула. В селе производилось 900 мер пшеницы, 1000 вязанок травы.

Большая часть села сгорела.

20 июля 1914 г. 20–60-летних забрали в солдаты. У вовремя не явившихся призывников сжигали дома и забирали, что было.

В Меджгюхе 60 человек, не подлежащих призыву, заставили выполнять дармовую работу.

12 мая 1915 г. 1000 курдов и 500 правительственных солдат, во главе с сыном мусовца Бабура Генджо Абдул Азизом, (шегойцем) Абетом Юсуфом, джалалцем Селимом, бекарцем Шакымераном, сыном Гайдара (данирцем) Севдо, напали на Меджгюх, в котором вооруженные молодые люди 60 дней героически сопротивлялись сброду. В этой схватке были убиты глава села Шаро Мртикян, Тер Гаспар Симонян, Геворк Тер Хачатурян, Арутюн Казарян, Мелкон Макарян и другие. После этого 60-дневного сопротивления меджгюхцы всем миром отошли к горе Андок, после 20 дней сопротивления там, они отступили к другим горам, и в результате постоянных схваток из 900 человек только 31 удалось спастись.

Набрал Г. М. Неркарарян.

Примечание. Поскольку во всех селах Сасуна были почти схожие события, не было необходимости описывать каждое в отдельности. Представляю лишь нижеследующий список жертв⁴³:

Название села	дома	жители	сколько людей спаслось
1. Хндзорик	35	500	25
2. Джортник	25	450	40

⁴³ Не полный.

Название села	дома	жители	сколько людей спаслось
3. Каджаренк	20	350	6
4. Татук	22	400	2
5. Далхор	15	200	11
6. Балоинк	8	80	8
7. Марсто	15	250	1
8. Дашбатрик	8	80	-
9. Цокар	2	30	1
10. Горнгуз	8	100	1
11. Псанк	11	200	6
12. Гомк	25	400	10
13. Мзра	5	60	10
14. Чим	3	40	3
15. Пшут	12	150	-
16. Мктенк	31	500	25
17. Бацц	15	150	10
18. Хавкунк	8	200	10
19. Шушнамерк	35	350	14

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 439, лл. 4 и об., 2 об., подлинник, рукопись.

N 108
**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО МКРТЫЧА ТОРОСЯНА
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ПИРШЕНК САСУНСКОЙ КАЗЫ
МУШСКОГО САНДЖАКА**

сентябрь-октябрь 1916 г.
Александропольский уезд.

Село Пиршенк (Сасун).

В селе Пиршенк было 15 домов с исключительно армянским населением – 400 душ. [В селе было] 150 быков и коров, 15 мулов, 2000 овец, 2000 мер пшеницы и килкила, из которых 800 каждый год забирали влиятельные

курды. Была убогая церквушка Св. Креста и школа на 15–20 детей. В село не заходил и о его нынешнем положении ничего не знаю. Когда выходили в марте 1916-го дома были неповрежденные, хоть разграбленные и опустевшие.

Армяне вышеупомянутых сел Капылджоза солдат при помощи курдов не дали, из других сел правительству удалось забрать [солдат], но почти все убежали и вернулись.

Когда приходили требовать солдат, сельчане поднимались в горы, а староста Арег подкупал пришедших и посылал, говоря, что в селе мужчин не осталось: уехали в Алеппо, Адану и Америку. После этого часто приходили и всегда тем же путем – подкупом – отправлялись, до того как началась резня (1915 г.).

Чиновники правительства из села на нужды армии забрали 20 золотых, 15 овец, по 100 пар носков и чарухов (сандалии), два с половиной пуда масла. Повинность отрабатывать никто не пошел, насилия и давления не было. Курды и армяне тогда жили друг с другом очень мирно и защищались против правительства.

После захвата имущества под названием «пожертвование» армяне подверглись погрому, но, по их мнению, легкому и частичному, привычному для этих мест с давних времен. Поэтому с минуты на минуту ожидали схватки.

Главы шэкоевского аширета Халили Джемиль и Апеи Юсуф в марте 1915 г. объявили армянам, что правительство им приказало армян у себя не держать, не защищать и дружеского отношения к ним не выказывать, потому что по решению немецкого короля армян должны истребить до последнего. А посему, если у курда будет найден армянин, он должен быть убит, а курд этот – повешен. Курды, до этого мирно жившие с армянами, начали среди бела дня грабить армян, забирать их скот и вещи. Говорили, мол, раз вас перебьют, лучше заберем ваше имущество раньше, чем это сделают другие. В марте 1915 года, когда о резне еще нигде не было слышно, курды уже забрали себе коров, овец и скарб из всех вышеупомянутых армянских сел. Говорили, если останетесь живы – вернем, если умрете, нам останется, турок не возьмет.

Резня раньше других мест началась в городе Хазва (Хаззо), где из армян (200 домов) спаслись лишь 100 человек, но об их местонахождении сейчас сведений нет. Погромщиками руководили Шейх Абдул Рахман, глава сарманского ашира, сын Генджо мушский Абдул Азиз – глава ашира, Кадыр – глава закырского ашира. Именно эти шейхи и их люди устроили резню армян города Хаззо. В конце марта 1915 года, к вечеру, они окружили город и приказали армянам выйти, якобы для того чтобы увести в надежное место в закырском аширете. Сразу же после их выхода из города половину людей

перебили, а остальных погнали к реке Норшена, что была в часе пути, и там расстреляли и сбросили в реку.

После этого вышеупомянутые погромщики, уговорив также и шейхов шэкойского аширета Халили Джемиля и Апеи Юсуфа, главу сасунского аширета Халил Абдул Азиза, решили захватить скот и имущество монастыря Св. Воскечук Апостола Петра, разграбить и убить послушников и людей, которые после резни в городе, в предчувствии скорой беды взяли оружие и нашли приют в монастыре: около 40 человек. Монастырь стоял на склоне горы и, окруженный стеной, был достаточно укреплен. Курды пришли и потребовали у настоятеля монастыря архимандрита Степаноса Багдасаряна коров и овец; настоятель часть требуемого дал и удалил их. Спустя несколько дней снова пришли и еще часть забрали. В последний раз подошли к монастырю многочисленной толпой, 10 человек отправили внутрь, чтобы поймать настоятеля и привести к ним. Но один из этих десяти, что был знаком с настоятелем, дал ему знать, чтобы из монастыря не выходил, а закрыл плотно двери. Так и поступили. В это время курды обозлились и ружейным выстрелом сбили золотой крест с купола. Другие шейхи с многочисленными курдами и солдатами регулярной армии подошли и осадили монастырь. Армяне сопротивлялись 40 дней. В конце концов курды перекрыли их воду. Не выдержав без воды, армяне ночью оставили замок и ушли на Андок, присоединившись к сасунцам. Человек по имени Григор, не сумевший вовремя бежать, был убит курдами. А Аро Мртикяна, которого курды позвали к двери, будто бы для того, чтобы передать сообщение осажденным, убили ударом по голове. Среди курдов погибли трое.

Сразу после взятия монастыря (2 мая 1915 г.), курды пошли на село Пиршенк. Заметив их издали, сельчане с семьями поднялись на гору, дабы избежать окружения. Враг вошел в село, и оставшихся там четверых жителей – Тодо Крпеяна, Гаспара Мушегяна, Марке Тонояна и Хачо Геворкяна убили. После этого те же шейхи часто нападали на село, а сельчане вновь бежали на гору (Маратук). Курды входили в село, грабили и, захватив несколько жертв, удалялись. В последний раз армяне, заметив врага, опять убежали. На сей раз курды преследовали их до горы. Произошло столкновение, жертвами которого стали 15 армян и 10 курдов (Вардавар 1915 года). Отныне сельчане, посчитав, что жить большими группами опасно, разделились и по 3–4 человека разошлись по разным сторонам горы Маратук, скрываясь в густых зарослях и пещерах, питаясь известной им зеленью и случайно встречаемыми коровами и овцами, а хлеба не было. Курды постоянно искали армян, часто бывало, что встречали вооруженных армян, после стычек с которыми они бежали. Когда же встречали безоружных армян, то

забирали к себе. На время схваток не было ни вождя, ни командира: каждый был сам себе хозяин, бродил с оружием на плече. С приходом зимы жить на горе стало невозможно – было холодно, еда отсутствовала. Из остатков жителей вышеупомянутых 20 сел, 600–700 человек умерли от болезней, вызванных холодом, голодом и грязью, и к началу зимы там осталось 2500 человек. Еще в начале курды, объявив ложную имперскую амнистию, многих поймали и убили.

Зимой армяне пошли к знакомым курдам и, передав им все свои деньги и оружие, попросили защиту. Курды везде приняли их и продержали у себя до весны. Только в Кабылджозе войско, прознав, что у курдов есть армяне, силой увели 100 армян и убили. Один курдский шейх – везир²³² зпотонского ашира и Зко с Дервишем приняли у себя около 1500 человек, которые до сих пор у них. Солдаты много раз приходили, чтобы убить армян, но Дервиш вступал с ними в бой и прогонял, убив несколько солдат.

Из 400 жителей села Пиршенк оставшиеся в живых 170 человек пришли к шейхам племен юсуфу и Джемилю и отдали им свое оружие и деньги. Курды взяли обязательство продержать их у себя лишь до весны. Питались плохо, из-за этого многие (25 человек) умерли; ходили в поле и обрабатывали их земли с утра до ночи.

Весной 1916 г., в марте, услышав о входе русских в Муш, армяне убежали и, днем прячась, а по ночам продолжая путь, через 5 дней достигли Муша. Там 2 месяца работали у русских солдат, которые на каждые 11 душ выдавали 3 меры килкила. До Муша дошли 120 человек из села Пиршенк. В пути и в Муше от болезней умерли 35 человек. Во время отступления русских в июне-июле 1916 года ушли и они, а через 15 дней дошли до Кагзвана. Путь был спокойный. Армянские общества давали им еду и одежду. Сейчас 85 душ находятся в селе Артик, еще 25 человек остались среди курдов.

В село никто не возвращался, и нынешнее положение села неизвестно.

Рассказал житель села Пиршенк.

Мкртыч Торосян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 452, лл. 31–33, подлинник, рукопись.

ГЕНДЖСКИЙ САНДЖАК

№ 109

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО АРУТЮНА САРГИСЯНА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ АРТКУНК ХУЛПСКОЙ КАЗЫ ГЕНДЖСКОГО САНДЖАКА

16 августа 1916 г.
Кохб.

Согласно рассказу старосты села Арткунк уезда Сасун Арутюна Саргисяна (был свидетелем).

В Арткунке было 32 дома и 300–380 жителей, церковь Св. Акоп, школа, мельница, 4500 овец, 100 коров, в церкви хранилось много рукописных библий. Общегодовой доход села составлял 4000 меры пшеницы, 3000 кип шерсти и 200 литров меда.

Село теперь превращено в груды пепла.

15 июля 1914 г. мужчин 22–45 лет взяли в солдаты. Если кто из мобилизованных вовремя не являлся, его дом предавали огню, а все движимое имущество конфисковывали.

В связи с мобилизацией из Арткунка силой забрали 1000 мер пшеницы, 100 литров масла, 10 быков, 100 овец, 200 пар шерстяных носков. С села под видом иане (пожертвования) собрали 4000 осм. лир. Тех, кто не подлежал военной службе, всегда брали исполнять тяжкую повинность в качестве оламов.

7 апреля 1915 года сброд, состоящий из 1000 турок и курдов во главе с хианским Сулейман агой, хианским Хаммут агой, Амари Слеманом из того же села, напали на Арткунк. Не встречая сопротивления, они ружьями, мечами, камнями и огнем перебили 100 молодых людей, всех женщин и детей⁴⁴. Сулейман ага 40 мужчин и женщин согнал в дом и сжег.

Из Арткунка спаслись всего 7 мужчин, три мальчика, 7 женщин и три девочки.

Набрал Г. М. Неркарян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 439, л. 3, подлинник, рукопись.

⁴⁴ Ни в одном селе Сасуна почти не было отдельного оборонительного боя. Все вооруженные мужчины Сасуна, собравшись на горе Андок, дали общий оборонительный бой против приблизительно 30000-ного курдского и турецкого сброда, которому помогала правительственная регулярная армия с 30 пушками, 20 пулеметами, и все были вооружены (небольшого размера) ружьями типа маузер.

ЭРЗЕРУМСКИЙ ВИЛАЕТ

ЭРЗЕРУМСКИЙ САНДЖАК

ГОРОД И САНДЖАК ЭРЗЕРУМА

№ 110

ХРОНОЛОГИЯ ДЕПОРТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ЭРЗЕРУМА (КАРИНА), СОСТАВЛЕННАЯ МИСАКОМ АГБАЛЯНОМ

Проходы Эрзерума
по рассказу Мисака Агбальяна.

С 1 по 15 мая 1915 г. начали депортировать армянство Каринской долины и Басена. 5 мая четники заставили разрушить русскую часовню, находившуюся на армянском кладбище. Она была построена в 1878 году во время русско-турецкой войны.

23 мая в Карине правительством были объявлено о переселении армян (165 домов) в Мосул. Армянам объявили о распоряжении правительства в резиденции главы епархии и зарегистрировали. Из их числа 25–30 домов 3 июня, наняв 200 лошадей, направились по дороге Кеги в Харберд. А затем оставшиеся из 165 домов 6 июня по линии Байбурда направились на телегах в Ерзнка, до которого добрались безопасно, а потом в Карине получили сведения, что переселенцы дошли до Сурунджа.

8 июня правительство снова объявило жителям 500 домов, чтобы они покинули город, дав на это 8 дней. 15-го числа жители 500 домов по линии Байбурда перебрались в Ерзнка.

20 июня было предложено оставить город ремесленникам (1250 домов). 25-го числа также по линии Байбурд они покинули Карин. В городе остались вдовы и сироты – 100 домов, и им также было предложено покинуть город 8 июля. В течении 8 дней, их тоже выселили.

15 июля изгнали в Ерзнка также и епископа Смбата²³³.

16 июля заставили покинуть город врачей и хирургов-армян. В городе осталось 10 домов ремесленников.

2 декабря разрушили колокольню.

НАА, ф. 57, оп. 5, д. 107, л. 23, подлинник, рукопись.

N 111
**СВИДЕТЕЛЬСТВА ПОГОСА ВАРДАНЯНА О ДЕПОРТАЦИИ
И РЕЗНЕ АРМЯН ЭРЗЕРУМА**

2 октября 1916 г.
Карин.

Дали приказ, чтобы и мы покинули город. Мы взвалили наш скарб на телеги и отправились в сторону городских ворот (Константинопольские ворота). Там проверили пропуск у каждого, потом провели женщин по одной внутрь и искали на каждой оружие, после чего и нам приказали пройти через ворота. Нас обыскивали стоявшие возле ворот двое жандармов, а третий просматривал наши пропуска и считал, сколько нас, и когда число совпадало, приказывал пройти через городские ворота. Когда все прошли, он приказал забраться на телеги, и мы выехали из ворот. Направились к Илича. Ту ночь провели в селе Кез, в 1,5 часах пути от города (в конце мая, 1915).

На следующий день жандармы вновь приказали, чтобы отправились в путь. Там уже собрались около 50–60 семей. На дороге стояли два жандарма, которые вносили деньги за проезд по 1 курушу (8 коп.) с человека. Проехав оттуда, через два часа мы были к северу от моста Илича, а на другом берегу моста уже были семьи, которые туда прибыли до нас, и мы жили у них в палатках. И так, тем же путем из города прибывали семьи и собирались там.

Вечером, после заката солнца один из жандармов приказал мужчинам выйти из барханы²³⁴ и подойти к пятидесятнику (баш чавушу), который держал в руке какие-то бумаги. Почти все мужчины были там. Пятидесятник объявил, что касательно нас пришел приказ от военного командования, который он должен огласить, и, встав на пригорке, достал бумаги и стал зачитывать следующее:

А. Наше военное командование и сиятельный правитель приказывают вам переместить все население Эрзерума без ущерба для них в определенное место (но название места не объявлять).

Б. Если среди собравшихся в бархане окажется пьяный, нарушающий покой народа, его следует отправить в военный трибунал и подвергнуть жестокому наказанию.

В. Тех, у кого будет найдено оружие, также следует отправить в военный трибунал, а их семьи казнить.

Г. Тех, у кого будут найдены солдатские вещи – одежда и прочее, отправить в Военный Трибунал.

Затем последовало еще несколько подобных приказов и заверения: «Вам не причинят никакого вреда, ни вашим жизням, ни имуществу». Все как один прокричали: «Да здравствует правитель!», похлопали и вернулись к своим семьям.

На следующий день мы отдыхали. Одна из женщин, держа за руку сына 5–6 лет, пошла собирать хворост и кизяк. По дороге к реке, она подошла к ячменному полю, где три человека косили ячмень, а жандарм разговаривал с ними. Женщина укрылась у ручья, чтобы послушать, о чем они говорят. Турки спрашивали жандармов, куда они ведут гяуров, и чему те так рады, как будто идут на свадьбу.

Жандарм ответил: «Их должны отвести в указанное место». Турки спросили: «А что это за место?» Жандарм ответил: «Между двумя городами есть лесистая местность, мы должны их всех там убить». Турки сказали: «Ишь какие радостные и веселые, им даже в голову не придет, что с ними будет».

Как только женщина услышала эти слова, она бросила хворост и поспешила в бархану. Там она рассказала об увиденном и услышанном, но никто не придавал значения ее словам, говоря, что наш правитель заверил, что мы будем в безопасности.

На следующий день нам сказали, что пора идти. Все собрали вещи, перед самой передней повозкой шли 10 жандармов, остальные в середине и позади колонны, и так мы шли к Ерзнка. За 15 минут перебрались через Илича. По дороге я встретил товарища, сидевшего и наблюдавшего за нашим продвижением. Он подозвал меня: «Вот, сижу и смотрю, как прошла первая подвода, жду последней, чтобы посмотреть на сколько часов растянулась наша бархана». Я согласился и сел рядом. Движение растянулось на два часа. Мы встали и прошли немного вперед, и тут пошел дождь, до Эврели хана, где мы и собрались. Дождь прекратился. Уже стемнело. Ночью глашатай объявил, что рано утром мы должны продолжить путь. Все подошли к барханскому подкомитету⁴⁵, сказав, что завтра мы не сможем идти и попросили день на отдых. Подкомитет получил приказ остановиться на один день. На следующий день светило яркое солнце, которое высушило намоченный от дождя скарб. В тот же день какой-то военный, проезжая на лошади близ ручья, увидел девушку и потребовал отдать ее ему. Об этом немедленно сообщили подкомитету и с помощью начальника наших жандармов делу дали ход.

Вечером того же дня снова объявили о продолжении пути на следующий день.

Хвост нашей барханы начал продвигаться вперед. По дороге до Ашкалы ничего не происходило. К вечеру мы добрались до западной стороны

⁴⁵ Членами совета были Алтунян Гарегин, Мелкон Батикян, Т. Шилаван и др.

Ашкалы, и на следующий день солдат-армянин (из Карина) по имени Пайлак, служивший у командующего Ашкалинского Миркиза, но отуреченный, пришел покрутиться среди нас. Этот парень, увидев одну из девушек, захотел, чтобы ее отдали ему. Но с помощью подкомитета, справились и с этим. Подкомитет решил собрать 200 золотых для командира, чтобы впредь избежать подобных случаев. Деньги собрали и передали ему.

Из Эрзерума подошла еще одна бархана и расположилась в восточной части Ашкалы. На третий день еще одна бархана и еще две... в этот раз обе новоприбывшие присоединились к нам. После пяти дней стояния опять поступил приказ идти дальше.

Мы вошли в небольшое ущелье и поднялись, там стоял один офицер и солдаты. Они требовали показать пропуска, и тех мужчин, чьих имен в них не было, заворачивали обратно на Ашкалу. Так они прошли до конца колонны барханы и отделили 70–80 молодых людей. Под охраной военных их отвели в Ашкалу. А когда бархана закончилась, солнце уже зашло, и мы собрались неподалеку, в 10 минутах ходьбы. Тех молодых людей, которых отделили от барханы, заключили под стражу. Один из них, высокий парень по имени Ованес, каким-то образом сбежав оттуда и появившись здесь, сказал, что ночью из тюрьмы взяли 10 человек и повели их убивать.

На следующий день мы двинулись в сторону Брнакапана. По пути мы никакого ущерба не понесли, кроме сломавшейся подводой и сломанного вола. Подводу починили и догнали нас. Мы уже расположились у склона горы Коп.

Один день мы отдыхали у склона горы Коп. На следующий день подошли еще две барханы. Днем позже мы стали подниматься вверх на гору Коп. Поднявшись на вершину горы, увидели, что мы впереди всех. Со всех сторон кричали, что опасно и надо подождать, так что, собравшись в одном месте, мы стали пережидать, а командир приказал жандармам подняться в горы, и если обнаружат опасных людей – взять их на прицел. Пока мы в ужасе ожидали опасности, ужас уже охватил самый хвост барханы (мы услышали следующее о том, что произошло в хвосте).

Как было сказано выше, жандармы, в основном, находились в середине и хвосте. Жандармы, бывшие в хвосте, разделились на две части. Одни спустились на пригорок, и, притаившись, стали стрелять по последней части барханы, а другие стали стрелять якобы по ним, но в воздух, и так 15 минут подряд. Народ в ужасе стал умолять жандармов стрелять как можно больше, чтобы враги испугались и убежали.

Перестрелка затихла. Жандармы, находившиеся среди народа, заявили, что потратили на нас патроны, и мы должны им денег, расстелили на земле епанчу, чтобы каждый кинул туда монет. В конце набралось довольно много, и они все забрали. Но никакого вреда нам не нанесли.

Жандармы, находившиеся рядом с нами, получили приказ спуститься вниз, и мы продолжили идти вперед. В тот же вечер спустились под гору Коп. Переночевав там, наутро двинулись в сторону Матена, где спустились к правому берегу Евфрата и там все увидели трупы людей. От Матены добрались до Байбурда, где провели 4 дня. Пошли в город купить припасов. На третий день пребывания там, прибыл командир из Карина, подошел к бархане и приказал составить список бедных семей, чтобы им дали хлеба. И действительно, прислал на подводах 200 мер хлеба. У Байбурда мы потеряли пятерых сельчан из каринского села Дзитох, которые ушли пасти волов и не вернулись. Мы сообщили об этом командиру. После поисков не нашли ни их, ни тела, и так и не узнали, мертвы они или сбежали.

Туда же подошли армяне-католики из Хоторджура, которые расположились рядом с нашей барханой, но нам не позволили пообщаться с ними.

Мы опять пошли к Ерзка. Спустя три дня расположились у подножья горы Спнкор, в часе пути к югу от Ерзка. Былом очень жарко, воды не хватало. Через день мы запрягли волов и дошли до армянских кварталов города, совершенно пустых, с дверями нараспашку. Мы встретили бархану богачей, которые ждали уже девять дней, от них мы узнали о том, что к источнику, откуда богачи брали воду, пришли двое стариков-курдов и сказали находившимся там юношам, что их должны убить, так же, как убили армян Ерзка и окрестных сел, Трапезунда, Гюмушханы, Баберда, Эрзерума и прочих мест. Они предложили взять армян к себе и там освободить. Наши юноши обругали их, сказав, «Вы убивали армян, а теперь пришли сюда, чтобы и нас обмануть?» Они сразу сообщили об этом жандармам, поколотили курдов и прогнали.

Сапожник по имени Ерванд Клоян, работавший в военной мастерской Ерзка, подтвердил слова курдов, но наши богачи не поверили его словам, говоря, что командир обещал доставить до места без ущерба.

Богачи, подождав 13 дней, на 14-й день объявили, что следует идти. Наутро они и примкнувшие к нам последние две барханы и хоторджурцы двинулись в путь. Невозможно описать отбытие хоторджурцев и последних двух бархан. Богачи, которые подготовились еще с Ерзка, немедленно снялись с места, как и хоторджурцы. А у двух бархан, которые подошли последними, уже не было ничего (их транспорт отошел правительству или был общественным и был нанят до Ерзка). Они выбросили свой груз и вернулись (среди них были 800 телег сивасских армян, которые правительство немедленно отобрало для перевозки провианта). Утварь и пожитки семей остались выброшенными поблизости от Ерзка. Жандармы вклинились между ними и стали стегать нас бичами и, ругаясь, гнать вперед. Кто-то кричал, что его сын остался там, жандармы отвечали, что ничего не знают и стали бить мужчину бичами по голове и погонять волов. Несчаст-

ный, чтобы спасти свою жизнь, бросил сына и последовал за жандармами. И таких душераздирающих и варварских сцен было очень много. После ухода этих бархана из Ерзнка, на их месте наблюдателю представился бы целый лабиринт из сундуков, одеял, матрасов, медной посуды, подушек, которые валялись повсюду на равнине. В тот же вечер мы получили приказ от командира отправиться в город за недостающими припасами. С одним жандармом, разделившись на группы, мы пошли в город. Наш путь пролегал мимо хаоса вещей, оставленных последней барханой. Когда мы дошли до места, усеянного скарбом, вдруг до меня донесся чей-то голос: «Брат Погос, умоляю, меня бросили здесь, возьми меня с собой». Услышав этот голос, я остановился и стал смотреть по сторонам. Никого не было видно, но голос снова стал звать. Пойдя на голос, я увидел в постели парализованного паренька 12–15 лет, которого я узнал. Паренька звали Тамаян Ваан, то был наш сосед. Я подошел к нему: «Ваан, почему ты остался здесь?» Он, плача, ответил: «Жандармы не дали времени, чтобы отец поднял меня и положил на лошадь. Отец умолял, но его мольбе не вняли, а когда он взмолился еще сильнее, ему проломили голову прикладом ружья. Отец увидел, что смерть близка, и тогда мать, сестра и отец ушли, оставив меня здесь». Я сказал: «Ваан, я иду в город, когда вернусь, заберу тебя отсюда», и мы пошли в город купить необходимых вещей. На обратном пути я опять услышал его голос, ответил: «Сейчас» и, возвратившись в бархану, сообщил одному из его родственников, что Ваан остался здесь. Они пошли с повозкой и привезли Ваана к нам в бархану. В тот же вечер глашатай объявил, что на следующий день нам надо двигаться в путь. Мы взяли то, что смогли унести с собой, а остальное бросили. Наутро мы стали двигаться к Кемаху. Кемах находится в 11 часах пути от Ерзнка, но мы смогли преодолеть этот путь лишь за три дня. Два дня мы шли без ущерба и потерь, а на третий день должны были пройти через ущелье Кемаха, проходящее по склону на высоте 10 м над Евфратом; дорога там очень узкая, так что две повозки не могут разъехаться. Когда мы проходили это место, я отстал. В этом самом узком месте ко мне подошел жандарм и, схватив за руку, попытался сбросить в воду. Я сразу ухватился за жандарма, заметив это, пятидесятник (чауш) крикнул, чтобы меня отпустили. Жандарм подчинился и удалился с руганью. Пятидесятник (чауш), подойдя ко мне, сказал: «Сколько раз я тебе говорил – не отставать», и так мы пошли дальше. К концу нашего перехода, жандармы, шедшие в хвосте, схватили нескольких женщин с подвод и бросили в воду, отняв деньги. Среди брошенных в воду была жена Мкртича Луйспароняна с сыновьями 3 и 10 лет. Нас нагнали раненный 18-летний парень по имени Карапет и его товарищ 19-летний Артавазд Берберян. Через подкомитет мы сообщили об этом командиру, и он, расспросив их, сказал, что это сделали

курды, и отправил этих двух раненных в сопровождении жандарма в больницу Ерзнка.

Потеря того дня составила 70–80 человек. Мы двинулись к берегу Евфрата, там остановились. К той минуте бархана богатых почти полностью перешла мост Кемах, остались лишь несколько телег. Хотели подойти и получить сведения, но это строго запретили. Два дня оставались там, но все же прослышали, что 160 мужчин из богатых отделили и держат под стражей в кемахской церкви. Но мы вновь не придали значения этим словам. На третий день нас снова отправили в путь. Кемахский мост сначала перешли всадники, погонщики мулов, ослов и пешие, а телеги продвигались с трудом. По этой причине, за помощь, жандармы с каждой телеги взимали по 19 курушей – набрав 1 меджидийе²³⁵, а с каждого пешего и всадника по 1 курушу. Наша вся бархана без повреждения прошла через мост и направилась в сторону Экина. Добрались до ущелья Чил Хороз, где и расположились. После стольких трудностей ночь проспали спокойно. На следующий день мы уже были готовы отправиться дальше, спросили, не должны ли уже ехать, но все мужчины сидели со своими семьями. В то самое время, когда мы с моим товарищем крутились вверху ущелья, разнесся шумок, что мужчины должны отделиться от барханы. Чуть спустя вместе с одним из родственников решили пойти назад и забрать телегу, что осталась вчера на горе. Поднялись довольно высоко, встретили знакомого мне жандарма, и я ему сказал, что бы шел с нами и пообещал дать 2 золотых. Он ответил, что если бы я ему дал даже 10 золотых, он не смог бы к нам присоединиться, мол, важное дело у него. Снова поднялись вверх без всякой надежды, встретили еще жандарма, который там остался охранять несколько телег. Сказали, что дадим 1,5 золотых, если с нами пойдет, а его товарищ ответил, очень хорошо, дайте нам задаток 25 курушей, а остальное заплатите, когда будете возвращаться. Затем двое жандармов отдельно переговорили между собой и, наконец, один из них, что нас сопровождал, сказал: пойдем, и зарядил ружье. Мои родственники, опытные в этой жизни люди, поняв, что они задумали, сказали жандарму, что мы не пойдем, тебе доставили беспокойство, но ничего, оставь 25 курушей себе, и вернулись к бархане. Не прошло часа с тех пор, как мы вернулись в бархану, как несколько армянских молодых парней стали кричать, чтобы мужчины отделились, и когда довольно много человек отделилось, вошли четники и стали выводить людей в возрасте от 100 до 10 лет. Не забыть сказать – за исключением членов подкомитета и глашатая. Отделенные мужчины встали в 20 метрах от барханы.

Забыл сказать, что до того, как мужчин отделили, вокруг на горах, с четырех сторон, расположились солдаты, жандармы и четники. А женщины, подумав, что нас будут расстреливать, хотели подойти к нам, но жанджар-

мы запретили, и так они сгрудились и молча встали вдоль линии, ожидая, что будет.

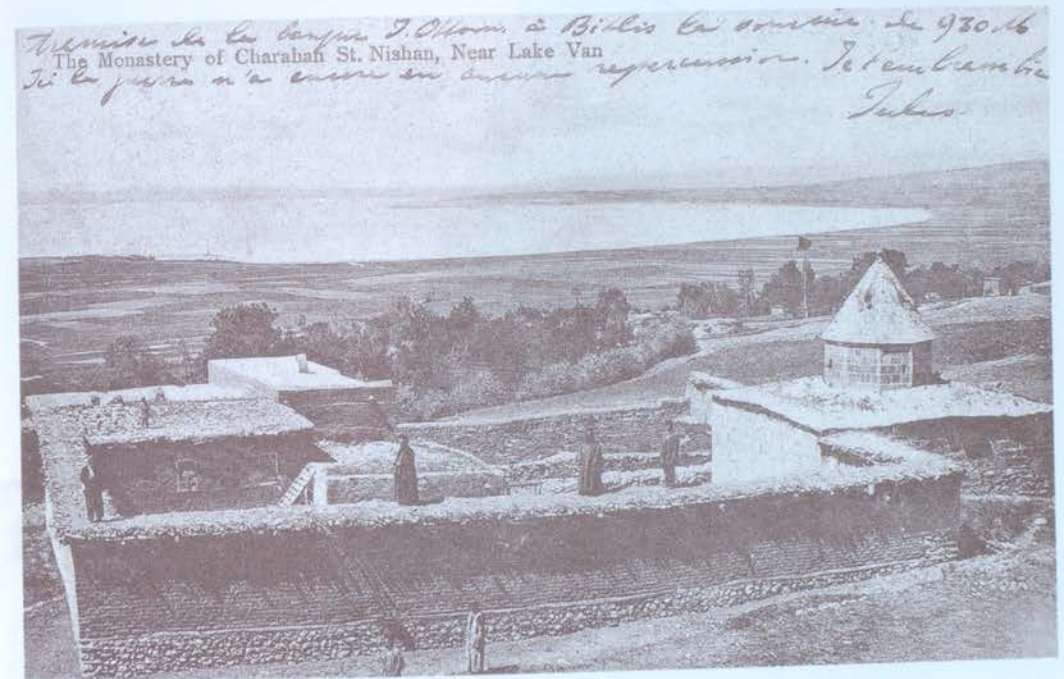
Один военный встал там и начал делить мужчин на две части. Тех, кто был стар и не был способен работать, повели в сторону барханы, а молодых – 14–55–60 лет, к Кемаху. Когда всех распределили по группам, стали ждать, чем все это закончится. Старикам и немощным приказали вернуться в бархану. Те так и сделали, а женщины стали меж ними искать своих родных и, не найдя, вернулись на прежнее место. Нам дали другой приказ, чтобы мы попарно двинулись в сторону Кемаха. Когда мы повернулись лицом к Кемаху, женщины стали шуметь и бросились к нам, но солдаты и жандармы ударами штыков не позволили им приблизиться к нам. Женщины заголосили, послышались крики и в бархане, все перемешалось. Мужчины могли себе представить происходящее, и будучи не в состоянии вынести эту картину, заставили, чтобы нас удалили. Теперь мы возвращались к Кемаху. С нами шли четники и жандармы, приблизительно 150 человек, а нас было 900–1000. Мы шли смешавшись, а жандармы на наших лошадях окружили нас со всех сторон и стали нас грабить, врезаясь в нас. Так отняли золотые часы и деньги Аветиса Сарояна и нескольких других. Возле Кемаха, один жандарм приблизился ко мне и сказал, что пятидесятник хочет золота. Я ответил, что денег у меня нет, и он удалился. Об этом сообщили одному сопровождавшему нас военному, и он заявил им, что никто не имеет права требовать с нас денег или что-то брать. Он также сказал: «Вы их охранники (мухафаза) и должны идти с боков», и даже записал имена тех жандармов, которые взяли у наших товарищей часы и деньги, чтобы вернуть нам отбранное. Час спустя мы уже перешли через мост и пошли по правительственной дороге к Кемаху; туда вела лишь одна дорога. Когда дошли до первого здания, а это была конюшня, нас остановили и, пересчитав 300 человек, завели туда и заперли дверь, а вокруг уже расположились солдаты со штыками и жандармы. В конюшне было три маленьких окна, которых было недостаточно для подачи воздуха арестантам, и когда мы оказались внутри, то стояли тесно прижатые друг к другу. Конюшня была маленькая, на полу полно навоза. Двигаться на месте было невозможно, через час все арестанты были мокрыми от пота. Попросили сторожившего приоткрыл дверь, чтобы впустить немного чистого воздуха, пообещали не двигаться с места и дать ему небольшую сумму денег. Жандарм согласился, взял деньги и приоткрыл дверь, но тут наши товарищи, которые жаждали свежего воздуха, стали продвигаться к двери. Жандарм увидел, что сдерживать больше не может, стал колотить штыком, загонять арестантов внутрь и запер дверь.

Наступила ночь. В тюрьме было тесно, пот ручьями лился со лба каждого, многие даже сняли с себя куртки, чтобы отжать. Все хотели пить,

жандармы наполняли жестяные бидоны из-под керосина ефратской водой и приносили к конюшне, давая воду через отверстие в деревянных воротах и получая за чарку по 8–16 коп. (1–2 куруша). Тем, кто находился рядом с воротами, вода доставалась, а вот те, кто был в конце, воду попить так и не смогли. Спать было уже невозможно, ждали зари. Еще солнце не взошло, как все арестанты сотрясали воздух утренней молитвой (проговаривая вслух «Утренний свет»). Рассвело. Жандармам уже было известно о предстоящем нашем убийстве и они хотели отдельно воспользоваться ситуацией. Стороживший у ворот жандарм обратился к нам по-турецки: «Кто хочет выйти, пусть даст по два куруша и выходит». Было известно, что выйти хотят все. В первый раз вышли 8 человек, а когда вернулись то на наши распросы сказали, что их там ограбили. Не обращая внимание на это, я отдал 2 куруша и вышел. Когда вышли с пятью товарищами, трое вооруженных штыками солдат, стоявших у двери тюрьмы, спустили нас к берегу Евфрата, а когда позади кофейни мы справили нужду и хотели вернуться, солдаты запретили и стали нас обыскивать. С товарищей моих сняли довольно много денег, и у меня отобрали 138 курушей, но привязанные к спине 14 золотых не заметили, потом отвели обратно в тюрьму. Возле двери тюрьмы, один жандарм сказал, чтобы я снял мои туфли и отдал ему. Я сказал, что останусь босым, а он сказал «Возьми мои, старые». Без сопротивления я отдал ему свои, надел его старые и вошел в тюрьму. Час спустя пришел военный, что нас отделил, и приказал, чтобы мы все вышли. Вышли, и он приказал, чтобы нам принесли воды, мы выпили, подышали чистым воздухом, а другой жандарм, что сидел у двери конюшни, нас пересчитал и записал имена каждого, спрашивая откуда мы, из какого квартала, возраст, и снова отвели в тюрьму. Положение богатых и тех наших товарищей, которых держали под стражей в церкви, было еще хуже. Богатые – 150 человек – пообещали 2000 золотых, если их освободят и отправят в бархану. Турки согласились, дали подписать расписки на 2000 золотых, ночью по-одному вывели и ограбили, отобрали даже портсигары, сняли одежду с тех, кто был одет в новое, а также туфли: Вардан Тер-Азарян, Амаяк Ламинян, Арам Чилингарян и многие другие остались в одном белье. Когда мы вернулись, тот самый военный, что нас отделил, позвал двоих из нашей тюрьмы и сказал: «Вас отправляют строить дороги, а пока будете идти вас могут ограбить жандармы, поэтому идите к себе и соберите деньги, часы и прочая, что есть, запишите имена всех и принесите сюда, а когда вы попадете в предписанное вам место, я вам обратно верну». Наши товарищи пришли и сообщили нам замысел военного, собрали 14 золотых, 14 часов и колец, отнесли и сдали военному. Прошел час, мы сидели в тюрьме и гадали, что нас ждет в будущем. Один из товарищей посмотрел из окна и обратившись к нам, сказал, что уже при-

несли лопаты и кирки копать нам могилу. Каждый сказал свое мнение об этом, но ни к какому окончательному выводу мы не пришли. Прошло пол часа, и богатых, связанных в церкви, провели перед нашей тюрьмой. Один из наших товарищей сказал нам, «Парни, уже богатых связанными ведут убивать», а другой наш товарищ, который наблюдал за происходящим через пролом в двери, сказал в смятении, заикаясь: «Принесли много веревки, чтобы и нас связать». Услышав это, те, кто стояли у двери, стали пятиться назад, но это было невозможно.

Жандарм вставил ключ в замок двери, открыл, и внутрь вошли два четника, они, связав руки, вывели двоих наших товарищей и заперли дверь. Четники вернулись и так же продолжали, но не забыть сказать, нас и богатых связывали совсем по-разному. Их связали по рукам и бокам друг к другу так, что это даже мешало их тащить. Нас же привязали попарно за руки, а в связке было по 15–30 человек, и нас еще продолжали связывать. Среди наших товарищей были два брата, один с нами, а другой – в церкви. Тот, что был с нами, поднялся к окну, ища глазами своего брата среди связанных, которых гнали мимо нас, чтобы сказать «прощай». Так, Ваан Чанчикян сказал «прощай» своему брату Петросу Чанчикяном. И так многие (18 июля). Тюрьма уже опустела, остались 20 молодых дашнакцаканов, которые пожелали быть связанными вместе и умереть. Среди них был Вагаршак Зурикян, Костин, Шах-Армен, Ваан Чанчикян, Петрос Бахтикян и многие другие. Мы стали выходить, нас связали. Через 10 минут тюрьма была пуста. Связав нас, сказали: «ирели» (вперед). Каждую связку сопровождали один всадник и один пеший солдат. Мы слились со связанным караваном и подошли к тому мосту, который мы перешли два дня назад с нашими родителями. Перешли его уже в третий раз и повернувшись к югу, направились в конце концов на юго-восток. Все время шли по берегу Евфрата, встречая на пути маленькие источники, входили в воду и пили, зачерпывая нашими шапками. А тех, кто были перевязаны настолько крепко, что не могли быстро передвигаться, жандармы, ругаясь, били по головам, крича «илери, гявурляр» (вперед, неверные). Наконец, дошли до маленького летнего дома, где находился эпилхинтский Джефер, командовавший нашей бойней. Его конь был привязан к дереву, а он сам стоял и набивал сигарку. Там был и старик-турок, который собирал обувь, оставленную нашими товарищами, и складывал друг на друга под деревом. Прошли это место и стали подниматься на холм, а оттуда, пройдя еще минут десять, наши товарищи спустились в ущелье, которое тянулось до реки Евфрат. С восточной стороны этого ущелья был небольшой овраг, где мы и сели. Немного погодя к этому месту на коне подъехал командир наших убийц Джефер, который после недолгого обыска, приказал, чтобы мы подняли наши связанные руки. Мы не

Монастырь Сурб Ниан (Святого Знамени) на берегу озера Ван

Монастырь на ските Ктуц

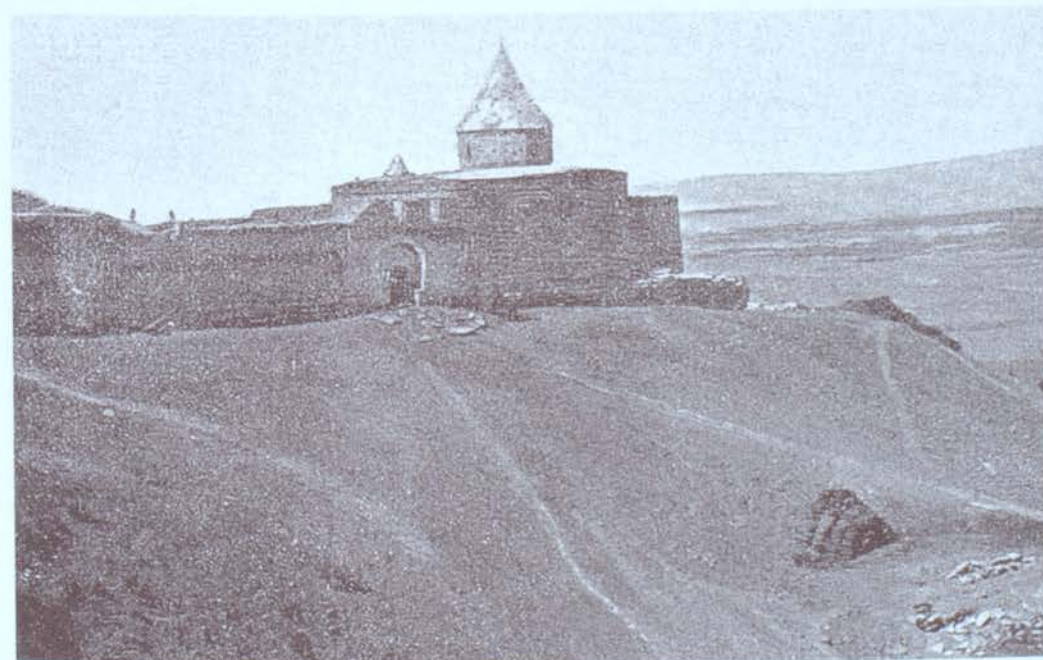
Монастырь Варага

Вид монастыря Нарекаванк с юго-запада (1900-е гг.)

Воспитанники школы «Жарангаворац» при монастыре Варага

Церковь Сурб Аствацацин (Св. Богородицы) в селе Курубаш (1900-е гг.)

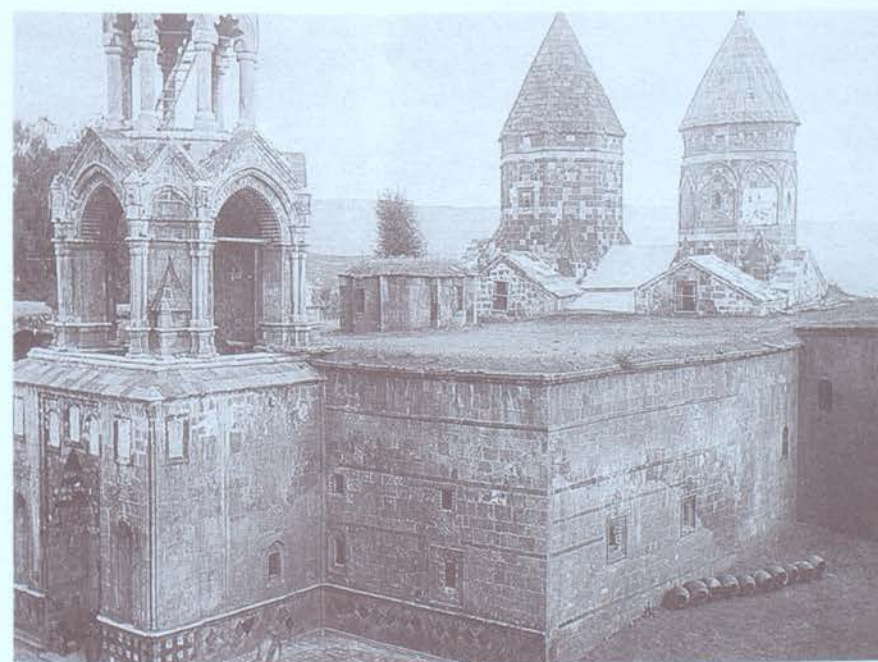
Вид монастыря Сурб Аствацацин (Св. Богородицы) в селе Шушани с юго-востока (1900-е гг.)

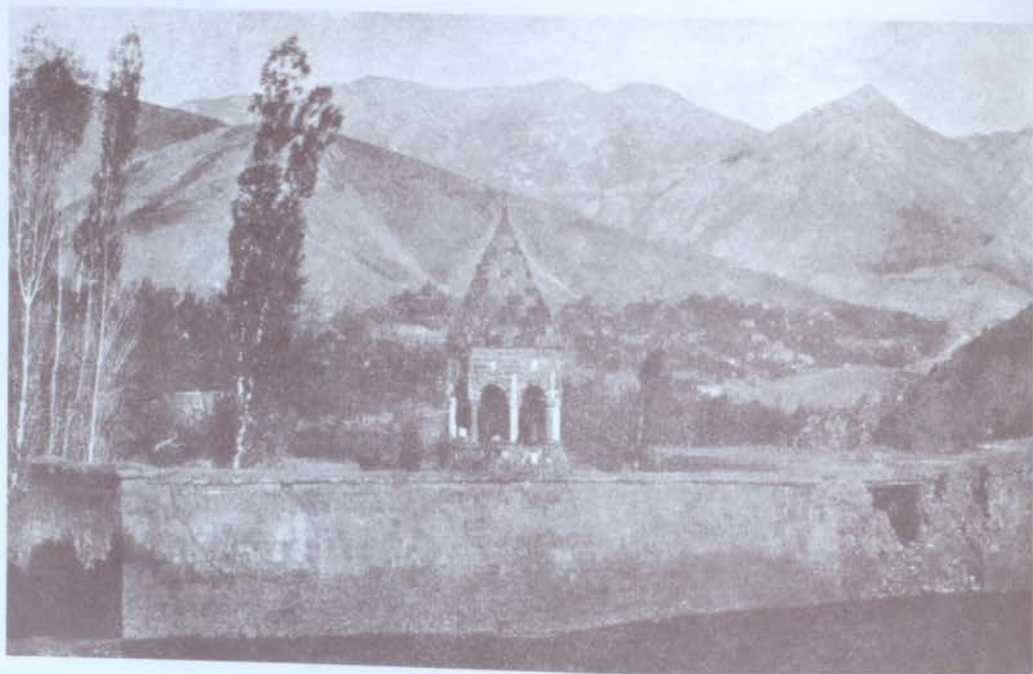
Общий вид монастыря Иннакян Св. Карпета (Глакаванк, Мио Сурп Карпет)

Вид монастыря Св.Геворка на острове Лим с северо-востока (1900-е гг.)

Монастырь Иннакян Св. Карпета (Глакаванк, Мио Сурп Карпет) 1905 г.

Монастырь Кармрорак в Битлисе

Монастырь Мио Сурп Аракелоц (Святых Апостолов в Муше) 1910-е гг.

Монастырь Мио Сурп Аракелоц (Святых Апостолов в Муше) 1910-е гг.

Вид Битлиса

Вид Эрзерума

Вид Арабкира (сфотографировано со стороны внутреннего рынка)

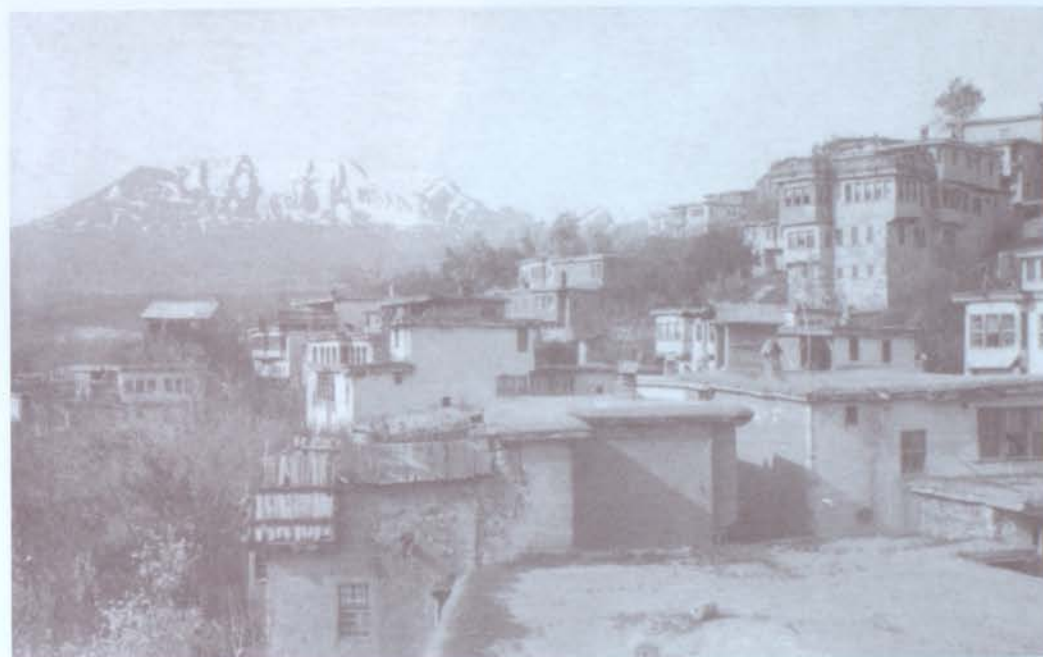
Вид Эрзерума

Армянская церковь Арабкира и здание училища

Армянская церковь Арабкира

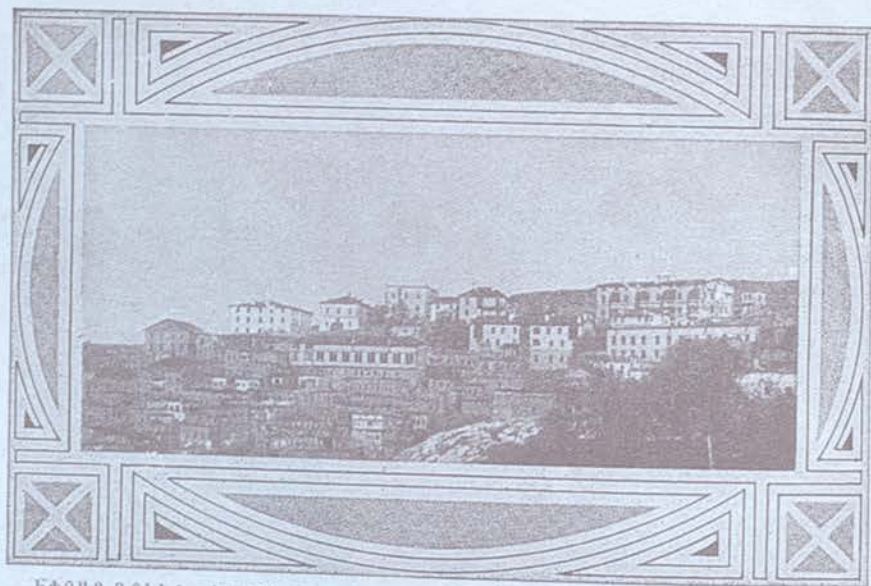
Вид Арабкира

Арабкир (Церковный квартал)

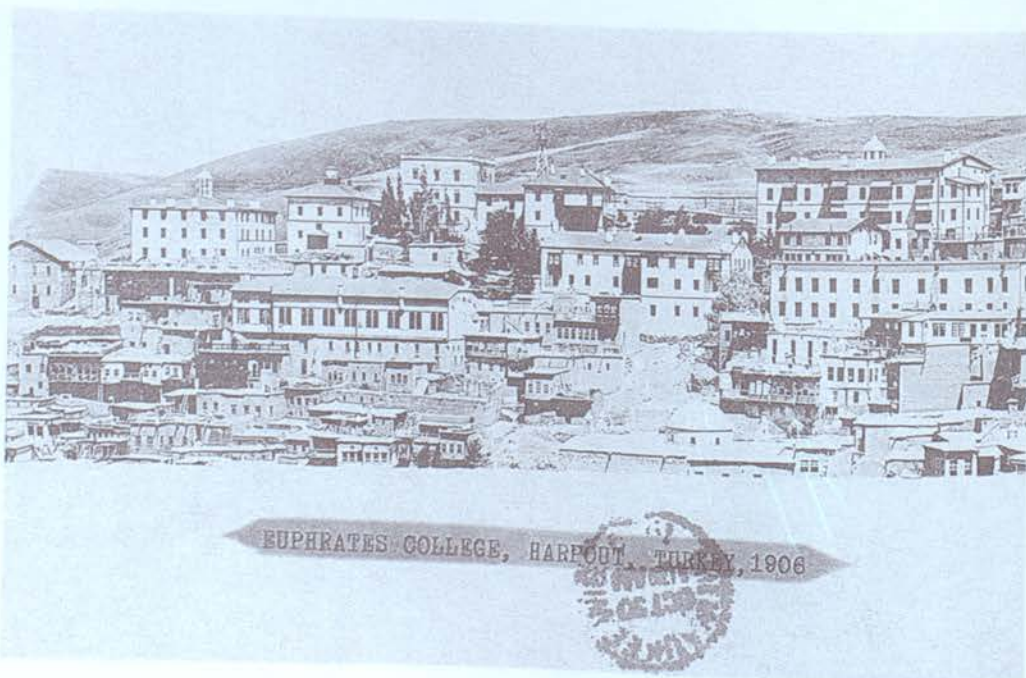
Вид Ерзнка

ԵՓՐԱՏ ԳՈԼԼԵՃ—ԽԱՐԲԵՐԴ ڤرات ڤوليز ڤربوت EUPHRATES COLLEGE—KHARPOOT

Feb. 21/06. Card rec'd. Am awaiting letter. Molly

Здание харбердского колледжа «Евфрат»

Здание харбердского колледжа «Евфрат»

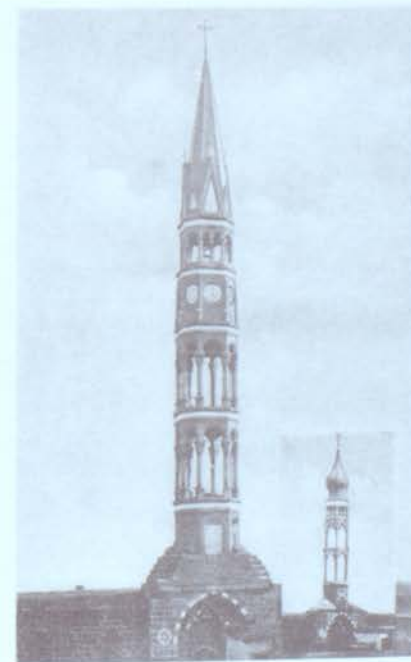
SOUVENIR DE L'ASIE-MINEURE
La fleuve « Euphrate » du côté du village arménien « per tak »

Река Евфрат

Армянская церковь Эрзерума

Армянская церковь Диарбекира

Вид Трапезунда

Вид Трапезунда

Вид Трапезунда

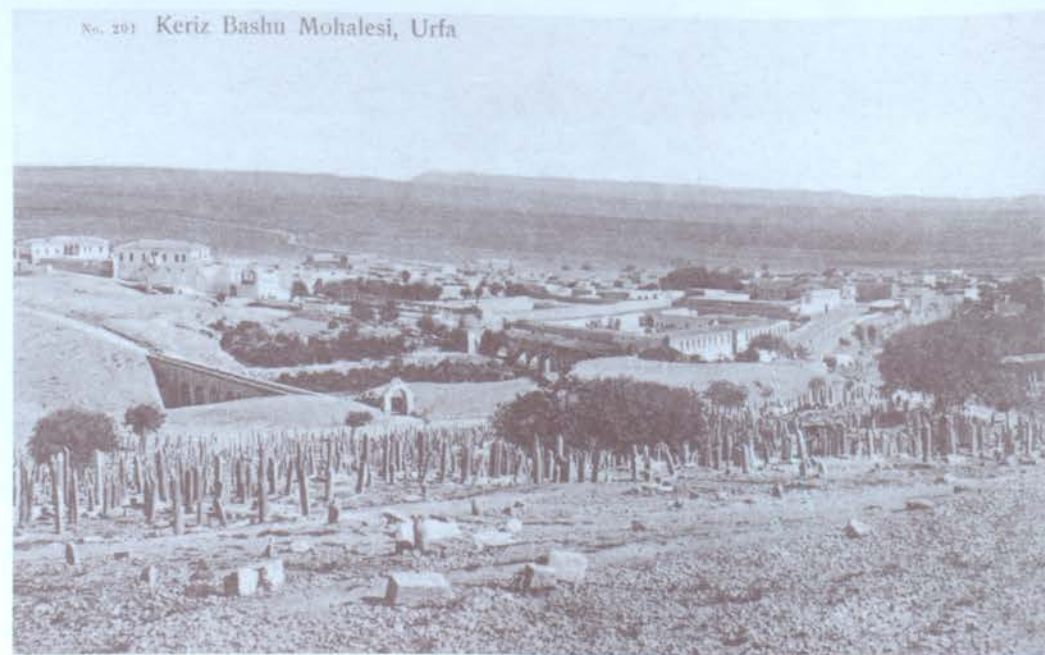
Армянский квартал Самсуна

Вид Баберда

Вид Себастии (Сивас)

Вид Эдессии (Урфа)

Вид села Агин

Дом Фабрикаторянов в Харберде

*Предводитель Карина епископ
Смбат Саатетян*

*Предводитель Кесарии епископ
Хосров Пехрикян*

Монастырь Армаша

*Арабкирский священник
Тер Хусик Каджуни (1854–1916)*

*Арабкирский торговец
Саргис Тевекелян*

Братья Фабрикаторян

*Основатель школы
при Кафедральной церкви
Арабкира Махтеси
Карапет Сагателян с женой*

*Оганес Экмеджян,
Саргис Селверян (убит во время
Геноцида) и Тадевос Екавян
(убит во время Геноцида)*

*Семья Арзуманян
(1907 г., Анджерди)*

*Арабкирцы
Арменак и Карапет Ачяны*

*Арабкирцы Седрак Оганесян
и Седрак Юзарчян*

Воспитанники, преподаватели и попечители армянской школы Арабкира (1905 г.)

Арабкирская семья (1905 г.)

Арабкирская семья

Арабкирцы – члены партии Гнчакян (1908 г.)

Ученики арабкирской школы Сурб Ниан (Св. Знамени) (1914 г.)

Командир 1-го Армянского добровольческого отряда Андраник со своими соратниками

Командир 4-го Армянского добровольческого отряда Кери со своими соратниками

52-2 Командир роты 1-го Армянского добровольческого отряда Сепух со своими соратниками

Командирский состав 1-го Армянского добровольческого отряда во время обеда после победы в сражении

Арам Манукян

Ишхан – Никол Погосян

Рубен Тер-Минасян

Комс – Ваган Папазян

Аршак Врамян

Архимандрит Вардан Акопян

Корюн – Гомса Исо

Мчо – Мкртыч Полеян

Тигран Багдасарян

Левон Шагоян

*Руководители Ванской самообороны – Арам Манукян, Панос Терлемезян,
Габриэль Семерджян, Грант Галикян*

Ширин Егизарян

Лато – Мигран Рашоян

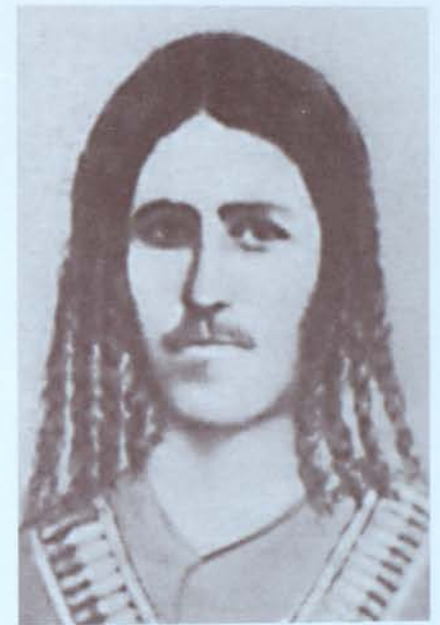
52-18 Военный совет Ванского квартала «Кахакамедж»

Отбитые у турок пушки в Ване

*Руководитель Урфийской
героической самообороны
Мкртыч Еотнехпарян*

Арутюн Расткелеян

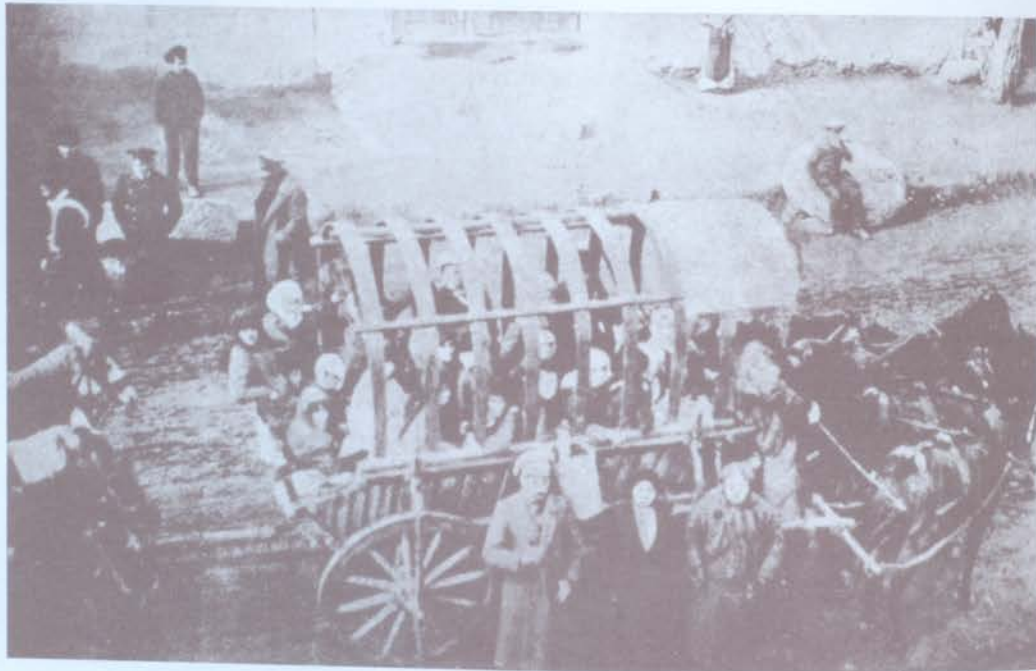
Вход армянских добровольцев в Ван

Мариам Чилинкарян

Ханум Кетенчян

53. Поиск сирот и потерявшихся в дороге детей во время Ванского отступления

Сироты из Вана: в Игдирском пункте питания беженцев

Парк в Игдире с пунктом питания, где беженцам раздавали пищу во время шольского отступления 1915 года, и жертвы эпидемии

Беженцы пекут хлеб в окрестностях Игдира во время отступления из Вана

*Армянские беженцы на привале у подножия Арарата
во время шольского отступления 1915 года*

Беженцы из Вана в Эчмиадзине

Беженцы из Вана в Эчмиадзине

Беженцы из Вана в Эчмиадзине

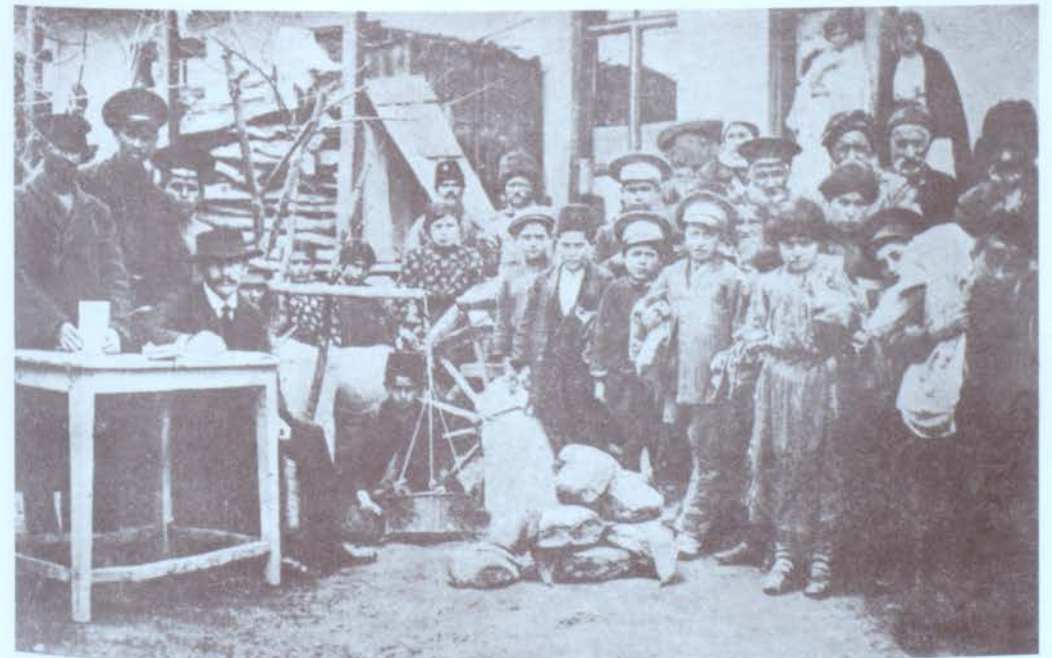
Армянские беженцы, погибшие от эпидемий и голода в Эчмиадзине

Беженцы из Башкалы в селе Кзнут

Армянские беженцы, погибшие от эпидемий и голода в Эчмиадзине

Беженцам раздают хлеб в селе Кзнут

Кости сожженных армян в одном из хлевов мужского села Али-Зриан

Череп заживо сожженных в Битлисе армян

Скелеты жертв армянонаселенного села Шейхалан в Мушской долине

Трупы убитых армян

Армянские беженки-сироты

Армянские беженцы

Рас-Ул-Айни - лагерь депортированных армян

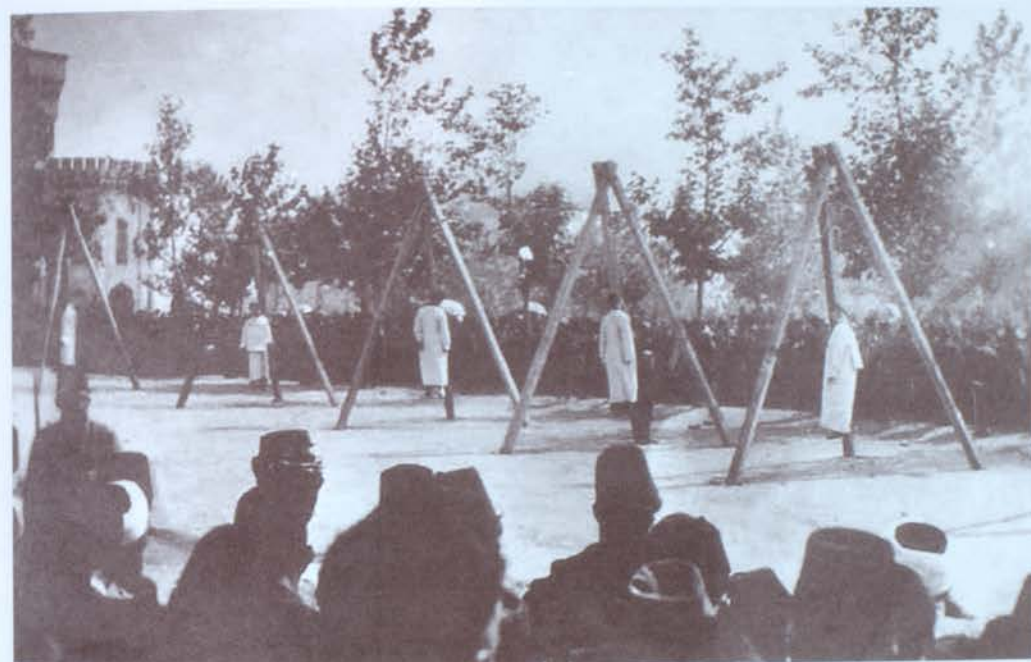
Сасунские сироты в Александропольском приюте

*Армяне, приведенные из Зейтуна в Мараш.
Всех сожгли через полчаса после того, как сфотографировали*

Повешенные в Константинополе армяне

Повешенные в Константинополе армяне

Повешенные в Константинополе армяне

Останки убитых армян Трапезунда

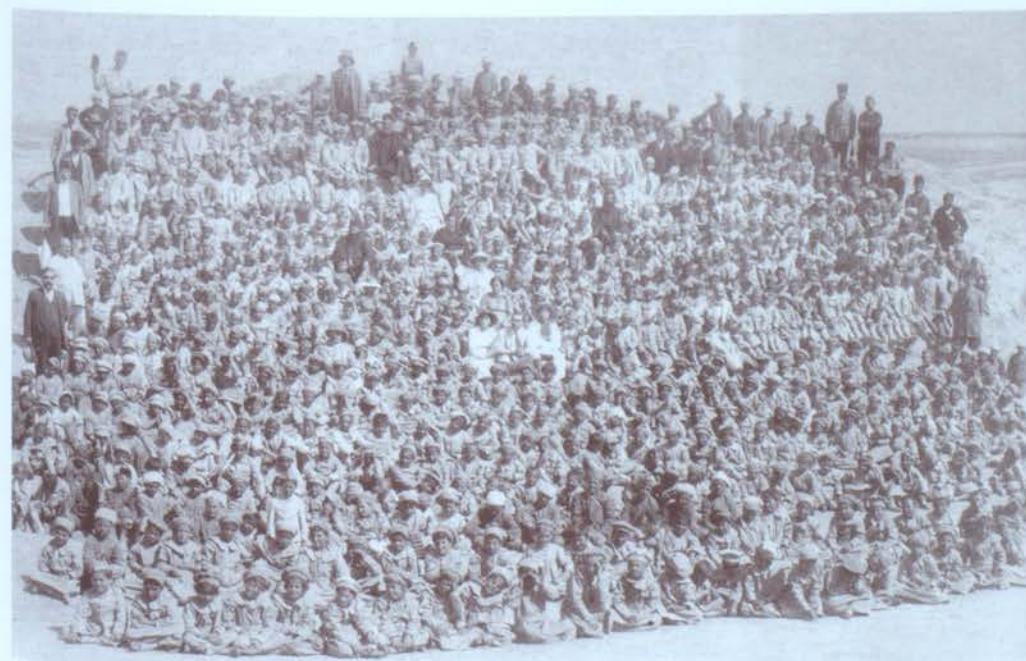
Армянские сироты Урфы рядом с черепами убитых армян, в верхней части фотографии – слова Г. Зограпа: «Мы уходим, но остаются 400 тысяч сирот, спасите их»

Армянские сироты Геноцида

Скелеты армян, обнаруженные в Дер-Зоре

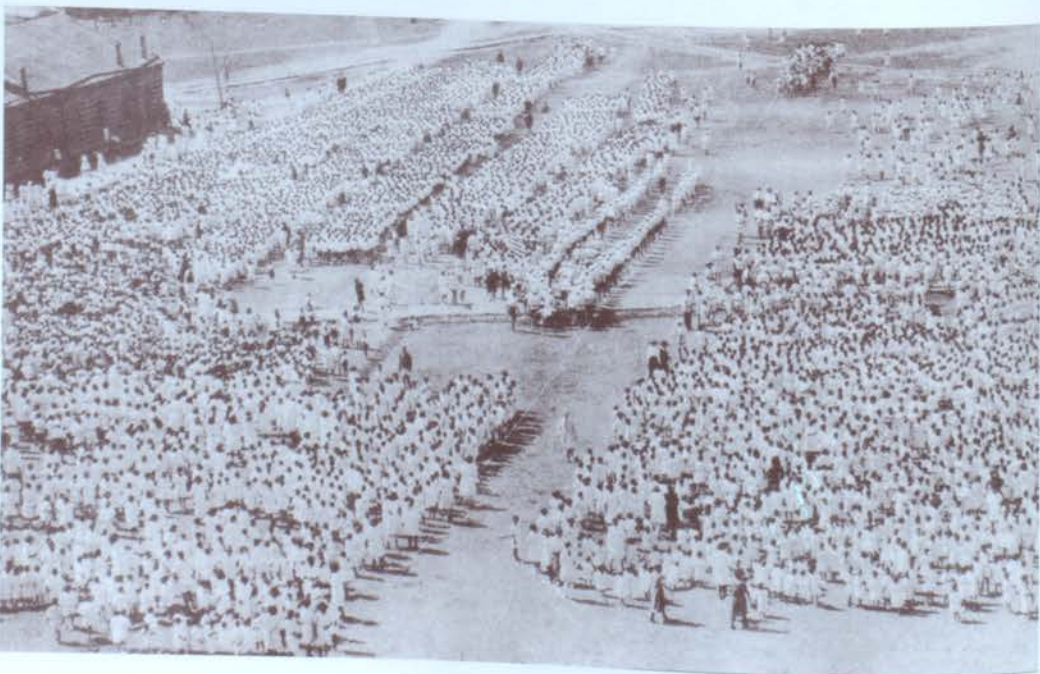
Армянские сироты Геноцида, Бакубе, Ирак

Армянские сироты Геноцида, Иерусалим

Handwritten text in Armenian script, likely a list or record of the children shown in the photograph above. The text is written in a cursive style and appears to be organized into columns or rows, possibly listing names and other identifying information.

Handwritten text in Armenian script, continuing the list or record from the previous page. It includes a large number '94' in the top left corner and continues with names and details in cursive script.

Армянские сироты Геноцида, Александрополь

III-24-1

Բնակչության վերականգնումը

Բնակչության վերականգնումը եղանակով որովհետև 200-ը երեսնամյա տարիքից հասնողները 30-ից 40 տարեկաններն են. իսկ 100-ը 20-ից 30 տարեկաններն են և այլն:

1. Կանայք	220 կան.	40-5 տար.	150-5 տար.
2. Կարկանդակ	200-	196	4-
3. Գրքեր	80-	50-	30-
4. Գիրքեր	40-	4-	36-
5. Գրքեր և ձեռագրեր	70-	58-	15-
6. Կար (հայկական)	300-	450-	20-
7. Երեսներ	300-	300-	
8. Բլազ	120-	40-	80-
9. Կարկանդակ	43-	40-	3-
10. Կարկանդակ	150-	145-	5-
11. Կարկանդակ	150-	150-	
12. Կարկանդակ	160-	160-	
13. Կարկանդակ	140-	140-	
14. Կարկանդակ	200-	197-	3-ը զույգ
15. Կարկանդակ	210-	210-	
16. Կարկանդակ	200-	200-	

Սրանք բնակչության վերականգնումն են. հարկը ըստ վերևը ցուցվածների 200-ը լինում է 200 հարկ, իսկ 100-ը 100 հարկ, ընդամենը 300 հարկ. իսկ 150-ը 150 հարկ, ընդամենը 150 հարկ. ընդամենը 450 հարկ:

Фрагмент свидетельства Закара агы Маргаряна о переселении и потерях армян села Какарлу

III-17-2

Վարչական կայանի վերականգնումը

1/ Վարչական կայանի վերականգնումը. 24 հոգի արևմտյան կողմից, 24 հոգի արևելյան կողմից, 24 հոգի արևմտյան կողմից, 24 հոգի արևելյան կողմից:

- Հայեր 24 հոգի. Վերականգնումը 18 կան. Կանայք 50 կան.
- Կարկանդակ 40 կան. Գրքեր 20 կան. Գրքեր 20 կան.
- Գրքեր 50 կան. Գրքեր 15 կան. Կարկանդակ 15 կան.
- Գրքեր 80 կան. Կարկանդակ 4 կան. Կարկանդակ 4 կան. Կարկանդակ 4 կան.
- Կարկանդակ 15 կան. Կարկանդակ 20 կան. Կարկանդակ 15 կան.
- Կարկանդակ 20 կան. Կարկանդակ 18 կան. Կարկանդակ 12 կան.
- Կարկանդակ 25 կան. Կարկանդակ 40 կան. Կարկանդակ 20 կան. Կարկանդակ 35 կան.
- Կարկանդակ 20 կան. Կարկանդակ 15 կան. Կարկանդակ 35 կան.
- Կարկանդակ 15 կան. Կարկանդակ 25 կան. Կարկանդակ 40 կան.
- Կարկանդակ 50 կան. (Կարկանդակ 30 կան. Կարկանդակ 20 կան. Կարկանդակ 20 կան.)
- Կարկանդակ 18 կան.

Կարկանդակ 24 հոգի արևմտյան կողմից, 24 հոգի արևելյան կողմից, 24 հոգի արևմտյան կողմից, 24 հոգի արևելյան կողմից:

Фрагмент свидетельства Тороса Оганесяна о резне и самообороне армян в селах Спаркертского нахич

15

Խարբերդի քաղաք

1

Խարբերդի քաղաքի քրիստոնեական բնակիչները, 18-ամսեկոր
քաղաքի ամբողջ բնակչի:

1915 թվականի 30 հունիսին քաղաքի բնակիչները
և նրանց անունը հարկադրով հեռացվեցին Խարբերդի
քաղաքից և տեղափոխվեցին Խարբերդի քաղաքից հեռու
տեղանքներ: Քաղաքի բնակիչները և նրանց անունը
հարկադրով հեռացվեցին Խարբերդի քաղաքից և տեղափոխվեցին
Խարբերդի քաղաքից հեռու տեղանքներ: Քաղաքի բնակիչները
և նրանց անունը հարկադրով հեռացվեցին Խարբերդի քաղաքից
և տեղափոխվեցին Խարբերդի քաղաքից հեռու տեղանքներ:

Հունիսի 15-ին քաղաքի բնակիչները հարկադրով
հեռացվեցին Խարբերդի քաղաքից և տեղափոխվեցին
Խարբերդի քաղաքից հեռու տեղանքներ: Քաղաքի բնակիչները
և նրանց անունը հարկադրով հեռացվեցին Խարբերդի քաղաքից
և տեղափոխվեցին Խարբերդի քաղաքից հեռու տեղանքներ:

Հունիսի 12-ին քաղաքի բնակիչները հարկադրով
հեռացվեցին Խարբերդի քաղաքից և տեղափոխվեցին
Խարբերդի քաղաքից հեռու տեղանքներ: Քաղաքի բնակիչները
և նրանց անունը հարկադրով հեռացվեցին Խարբերդի քաղաքից
և տեղափոխվեցին Խարբերդի քաղաքից հեռու տեղանքներ:

Խարբերդի քաղաքի քրիստոնեական բնակիչները, 18-ամսեկոր
քաղաքի ամբողջ բնակչի:

Խարբերդի քաղաքի քրիստոնեական բնակիչները, 18-ամսեկոր
քաղաքի ամբողջ բնակչի:

Фрагмент свидетельства Мушега Ворберяна о депортации и резне армянского населения города Харберд

Свидетельства турок, арабов и персов о депортации армянского населения из Карина

быстро умерли». Как раз в этот момент Карапет, сын каринца Г. Мелкона, прокричал: «Чете баши, тиныны сикийим, эм вер ки вурсынлар. Иманыны, Меметыны, арватыны»²³⁶, и так ругал их дальше, добавив: «Вурун, сизыты калмиаджак» (если выстрелите, вам не останется). Джефер ответил, что нам не останется, и вам пусть не останется, мол, если дома сгорят, то пусть и мышам не достанется. И прокричал дашнакской группе: «Вурун дашнаксон сизыты прагмаз» (стреляйте по дашнакцанам, и вас не оставим), получив тот же ответ. Джефер приказал, чтобы на ружья нацепили штыки и убивали ими, а один их четников сказал: «О гявuru тырисини сойянк» (притащите этого гявuru – кожу с него снимем). Но один из солдат подошел и ударами штыка убил его и обратился к своим: «Улан валах тамам эли кирме вуртум ки сонра йолти»²³⁷» (50 ударами с трудом убил). Джефер приказал, чтобы начали убивать штыками. В верхней части ущелья 20 жандармов начали спускаться к хвосту. У меня до этого вообще ран не было, а товарищ возле меня, его звали Ерванд, когда получил третий удар, всхлипывая, стал дергаться вверх-вниз, но веревка, которой он был привязан крепко накрепко к остальным, не позволила ему выпрямиться, и он упал на меня и прикрыл мою грудь сверху. Его кровь потекла на меня и полностью окрасила мою одежду в алый цвет, и он так и умер на мне, приняв удары сабли на себя. Они начали стрелять в третий раз, чтобы не оставить никого в живых, а Джефер, стоя сверху, подзадоривал их: «Бейте, что есть силы, ваш подарок отдам в Кемахе, но будьте внимательны, чтобы никто в живых не остался, если кто живой останется, плохо наше дело». Когда подошли ко мне, один из жандармов направил штык на меня и нанес несколько ударов в левую руку, из которых один проткнул мясо, а когда вытащил штык, кровь стала литься мне на тело. Я не сделал ни одного движения, и один из жандармов сказал, что, мол, убит уже, и стали они продвигаться дальше вниз, нанося удары. Со мной вместе еще несколько молодых парней остались живы. Когда осмотр был завершен, жандармы поднялись наверх, собрались вокруг Джефера и стали рассказывать о своих подвигах, дабы получить побольше подарков. А один из жандармов, обратясь к трупам, сказал: «Каринцы, вставайте, я вам холодной воды принес, кто будет пить?», – чтобы если кто жив остался и издал звук, добились бы. Когда увидели, что нет ни звука, сказали еще: «Гявuru, не нравится вам теплая вода Кумаха, вы воду Эрзерума хотите, ну что ж, вот вам холодная вода», и так далее²³⁸). Джефер, отдавая еще несколько приказаний нашим сторожам, направился в Кемах (которому наши парни дали имя Камбах²³⁹). Не прошло и 20 минут, как Джефер отъехал от нас, когда кто-то в верхней части начал кричать: «Вот мое золотое кольцо, убейте меня одним выстрелом, у меня множество ран, терзающих меня». Жандарм подошел к кричавшему и, сняв кольцо с пальца, сказал, обратившись к своим: «Среди этих гявuru есть

живые, возьмем лопаты, кирки-мотыги». Начали разбивать головы трупов. В то мгновение я поднял голову и увидел, что кто-то убегает, прыгая по трупам, я узнал его – это был Торос Вавоян из Басенского села Ишху. Я подал голос товарищу, но он меня не расслышал и продолжил свой путь. Я тоже, поднявшись со своего места, последовал за ним, и мы побежали вместе к реке Евфрат. По пути встретили двух друзей из каринского села и, не останавливаясь, продолжили наш путь, а со стороны трупов слышались выстрелы, сотрясающие воздух. Нам казалось, что открыли по нам огонь, но нет. С момента отъезда Джефера они все время открывали огонь видимо, для того, чтобы испугать, и если оставались живые, то чтобы не сбежали. Ну а мы, четыре товарища, бежали вниз по ущелью к Евфрату и добрались еще до одного ущелья. Для того, чтобы спуститься вниз, нужно было прыгнуть на высокий камень, под которым оказалось много песка. Не разглядев, что это опасно, мы друг за другом прыгнули. Под тем камнем сидели два товарища, которые убежали до нас, и там отдыхали. Услышав шум от наших ног, они задрожали, подумали, что за нами пришли, чтобы убить. А когда увидели нас, обрадовались и предложили, чтобы мы с ним отдохнули. Это были Ерванд Глоян из села Кан и Арутюн Мнацакян из села Дзитавох. Но я сказал, что пока находимся в опасности, пройдем еще и отдохнем потом. Товарищи согласились со мной и мы, шестеро раненных друзей, стали идти дальше, говоря между собой всегда тихо и освещая путь друг другу. полчаса спустя мы оказались на берегу реки Евфрат. Здесь тяжелораненные захотели попить воду, но я сказал, что это вредно. Продолжили путь по левому берегу Евфрата на восток, обсуждая, куда можно пойти, чтобы спасти нашу жизнь. Высказав множество мнений, по предложению Тороса решили направиться в Дерсим, где могли бы жить свободно среди курдов. Все согласились.

Немного пройдя, подошли к воде и остановились на короткий отдых. Ночь была лунная. У моих товарищей было много ран. Хладающие раны стали болеть. Сняв платок с головы одного из товарищей, я перевязал раны, а затем сказал, «Парни, знайте, что мы все еще в опасности, поэтому вставайте, продолжим наш путь, и сегодня перейдем через мост над камбахским протоком и поднимемся на гору Дерсим, где свободно».

Ночь почти закончилась, а мы – шестеро раненных – продолжили свой путь. Не прошли и получаса, когда наш товарищ Торос лег на песок прямо у края берега Евфрата. Подошел к нему, говорю, «Торос, вставай, пойдем, могут появиться турки, и нас убьют». А он, – «не могу идти, если турки придут, брошусь в воду». И я, убедившись, что не смогу ему помочь, оставил Тороса и его двух товарищей и последовал за Ервандом и Арутюном. Немного спустя, наш путь продолжился по скалистой, каменистой местности. Мы босиком, с непокрытой головой, а ночь здесь холодная, особенно если учесть, что мы ранены.

Несмотря на все эти трудности, мы втроем спешили пройти упомянутый мост и выйти в горы, где могли бы найти свободную жизнь. Чуть позже, пройдя еще немного, оказались в поле возле Евфрата. Пройдя по нему, продвинулись вперед, еще на шаг ближе к реке, говоря себе, что если приблизимся к дому хозяина этого поля, и он на нас нападет, то мы бросимся в воду. Пройдя еще не более 10 шагов, увидели село, откуда виднелся свет зажженного огня. Собаки начали лаять, и кто-то раззадоривал собак. Заметив приближающуюся опасность, я сказал друзьям, войдем в воду и дальше – водой, чтобы спастись. Не обращая внимания на звуки, доходящие от собаки и хозяина, мы все время шли. Также мне было хорошо заметно, что был там какой-то барак, но в ночной темноте я не сумел определить, в каком направлении нам пройти. Вышли из воды и вошли в какой-то сад, и выйдя оттуда, внимательно следили сквозь деревья, есть ли кто в бараке. Ни шороха не слышали. Вышли из-за деревьев и прямо перед дверью барака спешно прошли. Немного пройдя вперед, поднялись на гору, где от нас отстал Ерванд, а мы с Арутюном, шли еще час и дошли до каньона, который спускался к Евфрату. Там решили заночевать. Луна освещала всю округу, и мы кое-что видели. Вокруг – ни тропинки, а перед нами, на другом берегу Евфрата было почтовое место отдыха, где я точно знал, что находятся солдаты. Мы же вдвоем, спрятавшись под камнем, заснули.

Проснулись, когда солнце уже было довольно высоко в небе. К полудню под солнечным жаром нам очень недоставало воды и табака, но вот голода у нас не было, хотя уже два дня, как ничего не ели. Товарищ сказал мне: «Больше нет сил терпеть жажду, спущусь и выпью воды из Евфрата». Я его долго убеждал, что спустившись, он может стать причиной нашей смерти. Товарищ не согласился. Тогда я сказал ему – если ты отважишься сделать хотя бы шаг, я тебя ударю и сброшу с камней вниз. Убедившись, что я говорю серьезно, он отказался от своей затеи. В эту минуту над нашими головами пролетел воробей, мы испугались и ожидали, что к нам кто-то подойдет, но никого не было. Я поднялся на камень, так, чтобы меня не было и видно, и осмотрелся вокруг – ни дороги, ни души. Я вернулся к моему товарищу и успокоил его.

Товарищ мой сказал, что его рука очень болит. Рана от пули на его левой руке была довольно большой. Я вскрыл рану и, порвав рубашку, прочистил раны от запекшейся крови, вытащил маленькие кусочки кости и снова завязал, без мытья. Потом немного заснули.

Был вечер. Последние лучи солнца еще обволакивали вершину горы. У турок был рамазан (пост). Солдаты вошли вовнутрь обедать. Мы опять продолжили наш путь по камням, через колючки и ветки. Ноги мои были босы, бились о камни, в нас врезались колючки, заросли не позволяя быстро шагать. Но несмотря на все эти препятствия, продолжали идти. Наконец, оказались перед Камбахским мостом Вдоль берега Евфрата вокруг нас были фруктовые

деревья ... но сколько не высматривали, к несчастью, никакого плода не смогли найти. Из-за этих деревьев на другом берегу Евфрата заметили огонь сигары, который не увеличивался, но и не гас. Немного ошиблись, нам показалось, что там есть жандармы, которые, заметив, ждали нас. Немного еще попрятавшись среди деревьев, наконец, набрались смелости и вышли из убежища, продолжив путь. Мы не сделали и ста шагов, как увидели на земле червя, который излучал свет, и мы поняли, что это такой же свет, который мы заметили. В полночь мы уже были на правой стороне моста. Осторожно прошли через мост и поднялись к горе, которая была горой Дерсима. Под мостом был источник хорошей холодной воды. Хотел воды попить, но мне показались какие-то тени, и мы прошли мимо. Познее я узнал, что это были наши товарищи.

Взбирались на гору извилистыми тропами. Мы поднялись лишь на четверть горы, как я вдруг услышал звуки шагов. Мы всполошились, но звуки продвинулись к ущелью и исчезли за деревьями. То были армянские товарищи. А мы поднялись, отошли от дороги и сладко заснули под деревом. Солнце уже достаточно взошло, когда мы проснулись и продолжили путь. Мы себя чувствовали довольно свободно. Мы были где-то на полпути к вершине, мне хотелось пройти эту гору, чтобы более спокойно добраться до курдов, а товарищ мой, заметил село и настаивал, чтобы двигаться в это село. После долгих споров я согласился. Пошли в сторону села, и, дойдя до ведущей к нему дороги, увидели, как некто по имени Хелил, а село это было – Овит – подошел к нам с серпом. Я сказал товарищу, что он пришел нас резать. Человек подошел к нам и приказал, чтобы мы следовали за ним в лес. Пошли и там присели в тени деревьев, потом он нас обыскал и ничего не нашел, а товарищ мой очень перепугался и стал плакать. Я и курд тоже зарыдали, слышав его. Смущенный Хелил нас долго успокаивал и сказал, что отныне мы свободны. Мы рассказали ему о том, что выпало на нашу долю. Попросили хлеба, он сразу пошел в поле и принес лопоту ячменного хлеба, отбитого на саче²⁴⁰. По окончании еды он нам сказал, чтобы пошли в село в тот дом, где дверь открыта, и хлеба попросили. После того как наполните животы, – сказал он – идите этой дороге и доберетесь до наших палаток. Мы исполнили сказанное этим человеком: пошли в указанный дом, и нас угостили кашей и таном. Когда мы поели, они остальное завернули в хлеб и дали нам, а другой курд принес нам табак и спичек, после чего нам показали дорогу к яйле. Пройдя по этой дороге, вышли к Дерсиму и там ходили свободно.

Погос В. Варданян
2 октября 1916 г.
Карин.

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО ТОВМАСА ПОГОСЯНА
О РЕЗНЕ АРМЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАРИНА И СОСТОЯЩИХ
ИЗ АРМЯН СТРОИТЕЛЬНЫХ БАТАЛЬОНОВ**

1917 г.
Карин.

Рассказ Товмаса Погосяна, строителя из Хайне вилайета Тигранакерт.

На северо-востоке вилайета Тигранакерт, в селении городского типа Хайне населения было 4000 домов: 1000 домов – только армяне, а остальные – полностью турки.

Армянское население делилось на две христианские ветви: протестантов и григориан, 900 домов – григориане, 100 домов – протестанты, и у каждой по церкви. У григорян [было] три смешанных училища, 600 учащихся, а у протестантов два училища, одно для мальчиков, другое – для девочек: всего 120 учеников и учениц.

За редким исключением, ремесла и торговля были в руках армян. Не могу представить точных экономических цифр, скажу лишь, что жили достаточно зажиточно.

Айн прореагировал на военный призыв таким образом: все армяне, годные к службе, за небольшим исключением, отправились исполнять свой долг; одновременно конфискационная комиссия почти что ограбила всех торговцев–армян и их дома. Кроме этого, солдаты, находящиеся в городе, в частности, в армянских районах, отбирали все, что им нужно, не обращая внимания на жалобы.

Я попал в Ливанский 21-й артиллерийский батальон. Наш батальон переместился в село под названием Экепат, возле Коепру Кео. После двух месяцев пребывания там вошли в Котак. Затем во время турецкого наступления наш батальон принял участие в боях при Соханлу. Наш батальон состоял из 1600 человек, а после боев осталось 200. Остатки отошли в село Азаб и отдыхали там до января. В этот месяц солдат-армян разоружили. В нашем батальоне осталось 60 солдат-армян. У всех отобрали оружие и перевели на транспортную службу. Не успели прослужить в этом качестве 15 дней, как нас перевели в Эрзерум и заключили под стражу. После 8-дневного пребывания в этой тюрьме переместили в Ашгалу.

Когда армян удаляли из батальона, солдата по имени Седрак оставили, потому что узнали, что у него много денег, потребовали, чтобы сдал деньги, а он отказался. Потом от раненных турецких солдат мы узнали, что его убили.

Продержав одну ночь в тюрьме Ашгалы, нас переместили в Мамахатун – работать на дорогах.

До того как нас удалили из армии, нам предложили отуречиться. Мы потребовали, назвать причину такого предложения. Они ответили, мол, ничего особенного, просто предложение стать турками. Мы, конечно, отказались, и нас разоружили.

До мая проработали на дорогах в районе Держана. В те дни начались притеснения армян. Сначала тех, кто попадался на глаза, арестовывали и в открытую грабили. В те дни был повсеместный насильственный отбор имущества, а требование денег стало обычным делом.

Арестованных, привязанных друг к другу, выводили из тюрьмы к нам. Нас заранее заставили выкапывать ямы, где предстояло похоронить их трупы. Прямо перед нашими глазами их перебили и заставили похоронить, угрожая оружием. Убивали жандармы и заранее подготовленные для этого четники. Под угрозой смерти нам приказали молчать, а если кто спросит, объяснять, что это курды напали и убили армян.

После этого наша работа на дорогах была прекращена, и нашим каждодневным занятием было копать ямы и хоронить трупы.

В воскресенье со стороны Эрзерума привели группу арестантов, поставили на краю выкопанной нами ямы и стали убивать. Когда хоронили, один оказался жив. Раненный в грудь, он попросил воды. Немецкий офицер с пистолетом в руках сказал: «Хочешь, вместо воды получить пулю?», – но пистолет не разрядил, а приказал, чтобы похоронили живым вместе с трупами. Так и сделали.

В следующий четверг вместе с землемером были на дороге. Нам повстречался раненый армянин с перевязанной головой. Он попросил хлеба. Спросили – откуда идет, ответил: «Меня живого похоронили, три дня промучился в могиле и вылез». Это была та группа, которую мы хоронили. Дали хлеба, и он пошел к палаткам работающих солдат. Вернулись к палаткам, видим, там сидит этот самый раненый, а солдаты копают могилу. Спросили, для кого, если новой группы нет? Нам ответил раненый: «Это для меня». И действительно, живого сбросили и вновь похоронили.

После этих случаев началась всеобщая депортация из районов Карина и Держана. Нам при этом предложили, что если у кого в этих местах есть дом и семья, чтобы отделились и вместе с ними ушли в изгнание. Но мы, зная, что убьют, не позволили дерджанским солдатам пойти с семьями, хотя дерджанцы, видя, что вывозят их вещи, захотели идти. В это время прибыл турок Хасан чауш, который был поставлен начальником рабочих солдат, и строго приказал им не идти, добавив, что тут недалеко всех и убьют. После этих слов, никто не ушел.

Мы в это время находились между Мамахатуном и Кётив²⁴¹ Кеприву. Каждый день прибывали караваны с депортированными. Там караваны останавливали, отделяли мужчин, отводили недалеко в сторону и убивали; потом возвращались к женщинам, их обыскивали в поисках денег, полностью обирали, затем насиловали самым зверским образом и убивали, а тех, кто остался, гнали дальше. Нас же заставляли сбрасывать трупы в заранее выкопанные ямы, пока не приходил следующий караван, и те же зверства повторялись. Так продолжалось целых полтора месяца.

Для звериной забавы много раз видели как вспарывали животы беременным женщинам перед тем как убить, извлекали детей, натывали на сабли и, гогоча, показывали своим товарищам, как дитя корчится в предсмертных муках.

Вдоль всей дороги находилось шесть батальнов рабочих солдат-армян. В одну ночь всех собрали вместе и приказали двигаться в направлении Ерзнка. Якобы туда должны были прибыть немецкие офицеры на автомобилях, и от нас требовалось, чтобы мы привели в порядок дороги. Однако, когда пошли к Кётив Кеприву, вдруг приказали вернуться и занять прежние места. Объявили, что нас должны были отвести и перебить, но потом пришел приказ, чтобы не убивать.

Вечером упомянутый Хасан чауш нам сказал, что нас вскоре должны уничтожить, поэтому, кто может – пусть бежит. Мы подготовили группу, чтобы бежать, но басенец Сиракан чауш пошел и донес командиру, нас поймали, продержали под арестом три дня, потом выпустили и мы снова стали работать. В те дни нас распределили по селам, чтобы мы занялись жатвой на полях, что остались бесхозными после депортации и резни армян.

Однажды ночью снова пришел Хасан чауш и сообщил, что после жатвы, нас перебьют, чтобы бежали, куда сможем. Посовещались семью товарищами, составили план побега, дали пшеницы депортированным, взяли с собой хлеба и пошли на гору Чипиче. Там встретили двух турок-дезертиров. Они к нам присоединились, и мы направились к Ерзнка. Там поели, и – в путь. Утром вышли и в ущелье встретили турецких солдат. Они спросили, кто мы, мы ответили, что из транспортной службы. В ущелье потеряли пятерых товарищей и остались вдвоем. Пошли ночью на поиски наших пятерых товарищей выкрикивали их имена в темноте в надежде найти. Продолжали поиски три ночи, но безуспешно. Солдаты в палатках подумали, что мы фedayины, и, вооруженные, выскочили из палаток, чтобы нас поймать, но нас и след простыл. Мы так и не смогли найти наших товарищей, и мой друг в отчаянии пошел в Ерзнка сдать правительству, а я направился к Дерсиму. 1 марта 1916 года курды напали на турок в Хозате, Дерсиме, Мецкерте и во всех других близлежащих районах. Я участвовал в этих походах четыре

раза. После этих походов, когда делили награбленное, мне ничего не давали. Ходил полуголый. По этой причине сбежал к другому курдскому аге, у которого было довольно много армян. До взятия Ерзнка оставались там, а потом вошли в Ерзнка.

Товмас Погосян из Хайне
[Записано: Аматуни].

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 492, лл. 2–8, подлинник, рукопись.

№ 113

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО АРШАКА ТЕРТЕРЯНА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ АШКАЛА ЭРЗЕРУМСКОЙ КАЗИ

Ноябрь 1916 г.
Оджакули.

Село Ашкала (Мамахатунский район вилайета Эрзерум²⁴²)

Аршак Тертерян, получивший приют в селе Оджакули, рассказывает:

Ашкала состояла из 350 домов, из них 50 домов были армяне, которые являлись мираба²⁴³ турок, а я жил как сапожник-переселенец.

Армяне были энергичными и хорошими работниками, а ага жили за счет их труда. С тех пор как русские заняли Хасан-Калу, жандармы вместе с местными турками стали армян притеснять, грабить и убивать, похищать красивых женщин и девушек. После чего остальных утопили в реке; сбежавших, среди которых был и я с семьей, было очень мало. Их также в разных местах расстреляли, и таким образом уже почти никого не осталось. Я, моя жена и двое наших детей нашли приют в турецком селе Еникей. Там пробыли один месяц. Из того села я перебрался в другое также турецкое село под названием Атнджих, уповаю на защиту знакомого турка, его звали Молла. Молла посоветовал стать турком и дал мне имя Ашраф. Смена веры была последним крайним средством избавления от их зверств. Приняли новую веру всей семьей. Сблизившись с моими новыми единоверцами, собирал у них сведения об армянах. Их замысел состоял в том, чтобы имя армянина в мире, или хотя бы в Турции, отныне не существовало.

К несчастью, вскоре был издан приказ, чтобы не жалеть и исламизированных армян, поскольку они все равно остаются армянами и унаследуют эту страну, когда русские ее отберут с помощью их соплеменников.

ДЕРДЖАНСКАЯ КАЗА

№ 114

ГАРЕГИН ТУРИКЯН О ПОЛОЖЕНИИ ДЕРДЖАНСКОЙ КАЗЫ ЭРЗЕРУМСКОГО САНДЖАКА, О ДЕПОРТАЦИИ И РЕЗНЕ АРМЯН

Мой опекун Молла меня удалил в свою яйлу, где я и пробыл в течение месяца. Курдские добровольцы окружили мое жилище, желая перебить нас, но, к счастью, подоспел еще один турок-благодетель, освободил нас и вновь отправил в село Атнджих. В Атнджихе нас тоже выследили, чтобы убить, и наш старый друг Молла снова пришел на помощь и скрыл нас на сеновале, но вскоре прибыли жандармы из Ашкалы, нас арестовали и опять пригнали в Ашкалу, наше прежнее село. Мой освободитель Молла сначала пошел в жандармерию и сообщил им, будто я добровольно, а не по принуждению или из страха, принял ислам еще до войны. Для этого он собрал и представил документы и свидетельства из сел в округе и из сельских судов.

Я и на этот раз спасся, остался в Ашкале, где не осталось ни одного армянина. Молла для меня открыл мастерскую-магазин. Пробыв в Ашкале 4 месяца, я получил возможность узнать о резне местных армян, убедившись, что из них никто не остался в живых. Турки мне показали места, где происходила резня. Я увидел кости убитых, но не захоронных мучеников и погрузился в скорбь... Глава местных военных дал мне сертификат и отправил в Эрзерум, чтобы я там купил товар. Добравшись до армянского села Илиджа как турок, я стал свидетелем ритуала обрезания 200 армян, принимающих магометанство, но в дальнейшем до меня дошла весть, что их перебили по последнему приказу. Я вошел в Эрзерум, когда русские войска взяли Дава-Буйн. Поступил приказ перекрыть все ворота и проходы города. Подкупил жандарма за 7 золотых и ночью покинул город. Добрался до дому, но услышал, что армян должны согнать вглубь Турции как пленных, и тогда, не будучи уверенным в своей новой вере, сбежал в Сарибабя, к Ахмат аге. Он послал людей, которые по его приказу отобрали у бандитов моих родных, отнятых у меня и привели ко мне. Русские захватили Ашкалу, и оставалось 4 версты, чтобы дойти до нас, когда они остановились. У нас собрались еще 15 армян, среди них молодая жена эрзерумского художника Папазяна Анна, мужа и детей которой турки забили насмерть камнями, а Анну похитили и отдали в жены Нохта Кумандану²⁴⁴. Анна, обнаженная и босая, сбежала от него к нам. При помощи одного турка я и парень по имени Хосров пошли и сдались русским. От главного мы получили бумагу, пошли и освободили моих родных и других отуреченных армян, которых у себя держал свободными Ахмат ага. Армян из сел нашего района Топал-чауш, Брнакапан и Кара-Хасан перебили подобно тому, как в Ашкале.

[записал Варос Саргсян].

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 482, лл. 5 и на обор., подлинник, рукопись.

Округ Держан в древние времена назывался Хени. Держан – это территория, полная многочисленных пирамидообразных холмов и долин, чередующихся между высокими гор, именуемых Багр Баба, Хошан, Хеопек, Артучли и Кешиш Даг. Держан на северо-востоке граничит с округом Ашкала, к северу от него – Баберд, к западу – Ерзка, к югу – Гузулчан и к юго-востоку – округ Кеги. Евфрат, огибая Ашкалу справа, течет перед Мамахатуном, прорезая долины Держана, несет свои воды иногда извилисто и спокойно, а порой бурно по длинному ущелью, именуемому Калапан или Санса Тэрэс, омывая пороги огромной горы Багр Баба. С севера на юг округ простирается на восемьдесят пять верст, а с востока на запад – на сто десять верст.

Воздух и вода в районе сел – чисты и здоровы, а возле берегов Евфрата – нездоровы, особенно летом. Сегодня главная причина заключается в том, что округ лишен лесов.

В горах этой земли имеется нефтяные скважины и каменноугольные шахты, холодные минеральные воды. В селах Багарич, Вардок и Гом-дзор находятся соляные рудники – три рабочих и три закрытых. Мост Котер или Кётир – красивый образец древней архитектуры – расположен перед руинами древнего горда Котер или Кётир, слева от которого в трех верстах было полуразрушенное одноименное село.

В селе Цахкари до сих пор стоит алтарь древней церквушки. Прекрасная работа древней архитектуры, однако в силу отсутствия надписей невозможно определить, она – армянская, греческая или римская. Но всегда именно армянский сельчанин был ее хозяином, считавшим это своим святым местом и зажегшим здесь за долгое время бесчисленное количество свечей.

В Держане производится большое количество пшеницы, которую вывозят в окружающие уезды: Ерзка, Эрзерум, Гузулчан и Кеги. В Держане много лугов и пастбищ, а у крестьян – много овец, коров и быков, лошадей, волов и буйволов. Перемещались в уезде обычно на волах.

Производство меда достигло высокого уровня и было широко распространено у крестьян, среди которых были и такие, кто обладал тысячу ульев, – все, конечно, делалось старым способом. Если бы применялись новые методы медопроизводства в этом уезде, результат был бы вчетверо большим.

Вопреки тому, что у уезда были благодатные, плодородные и обширные земли, внимания развитию плодовых деревьев и насаждений не уделялось, что удивительно. Осенью или зимой этот край из конца в конец представлял глазу наблюдателя целиной, будучи лишенным деревьев; единственным украшением здесь был извилистый путь евфратских вод.

Главные села уезда – Багарич, Пириз, Котер, Хогик и Сарикайя.

Строение Мамахатун состояло из 500 домов, расположенных на склоне пирамидообразных скал на другом берегу Евфрата, а его немногочисленное армянское население обычно занималось торговлей и ремеслами. Здание национального совета Мамахатуна ныне разрушено до основания, также как церковь и школа.

Армянство уезда было культурно отсталым, хотя во всех селах были школы, в которых преподавание велось старым методом, так что число грамотных среди армянского населения с трудом достигало 15 процентов.

Пропутешествовав почти по всем селам Дерджана, большую часть нашел разрушенными. Увидел целыми церкви только в Пиризе, Цахкаре и Апанке²⁴⁵. Все их движимое имущество, утварь, священные книги и посуду разграбили, а куски рукописного Евангелия были спасены от курдов бесокрытными и искренними усилиями старика Казара из села Хазах.

Армянская Церковь, как и повсюду, очень пострадала и в этом уезде, и ее земли теперь остались без официальных документов, лишь по свидетельствам того или иного дерджанца.

Монастырь Св. Давида. В пределах села Апанк этот монастырь, с оградой, красиво расположен на возвышении и смотрит на южные степняки, холмы и горы уезда, в нем есть церковь Св. Карапета с алтарем Св. Давида и могилой святого. У монастыря имеется 150 наделов земли. Десятки колонн разрушены, стоит лишь церковь с алтарем. Монастырь разграблен, унесли все имущество и увели около 150 овец, около сотни коров, быков и буйволов.

Хронологические сведения о монастыре можно получить у последнего настоятеля, жителя села Тар [отца] Григора Казаряна и цахкарца Галуста Восканяна, которые сейчас живут в селе Чифтлик в каринской равнине; они могут также дать сведения о грабителях.

Армянство Дерджана, до войны насчитывающее 10–11 000 [душ], расселилось в центральной дерджанской горной долине приблизительно по 30 селам с иногда сугубо армянским, а иногда и со смешанным (с турками) населением, а вокруг жили кызылбашские курды. Дерджанец вообще был земледельцем. Представители обоих полов трудились в равной степени: дерджанская женщина – рука производящая наравне с мужем; но в хозяйстве была в высшей степени стесненная.

Более тысячи дерджанцев живут на чужбине, большую часть занесло в Румынию и Болгарию, меньшую – в Россию и Америку. 1 мая 1915 года началась депортация и резня, завершившиеся 17–18 числа того же месяца.

Большая часть дерджанцев перебита возле моста Кётюр и сброшена в воду, остальные – вдоль всего Евфрата, до западной части города Ерзнака и в ущелье Камахи. Есть свидетельства очевидцев, что часть людей, депортированных из Баберда, которым правительство выделило 40 телег, подверглись нападению и резне со стороны заранее подготовленной группы четников: не пожалели никого. Спасшиеся дерджанцы рассказали, что большую часть армян – жителей Эрзерума, Дашта и Басена – уничтожали на их глазах, начиная от Мамахатуна и до ущелья Камахи.

Главными палачами в этой резне были глава города Ериза Мемтух бек, предводитель балабанского аширета Кюло ага, камахский Халед бек (член османского парламента). Именно они составили дьявольский план резни от Мамахатуна до Камаха, приказав этому зверью, чтобы оно удвоило, учетверило свое зверство.

Активное участие во всем этом приняли также полис мюдюр²⁴⁶ Мамахатуна Хайри бек, его друг – полицейский Мехмед эф., Мэмиш ага гуришанского аширета, сын семикца Мустафы – Бой бек, Эрзерумец Чатрджи Али бек и городской глава Тевфик эф.

Родственник Кюло ага, проживающий в Кыштыме Исмаил эф., 110-летний зверь из Джапрума – молла Вели со своими тремя сыновьями, житель села Багарич Хилми ага, сын пиризца Эмина – Аджин, басенский Арслан бек – каждый из них нанял четников, и произошли несутветные зверства.

Молодых парней Пириза заставили разрушить одну местную церковь, другому парню-армянину дали в руки ружье, и, угрожая, заставили убить армянина, и он убил против воли.

Командовали резней и верховодили сбродом также мрик гомец Юсуф, сын хумларца Лавлава – Али и его друг Хасан чауш, хозяин Эрзерумской кофейни Кямил, житель села Апанк Мухтар Мевлуд и его друг мрвнец Махмут, житель села Тар Мемед ага и житель села Хархин Хафиф, хурхорские беки Фазли, Йахуди, Хафзи и многие им подобные, которые не остановились перед самыми бесчеловечными и зверскими методами.

Делящийся этими сведениями житель села Апанк Мартирос, будучи пекарем до падения Мамахатуна, все видел своими собственными глазами и бежал за 48 часов до падения турок и победного вступления туда русской армии. Г-н М. Тероян рассказывает о телеграмме, которую каринский епископ послал местному церковному предводителю отцу Рафаэлу Саакяну²⁴⁷ (он котирский) следующего содержания:

«Карин: 25 апреля, 1915 г.

Из Хертефа, Басена, в путь отправились 50 домочадцев, дайте кров в Вашем районе.

Епископ Смбат Саадетян».

Мартирос Тероян добавляет: «Еще до подхода беженцев Хертефа, 1 мая в Мамахатун прибыли беженцы из Топал чауша Эрзерумской долины и были перебиты».

Таким образом дерджанцы, видя и сопереживая боли, страданиям и резне басенцев, каринцев, и бабердцев, сами были вырезаны тысячами. Тысячи женщин и детей сами бросались в воду, чтобы не попасть в руки правительственных аскеров и офицеров, озверевших турок, пользующихся защитой и получающих приказы от бесстыдных правителей, и четников, организованных ордами курдов-башибузуков²⁴⁸.

Начиная с моста у села Охек, Евфрат нес в своих водах тысячи безжизненных тел детей и молодых женщин вместе с их любимыми братьями, мужьями и отцами в общем кровавом потоке. А малую часть депортированных гнали к Гуручаю, Малатии, Арабкиру и Харберду, через долину Ерзнка в направлении Камах богаза. Будут считать, что Держжану по сравнению с Каринской губернии и прочими уездами, повезло, поскольку около 2500 его сынов и дочерей, претерпев всякого рода мучения и страдания, сейчас живут в 25 разрушенных селах родного уезда.

Держжанцев, находящихся в рядах добровольцев и разбросанных на чужбине вместе с их родными, насчитывается более трех тысяч человек – ярых носителей родных традиций. Вытерпев всякого рода трудности, они решили мало по-малу отстроить уезд, восстанавливая села. Он быстро восстановится, если им дать семян, быков и позаботиться о 50 процентах их сегодняшних средств существования.

Дайте ему семян и быков, и на следующий год он обеспечит зерном две-три тысячи людей своим благословенным плугом и плодородными полями.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 458, лл. 1–6, подлинник, рукопись.

№ 115

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО ВАРДАНА АВETИСЯНА О ДЕПОРТАЦИИ И РЕЗНЕ АРМЯН СЕЛА БАГАРИЧ ДЕРДЖАНСКОЙ КАЗЫ ЭРЗЕРУМСКОГО САНДЖАКА

Вардан Аветисян, из дерджанского села Багарич, 11 лет.

В нашем доме было 10 душ. В селе мы жили хорошо, никогда нужды не испытывали. Отец мой был земледельцем, у нас были овцы, коровы, быки, пашня, дом – все.

Когда случилась война, пришли правительственные солдаты, чтобы с нами сделать суркун (сослать), и сказали нам – уходите в Адану, оставайтесь там, вас не тронем. Нас обманули, погнали в Камахский богаз²⁴⁹. Нас одиннадцать человек убежало оттуда, остальных связали друг с другом, а потом били по голове, пока головы не поникли. Саблями протыкали руки, ноги, принесли топоры и рассекали головы, сбрасывали в ущелье, красивых женщин и девушек уводили, там убивали и бросали в воду. В водах нашего городка столько трупов было, что она дальше не текла.

Ну а от тех одиннадцати, что сбежали, я ушел и прибежал к маме; а там наших поймали, связали друг к другу, расплавили хуршун²⁵⁰ и залили им в рот, в глаза засыпали баруд²⁵¹, потом забили как скот и сбросили в воду.

Я когда у мамы был, пришли курды, всех поймали, с моей мамы сняли одежду и сказали ей, мол, дай 30 золотых, освободим тебя. Мама дала 30 золотых, и нас освободили. Бежали в Чали (курдское село), и курды нас у себя держали. Когда турецкие солдаты строили стену, нас прятали, а когда те уходили, нас выпускали, и мы там бродили. Пробыли там, пока турки не бежали и пришли русские, а село Чали не бежало. Русские пришли, с ними армянский офицер был, он нас отвел в Мамахатун. Я был, мама и две сестры. Мама не смогла четырех душ содержать, и двоих из нас сдала в сиротский приют.

[Записал Амадуни].

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 460, лл. 9–10, подлинник, рукопись.

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО ОВАНЕСА МАРКОСЯНА
О ДЕПОРТАЦИИ И РЕЗНЕ АРМЯН СЕЛА ХУМЛАР
ДЕРДЖАНСКОЙ КАЗЫ ЭРЗЕРУМСКОГО САНДЖАКА**

[1916 г.]

Рассказ жителя села Хумлар Ованеса Маркосяна о депортации и о других событиях.

Во время мобилизации 1914 года все те строгости, которые начались в других армянонаселенных селах, стали еще более ужесточаться и в нашем селе. Одновременно конфискационная комиссия объявила, что народ должен одну треть имущества отдать на военные нужды. Мы добровольно были готовы отдать то, что полагалось по закону, но от имени правительства в течение нескольких месяцев всех полностью ограбили, а у турок для вида взяли, да и того меньше, чем полагалось.

У армян села единовременно забрали 300 сонаров (один сонар – 8 пудов) пшеница, собрали и засыпали в училище, вместо того, чтобы направить на военные нужды, и раздали туркам односельчанам, как нуждающимся, хотя они были так же зажиточны как мы.

В декабре-январе 1914-15 гг. начались ужасные притеснения под предлогом поиска солдат-беглецов. Таковые имелись, это правда, но по сравнению с турками их было меньше, и армянские беглецы были результатом дискриминационного отношения к ним со стороны военного командования. В отношении турок – ни одного притеснения, доставалось только их беглецам, а в отношении армянских солдат-беглецов – позорили и подвергали неопишным мучениям не только их, но и их близких и дальних родственников, даже их односельчан, священника, мухтара²⁵² и др.

Вот примеры таких случаев того времени. В село под предлогом поиска беглецов врывались жандармы и четники: предводителями четников были нариманец Сулейман бек и тортумец Тосун бек. В декабре месяце в село вошли жандармы и солдаты – искали беглецов солдат. Захотели похитить 15-летнюю миловидную дочку священника Епрема Норатяна. Тот, обезумев побежал, чтобы не допустить этого, но его тут же на месте застрелили, а девушку забрали с собой к скалам напротив Мамахатуна. Там ее зверски насильовали 5-6 дней, и потом ее труп нашли среди скал. Было очевидно, что она стала жертвой жуткого изнасилования.

После этого похитили 18-летнюю дочь Григора Погосяна. В во время отступления турки забрали ее с собой. Ее отец в это время исполнял воинский долг в армии.

Дочь Арутюна Саргисяна, которую выдали замуж в село Апанк, турки похитили и после всякого рода насилия также увели с собой во время своего отступления.

Так же во время обысков, устроенных для поимки беглецов-солдат, среди бела дня у всех на виду изнасиловали невестку Хачо Сирояна, невестку Акопа Тер-Никогосяна, невестку Ншана Карапетяна, невестку Татоса Мслоикяна, несовершеннолетнюю дочку Габриела Саркисяна, невестку Гиноса Галустьяна, несовершеннолетнюю дочку Татоса Аракеляна, жену Хачо Симоняна – прямо на глазах мужа, заставив смотреть как насилуют жену.

По ложному обвинению за содействие беглецам-солдатам после нескольких дней всякого рода пыток убили следующих лиц: Гукаса Саргисяна, Ованеса Хачояна, Кюрега Айрапетяна, Саака Айратпетяна, Татоса Аракеляна, Григора Балояна, Богика Пилюяна, Карапета Симоняна, Минаса Погосяна, Погоса Хачояна. В дальнейшем подобные события продолжались до депортации. Уж не говорим о разбое и грабежах со стороны четников и жандармов.

В это время меня уже призвали в солдаты, и я отправился в свой полк, который занимался строительством дорог – там работали разоруженные солдаты армяне. После того, как я отбыл на место службы, 18 мая население села депортировали: их перегнали на северный берег реки, и там началась резня. А мы работали неподалеку возле горы и стали свидетелями резни, но ничем не могли помочь, зная, что там наших детей и женщин предают мечу, и мужчин всех перебили. Оставшихся в живых женщин и детей погнали в направлении Ерзнка, но едва они достигли моста Кётур, как их схватили, стали убивать и сбрасывать в реку: многие сами бросались в реку.

За два дня до этих событий прибыл народ с Эрзерумской равнины – они прошли к Мамахатуну. Не успели пройти и версты в направлении Ерзнка, как от моста и до мельниц началась чудовищная резня. Караван состоял из 1500 домов, их большая часть была перебита, а нескольких оставшихся погнали к Ерзнка.

Нас заставили рыть для наших братьев могилы, сбросить туда мертвых и раненых и засыпать. Так и сделали. После того, как засыпали, земля приподнималась от все еще живых тел.

А до того совершали грабежи и изнасилования. Заметили высокую женщину, хотели изнасиловать, сорвали накидку с головы: вышло, что это священник. Когда убивали, его невестка упала на него: ее схватили и бросили рядом со священником. Ее насильовали несколько десятков раз, а потом растерзали на части и священника, и невестку.

Подобных изнасилований среди бела дня на глазах у всех было не счесть.

Не выдержав этих ужасных зрелищ, я сбежал оттуда к знакомому курду, у которого пробыл 4 месяца. Но оттуда я снова вернулся в полк, не выдержав голода, где находился до взятия Эрзерума, после чего остатки работавших на дороге солдат армян связали, и меня с ними, и погнали к мосту Кётури. Зная, что нас перебьют, десятью товарищами убежали. Девятерых убили, только я спасся – дошел до Трапезунда, прятался у греков, пока не подошла русская армия.

Житель дерджанского села Кумлар Ованес Маркосян.
[Записал Амадуни].

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 460, лл. 19–22, подлинник, рукопись.

№ 117

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО СВЯЩЕННИКА
ТЕР АМБАРЦУМА АРУТЯНЯНА О ДЕПОРТАЦИИ И РЕЗНЕ
ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА ВАРДУК ДЕРДЖАНСКОЙ КАЗЫ
ЭРЗЕРУМСКОГО САНДЖАКА**

[1916 г.]

Рассказ священника дерджанского села Вардук отца Амбарцума Арутюняна.

Сразу после того как началась европейская война 1914 года, объявили мобилизацию по всей Турции, в том числе и в нашем дерджанском районе.

Военный комендант нашего районного центра Мамахатуна разослал циркуляр от имени главнокомандующего османской армии, в котором главным было следующее: 20–45-летним приказано немедленно откликнуться на призыв, неявившихся подвергнут жесточайшему наказанию, их дома будут преданы огню, имущество конфисковано, а дети выброшены на улицу.

Согласно еще одному циркуляру, разосланному продовольственной комиссией – треть имущества подлежала сдаче на продовольственные нужды армии.

Все население без исключения – как армяне, так и турки – откликнулось на призыв. Среди тех, кто не явился, большая часть была турками.

Что касается конфискации, армяне добровольно отдали столько, сколько требовалось по закону, однако турки не пожелали давать и в конце концов дали всего лишь 20% от требуемого от них количества хлеба. Несмотря на

это нарушение закона, правительство не желало применять насилие в отношении турок, но армян, которые были не в состоянии дать возложенную на них подать в силу неимения, комиссия несправедливым образом обложила неподъемными налогами: врывались в дома, забирали все, что находили, даже самые необходимые предметы.

После поражения на кавказской границе правительство еще больше ужесточило насилие над всем районом. Под предлогом нахождения солдат–беглецов и оружия заходили во все армянские дома без исключения и наводили невообразимый ужас, а в отношении турок – ни одного насилия, несмотря на то, что среди них было больше беглецов, чем среди армян. Было ясно, что турки вынуждали народ к возмущению, создавая предлог для осуществления более обширного насилия. Такое невыносимое положение продлилось до депортации. Народ же, зная, что желают создать подобный предлог, всегда оставался терпелив и приспособлялся.

Депортация народа, населяющего Эрзерумскую долину и Басен, произошла в мае. Полностью безопасно прошли по Дерджану, и у нас возникло убеждение, что резни не должно быть. А из нашего района депортация началась 4 июля. Сначала мужское население перебили на месте руками местных турок и жандармов, а женщин и детей выслали и погнали к селу Кётур, где был одноименный мост на одном из рукавов Ефрата, называемом Севджур. Когда депортированные добрались до этого моста, с противоположной стороны в тот самый миг там оказались солдаты, идущие на фронт, и турки, бегущие из Басена и Алашкерта. Началась неопишное изнасилование. Армянские женщины, чтобы сберечь свою честь и не вынося бесчестия, стали сами бросаться в воду. Не прошло нескольких часов, как все завершилось и было поглощено водами Евфрата.

Молодая невеста из села Вардук Тирук Бадасян, которую течением реки пронесло 200 шагов, вышла не захлебнувшись. Турки заметили это и показали жандарму, говоря, у нее должно быть много денег. Жандарм подошел, поймал ее, а девушка ловко схватила его, и они вместе пошли ко дну.

Когда народ депортировали, и мужчины были перебиты, я спрятался и укрылся в пещере на горе напротив. Два дня и две ночи провел в этой дыре без воды и еды. Не выдержав голода, ночью спустился вниз и пошел в село. Нашу семью пока еще не изгнали – их потащили в дом к турку, чтобы ограбить, а прогнать хотели позже. Я вошел в дом, надел женское платье, взял хлеба и посуду с водой, снова вернулся в пещеру и провел в этой узкой пещере 40 дней. В течение этих 40 дней иногда выходил по ночам. Рядом с пещерой жил пастух, который всегда ночью держал там свое стадо. [У него] я брал хлеб и воду. Через 40 дней тур-

ки нашего села узнали, что я – в пещере, хотели прийти убить меня. Пастух дал мне знать, и я ночью ушел в расположенное в часе пути от нашей деревни село, называемое Килисе гом, к знакомому курду Хасан чаушу, сыну Тамо. Там пробыл еще 40 дней. Опять узнали наши односельчане-турки. Сбежал оттуда в горы. Пробыв там 20 дней, вернулся в то же место. Спустя один-два дня, глашатай нашего села Халло и 4 жандарма пришли и, застав врасплох, поймали нас: в это время со мной были 2 сына другого священника села. Нас повели в Мамахатун к каймакаму. Там провели ночь, после которой позвали к каймакаму на допрос. Каймакам, будучи добросовестным человеком, приказал нам вступить в рабочие солдаты.

Не выдержав труда, заболел: меня лишили ежедневно выдаваемого куска хлеба. Остался голодный и больной. В те дни пришел из села Чер сельянин Серкои Исмаил и попросил у правительства 10 рабочих. Каймакам выделил 10 таких же занемогших как я и передал этому человеку для полевых работ. Проработав там 10 дней, все, кроме меня, убежали. Курд сообщил правительству, что, мол, все убежали, и правительство посчитало, что и я сбежал.

Спустя несколько месяцев местный каймакан уехал, и на его место был назначен полицмейстер – предводитель местных четников. В это время наши односельчане-турки опять прознали, что я в том селе, и дали знать упомянутому зверю полицмейстеру, и тот пригрозил держащему меня курду аге, что, если меня не сдаст, спалит его дом. В тот же день курд меня спрятал, произвели обыск, и меня не смогли найти. Подобные обыски производились неоднократно, но бестолку. Помимо меня в том же месте укрывались еще женщины и парни. Вновь написали жестокому полицейскому мудиру. На этот раз он позвал к себе укрывающего нас курда и пригрозил, что если он в этот раз обыщет и найдет, то весь дом с нами вместе предаст мечу. Курд в отчаянии попросил нас, чтобы мы удалились, но мы отказались, зная, что выход оттуда означает смерть для нас. Попросили, чтобы позволил нам проделать проход под яслями конюшни к саманнику, доверху заполненному соломой. В соломе этого саманника мы и пробыли 8 дней, и нам три раз в день он присылал еду. В те же самые дни подошла русская армия и 2 марта 1916 года нас освободили, а турки отошли к Ерзнка.

Священник Амбарцум Арутюнян
Из дерджанского села Вардук.
[записал Амагуни]

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 460, лл. 1–7, подлинник, рукопись.

ХНУССКАЯ КАЗА

№ 118

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО СВЯЩЕННИКА КАРАПЕТА ТЕР-ОВАНЕСЯНА О ДЕПОРТАЦИИ И РЕЗНЕ СЕЛА КАРАЧОБАН ХНУССКОЙ КАЗЫ ЭРЗЕРУМСКОГО САНДЖАКА

20 августа 1916 г.
Эчмиадзин.

Сведения, данные временным предводителем села Кара-чобан священником Карапетом Тер-Ованесяном о своем селе:

Нахия Кара-чобана состояла из семи армянских, семи курдских, одного черкесского и одного смешанного курдского села, а именно:

1. Кара-Чобан	армянонаселенное	350 домов
2. Говандук	армянонаселенное	150 домов
3. Хыром-Хайя	армянонаселенное	90 домов
4. Хозлу	армянонаселенное	200 домов
5. Бурназ	армянонаселенное	90 домов
6. Хырт	армянонаселенное	100 домов
7. Кара-Кёпри	армянонаселенное	200 домов
8. Салвори	смешанное 35, из которых 10 – курдских, остальные армянские	
9. Ибо	курдонаселенное	5 домов
10. Гонтуз	курдонаселенное	8 домов
11. Датаверан	курдонаселенное	30 домов
12. Борхан	курдонаселенное	25 домов
13. Хачукошк	курдонаселенное	5 домов
14. Лабутаг	Черкесы, называемые эсетин ²⁵³	60 домов
15. Чабан	курдонаселенное	15 домов
16. Ало	курдонаселенное	25 домов

Бывшее положение села: село Кара-Чобан до войны состояло из 350 сугубо армянских домов: приблизительно 10 000 душ. У села было около 3000 овец, 2000 коров, 2000 быков, 1000 буйволиц и 2000 буйволов. Каждый дом в среднем производил от 50 до 100 сонаров зерна (1 сонар = 32 пудов).

В каждом доме имелось по 3–4 телеги, по два железных плуга, по одной молотильной машине (привезены из Харберда на колесах), было 300–1000 дубов и ив. Только у меня (отец Карапет) было около 15 000 деревьев²⁵⁴.

В нашем селе была церковь Св. Акоп с тремя алтарями. В церкви имелись 2 пергаментных Евангелия (Шэк, Гери) и рукописная книга Нарека, а также 3–4 рукописных шаракана. У нас была одна школа с двумя классами и тремя учителями (6 отделений).

Настоящее положение села таково:

Наше село сейчас наполовину сожжено и разрушено. Школа превращена в русскую пекарню. Сейчас в селе живут 20 домов армян – в основном только что спасшиеся или пришедшие с Кавказа.

Войсковая мобилизация и военная подать.

Во время июльского военного призыва 1914 года наше село также отдало свою долю солдат (точную цифру не знаю), которые были отправлены в Муш и Эрзерум. Первые несколько месяцев с нашими солдатами обращались хорошо, но с самого начала русско-турецкой войны правительство изменило свою позицию в отношении нас, особенно когда дошли сведения о добровольческом движении. Потом наши солдаты-армяне были по одному убиты. Услышав эти зловещие вести, кара-чобанцы с моей помощью направили телеграмму церковному предводителю Карина епископу Смбагу, но ответа не получили. Потом прибыли около 2000 всадников-курдов под командованием турецкого офицера Руфата эфенди, которые, расположившись, прожили за счет народа 2 месяца, затем отбыли в Сарикамыш.

Солдаты-армяне, видя, что им уготована смерть, стали по-одному убежать, возвращаться в село, но их часто ловили и отправляли в неизвестном направлении...

Когда наступила зима, в декабре наш район заполонили курды и турки, отступившие под напором русских. Мы их продержали у себя целых три месяца – до начала марта, полностью даром. В январе Первая русская армия отступила. В это время турки-курды, укрывающиеся у нас, не ушли; напротив, к ним добавилось и арабское подразделение, которое остановилось лагерем в двух часах от нашего села на горе Хлич-Гедук. Мы продержали у себя эту армию в течение трех месяцев, они уходили и возвращались (отступали три раза). В начале марта русская армия вернулась в дутагское село Эсмер и прождала довольно долго. В это время пришли аснанские ашираты вместе со своими семьями, расположились в наших краях и сказали нам: «Вы наши армяне, мы вас сейчас защитим, но когда придут русские, тогда вы защитите нас. Мы клянемся на нашем некрахе (венке)».

Самооборона, резня и переселение.

Мы защищали этих мухаджиров 3–4 дня, когда нашему мюдиру неожиданно пришла телеграмма от правительства⁴⁶: «Властям приказано, чтобы все имущество армян, а также их женщины и девушки принадлежало исламу. Истребите армян и от русской армии не бегите, иначе и вы, как армяне, будете перебиты».

Прочитав эту телеграмму, я сразу созвал всех сельчан (кстати, в нашем селе собралось довольно много людей из сел нашего района) и, прояснив положение, призвал к самообороне, пока не выдаться возможность бежать в Маназкерт. Народ согласился, но один армянин – его имя Исраэл Мелконян, бывший ранее нахие мюдири (управляющий села), а в то время амбар мемури (начальник амбара) – вместе с двумя сторожами полицейскими арестовал меня и моего коллегу – священника, чтобы мы ничего подобного не затевали. Он, Исраэл, от имени народа написал письмо командиру курдов аснанцу Халед беку, чтобы тот пришел и защитил их, взамен пообещав 300 осм. лир. Халед «с радостью» принял это приглашение и вместе с 4000 всадниками-курдами прибыл в наше село... На рассвете 3 мая они окружили Кара-Чобан и начали обстреливать с четырех сторон. В это время народ охватила паника, и только часть смогла прибегнуть к самообороне.

Поняв, что обманулся, Исраэл Мелконян переместил свою семью в дом мюдира, в будто бы безопасное место. Но именно этот дом позже станет местом убийства его самого и его семейства... Я, поняв положение вещей, с трудом вырвался из тюрьмы (стража уже была занята грабежом) и во главе 15 человек с оружием в руках прорвал курдскую цепь и прибыл в село Кара-Гез, являвшееся яйлой Кара-Чобана. Из 15 человек осталось всего 6, остальные погибли в той схватке. Моя семья, кроме одного 12-летнего сына, как и 4000–5000 человек в селе в тот день были перебиты, остальных взяли в плен и погнали в село Торхан к аснанскому атаману Баба (отец), который продержал их у себя 2 недели, а потом, по приказу правительства, послали в хнусскую крепость. Баба тоже подвергся грабежу в качестве наказания за доброе отношение к армянам. Из Хнуса эти армянские пленники были уведены в разных направлениях, и о них до сих пор ничего не известно. Из них спаслись только мой 12-летний Мамбре Арутюнян, Агек (12 лет) и 3 девочки, которые и поведали нам о том, что с ним приключилось. Эти спасшиеся были в вардойском селе Ускуран, когда мой брат – сотник 6-го добровольческого полка Симон Тер-Ованесян –

⁴⁶ Телеграфист Кара-Чобана – Муштаг Эфенди, который любил армян, ту телеграмму сразу мне показал и я прочитал ее собственными глазами. Ее содержание помню приблизительно, но копии, к несчастью, у меня нет (прим. рассказчика)

оказался в Вардо и, обыскав, нашел их. А число тех, кто тем или иным образом бежал и спасся во время резни, было 25 мужчин и 3 женщины; то есть число всех спасшихся было 32 человека. До этого в Кара-Чобане было около 80 домов пилигримов. Если теперь всех живых кара-чобанцев собрать, то это составит около 100 домов. Больше пилигримов имеется в селах Карса и Басена.

Подробности о резне и самообороне. Когда я с моей группой из 15 человек ушли из села, мой другой брат Симон Тер-Ованесян с 25 товарищами оказал сопротивление курдам. Убив 25 курдов и отняв 5 ружей, они также покинули село. От той группы отделились 18 человек и направились в село Гызыл-Бара, где были окружены курдами. Сражались три дня, убили двух курдов и сами, без потерь, бежали в Маназкерт. Группа Симона прибыла в село Дерык и нашла меня. Там был бой между турками и русскими. Мы в нем поучаствовали в пользу русских. Однако русские, приняв нас за курдов (наша одежда была курдского покроя), стали стрелять в нас. Когда кое-как объяснили, что мы армяне, они нам дали воды и хлеба и были рады, видя нашу храбрость. В районе Дерика были убиты около 500 курдов, остальные отступили. Мы, будучи впервые с русской армией, вошли в Маназкерт. Командующий армией генерал-майор Абацев позвал нас (нас к тому времени уже было 35 вместе с солдатами из Говантука, Копала и Хором-Хайя) и сказал, что он не хочет отнимать оружие у храбрецов. Его единственное желание было, чтобы мы отправились в Ван и присоединились в отряде Андраника, потому что в силу нынешних обстоятельств нельзя, чтобы мы воевали бок о бок с русской армией. Как раз в тот день Ван был уже взят. Но наши товарищи не прислушались к предложению генерала, остались в Маназкерте, где некоторые из них заболели и умерли. До июльского отступления нам было запрещено покидать Маназкерт.

Во время июльского отступления (1915 г.) мы вместе с русской армией направились в Карскую крепость, где прожили до 18 февраля. Затем присоединились к хнусцам, вступили в 6-й добровольческий батальон и отправились к Эрзеруму, участвовали в его взятии, где пали трое из нас. После повторного взятия Хнуса оставшиеся в живых карачобанцы вернулись в село на поиски своих семей. Там мы заложили новые дома (всего 20), живя на хнусских беженках.

Записанное здесь полностью совпадает со сказанным мною.

Священник села Карачобан Хнуса
Тер Карапет Тер Ованесян.
[Записал А. Ацагорцян].

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 425, л. 19–24 обор., подлинник, рукопись.

КЕГИЙСКАЯ КАЗА

№ 119

ЗАПИСКИ НАЗАРЕТА ПОСТОЯНА О РЕЗНЕ АРМЯНСКИХ СЕЛ КЕГИЙСКОЙ КАЗЫ ЭРЗЕРУМСКОГО САНДЖАКА

17 апреля 1917 г.

Карин.

Скорбное повествование

Описание истории и традиций 48 сел уезда Хордзян (Кеги) и кровавые события 1914 года.

(Записал Назарет Постоян, житель села Кеги Хубс, старший учитель в школе для сирот беженцев, открытой Московским Армянским Комитетом в селе Умутум).

Предисловие

*«Рахиль плачет о детях своих
и не хочет утешиться, ибо их нет»*

1895-й и 1914–17-е годы были для армянства годами несчастья и кровавых событий. Подобно пророку Еремии и армянским певцам скорбей почти каждый армянин стал таковым, пройдя океанами, морями, горами и ущельями, из страны в страну в поисках своих потерянных отцов, матерей, сыновей и любимых, плача и не ища утешения. И я, получив такой же удар шомпола, выехав 26 июня 1916 года из Соединенных Штатов Америки, переплыв через океан и северные моря, перейдя через шведско-норвежскую Христианию в Финляндию, добрался до Тифлиса, а затем из города Карина в Кеги, жаждая увидеть мою разрушенную родину. «Благословенна родина армянина». Суждено ли было мне увидеть когда-то развитой и процветающий уезд Хордзян на той же высоте?... Увы, увы! Я ошибся: то были руины, безлюдное жилище сов, ухающих над каждым разрушенным армянским селом... Уважаемые читатели сего скорбного повествования должны со снисхождением отнестись к использованию нашего чистого и простого литературного языка с некоторым перемежением местного диалекта. Прежде всего нужно признать, что я не получил образование в высоких университетах, во-вторых, я больше люблю язык, используемый народом в реальной жизни, в-третьих, с детства и по сей день имею страсть к изучению народных традиций, постижению истоков, откуда берут начало названия сел, городов, традиций, постижению истоков, откуда берут начало названия сел, городов, традиций, постижению истоков, откуда берут начало названия сел, городов, традиций, и так далее, и тому подобное. Посему я посчитал уместным представить читателю краткие сведения о каждом из сорока восьми (48) сугубо армян-

ских селах Кеги и далее перейти к кровавым и ужасным событиям 1914 года, к политике резни, депортации и истребления армянского народа, осуществленной разбойничьим турецким правительством. Я сам обошел эти села, выведаль подробности резни у выживших, чьи имена можно найти на следующей странице.

Описано на основании рассказов нижеперечисленных выживших в резне в Кеги и ее районах; все проверено и затем записано.

1. Ваан Постоян, житель села Хубс, 35 лет,
2. Срапион Постоян, житель села Хубс, 30 лет,
3. Мелкон Кочоян, хубсец, 36 лет,
4. Багдасар Тер-Карапетын, хубсец, 37 лет,
5. Карапет Тер-Карапетын, 21 год, хубсец,
6. Саргис Давтикян, хубсец, 35 лет,
7. Хорен Чрхоян, хубсец, 35 лет,
8. Акоп Чилингарян, хубсец, 45 лет,
9. Абгар Хулоян, хубсец, 34 лет,
10. Анник Мрчоян, женщина из Хубса, 48 лет,
11. Мариам Мрчоян, женщина из Хубса, 40 лет и ее сын, 10-летний Вардгес,
12. Арменак Экоян, хубсец, 25 лет,
13. Гункианос Согоян, житель села Сагадзор, 35 лет,
14. Амбарцум Оганян, житель села Сагадзор, 25 лет,
15. Саргис Оганян, житель села Сагадзор, 32 лет,
16. Галуст Паронян, житель села Сагадзор, 38 лет,
17. Геворк Паронян, житель села Сагадзор, 32 лет,
18. Погос Паронян, житель села Сагадзор, 25 лет,
19. Ефрем Саргисян, житель села Ариндз, 22 года,
20. Саргис Сираканын, житель села Ариндз, 30 лет,
21. Торос Рейисян, житель села Тинегк, 35 лет,
22. Хачатур Пызпызян, житель села Арек, 25 лет,
23. Тигран Зараян, житель села Арек, 28 лет,
24. Мамбре Срапян, житель села Оснак, 20 лет,
25. Месровп Тер Закарян, житель села Апогнак, 21 год,
26. Мартирос Тер-Варданян, житель села Арек, 35 лет,
27. Мартик Чулоян, житель села Цермак, 30 лет,
28. Ншан Хачатрян, житель села Апеванк, 28 лет,
29. Мисак Кантоян, житель села Хубс, 27 лет,
30. Ованес Абикиян, житель села Аграк, 45 лет,
31. Ованес Хызоян, житель села Агстун, 50 лет,
32. Хачатур Чантимурян, житель села Агстун, 50 лет,
33. Погос Карапетын, житель села Чарек, 45 лет.

1. Кеги-Касаба (Хордзян).

Кеги-Касаба – один из уездных центров Каринского губерндаторства. Расположен в 48 часах пути к юго-западу от Карина. Местный армянский предводитель иногда был в подчинении непосредственно Константинопольской патриархии, иногда – по административному признаку – Каринской епархии; центр редифа²⁵⁵ Четвертой турецкой армии.

Кеги-Касаба возведен на двух краях ущелья Каракан, с восточной, западной и северной сторон окружен небольшими горами, а с южной стороны течет большая река Кеги, представляющая собой одну из ветвей реки Евфрат; вода Кеги-Касаба обильна, прозрачна и чиста и берет начало из ущелья Каракан, которое турки называют Келек Тереси. У истока этих вод имеются различные пещеры, возникшие на месте железодобывающих шахт, а уже сами горы Кеги по большей части – железные рудники.

Уезд Хордзян (Кеги) в свое время был местом, где проводили лето царствующие князья Аршакуни⁴⁷; здешние густые леса и дивные роши окружены горами, здесь можно было заниматься всякого рода охотой, водились косули, ламы, козы, птицы, а также дикие звери – медведи, волки, лисы, бобры и так далее.

К северо-востоку в четверти часа пути от Кеги-Касаба стоит древняя крепость, естественным образом вписанная в вершину горы и способная отсюда защищать Касаба со всех четырех сторон. На стенах или ограждениях этой крепости нет надписей, хотя она и возведена нашими армянскими князьями Аршакуни. Однако подробные сведения об этом и соответствующую запись мы могли бы получить, если бы находящаяся в монастыре Св. Карапета Апара села Хогстун большая рукописная книга «Айсмавурк»²⁵⁶ попала к нам в руки с подобными сведениями обо всех селах и исторических местах уезда Кеги-Хордзян, записанных на пергаменте. Однако в ходе этих событий был разграблен и монастырь.

В Кеги-Касаба было (2000) сугубо армянского населения, проживавшего 500 домами, а также 250 домов курдского и турецкого смешанного населения. Турецкий квартал был расположен отдельно на юго-восточной стороне. Здание администрации и Земельный банк построены в армянских кварталах, нижней части рынка и в турецких кварталах. Все армянские и турецкие дома города Кеги построены в форме амфитеатра. Вода имелась в обилии во всех кварталах. Почти все местные армяне были ремесленниками, занимались торговлей, здесь было развито сапожное дело, кожевничество,

⁴⁷ Под местом, именуемым кеги-касабские сараи, сокрыт единственный мавзоль аршакунинских князей, чье расположение я лично знаю, - оно отмечено в моей записной книжке, и я открою его, когда позволят политические условия (Н. П.)

портняжничество, виноделие, кузнечное дело, столярничество и плотничество, производство водки, шелководство; тут были искусные жестянщики, мельники, скульпторы, красильщики, художники, часовщики и так далее, и тому подобное. В Кеги производилось почти все сырье, необходимое для торговли и покрытия местных потребностей. Производство плодовых заметно отстало – туту, пастилу, кишмиш и тому подобное привозили из Балу и Харберда, однако в последнее время, народ, поняв свою ошибку, стал сажать и разбивать плодовые сады. Местной продукцией в целом считается газовая²⁵⁷ смола, шрез²⁵⁸ (его корень называют шреш, а стебельки на нем на местном наречьи называют эгин, их жарят на масле с яйцом и получается очень вкусное кушанье), мжгон (бывает на дубах), его используют в дубильном деле, также ахтор²⁵⁹ (сумах), шерсть и шкуры овец, коз, лис, бров. Селяне также занимались разведением овец, коз, волов, мулов и лошадей, необходимых для жизни в местных условиях. Народ Кеги пребывал в определенной изоляции в силу отсутствия дорог, и большая часть его в 1860–70-х годах покинула родные места, оказавшись в Константинополе и других местах. Однако, когда Армянское Объединенное Общество открыло в Кеги-Касаба высшее предобразовательное училище, а в селе Хубс – начальную школу, то в течение почти пятнадцати лет местный народ, проявив сознательность, направил усилия на учебу и культурное развитие, стали организовываться товарищества и союзы, повысилось число ремесленников и торговцев, и это привело к снижению губительной страсти к скитальничеству, как среди горожан, так и селян, а их образованность, культурное и духовное развитие достигло довольно высокого уровня.

Из 500 сугубо армянских домов Кеги-Касаба 100 составляли армяне-протестанты. У армян-григорян в двух кварталах стояли две известные церкви Св. Саргис и Св. Акоп, было большое высшее предобразовательное училище [для мальчиков], высшее предобразовательное училище для девочек, смешанный детский сад, а также три маленьких алтаря в двух кварталах, а у протестантов было высшее предобразовательное училище и молельная. Армяне григоряне и протестанты относились друг к другу с большой любовью в образовательных, церковных и национальных делах

Из 2000-го армянского населения Кеги-Касаба лишь человек 200 находятся в Америке и других местах, куда бежали армяне. А из 1800 человек лишь 20 пережили резню, остальных 1780 истребили полностью. Под предлогом переселения выделили самых видных и богатых торговцев, которые вместе с местным предводителем вардапетом Гегамом Тевекеляном²⁶⁰ были безжалостно перебиты в доме балуйца Зейнел заде возле села Тепе района Балу; подробности можно найти в списке истребленных и депортированных в данном скорбном повествовании. А все торговые дома города, жили-

ща и хозяйства населения города были полностью сожжены и разрушены во время катастрофической резни 1915 года²⁶¹. Когда-то цветущий и зажиточный город Кеги-Касаба ныне превращен в пепелище. Путнику может показаться, что населения здесь нет уже лет сто...

О Кеги-Касаба пока достаточно; оставим продолжение для следующих страниц по порядку.

2. Село Чпир.

Село Чпир – к юго-западу, в получасе пути от Кеги-Касаба. Село расположено на равнине, состояло из 100 домов с сугубо армянским населением, всего около 1100 душ, была церковь Св. Богородицы, в которую по воскресеньям собирались паломники из близлежащих сел. При церкви была сельская школа, заботу о которой взял на себя народ этого села и местное образовательное общество. Из населения Чпира около 200 человек *эмигрировали* в Америку и другие страны, 900 человек вырезаны, а часть отправлена в ссылку. Из числа высланных 100 человек почти все были перебиты между Кеги и Балу. Дома людей и прочие здания сожжены и разрушены руками Мустафы Зейнел заде из Кеги. В настоящее время никакого населения нет. У церкви было 500–600 готовых золотых монет, наделы, поля и мори²⁶² (меше). В этом селе армянское население большей частью занималось земледелием, было очень зажиточно, малая часть занималась торговлей. Церковь и школа разрушены, здания полностью сожжены. Таким образом это безлюдное место нельзя назвать иначе как свиное жилище.

3. Село Хази или Гази.

Расположено на расстоянии в четверть часа пути от села Чпир прямо на юго-запад. 40 домов армянского населения, всего 400 душ, и 20 домов ту-рок – 150 человек. Построено на ровном маленьком холмике. Имелась церковь и маленькая школа. У церкви не было священника. По необходимости туда приходили священники из Касаба или Чпира. Образовательный уровень народа был довольно низок. Люди в этом селе обучались земледелию, почти все бедствовали и бродяжничали. Никто не спасся во время кровавых и катастрофических событий 1915 года. Многие явились свидетелями и видели собственными глазами, как все армянское население было вырезано в курдском селе Гулыган.

4. Село Ахбзут.

Село Ахбзут расположено в часе пути южнее Касаба. Построено на равнине, по южной и восточной стороне одного из притоков реки Евфрат. 60 домов сугубо армянского населения – около 600 человек. Десять до-

мов – турки. Имелась церковь и маленькая национальная школа. Большая часть населения занята земледелием, остальные – ремесленники: укладчики стен, каменщики, столяры, плотники, и так далее. Из жителей этого села лишь около 50 человек нашли приют в Америке, Болгарии и других краях, а оставшиеся 550 были обречены на уничтожение или изгнание. В настоящее время нет населения, от строений нет и следа, один пепел и развалины...

5. Село Чумах.

Село Чумах расположено в полутора часах к юго-западу от Кеги-Касаба, на склоне горы Сеид Хасым; вода в изобилии. Народ главным образом занимался скотоводством и земледелием. 30 домов сугубо армянского населения – 200 душ, а еще есть 15 домов курдов. У них есть маленькая национальная церквушка и маленькая школа. Народ очень отсталый. Особенно нечего сказать и об истории. Из армянского населения этого села спаслось две семьи и один старик, остальные 198 человек были полностью истреблены в 1915-м.

6. Село Йолмедж.

Село Йолмедж в двух часах пути к юго-западу от Кеги-Касаба. 30 домов сугубо армянского населения, еще 20 домов курдов и турок. Армянского населения 250 душ. Была маленькая церковь и маленькая школа, расходы на содержание покрывались местным предводительством, а Касаба по необходимости обеспечивал священником. Почти все население занималось скотоводством и земледелием. Уровень образованности был весьма низким. Во время резни 1915 года никто не спасся, кроме одной умалишенной женщины, которая недавно скончалась.

7. Село Акипеванк (Апеванк).

Село Акипеванк в полутора часах пути к юго-западу от Кеги-Касаба, построено на склоне горы Сиври. Было 40 домов сугубо армянского григорянского населения – зарегистрировано 400 человек, и еще двадцать домов курдов и турок. Население занималось земледелием и скотоводством. Имелась маленькая церковь, а при ней небольшая школа, расходы которой покрывала национальная патриархия. Только одной молодой женщине удалось спастись в этих недавних катастрофических событиях 1915 года. Еще около тридцати человек проживают в Америке. Говорится о 360 жертвах. Дома сожжены и разрушены.

8. Село Огас.

Село Огас в двух часах пути к юго-западу от Кеги-Касаба, построено на краю плоской долины. 150 домов, армянское население составляло

1995 душ, имелось еще 15 домов турок – 60–70 человек, придерживающихся самых скверных нравов. Село окружено небольшими лесами. К югу течет река Хубс, которая в полчасе пути отсюда впадает в большую реку Кеги – один из притоков реки Евфрат. У армян была национальная церковь со священником и школой, годовые расходы которой покрывал Американский образовательный союз. 25 выходцев из этого села скитаются по Америке. От резни и кровавых событий 1915 года чудом спаслись две женщины и один молодой человек, остальные 1917 мужчин, детей, женщин и священник погибли от рук местных турок и заранее подготовленных правительством четников. Армянство Огаса было полностью занято ремесленничеством, земледелием, торговлей и имело высокую степень материального, экономического, духовного и образовательного развития. Дома и национальные учреждения разрушены.

9. Село Сагадзор.

Село Сагадзор в двух часах пути к западу от Кеги-Касаба, построено в небольшом ущелье, окруженном с юга горами Хошгелты, а с севера горной цепью Мартикдаг. В нем было восемьдесят (80) сугубо армянских домов – всего 640 душ, малая часть которых живет в Америке, 120 человек были спасены курдами, а 450 человек были безжалостно зарезаны и перебиты. Дома разрушены, имущество полностью разграблено. В селе была церковь и при ней маленькая школа, чьи расходы покрывались Американским образовательным союзом. Народ в целом жил своим трудом – земледелием, скотоводством и производством смолы астранала и шреза. Жизнь селян была довольно благополучна, но во время последней катастрофической резни 1915-го они потеряли все, и теперь их остатки в бедственном положении. Живут, получая пособия от армянского штаба в Карине. Рядом с селом Сагадзор находились каменноугольные шахты, там также есть пара глубоких ям, используемых в качестве кладбища, а под ним – подземные проходы, похожие на лабиринт. По преданию, армянские князья Аршакуни здесь держали гусей, откуда и название села Сагадзор (гусиное ущелье), а подземные ходы, построенные как общественное кладбище, служат как проходы военных позиций и лагеря на случай бегства.

10. Село Сергевил.

Село Сергевил в трех часах к юго-западу от Кеги-Касаба. Село построено на равнине по плану, очень напоминающему айву, окружено деревьями – яблонями, грушами, айвой, вишней, черешней, орешинами, боярышником. К югу течет река Хубс к курдскому селу Энкузек, перед которым она образует дельту и смешивается с небольшим притоком Евфрата. На высоком

холме возведен монастырь Св. Спасителя, чье здание построено на средства одной константинопольской дамы – Одеты Мурадян. Сей монастырь окружен густым лесом – боярышником, грушами; он также используется как сельское кладбище. У монастыря нет иного владения кроме мельницы, чей доход проедали сельские попечители, а освещение осуществлялось на пожертвования паломников; там нет ни комнат, ни частной рабочей братии, в то время как госпожа Одета Мурадян из Константинополя передала 6000 золотых Хошмалтян Хаджи Асатур аге, с тем, чтобы построили 25–30 комнат для паломников и возвели новое здание монастыря Св. Спасителя. Хаджи Асатур Хошматлян в 1870-е годы построил лишь простенькую церковь монастыря Св. Спасителя, использовав труд местных жителей и жителей окрестных сел, а выделенные 5000–6000 золотых украл и проел; монастырь в настоящее время также в разрушенном состоянии.

В селе Сергевил 170 сугубо армянских домов – армян всего 12 000 душ, и еще десять домов турок. Около 100 жителей этого села живут в Америке, еще 12 человек – детей и женщин – спаслись во время последних событий 1915 года, остальные 1088 человек были безжалостно перебиты турками и курдами. Сейчас их землями завладели бледжанские курды, а дома разрушены. Выжившие 12 человек находятся в Карине и живут на пособия армянского штаба. Излишне что-либо писать или говорить о том, насколько они деморализованы, чтобы представить, что им выпало в жизни. В селе Сергевил была церковь Св. Саргис и каменная двухэтажная, поделенная на классы, славная школа для учеников обоих полов. Молодежь в селе переживала период пробуждения, придавала большое значение образованию и воспитанию, многие были в роли пионеров революции, а первым из них стал Андраник Чаноян, который после смерти жены был рукоположен в священники и в сан архимандрита. Во время этой последней резни армян в 1915 г. он, принявший на себе предводительство Держана, был убит на мосте Кётери турецким правительством. Об этом, его биографии и деятельности, его реальной жизни напишем на последующих страницах, поскольку полной информации о его убийстве мы не имеем.

12. Село Хубс.

Село Хубс и его исторический очерк. Хубс расположен в трех часах пути к юго-западу от Кеги-Касаба. Село окружено с восточной стороны маленькой горой Хачконц Кариш (Кариш на местной наречьи – маленькая и острая вершина), с севера – Габи каром (мрачный камень), высокой горой Сиври и Кенейнери каришем, а с юга – холмом, называемым Карбакуйт. Село построено на плоскогорье, с четырех сторон защищено естественными укреплениями для самообороны. В Хубсе у армянского населения триста домов – всего 1700 душ, и два дома курдов. В селе имелись церковь

Св. Карапет, алтарь Св. Саргис, очень большое и широкое высшее начальное училище, училище для девочек и детский сад. Это были двухэтажные каменные красивые здания с отдельными комнатами для классов, построенные местными жителями, которые и несли расходы по их содержанию. Начиная с 1870-х годов молодежь Хубса переживала период пробуждения, уделяют особое внимание образованию и воспитанию. В дальнейшем им оказывало содействие «Аратское Общество», которое далее провозгласило себя как «Объединенные армянские общества». В течение 15 лет Объединенное армянское общество заботилось об образовательных потребностях села, а селяне платили небольшое пособие Обществу. Спустя 15 лет в силу неблагоприятных политических условий училища были закрыты, но среди молодежи Хубса было немало молодых людей, получивших довольно неплохое образование. Когда пришло время катастрофических событий 1895-х годов, они решили податься в Америку, там найти себя, чтобы обеспечить нужды своих семей. Когда в Америке собралось достаточно количество хубсцев, они снова перешли к делу – создали «Армянский образовательный союз села Хубс», а в 1900 году разработали программу-устав этого общества.

Начиная с 1901 года они оказывали помощь, взяв на себя расходы училищ Хубса: ежегодно передавали 120 осм. лир «Американскому Образовательному Обществу Хубса», а также содействовали «Объединенному обществу» и учебной программой. Семена учения «Объединенного общества» дали хорошие и продуктивные плоды в молодежной среде Хубса, но кровавая и катастрофическая резня 1915 года положила конец всему. Читающая армянская общественность в надлежащих подробностях должна ознакомиться с историческим очерком села Хубс, с историей его систематического истребления, с тем, с каким героизмом воевала и погибла храбрая и отважная молодежь Хубса²⁶³.

Героическая битва села Хубс.

21 мая 1915 началось последовательное истребление и разграбление сел Кеги курдскими и турецкими четниками и толпой, согласно заранее подготовленным центральным турецким правительством различным распоряжениям и секретным предписаниям, а также при содействии немецких военных. Кроме этого под предлогом противодействия этим жестокостям, Константинополь издал лживые приказы о высылке, чтобы удалить армян от родных очагов и жилищ, периодически предавая их огню и мечу, в частности, руками организованных четников. Численность каждого чета была 400–500 (человек), помимо них были орды турок и курдов числом от 30 000 до 40 000.

А. 21 мая 1915 года село Аграк было разграблено курдскими и турецкими четниками, все население было истреблено, принадлежавшие им овцы, коровы, домашняя утварь разграблены. Аграк состоял из 100 домов с сугубо армянским населением – 700–800 человек, там были два национальных учреждения – церковь и школа. Село полностью сожжено и разрушено; выжили не более 3–4 человек.

Б. Село Хупек: 25–30 домов смешанного армяно-курдского населения; разграблено и разрушено, армянское население перебито курдами. 23 мая, в тот же самый день в селе Хасгюх были разрушены и разграблены 8–10 домов с сугубо армянским населением и 7–8 домов со смешанным армяно-курдским населением, люди перебиты, дома сожжены. В селах Хупек и Хас было по одной церкви и по одной национальной школе.

В тот же день – Холхол, 12 домов с сугубо армянским населением и 70–80 домов курдского населения. Дома и имущество армян разграблены, дома сожжены, армянское население вырезано и истреблено, пережил только один человек.

Г. Армянское село Хертиф состояло из 150 домов, население большей частью вырезано, малая и незначительная часть армян спаслась и переместилась к курду Исмаилу аге и находилась под его защитой; в настоящее время свободны и находятся в Карине и в селе Кеги-Ариндже. Дома сожжены, имущество разграблено, овцы уведены (23 мая 1915 г.). В селе была великолепная церковь и национальное училище в новом стиле и на видном месте.

Д. Село Сергевил: 24 мая 1915 г. разграблено, дома сожжены, население вырезано и истреблено в результате разбойного нападения курдов. Было 180–200 домов с сугубо армянским населением, 8 домов – курды. В селе имелся монастырь Св. Спасителя, церковь Св. Саргис, большое и просторное национальное училище, разделенное на полностью обустроенные классы. Все это сожжено и разрушено, превращено в пепел и сравнено с землей. О резне вышеупомянутых сел и их истории по порядку можно увидеть в списках погибших в резне на следующих страницах.

Е. Хубс: 24 мая 1915 г., новость о том, что Хубс подлежит разграблению распространилась со скоростью молнии. Современная молодежь села сразу же решила прибегнуть к самообороне, не взирая на отчаянное положение. Были организованы группы самообороны, в задачу которых входило занять позиции вокруг села и в самом селе, дабы защитить его с четырех сторон.

Группа, занимающая позицию А: Сурен Постоян. Карапет Постоян: Мелкон Кочарян, Манасэ Манукян, Месровп Постоян и другие в двухэтажном доме Тиграна Постояна для защиты с юго-востока и запада.

Группа, занимающая позицию Б: Срапион Постоян. Ваан Постоян, Мамикон Постоян, Тагес Хошнатлян, Сурен Хошнатлян. Овсеп Паронян, Аршавир Паронян, Мигран Авагянц, Ваан Налбандянц в двухэтажном доме Аракела Постояна, окна которого, благодаря высокому расположению, можно было защищать с четырех сторон – востока, запада, севера и юга.

Группа, занимающая позицию В: Месровп Матосян. Хосров Хошматлян, Седрак Арваникян, Абгар Матосян, Абгар Эроян, Ваан Абовян и другие сергевильцы, всего 9 человек. Заняли двухэтажный каменный дом Геворка эфенди Хошматляна – центр всей верхней части села, для защиты со всех четырех сторон.

Группа, занимающая позицию Г: Ованес Н. Хтеян, Ованес Махдеси Айрапетян, и другие – 9 друзей. Дом Арутюна Магдеси Айрапетяна, расположенный в верхней части села, двухэтажный, для защиты сверху южной, северной, восточной и западной стороны.

Группа, занимающая позицию Д: Эта была кратковременная группа, состоящая из следующих молодых людей: Манук Элесикян, Багдасар Тер-Карапетян, холхолец Багдасар (зять Матосяна), Аракел Толмаджян, Киракос Бахтикян и другие – девять человек, которые должны были защищать справа и слева двухэтажный дом Тадеоса Авагяна (в нижней части села) от нападения с четырех сторон.

Утром 25 мая 1915 года, только начинала заниматься заря, как Хубс был уже окружен 8000–9000 курдами с четырех сторон. Бой начался в 12 часов по турецкому времени. Стали обстреливать село с четырех сторон, на что наши отважные молодые парни постоянно отвечали со своих позиций, занятых для самообороны. Бой, в котором силы были неравны, продолжался без перерыва полтора дня. Курды потеряли 35–40 человек, а среди наших молодых людей погиб только Киракос Бахтикян и то из-за того, что предпринимал исключительно смелые и дерзкие действия. Вечером того же дня раздосадованные курды и сброд отступили от села, прихватив с собой трупы, а мы сразу же отправили гонца в город Кеги к местному предводителю Гегаму вардапету Тевекеляну и в местные административные органы, чтобы пришли к нам на помощь. Получив отрицательный ответ от предводителя, остались вести неравный бой. Решили на следующий день выйти из села и спрятаться в горах, чем воспользовались курды и турки, внезапно напавшие на село: грабили, убивали, а тех, кто нашел приют в горах, искали и беспощадно уничтожали. В тот же день толпа уже превышала 10 000. После того как унесли добычу, стали сжигать и до основания рушить все дома вокруг и те, в которых находились позиции, превратив в руины чисто армянское село с его 300 домами, национальными училищами и церковью. В селе была церковь Св. Карапет, алтарь Св. Саргис, два больших и просторных двух-

этажных училища – только их ущерб составил более 6000 золотых. Общее количество населения было 1700 душ, из них более 1250 были убиты, около 300–400 человек бежали и странствуют в других местах, их списки можно найти на следующих страницах, где также увидите и списки тех, кто стал жертвой резни или ссылки. Пережили только следующие, они сейчас в Карине: 1) Мелкон Кочоян, 2) Ваан Постоян, 3) Срапион Постоян, 4) Багдасар Тер Карапетян, 5) Карапет Тер Карапетян, 6) Акоп Чилинкирян, 7) Саргис Е. Давдикян, 8) Хорен (Вердик) Чрхоян, 9) Мисак Кантоян, 10) Анник Мрджоян, 11) Мариам Мрджоян, 12) Вардгес Мрджоян – 6 лет, 13) Абгар Хулоян. Из всего населения Хубса спаслись только эти 13 человек, которым выпало вынести тысячи невзгод. Сейчас живут в Карине на пособие.

Места, где перебили армян под видом ссылки:

Группа А. – Общее число погибших в селах Кеги – 1500 человек.

Группа Б. – Сосланные и убитые в селе Чан – 3000 человек.

Группа В. – Сосланные и убитые в курдском селе Гулыган – 7000 человек.

Группа Г. – Сосланные и убитые в курдском селе Челхетер – 3500 человек.

Группа Д. – Сосланные и убитые в районах Тепе – Балу (из Арица) – 2000 человек.

Группа Е. – Сосланные и убитые в город Балу и на мосту – 10 000 человек.

Группа Ж. – Сосланные и убитые, связанные в Пахр Матене – 13 000 человек.

Группа З. – убитые дети Мула, Шена, на мосту Ариндза – 5600 человек.

Группа И. – убитые в селах в районе курдского села Зрзанос – 8000 человек.

Общее число жертв – пятьдесят три тысячи шестьсот. – 53 600 человек.

Это – список только тех жертв резни, о ком известно жителям Кеги и его сел, а количество тех, о ком нет известий, я привести не могу. Верность этих цифр проверена и перепроверена посредством многочисленных опросов выживших, а посему они верны. Судя по спискам жертв резни, под видом данных девяти фырк²⁶⁴ (групп) ссыльных, можно сделать вывод, что в действительности все это было заранее подготовлено и запланировано, так как из Константинополя от готовившей все это высшей инстанции пришел приказ, чтобы по окончании изгнания армян из района Кеги они подлежали уничтожению, чтобы во время резни не бежали к знакомым людям или другие места, а доказательством явился тот факт, что когда 7000 человек уничтожали в Гулыгане, четебаши воспротивились тому, что бы не убивать армян, пока те не пройдут район Балу, однако курды ради добычи тот приказ оставили без внимания. В связи с этим поймали, привезли в город Кеги, повесили и расстреляли 30 курдов, действия которых вопреки решению правительства привели к спасению и бегству многих армян.

13. Село Хертеф.

Село Хертеф находится в 4 часах пути к юго-западу от Кеги-Касаба. В древности оно было городом. Насчитывало 150 домов и 1500 душ сугубо армянского населения; имелась церковь и недавно построенная красивая национальная школа. Жители – земледельцы, гончары, хлопкоделы и овцеводы. Имеются исторические руины²⁶⁵ старого города, в часе ходьбы от них находятся курдские села Кымек и Хыр. В Хыре до сих пор [есть] дома Самуда Деде на месте старинного армянского монастыря, на стенах которого есть клинописные надписи и кое-где кресты. Упомянутый Самуд Деде говорил, что, как рассказывали деда, в их роду все были вардапеты, а их быт, поведение и обычаи показывают, что их предки были армянами. То же самое он рассказывал о предках Исмаила аги. Во время трагических событий 1915 года Хертеф цы помогали армянам и спасли многих из них, которые теперь живут в Карине, а часть из них до сих пор сохраняют дом Исмаила аги из Кэмека²⁶⁶.

14. Село Холхол.

Село Холхол (Хорхор?)²⁶⁷ спускается к юго-восточному склону горы Сурп Луйс, в полчаса пути от подножья горы. Согласно древним записям и преданиям, оно принадлежало ишхану Бешару из рода нахараров Хорхорунни. В восточной части села Холхол есть армянское кладбище. Прямо на дороге, ведущей к курдской деревне, находящейся в 5 секундах²⁶⁸ от Холхола, есть надгробная плита, надпись на которой гласит, что ей 657 лет, написано же следующее: «Здесь покоится сын князя Бешара... (неразб.) безвременно усопший, преставившийся Богу в цветущем возрасте 20 лет». Среди курдов есть потомки Бешара, которые ранее были армянами, и теперь они рассказывают, что их предки были армянами. Церкви здесь нет, на месте ее развалин теперь поле Сулеймана Бешар оглы, где разбросаны груды камней и хачкаров, а о старом церковном кресте и другом имуществе следует написать здесь. Сам я состою в сватовстве с одним из состоятельных курдов этого села. У них есть обычай – когда вы становитесь сватами, то с этой поры все односельчане должны относиться к вам хорошо и не иметь тайн. В доме курда Хаджи Сулеймана каждую субботу и воскресенье зажигали свечи перед маленьким сундуком. На мой вопрос, что это такое, мне ответили, что это их святыня, они не знают, что внутри. Я попросил их позволить мне как-нибудь тоже поклониться. Мою просьбу уважили. Среди курдов паломничество и ношение бороды считается почетным, тем более, что я в 1880–1886 годах учился и закончил духовное училище в Иерусалиме, получил степень иподиакона и, проведя некоторое время в благочестивом обществе, был наполовину священнослужителем. Курды меня очень уважали. Мне велели вымыть руки с мылом и подойти к сундуку на коленях, с непокрытой головой, я помолился и начал открывать

сундук. Я достал из сундука укутанный в белоснежные чевре²⁶⁹ сверток, он был завернут в платки, на которых стоит потир на алтаре. Наконец из-под двенадцати платков появилась книга, состоящая из распевов на греческом языке, написанных армянскими буквами, отрывков Евангелия, псалмов, «Нарек» неизвестного года издания. Я обратно завернул в платки и достал со дна сундука другой тяжелый сверток, в котором были кресты: медные, железные, серебряные, деревянные, общим количеством 17 штук; ни на одном из них не было высечен год, лишь слова «Иисус Христос» на армянском. Завернув и их, и положив все в сундук, запер его и с удвоенным благоговением вышел. Курд спросил меня, что там было, говоря, что наш святой очень могущественный, и перед ним всегда надо зажигать свечи. Спустя несколько недель, по дороге в Кеги, я известил главу епархии, но вардапет Аристакес, будучи человеком ленивым, так за этим и не пошел. Еще через два месяца один турок тысяцкий, проезжая через Холхол, забрал все это и привез каймакаму. Несмотря на требования главы епархии, ему их не отдали и отправили в Константинополь. В Холхале было 12 домов армян – 70–80 душ, и 50 домов курдов. Земли, находящиеся сейчас в руках курдов, это в прошлом собственность армян. Сегодня, после резни 1915 года, эти 12 армянских семей полностью истреблены, выжил только один армянин, и то спрятавшись среди курдов Дерсима. Его хотели убить в Дерсима с помощью подкупа, но он оказался начеку и, сбежав из Дерсима, добрался до Ериза, а оттуда – в Кеги и из Кеги в Карин, где и живет сейчас на пособие. Вот так закончилась история армянства Холхола.

15. Село Хупек.

Село Хупек находится в получасе пути к югу от Холхола, здесь было тридцать (30) армянских семей, 220 душ и шесть семей курдов. У них была церковь и школа. Армяне занимались земледелием и животноводством, а многие добывали свой хлеб в чужих местах. Во время резни 1914 года спаслись: один мужчина, его жена и одна девушка. Двадцать человек находятся в Америке. Остальное армянское население истреблено окрестными курдами, имущество разграблено, а дома сожжены.

16. Село Азрак.

Село Азрак расположено к юго-востоку от села Хупек, на расстоянии одного часа пути, в красивой долине, окруженной с четырех сторон дубовыми лесами. Насчитывало 120 домов и 800 душ, и еще семь домов курдов. Имелась церковь и национальная школа. Село полностью разграблено и сожжено, земли возделывают курды как свою собственность. Двадцать-тридцать человек находятся в Америке, но это не имеет значения, поскольку им даже неизвестно местонахождение их села.

17. Село Хас.

Село Хас расположено в получасе пути к юго-востоку от Холхола, в долине. Близ деревни есть горячие минеральные источники. Армян восемь семей – 60 душ. Была старая церковь. Все восемь семей жили тут издавна и принадлежали к роду Тухоян – все храбрые и зажиточные. Сегодня из всего рода выжил только один человек, и еще 4–5 человек находятся в Америке. Бараны, лошади, коровы, волы, домашняя утварь – все разграблено, род вырезан, дома сожжены.

18. Село Хачатур.

Село Хачатур находится строго в двух часах пути к юго-востоку от села Хубс. В селе было 12 семей армян – 80 душ и 20 семей курдов. Упомянутое село в давние времена принадлежало армянскому князю по имени Хачатур, но амираны сипаха²⁷⁰ Язиджи оглы отобрали его и передали курдам. Часть села осталась в руках жителей Хубса. Деревня находится на равнине, зато с севера протекает река Хубс, а с юга из Кога течет приток Евфрата, и по этой причине земли размываются. Все армянское население было предано мечу и истреблено, а дома и земли заняли курды. Выжил лишь юноша по имени Хорен из рода Чрхоянов; в настоящее время находится в Карине.

19. Село Чан.

Село Чан находится на другом берегу Евфрата, в четырех часах пути строго на юг от Кеги-Касаба. Армянское население – 130 домов (1100 душ) и 10 домов курдов. Построено на плоскогорье, называемом Каз. Население занималось преимущественно ремеслами, земледелием и торговлей. Молодежь была довольно развита. В последнюю резню 1915 года все население было истреблено и ограблено, а дома и национальные учреждения сожжены. Там была церковь и школа. Около 100 человек нашли приют в Америке.

20. Карбойс (Жерпоз).

Село Карбойс расположено в одном часе пути на северо-восток от села Чан. В селе было 125 домов армян (1200 душ) и 8 домов курдов и турок, церковь и школа. Население было зажиточным, большинство – ремесленники и торговцы, еще были земледельцы и ветеринары. Все без исключения население истреблено, имущество захвачено, дома сожжены и разрушены. Часть сельчан, около 150 душ, в Америке.

21. Село Авртенник.

Село Авртенник расположено в часе пути на северо-восток от села Карбойс. В селе было 15 армянских домов (90 душ) и небольшая церковь. На-

селение было предано мечу и разграблению, в живых не осталось никого. Есть 12 человек в Америке.

22. Село Лек.

Село Лек в двух часах пути к югу от села Чанахчи, 10 домов армян (80 душ) и 12 домов курдов. Занимались земледелием и животноводством, материальное положение было очень хорошим, но во время резни 1915 года все были истреблены, и выжил только один мужчина. Все имущество разграблено, сами они истреблены курдами из Каза.

23. Село Санджак.

Село Санджак неподалеку от села Лек. Состояло из восьми домов армян (60 душ) и 20 домов курдов. Занимались животноводством. Все истреблены, в Америке живет 10 человек. Дома сожжены и разграблены курдами.

24. Село Чанахчи.

Село Чанахчи расположено в часе пути на восток от села Карбойс. Состояло из 220 домов армян (1400 душ). Занимались торговлей, ремеслами, земледелием и животноводством. Село было очень развитым и зажиточным. Молодежь подавала большие надежды на будущее армянства. В Америке у них было «Образовательное общество». Имелась церковь и большая школа. Все разграблено, а жители истреблены кроме 120 человек, находящихся в Америке. Здания сожжены и разрушены, сровнены с землей.

25. Село Хошкар.

Село Хошкар вдали от села Чанахчи в юго-восточном направлении. Имелось 20 домов армян (90 душ). Занимались земледелием и животноводством. Все ограблены и истреблены, выжил один человек. В Америке – 12 человек. Была церковь и маленькая национальная школа.

26. Село Орор.

Село Орор в юго-восточной стороне от Кеги-Касаба, в 4 часах пути от Кеги. Имелось 35 домов армян и 240 душ. В трагических событиях 1915 года истреблено все население. Из-за оползней посреди деревни всегда были разрывы, почему и называется Орор²⁷¹.

27. Село Дарман.

Село Дарман расположено в юго-восточной стороне от Кеги-Касаба, в 3 часах пути, на левом берегу притока Евфрата. Имелось 500 домов армян и

армян-протестантов, всего 2100 душ, и 10 домов турок. Было две церкви и две школы. Население занималось земледелием, торговлей и ремеслами. В селе разграблено и сожжено все, что принадлежало армянам, около 75 человек спаслись благодаря курдскому ага из Карер, еще 300 человек находятся в Америке и прочих местах, остальные 1275 человек истреблены. Это село, благодаря торговле, было самым большим и богатым из всех. Сегодня населения нет, село сожжено и разрушено.

28. Село Чарибаш.

Село Чарибаш расположено в получасе пути на восток от села Орор. Имелось 35 домов армян (350 душ). Была церковь и школа. Население занималось земледелием и животноводством. Сельчане были зажиточными. Село разграблено, население истреблено, никто не выжил.

29. Село Сеганк.

Село Сеганк расположено в часе пути от села Дарман строго на восток. Имелось 120 домов армян (1100 душ). Была церковь²⁷² и школа. Население занималось земледелием и животноводством. Будучи трудолюбивыми и предприимчивыми, сельчане были зажиточными. В 1915 году подверглись грабежам и истреблению. Выжили лишь четверо, сейчас находятся в Карине. Еще примерно 50 человек находятся в Америке.

30. Село Астхаберд.

Село Астхаберд расположено на красивом плоскогорье в получасе пути на северо-восток от села Сеганк. Имелось 250 домов армян (1500 душ) и 10 домов курдов. Основные занятия населения – земледелие, торговля и животноводство. Обладали богатством и значительными возможностями. Имели школу для мальчиков и девочек, две церкви – Св. Саргис и Св. Геворк, которое прежде было языческим храмом богини Астхик и тогда же в древности было переделано в церковь. Здание имело вид языческого храма. Население подверглось грабежам и уничтожению, выжили лишь 10 человек.

31. Село Хоснак.

Село Хоснак расположено в долине в 3 часах пути на восток от Ког-Гаспа. Имело 120 домов армян (1000 душ) и 15 домов турок. В селе были церковь, монастырь Св. Киракос и школа. Из всего населения села спаслись 20 человек, ныне находящихся в Карине, и еще 130 человек нашли пристанище в Америке. Остальные 850 вырезаны и истреблены в 1915 году. Население занималось торговлей, земледелием и животноводством и было очень зажиточным. Дома разрушены и сожжены.

32. Село Апознак

Село Апознак расположено в часе пути на северо-восток от села Дарман. Имелось 120 домов армян (1000 душ) и 7 домов турок. Население занималось земледелием и животноводством [были также торговцы и ремесленники]. Село разграблено, а люди истреблены, выжили лишь семь человек, ныне живущих в Карине. Еще 70 человек живут в Америке. Остальные 923 жителя были убиты в 1915 году.

В селе были церковь и школа, которые были сожжены.

33. Село Чермак.

Село Чермак расположено в получасе пути к западу от села Хоснак. Имелось 200 домов армян (1500 душ) и 14 домов турок. Население состояло из ремесленников, торговцев и земледельцев, все зажиточные и трудолюбивые. В селе имелась церковь и школа. Молодежь была очень развитой и отдавала много сил учебе и национальным делам. В 1915 году часть из них, в количестве 70 человек, спасли карерские курды, и сегодня они проживают в Карине, еще 160 человек нашли приют в Америке и прочих местах. Остальные 1270 человек истреблены, их имущество разграблено, а дома сожжены и превращены в пепел. Сын шейха Мустафа и брат Неджиб со своим сыном убили множество армян, их роль в смерти невинных армян очень велика.

34. Село Арек.

Село Арек стоит в получасе пути к юго-западу от села Чермак. В селе было 300 домов сугубо армянского населения – всего 1680 душ. У них была одна церковь, одна школа и один монастырь «Гедаяхяц Св. Богородицы». Народ занимался земледелием, торговлей, разведением скота. Экономическое положение села было весьма процветающим, люди – образованы, тем более, что новые молодые силы содействовали образовательным учреждениям. Село, церковь, монастырь и жилые дома были разграблены, имущество растащено; жители были перебиты, спаслось не более 25 человек. Почти 1200 душ вырезаны.

35. Село Агстун.

Село Агстун стоит в четырех часах пути к северу от Кеги-Касаба. В селе было 150 домов сугубо армянского населения: 1400 душ. В селе имелись национальная церковь и школа, а также монастырь «Апару Св. Карапет». Население было занято земледелием, разведением скота и различными ремеслами. Жили благополучной и мирной жизнью, но ужасная и катастрофическая резня 1915-го положили конец этой мирной жизни: село было разграблено, жители убиты, чудом остались живы 75 человек, спасшиеся

бегством. Они ныне живут в Хошан Мезре в Анд्रेसи нахие²⁷³ на пособие армянского штаба в Карине. В Америке и других местах нашли приют около 125 выходцев из этого села. Вырезано или расстреляно 1200 жителей, включая детей, но подробного списка у нас нет.

36. Село Тинек.

Село Тинек расположено в трех часах к северо-востоку от Кеги-Касаба. В селе было пятьдесят домов армян – 400 душ, 15 домов курдов. Имелось два национальных учреждения: одна церковь и одна школа. Большая часть жителей – земледельцы и животноводы, меньшая – были ремесленники, и еще одна часть жила на чужбине; жизнь селян была довольно благополучна и добропорядочна. Однако, последняя резня 1915 года уничтожила все – село было разграблено, имущество растащили, жителей перебили, спаслось только четыре человека, 20 человек находятся в Америке, 374 человек убиты.

37. Село Амаридж.

Село Амаридж расположено в нахие Анд्रेसи, в пяти часах пути к северу от Кеги-Касаба. В селе было 65 домов армян – 500 душ и 7 домов курдов; была церковь и школа. Народ в селе занимался земледелием, животноводством, ремесленничеством. Материальное положение было очень хорошее и благополучное. Село разграблено и разрушено, жители почти все перебиты, спаслись только 7 душ, 50 человек живет на чужбине – в Америке. 443 человек зарезаны и убиты.

38. Село Ариндз.

Село Ариндз расположено в пяти часах пути к северу от Кеги-Касаба. В селе было 70 домов сугубо армянского населения – 600 жителей. Имелись два национальных учреждения: церковь и школа. Занятие селчан – земледелие, животноводство и ремесленничество. Жили довольно благополучно. Село разграблено и все растащено, население зарезано и перебито, спаслось всего трое в резне 1915-го, 30 человек – на чужбине, в Америке; 567 человек истреблено. В настоящее время большая часть села разрушена.

39. Село Шен.

Село Шен находится в часе пути к востоку от села Ариндз. В селе было 35 домов армян – 360 душ, а также 10 домов курдов. В селе была церковь и одна национальная школа. Народ занимался земледелием и животноводством. Положение было благополучным. Село разграблено, люди повсе-

местно перебиты, только 8 человек спаслось, 12 человек живет на чужбине, в Америке. 340 человек убиты.

40. Село Джерман.

Село Джерман расположено строго напротив села Шен к северу, в [часе] с четвертью пути, на другом берегу шенской воды. 35 домов с сугубо армянским населением – 370 душ, и еще 11 домов курдов. Жители – животноводы, земледельцы, ремесленники. Имелись церковь и школа. Только 10 жителям удалось спастись; 360 человек убито и зарезано.

41. Село Меликан.

Село Меликан расположено в 20 минутах пути к западу от села Джерман. Имелось 67 домов армянского населения – 600 человек, и 3 дома курдов. Имелись церковь и школа. Жители экономически были в довольно хорошем положении, но ужасная резня 1915-го всему положила конец. Народ был разграблен и перебит, село превращено в руины. На чужбине в Америке и России находятся 50 человек, спаслось 20 человек; всего 530 душ убиты и растерзаны.

42. Село Лечик.

Село Лечик находится к северо-востоку от Меликана, в трех часах пути. Там было 50 домов армянского населения – 500 душ, и 4 дома курдов. Были также одна церковь и одна школа. Село разграблено, большая часть населения перебита. В настоящее время дома разрушены. Спаслось 30 человек, 20 молодых людей в Америке. Жители села занимались торговлей, земледелием. Жизнь была благополучной, люди с уверенностью смотрели в будущее.

43. Село Харабек.

Село Харабек находится в пяти часах пути к северо-востоку от села Меликан. В селе было 70 домов армянского населения – 600 жителей. Были церковь и школа. В упомянутом селе спасся только один священник, но и он, прибыв в Карин, скончался. Народ занимался земледелием. Село расположено на дне равнины. Его полностью разграбили, население было перебито руками четников. Село ныне в руинах, а населения – нет.

44. Село Шарук.

Село Шарук расположено в шести часах пути к востоку от Меликана; о нем можно прочесть на следующих страницах более подробно в списках выживших и жертв резни.

45. Село Чифтлик.

Село Чифтлик находится в пяти часах пути к северо-востоку от Меликана. В селе было 60 домов – 600 душ населения. Имелись церковь, школа. Народ был довольно благополучен, экономическое положение хорошее. Во время резни 1915-го село был разграблено, все имущество и богатство – растащено, население перебито. Спаслось только 15 человек, еще 35 находятся в Америке. Всего убитых, в том числе детей – 550 душ...

45.²⁷⁴ Село Баш Чифтлик.

Село Баш Чифтлик находится на небольшом расстоянии к востоку от Чифтлика. Имелось 50 домов население – 480 душ; в селе были церковь Св. Георга и школа. Народ занимался земледелием и животноводством. Жили хорошо и благополучно, но во время резни 1915-го село было полностью разграблено, народ безжалостно вырезан четниками, спаслось только 20 душ, а число убитых 460 душ.

46. Село Инах.

Село Инах расположено в трех часах пути к северо-востоку от Кеги-Касаба. Имелось 12 домов с армянским населением (120 душ). Церкви и школы не было. Разграблено, жители вырезаны, поскольку никто из них нигде не появился, их судьба неизвестна.

47. Село Хеоленк.

Село Хеоленк находится в 12 часах пути на север от Кеги-Касаба. В селе было 5 домов армян – 62 человека, 15 домов греков и 8 домов курдов. Часть жителей спаслась, 14 человек стали жертвами резни, и еще часть подверглась грабежу. В настоящее время они живут в Карине и окрестных селах, в Умут.

48. Село Хызыл Чубух.

Село Хызыл Чубух находится в двух часах пути к востоку Чифтлика. В селе имелось церковь Св. Акоп, было 15 домов армян – 120 душ, и 15 домов курдов. Народ жил благополучно и хорошо. Однако все подверглись резне и грабежам со стороны четников, чудом спаслись 10 человек, которые живут в Карине на пособие.

Таким образом описаны эти сорок восемь²⁷⁵ армянонаселенных сел; есть еще 20–30 сел в нахичеванской области; в свое время они принадлежали армянам, но там сейчас проживают курды, хотя армянские названия остались. Например – Аркап (Айкап?), Анзедик (Анцревик?), Дару, Ереск, Ореванк, Тер Оган, Ахтат, Норберд (крепость в Айкапе) и др. О них подробно будет написано в другом случае²⁷⁶.

Скорбное описание.

Кегиевское село Шарук было чисто армянским селом в 33 дома. 25 мая 1915-го произошла жуткая резня, и началось разграбление. Сведения получены от следующих выживших лиц: Аракел Саргсян – 40 лет, Мшур Исраелян – 25 лет, Сурен Варданян – 27 лет, Ованес Григорян – 30 лет, Смбат Петоян – 29 лет, Нерсес Мецикян – 18 лет, Сурен Кароян – 16 лет, Сурен Воскеатян – 10 лет и других. Сведения от вышеупомянутых рассказчиков получены из их собственных уст Назаретом Постояном (учителем села Умутум уезда Карин от Московского армянского комитета). Ниже приводится прежде всего события, через которые прошел Аракел Саргсян (Записано 21 января 1917 г. в селе Умутум).

Вопрос: Соотечественник, откуда вы?

Ответ: Я родом из Кегиевского села Шарук.

Вопрос: Ваши имя и фамилия, сколько вам лет, есть ли живые родственники, женаты ли и есть ли дети?

Ответ: Имя – Аракел, фамилия – Саргсян, мне 40 лет, родственников у меня было 22 человека, в живых осталось пятеро, вместе со мной. Был женат, но жену увели курды, у меня было три девочки и один мальчик, их увели, назвав это ссылкой, но я не знаю, живы они или убиты.

Вопрос: Как начали вас грабить и резать? В каком году случились эти события, можешь вспомнить или рассказать подробно?

Ответ: Ах! Ах! Черноокий, как не знаю, что рассказать, ведь в кровь окунулись и вышли, чего только не увидели от османов! Было 25 мая 1915-го, черные дни, когда в наше село Шарук вошли четыре суари (конных) жандарма, стали заставляя, чтобы мы 23 домами наскоро собрались и отправились в Кегиевское село Лчик, в полуторах часах от нашего села Шарук, и мы хочешь не хочешь (невольнo) подчинились воле правительства. В тот же день взяли с собой все, что у нас было – скарб, утварь, скот, женские серебряные и золотые украшения (что на голову и на шею надевают, браслеты и т. п.) и многое-многое другое ценное – шелковую одежду, старинную антику²⁷⁷, что осталась нам от наших предков – все это взяли с собой и удалились от Шарука, чтобы отправиться к Лчику. Дошли до курдского села под названием Зрзанос и там обнаружили много народу, согнанного туда из армянских сел: 350–400 душ из Шарука, 600–700 из села Лчик, 400–500 из Харабека, 550–600 из Чифтлика, 300–400 из Кызылчибуха. Все они собрались в селе Зрзанос. Нас окружили 2500–3000 курдов во главе со следующими известными людьми: Дервиш бек села Лчик, его брат Слейман бек со своими спутниками – 300–400 человек, сын кузучибухского Мемеда Азиз и с ним 250 человек, сын шилыганского Исмайл бека Нусрет бек со своими 300–400 спутниками, сын голландского

Муса бека Мемед бек с его 400–500 людьми, соглиец Абдул Селам и его 200–300 человек, сын багюхского Зиа бека Риза бек и его 450–500 человек. Помимо этих главарей была 3000–4000-я толпа из гор и ущелий. Сначала брат Дервиш бека Слейман бек собрал со всех деньги и драгоценности, а затем приказал перебить нас. Ах! Ах! Глаза бы мои не видели... В те черные дни все перемешалось (сказал по-турецки), матери, забыв о детях, бросались в кровавый поток трупов. Так там был перебито 7000–8000 человек невинного народу.

Вопрос: Вам как удалось спастись тогда?

Ответ: Мы приняли курдский закон²⁷⁸. Демирдаштский Саид бек нас убедил, увел с собой и защитил. Я спасся, приняв курдский закон на время – около 4 месяцев, пока русские не взяли Карин. В ту же ночь я бежал оттуда, пришел и сдался в Карине.

Вопрос: Можете описать дома вашего села с их жителями?

Ответ: Да, я расскажу, а вы записывайте всех по одному²⁷⁹...

Вот вышеупомянутое чисто армянское село Шарук с 35 домами, где проживали в целом 188 человек. Безжалостно перебили 3/4 населения, даже несовершеннолетних детей. Если посчитать средней стоимости экономического состояния сельчан, то размер ущерба достигнет пятьдесят три тысячи осм. золотых, не считая женские украшения, серебро, головные украшения, и так далее.

Ниже представлены сведения о судьбе жителей села.

1. Число всех выживших	25 душ
2. Число находящихся в Америке	12 душ
3. Число умерших от страха и ужаса	5 душ
4. Число сосланных, о которых ничего не известно	9 душ
5. Число похищенных женщин и девочек	4 души
6. Число убитых и зарезанных саблями	133 душ
Общее число	188 душ

Остатки жителей, что пережили все это, вряд ли смогут жить с теми страданиями, что обрушились на их головы. Ныне они переживают черные дни изгнания и обездоленности...

Н. Постоян.

Житель села Шарук Аракел Саргсян, один из тех, кому чудом удалось избежать смерти, рассказывает следующее:

1. На мосту Зрзаноса было убито и сброшено в воду 400 душ: по пять человек связывали вместе и расстреливали. Таким образом убив 4000 человек, всех сбросили в воду, и от того, что трупов было так много – течение остановилось.

2. На мосту Лчика убили 200–250 человек. Людей резали как овец на мосту, и обе арки моста все еще обагрены кровью как вечное возмездие. После того как зарезали всех мужчин, несовершеннолетних детей вывели и, держа за ноги, разбивали о камни моста. Погибшие на этом мосту дети были собраны из пяти сел, их число было около 1000 душ, и никто жив не остался: всех, схватив за ноги, головой били о камни. Все это я увидел своими глазами и в отчаянии бросился в воду. Они стреляли вслед, но я, проплыв под водой, выбрался в заросли и, убежав с демиршатским Саид беком, спрятался у него.

Вопрос: Сколько армянских национальных учреждений было у вас?

Ответ: У нас была красивая церковь Св. Саргиса и новая, недавно построенная каменная школа. В селе не осталось ни одного целого здания, все сожжены и разрушены до основания. Ущерб национальных учреждений и церкви вместе с утварью достигает 1000 золотых.

Примечание от записавшего: У всех жителей этого села было благополучное экономическое положение, тем более, что поколение молодых было обуреваемо новым идеями, осознанно направленными на образование и экономическое благополучие народа, но нынешние ужасные события все это уничтожили.

Н. Постоян.

НАА, ф. 57, оп. 5, д. 140, лл. 1–60 об., подлинник, рукопись.

№ 120

СВИДЕТЕЛЬСТВА ГРУППЫ ВЫЖИВШИХ О РЕЗНЕ В СЕЛАХ КЕГИЙСКОЙ КАЗЫ ЭРЗЕРУМСКОГО САНДЖАКА

Краткая история о резне и депортации жителей уезда Кеги губернии Карина дается в со слов следующих людей, непосредственно знакомых с событиями.

1. Ваан Постоян, житель села Кеги Хубс; он был сослан в Балу, три раза спасся от смерти, с 21 мая 1915 по май 1916 жил у курдов.

2. Срапион Постоян, из того же села, был сослан в то же село, что и его брат Ваан, спрятался среди трупов, ночью оттуда сбежал, после долгих скитаний, нашел пристанище у курдов.

3. Багдасар и Карапет Тер Карапетяны, спаслись во время резни в Балу, бежали и нашли приют у курдов.

4. Саргис Давдикян, житель села Хубс; вместе с прочими депортированными добрался до харбердского села Пахр Матен, ночью бежал из груды трупов.

5. Абгар Хулоян, из села Хубс, спасся во время резни в Балу и спрятался у курдов.

21 мая курдами было разграблено и разгромлено армянское село Аграк, вырезано все население: 100 домов – 700 жителей, унесено имущество, уведен скот вола, коровы, овцы. Сельская церковь и школа разрушены.

Главный устроитель резни села Аграк – дерсимец Хде Ибиш и его люди. Сначала они перебили все население, а потом завладели его имуществом.

23 мая подверглись резне села Хупек и Хас, в первом 30 домов, а во втором – 20 со смешанным населением, точная цифра неизвестна. Все население истреблено, ограблено и сожжено. В Хупеке была школа и церковь, а в Хасгюхе старая церковь. Учащиеся первого села ходили в свою школу, а второго – часть [учились] в Хупеке, а часть в Аграке, хотя иммигранты этого села в Америке имели образовательное общество.

В тот же день было вырезано село Холхол – 80 домов, из которых чисто армянское население – 10 домов было полностью истреблено, а дома сожжены, спасся только один человек – Багдасар Каркуц, который укрылся в глубинах Дерсима.

25 мая 1915 г. нападению подверглось село Хертеф, в котором было 135 домов населения числом в 1100 душ; большая часть перебита, малая часть спасена и защищена усилиями кымецкого Исмаила аги. Часть освобождена и находится в Карине, а часть остается у того же аги. Это село расположено на склоне горы Сурб Луйс. Имеются исторические предания, связанные с этой горой: якобы ковчег патриарха Ноя во время путешествия коснулся этой горы на заре, и по этой причине она называется Сурп Луйс (святой свет). Каждый год в Вардавар армяне и курды ходили туда в паломничество и приносили жертву.

Все село целиком было разграблено и сожжено. Там была красивая церковь и еще более красивая школа, недавно построенная усилиями односельчан – членов Образовательного общества Америки. 24 мая 1915 года напали на село Сергевил – 200 домов, 1400 жителей. В селе были: монастырь Св. Спасителя с большим лесным участком и угодьями, церковь Св. Ншана и большая недавно построенная школа. В селе были хорошие рабочие руки. 3/4 жителей села перебиты на месте, а 1/4 – во время депортации. Ответственные учреждения и здания были преданы огню.

25 мая 1915 г. село Хубс было осаждено 7000–8000 курдами.

Перед осадой села распространили весть, что Хубс должен быть разграблен. Деятельные молодые люди села сразу же собрались и решили

прибегнуть к самообороне, поскольку предыдущие нападения имели назидательную цель – показать, что армяне должны быть истреблены без сопротивления. Организовались группы самообороны, которые должны были рассредоточиться вокруг села и внутри него, чтобы оказать сопротивление нападающим.

Группа «А» состояла из следующих молодых парней: Сурен Постоян, Карапет Постоян, Мелкон Кочоян, Манасэ Налбандян и другие.

Группа «Б»: Срапион Постоян, Ваан Постоян, Мамикон Постоян, Тагес Хошматлян, Сурен Хошматлян, Овсеп Паронян, Аршавир Паронян, Мигран Авагян, Ваан Налбандян.

Группа «В»: Месровб Матосян, Хосров Хошматлян, Седрак Асваникян, Абгар Матосян, Абгар Эроян, Ваан Абоян из Сергевила, и так далее.

Группа «Г»: Ованес Хтеян, Ованес М[агдеси] Айрапетян и другие.

Группа «Д» состояла из Манука Элесикяна, Багдасара Тер-Карапетяна, холхолца Бахтика, Закара Постояна, Мамбре Постояна, Ованеса Постояна и других. Это была подвижная группа и состояла из известных своей дерзостью молодых парней, которые должны были наблюдать за всеми позициями.

Группа «А» заняла позицию в двухэтажном доме Тиграна Постояна, расположенного на южной стороне села.

Группа «Б» заняла двухэтажный дом Аракела Постояна. У дома со всех сторон окна были скрыты железными клетками, а расположение было очень удобно для самообороны и оказания помощи первой позиции. В такой позиции один человек мог оказывать сопротивление ста нападавшим.

Группа «В» заняла самую верхнюю часть села, дом Георга Хошматляна, который имел форму амфитеатра, обозревал все село.

Группа «Г» на юге заняла позицию в доме Арутюна Айрапетяна на севере, дабы оказать сопротивление нападению с этой стороны.

Подвижная группа «Д» выбрала себе центром дома Тадеоса Авагяна и Ованеса Хошматляна, откуда должны были сдерживать нападение с юга и оказать помощь всем позициям.

Бой начался точно в 6 часов утра, нападали со всех сторон, пули летели градом, а наши храбрецы отвечали со своих позиций, при этом стараясь бить точно в цель, проделывая бреши в тесных рядах курдов. Бой длился без перерыва полтора дня. Курды потеряли 35–40 человек, а с нашей стороны погиб только Киракос Бахтикян.

В тот вечер курды в отчаянии отошли, собрав свои трупы, и удалились из славного и героического Хубса, а мы, воспользовавшись этим, через гору Сиври послали в город гонца к Предводителю вардапету Гегаму Тевекеляну и в местные органы управления, чтобы нам прислали помощь и

вооружение. Печально, но от Предводительства получили отрицательный ответ и подлое указание сдаться. В тот же день неравная схватка возобновилась. На второй день договорились оставить село и спрятаться в горах, поскольку боеприпасы были на исходе. В этот момент курды и турки с удвоенной силой напали на село. Село оказалось беззащитным перед варварством напавших – безжалостно перебили всех, даже нашли тех, кто скрывался в горах, их убили и сожгли. Дома, служившие позициями, сразу предали огню. Несколько дней выносили разграбленное, а потом село сожгли.

Сейчас когда-то хорошо отстроенное и культурное село сравнено с землей.

В селе Хубс было 300 домов с сугубо армянским населением – 1700 жителей, из которых 431 [человек] находятся за рубежом, главным образом в Америке, Там были прекрасные национальные культурные учреждения, 75-летняя ладная церковь Св. Карапет, двухэтажная школа для совместного обучения мальчиков и девочек со своими классами, на нижнем этаже был театральный зал для показа спектаклей, чтения лекций, а также библиотека. Школы управлялись под наблюдением Объединенного общества, а часть бюджета – 120 золотых – покрывалась за счет Образовательного союза хубсцев Америки, а остальная была на попечении Объединенного общества Константинополя. В верхней части села имелся полуразрушенный алтарь Св. Саргис.

Ущерб данных национальных культурных учреждений составляет 3000 английских золотых. Материальный ущерб, понесенный народом, не представляется возможным подсчитать в точности, однако, предположительно, он достигает 100.000 золотых.

Физический ущерб – 1205 душ убиты или пропали, чудом спаслись только 9 душ – 2 женщины, 1 несовершеннолетний и 6 молодых людей.

Население остальных сел и города Кеги, сослано в различные места, Балу и Пахр Матен (Харберд) – и перебито; в Кеги никто не спасся, от кого могли бы получить сведения о депортации.

Общее число депортированных 40 000 [душ]:

А. группа: погибло в селах Кеги: 1500 [душ].

Б. группа: в селе Джан убито: 3000 [душ].

В. группа : среди курдов Гулыган убито 7000 [душ].

Г. Челхетер: 3500 [душ].

Д. Село Тепе (Балу): убито 2000 [душ].

Е. В Балу и на мосту убито, сброшено в ущелье 10 000 [душ].

Ж. Пахр Матен (Харберд): убито 13 000 [душ]

Всего 40 000 [душ].

Помимо этих есть также пропавшие без вести относительно которых осуществить проверку невозможно.

Часть передовой интеллигенции города Кеги вместе с Предводителем (19 душ) были убиты в селе Дилимили района Балу – в доме Мурадянов.

Далее даем обошленную статистическую таблицу, на которой представлено прежнее положение, а также спасенные не только города Кеги, но и сел всего района.

Название села	Насел.	Дома армян	Дома курдов, турок	Церкви	Школы	Спасенные
1. Хертеф	1200	150	7	1	1	193
2. Сергевил	1175	158	9	1, 1 монастырь	1	—
3. Аграк	800	120	7	1	1	1
4. Халек	215	35	6	1	1	3
5. Холхол	70	10	50	0	0	1
6. Хасгех	50	7	9	1	0	—
7. Сагадзор	700	85	0	1	1	52
8. Хубс	1700	300	2	2	3	9
9. Огас	994	150	15	1	1	—
10. Апеванк	320	30	20	1	1	1
11. Йолмезгех	170	18	20	1	1	5
12. Чумах	90	25	20	1	1	6
13. Чпргюх	1120	120	2	1	1	—
14. Хази	320	45	20	1	1	—
15. Азбзат	380	45	10	1	1	—
16. Хачатур	80	12	20	0	1	—
17. Чангюх	1200	120	15	1	1	—
18. Карбуйс	1300	135	11	1	1	—
19. Авртик	100	15	13	1	1	—
20. Лек	52	10	10	0	1	—
21. Санджак	80	7	20	0	0	—
22. Чанагчи	1400	230	0	1	1	—
23. Хошкар	100	25	10	1	1	—

Название села	Насел.	Дома армян	Дома курдов, турок	Церкви	Школы	Спасенные
24. Орор	400	35	10	1	1	—
25. Дарман	2100	500	10	2	2	3
26. Чарибаш	380	35	11	1	1	—
27. Меганк	1112	120	0	1	1	—
28. Астрхаберд	1600	260	12	3, 1 монастырь	1	—
29. Хоснак	1200	100	18	1	1	—
30. Апознак	1200	110	8	1	1	2
31. Цирмак	1520	220	14	1	1	2
32. Арек	1580	300	0	2, 1 монастырь	1	23
33. Огстан	1200	140	0	2, 1 монастырь	1	56
34. Тинек	400	60	20	1	1	10
35. Амарич	520	57	7	1	1	12
36. Ариндж	600	70	0	1	1	3
37. Шен	300	30	12	1	1	14
38. Джерман	340	30	10	1	1	3
39. Меликан	550	70	4	1	1	26
40. Лчик	500	60	7	1	1	28
41. Чифтлик	595	67	10	1	1	—
42. Харабек	518	62	5	1	1	—
43. Шарук	490	40	7	1	1	—
44. Баш Чифтлик	475	40	3	1	1	—
45. Инах	120	12	10	0	0	—
46. Эоленк	62	5	28 (греки)	0	0	—
47. Моз	38	4	5	0	0	—
48. Оркап	20	2	35	0	0	—
49. Город Кеги	2000	500	200	4	4	8
Всего:	33336	4981	752	49	47	461

107 человек спасены в селах, не вошедших в список.

В этот список не попали те места, которые было невозможно проверить, поскольку находятся на турецкой стороне.

[Записал Амадуни].

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 474, лл. 1–9, подлинник, рукопись.

САНДЖАК И ГОРОД ЕРЗНКА

№ 121

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО ЖИТЕЛЯ ЕРЗНКА ЕГНЯ ТОРОСЯНА О ДЕПОРТАЦИИ

[1916 г.]

Рассказ Егня Торосяна.

60 лет. спасаю. будучи ремесленником, затем нашел пристанище у курдов.

Сеферберлик (мобилизация).

21 июня 1914 началось мобилизация населения Турции: пришел приказ о записи мужчин 20–45 лет в армию. В это время я находился с семьей в Мамахатуне, с матерью, женой, двумя сыновьями 8 и 2 лет и пятилетней дочкой. Было у меня 25 овец, две коровы. По профессии я был портным. Я тоже записался в армию, и спустя два дня мы должны были отправиться в Ерзнка, чтобы работать в тамошней военной мастерской.

Отправление.

Двумя днями ранее мать и жена, мешая хлеб со слезами, собрали припасы.

1 августа во всех домах царил траур, еще до отправки, до того, как мы испытали эти бедствия, мы уже предчувствовали их. Женщины, все только вышедшие замуж, куда им податься, кто будет их кормить, и кому заботиться о них.

Из 400 домов армянскими были только 15. В этот день нас саблями выгоняли из очагов. У нас были с собой белые мешки с припасами. Крики оставшихся мальчиков, слезы бедных матерей, всхлипывания молодых жен действовали на всех нас. Мы должны были идти, ведь нам угрожали. Попрощавшись, мы двинулись в путь.

В первую ночь мы остановились у г-на Мамбре, впервые мы ночевали не под родной крышей. На следующий день мы продолжили путь и приш-

ли в другую деревню, там нас встретили приветливо. Наутро нас повели в другое пристанище, где мы поняли, что нас будут держать в заключении и свободы не будет. На следующий день мы должны были дойти до Ерзнка.

Ерзнка, солнечное затмение.

В пятницу, в 9 часов мы (15 товарищей) вошли в Ерзнка. Когда мы находились еще на рынке, небо потемнело, и мы потеряли друг друга. На небе вместо солнца заблестели звезды. Это продолжалось 15 секунд, и постепенно стало светать. Мы все пошли к родственнику отдохнуть и на следующий день пошли зарегистрироваться. Нас записали в 35-й батальон и определили в кожевенную мастерскую.

Кожевенная мастерская.

В южной части Ерзнка в 20 минутах пути, находилась мастерская, именуемая Тапахане. Там было 800 человек, 16 помещений, два директора и один тысяцкий, остальные – надсмотрщики. Из 24 часов в сутки мы обязаны были работать 16 часов, в том числе по ночам.

Выходить из мастерской было совершенно запрещено, во время работы разрешалось отлучиться лишь на несколько минут, за опоздание страшно наказывали и били; зная это, мы спешили [вовремя] оказаться на месте, не опаздывая ни на минуту. Только местным жителям Ерзнка приказом разрешалось после завершения работы ночевать дома, но при условии, что утром они должны были в назначенное время быть на месте, в противном случае, их избивали. Если кто-то заболел и говорил, что болен, его жестоко избивали и в еще более беспомощном состоянии отправляли в больницу, откуда через несколько дней приходило известие о его смерти. Следовательно, единственным спасением от тяжелой работы и избиений была смерть.

Крупная вошь, болезнь – сыпной тиф.

В конце дек. 1914-го турецкие войска победоносно устремились на Кавказ, когда продвижение русских в Сарикамыше поставило турок перед провалом, и турецкая армия стала позорно отступать; да так, что в отступающих войсках было много раненых и больных.

Это состояние длилось месяцами. Все правительственные и иные крупные здания в Ерзнка были превращены в госпитали. От Сарикамышы до Карина, от Карина до Мамахатуна и далее до Ерзнка, от Ерзнка до Себастии. По всей этой линии, через каждые два часа пути были развернуты госпитали.

С декабря 1914 года по март 1915-го по обе стороны дороги от Сарикамышы до Себастии лежали трупы. Трупов было так много, что их не успева-ли хоронить: складывали друг на друга, и они становились добычей диких птиц и хищников. В каждом госпитале Ерзнка ежедневно умирало 30–100 человек. Вши, крупные черные насекомые, болезнетворные микробы раз-

множились так быстро, что больные за три дня задохнулись: они переползали с разных частей тела и собирались у сердца, а затем заползали в рот. Эта болезнь распространялась больше среди турок, так что в районе Ерзнка умерли 3500 человек, в Карине 7000 человек, а по дороге среди снегов лежали по меньшей мере 50 000 человек. Например, в кожевенной мастерской в сентябре было 800 человек, а к марту нас осталось 235.

Турки вынужденно объявили новую мобилизацию, поскольку войска были истощены, и глашатай объявил, что юноши 17–18 и 19–20 лет тоже должны пойти в армию.

Четники.

В 1915 году тюрьмы Турции были переполнены ворами, убийцами и преступниками, но во время высылки армян их выпустили на свободу, чтобы они беспрепятственно совершали свои преступления. Правительство снабдило их оружием и одеждой. Армяне подозревали, что это войско четников выпустили для того, чтобы причинить им вред. Вся армянская молодежь находилась в руках Турции, а турки получали указания от немецкого правительства.

Когда армянские добровольцы стали отрядами воевать в составе российской армии, турки поняли, что конец их близок. В результате этого армяне укрепили бы свои позиции. Не сумев решить эту проблему, турки решили истребить армян и с 1 февраля 1915 года приступили к осуществлению этого плана. Начали с интеллигенции, торгового сословия и [отставки] высокопоставленных чиновников, завладев их имуществом, затем отдали тайный приказ убивать революционеров.

Однажды чиновники-армяне ушли и вечером не вернулись домой. Было дано объяснение, мол «они мздоимцы, поэтому их перевели в другое место». На самом деле, спустя два дня их тела обнаружили на берегу Евфрата. Через несколько дней все села наводнились четниками. В Ерзнка и прилегающих селах появились 30 000 военных и 10 000 четники, которые принялись грабить, избивать, насиловать; они заключали молодых людей в тюрьму и убивали через пару дней. Когда днем близкие приносили арестованным еду или одежду, их отсутствие объясняли так: «Мы их отправили в Сансар, через несколько дней получите от них письмо». Речь шла об ущелье Сансар, где сегодня находится место бойни 15 000 молодых армян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 415, лл. 71–79, подлинник, рукопись.

ЗАПИСИ ВЫЖИВШЕГО ГАРЕГИНА ТУРИКЯНА О РЕЗНЕ В АРМЯНСКИХ ДЕРЕВНЯХ ЕРЗНКАЙСКОЙ КАЗЫ ЭРЗЕРУМСКОГО САНДЖАКА

20 июня 1917 г.
Ериза.

Ериза, или Ерзнка, со старым армянским названием уезд Екехяц – просторная долина, почти со всех сторон окруженная высокими горами. Река Евфрат, разрезая долину надвое, протекает с востока на запад, омывая левую и правую стороны долины.

Климат Еризы летом жаркий, а зимой холодный. Даже когда в долине жаркое лето, на высоких вершинах, окружающих долину, лежит снег.

Почва мягкая и плодородная, на ней произрастают злаки, бобовые, овощи и всевозможные виды фруктов.

Вода для орошения – в изобилии, так же как и питьевая, хотя последняя не очень чистая из-за беспечности правительства, которое не заменяло пришедшие в негодность трубы. Сам город находится в центре долины, а вокруг, в долине и на подножьях гор, разбросаны многочисленные деревни, украшенные садами и плодовыми деревьями. Издалека деревни, окруженные высокими горами, производят впечатление большого сада с оградой.

История Еризы временами была блистательной. Когда Великий Трдат из Аршакидской династии получил корону от византийского императора и вернулся в Армению, он выбрал для проживания уезд Екехяц. В средние века уезд стал ареной походов персидско-турецких и турецко-татарских племен.

До взятия Еризы храбрыми войсками царя²⁸⁰, четвертая армия неблагодарного Османского государства нежилась на ее плодородных приветливых нагорьях.

Растительность богатая, местами распространены пчеловодство и скотоводство.

В 2–3 часах пути к северу от города Ериза есть два угольных рудника, но до сего дня не сделано ни одного практического шага в сторону их эксплуатации, а в часе пути к востоку есть минеральная вода, которая также куда-то бесполезно течет и пропадает.

Из окружающих гор наиболее значительная на юге – Мирджан (историческая Мндзур), она является одним из звеньев Дерсимской горной цепи, а по ее склону стекают холодные и чистые родниковые воды речки Мндзури. Далее находится ущелье Мирджан богаз, с севера – Спнкор, что переводится как Сурб Григор, поскольку есть поверие, что Св. Григорий Просвети-

тель в лоне именно этой горы был подвергнут жестоким страданиям. С западной стороны возвышается Чартагли, эта гора известна своим удобным военным расположением.

Границы Ериза с востока – Дерджан и Хузилиджан, с юга – равнины Кеги, Булурмура и Оваджика, разделенные Дерсимским горным хребтом, с запада – Кемах (его древне-армянское название Даранахи Камахк = Камах), а с севера – Келкут и Баберд. Площадь с севера на юг, с востока на запад – 400 (четыреста) [квадратных] верст.

Из древностей достойна упоминания крепость города, возведенная руками царя Арташеса, которая была разрушена турками, однако ее руины заметны до сих пор.

Итак, спустя сотни лет владения так удачно расположенной Еризой, османское племя²⁸¹, приверженное своему гаремному и разгульному образу жизни, было вовсе не заинтересовано довести его до блеска развитием ремесел и торговли. До сих пор в городе и за его пределами есть улицы без какого-либо покрытия, и люди в дождливую погоду вынуждены проходить по ним, прижимаясь к стенам домов, либо переходить улицу, перетаскивая друг друга на себе. То же можно сказать и о загрязненной питьевой воде. Опыт показывает, что если бы предыдущая власть предприняла хоть какие-то усилия и потратила хоть немного денег, то смогло бы напоить свой народ холодной и чистой водой, доведя чистую питьевую воду из окрестностей внутрь города, в результате его чада были бы бодрыми и резвыми.

Кроме сказанного, нужно отметить, что также была необходимость использовать и бессмысленно текущую воду для развития производства и обогащения города. К примеру, воду, скапливающуюся в овраге на северо-восточной части города, при средних денежных затратах можно было бы подвести к большой безводной территории и, таким образом, обеспечить весь город дровами. Кстати, из-за того, что Ерзнка был лишен сколь-либо заметных лесов, дрова сюда завозились с мест, расположенных в 7–8 часах пути на вьючных животных и на телегах. Если бы ту воду использовали для орошения, то можно было бы средства, полученные от производства овощей, особенно сахарной свеклы, за 4–5 лет можно покрыть все денежные расходы и получить несметное богатство.

Еще одним способом для обогащения города могло быть стать использование рудников. Когда приняли Конституцию, и человеку была дарована свобода, армяне Ерзнка, у которых имелись денежные средства, с целью организации эксплуатации рудников по лицензии правительства установили, что там имеется медь, серебро, а также каменный уголь. Однако, поскольку у них не хватило денежных возможностей, они привлекли европейцев, обладающих необходимым капиталом. Уже хотели начать это дело, но тут настало время мобилизации...

Монастыри.

Монастыри Еризы перечислены ниже:

1. Монастырь Сепух или Святой Григорий Просветитель, окружен стеной, свой доход получал от граба, его имущество оценивается в пять тысяч османских золотых; в настоящее время разграблен и обращен в пепел. Расположен на западной стороне.

2. Монастырь Аваг, также окружен стеной, имеет множество комнат, известен особой архитектурой. Там имелся бесценный круглый камень, называемый Дегтап²⁸², размером с большую лошадиную подкову – рассказывали, что Св. Григорий Просветитель вешал его на шею; он распилен на две равные половины, причем вторая часть находится в Европе. В первой четверти прошлого века, прослышав о том, что вторая половина камня находится в еризаевом монастыре Св. Сепух Просветитель, туда прибыли европейские покупатели, желающие купить его за 15 000 (пятнадцать тысяч) османских золотых, но вернулись восвояси с пустыми руками. Также был разграблен и разрушен турецкой чернью.

3. Могила девяти святых в историческом селе Тортан²⁸³: все богатство было разграблено, сама могила разрушена.

4. Монастырь (Св. Шогакат) Шоха: имелась земля в 30 сомаров, внутреннее имущество и убранство. Разграблен и поврежден.

5. Монастырь Св. Акоп: обладал определенным доходом; разграблен и разрушен, стоят одни стены, выделяющиеся формой строения.

6. Монастырь Св. Киракос: расположен в одном часе пути к западу от города, он также разграблен и разрушен со всем своим богатством.

7. Монастырь Нерсес Айрапет: расположен в западной стороне города, имел несметное богатство и земли; имущество разграблено, строения разрушены, остались только окружающие стены, также известные своей формой строения.

8. Монастырь Страдалец Просветитель: имел земли около 50 пятидесяти сомаров и несметное богатство; в настоящее время разрушен и разграблен.

9. Монастырь Погос-Петрос: также богатый, владел землей; разграблен и полностью разрушен.

10. Св. Геворк: богатство разграблено, имущество разрушено.

11. Св. Никогос в селе Бтарич: разрушен, все имущество разграблено.

12. Монастырь Миавор Св. Карапет: находился на восточной стороне города, был богат и красив; богатство разграблено, строения разрушены.

Помимо этого есть еще мелкие алтари и места паломничества, разбросанные по всему городу, однако они опустели, их символы стерты варварским турецким сбродом. Во всех монастырях имелись древние книги, утварь, которым нет цены.

Строения в Ерзнка.

В Ерзнка было две тысячи пятьсот (2500) армянских домов только в самом городе, девяносто процентов которых разрушены. Также в городе было 2500 магазинов, из которых 1500 принадлежали армянам, большая часть превращена в руины. Имелись четыре школы на 250 учащихся; кроме того, было несколько других районных школ, каждая на 50–100 учащихся. Ныне все они разрушены.

Училище для девочек на 400 учащихся. В настоящее время оно целое и служит жилищем для беженцев.

Армянство Еризы было довольно образовано и воспитано.

В сферах торговли и ремесел [армяне] занимали ведущие места. С точки зрения ремесленничества – все было в руках армян (см. статистический раздел), среди ремесел обработка меди и хлопкопрядение занимали значительное место и пользовались большим спросом в окрестных уездах. Было много торговцев второго разряда, чье состояние оценивалось от 50 000 до 100 000 лир. В настоящее время все уничтожено.

Церкви.

Св. Спаситель – на южной стороне города. Разграблена и разрушена взрывчаткой. Св. Ншан – также разграблена, внутренние строения разрушены.

Св. Саргис пребывает в том же положении. Св. Троица также разграблена и разрушена со всеми строениями и имуществом. В городе имеются другие алтари и места для паломничества, и они в том же положении – разрушены и опустошены. Достоин упоминания большое и огороженное кладбище, которое ныне полностью вычищено от всего что там имелось – могильных камней, деревьев, украшений. Там остался высохший родник, будто в память об одном добродетельном человеке – Егии Торосяне. Этот единственный старик, спасшийся от резни, плачет по былой славе своего города. И все те, кто пройдут меж разрушенных армянских домов и кварталов, мимо тысяч опустевших и опустошенных магазинов и торговых лавок, под скорбными и заплесневелыми арками, тысячу раз позавидуют соленым и горьким слезам старика.

В Еризе было много хлопкопрядилен, на которых работало около 1500 человек. Кроме того, во всех армянонаселенных селах Еризы богатством каждого селянина был выращиваемый им виноград и сады, украшенные плодовыми деревьями.

Обстоятельства резни.

Как и везде, в Еризе прибегли к методичной и варварской резне с тем, чтобы полностью истребить армянский народ.

Сначала отправили за решетку видных личностей и молодежь; их, под предлогом требования оружия, подвергли неопишным пыткам и после длительных истязаний убили. В то же время многих других крепких мужчин, как уплативших выкуп, так и не уплативших такового, под предлогом строительства дорог, высылали, группу за группой, в направлении Мамахатуна. Однако оттуда никто не вернулся.

Общая депортация Еризы была совершена 28 мая 1915 года. В двух часах пути от города, на мосту реки Дурин чай всех – мужчин, женщин, стар и млад, – безжалостно перерезали и перебили.

Эпизоды резни.

Мучительная смерть турка-детоубийцы.

Рассказывают, что пожилой турок, еще не утолившись армянской кровью, желая осквернить оставшихся там женщин всех возрастов, подошел к их каравану, сидящему возле дороги. Матери прижимали к груди и держали на руках пятилетних детей. Турок оттащил детей, плачущих навзрыд и, разрывая на две части, бросал в воды Евфрата.

Проходивший мимо другой, несомненно, не такой безжалостный, подошел к первому, сказав: «Брат мой, так не пойдет, его жалко, жалко», а тот, пригрозив, [ответил:] «Отстань, ты что не слышал, что сказал Ходжа эфенди в мечети; он говорил, нужно искоренить армян до единого, потому что они наших жен и детей там и сям, так и сям осквернили и перебили». И, рачления детей на две части, турок бросал их, окровавленных, в воду.

Спустя несколько дней турок-детоубийца тяжело заболел. Говоривший с ним турок-сосед пошел к нему посмотреть, как он, увидел, что тот, лежа постели, поворачивается туда-сюда, каждую секунду выкрикивая: «Уберите этих детей с моего рта, они ведь мне дышать не дают!» Посетивший его соплеменник подошел к нему, восклицая: «Мир сей не достанется творящему [злу], ибо то, что сотворишь, то и найдешь». И правда, тот детоубийца промучился в такой агонии еще 4–5 дней и умер, и мир сей ему не достался.

Рассказ одного молодого армянина, спасшегося из могилы.

Я был коренным харбердцем, но когда меня призвали в армию, я попал в Ерзнка и работал там в кожевенной мастерской. В дни депортации мы видели жуткие вещи, но нам – армянским рабочим солдатам, было запрещено знать об этих варварствах. В один из этих ужасных дней нас, армян, отделили в одну сторону, вывели под строгим присмотром и стали перевозить из одного места в другое. В один из этих дней к нам присоединились беженцы и другие группы армян, и так нас стало 300 человек. Прошло два дня с тех пор как нас отстранили от работы, и однажды вечером, нас – около

300 человек – загнали в одно большое здание. После того как нам раздали хлеба, один офицер сказал: «Наш добрейший султан, для того чтобы его сыны – армяне не попали в когти врага (потому как армянин всегда был полезным элементом), решил их переместить подальше вглубь страны, так что помолитесь за султана и подготовьтесь, сегодня или завтра отправиться в путь». Около четырех часов ночи нас вывели, связанными, и под присмотром мы тронулись в путь, не ведая, куда идем. Пока мы шли, постепенно число людей, нас окружающих, увеличивалось. У некоторых из них в руках были кирки и лопаты. Чуть отошли от города, как нас остановили, развязали веревки и приказали раздеться. Мы подчинились. Нас построили, чтобы продолжить путь, но после приказа, с первых рядов неожиданно послышался залп ружейных выстрелов. Раненный в двух местах я упал на землю, нас стали резать кинжалами, и я почувствовал острую боль в затылке от удара кинжала. Но при всем этом я не потерял сознание, чувствовал теплую кровь, стекающую по моему телу. А они начали тащить трупы и сбрасывать в заранее вырытую глубокую яму. Как и других, меня тоже потащили и сбросили, а остальных – за мной. Я почувствовал тяжесть на ногах и груди. На мне лежали трупы, но к счастью мои глаза и рот остались на воздухе. Дышал с трудом, как-то сохраняя жизнь, но и эта надежда исчезла, когда на нас стали лопатами сыпать землю. Пока они были заняты этим, я тоже не остался без дела – кончиком пальца я извлекал землю из носа и рта, открывая путь воздуху. Конечно, если бы продолжили засыпать землей, мой труд был бы бесполезен для спасения жизни. Когда наши могильщики решили, что снятая с нас одежда и награбленные деньги не должны достаться никому другому, они ушли, чтобы все это спрятать, а затем вернуться и продолжить свое дело. Когда звуки их удаляющихся шагов стихли, я стал вылезать, помогая себе ногами. В конце концов, я сел и стал готовиться к бегству. В это время из ямы послышались голоса еще нескольких, которые просили помощь или пытались выбраться из-под трупов. Таким образом, помогая друг другу, мы – нас было пятеро – выбрались из ямы и бросились бежать. Когда стемнело, мы были в пшеничном поле; окровавленные, мы, укрывшись, лежали в полузабытьи. Не знаю, во сне ли, наяву ли, услышали голоса людей чуть поодаль от нас. Прислушались и поняли, что это турецкая семья, пришедшая в поле покосить траву и собрать пшеницу. Если бы они стали косить и в том месте, где прятались мы, то все было бы потеряно – бежать было невозможно; их было полно со всех сторон. Сидели тихо в ожидании, как распорядится судьба. К счастью, часы прошли, стало вечереть, и они, не дошедши до нашего убежища, разбрелись по домам. Воспользовавшись темнотой, по совету товарища мы отправились в одно из знакомых сел. Прошагав немного, я почувствовал, что силы меня оставили.

Мой товарищ, увидев тяжесть моей раны, разорвал свое белье на куски, обвязал раны и, поддерживая меня под руки, посоветовал идти. Так и шли, пока не добрались до ближайшего знакомого села, где, погостив в доме у одного из надежных знакомых, смогли немного подлечиться, а оттуда отправились в Дерсим, где пробыли до захвата русскими Еризы.

Армяне умирают, немцы развлекаются.

Один грек – коренной житель Еризы, рассказывает, что когда связанных арестантов ряд за рядом вывели из тюрьмы, чтобы депортировать, среди них были и пожилые люди и молодежь. Все они были родовитые и привыкшие к хорошей жизни люди, но теперь поникшие от побоев, бичевания, истязания с гвоздями, крестами, железом, огнем и щипцами, и прочих мучений, исхудавшие, беззубые, грязные, в окровавленной и изорванной одежде. Они стали полностью неузнаваемы. И когда, увидев все это даже самые жестокосердные чувствовали щемление своих сердец, немецкие офицеры, с большим воодушевлением расставляя фотоприборы, казалось получали удовольствие от фотографирования упомянутых мучеников.

Гордость одного турка.

До взятия Еризы русскими турки разных сословий и разного возраста, сидя в кофейне, рассказывали друг другу о своих варварствах в отношении армян и, в частности, армянок – как женщин и девушек разных возрастов оскверняли и насиловали: матерей перед их детьми и мужьями, детей перед их матерями и отцами; как родителей убивали на глазах детей и детей на глазах родителей. И один, гордясь собой, поведал о том, что сделал что-то беспримерное, ни на что не похожее: «Отнял у матерей пять детей трех-четырёх лет и расставил их возле холма на одной линии друг за другом, и пока они, не зная, что их ждет, махая руками, искали своих рыдающих и кричащих матерей, а слезы их как из родника текли по красным щекам, я, стоя чуть поодаль, выстрелил из ружья и одним выстрелом убил [всех], и они как птички, застигнутые врасплох, вздрагивая упали друг за другом с холма, под душераздирающие крики и причитания их матерей».

Матери-детоубийцы.

Один молодой парень из Баберда рассказал, что еле избежал смерти во время резни. Днями странствовал от одного места к другому, с одной горы на другую, сам не зная, куда идти и как спастись, и однажды нашел приют в горах Дерсима. Так вот, встретил он по пути совсем юных, исхудавших до костей юных армянок-матерей, сидевших под камнем, возвышающимся над дорогой возле незнакомой им безлюдной, покрытой леском горы.

Их положение было печальным. Волосы всклокочены, лица бледные, глаза провалившиеся, одежда разорвана, руки сжаты на груди. Они молча сидели и плакали, покачиваясь, когда я их заметил и сел рядом с ними, сам изрядно уставший и павший духом.

У них не было сил и какого-либо настроения на разговоры, но все же одна из них, сделав усилие, спросила, этой ли дорогой я шел? Я ответил утвердительно. «А ничего на дороге не встретили?» – спросила она. Ответил, что ничего, но в одном месте заметил 4–5-летнего ребенка, положенного под камень, уже хрипевшего в агонии, и сейчас он, наверное, уже умер там. Не успел я закончить, как две девушки, ударяя себя в грудь, рва на себе волосы, стали плакать, а одна из них сказала: «Чтоб мне ослепнуть, чтобы смерть меня взяла, чудный мой Гурген!» Она продолжила: «Как я была безжалостна, что оставила тебя беспомощного и удалилась. Может не умрет, мой милый. Почему я не умерла вместо тебя?» «Да, я была бессовестной матерью. Ах, моя малютка Забел, сердечко мое милое, лучше бы вместо тебя я сама бросилась в водный поток», – сказала вторая. «Будете проклинать нас, жаловаться, дети дорогие», – говорили обе матери, бия себя в грудь.

Я остался в растерянности и пожалел, что сказанное мной вызвало такие страдания и рыдания. В конце концов постепенно все стихло, устали они плакать и, казалось, забылись, а перед их глазами, устремленными в землю, пошли видения.

Из расспросов, на которые они с большим трудом давали ответы, я узнал, наконец, что когда их караван проходил мимо турецкого села, богатые и влиятельные турецкие беки неоднократно отделяли отсюда юных матерей для себя и своих спутников для утоления своей низменной страсти, а затем выгоняли на дорогу.

Уставшие и измученные, в незнакомой местности и на дорогах, без поводыря, стали они слоняться, ожидая неминуемых новых напастей. Питались травой, долгие дни оставаясь вообще без пищи. Прошла еще пара дней, как они двое – одна со своим больным Гургеном, а другая – с двухлетней голодной Забел – стали все больше отставать от остальных.

В конце концов, когда больной Гурген стал совсем плох и висел грузом на немощных руках отчаявшейся матери, а маленькая изголодавшаяся Забел царапала иссохшие груди своей матери, они – одна в невыносимой усталости, а другая – в порыве положить конец неизбывной боли и тоски, да и по настоянию своих спутников, а еще из страха, что окончательно отстанут, решили расстаться со своими детьми. Мать маленькой Забел, чтобы больше не мучить свою крошку голодом, бросила ее в воду, а мать Гургена, не имея надежды на то, что сын выздоровеет и будет жить, чтобы не убивать, оста-

вила его под камнем наедине с его судьбой; обе продолжили шагать, чтобы не отстать от остальных.

«Ах, всякий раз, когда я слышала голос моего Гургена, я оборачивалась, и всякий раз, сожалея, хотела вернуться и обнять его, но не смогла этого сделать, а потом и место, и голос пропали», – сказала мать Гургена, а другая молвила: «Чтоб иссохла я, моя малышка, чтоб иссохла, глаза мои не могла оторвать от воды. Ах, как ужасен был тот миг, даже не знала она, что означает жить! Сердечко мое, Забел, ах, если бы я была на твоём месте в тех водах, или вместе бы умерли. Что за безжалостная мать я!» И так, обе эти несчастные матери снова стали плакать и всхлипывать.

После того как они расстались со своими детьми, эти несчастные матери, охваченные горем вовсе ослабели и не смогли идти дальше; попросившись со своими подругами, они остановились здесь и сели под этим камнем в скорби и печали.

Хотя я и попытался их убедить, чтобы они встали и пошли вместе со мной, но это было невозможно для них. Плача, расстался я с ними, но они по-прежнему всплывают у меня в памяти, сидящими под тем самым камнем, и мне кажется, что душераздирающая картина с этими несчастными детоубийцами-матерями осталась там неизменной.

В чем состоит долг мусульманина в отношении армянской резни?

Житель села Аграк района Ерзнка Микаел Улянц, спасшийся во время резни, рассказывает, что будучи солдатом, находился на строительной службе: «Был я у тысяцкого слугой, когда камахский Сагр оглы Алиат бек, мутасарыф Еризы, его друг Джеза рейизи, глава балабанского аширата Кюло ана и другие должностные лица, посоветовавшись с ночи до зари, утром послали весть, чтобы группа четников немедленно прибыла и собралась у них, и в течение полудня это распоряжение было выполнено.

Вышеупомянутые чиновники и беки сидели вместе с четниками за столом на открытом воздухе, когда из их компании вышел священник (молла), приказал четников утихомириться, сам поднялся на стул и стал говорить следующее:

«Дети мои дорогие, эта война, что мы ведем, – война веры, и у каждого мусульманина есть долг, и он заключается в том, дорогие мои каграманы²⁸⁴, что мы не должны проявлять жалости и сочувствия в отношении армян. Приказ нашего любимого султана – истребить армян до последнего, и тот, кто исполнит этот приказ надлежащим образом, тот благословен будет и здесь, и в раю, а тот мусульманин, кто погибнет, станет бессмертной жертвой. Ну а те, кто долг сей не исполнят, будут прокляты здесь и вовеки, и ад будет их уделом. Итак, поглядим на вас, дети мои, убьем в себе всякую

жалость в отношении христиан и в особенности армян», — и спустился со своего места.

После него встал мутасарыф и, подтвердив слова ходжи²⁸⁵, потребовал, чтобы не забыли об отданных им приказах и осуществили бойню армян, не щадя ни стариков, ни детей. Собравшуюся группу охватило большое возбуждение, и, после того как каждый поклялся исполнить свой долг, они направились к себе.

В это время около 3000 рабочих солдат-армян бесплатно работали на дорогах. Согласно секретному распоряжению, после того как начались убийства по 40–50 человек в день, упомянутое число стало сокращаться, пока не осталось 125 человек. По рассказам одного местного грека, когда эти 125 человек кончили свою работу возле Шушара, их также убили всех до единого. Эта резня, начавшаяся 8 мая, продолжилась до 17 июля 1915 года²⁸⁶.

Находясь в селе Хндзорик, в гостях у главы балабанского аширата Кюло аги, мутасарыф и другие высокие чиновники предложили Кюло аге, чтобы он в ущелье Сансара взял на себя резню армян, собранных в Держане.

Кюло ага, дабы избежать ответственности в будущем, взял на себя обязательство устроить резню, но с условием, что получит от них подписанную бумагу. мутасарыф прочитал на сборе послание султана, в котором говорилось, что и туркам, и курдам дается право истребить армян, а имущество забрать себе. Сразу после этого Кюло ага послал к людям своего района и мухтарам²⁸⁷ человека и дал указание начать резню и грабеж армян. Мой знакомый джанбекский курд по доброте своей дал мне знать, что нужно уходить подальше от Сансарского ущелья, потому что там должна произойти резня армян, и я бежал в Держим.

Во время этой резни все время присутствовали немецкие чины, чьи имена и степени я, к сожалению, не знаю.

Услышав историю Микаела Улянца, я провел ночь в гостях в сугубо курдском селе Кыштым. Халил, сын Зейнала, одного родственника главы балабанского аширата Кюло ага, подошел ко мне и в ходе беседы, признав все зверства Кюло аги, подтвердил, что был сбор в сансарском ущелье во главе с мутасарыфом (управляющим) Мемдух бекком, а также речь моллы перед сотнями четников, которые безжалостно истребили армянский народ. Они признали и участие сына камахского Дахир паши Халед бека (член осм. парламента), как и то, что управляющий Мемдух бек был гостем в доме Кюло аги и зачитал послание [султана] о резне для уверенности последнего.

После этого разговора, когда остались одни, приютивший меня курд Давуд оглы Мехмет Али, сказал мне: «Каждый день я спускался в поле, чтоб работать на земле, а в мае и июне в Евфрате текла кровь, и был он

покрыт трупами. В нашем племени (кызылбаш²⁸⁸) были те, кто понимали, что то, что совершалось, было величайшее и непонятное преступление». «Мы смогли продержаться у себя только двадцать шесть малышей до того, как пришли русские, и сдали Армянским комитетам²⁸⁹». Потом он рассказал следующую трогательную историю:

«В день жатвы мы работали на берегу реки и заметили одного человека, который крутился в рубашке и штанах на маленьком островке, делящем реку на два рукава. Я испугался приблизиться. На второй день увидел его там же, и тоже ничего не смог сделать. На третий день увидел и догадался, что при всех своих мучениях и думах человек тот голоден. Взяв из сумки четыре куска хлеба, подошел к берегу и тихим голосом подзвал его, сказав, чтобы он забрал хлеб. Человек не подошел и не ответил. Я повторил свою просьбу, но тот оставил сказанное мной без внимания и остался непреклонен. Я предположил, что он боится приблизиться ко мне, опасаясь, что убью его, или, что хлеба мои отравлены. Также подумал, что он не хотел есть хлеб, окрашенный кровью своих близких, и что он сам себе желал голодной смерти». И продолжил Мехмет Али. «Я почувствовал себя неважно, оставил хлеб на камне и в последний раз крикнул, что, мол, ухажу, чтобы ты не боялся, приходи и забери хлеб, и удалился. На следующий день утром вернулся, нашел хлеб на том же месте, где оставил, и заметил того человека, распростертого в белье на песке островка. Он лежал неподвижно, мертвый. Очевидно, он предпочел такую смерть как нечто лучшее, чем жить на помощь мусульманина. Ушел я с того поля и больше туда не возвращался до прихода русских». Подобные истории о турецких зверствах поведал мне и коренной горожанин Ериза Егия ага Торосян, — шестидесятипятилетний старик, который находился в Ерзнка за два месяца до его взятия. Егия ага, рассказывая мне об убийстве епископа Смбата Саадетяна²⁹⁰, показал мне ту яму, которая была заранее вырыта в Армянском кладбище и стала могилой епископа. Могильных плит там найти невозможно — все вырыты и утащены турками, осталась нетронутой только окружающая стена. «Я оказался свидетелем ужасных дней, — сказал старик Егия, — я увидел своими глазами, как перебили дорогих басенцев, эрзерумцев, бабердцев, держанцев и жителей Ерзнка. Этакое зверства, что описать не могу».

Егию ага турки угрозами заставили работать на хлопкопрядильной фабрике, и он там оказался полезен для работавших на заводе 50–60 армянок, которых он малыми группами переправил в Держим.

Из Ерзнка и окружающих сел с населением в двадцать пять тысяч человек спаслись только 402 человека (см. статистическую таблицу), а число армян, ныне находящихся в Ерзнка и районе тысяча четыреста пятьдесят

[душ], состоящих из чмшкацагцев, камахцев, армтанцев и малого числа харбердцев и кегийцев.

Армяне и в наши дни превосходят турок в торговле. Как следует действовать нашим высшим национальным органам и что они должны придумать, чтобы развить торговлю, дать новую жизнь ремеслам, не погубить красивые сельские сады и какую позицию должны занять около 4000 (четыре тысячи) выходцев из Ерзнка, скитающихся на чужбине в различных странах, чтобы оживить одну из красивейших и плодородных долин Армении, которая принадлежит армянству, как то подтверждают многочисленные исторические факты?

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 488, лл. 1–20, подлинник, рукопись.

ХАРБЕРДСКИЙ САНДЖАК

№ 123

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО МИСАКА БАБАДЖАНИЯ О ДЕПОРТАЦИИ И РЕЗНЕ АРМЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ХАРБЕРДСКОГО САНДЖАКА

Харберд.

Недостает частных сведений о населении армянских сел...

Военный призыв. В августе 1914 года через глашатаев было объявлено: «Кто любит султана, пусть придет на его армию». Сначала армяне шли добровольно, были и те, кто не подчинился, в их отношении правительство применило самые строгие меры. Несколько поймали и прилюдно расстреляли прямо в городе. В селах призыв осуществлялся посредством жандармов. Несколько месяцев спустя, по причине невыносимой ситуации в армии, холода, голода, наготы и всякого рода строгостей, [люди] стали бежать из армии, часто группами и с оружием. Власти, не способные поймать беглецов, заключали под стражу их братьев, отцов, матерей, жен и других близких родственников и мучили арестованных. В селах в целях устрашения сожгли дома нескольких беглецов, а имущество конфисковали. Под воздействием принимаемых мер, многие сдавались. Таковых заковывали в цепи, отправляли в сторону Эрзерума, где те пропадали. Жандармы ходили по селам, забирали в город матерей, сестер, отцов этих беглецов, и так вынуждали тех к сдаче...

Насильственные конфискации.

У городских торговцев забирали самое необходимое без всякой денежной компенсации, взамен вручая лишь вексели, а в селах забирали рогатый скот, овец, пшеницу, масло, вьючных животных и тому подобное.

Во время военного призыва как с турок, так и с армян брали бедел – 60 золотых, однако с февраля 1915-го от армян бедел больше не принимали. Поначалу мемурув²⁹¹ не брали в армию, однако в дальнейшем требовали всех 20–50-летних мужчин без исключения. Большую часть армян-военных заставляли работать на дорогах, а стариков и женщин в селах – перевозить провиант, если у них имелся скот, то – вьючными животными, а если такового не было, то они были обязаны таскать провиант на своей спине, преодолевая многодневный путь.

Положение солдат-армян в армии.

Практиковалось строгое отношение к армянам, умышленная дискриминация, особенно в сравнении с другими народами. Они испытывали значительный недостаток в питании и одежде, унижения и лишения...

Начиная с февраля 1915 г., отношение турок к армянам сразу изменилось... От армян-чиновников стали отворачиваться, а прежние притеснения стали ужесточаться.

В начале марта те турки, которые имели денежные счета с армянами, стали самым строгим образом с них требовать. На прошения армян об отсрочке, отвечали: «А вы уверены в том, что к тому времени останетесь живы?»...

Вскоре стало известно, что в феврале в Диарбекире у армян собрали оружие. Не прошло и нескольких дней, как и у нас 10 марта также потребовали сдать наше оружие. Для вида собрали оружие и у турок, но как нас стало известно, его тайно вернули хозяевам.

Сбор оружие был неким признаком их намерения. Курды загодя нас предупредили о целях властей, но мы не поверили. Когда стали в марте собирать оружие, были и такие, кто оказал сопротивление, например, арабкирцы, которые убили 15 жандармов. Еще шестеро армян за то, что не сдали оружие, были пойманы и повешены.

Но и те, кто имели и сдавали оружие, не избегали расправы. Их мучили самым жутким образом в тюрьмах, обливали водой, избивали, обжигали тела шомполами, вырывали ногти и пытали до смерти.

Резня и депортация.

Ночью 20 марта, власти неожиданно собрали самых видных армян – около 80 человек. Их под разными предложениями вывели из города и погнали в сторону Едессии. Так продолжалось до окончания апреля-мая, пока не сообрали все мужское население и направили закованными в цепи в сторону Едессии. Однако, по дороге туда в покрытом пшатом ущелье под названием

Бугшарсз Дереси они были расстреляны – 12000 молодых людей. Все было устроено заранее. В ущелье спрятались курды шефки, и когда [арестованные] остановились отдохнуть и поесть хлеба, на них обрушился град пуль, который стал их косить.

Молодой хулагехский парень Гаспар, бывший там, рассказал об этой бойне: «Когда открыл глаза, увидел, что кровь течет рекой. После первого залпа глашатай прокричал: «Кто остался жив, пусть поднимается, правительство их простило». Из-под трупов поднялось несколько человек, поверивших обещанию, но их сразу же сразили выстрелами с разных сторон. Курды шефки пошли по трупам с топорами, стали ими рубить раненых и полумертвых. У многих тела были растерзаны на части».

Примечание. Ночью 20 апреля неожиданно окружили дома и, собрав мужчин, вывели их из города.

Оставшихся стариков и детей также погнали из города в сторону горы Ароглы, (в восьми часах пути от Харберда), там окружили и перебили всех саблями и ружьями. Еще по дороге, в пути, в результате побоев и всяких зверств, погибли 120 человек. Руководителями были два сотника и еще один, которого звали Мустафа Чауш. Все, что произошло, было по приказу властей совершено руками военных.

Женщин и детей погнали в сторону Тигранакерта, довели до озера Келджук. Здесь убили многих, а потом сбросили в озеро. По словам рассказчика, число убитых было не меньше 30 000 человек. По пути детей били об землю, протыкали саблями и, таким образом умерщвляли, мучая.

Свидетели всего этого – европейцы и греки – проявляли исключительную нейтральность. Турецкий народ участвовал в замысле правительства, и только курды Дерсима защищали армян.

Примечание. Последние и до этого дружески относились к армянам, а немецкие военные, а также врачи, к армянам относились очень строго, и их отношение не особенно отличалось от отношения со стороны турок.

Самооборона.

В Харберде, кроме трех сел – Хусенек (12 000 жителей), Хулнагех (700 домов), Датем (400 домов) – нигде сопротивления оказано не было.

1. Сопротивление Хусенека. В конце апреля в городок вошло довольно большое количество жандармов и военных с намерением депортировать население. Однако армяне оказали сопротивление и убили жандармов и солдат. Сопротивление продолжалось три дня и три ночи. У сопротивляющихся было очень мало оружия, многие воевали маленькими пистолетами. Всего их было около 60 человек. Однако сопротивление было подавлено войском, прибывшим из Малатии. Сопротивлявшихся арестовали, а народ депортировали, погнав к озеру Гелчик, где всех перебили и сбросили в озеро.

2. Сопротивление Хулагеха. [Здесь] 20–30 молодых селян оказали сопротивление солдатам, прибывшим туда для депортации населения. Сопротивлявшиеся были довольно хорошо вооружены, однако они продержались только один день. Из Мезире прибыло войско, которое подавило сопротивление, арестовало его участников, а народ депортировали, погнав в сторону Малатии. По пути в местечке Хан Гел их загнали в дома, продержали 4 дня без пищи и воды. В результате пыток и мучений многие погибли. Затем людей вывели из домов и сбросили в реку Евфрат или Кара-Су.

Сопротивление Датема. Около 20 молодых парней поднялись в гору. Когда к селу подошли жандармы депортировать народ, находящиеся в горах заняли позиции и оказали сопротивление, не пустив жандармов в село. Шесть дней они сопротивлялись. Из Мезире прибыли регулярные части, которые подавили сопротивление, народ погнали из села в сторону Хангела, и, как и в предыдущем случае, всех перебили. Часть парней, оказавших сопротивление, убив нескольких жандармов, бежали в сторону Дерсима, где нашли приют у местных курдов.

Примечание. С начала апреля 1915-го тем или иным способом все армянское население Харберда было депортировано. Часть народа разными путями спаслась и сейчас находится в Дерсима: только из Харберда – около 3000 человек, а из Себастии и Диарбекира – около 2000 человек.

Относительно Себастии известно, что под предлогом переселения народа Себастии в сторону, Киликии, всех депортировали. Когда людей пригнали к Агджа-Дагу, местные курды их перебили.

Только 300 молодым парням из Шапин-Карахисара удалось подняться в горы, где они сопротивлялись почти три месяца, но чем все закончилось, осталось неизвестным...

Обычно депортация и резня осуществлялись следующим образом:

Город-село Хозат – 500 домов. Высылка произведена в начале марта. При этом позволили армянам продать свое имущество. Под предлогом переселения в Едесию, [народ] вывели из села и погнали к берегу Евфрата возле села Бердак. Там стали стрелять и сбрасывать трупы в воду. Несколько молодых парней в отчаянии набросились на жандармов и, обхватив их руками, увлекли с собой в реку, и там утонули.

Чимишкацаг – около 500 домов. В начале апреля, оставив мужчин в селе, стали выселять женщин и детей и направлять их в сторону Сирии. Немного спустя вывели и мужчин, которых повели убивать. Многим удалось бежать и скрыться в селах Идаран, Схнаи, Амутхан, Тезавут, где они нашли приют и защиту. Как нам кажется, они до сих пор там и находятся...

Примечание. Были курды, которые прятали у себя армян. Так, курд Махмет ага из хатабашиевского аширата держит у себя около 500 молодых

людей и 700–800 женщин и детей. Хаджи ага пилванского аширата также держит у себя около 500 человек. Власти несколько раз требовали их выдать, но он отказался, 20 дней он дрался, сжег около 15 турецких сел. Предположительно, скрывающиеся армяне до сих пор находятся там...

У курда Матхуци паша укрылось 6–7 сотен армян, власти требуют их выдать, но он, сопротивляясь, разрушил около 50 турецких сел Чарсанджака²⁹², но армян не сдал. Армяне и сейчас находятся у него...

Козанские Зейнал и Слейман аги держат у себя около 400 армян. Власти требуют выдачи, но те отказывают. Когда жандармы хотели вынудить их выселить армян, они оказали сопротивление, Слейман и его сын были убиты. У курда Мзе ага было около 50 армян.

Об армянах Бердака. Депортировав около 70 домов в апреле, людей отогнали на расстояние одного часа от села, закололи саблями и сбросили в реку.

Об армянах Бедрака. 250 домов. Турецкие беки вынуждали, чтобы армяне отуречились. Убеждали около недели и не позволяли, чтобы власти их истребили. Армяне, найдя время, обратились к куршанскому курду Али чаушу. Тот прибыл, напал на турецких беков, освободил часть армян и увел с собой. Оставшуюся часть турецкие беки согнали к берегу Евфрата, где убили [сельчан] и сбросили в воду.

Мазкерт. 300 домов. Депортировали, армян собрали в поле и, подвергнув различным пыткам и мучениям, всех убили.

Об армянах Хавафа. Их было более 500 домов. Самоорганизовавшись заранее, [армяне] смогли оказать своевременное сопротивление, которое продлилось 20 дней. Когда закончились боеприпасы, они были вынуждены прекратить борьбу и бежали к курдам. Молодым людям удалось спастись, но женщины и немощные остались и были перебиты.

Когда сотник с 50 солдатами прибыл собирать оружие, армяне оказали им сопротивление и не позволили войти в село. Турки были вынуждены отступить. Немного погодя они вернулись, на этот раз с намерением изгнать население, и вновь встретили сопротивление. Сопротивляющимися были местные молодые парни, среди которых – известный дашнакцакан берский Антон со своей группой, которая была вооружена старомодельным оружием и турецким маузером.

Рассказчик о себе. Когда в городе началась депортация, мы чуть позже услышали, что [армян] перебили. Власти объявили, что это курды устроили резню по дороге, и что правительство должно их наказать. Я, вместе с 15 другими армянами, с помощью одного курда выбрался из города, и мы спрятались в лесу. Армяне среди курдов жили свободно (курды Дерсима по вере отличались от остальных курдов). Для того, чтобы не отличаться, мы

оделись как они. Когда резня в Харберде завершилась, и когда был захвачен Эрзерум, курды стали нападать на турецкие села, грабить, а найденных армян держать у себя, пока не был взят Ерзнка. Тогда нас с несколькими другим армянами курды отвели и сдали русским.

Рассказчик – Мисак Бабаджанян.

Наборщик – Сурен Мирзоян.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 478, лл. 31–35 об., подлинник, рукопись.

№ 124

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО АРСЕНА ХАЧИКЯНА О ДЕПОРТАЦИИ И РЕЗНЕ АРМЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ХАРБЕРДА

28 ноября 1916 г.

Карин.

Методичная резня в Харберде.

Это было спланировано. Да, спланированная годами раньше политика истребления армян была методичным образом осуществлена в Харберде, как и во всех губерниях Армении с присущей монголам невообразимой жестокостью, злостью и зверством. Ниже представлены те способы, которые были применены в Харберде, чтобы полностью истребить невинных армян, отнять их имущество и честь, жизнь и счастье, веру и язык...

Первым шагом явилось разрушение и порча образовательных учреждений: были закрыты все школы, как, например, американский колледж «Евфрат», для девочек и мальчиков. Колледжи, школы – все были закрыты по приказу правительства под ложным и беспочвенным предлогом, что там якобы «эпидемические заболевания». Учащиеся были разогнаны, а здания преобразованы в больницы и казармы. Школы были закрыты 28 марта 1915 года. Руководство школ, американские миссии направили обращения, но безрезультатно, никто их не слушал...

В апреле был введен порядок обыска домов, людей забирали как партийных. Начали искать литературу, попутно арестовывая известных личностей, однако в тот период никого не избивали и не пытали, это были просто аресты. 1 мая стали арестовывать профессоров колледжа «Евфрат», людей, относящихся к сфере образования, богатых людей и известных писателей, церковных наставников и священников, которые были намечены

заранее. 10 мая начались избиения и пытки. Сначала били, потом избитых подковывали, давили головы, помещая их посередине машины-давилки. Последний способ самым жестоким образом был применен в отношении профессоров колледжа «Евфрат» и других известных интеллигентов. Не забыть сказать, что у некоторых щипцами выдергивали ногти и пальцы, а руки обливали азотной кислотой и поджигали, тем самым преумножая страдания.

В период этих гонений народ впал в крайнюю степень отчаяния, а безжалостное правительство начало по истине маккиавелиевскую игру: «У нас есть программа, согласно которой непартийных должны отпускать, а партийных слегка наказывать, чтобы народ не возмущать». Вали позвал армянского предводителя Псака Ц. Вардапетяна, немецкого миссионера шовена²⁹³ – мистера Эхмана, пастыря армян-евангелистов²⁹⁴ Выс[окочитимого] Вардана Амирханяна и сообщил им всем содержание двух телеграмм приказным и властным тоном: «Если народ желает побыстрее увидеть непартийных отпущенными из тюрьмы, то должен собрать все имеющееся у него оружие и боеприпасы и сдать нам. После этого вероятно, что всех и освободим». Говоря «всех», он намекнул, что имеет в виду и партийных.

Духовные предводители вместе с немецким миссионером поверили ласковой и вежливой речи, присущей этому турку, выказавшему им свое уважение, и стали с воодушевлением призывать: «Сдайте оружие правительству, а если нет, наши в тюрьме останутся». Немецкому миссионеру, который изначально произвел хорошее впечатление на народ, вместе с вардапетом удалось проповедями в церквях убедить несчастный народ в том, что «спасение наших томящихся в тюрьме братьев состоит в сдаче оружия». Итак, собирая народ, и молвя убедительные речи, они внушили веру в то, что «благоразумие заключается в сдаче оружия». Предводитель протестантов, убежденный в том же, последовал примеру остальных, и также стал проповедовать доверие обещаниям правительства...

В этих обстоятельствах хитрому правительству удалось посеять вражду и взаимное недовольство между партийными и непартийными, которые стали подозревать друг друга, обмениваться взаимными обвинениями, а затем последовали досадные события...

Итогом проповедей стала сдача оружия... Бедный наивный протестантский предводитель был так уверен в словах турецкого вельможи, что стал посылать людей и письма в села, убеждая, чтобы [сельчане], не медля сдали оружие. Наивный народ сразу подчинился. Я, нижеподписавшийся, по воле службы, находился в селе Кармир, когда вардапет Псак направил мне письмо с тем же содержанием, на которое я ответил отрицательным образом. Я в этот день же бежал, и никто не знал, где нахожусь, кроме человека, носив-

шего мне еду. Все эти действия, а лучше сказать, игры, произошли 10 июня, и к тому времени, ситуация изменилась.

Как только оружие было сдано, находящихся в тюрьме сразу отправили в ссылку. Их было человек 1500–1600, а город и округ подвергли ужасающей осаде. В харбердской Мезире, что в полчаса или трех четвертях часа пути, движение остановили, всех мужчин, кого замечали где-либо в округе, арестовывали и избивали, сдирали головы, церковникам выщипывали усы, бороды...

Дальнейшую жестокость просто невозможно описать... Мы услышали, что арестованных ночью погнали... (насколько верен турок своему обещанию!). Вардапет Псак отнес заявление, а по возвращении был взят под стражу. После того, как его там продержали без пищи и воды пятнадцать дней, он был отправлен в ссылку вместе с другими девятьюстами обессиленными интеллигентами. Людей выискивали, как по внешнему виду, так и по имени, по разнарядке правительства. Видите, какая хитрость!

Пока мужчин продолжали арестовывать со всей строгостью, жители окружающих сел были полностью перебиты. Обращения женщин к немецкому миссионеру – «Окровавленную одежду наших мужей нарочно приносят и бросают к дверям» – не вызывали сочувствия мистера Эхмана. Его ответ: «Не верю вашим словам, правительство нас заверило, что будет ссылка, а не резня»... Вот логика глупца. Можно ли столько раз обманываться?

15 июня началась всеобщая депортация. В тюрьмах люди давали большой выкуп за то, чтобы их выпускали, дабы отправиться в ссылку вместе с семьями. Квартал за кварталом стали пустеть, людей гнали к горам, возвышающимся над двумя дорогами по линии Диарбекира и Малатии, дабы те поглотили [несчастных]. Пусть теперь американский консул мистер Дейвис и американские миссионерки засвидетельствуют то, что видели своими глазами, поведают истории, рассказанные им теми, кто бежал оттуда, пусть поведают всему миру, что сами видели, всю правду, как безвинный народ караван за караваном, группу за группой гнали к берегам озера Кеолчек и посреди гор всего в полутора часах пути, резали, убивали, грабили, на дороге Малатии, в местечке под названием Чоли джур. Как в реку Евфрат сбрасывали трупы, как чистая вода реки обагрилась кровью страданий, как курды отнимали имущество армян и как похищали армянок-девственниц. Оставлю здесь свое перо тем, кто сможет дополнить пока не написанное...

Очевидцы этого путешествия, спасшиеся и выжившие, благодаря Дерсиму, рассказали мне, как злосердечные жандармы и офицеры, сопровождавшие ссыльных, изо дня в день обращались к народу с новым обманом: «Пришла телеграмма, что оставшихся должны в безопасности довести до Урфы», – говорили они убедительно, но продолжали гнать людей, с каждым

днем сокращая их число... При этом насиловали перед мужьями жен, домогались дочерей перед отцами... Слушайте, матери своими собственными руками отрезали волосы своих дочерей, обмазывали лица навозом, чтобы обезобразить. Армянские женщины и девушки бросались в воду, чтобы их насильно не принуждали к сожительству. 5000–6000 армянских девушек, отличавшихся особой красотой, принудили стать женами турецких офицеров, ходжа²⁹⁵ и жандармов. В районе Харберда и Диарбекира около 3000 мальчиков 8–10–12-летнего возраста находятся в домах курдов и турок, те увидели детей на дорогах, пожалели и взяли к себе. Сейчас они уже забыли родной язык...

Ссылка превратилась в похоронную процессию – с первых же дней миссионеры и умные люди догадались об этом, но спастись или бежать было невозможно, вокруг было полно охранников... В городах осталось какое-то число девочек: они отуречены, взяты в жены; часть их приспособилась, часть пострадала... В августе стали разрушать церкви и кладбища окружающих сел; сегодня в Харберде, перед глазами американских миссионеров, стоят только церковь Св. Геворка и армянская евангелистская церковь. В Мезире, к чести немецких миссионеров, остаются две церкви. Все они превращены в больницы. То ли для своих нужд не тронули, то ли для обмена иностранцев ...

Семнадцать месяцев я прожил скрытно в Харберде и округе, семь месяцев проработал в американской больнице в качестве санитаря. 18 ноября в разговоре с румельцем старшим лейтенантом Мехметом Али и свазцем Мехметом [услышал]: «Бедный Арсен, ваша нация должна была быть истреблена еще во время Болгарской войны, но у нас не получилось, потом при Конституции чуть не хватило, чтобы получилось, мы побоялись Англии с Россией и Францией, а теперь все трое – наши враги, а такое могущественное государство как Германия на нашей стороне, и она позволила нам свободно вершить наши внутренние дела. Так что же нам помешает уничтожить такой дурной и непокорный народ, как ваш: Нубар паша хотел независимости, пусть придет и возьмет ее... Арсен, если бы вы были умной нацией, вы должны были понять, что после того, как капитуляции были аннулированы, вас будут уничтожать...».

Глядите, как давно была спланирована эта методичная резня!

Выпускник богословского училища при харбердском колледже «Евфрат»
Арсен Хачикян.

Карин.

1916 г., 28 ноября.

НАА, ф. 57, оп. 5, д. 125, лл. 13–15 и обор., подлинник, рукопись.

№ 125

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО МИГРАНА ГАРИБДЖАНИЯНА О ДЕПОРТАЦИИ И РЕЗНЕ АРМЯН В ГОРОДЕ ХАРБЕРД

[1916 г.]
Тифлис.

Мигран Закарян Гарбиджаниян, 27 лет, из Вана, учащийся колледжа «Евфрат»²⁹⁶ и богословской семинарии в Харберде. Сейчас проживает в Тифлисе, ул. Патаникян № 37, учительствует в школе беженцев.

Я учился в колледже Харберда, когда был объявлен военный призыв. В связи с этим власти расклеили красные объявления на стенах города и в селах. Однако, поскольку курды не понимали государственного языка²⁹⁷, как и смысла объявления, правительственные чиновники в целях привлечения их на свою сторону, объявили, чтобы они собирались для погромов и грабежей армян. И вот курды в большом количестве хлынули в город и стали записываться в армию. Это продолжалось почти целый месяц, и из-за этого запасы города стали сокращаться, да и хлеба было трудно достать. Курды заповолили армейские казармы и улицы настолько, что стали распространяться болезни и повысилась смертность.

Однако, когда курды узнали, что их собрали для иных целей, они стали тайно бежать.

Армянский народ откликнулся на мобилизацию, и мужчины в возрасте от 20 до 40 лет записались в армию. Я не помню какого-либо случая, когда бы молодой армянин избегал вступления в армию, кроме, конечно, случаев, допускаемых законами государства (напр. выплата беделя (выкупа за воинскую службу)). Как известно, армяне и турки в Харберде живут в отдельных кварталах. После мобилизации правительство начало собирать у торговцев армян большое количество товаров с обещанием оплатить в будущем. Давали некую бумагу армянам-торговцам и при этом забирали у них бесчисленное количество товаров. Многие армянские торговцы таким образом по этой причине были ограблены и обанкротились.

Такое положение продолжалось до объявления войны, когда солдат-армян вместе с турками стали группами посылались в Эрзерумском направлении.

Можно предположить, что число армян Харберда, призванных в армию, превышало 15 000 человек. Выпускников и учащихся старших курсов колледжа «Евфрат»⁴⁸ забрали в военную школу, учить на офицеров.

⁴⁸ В колледже «Евфрат» учились только армяне.

После объявления войны армянское и турецкое население из мест, где должны были развернуться военные действия, в больших количествах стали бежать в сторону Харберда. А в это время армия стала отступать от Эрзерума. Среди беженцев оказались и солдаты-беглецы. 12 беглецов-солдат, курдов и армян из сел Корп и Базмашен губернии Харберд, повесили, а их дома сожгли для устрашения остальных.

Как очевидец могу засвидетельствовать, что когда проповедовал среди протестантов в селе Бердак, в дни Пасхи 1915-го турецкие жандармы вошли в то село и несколько дней бесчинствовали, ели, пили, грабили и многих женщин изнасиловали. Кроме того, они сожгли несколько домов, чему я был свидетелем.

После Пасхи 1915-го дома американских миссионеров и богатых армян стали заполняться солдатами. Сломал купол и крест французской церкви, ее опустошили и превратили в больницу. В условиях большого скопления солдат, в городе стали распространяться разные болезни, особенно такая как тиф.

Первым случаем гонений, получившим отклик в губерниях, было преследование гнчаков²⁹⁸ в Константинополе. В Харберде одного господина (имени не помню) поймали как гнчака по ложному обвинению – якобы нашли в его доме «важные» бумаги и документы. Его сослали непосредственно в Константинополь. Потом стали производить обыски под предлогом ареста гнчаков.

Эпидемия стала предлогом для закрытия правительством всех, как армянских, так и турецких школ (кроме «Султанйе») и размещения там солдат. Для того, чтобы рассеять молодежь и учащихся колледжа «Евфрат», его закрыли и там также разместили солдат. Преподавателей и учащихся призывного возраста распределили по рабочим группам и отправили на позиции.

Это произошло 15 марта 1915 г. Но мне удалось избежать этого благодаря моему пропуску, в котором было отмечено, что мне 17 лет. С апреля 1915 года в армии стали отделять армян и разоружать их. Многих из них вернули в Харберд – около 6000–7000 человек. Их определили для службы в тылу и образовали из них табурины (рабочие полки). В это время по городу прокатились обыски – сначала стали искать документы и книги, не имеющие печати цензуры, а их обладателей – ловить и заключать под стражу. Частичные обыски постепенно приобрели массовый и всеобщий характер. Профессоров-армян стали по одному бросать в тюрьму. Начали арестовывать армянских интеллигентов, сажать в тюрьму торговцев, священников и учителей, всех без исключения. Это явление приобрело систематический характер и приняло крайние формы. Из числа профессоров – Ник. Тенекед-

жяна, возглавлявшего протестантов, профессора Ов. Буджиганяна, профессора Тонапета Луледжяна, профессоров Нахикяна, Ворберяна, Самвеляна, Хачатуряна, Согякяна, а также учителей подготовительных классов, числом 8 человек, бросили в тюрьму. Так же поступили с известным армянским писателем Турции Тлгатынци вместе со всем преподавательским составом его школы. Священник Вардан Асланян и другие проповедники, общественные деятели и учителя были схвачены. Был арестован и известный деятель, дашнакцакан фармацевт Каро и его товарищи.

Профессор Луледжян (он сейчас на свободе) рассказывает, что в тюрьме арестованных армян истязали самым жутким образом – выдергивали ногти, сжимали прессом ноги и руки, толстыми прутьями пускали кровь из позвоночника, применялись и другие, всякого рода пытки. Избивая профессора Буджиганяна, кричали ему в лицо «Армянин должен жить?» (Эту фразу профессор произнес открыто в одной из своих речей). На это Буджиганян отвечал: «Армянин должен жить и воспрять из пепла и праха». Избиения, насилие и оставление без пищи в тюрьме были настолько ужасными, что известный торговец Мурадян там же и умер, его тайно отнесли на кладбище и похоронили.

Предводитель Харберда архимандрит Псак, посоветовавшись с немецким мистером Эхманом, разослал циркуляры армянам города и деревень, чтобы те сдали свое оружие правительству. Многие по этому призыву сдали свое легкое вооружение. Отправившись в село Хула, что восточнее города, мистер Эхман призывал селян сдавать оружие правительству ради своей безопасности и обещал взамен взять их под свое покровительство. Однако не прошло и двух недель с тех увещеваний, как курды и турки, окружив и ворвавшись в село, начали изгонять и грабить армян.

Потом правительство, [якобы], начало собирать в Мезире строительные полки, состоящие из солдат-армян, по пути подвергнув их ужасным пыткам. Выведя армян группами окольными путями из города и согнав в местечко Кармир Конах, они стали их убивать. Арестованных интеллигентов на частных подводах перевезли из Харберда в Мезире, оттуда их и вардапета Псака вместе с ними погнали в сторону Диарбекира и там перебили. Это произошло 4-го июня 1915 года.

Спасение профессора Луледжяна. Профессор Луледжян, будучи больным, не мог идти, и его, посадив на осла, отвезли в американскую больницу к врачу. В это время я был болен и лежал в той же палате, куда привезли профессора. После долгого лечения он выздоровел, но его кое-как оставили в больнице. Здесь он подробно описал адское положение в тюрьме, где они жили. В конце концов, профессор, подкупив за 45 османских золотых курдов из Дерсима, с их помощью бежал и оказался в Ерзнка.

В начале июля 1915-го власти объявили в Мезире, что армяне должны за четыре дня завершить все свои расчеты с турками и готовиться к отправке. Четыре дня спустя началась депортация. Во время депортации немецкий миссионер (также и консул) Эхман принял очень враждебную позицию в отношении армян. Турки советовались с ним относительно своих шагов. Обращающихся к нему и порицающих его армян он откровенно отвергал и прогонял. Работали только американские миссионеры, но их усилия были напрасными, потому что правительство их не слушало.

За день до депортации власти стали отделять ремесленников: от каждого ремесла по два, самое большее – три, человека оставляли для обслуживания нужд правительства и отуречивали их. Депортацию проводили постепенно, по 40–50 домов, чтобы было легче грабить.

Нужно упомянуть, что за неделю до депортации Харберда изгнанных из Эрзерума и Ерзка людей, исключительно женщин, привели в Харберд и посадили под стенами, держа впроголодь. Их, связанных цепями, совершенно голодных и нагих, окружили солдатами, которые строго запрещали местному народу подходить к ним и расспрашивать. Впоследствии этих людей погнали в сторону Диарбекира.

[Правительство] начало депортацию Харберда с зажиточного сословия и облегчило их переселение, предоставив повозки, лошадей, ишаков, и так далее. Им запретили продавать свое имущество и хозяйства, но то, что они могли забрать – забирали с собой. Оставшееся на виду [имущество] подвергалось разграблению со стороны турок. Могу упомянуть, что известные фабриканты, торговцы шелковых изделий, не сумевшие взять с собой свое имущество, вынуждены были его оставить, и глава города сразу же переселился в их дом и присвоил его.

После того как депортированный народ доводили до Малатии и других мест, сразу начинали грабить, отделяли мужчин, оставляли женщин и детей младше восьми лет. Отличавшуюся красотой дочь профессора Ворберяна также отделили, а известный главарь иттихадовских всадников Мехмет Али бек выбрал ее и забрал к себе. Этот случай произошел на дороге. Сначала турок предложил профессору, чтобы он отыдал дочку ему, но тот не подчинился. Тогда он насильно отобрал дочь и взял в жены. Сам Мехмед Али бек впоследствии заболел, и его привезли в американскую больницу, где я сам, подлечившись, работал, ухаживая за больными.

Этот турок рассказывал, как он со своими восемью конными жандармами объезжал села и грабил, разоружал селян, брал солидную мзду и проедал. Турок рассказывал о своих подвигах в отношении депортированного армянского народа: «Пока война продолжается, твоих армян всегда будут бить и истреблять».

Из Мезире было четыре депортации. За эти четыре раза Мезире полностью опустошили. Харберд опустошили за три раза. Стариков и старух, больных и немощных – всех без исключения выселили.

После того как депортировали армянское население Мезире и Харберда, армянство уезды подвергли полному уничтожению. Бойня осуществлялась очень жестоко: убивали саблями, мечами, острым и тупым металлическим оружием.

Махсуд Бояджян их села Хапус рассказал мне, что он был среди депортируемых из Хапуса, когда турецкие жандармы напали на них и стали холодным оружием безжалостно убивать всех со звериной жестокостью. Он получил 35 ран, внутренности вывалились наружу, уши порезаны, один глаз выбит и рука изрезана. Когда всех перебили, стали рыть ямы и всех – мертвых и полумертвых сбрасывать в ямы и засыпать землей.

Махсуда также, приняв за мертвого, покрыли землей, но после ухода жандармов он выбрался оттуда, дополз до пшеничного поля и спрятался там, затем, скользя, как лягушка, добрался до Харберда и тайком проник в американскую больницу, где, подлечившись, стал столярничать. В конце концов бежал в Дерсим, спасся и сейчас живет в Ерзка.

Армянский народ стал понимать, что под депортацией скрыта резня. Люди стали прятаться, многие бежали в горы, несколько сел были отуречены (часть жителей), к примеру, несколько семей в селе Гайлу, чтобы спастись от истребления, приняли веру турок. Село Усейник, что расположено вблизи от города, предложило правительству, отуречиться всем селом, но правительство отказало, объяснив это тем, что в 96-м многие армяне отуречились, но впоследствии изменили. То село, подобно другим, также было депортировано и истреблено.

Во время депортации из Харберда 12-летний мальчик, его зовут Грант, вместе с родителями подвергся резне – родители были убиты, а он, получив ранение в грудь, выжил. Жандармы прошли дальше. Ночью ребенок выбрался на большую дорогу и встретил добросердечного турка, который, увидев его окровавленного, подобрал и отвел в американскую больницу. Он и сейчас находится в Харберде, в упомянутой больнице.

В августе 1915 года представители властей после депортации ворвались в американскую больницу и, не обращая внимания на протесты и жалобы доктора Эткинсона и плач его жены, забрали больных мужчин-армян, вывели их оттуда и на дороге убили. Однако [больничных] работников и санитаров – армян не тронули, сказав, что они будут нужны больнице.

Случай самообороны произошел только в армянском селе Мореник, находящемся в получасе пути от Мезире. Там 12 молодых селян спрятались в сельской церкви. Об этом стало известно, жандармы окружили церковь и

началась схватка. Двое жандармов были убиты, один ранен, и его принесли в американскую больницу. Несколько из молодых парней были убиты, а еще часть поймали, бросили в тюрьму, где и перебили. Село и церковь сожгли.

Из служащих в больнице трое, выпускники колледжа «Евфрат», бежали во время депортации, чтобы направиться в Муш (я был в то время еще болен), однако добравшись до села Хапус, встретились с жандармами. Завязалась схватка, в ней были убиты два жандарма, но в конце концов погибли и эти трое. Этим молодых людей звали Седрак Зулумян (один из учителей подготовительного класса), Погос Тер-Погосян, Айказун Исраелян (он из Ерзика).

На вторую ночь после того как в переполненную армянскими арестантами тюрьму забрали больных из американской больницы (а там находился известный дашнакский деятель Каро), правительство подожгло тюрьму, а оцепившие ее жандармы стали палить по ней из ружей. Сбежав из тюрьмы, благодаря подкупу, доктор Ншан (фамилия не упомянута) добрался до Эрзерума, где работает врачом.

Когда завершилась депортация города и сел, правительство издало манифест, что армяне-католики и протестанты – свободны. По этой причине, когда из других городов депортированных армян приводили в Харберд, американский миссионер и два протестантских священника ходили отбирать из их числа католиков и протестантов. Таким образом группа женщин (мужчин уже перебили) спаслась, и им дали весики²⁹⁹, чтобы их не могли преследовать турецкие жандармы. Несколько тысяч армянских женщин и детей спаслись и теперь находятся в Харберде.

Правительственно наделило полномочиями немецкого господина Эхмана, чтобы тот по своему усмотрению защищал и освобождал протестантов-армян.

В октябре 1915-го мы узнали, что в дни байрама главы шести вилайетов вызваны в Эрзерум на совещание, чтобы решить каким образом можно сосредоточить имущество, конфискованное у армян, в руках правительства, а также решить другие вопросы. Когда глава Мезире в конце октября вернулся к себе из Эрзерума, произошла крупная депортация: собрали все остатки жителей сел и городов и погнали в сторону Диарбекира.

В то время меня прятали в одном укромном месте в американской больнице. Несколько молодых армян были пойманы в больнице, однако по настоянию доктора Эткинсона их оставили как работников больницы.

Местные турки рассказывали, что должны были оставить в живых лишь 2 процента армян, и по этой причине правительство должно принять решение по окончательному истреблению армян.

В ноябре объявили, что правительство больше не депортирует и прощает армян, но мы в конце концов поняли, что это очередная игра, целью которой было выявление прячущихся и укрываемых армян, которые действительно скрывались в домах и колодцах. Однако они не вышли из своих убежищ.

В те месяцы большое количество рабочих солдат-армян пригнали в Мезире (я находился в его американской больнице). Их пригнали из района Эрзерума. Они рассказывали, как их мучили по дороге. Затем их повели в сторону Алеппо строить дороги, однако позднее мы узнали, что все они были перебиты. Из их числа два молодых парня – выпускники Эрзерумской американской школы, Мушег и Егише – убежали к господину Эхману, который их категорически отказался принять; потом они пришли к доктору Эткинсону, который их принял на работу как фельдшеров. Таким образом они спаслись и находятся в Эрзеруме. В ноябре (1915-го) доктор Эткинсон в поте лица работал в Мезире, держа у себя в больнице 100 армян – и больных, и здоровых. Однако в городе была эпидемия тифа, заразился и доктор Эткинсон, который проболев шесть дней, скончался. (На место доктора Эткинсона назначили доктора Микаэла, армянина по национальности). Американский консул в Мезире Дэвидсон вместе с доктором Эткинсоном по ночам ходили по горам и ущельям, где происходила резня армян, тайно исследовали трупы убитых и фотографировали их. Об этом мы узнали окольными путями.

Зима 1915-го прошла мирно. Армян в Мезире не было, многие турки ушли в солдаты. Жизнь подорожала кошмарным образом, торговля полностью замерла.

В марте 1916-го курды Дерсима (главным образом, пилванкские) восстали против турецкого правительства. Нужно сказать, что они укрыли у себя довольно много армян, и в их рядах воевали и армяне. Курды продвинулись из Дерсима в Хозат, намереваясь захватить его. Турки использовали против них пушки. В конце концов ашират Караб-Али во главе с Мехмед ага зашел в Хозат и освободил его. Правительство, убедившись, что будет трудно победить восставших с помощью оружия, заключило с ними мир. Правительственные войска, узнав, что курды Дерсима (кызылбаши) на суденышках перемещают армян через Евфрат в Дерсим, захватили эти суда и перевязали цепями. После этого дерсимцы стали перемещать армян на плотах, и освобождать. Такое отношение к армянам они оказывали только исходя из денежного интереса, имея в виду подкуп. Таким образом они достаточно обогатились.

В апреле правительство перебросило войска с Дарданелл на восточный фронт, поскольку ходили упорные слухи, что русские продвинулись очень далеко.

в Дерсиме. Она договорилась с ними об условиях нашего спасения. Нас было четверо, и, взяв по четыре лиры за каждого, курды согласились нас оттуда вывезти.

Сопровождающий нас курд, Исмаил, надел на нас курдскую одежду, за которую заплатил «Американский союз по опеке бедных». Ночью 15 июля (1916) мы тайно покинули город. На заре добрались до курдского села Шехис на берегу Евфрата. Днем скрывались в доме друзей сопровождавшего нас курда. В том же селе оказались еще 4 армянина, бежавших из харбердского села Хозат. На следующий день мы на плотках перебрались на другой берег Евфрата, где было сравнительно безопасно, и опять же ночью очень осторожно стали двигаться тайными горными тропами и ущельями. На утро дошли до Агзуника – родного села, в сопровождении нас курда. Там нас встретили два молодых человека – Бениамин и Самвел из села Усейник провинции Харберд. Они нас подбодрили и отвели в село. Пробыли в этом селе как курды до окончания августа. В том селе была полуразрушенная церквушка, где мы и жили. В селе было около 250 армян, и курды дали ему название Бариз. Курды обманывали власти, утверждая, что армян в селе не осталось. Если бы пришли жандармы, то курды нас бы спрятали в укромном месте, а им сказали, что всех армян перебили.

Через 15 дней после нашего прихода в село, стала слышна артиллерийская канонада, но мы не смогли точно определить, где идут бои. Ходили упорные слухи, что захватывают Ерзнка и Балу. Артиллерийская канонада была слышна 15 дней подряд. Турки Хозата стали бежать в разные стороны, но курды никуда не бежали. В августе подтвердилось, что русская армия взяла Ерзнка. Также доходили сведения, что армяне пограничного с уезда Ерзнка Оваджу бегут и спасаются. Глава нашего села Мехмед ага нас удерживал для того, чтобы лично сдать русским и получить их похвалу, но я больше не мог терпеть.

Я взял с собой одного парня по имени Арташес (он учился в центральной школе Мезире и хорошо знал дороги), и мы отправились в путь. Шли лесами и ущельями и дошли до курдского села Мстушаг, что стоит на берегу Музурчая. Там были армянские семьи. Соединившись с одной ерзнкаевской семьей, продолжили путь и, скрываясь, шли четыре дня без остановки через населенные курдами места. Курды нам ничего не сделали. В очень плохом состоянии мы добрались до ерзнкаевского села Ерман, где встретили русских солдат, и они угостили нас. На следующий день пошли в город Ерзнка. Там представились г-ну Тевоянцу, который нам немного помог деньгами. 8 дней пробыли в Ерзнка в ужасно бедственном положении. Спутся 8 дней на 36-м фургоне вместе с сиротами Ерзнка транспортом «Союза городов»³⁰¹ прибыли в Эрзерум.

Мы были почти наги, физически очень потрепаны и истощены; долгое путешествие ослабило нас. В Эрзеруме я встретил моих ванских родственников г-на Симона Торгомяна и Рубена Апахцяна, которые мне помогли, и благодаря им я перебрался в Эривань. Там я не смог найти мою семью, потому что они перебрались в Тифлис. По этой причине я поехал в Тифлис, где и нашел свою мать, жену и двоих детей. Сейчас я в Тифлисе, буду учителем в школе для беженцев.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 491, лл. 5–12, подлинник, рукопись.

№ 126

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО МУШЕГА ВОРБЕРЯНА О ДЕПОРТАЦИИ И РЕЗНЕ В ГОРОДЕ ХАРБЕРД

15 мая 1916 г.

История сына профессора колледжа «Евфрат»³⁰² Ворберяна – Мушега Ворберяна, 18 лет, софомора³⁰³:

30 апреля 1915 г. правительство сделало первый шаг, направленный на истребление армян Харберда. В этот день были арестованы все видные в городе личности. Аресты продолжились до июня, их избежали всего несколько человек, среди которых и мой отец. Возможно их не трогали, уготовив более жуткую судьбу.

Было 15 июня, когда в наш дом вошли, вежливо поздоровались и попросили [отца] от имени главы города явиться в правительственное здание для встречи. В 12 часов он вернулся полумертвый, упал в кресло и как будто стал бредить: «В нашем присутствии палками избили армян, я не могу это вынести».

На следующий день его уложили в американскую больницу с кровоизлиянием в мозг. За 15 дней он довольно-таки подлечился. Был приказ выслать нас в сторону Урфы по дороге на Малатию. У нас и наших родственников было 40 ослов и 4 коляски, на которые мы погрузили дорожные вещи.

3 июля 3000-й караван отправился в путь. Губернатор адресовал властям Урфы скрепленное своей печатью предписание, чтобы нас хорошо приняли, то же самое сделали и турецкие депутаты (Осм[анского] Деп[утатского] Собрания), направив в тех же целях письма различным влиятельным туркам в Урфе.

Народ был рад, что просто удаляется и на время избавляется от угнетения [местных] турок.

Нас сопровождали 100 жандармов и 3 офицера жандармерии, как бы для обеспечения нашей безопасности. В день проходили только 4 часа пути. В первые два дня было очень спокойно, а на третий мы почувствовали ужас смерти.

Караван остановился у берега Евфрата... Евфрат, верный армянину, как бы предупреждая нас, стал раз за разом выносить на поверхность трупы тех, с кем у нас была одна и та же судьба. Евфрат нес их на своих волнах к далекому Индийскому океану...

Но увы! Обезглавленные трупы оказались не настолько убедительны, чтобы открыть нам глаза на то, какая кончина нас ждет...

Устав и умаявшись, мы только присели, чтобы перевести дух, как мой отец с налитыми кровью глазами подошел к моей 14-летней сестре и сказал: «Дочь моя, отец твой предпочтет быть перебитым со всеми родственниками, чем сдать тебя в руки собаке. Пойдем к реке, она может нас всех поглотить и спасти от собачьего поругания, лучше умерщвить физическое, чтобы оставить в чистоте нравственное». Отец рассказал, что один из троих офицеров, заметив мою красивую сестру, пожелал взять ее в жены и пообещал, что освободит за это нас и всех родственников.

Караван охватило всеобщее смятение, каждый ожидал, что такое же предложение поступит относительно и его любимой жены, дочери, сестры, и все стали думать о побеге. Тот же офицер, заметив волнение, подозвал моего отца и сказал, что с его стороны это были просто слова.

Той же ночью в гостиницу вошли 10 жандармов и потребовали 500 золотых, что было сразу собрано и отдано.

За 4 дня караван с трудом перебрался на другой берег реки (маленькими суденышками).

На 7-й день ссылки в полночь маски были сняты. Все смешалось, и слышались крики: около 20 жандармов вошли в караван и стали обыскивать всех в поисках денег, при этом избивая и топча всех подряд – мужчин, женщин и детей. Под предлогом поиска денег раздели и изнасиловали женщин и девочек.

Когда в отчаянии мы начали бежать в сторону реки, наш путь преградили жандармы, убеждая нас, что то были курды. Стали стрелять в воздух, и курды, якобы, убежали.

Когда рассвело, народ, забыв об избиении и физических мучениях, скорбел по поруганной чести... Офицер, который просил мою сестру, теперь считал ее своей собственностью и защищал наши палатки от нападения жандармов, хотя мы этого не знали.

В тот же момент отделили от каравана 8 известных людей, якобы, губернатор хочет с ними встретиться. Отец был среди них, но тут офицер, подумал, что спасение отца может стать средством для завладения моей сестры, оттащил его обратно, и тогда увели семерых. Евфрат унес прочь первых жертв нашего каравана...

Попытки побега отныне были бесполезны: нас окружили многочисленные четники, и тех, кто отставал от каравана, сразу же резали. Так до Малатии караван дал 25 жертв.

За два дня до нашего смертного приговора опять для того, чтобы в нас вселить доверие и держать в неведении, поступил приказ жандармам расстрелять курдов. Приказ был исполнен и некоторых расстреляли, якобы для защиты нас от их разбоя.

Наступил последний вечер. Караван не ведал о завтрашнем дне. Только отец по высказываниям офицера догадался о грядущей катастрофе. Вечером, после ужина слуга офицера нашел нашу палатку и заявил нам, что если отдадим сестру офицеру, то экипажи готовы и он похитит нас всех. [Отец сказал:] «Завтра утром, только когда меня зарежут, он сможет взять мою дочь». Офицер вошел и сказал: «Это твой грех» (сана язк олур). Потом он исчез, пообещав больше не возвращаться.

Утром караван продолжил путь к бойне – в местечке Чифтлик, в трех часах пути от Малатии. Перед городом стали отделять мальчиков старше 12 лет, всех отделили и загнали в ближайшую казарму. Расстающиеся даже не имели возможности сказать другу другу «прощай». Жандармы даже не имели возможности сказать другу другу «прощай». Жандармы силой удалили их. Я был среди тех, кого первыми загнали в тюрьму, и ждал своих. Отец и родственники вошли внутрь. Офицер похлопотал обо мне, и меня вывели без возможности в последний раз поцеловать отца и родных. Все женщины и дети остались в постоянных дворах и на улицах, а мусульманам дали право сделать свой выбор. Сестрой завладел упомянутый офицер.

Из заключенных в тюрьму не спасся никто, чтобы узнать о том, что с ними случилось...

Мушег Ворберян.
[Записал Амагуни].

НАА, ф. 57, оп. 1, д. 489, лл. 1–6, подлинник, рукопись.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ П. ФАБРИКТОРЯН О ДЕПОРТАЦИИ И РЕЗНЕ АРМЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ХАРБЕРДА

Мрачные воспоминания о харбердской депортации.

1 мая 1915 года,³⁰⁴ в субботу харбердские села неожиданно окружили [войска] и стали арестовывать и подвергать жуткому избиению многих людей, в частности, людей просвещенных, любящих свой народ, предводителей партий. Истязания в тюрьмах не поддаются описанию – кого избивали, кого мучили и выдергивали бороду по волоску, у некоторых вырывали ногти на ногах, затем помещали ноги в горячую воду и били палкой по размягченным от горячей воды окровавленным ногам. Ударов таких было не счесть. Если кто-то уставал бить, его сменял другой. И так много дней незаконным образом избивали, пока люди не называли количество [оружия] и указывали место его хранения. Однако в этих строчках нужно воздать [армянам] должное, ведь никто из них не оказался неверен и нетерпелив, наоборот, всю боль и страдание они вынесли [стойко] из любви к своему народу.

Когда они не могли выведать секреты у мужчин, то переходили к женам и обращались с ними так же и даже хуже. Медные тарелки закладывали в печь, нагревали докрасна, затем в них заталкивали груди женщин, а некоторым брили головы, надевали те же тарелки на голову и подпаливали, пока они не выдавали, где их мужья хранили оружие. Но те же терпение и верность проявили жены, не выдав какого-либо секрета.

Однако какой был толк в терпении или хранении секретов, если те спешили осуществить уже предрешенный план? Армянское духовенство, в частности, предводитель, вместе с несколькими членами парламента во избавление от последних угрызений совести решили сдать оружие и убедить упорствующих сделать то же самое. Когда стали сдавать оружие, избиения были на какое-то время приостановлены, а потом с ужесточением возобновились. Они говорили: «У вас еще много оружия, а эти жалкие крохи не то, что нам нужно». Когда же они не смогли добыть все наше оружие таким способом, то большое количество своего оружия – добавили к нашему, сложили и сфотографировали. А также сделали фотографии двух-трех дашнакцаканов, которых сами же полностью вооружили, и снимки отправили в Германию, мол, армяне восстали – вот их вооружение и федаины. На это, якобы, немцы сказали, что этих федаинов нужно сослать, чтобы они не стали причиной внутреннего бунта.

Еще не вышел этот приказ, но многие, не выдержав тюрьмы, кандалов, голода и мучений уже умирали в глубоких ямах. Многие потеряли рассудок или в полумертвом состоянии, жили в надежде на спасение.

Но приказ о депортации всему положил конец. Турецкие чиновники так разумно обращались с армянами, что невозможно было распознать тайны, скрытой за ссылкой. Каждую ночь около 6 часов оцепляли и высылали тысячу пятьсот человек без запасов, без одежды. Куда, в какую сторону – никто не знал. Если верить им, то они говорили, что конечная точка переселения – Урфа. Но кто в это верил? Потом стало ясно, что помимо смерти и армян, не было никакого средства спасения. Утром, когда матери отнесли [детям] еду, увидели, что дверь в тюрьму открыта, одежда разбросана, а койки тут и там пусты. Жалостливые жандармы (были и такие) пытались уговорить их вернуться домой, но были и негодяи, которые ругались, били и толкали женщин. Но куда было им идти, армянским матерям, чего хотеть, где искать мужей, в какую сторону повели, под каким камнем, в каком ущелье, какой смертью они пали – от шашки, камней, воды или под пулями? Из многих тысяч таких ссыльных только 4–5 человек смогли спастись бегством, и один из них г-н Асатур Асатурян, который рассказывал, что видел сам, каким образом, каким мучениям подвергая там [людей], убивали. Он говорил, что часть молодых людей, связанных, спустили в ущелье и приказали первому стоящему вырыть могилу и встать над ней. Все, что приказывалось, сразу же исполнялось. Затем стреляли в грудь вырвавшему могилу и сбрасывали его внутрь, второму приказывали засыпать могилу землей и рыть себе. И так все, ожидая своей очереди, стояли в ряд.

Вторую группу также связанных людей усадили и ударами топора по шее, откладывая в сторону головы, так перебили; других убивали, отрубая руку, ногу или отрезая шею, а еще часть людей забили насмерть камнями. Этот молодой человек, который был в группе, которую умерщвляли камнями, лежал как мертвый, повсюду лилась кровь, окровавленные люди не знали, живы ли. [Он] говорит, что в ущельях текли ручьи армянской крови. Группу юношей сложили рядами и стали отпиливать им головы, как будто дрова, и головы валились вниз. Ах, ах, ужасные смерти! Наш молодой человек, пролежав несколько часов и потеряв много крови, все-таки выбрался из-под мертвецов и стал бежать в сторону гор. Солдаты заметили и сразу стали на лошадях его окружать, но к счастью, на пути повстречались заросли, в которых он и укрылся. Там он прождал несколько часов, пока солдаты отошли обратно, выбрался из зарослей, направился в город и так и спасся. Так же чудом спаслось несколько человек из других групп. Остальные умерли жуткой смертью: только сотня-другая, потратив несколько тысяч золотых на подкуп, смогла выйти из тюрьмы и присоединилась к семьям,

чтобы отправиться с ними в ссылку. Среди них был и мой муж. 14 июня, в субботу, нас сослали в Урфу. К нам присоединились люди из богатых, родовитых и просвещенных сословий, знатные семейства. Один тысяцкий, два сотника и пять сотен жандармов окружили нас с четырех сторон, да так, что было даже трудно выехать. В село Изоли можно было попасть всего за день, а мы добирались пять дней. Когда мы оказались там и сели, чтобы отдохнуть, наши защитники принялись за грабеж. Добравшись до Евфрата, мы увидели, как его воды несут трупы; они плыли привязанные попарно друг к другу. Ах, ах, ужасная была картина смерти, отказывались верить, что в воде — люди, всегда пытались обмануть сами себя. С наступлением ночи подходили солдаты, людей связывали, тащили к берегу и говорили: «Отдавай сотню золотых, а не то в воду сбросим». Те, у кого [золотые] были, в ужасе отдавали, а у кого не было — в ту же секунду отправлялись на дно реки. Несколько дней пробыли здесь, а потом направились в сторону Малатии. Хотя я потеряла здесь своих родных, но при этом себя частично успокаивала тем, что любимый мой [муж] избавлен от ужасной смерти. Из Изоле до Малатии мы тоже добирались пять дней, при этом испытывая ужасные лишения. Все можно было вынести, но когда жену перед мужем насилуют или когда оскверняют дитя перед отцом, то ах, что это был за невыносимый и негасимый огонь, что за жуткие минуты! Все жаждали смерти, в поисках вод Изоли, чтобы броситься в них, но все зря... До того дня наши повозки, наши лошади были при нас, но какая в них была польза, если не позволяли, чтобы мальчикам старше 10–12 лет и мужчинам садиться на них, чтобы отдохнуть, отбирали обувь, носки, стаскивали одежду, заставляли идти с непокрытой головой, босыми по колючкам. А мог ли кто нагнуться, чтобы вынуть колючку из ноги? Сразу же на него обрушивалось такое, что трудно описать. Едва кто делал шаг-другой, переводя дыхание у реки, как жандармы одним-двумя ударами камнем по голове добивали. Ничего кроме трупов на тех дорогах не видели.

Когда вошли в Малатию, нам сказали, чтобы каждый человек со своей семьей был при повозке, мол, на каждые пять семей нам выделяют по одному дому на ночлег. Мы исполнили все как приказали, все ждали, чем же это закончится. В Малатию также прибыло около 200 солдат для надзора, чтобы ни один не смог убежать. И так, стали повозку за повозкой с людьми внутри, мальчиками до десяти лет и оставшимися женщинами, сдавать военным, чтобы те сопровождали их к выделенным для ночлега домам. Ах, ах, что за горькая доля! Что за невыносимые были минуты — все кричат, зовут своих родных, все вокруг заполнилось воплями. Стали отделять отцов от детей, жен от мужей, матерей от сыновей. Не в силах описать это горе. Не дали, чтобы люди хотя бы попрощались.

Я же была всего три года замужем, детей не было, почитала своего любимого, готова была жизнь за него отдать в любую минуту, но я так и не узнала, как нас разлучили, и каково было его последнее слово — только знаю, что когда пришла в себя, то была одна вместе с четырнадцатилетней сестрой. Ее нашла сидящей у себя над головой; всех родных потеряли — отца, мать, дядьев, брата, всех — только я осталась у нее, и она сидела и плакала.

Мать и других родственников отвели на другой постоянный двор. С остальными поступили так же, как и с нами. Когда пришла в себя — стала как безумная, ничего не могла сообразить. Услышала, что говорят, будто переписали наши имена, и что завтра же всех вернут обратно, но кто в это поверит? Все в один голос кричали, казалось, весь город приведен в движение. Так до вечера, с ночи до утра, без перерыва кричали, рыдали и все эти возгласы летали в небеса, да жаль, что все без толку. Не представляю, как небо допустило рыдания и плач стольких младенцев?

Утром, когда только стало рассветать, к нам пришел мутасарыф города и сообщил, что наших мужей отправили в Урфу, что и нас должны послать, и возможно, что мы увидимся с ними уже сегодня, а если нет, то завтра — обязательно. Он сказал, чтобы мы быстро подготовились, но вначале мы должны были прийти по одной, чтобы нас осмотрели, таков приказ властей. Мы уже совсем одурели, не могли понять, что говорят и что хотят сказать. Стали женщины по одной идти к мутасарыфу, а он по одной раздевал и возвращал одежду, внимательно осмотрев, — даже нижнее белье снимали, чтобы убедиться, что там ничего не подшито, даже под грудями смотрели, чтобы там ничего не было подложено. В конце концов, вывели нас оттуда, обозвав нас последними словами и проделав всякие мерзости, и так со всеми женщинами, а потом без телег, без ишаков и даже без провианта погнали нас в направлении Урфы, а у многих малые дети, по двое на плечах. Каждый день одночасовой путь проходили за пять часов, затем нас спускали в безлюдное ущелье. Ах, бедные матери, что они пережили! Их малыши, не знавшие и не понимавшие слова «нету!», привыкшие к молоку и сладостям, теперь тосковали по корке хлеба и воде, — ужасно! В первый же день, прогнав нас несколько часов, усадили в безлюдном ущелье, стали во второй раз обыскивать, как и в первый раз, но еще более дико раздели и, залезая даже в глубины тел, проверяя, а вдруг там деньги спрятаны. Так продолжали до вечера, а ночью стали искать невинных дев. Тащили одну девушку на 15 солдатов, потом полумертвую возвращали. Ах, несчастные юные девы, их крики, да, да, потом рыдания их матерей, казалось, повергали в плач даже камни и горы. Продолжалось это до тех пор, пока не осталось дев старше 8–10 лет, и тогда они принялись за женщин, и это стало привычным делом. В дневное время в дороге малюткам позволяли брать грудь матерей, если за это платили

помощи ждать было неоткуда, но говорили – хотя бы как люди умрем и не будем зарезаны как скот. Так дрались много дней, турки понесли много потерь, а потом пришел один немец³⁰⁹ и стал просить: «Сдавайтесь, для вас никакой ссылки не будет, да и смерти уже тоже», но наших парней не убедил. Те сказали: «Верните наших братьев, нашего предводителя – всех тех, кого сослали, а если нет, то будем мстить и драться до последнего вздоха». Когда [турки] увидели, что [армяне] сдаваться не намерены, они вернулись и начали бой. В наше здание, поскольку оно принадлежало немцам, турки смогли войти и укрепили позиции на верандах с двух-трех сторон. В тот момент они понесли большие потери. Когда [турки] увидели, что малым числом солдат и без пушки им победить невозможно, то из Алеппо перебросили солдат, немецкого сотника и два-три орудия и тогда окружили на четырех сторон³¹⁰. Армяне все предусмотрели и подготовились к битве так, что если бы не пушка, нас не смогли бы победить и двухтысячным войском. Целый месяц продолжалась битва – армяне сражались своим оружием, а турки – пушками. Армяне удержались бы, если бы наш командир (его звали Мкртич Ётехбранц) не погиб от пушечного выстрела. У бедного парня была повреждена нога, и он в отчаянии покончил жизнь самоубийством. Лишь несколько дней спустя после этого турки смогли войти в армянский квартал. Войско по главе с немцем-тысяцким³¹¹ окружило американское учреждение, где собрались все армяне, мужчины и женщины, и турки стали врываться внутрь. Немецкий тысяцкий сказал: «Сдающимся ничего не будет» и собрал вокруг себя много людей. Но тут одна армянка Ханум Кетенджян³¹², выпускница харбердского колледжа «Евфрат», (она в форме жандарма патрулировала квартал, с оружием в руках) сказала: «Я не сдамся, делай со мной, что хочешь». Когда немецкий офицер это услышал, то приказал, чтобы несчастную девушку застрелили. Застрелили и ее сестру, когда та побежала к ней... Когда немецкий офицер увидел, что девушка в форме полицейского им сопротивляется, он очень обозлился и стал обыскивать всех людей. Всех мальчиков старше восьми-десяти лет и девушек, помогавших во время боев, связали и отвели в тюрьму, а остальных собрали за городом в постоянных дворах без пищи и воды. Потом в городе стали обыскивать дома турок, айсоров, немцев и везде, где находили армян, сразу бросали в тюрьму. Арестовали и нас, что были в немецком здании, – меня, мою сестру и нескольких армянок. А также всех, кому было больше пятнадцати лет... Парней всех арестовали и стали в день по несколько человек вешать, как и девушек, которые приняли участие в битве, а женщин погнало в пустыни. Только в немецкой больнице оставили санитарок, да и то для ухода за их же ранеными. Были так злы на Урфу, что никого не оставили. Ведь армяне около полторы тысячи турок убили.

По окончании сопротивления в Урфе, американский вице-консул мистер Лесли, не выдержав мучений, выпавших на долю армян, почти что потерял рассудок, а когда увидел, как строят деревянные виселицы, вообще решил покончить с жизнью. Он выпил яду и умер, едва дойдя до немецкой больницы.

Он был такой честный человек, что мне это трудно описать, за себя говорят его же дела. В его кармане нашли записку, в которой он написал: «Никого из-за меня не беспокойте, я отравил себя сам, не в силах вынести горечи и мучений, что выпали армянам».

Воистину не в силах представить, чтобы какое-либо перо смогло описать те муки, что испытывала я, когда вновь слышала об отправлении в ссылку и повторном испытании этой горькой чаши. Те, кто не видел этого, не могут прочувствовать того и в той мере, что мы. От турок было много приглашений для нас, но это было еще более ужасно: лучше было пойти и умереть, чем оказаться с ними под одной крышей. Но удивительным было то, что несмотря ни на что, [все это] опять они желали армянок. В те дни несколько девушек втайне от властей пошли в дома турок, спустя два-три дня, задушив «мужей», бежали и оказавшись у нас говорили: «Хотя бы отомстили...» Я, прикинувшись больной, оставалась в постоялом дворе, потому как был приказ больных не трогать, пока не выздоровеют. Немецкие санитарки часто приходили ухаживать за ранеными женщинами. Я попросила, чтобы на следующий день они принесли мне одежду санитарки. Пообещали и на следующий день принесли. Я сразу же надела ее и стала как они обрабатывать раны. Турки были настолько глупы, что хоть и видели меня прежде довольно долго, но теперь, когда поменяла одежду – не узнали. Так мне удалось выйти [из больницы]. На следующий день я таким же образом вывела мою сестру. Мы стали доставать запасы, украденные у армян арабами и турками, готовить пищу для армянских раненных в постоялом дворе. Как только те восстанавливали способность ходить, их собирали в группы и отправляли в ссылку. Будучи свободной, мне удалось выручить из этой ужасной тюрьмы многих девушек, но увы, не прошло и месяца как произвели второй обыск и всех нас, кто скрывался, сослали к арабам. Не прошло и пары часов пути, как усадили нас и возобновили старые мучения. Ах, Боже мой, может ли человек промучиться 5–6 месяцев в руках варваров и выдержать! Когда стемнело, решила бежать. Сообщила о замысле одной урфаевской, и она пожелала присоединиться, и так еще несколько человек. С наступлением ночи, взявшись за руки, мы бежали. Направились на свет, спустя час вошли в село и постучали в дверь, она открылась. Увидели женщину, вдову, и двух малышек – ни языка не знают, и слова не молвят. Дали им пару меджидов. Увидев деньги, приняли приветливо. Объяснили ей, что бы в арабской одежде отвела нас в Урфу, а там мы дали бы ей денег. Она

пообещала, но когда рассвело, пришли управляющие села и сказали: «Здесь есть беженцы, их надо сдать патрулю». Все уговоры и просьбы были напрасны, но мы когда дали денег, они тихо ушли. Чуть спустя пришли другие. На лицо сестры [краской] были наложены «раны», я там же сидела под видом больной. Один из пришедших меня волоком вытащил наружу. Впереди была яма, я бросилась в нее, он долго пытался меня вытащить, но тщетно, вытащил оружие, чтобы запугать, но и это не помогло, тогда он оставил и ушел. Потом подошли женщины, убеждая, чтобы вышла оттуда, но я ответила, «если сестру приведете, выйду, если нет – предпочту смерть, но не выйду отсюда». А они ответили, что «ее уже прежде тебя повели». Услышав это, я, не долго мешкая, выбралась из ямы и пошла за ними. Отвели меня в какое-то тесное помещение, со мной оставили женщину и дверь заперли. Эта злая женщина, с четками в руках, пыталась меня запугать, чтобы я приняла магометанство. Сказала ей: «Меня и смертью испугать невозможно, так что ваши усилия напрасны». Тогда отвели меня в другой дом, а там – армянка. Они думали, что может ей удастся меня убедить. Когда увидела ту армянку, обрадовалась так, будто весь мир со мной; говорю ей, что уже много часов как армянского лица не видела, изголодалась. «Ах, сестрица моя, – говорю, – сестра у меня была, я ее с такими трудностями до этих мест довела, а тут ее отняли, что с ней, не ведаю, ради Бога, если есть возможность, за деньги ли, или как-то иначе, сделай так, чтобы привести ее сюда». Женщина очень старалась, пытаясь мне помочь, но не смогли найти, узнала будто бы какой-то араб со своими друзьям забрал ее с собой в Урфу, чтобы денег заработать, и забрал как раз этой ночью. Я осталась одна. Ах, как было невыносимо терпеть, уже я не в состоянии была придумать что-либо, чтобы освободиться, обезумела почти, и единственное, что утешало меня, что Господь вырвал из рук моих сестру, бросив меня в лапы безязыких язычников. Та армянка, пробыв уже 8 месяцев у арабов, довольно бойко говорила на их языке, и я попросила ее, чтобы придумала способ послать меня в город, а я дам столько денег, сколько пожелают. А арабы настолько ладки на деньги, что готовы и честь на деньги поменять, забывая обо всем ради денег. Через одного араба, который был родственником хозяев этого дома, я передала весточку немцам, и они прислали человека, который отвел меня к ним, втайне от властей. Я только о сестре и думала. Когда увидела мою немку, сразу спросила о сестре. Та сказала, что два дня назад моя сестра пришла к ним, и они предприняли все меры, чтобы ее не тронули, ведь каждый день проводились обыски. Но увы, им это не удалось. Сестру снова нашли и увели, чтобы отправить в ссылку. Ах, Бог мой, как же ты не сохранил невинную девицу и снова отдал в лапы этим варварам, после того как за ней ухаживала, с таким самопожертвованием. Я оставалась безутешна,

ни на секунду не высохали слезы на глазах – что теперь будет делать без сестры, без родной души, и даже без соотечественника в когтях этих зверей. Но нужно было заниматься другим: страх за собственную жизнь, не давал времени думать или скорбеть о родных. Утром окружили здание, а я в это время уже оделась и, надев шляпку, выходила из дому. Заметив меня в этом виде, турки подумали, что я немка, и стали очень внимательно обыскивать ящики, койки, одежду, а я, пройдя мимо многих солдат и охранников, вышла и направилась в сторону садов, где находилось еще одно немецкое здание. Пошла туда и прождала там много часов, пока они негодяи ушли ни с чем. Так происходило два-три раза, пока они надежду не потеряли найти еще кого-то. После этого я стала предпринимать отчаянные усилия, чтобы найти сестру, но безрезультатно, потому что те, кто попадали к арабам, не имели возможности спастись; если не удавалось запугать или откупиться деньгами, арабы брали всякую девушку старше 10 лет, выдавали замуж и после многодневного использования, как у них заведено, продавали кому-то другому, а купивший также потом продавал следующему. Так проходила жизнь этих невинных армянских малюток. Многим губы прокалывали иголкой, чтобы те посинели и не отличались от их. Весь год я жила одной надеждой, что услышу весть о сестре, но, увы. Неожиданно пришла новость, но не о сестре, а о матери, что она, благодаря одному курду вернулась в Малатию вместе с 5 малышами. Ах, какая радостная новость, что мать моя жива со своими малыши. Когда я об этом узнала, не захотела ждать ни секунды, сразу обратилась к знакомым, благодаря которым нашла извозчика и в ту же ночь втайне от властей отправилась в путь. За два дня до меня поймали беглецов и бросили в тюрьму, но мы, все четверо, к счастью, в безопасности добрались до наших родных.

В Мезире повсюду расспрашивала, чтобы узнать, в какую сторону повели убивать моего мужа, и как их убили? Сотник, который сопровождал его, рассказал: «Когда повели убивать, он предложил, чтобы я его обыскал, потому что перед убийством всех обыскивают». А сотник, подумал, что тут есть какая-то тайна, послал туда двух солдат, чтобы мужа раздели, а он при помощи маленького кинжала их обоих убил и убежал. За ним побежали солдаты, чтобы поймать, но не смогли, тогда они начали стрелять. К сожалению, одна из пуль попала в него, и он упал на землю. Солдаты вроде бы к нему не подошли, чтобы посмотреть, умер он или нет, вернулись, зарезали как ягнят и всех остальных [без сопротивления]. Эта новость не была столь горькой для меня: я узнала, что он умер, познав цену их крови. После нескольких дней пребывания в Мезире, а я еще не утолила свою тоску, как власти узнали обо мне и хотели заключить в тюрьму. Два-три дня укрывалась я здесь и там, затем забрала своего 12-летнего брата и вместе с

несколькими товарищами убежала в Дерсим. Господи, мало мне было провести год в руках арабов и турок, как тут ты бросил меня в лапы курдов. У них провела не более шести дней, как, к счастью, Ериза была захвачена русскими, и мы воспользовались возможностью, чтобы избавиться от язычников и жить под опекой армянских братьев под защитой России.

Из почти 50 человек, считая моего мужа, его братьев и племянников, сегодня живы только я да два маленьких мальчика. Только за год потерять 45–48 душ из нашего круга, ну что за невыносимая участь! Не выдержал бы человек, если бы Господь не дал [ему] со столь ужасной горечью столь же безмерного терпения.

Всех родных потерявшая, в чужом городе странствующая, вдова
Пайлацу Фабрикаторян.

P. S. Да будут прокляты читающие сие до седьмого колена, ежели не отомстят. Может нас посчитают безумцами или преступниками. То, что мы увидели, та жизнь, что мы прожили, – не найдется такой человек, пусть даже он обратился в скелет, кто бы не жаждал мести. Вновь повторю, да будет он проклят до седьмого колена³¹³.

НАА, ф. 221, оп. 1, д. 381, лл. 14–22 обор., подлинник, рукопись.

№ 128

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО ПЕТРОСА АКОПЯНА ОБ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ РОЛИ ИНОСТРАННЫХ ЧИНОВНИКОВ ВО ВРЕМЯ ДЕПОРТАЦИИ ХАРБЕРДА

16 мая 1916 г.

Сведения досточтимого Петроса Акопяна, работавшего в немецкой миссии. В 1896 году, оставив свою работу в Американской миссии, я перешел в немецкую миссию, которая только что утвердилась в Харберде под началом полковника господина Эхмана. Ее главной целью было открытие сиротских приютов, а лишь потом – остальная миссионерская деятельность.

Итак, проработал я целых 20 лет в этом учреждении насколько мне позволяли мои силы и всегда был уверен, что ее миссия сугубо христианская и благотворительная. И сейчас у меня прежнее убеждение относительно этого учреждения.

О депортации много слышали, почти то же самое отовсюду. Важно упомянуть несколько характерных случаев, которые могут прояснить отрицательное отношение иностранцев во время депортации.

1. Еще до депортации, когда начались аресты, особенно руководителей партий в ниже отмеченных городах (Харберд и Мезире), а потом по всему району, нас заверили (как правительство, так и господин Эхман), что эти аресты и преследования направлены против партий, а народу ничего не угрожает. Несомненно, заявление не могло внушить доверия, если бы такая личность, как господин Эхман, не заверил бы нас. Даже достопочтимый Вардан Амирханян был совершенно уверен в этом заявлении, и на воскресной проповеди он клятвенно заявил людям: «что все преследования направлены против партий, и с народом ничего не будет». Охваченный страхом народ воспринял это как истину.

2. Одновременно с арестами правительство предъявило требование сдать оружие. В тюрьмах арестованных подвергали неслыханным пыткам, дабы получить признания, где хранится оружие, а с другой стороны, и народ во всем районе понуждали к сдаче оружия властям. Для этого нужен был посредник, и лучшего посредника между правительством и народом, чем немецкой господин Эхман, который пользовался полным доверием людей, не было. Так и случилось: господин Эхман, получив весть от местного председателя вардапета Псака и других, приложил все усилия, чтобы убедить армян – посещал все селения, собирал народ на сходы, обещал всякого рода гарантии, и все для того, чтобы люди сдали оружие правительству.

При этом, как нам кажется, господин Эхман не знал, что турки замышляют резню и депортацию, а если знал, то тогда именно господина Эхмана нужно считать самым главным из авторов всех преступлений в Харберде.

3. Депортации начались. Арестованных, связанными друг к другу длинными веревками, группами погнали в неизвестном нам направлении. До нас дошли слухи, что они все перебиты. А последняя группа не захотела выходить из тюрьмы, и тогда предали комнату огню, и все они там сгорели. Люди, близкие немецкой миссии, приходили и просили приюта, но господин Эхман закрывал перед ними дверь и прогонял. Я и достопочтимый Егоян настаивали на том, чтобы давать убежище просящим и вступить за них перед правительством, но мы получали один ответ: «Не могу». По-моему мы обращались к нему с просьбой, чтобы он телеграфировал в Константинополь послу, так как он был гарантом перед народом, но получали все тот же отрицательный ответ «Не могу».

4. Многие скрывались в немецком учреждении, проникнув туда тайно. Среди них не было мужчин, а лишь женщины да дети. Когда господин Эхман прознал об этом, то насильно выгнал, хотя знал, что их снаружи перебьют.

5. Далее он выгнал учащихся последнего года обучения семинарии – всего 15 человек, под предлогом, что у тех наступил призывной возраст, среди них был мой сын; из их числа различными путями спаслись лишь 3 человека.

6. Пришел формальный приказ о том, что армянам-протестантам даровано прощение. Было объявлено, чтобы все скрывающиеся вышли на площадь и зарегистрировались. Мужчин уже не было – одни женщины и дети. Все они пришли на площадь и зарегистрировались, заплатив по 20 курушей за человека. По-видимому, это был новый способ по выманиванию прячущихся. После регистрации [власти] стали снова собирать [людей] для третьей и последней депортации. Был конец сентября 1915 года, когда оставшиеся крохи были собраны для отправки в путь. В те самые дни, благодаря вступлению Болгарии в войну Сербия была разбита, а дорога Берлин – Константинополь открыта³¹⁴. В ознаменование этого в Харберде устроили праздник, как раз в тот день, когда депортировали последние остатки [армян]. А господин Эхман, вместо того, чтобы вступить за них, согнанных из всех уголков, от имени протестантов пошел на празднование и там, когда проносились речи, заявил, что Германия стоит на защите 300-миллионного магометанства.

7. Американский консул, еврей по национальности, Лесли Дэвис, также выказал отрицательное отношение [к армянам]. Обратившимся к нему за помощью гражданам он ответил, что защищает только американцев по рождению, и обращения многих граждан остались без последствий, но и американские граждане по большому счету были перебиты из-за небрежности консула³¹⁵. Господин Симон Саркавагян (проживший в Америке десятки лет и ставший ее гражданином), когда его гнали вместе с караваном, перед дверью консула, заметив одного, подбежал, показал документ, подтверждающий гражданство, и попросил помощи, но тот с презрением оттолкнул бумагу и отказался помогать. Господин Саркавагян взял бумагу, разорвал и бросил ему в лицо⁴⁹.

8. Народ Харберда передал много денег [на хранение] американскому консулу, главе американской миссии господину Сиксу и главе немецкой миссии господину Эхману. Теперь же выжившие люди шли получить переданные ими деньги, но им выдавали осм[анские] банкноты³¹⁶ вместо золотых денег, которые были всего в одну треть их стоимости.

Досточтимый Петрос Акопян.
Житель харбердского села Пердженк.
[Записал Амагуни].

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 489, лл. 6–12, подлинник, рукопись.

⁴⁹ По другим свидетельствам, господин Саркавагян, увидев консула, подошел к нему и сказал на хорошем английском: «Я американский гражданин долгие годы, защити меня». Тот ответил, что не имеет права защитить. Тогда господин Саркавагян порвал документ, бросил ему в лицо и прокричал: «Бери и н... в него, ведь он для тебя не представляет ценности. Лучше умереть, чем обращаться к такому негодяю, как ты».

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО ГАЛУСТА ГАЛУСТЯНА О ДЕПОРТАЦИИ И РЕЗНЕ В ГОРОДЕ АРАБКИР

21 июня 1917 г.
Баберд, Сиротская школа.
Дороги Арабкира 1915–1917.

А. Ситуация в Арабкире и положение армян. Арабкир находится в вилайете Харберд к западу от Евфрата, в восьми часах пути от него. Город – горный с красивыми видами.

Население Арабкира – 25 000 жителей, из которых 15 000 – армяне и только 10 000 – турки, в селах большей частью жили курды. В Арабкире имеются и армянские села, в каждом было по школе и церкви.

Со всех точек зрения армяне занимали в городе ведущие позиции как по наличию школ, так и по ремесленничеству. Ремесла были очень развиты и [находились] в руках армян.

В Арабкире 700 магазинов, из которых более 550 принадлежали армянам. У турок ремесел не было, только торговцы в малом количестве.

В городе были развиты, и в значительной степени, местные школы. У армян было национальное высшее училище. Были также высшая школа для девочек и среднее училище с более 300 учащихся.

Помимо них было 10 районных школ. Общее число учеников достигло 1200.

В Арабкире стояла великолепная церковь – Мать Церковь или Катогике. Церковь была древняя, дата, указанная на ней, свидетельствует, что она построена 150 лет назад. Имела славное предводительство, а также значительные строения.

Было также 5 церквей, разрушенных (турками) в 1895 году во время армянских погромов; сейчас остались только руины.

Армяне-католики и протестанты имели школу и церковь. У турок были одна школа и мечети, а также одно медресе для девочек, общее число учащихся – 150–170.

В целом дома в Арабкире – одноэтажные каменные, есть и 3–4-этажные здания.

В Арабкире имелось хлопкопрядильное производство, где работали одни армяне. Ни у одного не было турка производства, все работающее – армянское. Имелось около 2000 станков, на которых также работали одни армяне.

У Арабкира большие общины за рубежом – в Америке, Египте, Болгарии и других странах, всего – до 4000 человек.

Мировая война. 22 июля 1914 года, когда европейские державы столкнулись друг с другом, началась мировая война. Турция также объявила мобилизацию, призвав в армию мужчин в возрасте 20–25 лет. Из Арабкира в армию были призваны 3000 молодых армян, из которых только 700 смогли освободиться, отдав бедел; и они остались в городе.

Действия турок в отношении торговцев-армян были очень низкими. Турецкое правительство силой отнимало их товары и имущество под предлогом того, что это делается на нужды армии. Жандармы силой отнимали все, что можно было продать, включая то, что было бесполезно для военных нужд.

Турки, напротив, радовались происходящему, поскольку они торговцами не являлись, не пострадали от этого, а те туки, которые уже таковыми были, (зажиточное сословие), их турецкое правительство будто не замечало [и не трогало]. Таким образом турки торговцы, богачи и знать не понесли значительного ущерба. А армяне всегда скорее теряли, чем приобретали. Многие были вынуждены закрывать свои магазины, чтобы избежать потерь. Экономическое положение армян с каждым днем ухудшалось, а богатые турецкие военные чины, получая и правительственные должности, с каждым днем приобретали все больше.

В то время коррупция была самым главным явлением в турецком правительстве.

Турецкое чиновничество с каждым днем обогащалось благодаря взяточничеству. И так турецкие власти продолжали грабеж до того как перешло к всеобщей армянской резне.

Каждый день сброд турецких жандармов и полицейских врвался в армянские дома под следующим предлогом: «Вы укрываете дезертиров». Входили в дома армян, грабили и забирали все из имущества, на что западал глаз.

Турецкое правительство становилось все более строгим в отношении армян, и на головы их сыпались все новые приказы и требования, в то время как турки спокойно и без какого-либо страха продолжали обогащаться, и никто из них не понес ущерба от действий правительства.

Продолжилась эта трагическая и совершенно мучительная ситуация до вторника, 20 апреля 1915 года. До этой даты насилие, применяемое в отношении армян, заключалось в требовании провианта, формы, одежды и многого другого на нужды армии. Конечно, глав кварталов брали под стражу, подвергали жутким избиениям, под предлогом, что те «укрывают солдат беглецов» и так далее, но затем отправляли домой.

В ноябре, не могу припомнить год, в турецкие кварталы, в административные учреждения, а также в курдские села стали рассылать листовки.

Те депеши или документы рассылались в тайне от армян, и их содержание было нам неизвестно. Насколько можно было понять, это была программа полного истребления армян, которую заранее распространили среди турецких и курдских сел.

Хотя армяне не обратили внимания на распространение этих бумаг, однако чувствовалось, что турецкое правительство все более и более ущемляет их права. Но что могли поделать несчастные армяне Арабкира? Молодых уже призвали в армию, и среди них в Арабкире до 20 апреля 1915 года уже было много потерь. Эпидемия тифа буйствовала повсюду, и в Арабкире тоже, где многие молодые стали его жертвами.

Вторник 20 апреля 1915 года. Мы вкратце описали, как турецкое правительство относилось к армянам до этого дня, а теперь перейду к резне армян.

А. Истребление армян. 20-го числа заключили в тюрьму около 200 армянских торговцев, которые беделом освободились от призыва. Мы пока не знали, почему правительство арестовало этих армян-торговцев. А еще за 2–3 недели до этого правительство объявило, что в Турции появились армянские фedaины, и тех, кто знает их местонахождение и сообщит об этом правительству, ждет большое вознаграждение.

21-го числа правительство объявило о новом приказе: велели армянам пятидневный срок принести и сдать имеющееся у них оружие.

Все было ясно. Вероятно, турецкое правительство сомневалось в армянах, предполагая, что они возможно совершат революцию либо будут вовлечены в какие-то вредоносные действия в интересах той или иной державы, и приказ, озвученный высокими чиновниками правительства, говорил сам за себя: сбор оружия подразумевает истребление армян.

Правительство на тот момент не могло удовлетвориться своими силами, и по этой причине организовало группы «четников», которые принадлежали местным туркам и должны были заняться армянами (сбором оружия). Эти новые группы ходили по кварталам, осаждали дома армян, производили обыски домов до вечера, и помимо самих обысков подвергали насилию (самым низким образом) армянских женщин, невесток, молодежь и даже детей, с тем, чтобы армяне принесли и сдали оружие. А если кто-либо отважился молвить хоть слово, сразу же ударом ружья и палки валили его на пол. Короче говоря, когда любой армянин слышал слово «четник», его пробирала дрожь.

Вот небольшой эпизод, как безжалостно обошлись четники с одной 14-летней армянской девочкой.

В тот день, как обычно, четники обходили кварталы под предлогом поисков оружия. Они окружили один из кварталов и, обыскивая дом за домом,

подошли к одному из них и постучали в дверь. Там проживала одинокая 14-летняя девочка – ее отец и мать умерли, а опекали ее родственники.

Когда четники ворвались в дом и стали спрашивать, где оружие ее отца, и т.п., девочка от испуга замерла, ничего не могла ответить. Четники потребовали, чтобы она показала все уголки, чтобы самим искать и что-то найти. Бедная девочка пошла им показывать дом. Трое из них вошли вместе с ней. Девочка показала все комнаты на всех этажах. Когда же они спустились в кладовку, один из четников затушил лампу, остальные двое напали на девочку, прикрыли рот, чтобы та не издала ни звука. Совершив дикое насилие, они вышли оттуда, подошли к своим товарищам, стоящим снаружи, и стали рассказывать о своих подвигах. Девочка пролежала 8 дней больной и, молча умерла, несомненно вследствие насилия этих дикарей.

Часто, не найдя никакого оружия, четники зазря повреждали дома армян своими лопатами, кирками, и т. п.

Когда четники чувствовали, что их сил не хватает, к ним присоединялись жандармы и полицейские, а также группы турок-военных старше 50 лет и главы сел, повторяя [обыски и насилия] раз за разом, вновь и вновь, приумножая страдания и мучения армян.

В мае 1915 года начался «севкиет»³¹⁷: 4 дня и 4 ночи из Ерзнка и прилегающих сел стали прибывать армяне, и конца этому не было видно.

Они прошли мимо города, может и могли бы спрятаться. Многие из них рассказали, что выпало на их долю, и мы пришли в ужас от поведенного ими.

Оставив на время происходящие события, коротко опишем жизнь арестованных, а их избивали и мучили самым жестоким образом. Помимо дневных обысков у четников была и ночная работа, а именно, избивание и неопишуемые пытки армянских арестантов. Многих, будучи больными, месяцами держали в тюрьме, превращая их в инвалидов.

Четники начинали свою ночную работу в час ночи (турецкое время) и продолжали до 8 утра (турецкое время). Арестантов-армян по очереди укладывали в деревянное устройство (его заранее заготовили для армян). Наносили по 1500–2000 ударов посохом по спине, ногам, задней части тела, и они, как вы можете себе представить, под этим градом ударов, полностью обессиливали. После этого их извлекали из этого устройства и бросали в темный угол тюрьмы. И так, по очереди, приносили для битья и уносили до 8-ми часов.

Били детей на коленях у отца, если отец начинал плакать от боли за ребенка, начинали бить и его, так же как и ребенка. Ноги подковывали гвоздями, 5 дней держали в воде, опутанных тяжелой цепью, 10 дней заставляли стоять, держа на ногах без пищи и воды, и так поступали со всеми, делая что могли, и даже больше.

Бороды священников жгли, выдергивали, и так далее.

15-го мая 1915 года погнали шеренгу из 130 армян-арестантов с цепями на шею к реке Евфрат, чтобы убить, а правительство лгало, объявляя, что их отправляют в вилайет, и это желание вали. Однако на самом деле реальность была такова – их всех утопили в реке Евфрат.

Каким образом утопили – об этом рассказали турки и жандармы, сами участники этой акции, а трупы вода вынесла по течению на остров в реке Евфрат.

Они рассказали, что всех 130 человек загнали на утлое суденышко, а с ними и капитана, и начали грести, а когда добрались до середины реки, капитан вскрыл заранее сделанные отверстия и бросился вплавь на другой берег. Маленькое судно, которое на самом деле было рассчитано человек на 30, начало тонуть под тяжестью 130 человек, пирамидой наваленных друг на друга, увлекая на дно с собой их всех. Правительство лгало, что их перевозят в вилайет Харберд. Их обманули, привезли и сбросили в реку Евфрат.

Спустя 3 дня после гибели этих 130 мужчин, еще 300 человек, связанных друг с другом за шею тяжелой цепью, так же обманом, что ведут в Малатию, отвели к реке.

Спустя два дня еще 250 человек, связанных железной цепью, повели к Евфрату умерщвлять.

И так, всех арестантов армян погнали к реке Евфрат, сбросили в воду, где они и утонули, а народ в Арабкире (женщины, дети) были уверены, что армянские мужчины все еще живы. Тем не менее, им чиновники, четники и жандармы рассказали, что произошло – обо всех обстоятельствах, связанных с убийством.

Прошли две недели, и турецкое правительство издало новые приказы относительно оставшихся армянских семей, потребовав от них, чтобы они продали свое имущество, так как их должны отправить в Урфу. И тогда армянские семьи, уже совершенно беспомощные, стали продавать свое имущество по очень низкой цене. Спустя 8 дней пришел еще один приказ: на следующий день отправиться в путь под надзором жандармов, 50-тками³¹⁸ и четников.

В июне арабкирские армянские семьи были отправлены в путь в направлении Урфы (Междуречье). Прошагав 12 дней, они, наконец, дошли до одного села в трех часах пути к востоку от Малатии.

Сейчас расскажу, что произошло в тот день.

День первый: Отправились в путь со всеми остальными жителями Арабкира, числом в 10 000 человек. Там были женщины, дети, невесты, девочки, старики, а также до 250 мужчин. До этого нас уже исламизировали, чтобы когда доберемся до Урфы, с нами мы ничего бы не сделали. Нас сопровождали

ждали около 150 четников, жандармов, местных турок – в качестве охраны. В первый же день мы дошли до равнины в трех часах пути к югу от города, там остановились на ночлег. В ту ночь ничего не произошло.

День второй. Продолжили путь, пройдя 6 часов, остановились в одном безводном поле, где много народу умерло от жажды, а жандармы отправились в села, где поели, попили воды (а также выпили) и вернулись.

День третий. Прошагали 4 часа, подошли к какому-то селу (курдскому), где смогли раздобыть немного хлеба и другой пищи.

День четвертый. Пройдя 3 часа, остановились среди скопления нескольких курдских сел. К нам сразу же подошел сопровождавший нас сотник и потребовал от армян дать ему 8000 золотых, чтобы довести нас до Малатии, а если нет, то он оставит нас на горе, среди курдских разбойников и отведет свое войско, чтобы позволить курдам нас ограбить.

Он собрал бывших среди нас мужчин и молодежь, среди которой был и я, скрывавшийся под видом девочки. Он пригрозил, что если до вечера ему не принесут 8000 золотых, то он убьет мужчин, а остальных, [без охраны], оставит на этой горе среди курдов (будто бы они нас так хорошо охраняли).

Армянские женщины собрали и отдали ему имевшиеся при них украшения (серьги, кольца, золото, часы, серебряные пояса, тяжелые шали, золотые часы и тому подобное) – все, что имелось у них – ценой не 8000, а больше 10 000 золотых. До вечера собрали и отнесли все это сотнику жандармов, и он отпустил мужчин.

Серьги и кольца ссыпали в два мешка, четыре мешка понадобилось для серебряных поясов, и еще 4000 золотых. И так всех нас подвергли вежливому грабежу.

День пятый. В этот день мы отдохнули, а на следующий направились к Малатии.

День шестой. Мы продолжили путь вперед, и наш караван дошел до пустынного места, чуть поодаль от берега Евфрата.

У всех забилося сердце. В реке и на берегу мы заметили почерневшие трупы. Люди были убиты совсем недавно, и на них еще были лохмотья. Несомненно, это были армяне, сброшенные в реку.

До нас по этой дороге прошли армянские семьи из многих городов. На дороге повсюду были видны трупы, которые под воздействием солнца сгнили и вспучились. Женщин было больше, их дикие курды и жандармы убивали топорами, на них еще кровь не запеклась.

День седьмой. Караван продолжил путь в сторону Малатии.

Ох! Седьмой день. Был самым печальным днем для этого каравана. Подошли к косогору. До вершины поднимались 3 часа. Прямо на вершине отделили от нас мужчин – всего 250 душ, которых повели в сторону Евфрата.

Я же, в девичьей одежде, спасся. Среди них были даже 12-летние дети, их отвели к Евфрату под контролем жандармов попарно, рука об руку.

Крики и причитания с горы разнеслись по всей округе. Плач и вопли армянских женщин вместе с пылью поднялись к небу, к Господу. Мы пошли в тот день часов пять, – среди толпы вокруг нас не было ни жандармов, ни четники, ни полиции, – все отправились с мужчинами. Мы же вместе с курдами продвигались к мосту «Гргкёз». Наконец, дошли до этого нашего Гргкёза, мучимые жаждой и голодом. Вдали виднелся гуллуг³¹⁹ жандармов и бесчисленное множество людей.

Присели в этом нашем месте, куда уже до нас прибыло много армянских семей: их останки и трупы лежали вокруг головой вниз, а из присыпленных могил торчали их ноги и руки.

Возле упомянутого сторожевого пункта скопились тысячи женщин и детей, были среди них и мужчины.

Когда они заметили наше приближение, подошли к нам. Ох, это были армяне. Спросили, из какого они села, а они ответили: «Из города Сваз, 30 дней уже как в пути». Представьте 5-часовой путь они прошли за 30 дней, а мы 2-хдневный – за 11.

Караван остановился там, у реки (Тохма чай). И все они в жажде устремились в реку. Среди них было много женщин, которые в отчаянии бросились в воду, чтобы утопиться, и через миг волны реки унесли их прочь.

Вечером жандармы окружили нас (как делали это каждый вечер), чтобы курды на нас не напали. Иногда, для виду, постреливали в курдов, вроде бы защищая нас.

Сидим, и вдруг до нас доходит весть, что наших мужчин ведут сюда. Сразу же поднялся шум, люди радостно закричали и поднялись на ноги, чтобы посмотреть на идущих мужчин. Луна освещала всех. И вот издали послышались шаги. И правда, около 30 юношей (армян) в сопровождении жандармом шли в нашем направлении. Действительно, это были наши юноши, их отделили из числа тех 250 мужчин и привели, чтобы соединить с нами. Им было по 12–16 лет. Когда они подошли, все стали кричать и искать среди них своих родных. 10 секунд спустя они уже были в объятиях матерей, и все громко плакали.

Стали расспрашивать о наших мужчинах, и они ответили, что их повезли на судах в Харберд. О да, в этот извечный Харберд... но когда мы спросили одного жандарма, который был близок к нам, он рассказал, что всех расстреляли и сбросили в Евфрат. Теперь стало понятно – наших мужчин убили, а юношей обманули, сказав: «Мы их в Харберд отправили»; юношей вместе с ними до Евфрата не довели, а спустя полчаса передали трем жандармам. Так вот, отвели все 220 человек и убили. Теперь уже и мальчики

сообщили, что слышали звуки выстрелов, но испугавшись, вопросов о них не задавали. А когда жандармы вернулись, пригрозили, если спросят – а где же мужчины? чтобы отвечали, – что их отправили в Харберд на судне. Вот почему юноши так нам сказали.

Нам сначала сказали: «Вас в Малатию поведем». Место, где мы находились, было в 4 часах пути, к северу от Малатии, и мы ждали, что нас поведут в Малатию.

День восьмой. Караван опять двинулся в путь. Однако, вместо того, чтобы нас повести по дороге, ведущей в Малатию, направление поменяли, и нас погнали к реке, а тех свазцев, что сидели там 4 дня, оставили на том же месте. Пошли мы, хотя потеряли всякую надежду – ведь нас должны были вести в Малатию, а гонят вниз к реке – но что мы могли сделать?

Шли, шли и дошли, наконец, до одной бескрайней равнины, где все [вокруг] было покрыто зеленью.

Один из жандармов, указав в сторону Малатии, сказал, что там вдали уже виднеются густые зеленые насаждения. Посмотрел я в том направлении. Впереди была опять бескрайняя равнина, а вдали мы заметили этот утопающий в зелени город.

Мы были в двух часах пути от Малатии. Поняли, что нас в Малатию не поведут, а куда-то в другое место. Был вечер, караван остановился возле села, где был чистый родник с холодной водой. Люди, которые в летнем зное уже 8 дней не видели холодной воды, утолили жажду.

В тот вечер среди нас обнаружили двое мужчин, которые переоделись в женское платье, спаслись из когтей смерти. Однако безжалостные жандармы сразу же убили их ружейными выстрелами прямо на глазах их семей. Все в ужасе замерли, казалось, ожидая решающей минуты. Наконец, должна же была наступить та минута, когда мы все избавимся от этого невыносимого ига.

Легли спать. В полночь с четырех сторон посыпались на нас пули.

Что это было? Люди подумали, что их последний миг настал, стали целоваться. Мать обняла сына, сестра – брата, все рыдали в голос.

Но что это были за выстрелы? Это горцы-курды решили напасть на нас под светом луны, чтобы ограбить.

На выстрелы курдов ответили наши жандармы, курды убежали. Убежал и наш сотник.

Положение было плачевным. За эти 10–20 минут боя число убитых и раненных дошло до 100 человек, все стонали. Многие завидовали тем, кто погиб, поскольку те, наконец, освободились от скитаний.

Опять собрали деньги и отдали жандармам, и как бы наняли их для нашей охраны.

Рассвело, мы снова отправились в путь на этот раз на юг, где виднелась наша дорога.

День девятый. Пройдя два часа, мы дошли до курдского села, где был полицейский сотник. Это был настоящий зверь, на нем было много армянской крови; он держал у себя армянских девушек, резал армянских детей. [То же] произошло и с нашим арабкирским народом: много армянских девушек стало его жертвой: их отобрали у матерей, и они оказались в когтях у сотника.

Ночь провели там, в полночь жандармы начали нам кричать: «Быстрее вставайте, должны идти».

Цель была та же: требовали наших денег. Опять собрали небольшую сумму, отдали сотнику жандармов, и он умолк.

День десятый. Утром караван тронулся дальше, и на этот раз приблизился к Евфрату. Мы не могли понять, чего они хотят, что за игры играют с нами эти четники, эти жандармы. Только подчинялись им.

С каждым днем наше число сокращалось, нас осталось 8.000 душ, то есть 2000 человек мы потеряли: они погибли по пути, и среди жертв были наши мужчины.

В тот день, пройдя 3 часа, подошли к подножью горы, там не было ни хлеба, ни воды. Вода была, но жандармы не позволяли ее пить, требовали денег, чтобы дать воды.

Провели и эту ужасную ночь. Наступило утро. В последний, одиннадцатый, день нашей ссылки вновь пустились в путь, на этот раз вверх. Мы опять были к востоку от Малатии, но насколько далеко от нее, не знаю. Поднялись на холм, потом долго шли по горе и перед нами открылась долина.

Огромные горы, покрытые снегом, они навели ужас на смотрящего. У подножья были села и зеленые сады, а в самих селах и ниже – в полях копошились тысячи людей, они казались муравьями.

И нас погнали к ним. Прошли селами и ущельями. В полдень пришел конец 11-дневной каторжной жизни, караван остановился в последний раз в этих селах, которые мы заметили издали. Было очень жарко, наши тела были мокрые от крови и пота, наши покрытые пылью лица потеряли былые очертания. Мы превратились в существ, только что вылезшие из могил.

Наконец, добрались до этих сел, где толпились тысячи людей.

Ох, то были армяне, которых как нас пригнали сюда, а село называлось Фрнджи. Спросили их: «Когда сюда прибыли?», – отвечают: «Вчера пришли, мы тогатские, все армянство Тогата здесь». Были и молодые, они выглядывали из палаток, глядя на нас, а в глазах было отчаяние.

Чуть ниже, в полях, в тени под деревьями спрятались еще люди, тоже армяне, из Амасии. И они смотрели на нас с тем же выражением. Наверху, на скалах находились армяне, спустившиеся из харбердского Вери тагас³²⁰, а

там севкиет из Акна, они прибыли раньше нас. Ниже, на краю ущелья были собраны армяне Самсона и Трапезунда. Было много людей и дальше – на другом конце поля, то были армяне Сваза и из прилегающего района...

Нам места не было, чтобы и мы расположились. А, вдобавок ко всему, пришли и арабские армяне.

Мир заполнила суэта, громкий плач сирот.

Наконец, и мы обосновались на небольшом пространстве в нижней части поля.

Много месяцев это село вбирало в себя армян из многих городов, и теперь, наконец, оно должно было их поглотить.

Вся территория была переполнена людскими черепами и таким звоном, что любого человека могла извести. Пройдя через столько лишений, мы оказались в таком зловонном месте, что можно было умереть от удушья.

Воздух был пропитан кровью и только запах крови был везде, там трупы лошадей, тут – только что убитые люди, и, наконец, чуть вдаль, лежали вспучившиеся под жаром солнца туши коров и быков.

Судя по ключьям одежды, валявшимся здесь и там, можно было понять, что по этой дороге месяцами проходили армяне.

И вот, армян 7–8 городов турецкое правительство пригнало сюда, в это летнее безвоздушное пекло. С любопытством подошел к одному старику, 60-летнему турку, который стоял рядом и наблюдал за нами. Спросил, знает ли он, куда нас поведут завтра. Он ответил – по дороге смерти (эолим еолына). Я задал новый вопрос – что означает дорога смерти? Он сказал: «Вон, там, видишь эти горы?» – и указал на высокую покрытую снегом гору. Он продолжил: «Там, в трех часах пути, вверху есть узкое ущелье. Тамошний вождь курдского племени Хаджи Бэбир ага режет мужчин, кто старше 10 лет, женщин грабит и тоже режет, отделяя красивых девочек и девушек, а других, во главе с курдами отправляет на Евфрат Самсат Кэмиси³²¹, а там, если у кого есть деньги, отбирает и переправляет на другой берег, а тех, у кого денег нет, сбрасывает в реку, ну а кто оказывается на той стороне, попадают на землю Урфы». И так этот человек закончил свою речь, которая повергла меня в отчаяние.

Потерянный, обессиленный, на подкашивающихся ногах я поплелся к своим, рассказал, и вот все зарыдали и, опустившись на колени, забылись сном до вечера. Подошла моя бабушка и попросила, чтобы я пошел и принес воды. Встал, но сил не было, и тут я вспомнил слова того бородатого человека. Пошел за водой. Увидел, что жандармы и четники, что шли вместе с нами, возвращаются в Арабкир. Спросил, почему уходят. Ответили, что они довели нас сюда, а отсюда другие будут нас сопровождать. Принес воду, бабушка сварила нам еду. В этом селе Фрнджи было больше магазинов, чем

в городе, но ужасно дорогих. Тут продавали всякую всячину, один помидор продавали за 2 куруша, но было все. Можно сказать, что рынок Малатии перебрался в село Фрнджи.

Теперь мы находились в трех часах пути к востоку от Малатии. В этом селе был жандармский кулдук и мудир, который по телефону постоянно получал приказы насчет находящихся здесь армян.

И вот жандарм, получив указание от мундира, начал кричать, что завтра, когда отправимся в путь – подниматься в гору, необходимо оставить все имущество здесь у Текалифу Арби, и что никто с собой ничего брать не должен. То был очередной вежливый грабеж, в такую игру играло правительство с нами, но что мы могли сказать?

Там было около 8000–10 000 армян, которые уже на следующий день должны были идти к горцам. Наверху был один поселок, назывался Кяхта. Там был каймакам и солдаты, все курды, и они ждали, чтобы нас ограбить. Многие жандармы иногда поднимали оружие на курдов, и пару человек даже ранили, показывая нам, что они нас якобы защищают от курдских набегов.

День двенадцатый. И так армяне Арабкира вместе с армянами других городов должны были пойти к месту своей бойни.

Ночью все люди спали. Печальная луна поднялась на востоке и бросила свой грустный свет на армянские семьи. И как раз в это время с севера раздалась ружейные выстрелы с этих высоких гор. Люди стали кричать. Все села и вся эта местность заполнилась криками и воплями людей. То были курды, которые решили воспользоваться ночной тишиной и покоем, чтобы напасть.

Бывший среди нас жандарм сказал, что наверное они проголодались, хотят, чтобы мы людей направили к ним. Уже много времени как к ним никто не поднимался, ведь столько армян здесь собралось. Прошло полчаса, и ружейная пальба стихла.

Наутро, когда люди еще окончательно не проснулись, жандармы начали кричать тем у кого были дети – девочки младше 15 лет и мальчики 10 лет. Сказали, что правительство открывает сиротский приют в Малатии, и для них прибыли подводы, чтобы их вскоре забрать.

Во всем народе прокатился плач и вопль, оттого что должны расстаться со своими родными детьми, но многие сами своими руками усадили детей на подводы, думая, что раз уж нам суждено умереть, пусть хотя бы дети останутся живы.

Наконец, собрали всех детей в одно место. Было 3000–5000 душ (часть уже была отправлена). Сиротский караван начал движение. Дети все время плакали, и их матери лили слезы.

То была разрывающая душу картина: сабля разделяла самое что есть неразделимое на свете, мать и дитя. Та мать, что дома не опускала свое дитя с колен, теперь сама добровольно отдавала его жандармам, чтобы отвезли в сиротский приют, говоря себе, если мы умрем, то путь хоть они в живых останутся, – как будто там, в приюте, за ними будут хорошо смотреть.

Был полдень. Сотник жандармов подъехал на коне, покрутился вокруг арабких армян, видно он был знаком с арабкими. Сперва к нам двинулся на коне, стал меж людей ездить. Мы все встали на ноги. Поздоровался, спросил, много ли нас притесняли жандармы по дороге. Мы ответили, что притеснений не испытали, мол, и вам здоровья желаем. По окончании этой короткой беседы, он завел разговор о моей сестре. Говорит, отдадите ее – я ее в Малатию увезу. Ему лет 25 было. Он продолжил, у себя буду держать, чтобы жениться потом. До этого уже из Малатии приезжали молодые турки, чтобы забирать девочек, насильно увезли сотни девочек. А что мы могли сказать? Если бы сами не отдали, без сомнения это сделал бы сотник жандармов насильно. Договорились, что он отвезет сестру, меня и маленького брата в Малатию, и одновременно бабушка отправится на повозках в Малатию для работы в сиротском приюте.

Сотник уже подогнал подводы, мы расстались со своими соотечественниками и подошли, чтобы сесть на подводы и отправиться в Малатию. Младший брат уже был направлен туда вместе с сиротами. Я и сестра вместе сели на подводу, а бабушка должна была сесть на новые подводы.

Тронулись в сторону Малатии и спустя три часа, наконец оказались в Малатии, той самой армянской бойне.

Здесь нас исламизировали, чтобы правительство нас больше не искало.

Когда добрались до Малатии, местных армян еще не депортировали; их должны будут изгнать 15 дней спустя.

Мой сотник передал меня шейху, у которого я пробыл два года.

Теперь мой рассказ о моей мучительной и тяжелой жизни в течение этих двух лет прекращаю и сразу перехожу к моему спасению.

13 января 1917 года, устав от жизни у шейха, я направился в Харберд. У меня, как у мусульманина, были привилегии (нуфус тезкереси³²²).

В пути провел три дня и наконец дошел до Харберда, где было много армян. Пробыв там три недели, получил деньги от Американского миссионерства и вместе с дерсимскими курдами тайно отправился в путь. Нас было 9 человек, вместе с двумя армянскими горцами. Так, гонимые судьбой, мы двигались к свободе.

Наш лозунг в пути был «Смерть или свобода». Шли до утра и наконец добрались до одного из рукавов Евфрата. Мы были свободны. Вошли в село под названием Ахзуник, там находились еще 2000 армян, бежавших как и я.

Пробыв там 10 дней, мы, 54 человека, отправились в Ерзнка. За 6 дней добрались до русского пограничного поста в Еризе, где, наконец, я приветствовал зарю Свободы 8 марта, и до сего времени, насколько способен, занимаюсь обучением малышей моего народа, преисполненный святой мести к тем, кто подрубил корень моего народа.

Таков мой и Арабкира путь через мировую войну, жертвой которой стало все армянство.

Мне было 16 во время депортации, теперь мне 18 лет.

Коренной арабкирец Галуст Галустян.

1917 г., 21 июня.

Баберд.

Сиротская школа.

P.S. По пути в Малатию мы встретили тот самый севкиет Сваза, который находился в Гргкёзе. Там было до 10 000 человек. Чуть позднее [встретилось] армяне поселка Агына (Арабкира и Акна) – до 2000 человек, которые шли, чтобы присоединиться к остальным. Когда мы добрались до Малатии, слышали, что этот севк (караван) также отправился в путь. Уже почти 2 дня был в пути. Один севк – был в Урфе, а другой – пока еще был в селе Фрнджи.

Тот же.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 487, лл. 1–28, подлинник, рукопись

N 130

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО ОВАНЕСА ХАНЧАРЛЯНА О СТРАДАНИЯХ АРМЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ, РЕЗНЕ МУЖЧИН И ДЕПОРТАЦИИ ИЗ МАЛАТИИ

[1917 г.]

[Карин].

Ованес Ханчарлян.

Дни ужаса.

Зверства в Малатии.

Малатия – один из самых плодородных и густонаселенных городов харбердского губернаторства. Расположена в 18 часах пути к юго-западу от Харберда. Тамошние армяне, ведшие опрятный образ жизни, всегда были подвержены жестокости турок. Хотя армян было не так много по численно-

сти, однако они отличались храбрым нравом, стойко переносили лишения и оказывали отчаянное сопротивление [насилию]. В городе проживало около 15 000 армян и более 40 000 турок. Сел с армянским населением почти не было, только в районе Ахджатага у нас было два села – Ансур и Мушовка, где население было смешанное с турками. Лишенные всякой свободы, армяне были рабами и пленниками бейев.

Стоит бросить беглый взгляд на этот, когда-то цветущий район, и познакомиться наших братьев с этим забытым уголком. В Малатии армяне не могли стать обладателями сколь-либо крупного состояния по причине постоянного гнета и в большинстве своем жили ручным трудом. Хотя среди нас были и известные торговцы, но преобладали ремесленники. Все ремесленничество было в руках армян, и они старались не обучать ремеслам турок, жившим за счет сдачи своих земель в аренду. У армян также имелась земля, однако если сравнить с тем, что было у турок, она ничего не стоила. Хотя земли у них было мало, но они знали лучшие способы ее обработки, в основном выращивая мекон (хашхаш), из которого получался афион³²³, один из главных источников их дохода. В последнее время [армяне] стали покупать земли у турок, стремясь к земельному равенству с турками. Средства, получаемые из Америки, полностью тратили на землю.

В Америке у нас было много молодых людей, которые оставили родные места из боязни быть призванными в армию, возможной резни, а малая часть – из-за экономических трудностей. Последние посылали своим семьям деньги. Все это определяло аккуратный образ жизни армян. Турки и курды с завистью наблюдали за тем, как армяне организовали свою жизнь.

С точки зрения культурного развития начал проявляться значительный прогресс. Число школ для учеников обоих полов росло невиданным образом; совершенствовались и учебные программы, с каждым годом применялись все новые и новые методики обучения. У нас было 6 школ для мальчиков, 5 для девочек, а еще два детских сада, где учились 1800–2000 детей и юношей. Все расходы школ покрывал сам народ, не встречая каких-либо трудностей. Кроме армянского и турецкого, преподавались французский и английский языки, со знанием которых учащиеся были готовы к поступлению в колледжи. Все учителя имели колледжское образование. У нас также была библиотека-читальня, которой помогало наше учительское сословие. Помимо армянских и турецких книг, имелся также хороший выбор английских и французских, и их запас с каждым годом увеличивался в геометрической прогрессии.

Как экономически, так и культурно наше преимущество кололо вражеские глаза турок, основной темой разговоров которых было – как бы истребить армян, когда же появится новая возможность грабежа и разрушения,

и таким образом утолить свою дикость. Каждый год неоднократно раздавались угрозы погромов, турецкие чиновники делали официальные и неофициальные заявления по этому поводу. Если у армянина возникал спор с турком, сразу же этот несчастный подвергался нападкам, раздавались угрозы и в адрес всех армян, сопровождаемые неслыханной руганью.

Вот и все о былой жизни. Перейдем к нашей основной теме.

Как мы уже сказали, армяне находились под непрерывным давлением, однако оно достигло своей крайней точки после того как была объявлена общеевропейская война.

После объявления военного положения, в стране начал действовать режим сбора военной подати (текалифэ харбие): специальная комиссия начала конфискацию зерна, риса, масла, керосина, сахара и другого продовольствия, а у торговых домов конфисковали готовую одежду и форму под предлогом военных нужд. Беда постигла армян. Все киоски, магазины и торговые дома были подвергнуты обыскам, а содержимое конфисковано. Духовный предводитель обратился с жалобой по поводу этого беззакония, но сотник Джавид выгнал его, сказав: «Иди, жалуйся Нубар паше, пусть попросит Англию и Францию прислать следователей. Вы, предатели нации, еще увидите!» Так начался невыданный грабеж. С другой стороны, молодежь стали уводить служить в армию, что явилось еще одним ужасом. Определенно знали, что молодежь, идущую в армию, загубят: как можно ложиться рядышком с вековым врагом без боязни быть задушенным; как можно было идти на поле битвы, не предполагая, что турок, идущий рядом, сначала не направит ствол ружья в твою грудь? Под воздействие тысячи и одного подобного подозрения, армяне обратились к помощи своего кошелька: те, у кого были деньги, не теряя времени, уплатили за себя откупные, а те, у кого таких средств не было, стали продавать вещи, с тем чтобы избавиться от предстоящей адской жизни. Ну а те, у кого не было ничего, встали под ружье, прекрасно понимая, что уже будет невозможно вернуться живыми к родному очагу.

С первых дней стала очевидна дискриминация: регистрация армян затягивалась, их селили в подвальные помещения, хлеб солдат-армян доставался чаушам, за малейшие провинности армян бичевали, во время учений заставляли часами работать и так далее. Все это было очевидно, но кому было жаловаться, кто бы нас услышал?

Согласно распоряжению, конфискации прекратились, но только не для армян. Турки очень легко осуществляли выплаты за счет армян. Турки, обрабатывающие землю армян, присваивали эту землю, обрекая несчастного владельца земли на голод, деньги из Америки перестали поступать; все это привело к катастрофическому ухудшению экономического положения

армянского населения. Жизнь небезопасная, живот пустой, дом в развале, и как тогда мог стремиться вперед солдат-армянин? Естественно, его взор был всегда устремлен назад: те, кто мог, бежали домой. Дезертирами были не только армяне, а в первую очередь курды: в первый день расставания с домом курд шел вперед, а на следующий день уже поворачивался лицом к дому. По сравнению с армянами среди турок беглецов было в десятки раз больше, однако внимание было сосредоточено на наших. Правительство приказало сжигать дома беглецов. С самого начала сожгли дома двух армян, потом двинулись на Ахчатах под предлогом усмирения восстания. Беглецов больше не осталось, все сдались и, подвергшись тысяче пыток, были осуждены. Одно за другим стали приходить оповещения о смерти, но никто не лишился жизни под пулями, все – по причине болезней. Ясно почему. Некоторые полуживыми возвращались домой и долго лечились... Они исхудали до костей, а их тела были изрыты укусами вшей.

Впервые почтовое министерство начало притеснение армян, запретив переписку на армянском. Цензура под каждой простой фразой видела тайный смысл, отправляя в тюрьму армян, у осужденных самым коротким был пятилетний приговор. За этим последовал отъем оружия у солдат-армян. Было ясно, что это еще одна игра против армян, но то, что предстоит резня, мы вряд ли могли вообразить.

В апреле 1915 началась невиданная мобилизация. Было объявлено, что все, с билетами³²⁴ или без, должны явиться в трехдневный срок. В приказе не было дискриминации по этническому признаку. Однако, чуть позже действительность показала, что приказ был направлен исключительно против армян. Жандармы и полиция врываются в дома, тех, кого находили, забирали в казарму, хотя многие уплатили откупную или еще только начали приходить в себя после болезни. Медицинского осмотра не было, после того, как забирали, сразу всех отправляли на строительство дороги. Обыски не прекращались, вместо того, чтобы пойти на убыль. Врывались в дома ночью, под предлогом, чтобы забрать солдата, но заглядывали даже в маленькие коробочки или водяные растворы, «ища людей». Присваивали себе то, что могло приглянуться, как и найденные деньги. Совершали и гнусные поступки. Постепенно стали подходить молодые люди Акна и Арабқира. Их также сразу послали, на строительство дороги. А строили дорогу в трех часах пути на юго-восток от Малатии в направлении Харберда.

Ужас стал пробирать нас до костей, особенно когда телеграфными сообщениями стали внушать подозрения относительно армян. К примеру, даже была распространена весть о том, якобы, армянские повстанцы, перекрыв горные проходы, воспрепятствовали продвижению войск. Турецкая общественность стала враждебно относиться к армянам, каждый день распро-

странялась лживая информация о зверствах армян. Все это исходило из клуба иттихадистов. Общественность верила и преисполнялась ненавистью.

В начале мая стали производить специальные и тщательные обыски: изымались все бумаги, набранные армянскими буквами, каждую считали опасной, хозяев заключали в тюрьму. В период тирании с позволения меарифа³²⁵ стали применять наказания за опасные книги. Стали арестовывать [даже] тех, у кого находили учебники арифметики или грамматика. После десятого подобного обыска опасные вещи стали либо продавать, либо прятать. Затем последовал сбор оружия.

7 мая глашатай объявил, что армяне и турки должны сдать имеющееся у них оружие властям, которым оно требуется для самообороны. Сколько турок проносили оружие в административное здание через одну дверь, а выносили через другую! А армяне в растерянности не знали, что делать. Сдали несколько испорченных охотничьих ружей и ушли. Спустя два дня, 9 мая, все армяне, работавшие во власти, были арестованы, так же как и знать города, церковный предводитель, члены уездного собрания, руководители партий и богачи. Сначала в тюрьме с ними обращались хорошо, общили их родным, что нужно сдать все оружие для защиты родины, дали тысячу заверений, что иной цели в сборе оружия нет. Арестованные посоветовались и решили обратиться с просьбой разрешить, чтобы они пошли по домам и собрали оружие. Эту мысль приняли с радостью. Четверых арестованных освободили, пообещав освободить остальных, как только будет сдано оружие. Освобожденные стали ходить по домам, собирать оружие и относить в администрацию. Нужно сказать, что лучшее оружие они все же попрятали. Власти вместо того чтобы освободить остальных, [вновь] арестовали и этих. В тот же день стали арестовывать простых людей, находящихся на рынке: ходили по торговым рядам и собирали мужчин, молодых парней, мальчиков и стариков – всего 1300 душ. Начались избиения: сначала подвергли пыткам известных людей, потом практически всех без разбора, выводили в тюремный двор, бросали их на землю и наносили удары, до тех пор, пока голос жертвы не затихал, потом обливали водой и снова били. За освобождение требовали сдать оружие или выдать тех, у кого оно было. Вынести избиения было невозможно, и, поскольку давали надежду на освобождение тому, кто сдаст оружие, люди, в первую очередь у кого оно было, признавались. Тогда их отправляли домой в сопровождении жандармов. Если оружие обнаруживалось, жандармы забирали его и уходили. Свобода длилась два-три дня, потом [выпущенных] опять забирали в тюрьму, начинали бить еще сильнее, требуя сдать еще больше оружия, или динамит, или бомбы, указать местонахождение арсеналов вооружения, пушек. Бедных били нещадно, без передышки, забивая до последнего вздоха.

Первой жертвой побоев стал отец Степан Багдасарян, католический священник. Пришли домой к бедному священнику, зверски избили прямо перед родными, потом погнали в тюрьму. По дороге били так сильно, что оказавшись в тюрьме, он испустил дух. Труп принесли и бросили перед домом. Было ужасно смотреть на это тело – оно посинело от ссадин с головы до пят, губы разорваны, большая часть зубов сломана, за одну ночь священника превратили в неузнаваемый труп.

Иногда находящихся при смерти отсылали домой. Что за зверство, Бог мой – тело вспухшее, все изранено, синяков не счесть. Как только, спустя несколько дней, они чуть приходили в себя, снова за ними приходил жандарм.

Так и было в то время; полицейские арестовывали ночью: входили в дом, хватали мужчин, избивали прямо дома, потом забирали в ближайший участок, там опять били, а затем тащили в тюрьму. Никакой жалости не проявляли – от плача и мольбы домочадцев они еще больше зверели.

Побои привели к сбору оружия, хранимого армянами, и многие даже покупали у турок государственное оружие и сдавали его, для того, чтобы получить временный покой. Многие [турки] обещали продать оружие, но деньги брали и исчезали. Мать Миграна Туртеряна выторговала у турка маузер за 25 османских золотых, чтобы выволить Миграна из тюрьмы. Увидев оружие, пошла за деньгами. Час спустя, уплатила 25 золотых, взяла оружие, завернутое в матерю, и побежала отнести в администрацию. Развернули матерю, а там оказалась палка, по форме похожая на маузер. Выяснили, как было дело, нашли хозяина палки, деньги отобрали и самого отправили. После этого случая правительство стало преследовать продающих оружие турок, из-за чего один капахли³²⁶ возрос до 100 золотых. Если тот, кто не мог найти оружия, платил 50 золотых комиссионных комиссару полиции, он считался сдавшим оружие и получал освобождение. Оружие так бы и не собрали, если бы среди нас не было доносчиков. Хотя и мало, однако были такие личности, которые в надежде на свободу, указывали тех, у кого было оружие, а также вид оружия и его количество. Из подобных личностей самым плохим был сын Степана Тер-Багдасаряна (исполнявший обязанности турецкого мудира), [который] одного за другим указывал на партийных, выдавал места хранения книг и партийной литературы – и так далее. Полицейские разложили простое оружие, – а у армян собрали 114 единиц запрещенного государством оружия, – а сверху добавили то, что принесли из казарм, все это сфотографировали и отправили фотографию в Константинополь³²⁷. Бомб не нашли, они были заранее уничтожены.

В конце мая избиения кончились, однако в результате побоев в жутких мучениях умерло 60 человек. Голову Манука Оханцяна положили в огонь,

зубы выдернули, язык отрезали, ноги подковали. Хосров Кешишян, не в силах терпеть, попытался отравиться, но ему дали дегтапа³²⁸, не позволив просто так умереть, и он испустил дух под пытками. Наполеон Бонапартян бросился с верхнего этажа с целью самоубийства, но остался жив, чем обрек себя на более мучительную смерть и так далее. В конце мая разнесся слух, что дела арестованных будут рассмотрены, и невиновных отпустят. Жены в день по два раза ходили в тюрьму, носили еду, а в остальное время посещали влиятельных турок. Везде давали один и тот же ответ: спустя несколько дней их отпустят.

Оставим тюрьму и теперь обратимся к солдатам-армянам, строящим дорогу. Армяне, согнанные из Малатии, Акна и Арабкира, покорно работали в душное время дня, слыша в свой адрес проклятья. Работы, отведенной им, было так много, и она была настолько трудна, что они были вынуждены трудиться и по несколько ночных часов. Плеть была все время в движении, а вот еды не давали вообще. Их было 1200 человек, все – бойкие молодые парни, 20–35 лет. Насколько ужесточалось обращение с арестантами, настолько же увеличивались и их мучения. В конце мая под предлогом того, что была совершена кража, их всех обыскали, но оружия не нашли, а только несколько писем, Св. Книгу и Евангелие, которые опасными не посчитали и их хозяев только побили.

Во время нового военного призыва зарегистрировали турок, арестованных за всякие преступления, как четники, дали в руки оружие; потом стали регистрировать горожан. Боящиеся службы в армии турки стали группами регистрироваться, и образовавшуюся группу передали сыну члена османского парламента Хашима бея Мухаммед бею. Четники закона признавать не умели, спокойно входили в дома армян, отнимали все ценное. Однажды пронесся слух, что четники должны уйти. Так и случилось, они отправились в путь, а за ними отправили 75 армян. На следующий день разнеслась весть, что армяне, строившие дорогу, расстреляны. Кое-кто подтверждал это, другие говорили, что – нет: работа подошла к концу, и их перебросили в другое место. Но жестокая весть оказалась реальностью. В тот день, еще затемно несколько матерей отправились в путь туда, где велась работа. Когда оставалось несколько сот шагов, к ним подбежал молодой человек, сообщил, что четники перебили рабочих, и, взяв саван у женщин, вернулся [в него] и пришел в город. На заре город был со всех сторон оцеплен, если кто пытался выйти – мужчина ли, женщина ли – в них сразу стреляли; в армянских кварталах повсюду были шпионы, военных расположили на четырех холмах так, чтобы они видели друг друга. Забыл сказать, что под ружье поставили 45–50-летних для того, чтобы обеспечить успех зверствам. После того как резня и депортация пошли на спад, их отпустили.

Убийство строителей дороги произошло так. Обычно для охраны выделяли 10 жандармов, но в те несколько дней их число возросло до 40. Когда появились четники и стали идти прямо на армян, полицейские заняли позицию против четников, командир рабочих подошел к главарю четников – сыну Хаши бея Мухаммеду бею, и между ними произошел короткий разговор. Четники продолжили свой путь, направились в село Чифтлик и спрятались за деревьями. Командир приказал армянам, чтобы те забрались в палатки, чтобы защититься от опасности. К каждой палатке подходили по два жандарма и стали связывать по одному. Связанных – 214 человек – отвели в село Бахри и среди бела дня убили, подвергнув тысяче мучений. Отправленных вслед за четниками 75 армян, те же четники завели в чифтликский караван-сарай, там окружили со всех сторон и стали ждать наступления темноты. Как только стемнело, их начали связывать в один ряд, чтобы отвести от села и убить. Когда их начинали выводить, несчастные, догадавшись, что их ждет, сели на землю, не желая идти. Палачи начали колоть их [шашками], чтобы заставить двигаться, но безрезультатно. Тогда всех их убили ударами револьверов, шашками, камнями, осколками стекла. Только одному арабкирцу удалось спастись и вместе с женщинами вернуться в город. Большую часть рабочих привели в Изоглу, чтобы сбросить в Евфрат. Сначала их загнали в мечеть Бирота. Вечером вызывали четырех человек и отвели к мудиру. Мудир им сказал, будто правительство отдало приказ, чтобы они пошли и собрали пшеницу, и для того, чтобы крестьяне их не ограбили и не начались судебные тяжбы, принято решение всех раздеть, запротоколировать имеющееся и сохранить его до возвращения. Обманым путем всех четверых раздели, связали и сбросили в Евфрат. Так же продолжали поступать с другими, утопив десятки человек. Оставшиеся увидели, что выводимые не возвращаются. Когда пришли, чтобы забрать следующих, они воспротивились, требуя вернуть товарищей, и их заверили, что они придут. Но это требование было невозможно удовлетворить. Жандармы захотели вывести людей силой, но не смогли. Армяне стали с шумом ломать внутреннее убранство мечети, пытаясь ее поджечь. Все сорок жандармов собрались и стали стрелять внутрь мечети. Шум стих, до утра воцарилась мертвая тишина. Наутро шум возобновился, как и пожар. Жандармы боялись безоружных армян, не отваживаясь войти внутрь и перебить их. Окружили мечеть и начали стрелять через окна. Стрельба продолжалась полчаса и... стихла; тишину иногда прерывали предсмертные хрипы. Жандармы, все еще боясь войти в мечеть, призывали оставшихся в живых подойти к дверям, чтобы исламизироваться. Раненные и те, кто спрятались под трупами, решили воспользоваться этим, но выходящих сразу же оттаскивали в сторону и убивали. Оставшуюся часть рабочих погнали к распо-

ложенному вблизи Старой Малатии (Эскишехер) зимовью под названием Камир Кёл. Дальнейших сведений не имею.

В самом городе не верили в эту бойню. Турки клялись тысячью клятв, пытаясь представить эту весть ложной, а армяне не желая верить в то, что потеряли своих родных, старались убедить самих себя и других, что слух ложный. Несколько дней спустя стали приходить письма, один писал из села, другой из Харберда, и так далее: стало очевидно, [несчастных], перед тем как убить, заставляли писать их...

Все это нас успокоило. Избиения прекратились. Арестанты стали убеждать тех, кто снаружи, что скоро начнется расследование, и их выпустят. Эти надежды укрепились, когда правительство за один день выпустило 40 детей и 20 молодых парней как невиновных. В тот же день было объявлено, что началось следствие по армянам: дело каждого армянина должно быть расследовано в пятидневный срок, по завершении которого, накажут всякого, кого задержат без бумаги, подтверждающей его невиновность. Опять возобновились обыски, обладателей документа невиновности не трогали. Этот план оказался успешен: армяне стали добровольно сдаваться, чтобы пройдя расследование, получить документ, подтверждающий их невиновность. Но спустя пять дней забирали и тех, кого освободили.

Глашатай объявил, что город должен освещаться и веселиться три дня. Армян больше всего воодушевило это празднество: одни предполагали амнистию, другие – удар со стороны государства, а еще часть, что будет примирение. Все три предположения должны были принести улучшение положения. Единственным омрачающим событием было возвращение четников. Но жестокая реальность выяснилась быстро: празднество оказалось дьявольским. Из армян состоял еще один строительный батальон, который работал в часе пути от города в ущелье Интере, они занимались подводом воды в казарму. На второй день празднества их повели работать как обычно. По пути заметили следы крови, закрались подозрения. Дойдя до края ущелья, увидели, как из источника течет кровь, а дальше стояли вооруженные четники. Силы покинули армян, ноги не шли вперед, они сели там где стояли. Надзиратель чавуш отвел батальон назад. На следующий день опять пошли работать. Акоп Суккерян погнал одного из вьючных животных в сторону дома Чила Хашиа, а сам, как бы пытаясь его поймать его, забежал за дом. Там, в конюшне, он увидел брошенные 500 трупов. Вернувшись, принес с собой множество писем, печатей, четок, и так далее, и рассказал об увиденном своим товарищам, все стали в отчаянии рыдать и кричать. А в это время женщинам запретили носить еду в тюрьму, сообщив, что там нет никого, так как всех послали в поле собирать пшеницу. Мы не хотели верить, что наши отцы и братья зверски заколоты, но и не верить было не-

возможно: человек видел все своими глазами. Слух стал повергать людей в ужас. В отчаянии стали отсюда-оттуда собирать хоть какие-то сведения. Работали женщины, а прячущиеся мужчины забились в еще более укромные места. Турки все время клялись, что ничего не случилось, а некоторые, чтобы не говорить неправду, стали говорить, что убиты только партийные, да и то немногие, а остальных направили на уборку пшеницы в поле, и что правительство должно сослать также и семьи преступников. Слухи о ссылке подсыпали перца на наши болячки. Ежедневно женщины приносили тысячу разных слухов: некоторым оставшимся даровано прощение, а других освободят только в Малатии, поскольку бомбы не было, и тому подобное. Прибегли здесь и к обману, используя строителей: некоторые писали, что испытывают затруднение с деньгами, другие просили прислать одежду, а поскольку подписи были подлинными, мы и обманывались.

Несколько дней обменивались противоречивыми мнениями. В начале июня, в понедельник, отправили вестника к одному высокому чиновнику, чтобы распространили приказ о ссылке. Вот что гласило обращение: «Слушайте, о армяне, приказ правительства: в течение трех дней собрать ваше движимое имущество и без ущерба отправиться в Урфу, до Дер Зора. Там найдете ваших мужчин, которые отправлены туда заранее. Желающий может, продав за три дня имущество, купить животных» и так далее. Таким образом, оставив арестованных, теперь бессильные женщины и малые дети должны были быть угнаны. Мы, оставшиеся, имели только три дня на жизнь. Плач, крики, самоубийства были обычным явлением. На следующий день глашатай объявил новое распоряжение: правительство предоставляет льготы тем молодым армянам, которые добровольно запишутся в строительный батальон: их семьи не будут отправлены в ссылку. Это распоряжение также было подозрительным, но, как говорится, брошенный в море, хватается и за змею: многие стали добровольно записываться, платя за это еще и мзду.

Строительный батальон работал в трех местах: 1) В ущелье Интере, где подводил воду к казарме, 2) на строительстве мастерской – месте собраний иттихадистов и 3) на фабрике Арепа Османа, где шили солдатскую форму. Надежда на спасение явно была лишена всяких оснований, но все же надеялись на то, что это могло продлиться несколько месяцев, а к тому времени, кто знает, может подоспела бы и амнистия. С первого шага стал очевиден грабеж – стали с каждого записывающегося брать взятку в 10 золотых, но когда жизнь была в опасности, значили ли что-либо деньги? Дали взятки и записалось 400 человек. Меня определили в Группу 1, и мне выпало видеть леденящие душу картины ссылки своими глазами. Мы были пленниками, работы требовалось больше, чем было необходимо, да и душевное состояние было таким, что не могли передвинуть и ветки.

Три дня прошли, ссылки не произошло, сразу же возникла тысяча предположений о причинах прощения. С каждым днем до нас доходили новые и новые вести, и с каждым часом одна сменяла другую. Работали женщины, ходили к более или менее известным туркам, падали в ноги, просили вмешаться, получали какие-то обещания, верили и возвращались. Не знали покоя, придумывали новые способы, чтобы пробудить совесть. То несли новорожденных детей, бросали под ноги главарей четников, пытаясь разжалобить, а на следующий день сами ложились под ноги лошади управляющего, или, посыпав лица пеплом, падали ниц, просили, молили, даже жаловались и проклинали. Никто не слушал, турки не открывали дверь, да и Господь Бог был глух. Самое сердобольное обращение было местному немецкому миссионеру. Наиболее дерзкие собрались и пошли к немецкому зданию. Дверь сначала не открыли. Несколько часов стучались в дверь и плакали. Наконец, открыли, появилась сестра мистера Кристофеля. Армянки стали умолять похлопотать перед правительством из любви к Христу. Немка в гневе стала кричать: «Раньше надо было думать, русских нечего было защищать, зверски с турками не надо было поступать, идите и сдохните». В отчаянии ответили, подняв голову: «Чтоб вам было как нам», – и, плача, ушли. Женщины почти все время постились, детям грудь не давали, бессловесную скотину держали голодной, молились не только днем, но и ночью – по три раза читали Киприана³²⁹ и плакали, чтобы пожалел Господь.

Однажды вечером, когда только смолкли причитания, вдруг с четырех сторон по всему городу стал распространяться гул. Взывали к Господу, шум становился все громче от инстинктивного участия в нем и армян. Не понимали причины, только чувствовали, что переживаем критические минуты. Было нападение, мы так ощущали, но странным было то, что стрельбы не было слышно. Через полчаса шум стих. С четырех сторон турки осуществили наступление на армянские кварталы для проверки, окажут ли армяне сопротивление, используют ли оружие. Полицейские смогли схватить 15 молодых армян и прекратили шум, их передали офицеру напавших жандармов.

Разнесся слух, что идут депортированные из Харберда и Себастии. Прояснившая ситуация положила конец всем настойчивым разговорам: на утро все четники, глава города, богачи и чиновники отправились встречать [ссылных]. По пути хорошенько их разграбив, привели в город, собрали на казарменной площади, отделили мужчин от женщин, мальчиков младше 10 лет оставили с матерями, мужчин загнали в казарму, а женщин и детей – в государственные амбары и караван-сарай Чифлтика. Нас, солдат строительного батальона, отправили по домам: казарма была занята. Когда пришли на следующее утро, казарма была уже пустой: ночью всех убили.

Жертв разделили на три части: одну часть отвели в Таш Дебе, другую в зимовье Старой Малатии, и третью – в колодец Кондубека. Целью правительства было превратить всех турок и курдов в преступников, усластить их рот добычей, чтобы к армянам не испытывали жалости. Турки также боялись русских, чьими сторонниками были армяне. По этой причине обреченных на смерть армян посылали в каждое село с приглашением к грабежу.

Через два часа после депортированных из Харберда прибыли высланные из Себастии, среди которых было особенно много пожилых женщин, стариков и очень маленьких детей. Их разместили на постоялом дворе рынка. Ссылных окружили солдаты, из-за чего было невозможно вступить в контакт с местными армянами. Они были лишены даже питьевой воды. Беременные просили повитух, но солдаты их только осыпали ругательствами. Несколько дней ссылные пробыли в городе, подвергаясь всякого рода мучениям, красивых девушек сразу похитили, а из оставшихся мало кто избежал изнасилования. Самое легкое, что выпало им, это – изнасилование. Стоило турку заплатить 5 курушей охраннику, как он мог зайти и... ух, варвары! В день отправки был произведен очередной обыск, хотя уже не было непросмотренного места, с женщин сбрасывали одежду в поисках денег – я это видел своими глазами, потому что делалось это открыто.

Затем стали прибывать [другие] изгнанники, все обнаженные, больные и мучимые жаждой. Делом же турок был грабеж, да похищение. Знаю турка, забравшего с места сбора депортированных 200 девушек, которых, продержав один-два дня, выгонял. Местом сбора сосланных было село Фрнджи, куда спускались депортированные, и оттуда их спустя определенное количество дней направляли к Кехте-Самсату или Атиаман-Самсату.

Конечно, у каждого своя история, но я остановлюсь лишь на нескольких. Каким мучениям подвергали сосланных, можно увидеть из нескольких историй, которым я сам оказался свидетелем. Группа высланных из Себастии не пожелала дать вымогаемых денег жандармам. Жандармы пригрозили отнять детей и сжечь их на глазах матерей. Женщины опять воспротивились. Тогда жандармы отняли двух детей, одного разорвали на две части, а другого сожгли на разведенном огне. Ужаснувшись увиденным, заплатили 200 золотых. Мне же выпала доля похоронить трупы. А вот другая история. Женщина, не отойдя десяти шагов от места работы, упала на перекрестке, скорчившись от боли, присела на месте, и так появился на свет ребенок. Ребенок, слабея от жары, стал открывать рот и беззвучно кричать, мать попросила капельку воды, чтобы смочить рот ребенка, но никто из нас не сдвинулся с места: жандармы запретили. Мать в отчаянии плюнула новорожденному в рот для прохлады. Чуть позже, когда она попыталась встать, чтобы продолжить движение, но не смогла, а жандармы стали бить ее при-

кладами, чтобы сдвинуть ее с места. Не удалось. Нанесли столько ударов, что рядом с трупом новорожденного и она оказалась мертва.

А в другой раз в сторону Фрнджи, крича, прибежала девушка. Все ее тело было окровавлено, груди разорваны, два удара ножом пришлось на плечи. Была полностью обнажена, для прикрытия наготы использовала руки. Нас пробрал озноб, но что мы могли поделать? Дали ей чем прикрыться и уже готовы были ее разговорить, как пришел жандарм, оттащил ее в сторону и убил на наших глазах.

Мне пришлось стать свидетелем тысячи таких случаев. Подобно собакам, совершенно безнравственно у всех на глазах принуждали к исполнению своей воли. Со всех сторон на подводах, на мулах и ослах, на повозках прибывали депортированные с припасами. По приближении к Малатии их уже в тысяче местах успевали ограбить, обыскать, раздеть, и так погнать дальше, лишенных даже своих нежных детей; поступали так и с красивыми девушками и с пожилыми матерями. Грабеж, похищение, изнасилование – все это происходило повсюду, но были и особые места. В местечке, называемом Кырк Кеоз, что недалеко от Малатии, убийства и грабежи совершались больше всего. Если находили мужчин, сразу душили или сбрасывали в реку Токма, а те негодяи, которые хотели увести девушек, также собирались здесь, как и алчные курды. Вторым таким местом была Старая Малатия. В здешнее зимовье пригоняли убивать, здесь отнимали детей из объятий матерей. А третье место – сам город. В город не могли входить мальчишки старше десяти лет, здесь их отделяли, чтобы заполнить ими колодец Гюндубека, как и пропасть Беклер Тереси. Именно здесь отбирали экипажи, повозки, мулы и тому подобное, а нагруженные на них вещи сгружали в государственные амбары, а уже голых ссылных отправляли в Фрнджи. Здесь жандармы продавали девочек, здесь убивали женщин за малейшее преступление, каковым считалась дерзость подойти к воде. Вся равнина Фрнджи – это кладбище. Повсюду можешь увидеть черепа покинутых и незахороненных мертвецов. На дороге к Кяхте, с левого боку Нал Теокена число мертвецов, сложенных друг на друга, превосходило воображение. Сюда сгоняли женщин и девушек, которых сбрасывали в Евфрат, сюда сгоняли детей и подростков, которые брели по крутым дорогам и тропам. Стоит вспомнить и село, Арга, где были загублены люди, высланные из Харберда во время первой депортации, высланные во время первой и второй депортации из Себастии, а также 120 молодых строителей солдат; Сурку, где были загублены люди, высланные из Малатии во время второй депортации, а также те, кто был депортирован в октябре 1915 года, 16 февраля и 2 марта 1916 года.

Голод с каждым днем косил прибывающих, даже воду приходилось покупать за деньги. Одна токатская женщина рассказывала, что она обменяла

осла на чашку смешанной с кровью воды. Одна айсорка, которую пригнали к Дер Зору из Шро, рассказала о голодающих в Харане. Люди, депортированные в Харан из Урфы, в пустыне не могли найти даже травинки, чтобы утолить голод, и многие ели трупы своих умерших детей.

Правительство распорядилось привести армянских сирот и открыть для них приюты. Ради успеха этого плана тысячи детей в возрасте 1–8 лет были отняты от груди своих матерей, и ими заполнили 5 армянских церквей, место собраний, школы и большие дома. Местные армяне, которых пока не депортировали, стали красть этих детей. У армян таким образом собралось около 4000 таких детей. Частично им повезло, они хотя бы спали в постели и у них было что поесть, хотя жандармы постоянно преследовали их. Турки и курды также уводили этих детей, у них была привилегия. Около 15 000 детей сейчас находится в Малатии в домах турок. Ну, а освободившиеся от забранных детей места быстро заполнялись. Из достоверных источников известно, что число доставленных туда детей достигало 40 000.

Ужасно было смотреть на этих беспризорных детей. Хотя были доставлены и женщины для ухода за ними, но они сами о себе с трудом могли позаботиться. Многие дети пока даже разговаривать или ходить не умели, да и есть не могли самостоятельно. Не могли прошагать до родника, чтобы утолить жажду, или подать знак, что хотят есть. Определенно, так они могли прожить дня три, не больше. Во всех сиротских приютах царил нищета, невозможно было находиться даже на расстоянии получаса от них, чтобы не задохнуться от зловония. Не было ни клочка материи, на которой можно было лечь; свалка мусора, спальня и тюрьма – все сразу. В дополнение к этому бедственному положению, питания тоже не давалось, сначала – по одному тайнуну³³⁰ (50 драм³³¹ хлеба) на ребенка, однако спустя некоторое количество времени эту норму заметно урезали, уже давали столько же, но на пару душ. Результатом всего этого явилась эпидемия, которая собирала свой урожай. Загрузили десять повозок трупов детей, отвезли и сбросили в ямы, расположенные возле Боз Тепе, и землей не засыпав. Попытались предотвратить распространение эпидемии, всех больных собрали и отвезли прямо к трупам. Каждый день туда выбрасывали трупы и больных, но вместо того, чтобы уменьшаться, число больных увеличивалось, угрожая всему городу. И действительно, вскоре и дома турок и мухаджиров превратились в очаги эпидемий, и получилось как в пословице, да помрет тот, кто ограбит армянина.

В конце июля правительство потребовало закончить все расчеты с армянами. Прежде всего, оно само стало собирать остатки платежей. Один полицейский и один жандарм парой ходили по домам, предъявляли долговые обязательства и требовали деньги в их оплату. Женщин, у которых не

было денег, пороли до тех пор, пока те их где-нибудь не доставали и не отдавали. Помимо денег ничего другого в казну правительства не требовали. Но требовали для себя. Отныне любой турок, у которого были какие-то отношения с армянином, мог требовать возврата долгов. Многие даже сами были должны, но это ничего! Он говорил – с армянина мне причитается то-то, брал полицейского и вместе с ним входил в дом и требовал денег, а в противном случае завладевал домашним имуществом в счет долга. Узаконенный и открытый грабеж: бессовестные делали все, что хотели, совестливые приходили, требовали свои векселя, рвали календари выплат, дабы не допустить, чтобы они перешли к правительству, и оно бы не потребовало от них деньги армян. А самые жалостливые предпочитали завладевать без насилия: они приходили и мягко давали понять, что армян сошлют и убьют, все достанется правительству, а так было бы лучше отдать все имеющееся знакомому, и дом был бы защищен. Даже убеждали, извлечь то, что было спрятано и забирали себе. Ошибусь, если скажу, что не оказалось тех, кто укрыл армянских детей и женщин. На первом этапе довольно многих укрыли, но когда началась ссылка, сдали всех по одному, чтобы поскорее те исчезли, а сами без зазрения совести пользовались награбленным, другие поступали так, не дожидаясь, пока этим займется правительство.

Кажется, 1 августа дома армян снова обыскали, нашли определенное количество армян, среди которых был и мой отец. Я же чудом спасся, спрятался в запруде, а потом отправился в строительный полк, из которого я до этого сбежал. В ту же ночь глашатай объявил, что армян ссылают на следующий день; также распространился слух, что строительный полк перебит. Чуть забрезжил рассвет, как моя мать и другие пришли на свидание и сообщили печальную весть. Утром окружили Бейюк Мустафа паша, Кучук Мустафа паша, Ниязи, короче, те приходские кварталы, что относились к церкви Св. Арутюна, и началась депортация. Правительство запрягло повозки, конфискованные у других местных, загрузило и отправило людей в направлении Сурку. Над головами женщин и детей размахивали шашками, нагайками, посохами. Наиболее ловкие бросили свои дома и бежали в центральные кварталы, неизвестно на что надеясь. С началом движения ссыльных, дом ушедших печатавали, ставили сторожа, и так же поступали с домами бежавших. Позволяли вернуться в дома только тем, кто служил в строительном полку, а также тем, кому удалось подкупить чиновника, ответственного за отправку. На следующий день окружили и захватили жителей от квартала Чавуш оглы до Хараза, а на третий день – от Хараза до рыночного квартала. Улицы заполнили всякого рода негодяи и алчные люди, получавшие удовольствие от варварских сцен. Здесь девушку похитили, там украли пищевые продукты сосланных, опустошали дом и так далее.

Одна из самых сложных проблем для людей, отправляемых в ссылку, это сохранение при себе денег, притом, что при обыске отбиралось все, особенно деньги. Нужно было придумать какие-то способы. Вшивание денег в уголки лоскутов было обычным делом, но при этом, опасным, так как жандармы очень хорошо владели приемами обысков. Также опасно было прятать в обувь, под подошвы или в кожу. Некоторые держали деньги в пакете в руках, и когда в пути садились передохнуть, закапывали в землю, чтобы во время обыска их не нашли, а потом откапывали. Но и это распознали. А еще клали в нескислое тесто, придавали форму хлеба, но ведь и хлеб тоже отнимали. Каким бы ловким не был ссыльный, если ему и удавалось спастись, все равно долго с этим жить было невозможно. Чем было платить за воду, за место на горе для отдыха, чем задобрить жандарма, хватило бы бриллиантов за скудный хлеб? Только первые ссыльные добрались до Сурку, как до нас стали доходить вести, что в двух часах пути на запад от города, в ущелье Беклер Тереси их окружили, ограбили и часть убили. А избегшие смерти продолжили путь. В Гёзене встретили курдов Ахджатага. Жандармы позволили курдам поступить, как им заблагорассудится. Курды забрали незамужних девушек и невест, а остальных предали мечу. Таким образом, освободившись от заботы вести дальше, жандармы вернулись обратно.

Восемь дней спустя, началась вторая депортация, на этот раз продлившаяся три дня. Опять дома служивших в строительном батальоне оставили в стороне, собрали тех, кто избежал предыдущей ссылки или сбежал во время сбора. На этот раз ссыльным не предоставили ни одной повозки и ни одного быка, погнали пешим образом, но не в сторону Сурку, а в Фрнджи, где они смешались с остальными ссыльными, которых туда пригнали из разных мест, а оттуда отправили по дороге Кяхты к Самсату.

4 августа, как обычно, нас отвели на работу в ущелье Интере. Вечером, когда мы вернулись и пошли навестить наших матерей в сад гончарной мастерской, нас окружили жандармы. Все, конец, мы были в пучине смерти, казалось, что в наших черепах стал гаснуть огонь. Жандармы нас построили и повели к казарме, а оттуда к дому управляющего. До нас туда привели два других отделения батальона. Час мы прождали во дворе, потом нас отвели в тюрьму. У первой двери тюрьмы нас обыскали охранники – под предлогом поиска ножа, отобрали кисет, четки, кольцо, и тому подобное. У второй двери тоже был обыск, где отобрали табачницу, платок, и так далее. К счастью, проходили быстро, а то у нас не осталось бы ни гроша. Вошли в наружный сад, потом через пять смежных дверей, вошли во внутренний двор. Здесь были уголовники – турки и курды, которые с ликованием глядели на нас. На этот раз нас провели в помещения, которые называли кемурлук (хранилище угля) и хлевом. Охранник, пересчитав нас, запустил внутрь. В первое поме-

щение ввели 150 армян, открыли следующее, и туда – 130 человек. Здесь уже несколько дней находились 20 человек. Еще 70 человек завели в коридор, остальных 50 загнали в помещение, называемое ал-Катиль (дом преступника). Всего – 400 душ. В растерянности стояли, мы, осматриваясь кругом. Попросили сесть, но как – если места едва хватало, чтобы стоять. Наконец, с трудом сели друг на друга. Дверь тюрьмы была закрыта. Всю нужду приходилось справлять здесь. Там было лишь одно окно, выходящее во двор тюрьмы, закрытое на 3–4 деревянными и железными прутьями. Не было и лампы. Скорее задремали, чем заснули. Просыпались тогда, когда чья-то нога опускалась на рот другого. Утром охранник открыл дверь, потребовал убрать всю грязь и дал полчаса на то, чтобы занялись своими нуждами. Не успели 40 человек умыться, как всех вновь загнали внутрь и закрыли дверь. «Старожилы» сказали, что это делается для вымогания денег. Посмотрели, что у кого есть, с трудом собрали 20 курушей, что охранника не удовлетворило. Снова собрали, образовалось еще 5 курушей, охранник убедился, что у нас денежный голод, удовлетворился этим и открыл дверь. Теперь у нас была возможность пройти до двора. Впервые я встретил отца, которого арестовали на 12 дней раньше меня. Никто из нас не заговорил, слезинка в его глазах, слезинка – в моих. Сохраняли молчание, но поняли друг друга. Очередь действовать была за разбойниками. Арестанты-турки, если на ком-нибудь замечали что-то вроде пальто или жакета, сразу же заставляли снять, а охранники не издавали ни звука, ведь и у них была своя доля в этом. Преступники подзывали того или другого, подходя к дверям тюрьмы, где томились армяне, и так до вечера, после чего многие лишились шапки, пояса, ботинка, и так далее. Меня это все более угнетало, когда я видел, что недостойные и осужденные турки свободно разгуливали, в то время как мы, невинные, ждали смерти.

На второй день мы не получили еды (передачи) из дома, что было признаком скорой ссылки. К полудню стало ясно, что семьи, принадлежащие служащим в строительном батальоне, сошлют. Правительство только выделило армян-ремесленников, чьи дома не тронули. От рыночного квартала до улицы Понджуклянов – всех вывели в тот день, остальных по неизвестным причинам отложили, пошли разговоры, что пришла амнистия. В тот же день в тюрьму привели юношей из Себастии, извозчиков, им выделили отдельное помещение и пообещали дать хлеба. В тот вечер я рано заснул, но часа в 3–5 утра проснулся и увидел странную вещь, все мои товарищи глазами, полными ужаса, смотрят наружу из единственного окна. Во дворе полицейские связывают юношей из Себастии, за ними, несомненно, должна была подойти и наша очередь... Стали убивать, затягивать веревки вокруг шеи. Жертва, не произнеся ни звука, падала на колени, и ударом ту-

пого конца топора по голове, ее добивали... Теперь лежали одни трупы... Веревки развязали, стали грузить трупы на повозки. Мы перевели дух, но утром почувствовали боль, что нас ночью не убили и что таким образом не освободились.

Упорно ходили слухи о прощении, но его границы сузились: оно касалось католиков, протестантов, сурьянов³³², уже стали регистрировать имена людей, относящихся к этим верованиям, а из григориан должны были освободить ремесленников из 50 домов. Обладатель 25 золотых мог регистрироваться как ремесленник и выйти из тюрьмы.

14 августа хлеба в дом ничего не принесли, началась ссылка, теперь уже без разбора – ремесленника, протестанта или католика. Людей хватили и бросали в тюрьму. Они рассказали, что в городе и мухи не осталось с армянским именем. Забирали всех. Догадывались, что с наступлением ночи будем отсчитывать последние минуты нашей жизни. Новоприбывшие имели при себе деньги, дали нам 3 золотых, купили еду – сыр, виноград, хлеб, поели в полдень все вместе, потом станцевали и заплакали. Старшие помолились, причастились на хлебе, стали готовиться к смерти. Наступил вечер. Малейшие шорохи снаружи нас повергали в дрожь, ждали до утра, но никто не пришел. На следующий день тоже хлеба не принесли, денег тоже не было. Чувствовался голод. Вечером пришла весть, что мудир полиции Харберда прибыл в качестве следователя, всех армян погнали в поле Алмалу оглы, там отделили католиков-армян, латинов, протестантов, сурьянов³³³ и вернули, а из григориан отобрали 50 человек – ремесленников-надомников. В тюрьме находилось около 40 протестантов-католиков. У них появилась надежда.

Вечером 15 августа пришел в тюрьму мудир полиции, вывел всех арестантов во двор и спросил, есть ли кто, умеющий готовить маковое масло. То было отцовское ремесло. Отец вышел вперед, а за ним я и еще несколько человек. Затем он захотел, чтобы явились и те, кто умел изготавливать кошму, и таковые вышли. Всего оказалось 11 человек; нас вывели из тюрьмы, отправили вместе с жандармом в сторожку Харазана, чтобы проверить, кто из наших домочадцев сослан и действительно ли мы владеем нашим ремеслом. 16 августа, мы явились, троих оставили дома, остальных увели. Каждому из нас троих дали по бумаге, остальных снова отправили в тюрьму. В ту ночь половину наших товарищей увели и убили, другую половину убили в следующую ночь, среди них – католики и протестанты, бывшие в тюрьме.

Число местных армян, приведенных обратно, превысило 1000 человек, а вместе с теми, кто укрывался (детьми, женщинами и молодежью) достигло 2000 человек.

17 августа было объявлено, что будут обысканы и дома мусульман, и что накажут тех, в чьем доме обнаружат армян. Мусульмане, в чьих домах

укрывались армяне старше 10 лет, стали их впопыхах приводить на место сбора для отправления в ссылку. Младших хозяев официально зарегистрировали, а те, кто увел девочек постарше, выдали их замуж. Сейчас имеется 8500 армянских девушек, выданных замуж.

Около месяца прожили без каких-либо ужасающих событий. По окончании месяца правительство издало распоряжение: предоставить 15 дней на смену религии, и те, кто пожелают свободной волей принять ислам, пусть запишутся. Суть приказа распознали. Полиция врывается в дома требовала немедленной смены веры, в противном случае, угрожая увести. План оказался успешен, очень многие из освобожденных приняли ислам, но были и такие, кто остались христианами...

В конце декабря 1915-го проходил военный призыв, от армян потребовали 84 человека. Почти все явились и стали работать. Я с двумя другими был направлен в Харберд, затем – отправлен на побывку обратно. В начале февраля 1916-го вернулся в Малатию. Весть о падении Карина дошла 14 февраля. В тот же день стали арестовывать армян, 34 человека уже посадили в тюрьму, на следующий день их семьи были высланы. 2 марта снова собрали «сапкал» – имеющих прошлое, их также семьями сослали. Мужчин убили в Сурку. С 2 февраля по 3 октября 1916 г. был убит только один армянин, на мельнице, – сын Бэло Назарет Карагезян. 3 октября я снова прибыл в Харберд и перешел в Дерсим. Сейчас армянские кварталы превращены в груды развалин.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 471, лл. 1–27, подлинник, рукопись.

ДИАРБЕКИРСКИЙ ВИЛАЙЕТ

№ 131

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО ЗАКАРА ФНТХЯНА О ДЕПОРТАЦИИ И РЕЗНЕ В СЕЛЕ НЕХРИ БАЛУЕВСКОГО НАХИЕ АРГНИЕВСКОЙ КАЗЫ ДИАРБЕКИРСКОГО САНДЖАКА

1917 г.

Карин.

Сведения Закара Б. Фнтхяна о селе Нехри, округа Балу, расположенного в получасе пути к востоку от города:

Наше село было полностью армянским, состояло из 60 домов, население почти 2000 душ. Имелась одна каменная церковь³³⁴ с одним священником

и две школы – одна для мальчиков, другая – для девочек, 2 учителя, 2 учительницы и 125 учеников обоих полов.

В селе было 250 спаренных быков, 500 коров, более 1000 овец. Сеяли 60 чарек³³⁵ (20 пудов) семян, 75% земли принадлежали селянам, остальное – хозяевам наделов, туркам.

Когда был объявлен военный призыв, я всего год как вернулся из Америки, и меня не было в мобилизационных списках. По этой причине меня не призвали, но потом муфтий, который ходил в соседнее село, донес властям на всех тех, кто не был зарегистрирован. Итак, я стал беглецом, а моего брата взяли в армию. Три месяца был беглецом.

8 мая жандарм-сотник от имени властей прошелся по селам в поисках солдат-беглецов. В ту ночь он с 15 солдатами осадил наше село, собрал священника и предводителей, избил до полумертвого состояния. Потом потребовал выпивки, опьянел и потребовал принести скрипку. Принесли, ему не понравилась, приказал принести получше. Пришли, чтобы взять мою скрипку, что я из Америки привез. Сотник, увидев, что скрипка американская, затребовал ее хозяина. Человек сказал, что хозяин в Америке. Сотник обозлился, напал на него и сказал, что если хозяина не приведут, пристрелит его самого. Он меня не выдал, и тогда сотник его бил до тех пор, пока тот человек не обессилел. Бил палкой по ногам. На следующий день он поехал в Хошмат, там завел речь о той скрипке и попросил, чтобы эту скрипку купили для него; он также хотел узнать, кто же ее хозяин. Мухтар Хошмата по наивности сообщил, что хозяин – Закар Фнтхян, и живет в селе Нехри. Чуть позже мухтар Хошмата пришел и попросил, чтобы я продал скрипку. Я продал ее за 5 золотых. Мухтар пошел к сотнику и, подкупив сотника, передал ему половину требуемого числа солдат. Сам сотник, вернувшись в город, позвал к себе мухтара нашего села и сказал: «Ты меня обманул, хозяин этой скрипки находится в селе, его нужно сдать мне». Мухтар вернулся и попросил меня сдать. А я сказал, чтобы сообщил сотнику, что я дома, пусть придет и поймает. Несколько дней спустя сотник появился в селе и, с несколькими солдатами окружив дом, пригрозил, что если не сдамся, то спалит мой дом. А в это время я уже был в верхней части села, занял позицию между камней и решил, что если дом предадут огню, я буду стрелять в них, а там – будь что будет. Они жестоко избивали моего отца. Потом жена мухтара попросила сотника уйти, обещав, что меня сдадут, как только вернусь домой.

В начале мая стали собирать оружие у народа. Относительно нашего села упомянутый муфтий сказал: «Это село нам оставьте». Муфтий пришел в наше село и сказал, чтобы оружие сдали ему, и тогда власти никому не причинят неудобства. Селяне сдали ничемное, но власти этим не удов-

летворились: «В Нехри есть хорошее оружие, и оно должно быть сдано», – таков был приказ. Муфтий снова пришел в село, стал убеждать; все сдали оружие, пошли и собрались в «хонахе»(жилище) муфтия. А я оружие не сдал: жена мне сказала: «Не носи, всех должны убить, так хоть с оружием в руках умрешь». В тот же день мы с женой покинули село вместе с ребенком и ушли в заранее подготовленную пещеру, где с восемью товарищами собрались укрыться и обороняться. К сожалению, никто не пришел. Остались мы одни, а оставшиеся [мужчины], со всем их имуществом, были убиты у муфтия, который якобы должен был их защищать.

К тому времени уже всех молодых людей собрали в городе, требовали сдать оружие, подвергая всякого рода пыткам и мучениям. Я много раз приводил в качестве примера 96-й [год] и бойню в Киликии, где сначала собрали оружие, а потом осуществили резню. Но люди не обратили внимание и сдались.

В ту же ночь ко мне пришел мой брат, долго умолял отдать ему хотя бы жену и ребенка, чтобы отвести в жилище муфтия. Убедил, наконец. Я же спрятал оружие в укромном месте, взял револьвер «кольт» и спустился за ними. Муфтий встретил нас приветливо, обещал обратить на меня особое внимание. Наутро жилище муфтия окружили жандармы, а он вдруг превратился в зверя, отдал приказ всех связать и сдал жандармам. Я спрятался на сеновале. Было ясно, что всех перебьют. А сам муфтий, изменившись в лице, стал кричать: «Из нехрийцев один бежал, а я его мастерски вернул к себе прямо в руки. Теперь все вы умрете».

Спустя три дня слуга муфтия нашел меня, сказал, что должен убить всякого, кого найдет, и потребовал 3 золотых, чтобы отпустить. Я попросил, чтобы он привел ко мне мать и жену, пообещав, что заплачу. Мать пришла, я снял со своей руки кольцо и отправил к дочери муфтия, чтобы меня освободили. Таким образом узнали, где я нахожусь. Шейх³³⁶ пришел ко мне и схитрил, мол, говорит, раз уж я остался, он должен меня освободить, отправив в другое село. На следующий день он вызвал курдов из другого села, сдал меня им и наказал, чтобы хорошо «заботились обо мне», а на самом деле, втайне от меня, приказал им, чтобы в ущелье меня убили. Муфтий проводил нас до садов, потом вернулся к себе. Когда спустились в ущелье, курды потребовали денег: «Ничего не сделаем с тобой, но ты должен дать нам денег». Я уже догадался, что должно произойти, под рукой я держал «кольт», на всякий случай. Засел за камнем, один из курдов хотел выстрелить в меня, но я его опередил, и он упал. Я убежал, вернулся к своему тайнику, взял оружие. Днем прятался, по ночам выходил.

Однажды ночью я вышел и направился по дороге, ведущей в город, и по пути стали свидетелем ужасной картины: со стороны дороги были жен-

ские тела с изуродованными половыми органами, насаженные на заранее заготовленные колья, руки растянуты крестом, груди изрезаны и изодраны вклячья, а напротив – головы мужчин, повернутые в сторону женщин, их тела лежали лицом вниз, а в зады вбиты палки. В это мгновение у меня кровь ударила в голову, а тут мимо проходила группа курдов, меня приняли за своего, подали голос. Я стал стрелять. После довольно длительной стрельбы друг в друга, я отступил в темноту, не зная, убил ли кого, или нет. Вернулся в свое укрытие, где провел 17 дней, откуда выбирался по ночам и везде наткался на те же случаи.

Женщины и дети нашего дома продолжали оставаться у муфтия. Он их послал работать в поле. Я воспользовался возможностью увидеться с ними. Они мне сообщили, что есть приказ в течение семи лет убивать любого мужчину, кто им попадется. Поняв, что я один-одинешенек не смогу совершить ничего полезного, решил уйти и отправиться к одному знакомому курду. Задумал пойти в одно местное курдское село. Пошел, но заблудился и два дня провел в горах, но потом дошел до села и вошел в дом курда. Он был жандармом у Арифа оглы, который занимал должность в деле депортации армян. Его не было дома, но жена, мать и дочь были. Дочка знала армянский. Попросил защиты, стал ждать. Тот человек меня принял хорошо, обещал защиту, но потребовал денег. Спустя несколько дней, как-то утром он, как обычно, отправился искать и убивать армян и наказал матери, чтобы меня вечером удалили. Несколько курдов должны были поджидать и, как только я выйду, убить меня.

Вечером я был готов к выходу, но предчувствовал, что попаду в ловушку. С револьвером в кармане я был наготове. Обратился к дочери курда: «Я попал в ваш дом, чтобы спастись. Сегодня вместо того, чтобы спасти, выгоняете, чтобы меня убили». Дочка схватила меня за руку и сказала: «Пока я жива, и ты будешь жив в нашем доме». Отец пришел, но перечить дочери не стал из-за меня одного.

Курд каждый день уходил и к вечеру возвращался. Кто знает, скольких армян он убил, но обогатился он большим количеством золота и серебра.

В тот день, когда девочка пообещала меня спасти, она попросила, чтобы я изготовил дверь в комнате. В тот же день я изготовил. Вечером пришел отец, спросил – кто дверь сделал. Девочка попросила, чтобы не побил, если скажет. Отец дал слово. Девочка указала на меня. Курд сказал: «Я тебя попридержу, потому как ты ремесленник». Хотя и не хотел тебя убивать, но был вынужден, потому что правительство строго приказало: «кого встретите – убивайте в течение 7 лет». Но обещал держать у себя, назвал меня Хусейном.

Какое-то время я работал, делал всякое. Затем вновь потребовало, чтобы я удалился, так как, якобы, боялся властей. Девочка дала одному курду три

золотых и отправила меня в местечко Музыре Кале, на склонах Дерсима, к своему дяде – вождю курдского племени Млло Хусейну. Он был знаком со мной. Любезно принял меня, вооружил с головы до ног. Я попросил его, чтобы поехали и забрали мою жену и ребенка. Вооружились, оседлали коней и ночью отправились. Я подошел к тому отделению хонаха, где находились армянские женщины. Вошел. Узнал, что ребенок мой умер. Забрал жену, и мы вернулись в село курда.

В это время стали пригонять народ Кеги. Мой хозяин настоял на том, чтобы и я пошел грабить с ним. Я воспротивился, а он сказал: «Должен обязательно пойти, чтобы другие внимания не обратили». Я согласился, и мы поехали.

Приехали и увидели, что началась ужасная резня. Я увидел, как одну женщину забили до смерти. С одного боку висела разорванная грудь, она была уже в агонии. Рядом был ребенок, плакал, хотел молока. Взял ребенка и положил на грудь матери, и он стал сосать окровавленное молоко. Слезы стекали по моим щекам. Товарищ мой подошел, увидел и решил, что дальше не пойдет. И так, больше не ходили куда-либо грабить. Здесь же видел женщин, полностью обнаженных, заколотых саблями, а руки, раскинуты как крест.

Мой защитник курд отправился в Балу, через несколько дней вернулся, рассказал, что на мосту через Евфрат открыта специальная бойня по приказу губернатора Халил бея: нанятые люди, одетые в белую одежду, идут и с трех мест выводят армян на мост. Сначала сам губернатор отрезает головы некоторым, потом перепоручает дело палачам и объявляет: «Тело – народу, голова – правительству». Голову бросают в одну сторону моста, тело – в другую, а красивых мальчиков отбирают и отправляют домой к губернатору для утоления собачьих утех.

А в это же время один немецкий чиновник организовал караван из 40–50 мулов, груженных корзинами. Ходили по разным местам, собирали брошенных детей в корзины, привозили к Евфрату и сбрасывали вниз.

Немного спустя, в начале марта курды пошли на турок. Правительство стало готовить поход на Дерсим. Мы с оружием в руках отправились на позиции, подготовились к самообороне. Пришли турецкие солдаты, начался бой. Мы дрались до вечера. Защитник Млло был убит. В смертной агонии подозвал мою жену к себе и сказал: «Алмаст, отомсти, возьми мое ружье». Жена моя взяла ружье и стала воевать вместе с нами. В тот день более 250 человек лежало перед нашими позициями, помимо раненых. На следующий день натиск усилился, мы не смогли его выдержать, с боем отступили в горы. В те дни мою жену ранило, и она упала. Не смогли ее подобрать и взять с собой, и она осталась в руках турок. Головы Млло, Сейида Баждаша

и моей жены отрезали и повезли к губернатору. Целый час они висели на двери.

После того, как погибли мой защитник и моя жена, я спрятал оружие, оставив у себя только револьвер марки «Кольт». С мешком нищего на плече я отправился в Дерсим к курдам как нищий. Турецкая армия в районе боев разрушила более 100 курдских сел, потом многие курды сдались. Всех их перебили.

Я нанялся на работу к дерсимскому курду, сколько-то дней проработал там, а после взятия Ерзнка, с несколькими товарищами перебрался в Ерзнка.

Закар Б. Фнткян.

Балу-Нерхи.

[Записал Амадуни].

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 492, лл. 12–21, подлинник, рукопись.

ТРАПЕЗУНДСКИЙ ВИЛАЙЕТ

№ 132

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ ГОАР САРЯН О РЕЗНЕ В ТРАПЕЗУНДЕ

[1916 г.]

[Тифлис].

Госпожа Гоар А. Сарян, 34 года, коренная жительница Трапезунда, российскоподданная, мать троих детей – Нунофар, Шушаник и Фархат, имеет 16-летнюю служанку. Живут в Тифлисе, 8-й квартал, Свянной пер. № 10. Муж – Арам Сарян и два деверя, Артак и Арменак Саряны, убиты в Трапезунде.

Во время турецкого военного призыва солдатам-армянам оружия в руки не дали, их использовали в качестве рабочих, а зажиточные уплатили бедел. Армяне Трапезунда служили с чрезвычайной верностью, сделали неслыханное количество пожертвований, но все равно правительство полностью завладело имуществом магазинов армян и греков. До 1 июня 1915 г. положение в Трапезунде было спокойным, многие жители выехали на дачи, хотя возможно из страха бомбежки.

В мае, из-за событий в Ване, стали производить строгие обыски, особенно у российскоподданных и у дашнакцаканов, но смогли найти только один револьвер и несколько охотничьих ружей.

11 июня собрали всех подданных России и 15 революционеров и объявили, что их по самонской дороге должны отправить в Сваз. Их собрали в одно судно, всем перевязали веревкой руки, потом закололи кинжалами и сбросили в море. Один человек, его звали Вардан, российскоподданный, раненный в голову и в руки, выплыл, окровавленный и спасся. Он обратился к итальянскому консульству, которому было поручено защищать российскоподданных, но консул его прогнал. Потом Вардан наивно обратился к губернатору с жалобой, но турки отвезли его в больницу и там отравили. Все эти подробности я узнала от 15-летнего сына губернатора, который рассказывал об этом с гордостью.

Я и одна моя родственница, муж которой был с моим мужем на том судне, пошли в итальянское консульство, требовать объяснений. Консул нас принял очень плохо, даже выгнал из консульства. Он оказался очень безответственным человеком, не смог или не захотел защищать российскоподданных и их семьи.

13 июня, в субботу, были развешаны объявления, что [армянам] дается пять дней на сборы перед отправкой в Междуречье, и чтобы имущества и богатства с собой не забирали и грекам или туркам не продавали. Каждый должен был лично сдать свое имущество властям. Остаться могли только старики, больные, вдовы и беременные. Остающиеся должны были обратиться с прошением в мэрию, уплатить по 2 куруша³³⁷, после чего получить от жандармерии документ и с ним на руках оставаться в городе.

Кроме того, правительственных чиновников-армян сняли с должностей под предлогом, что их вместе с семьями должны отправить через Самсон в Анарку, а оттуда, якобы, в Константинополь. Кто желал, мог нанять экипаж с лошастью, но их там было не найти. Все поняли, что пешее путешествие в Междуречье попросту означает истребление, и началась паника.

На улицах не было заметно ни турецких семей, ни греческих – все удалились в села, чтобы не быть свидетелями зулума. Мы собрались женщинами и детьми и обратились к губернатору. Нас грубо выпроводили. Обратились в немецкое консульство, находящееся в часе пути от города в летнем доме. Консул нас плохо принял и сказал: «Раз уж сделали, теперь терпите».

Спросили: «Что сделали?». «А Ван?» – ответил он. «Здесь не Ван, да и мы – спокойный народ, ничего не знаем». И так долго просили, умоляли, но он жалости не проявил. Обратились к австрийскому консулу. Он принял нас с любовью. Заплакал и сказал: «Хотел бы помочь, да нечем».

Вернулись в город и обратились к американскому консулу. Он нас обнадежил, сказал, что постарается, но сделать ничего не смог, только укрыл у себя своих сотрудников с семьями – всего 15 человек.

Обратились и к главе Иттихада Наиль бею, а он с хитрой улыбкой нас обнадежил, что в дороге нас будут охранять и проявлять заботу. Однако среди тех, кто отдавал приказ о резне в Трапезунде были и Наиль бей, и губернатор, и глава отдела здравоохранения мэрии, и полицмейстер Мехмед Али, которые Трапезундцами не являются, а из местных Мутай эфенди, сахарозаводчик Салих и еще несколько человек, всего – 12.

На четвертый день стали собирать еще людей, их погнали в армянский монастырь, в получасе пути от города. В четверг начали собирать семьи по-квартирно, после чего последовал новый приказ – каждый мог оставить своего сына у знакомого грека, в американской миссии или у греческого деспота³³⁸. Много девочек младше 15 лет, мальчиков младше 10 лет было разлучено с родителями и передано миссионерам и греческому митрополиту³³⁹.

К группе людей, изгнанных из города, присоединились мужчины, собранные в монастыре. Их всех передали одному сотнику и 20–30 жандармам. Еще армянские группы не начали свой путь, а разбойники уже отправились.

Часть местных турок не приняло участия в этом кровавом деле. Непосредственными участниками убийств были сотники, жандармы, турецкие четники, а также все сидевшие в тюрьме уголовники, которых для этой цели выпустили из тюрем, а также беженцы-грузины, матросы. Среди них наибольшим зверством отличились портовый «кяхья»³⁴⁰ и его молодой брат Аслан, а также уголовник Неджат.

Первую и вторую группу, смешанную – мужчин и женщин, довели до местечка Балдабан, что под Гюмушхане. Там мужчин отделили, перебили, а женщин погнали в Ерзнка. Одна женщина вернулась и рассказала о лишениях, выпавших по пути и об этом расставании. Дорога была полна полиции и жандармов, и постепенно, каждый день отправляли высланных.

В часе пути от города издалека были слышны крики и вопли, я шла, закрыв уши руками. Многие женщины и девушки выпили яд, когда жандармы ворвались в их дома, чтобы депортировать. Хачик ага Асланян выбросился из окна и умер, Карапет Мнацаканян покончил собой ножом. Жена одного армянина, болгарка по происхождению, перерезала себе горло. Отец гнчака Гургена Саргсяна поджег свой дом, но умер под каблуками полицейских. А сам Гурген прятался в другом доме и спустя 15 дней вышел из укрытия в одежде турчанки, но попал в руки полиции. Каваз³⁴¹ американского консульства покончил жизнь самоубийством. Шейранский дашнакцакан Седрак укрывался на чердаке своего дома, но был замечен, дом окружили полицейские, спустя час борьбы, он был убит, успев ранить одного полицейского.

В церковном квартале села Зефанос скрывались трое армян-крестьян. Когда их заметили, началась борьба. Дом сожгли вместе с ними. Один жандарм был убит.

Многие богатые женщины через день-два вернулись с дороги: им сказали – если укажете, где спрятали богатства, то спасетесь. Приходили усталые, ноги распухшие, указывали, а их обратно отправляли. На этот раз убивали на берегу реки Дэгирмен дэрэ, что в получасе пути от города, там убивали и сбрасывали убитых в реку. По пути грабили и жандармы, и бандиты, насиловали всех женщин старше восьми лет, кто сопротивлялся, сразу же на месте и убивали.

А мужчин последних групп уже убивали вблизи города; так же поступили и с селянами, будь то мужчины или женщины, которые не могли пройти и дня пути. Вдоль реки лежали сотни, тысячи полностью обнаженных тел, заколотых саблями, шашками. Их сбрасывали в реку. Все это рассказывали те же солдаты, девушки и женщины, которые были замужем за турок, да и сами турки.

А я уже 15 июня с детьми отправилась в Соуксу к губернатору. Долго плакала, умоляла. Жена губернатора меня пожалела, попросила за меня, позволила притвориться больной и остаться в больнице. Я с моими тремя детьми и служанкой после этого остались в больнице. Спустя три дня оттуда убрали больных турок и на их место привезли армян – стариков, больных, беременных, детей, а также тех детей, которые были у американцев и греческого Митрополита. Большие дома армян, отели, школы и Здание Армянского Предводительства открыли, заполнили детьми и назвали школой. Мальчиков старше 10 лет отобрали, погнали в Джевизлик, из них нескольких забрали себе турки, всех остальных, заколов штыками, убили.

Главный врач каждый день осматривал всех, одну часть отправлял к морю, других на бойню. Каждый день привозили в корзинах брошенных и беспризорных детей, завшивевших и грязных, размещали на месте угнанных. Турки приходили, забирали понравившихся. Спустя пять дней привезли сублиму³⁴² и стали давать пить больным – кого убеждая, кого заставляя. Многие сразу умерли. По окончании восьми дней больницу очистили, все трупы погрузили на повозки, отвезли к морю и сбросили. Мудир больницы Мехмед Али бей завладел имуществом людей, которых держали в больнице.

С другой стороны семьи чиновников стали погружать в лодки, везти подалее в море, убивать и сбрасывать в воду. Среди них были брат моего мужа – работник телеграфа, его дочь и жена.

Солдат-армян продержали 15 дней, многие уже работали на дороге. Потом их заставили своими руками рыть большие ямы, закололи штыками и

там же похоронили. А мужчины Балдабана были перебиты руками сорока четников. Их поставили в ряд, и как рассказал один спасшийся солдат, одним выстрелом простреливали по 25 человек.

Депортированных погнали к Кемаху. Там несколько женщин и девочек были оставлены у турок, потом погнали к Акна, к одной из самых глубоких расщелин и большую часть сбросили в реку. Если группу сопровождал добрый жандарм, удавалось пройти через мелководье. Это рассказала одна женщина, спасшаяся оттуда – она дошла до Акна, потом прошла Кирасон, а уже оттуда, с большой изворотливостью, добралась к нам, в Трапезунд. По ее словам, напротив Евфрата есть скала, на которой выдолблены слова: «Блажен, кто видит эту скалу». И вроде бы по ту сторону от Кемаха большой опасности нет. С той стороны умирают только от голода, усталости, болезней, без одежды и денег. Более ловкие остаются в домах турок в городах, встречающихся на пути, остальные продолжают путь до Междуречья. Спустя пять месяцев получила письмо от жены и детей деверя, они были в Акна. Также получила весточку от 15-летнего брата, который писал, что прошли Харберд.

Я и мои дети, так же как и Махояны (мать, сестра, дочь) и шесть других девушек, остались в больнице под защитой жены губернатора и не могли выйти, потому что нас поймал и убил бы комитет (иттихад). В конце июля нас повели во французский алтарь, превращенный в мечеть, куда пришел имам (турецкий священник) и произвел ритуал нашего обращения в ислам. Нас было 15 человек. Шесть девушек обвенчали с молодыми мусульманами. А мне сделал предложение мудир, но я четыре месяца отказывала, говоря, что муж мой жив.

В больнице один врач Авни бей, который неплохо к нам относился, рассказал об одной крестьянской девушке, которая выдержала ужасные страдания: она была ранена в 95-ти местах, ее поймали, привели в больницу, чтобы потом отправить в Константинополь, но ночью она исчезла.

Работавшую кухаркой у главного врача исламизированную женщину по имени Галик шесть месяцев спустя бросили в море только за то, что она плохо сделала стирку.

Жена губернатора приехала с дачи в город и взяла меня с собой в Со-вуксу, где были еще пять девочек: Арменуи Кахриманян, Угабер Чгнаторян, Арусяк Казанчян, Сирануш Экмеджян (она умерла от чахотки) и 4-летняя дочь Арсена Минасяна.

Мудир Мехмед Али потребовал, чтобы меня послали в Бладану, но в дороге сразу же убили, ведь я отвергла его предложение. Я рассказала это жене губернатора, и она по доброте своей обвенчала меня с одним правительственным чиновником Эдхемом Эфенди. Этот человек был очень добр

и содержал меня и моих детей достойно. Он как-то рассказал, как 6 женщин и девушек и 2 мужчин – все вооруженные – не выдержав голода, сдались, а турки их ночью отвезли и бросили в море. За эти дни 4 крестьян пришли и сдались, они даже подверглись обрезанию, но их все равно убили.

Эдхем эфенди продержал нас у себя четыре месяца, а потом отвез в греческое село, чтобы мы там укрылись с детьми, когда начали депортировать в Самсун исламизированных женщин и девушек, боясь приближения русских. Два месяца пробыли в этом селе, Канлинке. Там собрались и несколько армян, которые остались живы, укрывшись в горах. Глава села – грек хотел нас выдать, но Эдхем эфенди пригрозил ему, и мы остались там до того как русские захватили Трапезунд.

Десять дней пробыли в Трапезунде, потом поехали в Тифлис через Батум, где и остановились по причине болезни, живем на мое шитье, чему научилась еще в школьном возрасте, но вовсе не использовала в благополучной жизни.

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 453, лл. 9–12 об., подлинник, рукопись.

ПЕРСИЯ

№ 133

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО НЕРСЕСА ТЕР-ТОВМАСЯНЦА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ГЯРДАБАД УЕЗДА УРМИЯ

7 августа 1916 г.
Старая Нахичевань.
Ярмджа.

Рассказывает отец Нерсес Тадеосян Тер-Товмасынц, из села Гярдабад, район Урмия, ныне живет в селе Ярмджа Старой Нахичевани.

21 декабря 1914 г. мы вышли из нашего села, потому что на следующий день туда должны были войти турки, ввиду отхода русских войск. Наше село, состоявшее из 130 домов, сугубо армянское. Все, что имели, оставили, только у меня осталось имущество на 5000 рублей, не считая всякой домашней мелкой утвари. В нашем селе остались только 10 домов и несколько человек из отдельных семей – всего 135 душ. Все пять дней пути, голодные, по колено в снегу и грязи, с мучениями еле добрались мы до Джульфы.

Из нашего села только священник отец Ованес Арутюнян с семьей остался в Урмии, его один английский священник, пожалев, продержал у себя около 2 месяцев в землянках. (Рассказчик не знает имени того священника, а на мой вопрос, как получилось, что тех англичан не перебили, святой отец ответил, они деньги заплатили, их и не тронули).

Эравицкого³⁴³ отца Давида Маргаряна (по вере – католика), турки арестовали (15 января 1915-го, когда он вернулся), надели на шею цепь, накинули на него ослиное седло и коленапреклоненного заставили прошагать весь часовой путь до Урмии.

Восьмилетнюю Сирануш, дочь нашего односельчанина Арутюна Степаяна, курды изнасиловали в его доме. Девочка, не вынесшая длительную непристойность, испустила дух. Из нашего села похитили дочь Тарона Манояна, которая убежала во время приближения русских войск. Девушек осквернили, женщин обесчестили.

Наши односельчане все вернулись, остались только 4 семьи, живут в Эриванской губернии.

Подпись рассказчика:
священник отец Нерсес Тер Товмасынц.
[Записал Амбарцум Галустян]

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 424, л. 13, подлинник, рукопись.

№ 134

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ ШУШАНИК БЕЯТЯНЦ ОБ ИСХОДЕ СЕЛА ТАГЕР УЕЗДА ХОЙ

11 августа 1916 г.
Село Карахан-Беглу.

Рассказывает Шушаник Беятянц, из села Тагер, уезда Хой, ныне проживает в селе Карахан-Беглу Старой Нахичевани.

Во время декабрьского отступления 1914 года, русские отошли из Башкалы (Агбак) и Атрпатакана. Отходя, русские взяли с собой на Кавказ и местных армян; народ Хоя, подобно районам Салмаст, Урмия, был вынужден оставить родные места.

В конце декабря русские объявили, что они отступают и армяне должны тоже отойти вместе с ними (другие свидетели рассказывают, что добровольцы их убеждали отступить, дабы они не подверглись резне). Караван, состо-

ящий из 200 домов, отправился в путь. В селе остались несколько стариков (трое были убиты, остальные живы).

Все наше имущество соседи-турки предали грабежу. Дома не повреждены, но имеются поломки, стены подожжены.

Холод в дороге, голод, а после переселения на Кавказ и инфекционные заболевания привели к тому, что многие умерли, однако, сколько именно – пока неизвестно.

Все наши односельчане вернулись в свой край, только несколько семей остались, в разных районах главным образом Эриванской губернии.

Рассказчица неграмотная женщина 22-х лет.

[Записал Амбарцум Галустян]

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 424, л. 21 и обор., подлинник, рукопись.

№ 135

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО АКОПА ХОРОЗЯНЦА О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ХЕФТВАН И ДРУГИХ СЕЛАХ УЕЗДА САЛМАСТ

10 августа 1916 г.
Карахан-Беглу.

Село Карахан-Беглу Старой Нахичевани.

Рассказчик Акоп Хорозянц из села Хефтваан, Салмаст, ныне живет в селе Карахан-Беглу Старой Нахичевани.

(Рассказчик 32 года был учителем в районах Салмаст и Урми, сам родом из Вана).

В начале декабря 1914 г. курды района Сома, ведомые Джаангиром ага, главой амрханского племени, напали на армянские села Махлам и Сарна. Они подожгли снопы сена и стали продвигаться в эти села, однако, встретив упорное сопротивление селян и русских, бежали.

18 декабря, когда русские отступили к турецкой границе, они позволили народу с собой отойти и перебраться на Кавказ. Мы оставили только движимое имущество, такое как коровы, быки, буйволы, лошади и так далее ценностью в 20 и более миллионов рублей.

Дома в большинстве своем сожжены, либо разобраны на дрова. Сожжена школа Шей[тан]-Ава, зал суда, церковь Св. Богородицы (место паломничества). Их сожгли местные курды. Церкви во всем районе Салмаст разграблены, колокольни разломаны или проколоты пулями.

Хефтван: 650 домов; в айсоронаселенном селе Хосрова: 20 домов армянского населения; Савра: 180 домов армянского населения; Старый город: 125 домов армян; Сарна: 180 домов, сугубо армянское население; Махлам: 270 домов, сугубо армянское население; Шейтанава: 15 домов армян; Дришк: 35 домов армян; Кочамиш: 25 домов армян; Калашан: 20 домов; Паяджук: 400 – сугубо армянонаселенное; Галасар: 200 домов, сугубо армянонаселенное; Ахтахана: 80 домов армян; Кзлджама: 60 домов; Сарамерик: 85 домов; Вардан: 12 домов; Ула: 6 домов; Гюлизан: 4 дома; Патавор: 3 дома. Все вышеупомянутые села отправились в путь из родных мест 20–24 декабря. В это время армяне района Агбак отошли вместе с русскими и пришли в Салмаст, оттуда, вместе с салмастцами, отошли на Кавказ, а часть их осталась с местными в том же Салмасте. Из них 700 человек, главным образом мужчины, были перебиты, подвергшись жутким мучениям: одних убили ударом топора по шее, прижатой к порогу, других расстреляли, третьих расчленили, пока не испустят дух, а еще хоронили заживо под стенами садов. Эта резня произошла по приказу турецкого командира Халил бея. Вместе с солдатами в ней участвовали курды Тимура ага и Джаангира ага из Сомы. Все имущество армян было полностью разграблено.

Местные турки удерживали у себя женщин и детей (рассказчик не помнит имена этих турок), которых собрали в одном доме, подвергли грабежу, тысяче и одному унижению, пока русское войско не вернулось. Русские их снова освободили и забрали с собой на Кавказ.

Народ этого района частично вернулся. Многие нашли свое добро, но оказалось возможным взять с собой лишь незначительную его часть. Остальные живут главным образом в Эриване, Тифлисе, Новой Нахичевани и в российских провинциях.

Есть такие села, где никого не осталось, такие как Сарамерик, Вардан, Кочамиш, Калашан, Дришк и Шейтанава (только один остался, но и его убили), в которых резни не было, а их жертвы – результат трудностей пути, лишений и болезней.

Подпись рассказчика: Акоп Хорозянц.
[Записал Амбарцум Галустян].

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 424, л. 17-я обор. и 18, подлинник, рукопись.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ ТАГУИ ОГАНЕСИ ВАРДАНЯН О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ГАЛАСАР (КАЛАСАР) УЕЗДА САЛМАСТ

5 августа 1916 г.
Халиллу.

Рассказывает Тагуи Ованесян, 38 лет, из села Галасар, Салмаст; сейчас живет в селе Халиллу Старой Нахичевани.

5 января 1915 г. во время отступления русских в районе Башкале, нас забрали, вместе с добровольцами, чтобы турки не совершили резни. Мы даже хлеба взять в дорогу не успели. Все, что осталось после нашего ухода, было разграблено. В селе остались от каждого дома – по одному, по два или более человек; 18 красивых женщин и девочек были похищены, обесчещены, 9 женщин, детей и мужчин бесследно пропали. Прошлой весной 1915-го, когда наши люди отправились в Галасар, там, на краю колодца заметили окровавленную пилу, а заглянув в колодец, увидели 7 трупов – 4-х мужчин и 3-х женщин. Рядом с 6 трупами лежали отпиленные головы, одну голову не нашли.

Поле вдоль дороги было усеяно человеческими трупами и костями, которые были останками перебитого народа – нашего и окружающих сел.

Во время переселения сотни людей погибли от мороза и голода. Я своими глазами видела десятки женщин, которые держа своих малюток на руках, лежали, замерзшие, на дорогах.

На той стороне Аракса, весь район сражения (в Атрпатакане) был опустошен от армян, оставшихся безжалостно перебили или взяли в плен. В прошлом году было достаточно много вернувшихся, но об их числе ничего не известно – как убитых, так и оставшихся в живых. И ныне все, кто остался жив, разбросаны и не знают, где их односельчане и сколько их, родственники не знают, живы ли их близкие, убиты или умерли, а если живы – то где они сейчас находятся.

Сейчас нас 7 душ. У нас был один работник; мой брат отправился в Башкалу, где был убит отец. Мы бежали из Башкалы от ужасов курдов около 15 лет назад и осели в Салмасте.

Подпись рассказчицы – Тагуи Варданян.

Примечание. По словам той же рассказчицы, в следующих селах Башкалы ни одна душа не спаслась: 1. Баз. 2. Арак. 3. Башкала. 4. Эресан. 5. Хаспстан. 6. Аратун. 7. Чух. 8. Монастырь Варфоломея, где несколько человек спаслись.

Тагуи Варданян.

[Записал Амбарцум Галустян].

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 424, л. 7-й об., подлинник, рукопись.

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО ХАЧАТУРА ГРИГОРЯНА
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ МАХЛАМ УЕЗДА САЛМАСТ**

7 августа 1916 г.
Старая Нахичевань.

Рассказывает Хачатур Григорян из села Махлам, Салмаст, ныне живет в селе Кярим бей-Диза.

Рассказчик 25 лет назад бежал от притеснений курдов и поселился в селе Махлам, Салмаст. В конце декабря 1914 г., когда русские отступили из Агбака, для того, чтобы не стать жертвой турецко-курдских зверств, армяне собрались, забрали с собой весь домашний скарб – движимое и недвижимое имущество, и в зимнюю студеную погоду покинули село, состоявшее из 300 домов. Осталось только 44 дома, около 250 жителей, а среди покинувших семей были и такие, у которых остались более одного человека, итого оставшихся было 288–300.

22 марта 1915 г., после отступления русских, бывший губернатор Вана Джевдет бей вместе с правительственным регулярным войском вступил в Салмаст. Курды начали грабить дома, резать население, поджигать жилища. Солдаты Джевдета хватали мужчин, связывали по восемь, по десять человек и подряд расстреливали. Затем упавшие трупы сложили рядом со стеной и разломали стену так, чтобы она упала на них. По особому распоряжению Джевдета, священника села отца Вардана Матевосяна замучили до смерти: засунули в зад палку, соскоблили кожу со лба, тащили за бороду, подвесив за руки, отрезали уши. Только по телу священника нанесли 12 ударов кинжалом. Здесь весь свой яд на армян излил Шараф бек, главарь курдских палачей ханасорского сражения³⁴⁴. Перебили 100–115 человек. Из известных людей нашего села погибли Даниел Никогосян, отец Вардан Матевосян, Габриел Мелик-Овсепян, его сын Месровб Габриелян, Акоп Алтунян, Саят Мелик-Алоян.

Через 10 дней после резни, 2 апреля, мы отправились в село, вскрыли стену сада между Хефтваном и Хосрова, где были спрятаны трупы перебитых, и я своими глазами увидел изуродованный труп священника отца Вардана.

Уши известного общественного деятеля Еновка Исраеляна отрезали, когда он еще был жив, так же, как и губы и нос, глаза выбиты. Подвергнув таким же мучениям, убили Ованеса Кишмишяна, Сафара Аракеляна и других.

2 апреля 1915 г. мы вернулись в свой край, чтобы посмотреть, в каком он состоянии. Мы, вместе с хефтванцами, аласарцами, баяджукцами под-

считали, что, к тому времени, салмастцев было перебито 786 душ. В начале мая того же 1915 г. во время наступления турок резня в районе Салмаст повторилась. Неизвестно число жертв этой второй резни, но насколько мы знаем, было перебито около 400 душ. Собрали женщин со всего Салмаста, изнасиловали, только из нашего села увели 3-х. Остальных в большинстве своем перебили, а те, что живы остались, спаслись из когтей турок-курдов тогда, когда Андраник отбил турецкие атаки.

Большая часть салмастцев вернулась, определенная часть сейчас живет в районах Эривани, Тифлиса, Баку и Ростова.

В моей семье нас было 5 душ, у нас 3 жертвы.

Рассказчик – Хачатур Григорян, 50 лет, человек неграмотный, за него подписался житель того же села Хачатур Григоров.

[Записал Амбарцум Галустян].

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 424, л. 12 и обор., подлинник, рукопись.

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ЗАРУИ МАНУКЯН О РЕЗНЕ
В СЕЛЕ МАХЛАМ УЕЗДА САЛМАСТ**

5 августа 1916 г.
Шых-Махмуд.

Рассказывает Заруи Манукян из деревни Махлам уезда Салмаст, ныне проживает в деревне Шых-Махмуд.

В конце декабря 1914-го русские после победы над турками у Ханасора, вошли в Агбак, но пробыли там недолго и вскоре отошли. Русские сказали, что они будут отступать и армяне должны уйти с ними, если не хотят пасть жертвой разъяренных турок. После восьми дней пути мы дошли до Джульфы. Почти все мужчины, числом 80 человек, остались в деревне, а с ними 200 женщин и детей. Турецкое войско – 7000 человек – 8–9 января подошло и осадило деревню. Наши успешно оборонялись 4 дня, но на пятый день закончились патроны, и из-за этого все попали в плен. Вооруженных мужчин и 200 женщин и детей турки повели с собой в Дилман. На третий день их убили. подвергнув адским мучениям: одному отрезали руку, другому ногу, третьему заживо выкололи глаза и изрубили мечами или расстреляли из нескольких ружей. Самую мученическую смерть принял священник отец Арутюн: турки заживо сняли с него кожу, отрезали по очереди части тела,

пока он не испустил дух. Той же участи подверглись видные люди села Вардан и Еновк(?).

В этой бойне жертвами турок пали 80 человек, лишь один, притворившись мертвым, пролежал 4 дня среди трупов и только потом убежал и выжил (некий канатоходец). Он и рассказал все это.

200 женщин и детей ограбили, раздели, женщин изнасиловали. Целых 8 дней они подвергались зверствам турок, пока не вернулись русские, и турки не бежали. Женщины и дети отступили [вместе с русскими].

Жертвами этого террора стали 6 женщин, одна из них – беременная, и трое детей.

Спасшиеся рассеялись по разным деревням и городам Кавказа. До мая прошлого, 1915 года, многие вернулись, но многие же погибли от заразных болезней.

Оставшиеся, по большей части, живут в Тифлисе и Баку.

Рассказчица – неграмотная женщина примерно 30 лет из села Махлам уезда Салмаст.

[Записал Амбарцум Галустян].

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 424, л. 5 об. – 6, подлинник, рукопись.

№ 139

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕГО СВЯЩЕННИКА МКРТЫЧА ТЕР-ПЕТРОСЯНА О РЕЗНЕ В ДЕРЕВНЯХ МАХМАДКЯР, НАГАДЭ И ГЯРДАБАД УЕЗДА УРМИЯ

8 августа 1916 года.

Гадживар.

Рассказывает священник Мкртыч Тер-Петросян из деревни Гярдабад уезда Урмия, ныне проживает в деревне Гадживар в Старой Нахичевани.

1. О селах Махмадкяр и Нагадэ.

7 декабря 1914 г. место моего прихода – район Сулдуз, подвергся нападению полчищ курдских аширатов, из Дизе, и турецких башибузуков, пришедших со стороны Мусула. Разрозненные отряды русских войск, находившихся между Сулдузом и районом Урмии, пропустили их. Это привело к тому, что русские отступили к Урмии, а курдские бандиты стали грабить армянско-айсорское село Махмадкяр (около 80 домов, половина – армяне, половина – айсоры), увели коров, овец и домашнюю утварь. На следующий

день напали на деревню Нагадэ, но не стали грабить, а всего лишь расположились в домах богатых армян. Последние, опасаясь, что нападавшие станут убивать, похищать и насиловать, укрылись у соседей-курдов. Эти всадники около 5 дней жили и ели в домах богатых армян, били посуду, самовары, женские украшения и так далее. Мы пожаловались на это турецкому командиру, находившемуся в Соуд-Буладе, а он приказал Джемалю эфенди из Вана, чтобы вернули награбленное имущество армянам и жили с ними в мире. Джемаль эфенди, получив приказ, вызвал меня и армянских аксакалов (старейшин) и, обращаясь ко мне, сказал: «Папаз³⁴⁵ эфенди, передай своему народу, чтобы занялись своими делами: земледелец – своим, торговец – своей торговлей, я положу конец этим беспорядкам. Скажите, чтобы местные армяне жили спокойно, если они боятся погромов, неужели в нашей стране нет других христиан, что потребовалось делать погромы здесь». Услышав эти слова, мы вышли успокоенные.

Потом оживление среди курдов аширатов усилилось. По приказу того же Джемалю эфенди, каждый день приходили полицейские, требовали хлеба, масла, баранов, ягнят, рис, постели, медные котлы. Все, что ни уносили, никогда не возвращали обратно.

Последовали новые обращения к Джемалю эфенди, но безрезультатно, после чего 13 декабря я возвратился в родные места, в Урмию.

2. О селе Гярдабад.

13 декабря 1914 года я предстал перед местоблюстителем пастыря Урмии епископом Хореном Лазаряном и рассказал о происшедших событиях. 19 декабря 1914 г. я находился в нашей деревне, когда пришло письмо от епископа, в котором говорилось, чтобы мы по получении письма, не медля ни минуты, покинули село, поскольку русские отступают. Мы бросили все и отправились в путь. Из-за жуткой слякоти мы еле дошли через Дилман и Хой до Джульфы за 14 дней. У беременных женщин начались преждевременные роды – сколько же я увидел детей, лежащих на снегу!

Нас, бежавших, было 7–8 тысяч человек. В нашем селе было 150 семей, все бежали вместе с нами, в селе остались лишь 46 человек, еще 11 были убиты – 4 мужчин, 3 женщины, 2 мальчика и 2 девочки.

Вот один из эпизодов убийств. Мать оставила двух дочерей с бабушкой и бежала. Бабушка с внучками спряталась в тонире одного из богатых людей в деревне. Мародеры, заметив, что в тонире кто-то прячется, забили их камнями, пока все трое не испустили дух.

Армяне и айсоры, проживавшие в южной части Урмии, не смогли бежать. Они укрылись под опекой американской миссионерской организации. Все они спаслись от резни. У миссионеров собралось, в общей сложности, 16 000 армян и айсоров, которых, в основном, кормила миссия. В домах на-

билось так много людей, что стали распространяться заразные болезни, так что в день умирало по 10–16 человек.

Своей заботой и порядочностью особенно выделялся мистер Алан. Во время нашей частной встречи он сказал, что в сравнении с нами они, американцы, понесли еще большие потери: из 18 человек пятеро умерли от разных заболеваний, из них 3 сестры милосердия и 2 врача.

Из 150 семей здесь остались всего 15, остальные вернулись в родной край. Среди оставшихся, в основном, это были ремесленники, торговцы и служащие, разбросанные по Новой Нахичевани (на Дону) и Эривани. В Новой Нахичевани живут ремесленники, которые давно находились там, а во время отступления пришли, чтобы перевезти свои семьи.

Всем нашим движимым имуществом завладели турки-кызылбаши нашего района. Грабители унесли всю церковную утварь, светильники, даже дверь и окна.

Школа находится в таком же состоянии. Двери, окна, парты и столы разбиты или унесены. Здание полуразрушено. Балкон школы, как и ее потолки, разрушены.

Подпись очевидца: священник Мкртыч Т[е]р-Петросян.
[Записал Амбарцум Галустян].

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 424, л. 14 обор. 15 обор., подлинник, рукопись.

№ 140

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ ТАМАМ ГАРИБЯН
О РЕЗНЕ В СЕЛЕ ШУМБЛАБАД УЕЗДА УРМИЯ**

11 августа 1916 года.
Емхана.

Рассказывает Тамам Гарибян из села Шумблабад Урмии, ныне живет в селе Емхана Старой Нахичевани.

18 декабря 1914 г. из-за русского отступления наши села, как и другие села нашей округи, стали отходить вместе с русскими. Ночью добровольцы объявили, что русское войско отступает, и если армяне не хотят стать жертвой ярости турок, то должны все оставить и двигаться на Кавказ. Село сразу же подготовилось к отправке, но были и такие, кто не пожелал уезжать. Остальные, побросав все, отправились в путь. К примеру, мы оставили 2-х волов, 3-х коров со своими телятами, 5 связок постелей, много войлока,

6 мешков, 3 казана и мелкие медные предметы, оставили 8 мер муки, амбары пшеницы и многое другое.

Отправились в путь на рассвете. Спустя три часа после нашего ухода в село ворвались турецкие солдаты и курдский сброд. Во главе курдов, между прочим, был ага нашего села ханагейский Ахмад ага. Рядом с нашим селом, чуть поодаль, находилась казарма, в то время пустая, а по обе стороны дороги, идущей от этой казармы, были посажены деревья миндаля. На рассвете люди, оставшиеся в селе, узнали, что турецкие солдаты и курды наступают на село. По упомянутой дороге они хотели убежать, чтобы укрыться, но турки и курды перекрыли им путь, и началась жуткая резня. Рубили, резали топорами и шашками, многих распилили пилой. Спаслись мужчина по имени Аваг и 3 мальчика-айсора. С ними были 12 армян из Игахача, которые разместились в той самой казарме и ждали удобного времени, чтобы бежать и спастись.

Среди убитых были известные люди нашего села Мелик-Акоп Азизян с двумя сыновьями, его брат Петрос, айсорский священник (Гаша Израел). Из наших односельчан было убито 6 армян и 10 айсоров. А остальные перебитые были игахачские, нахджеван-тапские, ширабадские, караджолские, каракызские, исалуцские и бадлбоцские. С собой увели женщин и детей, которых они держали целые две недели, мучили и бесчестили, а когда узнали, что русские опять возвращаются, оставили их и убралась, взяв с собой только Шушаник Израелян, которая до сих пор не вернулась. Девочку забрал сын ханагского Аббас бея Гулам-Али.

Наше село состояло из 48 домов (8 домов – айсоры, 40 – армяне). Село разграблено, унесли даже двери домов.

По пути от холода, голода, страха и так далее умерли два мальчика моих деверей, два сына дяди моего мужа, моя невестка и ее девочка, моя дочка, Израелян Саргис. Всего 14 душ только из нашего села умерли по пути.

Мы, оставшиеся, добрались до Кавказа.

Сейчас большая часть села вернулась обратно, другие рассеяны по разным краям Кавказа. Муж мой отправился в родной край. Сейчас нас 6 душ оставшихся в живых.

Наши человеческие потери – 6 душ.

Рассказчица – 50-летняя неграмотная женщина.

[Записал Амбарцум Галустян].

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 424, л. 22-я обор. и 23, подлинник, рукопись.

N 141
**СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫЖИВШЕЙ
САЛАТИН ТЕР-ОВАНЕСЯН О РЕЗНЕ
В СЕЛЕ БАЯДЖУК УЕЗДА САЛМАСТ**

10 августа 1916 г.
Карахан-Беглу.

Рассказывает Салатин Тер-Ованесян из села Баяджук. Ныне живет в селе Карахан-Беглу Старой Нахичевани.

18 декабря 1914 года по причине русского отступления сугубо армянское село Баяджук, состоявшее из 600 домов, решило бежать подобно другим селам Салмаста.

Добровольцы приказали нам, чтобы с русскими войсками отступили на Кавказ, мы оставили наши дома, имущество и с пустыми руками, в зимнюю стужу и пургу ступили на путь бегства. В селе остались только старики и женщины. Из тех, что остались, были убиты 20 человек (имена рассказчик не помнит), а те, кто укрылись у знакомых турок, частично спаслись. Соседи-турки растащили все наше имущество – коров, овец, домашнюю утварь, все, что можно было унести. Церковь разграблена, вынесены все ценные церковные вещи, остальные – попорчены.

Большая часть народа нашего села вернулась в родной край, остальные разбросаны по различным городам и районам России и Кавказа.

Рассказчица 30-летняя неграмотная женщина.

[Записал Амбарцум Галустян].

НАА, ф. 227, оп. 1, д. 424, л. 19, подлинник, рукопись.

ПРИЛОЖЕНИЯ

N 1
**СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА ОСМАНА АЛИ ОГЛЫ
О РАЗРУШЕНИИ АРМЯНСКОЙ ЦЕРКВИ КАРИНА**

8 апреля 1916 г.

История разрушения армянской церкви Эрзерума, услышанная от очевидца-турка Османа Али оглы, старика 65 лет.

Когда все армянство Карина изгнали, губернатор Карина Тахсин бей, дефтердар³⁴⁶ Сейфулла, мехурдар³⁴⁷ Ахмед и Абилхинди Джефер специальными вестниками созвали всех мусульман на митинг во двор большой церкви. Собралось более 15 тысяч турок. Упомянутые выступили с длинными речами, содержание которых было таким: мы очистили страну от гягуров, и теперь земли, дома, имущество армян – все наше. Мы отстали в ремеслах, и поэтому нужно приложить все усилия, чтобы научиться всему и не дать почувствовать нехватку армян в городе, и так далее, и тому подобное. Для того, чтобы увековечить этот праздник, они приказали сразу же разрушить колокольню, а церковь превратить в мечеть. Специально привели мастеров, которые немедленно приступили к разрушению. Когда святой крест упал на землю, многие турки стали его пинать, приговаривая с презрением: «Если есть в тебе сила, яви ее». А для разрушения церкви позвали известного домостроителя г-на Григора Ознецяна, которому приказали сразу же приступить к ее превращению в мечеть. Поскольку это происходило в ноябре 1915-го, и начиналась зима, Григор посоветовал подождать до весны для более правильного и основательного строительства. Его совету вняли, и здание церкви было спасено до взятия города русскими. Старик Осман, заплакав, добавил: «Вот и показал поруганный крест свою силу, наша негодная и преступная власть, потерпев поражение, бежала отсюда, а флаги Красного Креста развеваются повсюду над Карином».

Эту историю я услышал 8 апреля 1916 года.

Ваан Ситаян.

НАА, ф. 57, сп. 5, кн. 134, л. 21, оригинал, рукопись.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ – ТУРКА, ПЕРСА И АРАБА О ПРИЧИНАХ ДЕПОРТАЦИИ И РЕЗНЕ АРМЯН ЭРЗЕРУМА

5 декабря 1916 г.

Причины и история депортации армян Карина в июне 1915-го, услышанные от информированных, правдивых очевидцев – турок, персов и арабов.

Рассказал перс Эхмет ага: «В начале войны, когда Энвер паша прибыл сюда, он составил план похода на Россию и организовал вооруженные отряды; турок охватило большое воодушевление. Многие были совершенно уверены что за короткое время они очень легко захватят Артвин, Ардаган, Батум, Ахлцха, Карс и без труда войдут в Тифлис, чьим вице-королем уже был назначен депутат Сейфулла эфенди. Организовывали шумные празднества и салюты, получая вести о захватах Олти, Артина, Артануджа, Ардагана. Энвер каждый день посылал официальные телеграммы такого содержания: «Моя победоносная армия окружила Сарикамыш», «Мои отважные войска шагают по Карсу, поверженный враг отступает...» и др. Неожиданно распространились слухи о поражении, о том, что русские разбили турок под Сарикамышем. Бесчисленное число раненных прибыли в Карин, от которых мы и услышали о реальном поражении турок. Энвер сбежал в Карин, провел короткую встречу с вали и немедленно отбыл в Константинополь. Турки стали обвинять армян за свое поражение, утверждая, что «армянские добровольцы стали важной преградой во время продвижения турок вперед, помогали русским и разбили нас. Армянский депутат Бастрмаджян стал руководителем всех добровольческих отрядов и предал нас, наши боевые солдаты потерпели поражение». Они стали открыто оскорблять армян, говоря: «Вы предатели нашей страны, вы коварные вы русофилы» и так далее. Прямо, посреди улицы убили г-на Седрака Бастрмаджяна, помощника управляющего банком, из мести из-за его брата. Арестовали всех известных молодых людей и дашнакцаканов, заполнили ими все тюрьмы и подвергли пыткам. Вышеупомянутые события положили начало и явились причиной травли армян и дьявольского плана уничтожения Армении.

Рассказал сын арцитского Кодан бека – Кучук бек. «В мае 1915-го глашатай созвал турок на всеобщий митинг за городом, в местечке Паша-Кёшки. Собралось более 10 тысяч турок. Армян туда строго-настроено не пустили. Вали – Тахсин паша, начав говорить, сказал: «Сообщаю вам с превеликим сожалением, что армяне вырвали у нас из рук Ван и сдали его нашему врагу, Москофу. Армяне – большая опасность для империи, а посему, везде, где

есть армянин, там есть угроза повторения грустной истории Вана. Я спрашиваю вас, как мы должны поступить с армянами? « Все люди прокричали: «Перебьем, уничтожим армян – гявуrow!» Сказал свое слово и Сейфулла: «Армянам дали высокие должности, даже министерства, армяне эксплуатируют всю нашу страну. Но этого мало, они хотят нас уничтожить и на наших руинах утвердить свое царство. Как мы поступим с этими непокорными заговорщиками?» Все собравшиеся в один голос прокричали: «Убьем, истребим армян-гявуrow!» Потом заговорил Хэфэр, предложив безжалостно резать всех армян, стар и млад, и освободить от них страну. Он также сказал: «В 1895–1896 годах мы пожалели детей, но как мы ошиблись! Эти дети, которых мы пожалели, в качестве добровольцев поливают нас свинцом, уничтожают, отнимают у нас Ван, и есть опасность, что и другие города вырвут из наших рук». Митинг единогласно решает безжалостно истребить всех армян. Однако доктор Азим предложил не проливать кровь в городах и селах, потому что, – говорил – трупы будут пахнуть, возбудят болезни, так что лучше погнать их в пустынные места, там перебить и сбросить в воду. Так и решили, о принятой резолюции срочной телеграммой оповестили Константинополь».

Я спросил: «Ты присутствовал на том митинге»? Пригнув голову, Кучук бек сказал с грустью: «Да».

Я ответил: «Вы привели в действие эту дьявольскую программу, отважно перебили покинутых, безоружных стариков, женщин, детей и гордитесь, что уничтожили армянство. Но теперь вы видите, что очень ошиблись. Знайте, что на протяжении веков такое случалось много раз, но армяне никогда не были уничтожены, и они храбро защищали свое существование. И сейчас повторится то же самое. Вы очень ошиблись, армян много, они вернутся к себе на родину и восстановят свои разрушенные очаги и...»

Перс Мешеди Хаджи Ибрагим рассказал следующее:

В мае 1915-го вали Тахсим бей позвал к себе четебаши³⁴⁸ Хамрванли Эйюб оглы Надира и, показав приказ, пришедший из Константинополя, сказал ему: «Местных армян сдаю тебе, отведешь в сохранности до Кемаха, там курды и другие должны на них напасть. Тебе нужно притвориться, что хочешь их защитить; несколько раз выстрели в нападающих, но в конце концов покажешь, что у тебя не получается, отступишь назад и вернешься». Немного подумав, Надир ответил: «Нет, паша, это твое предложение я не могу принять. Ты мне приказываешь, чтобы я погнал их как овец и ягнят на бойню, перевязав их по рукам и ногам, – это безжалостно и мне не подобает. Я – воин, пошли меня против врага, который либо меня сразит пулей и я паду смертью храбрых, либо я его свалю и спасу мою страну. Обагрить свои

руки кровью невинных я никогда не соглашусь». Вали долго вынуждал его исполнить приказ, но великодушный Надир решительно отказался. Тогда вали вызвал к себе вераншехерца³⁴⁹ Мирза бека и сделал ему то же самое вышеупомянутое предложение. И этот настаивал на том, чтобы не убивали зря. Говорил, что армян поставили в такое положение, что уже в пути умрут, а Междуречье такой жаркий край, что не выдержат и погибнут. Но вали настоял, Мирза полностью выполнил возложенную на него задачу. Спустя четыре месяца он с 360 тысячами лир возвратился в Карин, отдал 90 тысяч Тахсину, 90 тысяч – тамошнему командующему Махмуду Кямилию, 90 тысяч дефтердару, а остальное – мехурдару, Сейфулле и спутникам³⁵⁰. Однако во время этого дележа награбленного у армян между ними возник спор, и Мирзу заключили под стражу. Однако Мирза стал угрожать такими разоблачениями, «что весь мир удивится». Угрозы возымели действие, и его выпустили.

Эйюб оглы Надир и вераншехирец Мирза лично рассказали эту историю Мешеди Хаджи Ибрагиму.

Верблюжатник перс из Кербелы Али Меммет рассказал следующее. «Я перевозил боеприпасы из Ерзнка в Карин. Однажды, в июне 1915-го, когда я подъехал к мосту Хотура, моему взору предстала жуткая картина. Бесчисленное количество человеческих трупов заполнили все пространство перед 12 сводами большого моста, они уперлись в них, из-за чего река изменила свой ход и текла прямо по мосту. Ужасно было на это смотреть; долго ждал со своим караваном, пока течение все-таки отнесло эти трупы, и я смог перейти через мост. Однако, вся дорога от моста до Джениса была полна трупов стариков, женщин, детей – уже зловонных, сгнивших и вспученных. Стоял такой смрад, что двигаться по этой дороге было невозможно. Два моих верблюжатника умерли, отравившись от этого запаха, и я был вынужден сменить дорогу. То были жертвы и следы неслыханного и страшного преступления, а все трупы были армяне, несчастные армяне».

Аламдар Ибрагим эфенди поведал следующее.

Приказ о выселении армян, поступивший из Константинополя, был очень строгим: он жестко требовал безжалостно истребить всех людей мужского пола от 14 до 65 лет, а детей, стариков и женщин не трогать и попытаться исламизировать.

Махмуд Кямиль паша, командующий армией, все время повторял: «Нигде ни одного армянина не оставляйте, полностью очистим нашу страну от этих гяуров. Если даже кошку назовут армянским именем, изгоните такую кошку и не пускайте в эти края».

2 февраля губернатор Карина Тахсин бей сказал работающему там американскому консулу м-ру Стэплтону⁵⁰: «Мы вынуждены оставить Карин, после нас придут русские и армяне, скажите им, чтобы не притесняли остающихся здесь турок, потому что они не виноваты в армянской проблеме, а если будут подвергаться гонениям и притеснять, то мы отомстим армянам, находящимся среди нас».

Ваан Ситанян.

НАА, ф. 57, сп. 5, кн. 106, лл. 17–18 обор., оригинал, рукопись.

№ 3

СВИДЕТЕЛЬСТВО АЙСОРА Ф. А. ВЕРТЕНА О ДЕПОРТАЦИИ И РЕЗНЕ АРМЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЭРЗЕРУМА

25 ноября 1916 г.
Карин.

О депортации Карина.

Рассказ Фараджаллы Антона Вертена, айсора (клтани) из Алеппо.

В апреле 1915 года, по приказу четебаши Джафара, арабаджи³⁵¹ Агабек со своими товарищами, под предлогом похода на войну, отправились группой в Карин и занялись разбоем в селах равнины Карина, убийствами, похищениями и разрушением почти всех сельских церквей. Стало известно, что эти четники убили одного священника, просунув в зад железный прут. На эти омерзительные деяния поступили жалобы в губернаторство Карина, которое заключило главаря четников Агабека в тюрьму всего на 5 дней, после чего выпустило на волю.

Спустя день сброд четников, вооруженный лопатами, кирками и топорами, ворвался на армянское кладбище для того, чтобы разрушить алтарь, построенный там в память о предыдущей русской войне. Заметив, что это трудное дело, которое к тому же может занять длительное время, они стали хватать проходящих мимо армянских торговцев, ремесленников, да и вообще всех мужчин, насильно загонять их на кладбище и заставлять ломать алтарь. Руководящий этим делом четебаши, обругав одного армянина за то, что тот работает слабо, камнем размозжил ему череп. Местный Предводитель многократно обращался к губернатору по поводу этого варварского

⁵⁰ Это те, кто призвал молодежь прибегнуть к самообороне.

поступка против армян. Он даже предложил, мол, [лучше] позвольте, я сам отдам распоряжение, чтобы разрушили, но губернатор возразил, – не имеешь права вмешиваться в государственные дела.

После этого деяния было объявлено о выселении около 120 семей. Правительство дало только 15 дней на сборы, а последующим группам давали еще более короткий срок. По распоряжению властей, армяне сдали свои товары, а также дорогостоящие вещи на хранение церкви, остальное имущество продали за самую ничтожную цену и покинули город. После исхода второй группы около 200 семей, дабы избежать этого бедствия, приняло ислам. Однако местное мусульманское население, посчитавшее это незаконным, пожаловалось, и они также были изгнаны из города.

Сам Фараджалла Антон Вертен жил в Карине – вплоть до его взятия русскими войсками. Много времени спустя после этого он интересовался у местного турецкого населения о том, что и как делали власти, и вот что ему поведали.

Телеграмма-приказ о депортации и истреблении армян поступила сюда за подписью Султана Мехмеда Решада и Седразама³⁵² (Великого везира³⁵³) Энвера паши приблизительно с таким смыслом: «Согласно фетве³⁵⁴ Шейх-уль-Ислама, те, кто станут воевать против нашего правительства и поднимут меч на Ислам, все они достойны смерти как враги Ислама. И поскольку армянский народ во время этой войны, с одной стороны, действительно проявил неверность: армяне, что среди нас, передали все наши секреты врагам; а с другой стороны, армяне отовсюду, начиная с Америки, Болгарии, Румынии собрались вместе в России, и соединившись с местными армянами, воюют против нас, что было явно видно во время Персидской войны, то это означает, что весь армянский народ невзирая на пол и возраст, приговорен к смерти. Таким образом объявляется тебе /губернатор Карина/, чтобы без какого-либо смущения и со всей осторожностью, вы вывели армянский народ из города и перебили всех».

На основании этой телеграммы под председательством командующего армией Кямиля состоялось совещание с участием местного хакима³⁵⁵, мусульманского духовенства и главного исламского иерарха, после чего в джамиах³⁵⁶ мусульманские священники стали в своих проповедях настраивать весь присутствующий исламский народ против армян, разъяснять замысел и намерение властей, и все мусульмане поклялись помогать действиям правительства. Муллы со всей строгостью требовали от мусульман, чтобы они хранили тайну, не будили в армянах тревогу и даже внушали им спокойствие, а при необходимости, как того требует

исламский закон, даже давать ложные клятвы именем Бога и пророка. Такая клятва [в иных случаях] считается грехом в нашей вере, но если это будет в интересах Ислама, то наоборот, это будет делом, приятным и Богу, и пророку – говорили муллы.

Карин, 25 нов. 1916 г.

НАА, ф. 57, сп. 5, кн. 106, лл. 19–20, оригинал, рукопись.

№ 4

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА КОСТАНДИНА ТРИАНТАЛФИЛИДИ О ДЕПОРТАЦИИ И РЕЗНЕ АРМЯН ЭРЗЕРУМА

16 января 1917 г.

Карин.

Сведения, данные Костандином Трианталфилиди относительно выселения из Карина. Он один из известных торговцев-греков, сведущ обо всех событиях.

20 июля 1914 года был объявлен военный призыв, и сразу же было образована конфискационная комиссия. Началась травля беглецов-солдат, главным образом христиан. Среди турок было больше беглецов, но их никто не преследовал, конфискационная комиссия (текалифи харбийе) грабила христиан, вручая им по расписке, а у турок не забирали ничего, или самую малость для вида, но и то иногда возвращали, а за то малое количество товаров, что забирали у турок, сразу же выплачивали деньги.

19 октября 1914 года была объявлена война, 20 октября в 7.30–8 часов вечера, все муфтии и муллы осадили русское консульство, требуя изгнать консула г-на Адамова и его сотрудников. Английский консул г-н. Монахан, услышав новость, около 8.30 пришел туда. Полицейский инспектор и один военный ему [Монахану], просидевшему в консульстве несколько часов, приказали, чтобы уходил. В этот момент спустился русский консул, полицеймейстер сразу вышел и прокричал кучерам, чтобы быстрее подъехали. Сели на повозку, но едва сделали несколько шагов, как землю три раза сильно трянуло, в связи с чем я прокричал, что это знак, что вершатся незаконные дела. Когда я узнал, что консул отсылается – а он был мне близким другом – захотел попрощаться. Но полицейский меня остановил в дверях и запретил, пригрозив, что расстреляет.

Через несколько дней после этого события были повешены по обвинению в шпионаже три армянина, прислуживавшие в доме военного атташе русского консульства, в то время полковника, а сейчас генерала высокочтимого Эожена Вишенского³⁵⁷. На суде их оклеветал курьер консульства.

Война уже началась. В то же время разнеслась весть, что Ван восстал, из-за чего гонения еще более усилились, особенно против армян. Во время боев в Ване в наши края пригнали 800 армян. Отогнав их всех на расстояние одного дня пути, подвергли разбою. У кого были деньги, немного избив, отпускали, а у кого не денег не было, убивали. Об этом случае нам рассказали курды, в правдивости которых у меня нет сомнений.

Судя по тому, что мы слышали, в Ване власти стали подозревать армян; был убит один из их вождей³⁵⁸, другого арестовали³⁵⁹, а для ареста еще одного вождя³⁶⁰ послали солдат, по которым армяне открыли огонь и убили. Снова послали 400 солдат, но и их перебили. Началась война. К Вану с другой стороны подходила русская армия. Когда она подошла, турки бросили все и бежали. Часть беженцев перебралась в наши места, и для того, чтобы натравить турок, они стали распространять легенды о бесчинствах армян. Конечно, мы чувствовали, что это была клевета. Когда русская армия вошла в Ван, она якобы перебила 4000 турок, не делая различия ни пола, ни возраста.

Из тех 800 армян, которых погнали в Баберд, дошли только 400; по ним на мосту Баберда открыли огонь с двух сторон, их перебили или сбросили в ущелье.

15–18 января 1915 года здесь был убит главный счетовод Оттоманского Банка г-н Седрак Бастрмаджян. Замысел турок был проверить, прибегнут ли армяне к восстанию или нет. Но – ни единого звука. В конце февраля были арестованы известные среди армян личности, а также обычные люди – 1700 душ. Епископ Смбат Саадетян обратился к якобы другу – губернатору Тахсину паше – с просьбой, освободить арестованных. Выпустили 160 [человек], а еще 10 – редактора «Арадж»-а Адруни и его сотрудников – вывезли на подводе и убили.

10 апреля 1915 года началось выселение армян Каринской губернии. Начали с 30 сел, день за днем они пустели, люди отбывали на повозках, либо пешком. Выселение этих сел прошло без сопротивления, турки не пожалели ни немощных, ни больных. Больные, не выдержав пути, падали, их трупы так и остались посреди дороги.

На этот раз русское консульство было превращено в больницу. Я спросил у главного хирурга Фазли бея: «Почему выселяете армян, ведь никто не ока-

зывает сопротивления?» Он ответил: «Потому что армяне в Ване перебили 150 000 турок».

Из сел было выселено 15–20 000 человек – все перебиты, не дойдя до окраин Ерзнка. Услышав эту весть, люди в городе отказались двигаться с места. В это время перебивший безоружный народ «герой» Тахсин паша и великодушный немецкий консул сели на коней и якобы поехали в то место, где истребили селян. Вернувшись через 7 дней, они направились в предводительство, к епископу Смбату и сообщили: «Мы поехали и увидели, что курды убили лишь несколько человек. Мы курдов наказали, многих расстреляли и восстановили спокойствие. Больше опасности нет».

Несомненно, епископ Смбат не доверял турку, но он поверил немецкому консулу, который повторял то же самое: «Даю вам честное слово, ничего с армянами не случится». Епископ Смбат убедил народ, не ведая, что немецкий консул был самым последним подлецом, а не консулом-христианином. Народ успокоился, и началось переселение. Каждые пять дней из города выходила одна группа. Первая группа – с лошадьми – в направлении Тигранакерта, а после нее группы направлялись уже в сторону Ерзнка. К концу мая город уже опустел. Как только из города отправилась последняя группа, началась резня по пути. Мужчин первой группы, направившейся в сторону Тигранакерта, перебили на полпути между Тигранакертом и Харбердом, а женщин похитили турки и курды. А списки оставшихся, кто направлялся в сторону Ерзнка, заранее были направлены четники, которые настигли группу и сначала ограбили, а потом начали резать людей, подвергать женщин и девочек всякого рода насилию. Многие, спасая свою честь, бросались в воду. Каждый из четников похитил по 2–3 девочки. В самый последний день выселили епископа Смбата и главу протестантов³⁶¹, которых зарезали, как баранов, на кладбище Ерзнка. Один военный, свидетель того, как зарезали епископа Смбата, по возвращении в Карин рассказал немецкому консулу в присутствии жены Согикияна: «Сколько в этом проклятом черноголовом было крови, столько и вытекло».

Епископ Смбат отслужил литургию в последнее воскресенье. Я там присутствовал. Было так трогательно. Присутствовал и директор Османского Банка г-н Баладур. Расстались друг с другом плача, будто знали, что это будет последнее прощание.

Армяне при выселении все свое имущество, узлами, сдали на хранение Оттоманскому банку с условием, что, когда вернутся, получат обратно. Банк, в котором не было места, заполнил вещами церковь, прикрепив на ней табличку со своим названием – Оттоманский банк – для надежности. Когда самая последняя группа, состоящая из католиков, которые якобы не должны были уходить благодаря вмешательству Австрийского императора,

отправилась в путь вместе с епископом Смбагом и своим пастором, правительство сняло с церкви наименование Оттоманского Банка и объявило: «Принадлежащее армянам должно быть конфисковано». У нас не вызывают удивления злодеяния турок. Но удивляет нас то, как считающиеся христианами немцы доверяют туркам, считают армян предателями и безжалостно уничтожают их. Даже их представители видели, как армяне не оказывали никакого сопротивления. Немцы должны были знать, что уже 500 лет как турки пьют кровь христиан. История не должна забыть того, как христианское государство стало соучастником истребления христиан.

В этих местах первым четебаши стал агент немецкого консульства г-н Шобнер³⁶². Этот человек совершал наибольший разбой, он насильно увел в свой дом трех красивых армянских девушек, совершал с ними всякого рода развратные действия и, продержав их какое-то время у себя, передавал их по одной немцам офицерам³⁶³ для удовлетворения самых низменных потребностей.

Одному немецкому офицеру Ованесяны сдали на хранение 3 ковра, ткани. Когда офицер отбыл, он взял все это с собой, хотя и дал слово передать остающимся.

После депортации армян новый консул, негодяй г-н Верг, после того как отбыл вышеупомянутый подлец Шобнер, передававший девушек офицерам, взял их к себе и каждый раз при посещении бани, заставлял их идти с ним и делать ему массаж – самая крупная мерзость, а во время бегства из Карина к этим трем девушкам он присоединил благочестивую дочь Мартироса эф. Чилингирияна, девицу Анник. Невзирая на плач и крики девицы, силой утащил ее с собой. Немецкие офицеры были такими же кровопийцами и преступниками, как турки.

16 янв. 1917-го в 8.30 часов ночи в своей Эрзерумской квартире он [рассказчик] дал мне эти сведения, но не пожелал подписаться и взял с меня слово, что не опубликую его имя, так как один из его сыновей сейчас находится в Константинополе. Здесь также присутствовали г-н Микаэл Брутос, жена г-на Триантафилиди, его сын и дочь.

Подтверждаю, что г-н Кости Трианталфилиди поведал вышеупомянутые сведения: М. Брутос.

П. Аматауни вместе с г-ном Брутосом принес эти сведения в письменном виде в канцелярию Московского комитета³⁶⁴.

16-е января 1917 г. регистрационный журнал.
Карин.

НАА, ф. 227, сп. 1, кн. 479, лл. 1–9, оригинал, рукопись.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В текстах административно-территориальные единицы переведены дословно.
- ² Мер – мера веса, равная от 3 до 5 кг.
- ³ Литр – мера веса, равная 12 фунтам или 5,5 кг.
- ⁴ Вид налога, который уплачивался теми, кто отказывался от военной службы.
- ⁵ Киле – мера веса, равная 25 кг.
- ⁶ Кёприкой – село Тимарского нахийе Ванской казы Ванского санджака, на расстоянии 20 км к северу от Вана, в 1909 году имело 22 двора с армянским и мусульманским населением.
- ⁷ Фалака (перс. کلف – фэлек, тур. falaka) – орудие для наказания ударами по босым подошвам ног, традиционное для мусульманского Ближнего Востока и Северной Африки, а также само такое наказание. Представляет собой орудие, состоящее из деревянного шеста и протянутой вдоль него веревки, закрепленной по краям шеста, в которую вдевались, закреплялись и подвешивались обе ноги наказуемого для удара кнутом или плетью.
- ⁸ Окка – мера веса, равная 1,283 кг.
- ⁹ Хана, ианне (араб.) – пожертвования.
- ¹⁰ В документе номер дома не указан.
- ¹¹ Олам – вид повинности, в основном, транспортировка грузов.
- ¹² Чернь – подразумеваются как сброд и толпа деклассированных элементов, направляемых турецким правительством, так и обычные крестьяне из курдских или турецких сел.
- ¹³ Подразумевается горный хребет Котур на турецко-персидской границе.
- ¹⁴ Мюдир – управляющий нахийе.
- ¹⁵ Подразумевается золотая монета.
- ¹⁶ См. НАА, ф. 227, оп. 1, д. 469, л. 13–15 об.
- ¹⁷ Амалия, амалия тапури, амели тапури, амелие – военнообязанные (а также рабочие батальоны, в которых они работали), которые в тылу были задействованы на строительных работах или переносили грузы.
- ¹⁸ Второе воскресенье после Пасхи в Армянской Апостольской Церкви называется Зеленым (Ашхараматран).
- ¹⁹ Т.е. член одного из комитетов Армянской революционной федерации Дашнакцутюн.
- ²⁰ Подразумевается Тимарское нахье, административным центром которого был Джаник.
- ²¹ Ага или бек – предводитель курдского племени.
- ²² Хюкюмдар – правитель, управляющий.
- ²³ Т.е. независимости.
- ²⁴ В документе указаны имена 53 человек.
- ²⁵ Ишхан – Никогайос Погосян, известный деятель армянского национального – освободительного движения, вероломно убит Джемалом беим.
- ²⁶ Буквально «грубый».
- ²⁷ К югу от острова Лим, на берегу вблизи села Хжишк был построен «Дурси тун» (букв. «Внешний дом»), для хозяйственных нужд монастыря (аната) Лима.
- ²⁸ Алюрский подкомитет Армянской революционной федерации Дашнакцутюн.

- ²⁹ Мартини – усовершенствованная турецкая винтовка 1908 года, образца американской однозарядной винтовки Пибоди-Мартини. Этой винтовке подходили патроны винтовки Маузер диаметром 7,65 мм.
- ³⁰ На территории села Алюр, на горе находились два монастыря – Св. Богородицы и Св. Геворка.
- ³¹ Регулярное оружие – в данном случае не старое, современное оружие.
- ³² Семет – речь идет об американском пистолете марки «Smith & Wesson (Смит-энд-Вессон)».
- ³³ Сшитая вручную обувь из кожи.
- ³⁴ «Братская помощь» – речь идет о «Главной распорядительной комиссии Братской Помощи Эчмиадзина». Она была основана 28 декабря 1914 года и распущена в мае 1919 года.
- ³⁵ Возможно, речь идет об урартских клинописных надписях.
- ³⁶ См. примечание N 27.
- ³⁷ Дабо – жестяная посуда.
- ³⁸ Джихад – священная война. Об этом документе смотри документ N 4.
- ³⁹ Капахли – турецкое название винтовки Маузер 1887 года диаметром 9,5 мм.
- ⁴⁰ Мысырли – букв. обозначает Египет.
- ⁴¹ См. примечание N 29.
- ⁴² Речь о селе Калбасан.
- ⁴³ Буквально «цветоносное»
- ⁴⁴ В документе номер дома не указан.
- ⁴⁵ Речь идет о резервистах.
- ⁴⁶ Имеет в виду турецкую администрацию Востана.
- ⁴⁷ Так в документе.
- ⁴⁸ Автор неправильно указал месторасположение села.
- ⁴⁹ То есть, до революции 1908 г.
- ⁵⁰ Отверстие в крыше, кровле, пропускающее свет и служащее как дымоход.
- ⁵¹ Помощник мюдир
- ⁵² Карар – сшитая из использованных тряпок сумка, мешочек.
- ⁵³ См. НАА, ф. 227, оп. 1, д. 472, л. 10–11.
- ⁵⁴ Меджит – турецкая золотая монета, равная 100 гурушам.
- ⁵⁵ Речь о документе N 19.
- ⁵⁶ Лахум – канава или яма для сточных вод. В данном случае подразумеваются вырытые в земле ямы.
- ⁵⁷ Священник Манвел, настоятель монастыря Тер Хускан Ворди и Глава Епархии Вана погиб во время резни, см. НАА, ф. 227, оп. 1, д. 472, л. 6–8.
- ⁵⁸ Салават (*тур.*) – молитва.
- ⁵⁹ По всей видимости, находилось вблизи села Бзрхана Алашкертско й казы Баязетского санджака.
- ⁶⁰ Расул («Посланник») – одно из имен Мухамеда, акрам – честь.
- ⁶¹ Подразумеваются предводители курдских племен.
- ⁶² По т. в. – по турецкому времени.
- ⁶³ Притоки реки Беркри.
- ⁶⁴ Священник Егише, Глава Арчешской епархии, был убит во время резни.

- ⁶⁵ Протестантизм – одно из направлений христианства, возникшее в 16 веке в ходе Реформации, в результате протеста против католицизма.
- ⁶⁶ Буквально «железная».
- ⁶⁷ Халвар – мера веса для зерновых, равная 490 кг.
- ⁶⁸ См. примечание N 9.
- ⁶⁹ Миджинк (середина) – 24 день Великого поста.
- ⁷⁰ Деревянная цилиндрическая посуда, которая применяется в качестве меры веса для зерновых.
- ⁷¹ Праздник Вознесения, в ААЦ отмечается на сороковой день после Пасхи.
- ⁷² Указ.
- ⁷³ Подразумеваются паруса.
- ⁷⁴ Буквально слепой.
- ⁷⁵ Мера веса, равная 25 кг.
- ⁷⁶ Постель – стеганые шерстяные одеяло, матрас и пуховая подушка.
- ⁷⁷ В Армении тонир устанавливается в земле. Тонир (тундыр) в быту армян выполнял ряд функций: в нём пекли хлеб (лаваш), готовили еду, и с его помощью отапливали дома.
- ⁷⁸ В документе отсутствует количество дворов.
- ⁷⁹ В действительности сражение началось еще 7 апреля.
- ⁸⁰ Речь идет о 4-м армянском добровольческом отряде.
- ⁸¹ В документе не указан номер дома.
- ⁸² Азнив и Пайцар – дочери.
- ⁸³ См. примечание N 25.
- ⁸⁴ Командир группы.
- ⁸⁵ Берд (*арм.*) – крепость.
- ⁸⁶ Вероятно, находится вблизи села Махмедик в Арчакской волости.
- ⁸⁷ Села Кцвак и Цг ак принадлежали не Датванскому, а Хлатскому уезду.
- ⁸⁸ Так написано в тексте.
- ⁸⁹ Так написано в тексте.
- ⁹⁰ См. примечание N 18.
- ⁹¹ Милли бинбаши (*тур.*) – тысячник добровольцев.
- ⁹² Кяла – вершина.
- ⁹³ Архимандрит Аристакек Катекчян – родился в 1858, рукоположен в 1892 году. Был заместителем настоятеля монастыря Варага.
- ⁹⁴ Архимандрит Петрос Григорян – родился в 1865, рукоположен в 1898 году. Глава Епархии Хизана и настоятель обители Св. Креста.
- ⁹⁵ Хачеркат – крестообразная железная сетка, на которую ставили кастрюли с едой.
- ⁹⁶ См. примечания N 93 и N 94.
- ⁹⁷ Исправлено, в подлиннике ошибочно указан 1913 г.
- ⁹⁸ Маршимун – букв. означает «Святой Шимон» – религиозный и политический предводитель ассирийцев. В 1903–1918 гг. предводителем был Бениамин Шимон XXI.
- ⁹⁹ Артош – курдское племя (аширет) в Агбакской казе (Башкале).
- ¹⁰⁰ Фла – имя, данное армянам курдами.
- ¹⁰¹ В тексте написано «кахнов», но должно быть «катнов»: праздник Вознесен ия иначе назывался Катнов, в этот день варили катнов (рисовый молочный суп) или другое молочное блюдо и раздавали как матах.

- ¹⁰² См. НАА, ф. 227, оп. 1, д. 421, л. 13 об.
- ¹⁰³ Захире (*араб.*) – запасы продовольствия для армии.
- ¹⁰⁴ Архимандрит Вардан Аюбян родился в 1846 г., в 1880 г. был рукоположен в вардапеты. Долгие годы являлся настоятелем Мушского монастыря Св. Карапета. Принял должность главы Мушской Епархии после смерти епископа Нерсеса Хараханяна. Пал мученической смертью во время Геноцида.
- ¹⁰⁵ Священник Смбаг Пахлавуня был рукоположен епископом Мамбре Мамиконяном. Пал мученической смертью в возрасте 65 лет.
- ¹⁰⁶ Речь идет о священнике Амазаспе Мардояне.
- ¹⁰⁷ Духовный предводитель села, священник Мамбре Ераносян пал мученической смертью во время Геноцида.
- ¹⁰⁸ Духовный предводитель села, священник Цагик пал мученической смертью во время Геноцида.
- ¹⁰⁹ Священники сельской церкви Св. Аюбян Карапет и Аюбян Тер-Серобян пали мученической смертью во время Геноцида.
- ¹¹⁰ Духовный предводитель села, священник Карапет пал мученической смертью во время Геноцида.
- ¹¹¹ Духовный предводитель села, священник Хачатур Арутюнян пал мученической смертью во время Геноцида.
- ¹¹² Духовный предводитель села, священник Барсег Тер-Барсегян пал мученической смертью во время Геноцида.
- ¹¹³ Духовный предводитель села, священник Завен пал мученической смертью во время Геноцида.
- ¹¹⁴ Духовные предводители села, священники церкви Святых Сорока Отроков Даниэл и Саргис пали мученической смертью во время Геноцида.
- ¹¹⁵ Духовный предводитель села, священник Хачатур пал мученической смертью во время Геноцида.
- ¹¹⁶ Духовный предводитель села, священник Вагинак пал мученической смертью во время Геноцида.
- ¹¹⁷ Духовный предводитель села, священник Мовсес Казарян пал мученической смертью во время Геноцида.
- ¹¹⁸ Духовный предводитель села, священник Грайр Сукиасян пал мученической смертью во время Геноцида.
- ¹¹⁹ Духовные предводители села, священники сельской церкви Св. Богородицы Нерсес Аствацатрян и Оганес Тер-Оганесян пали мученической смертью во время Геноцида.
- ¹²⁰ Духовный предводитель села, священник Хачатур Тер-Маргарян пал мученической смертью во время Геноцида.
- ¹²¹ Духовный предводитель села, священник Саргис Айвазян пал мученической смертью во время Геноцида.
- ¹²² Духовные предводители села, 65-летний священник Хачатур и 50-летний священник Христофор пали мученической смертью во время Геноцида.
- ¹²³ Духовные предводители села, священники Даниэл и Микаэл пали мученической смертью во время Геноцида.
- ¹²⁴ Духовный предводитель села, священник Месроп пал мученической смертью во время Геноцида.

- ¹²⁵ Муртур – нечистый, оскверненный (с религиозной точки зрения).
- ¹²⁶ Харам – нечистый, неосвященный.
- ¹²⁷ Хачатур вардапет, один из монахов монастыря, пал мученической смертью во время Геноцида.
- ¹²⁸ Т. е. католикоса Саака Партева.
- ¹²⁹ Мхо – дед рассказчика Сероба.
- ¹³⁰ Духовный предводитель села, священник Нерсес пал мученической смертью во время Геноцида.
- ¹³¹ Салеан, салеане – годовой налог, который в 1872 году был заменен эмлаком.
- ¹³² Амлак, эмлак (*араб.*) – право собственности на землю, строения, недвижимое имущество.
- ¹³³ Бегяр – принудительная и неоплачиваемая работа по приказу правительства.
- ¹³⁴ Вардавар (дословно розы в цвету) – самый большой летний праздник, один из главных праздников Армянской Апостольской Церкви и один из самых любимых в народе. Праздник сопровождался традиционными песнями, танцами и играми. В этот день люди обливали друг друга водой, дарили друг другу розы, а влюбленные юноши пускали в небо голубей.
- ¹³⁵ Духовный предводитель села Цронк, священник Мушег Микаэлян пал мученической смертью во время Геноцида.
- ¹³⁶ Духовный предводитель села, 65-летний священник Серовбе пал мученической смертью во время Геноцида.
- ¹³⁷ Духовный предводитель села Аветис Тер-Микаэлян пал мученической смертью во время Геноцида.
- ¹³⁸ Духовные предводители села, священники Корюн Маргарян и Хусик пали мученической смертью во время Геноцида.
- ¹³⁹ Духовный предводитель села, священник Маргар Даниэлян пал мученической смертью во время Геноцида.
- ¹⁴⁰ Матах – жертвоприношение.
- ¹⁴¹ Хамал-болуки – носильщик.
- ¹⁴² Жажик – сырообразная масса, которая остается после варки и процеживания сыров.
- ¹⁴³ На Востоке делают плоские кровли с малым уклоном для стока воды, покрывая их землей.
- ¹⁴⁴ Речь идет о Рубен Тер-Минасяне.
- ¹⁴⁵ Духовный предводитель села, священник Погос пал мученической смертью во время Геноцида.
- ¹⁴⁶ Духовные предводители села, священники Багдасар и Оганес Синоян пали мученической смертью во время Геноцида.
- ¹⁴⁷ Духовный предводитель села, 65-летний священник Тонапет пал мученической смертью во время Геноцида.
- ¹⁴⁸ Иерей монастыря, священник Арутюн Тер-Петросян пал мученической смертью во время Геноцида.
- ¹⁴⁹ Килкил – вид проса, зерновая культура с более крупными зернами. Во время голода армяне Муша смешивали килкил с овсом и пекли из него черный и менее питательный хлеб.

¹⁵⁰ Так написано в документе, в действительности получается 70.
¹⁵¹ Подразумевается мобилизация.
¹⁵² См. примечание N 104.
¹⁵³ Исправлено, в подлиннике указан август.
¹⁵⁴ Исправлено, в подлиннике указан август.
¹⁵⁵ Султан Мехмед V Решад.
¹⁵⁶ Подразумеваются сотрудники армянских благотворительных организаций.
¹⁵⁷ В Турции и в других странах Передней Азии черкесами называют всех выходцев с Северного Кавказа.
¹⁵⁸ Так написано в документе.
¹⁵⁹ Глава Битлисской епархии архимандрит Сурен Галемян родился в 1884 г. в Кушне (Арабкир), при крещении наречен Погосом. В 1909 г. был рукоположен в монахи епископом Степаносом. Пал мученической смертью во время Геноцида.
¹⁶⁰ Мухаджир – переселенец, беженец.
¹⁶¹ Кама – кинжал, клинок.
¹⁶² Церковь называлась Св. Степанос.
¹⁶³ В первой мировой войне Турция присоединилась к немецко-австрийскому блоку 29 октября.
¹⁶⁴ Речь идет о винтовке марки Гра, которая была создана во Франции в 1874 году Базилом Гра, и которая была принята в том числе и на вооружение греческой армии.
¹⁶⁵ Исправлено, в подлиннике 1915 г.
¹⁶⁶ Артушен – большое армянонаселенное село в Сасуне, в уезде Хулп.
¹⁶⁷ Документ поврежден.
¹⁶⁸ Речь идет о «давтарак» – тетрадь, книга, счетоводная книга, книга записей.
¹⁶⁹ Аламания – Германия.
¹⁷⁰ Речь идет об армян-протестантов.
¹⁷¹ Бязь – хлопчатобумажная плотная ткань, грубый вид миткаля.
¹⁷² Сельская школа действовала под эгидой константинопольского товарищества «Ехбайрасер».
¹⁷³ Похрак, похранк – трубы из обожженной глины, которые вдевали друг в друга, обмазывали глиной, укладывали под землей и засыпали землей.
¹⁷⁴ В действительности – Св. Сион.
¹⁷⁵ Подразумевается кордон – расположенные в ряд небольшие патрульные отряды, войсковая цепь.
¹⁷⁶ Исправлено: в подлиннике Севанчух, но поселения с таким названием не существовало.
¹⁷⁷ Килкил – вид проса, зерновая культура с более крупными зернами, и его семя. Во время голода население Муша смешивало килкил с овсом и пекло из него хлеб. Хлеб был темного цвета и менее питательным.
¹⁷⁸ Ушур – вид налога, который составлял 1/10 часть урожая. Как видно, крестьяне платили больше налога.
¹⁷⁹ В подлиннике указан 1904 год, что является ошибкой, так как до 1908 года армян в армию не призывали.
¹⁸⁰ Священниками Хархоца являлись Тер Овсеп и Тер Оганес.
¹⁸¹ Церковь называлась Св. Месроп (согласно другим источникам, Св. Киракос).
¹⁸² Букв. Цветочное евангелие.

¹⁸³ Букв. Красное евангелие.
¹⁸⁴ «Кочар» – что имеет в виду, невозможно выявить.
¹⁸⁵ Речь идет о турецкой винтовке, которая являлась модернизированным в 1908 г. вариантом американской однозарядной винтовки Пибоди Мартини, для которой использовались пули винтовок Маузер диаметром 7,65 мм.
¹⁸⁶ Так как Эрунская и Барварская казы располагались по соседству, часто происходила путаница в вопросе принадлежности села тому или другому уезду.
¹⁸⁷ Духовные предводители церкви Св. Оганеса священники Карапет Атомян и Петрос Тер-Степанян пали мученической смертью во время Геноцида.
¹⁸⁸ Духовный предводитель церкви Св. Богородицы священник Амаяк Ерецын пал мученической смертью во время Геноцида.
¹⁸⁹ В документе Эрун обозначен как санджак, в действительности – каза в составе Стердского санджака.
¹⁹⁰ Так как Эрунская и Барварская казы располагались по соседству, часто происходила путаница в вопросе принадлежности села тому или другому уезду.
¹⁹¹ Кондак – грамота Католикоса всх армян.
¹⁹² См. примечание N 186.
¹⁹³ Речь идет о маназкертском городе-крепости Берд (букв. крепость).
¹⁹⁴ О материальном уроне жителей Каракилисского уезда см. НАА, ф. 227, оп. 1, д. 476, л. 3–4.
¹⁹⁵ Фахи – человек, изучающий ислам.
¹⁹⁶ Мушский кот, мера веса, равная 8 кг.
¹⁹⁷ Духовный предводитель Гюмгюма священник Нерсес Тер-Акопян пал мученической смертью во время Геноцида.
¹⁹⁸ «Муханнат миллат» (*тур.*) – коварный народ.
¹⁹⁹ Хитр – литр.
²⁰⁰ Церковь носила имя Св. Богородицы. Была трехапсидной, каменной, древней постройкой.
²⁰¹ Редиф – резервисты, которые подлежали мобилизации в случае войны в течение 15 лет.
²⁰² Церковь называлась Тух Манук.
²⁰³ См. примечание N 182.
²⁰⁴ Школа была открыта усилиями епископа Гарегина Срвандзтянца в 1870 г.
²⁰⁵ Речь идет о членах партии «Единение и прогресс» («Иттихат ве терраки») – младотурки.
²⁰⁶ Что имеет в виду, невозможно выявить.
²⁰⁷ «Хыйанат миллат» (*тур.*) – предательный народ.
²⁰⁸ Подразумевается комната, где хранилось Евангелие.
²⁰⁹ См. примечание N 182.
²¹⁰ Муфтий – духовное лицо у мусульман, знаток мусульманского права, облеченный правом выносить решения согласно Корану.
²¹¹ Бостанкенд располагался вдоль границы между Мушским и Буланькским уездами, и часто его приписывали Буланькскому уезду.
²¹² В селе было также училище, основанное в 1870 г.
²¹³ Подразумеваются члены меджлис идара – административного органа вилайета, санджака или каза, членами которого становились и представители христиан.

- 214 См. примечание N 34.
- 215 Один из духовных предводителей села, 50-летний священник Аракел Тер-Каджян, пал мученической смертью во время Геноцида.
- 216 Хьюкмат (*тур.*) – правительство.
- 217 Сельская церковь была построена в 1268 г. Один из духовных предводителей села, священник Амазасп Тер-Амазаспян, пал мученической смертью во время Геноцида.
- 218 Сельскую школу в 1885 г. основало константинопольское «Объединенное товарищество».
- 219 Духовные предводители Зиарата 60-летний священник Тадевос, 68-летний священник Бардугимеос Норатункян и 55-летний священник Амазасп Тер-Амазаспян также пали мученической смертью.
- 220 Духовные предводители села 80-летний священник Оганес и 50-летний священник Аветис Варданян пали мученической смертью во время Геноцида.
- 221 Нуки – мера веса (от 320 до 1282 г. в разных областях Армении).
- 222 Кулаб – накидка из войлока, которую носили пастухи.
- 223 В тексте написано Харберд-Гендж, но должно быть Гендж-Харберд.
- 224 Зозан – горное тенистое место, где летом держат скот, яйлах.
- 225 Речь идет о празднике Преображения Св. Богородицы в середине августа.
- 226 Гявур (*тур.*) – неверный.
- 227 Имеет в виду помощь, полученную от армянских организаций.
- 228 Алай (*тур.*) – полк.
- 229 Давтар – регистрационная книга о въезде-выезде, отчет, тетрадь.
- 230 Зулум – очень злой, беспощадный, тиран.
- 231 Кроме монастыря Св. Апостолов возле села находилось и место паломничества Св. Богородицы.
- 232 Везир – самая высокая гражданская должность в Турции, здесь – главный.
- 233 Предводитель Карина епископ Смбат Саадетян (род. в 1871-м в Атабазаре) рукоположен монашествующим священнослужителем в 1895-м святейшим Магакией. Был учителем Дпреванка в Армаше, предводителем Шапин-Караисара. В 1908 году вардапет Смбат был избран предводителем Каринской епархии, в 1910 г. рукоположен в Св. Эчмиадзине епископом Матевосом Вторым. Погиб в резне 1915 года.
- 234 Бархана – скarb, домашняя утварь, используется в словосочетаниях «барг-бархана», «коч у бархана».
- 235 Меджидийе – турецкая монета, равная 100 курушам.
- 236 Ругательства на турецком, адресованные вере, религии главы четенов, Мохаммеду и его жене.
- 237 Буквальный перевод: «Бог свидетель, ударил со всего плеча, после чего умер».
- 238 Последняя часть перевода неверна. Правильно: «Не знаю, хотят независимости».
- 239 Камбах – несчастный.
- 240 Сач – железная тонкая закругленная пластина, на которой пекут хлеб.
- 241 Кетю (*тур.*) – дословно плохой, дурной.
- 242 Село Ашкала находится возле границы казы Дерджан (Мамахатун), по этой причине каза упомянута неверно.
- 243 Мираба или мараба – форма земельных отношений в Турции, когда безземельный крестьянин берет у богатого землю для возделывания и в соответствии с

- предварительной договоренностью отдает тому часть урожая. Мираба называют и самого крестьянина, возделывающего землю, и ее хозяина.
- 244 Нохта Кумандан – командир сторожевого поста
- 245 Церковь называлась Св. Спаситель, при ней с 1870-х годов действовала школа.
- 246 Полис мюдюр – полицмейстер.
- 247 Речь идет о священнике Рафаэле Саакяне. Родился в 1864 г. и рукоположен в 1904 г. Один из духовных пастырей церкви Св. Геворк села Котер. Погиб во время резни.
- 248 Башибузуки – разбойники.
- 249 Богаз (*тур.*) – ущелье.
- 250 Хуршун (*тур.*) – свинец.
- 251 Баруд (*араб., тур.*) – порох.
- 252 Мухтар – сельская староста.
- 253 Имеет в виду осетин.
- 254 Цифры, приводимые автором относительно населения, имеющих у него деревьев и числа людей, перебитых за один день, преувеличены.
- 255 Редиф (*тур.*) – запас, резерв.
- 256 «Айсмавурк» – книга, в которой в хронологическом порядке праздничного календаря представлены святые и свидетели, их деяния и свидетельства.
- 257 Газ – астрагал, шершавое растение, из повреждений которого вытекает особая смола, используемая в различных сферах.
- 258 Шрез, шрешт – съедобная зелень с длинными листьями.
- 259 Сумах – растение с красными кислыми плодами, его молотые семена используют как приправу.
- 260 Предводитель Кги Гегам вардапет Тевекелян (род. в 1886 году в Эндересе), рукоположен в вардапеты в 1909 году архиепископом Овакимяном. Избран предводителем Кги 1 декабря 1912 г. Погиб в 1915 г.
- 261 Автор во всем тексте вместо 1915 года пишет 1914 г., что исправлено нами.
- 262 Мори, меше – лесок.
- 263 Социально-экономическое положение села Хубс и описание быта пропущены.
- 264 Фырка (*араб.*) – группа людей.
- 265 В оригинале – «исторические повести» – (по армянски «патмакан вефер»), а должно быть «патмакан вемер», то есть руины исторического города.
- 266 Описания традиций села пропущены.
- 267 Так в оригинале.
- 268 Имеются в виду минуты.
- 269 Чевре – платок, украшенный цветами.
- 270 Сипахи (*перс.*) – в феодальную эпоху военный всадник.
- 271 Орор – орорал (*арм.*) – качаться.
- 272 Церковь называется Св. Минас, построена в 1201 году.
- 273 Имеет в виду нахийе – волость.
- 274 Так в документе.
- 275 В самом деле сорок девять.
- 276 Списки 414 душ, бежавших и находящихся на чужбине из числа 1200 человек подергшихся резне и депортированных жителей села Хубс (Кги) опущены.
- 277 Антика – антикварная, уникальная вещь.

278 Имеет в виду, что принял Ислам.
279 Список 188 человек пропущен.
280 Имеет ввиду российские войска.
281 Османское племя – имеет в виду турок.
282 По легенде, на камне Дегтап были изваяны римский император и императрица. Этот драгоценный камень царь армянский Трдат получил от императора в подарок после принятия христианства.
283 Село Тортан именуется историческим, потому что известно с незапамятных времен. Царь Армении Тигран Великий (95–55 гг. д.н.э) сюда из Междуречья переместил статую языческого бога Баршама и построил соответствующий храм. Статуя, сделанная из слоновой кости, горного хрусталя и серебра, была восхитительным обелиском. В начале 4-го века Гр. Просветитель разрушил храм и на его месте возвел монастырь Св. Ншан.
284 Каграман (*перс.*) – храбрец.
285 Ходжа – почетное имя, которым называют уважаемого мусульманина
286 Исправлено, в оригинале 1916 г.
287 См. примечание 252.
288 Кызылбаш (*турк.*) – красноголовый. Так турки сунниты называли заза и алевитов, а также персов шиитов.
289 Имеет в виду различные армянские комитеты, созданные во время войны для помощи беженцам.
290 См. примечание 233.
291 Мемур (*араб.*) – служащий, искаженный вариант слова чиновник.
292 Исправлено, в оригинале Чаршанджах.
293 Шовен (*тур.*) – буквально – шовинист, националист, но в данном случае, имеет в виду национальность.
294 Евангелическая вера – религия лютеранской и реформистской церквей, которые в своей вере брали за основу лишь Евангелие, не принимая церковных традиций.
295 Ходжа – старый, пожилой. Богатый торговец. Турецкий учитель.
296 Колледж «Евфрат» – основан в 1878 году в Харберде американским миссионером Л. Хойлером. До 1888 г. назывался колледж «Армения». Закрыт в 1915 г.
297 Имеет в виду османский язык.
298 Речь идет об арестованных 14 июля 1914 г. турецкими властями и повешенных 15 июня 1915 г. на константинопольской площади Султан Баязет 20 гнчаках, обвиненных в организации покушения на жизнь руководства младотурков. Социал-демократическая гнчакская партия была основана в Женеве в 1887 году.
299 Весика (*тур.*) – документ, удостоверяющий личность.
300 Меджидие – турецкая золотая монета, равная 100 курушам.
301 «Союз городов» основан в августе 1914 г. для оказания помощи русскому правительству во время войны.
302 См. примечание.
303 От слова Sophomore – учащийся второго курса
304 Исправлено, в оригинале 1914 г.
305 Речь идет о призванных в армию 1500 молодых жителей Урфы, которые 4 августа были уничтожены в местностях Гутеме и Каракепру.

306 Речь идет об арестованном 26 июля и убитом предводителе епархии Урфы архимандрите Артавазде Галентеряне (1876–1915).
307 29–30 сентября 1915 г. турецкие бандиты и солдаты напали на армянский квартал, но встретив мощное сопротивление и потеряв убитыми 400 человек, отступили.
308 В действительности у армян было 800 бойцов, а 30 – это число позиций.
309 Речь идет о владельце ковроткацкой фабрики Урфы немце М. Эккарде, который, пообещав Мкртычу Ётнехбайряну сохранить ему жизнь, потребовал прекратить бой и сдаться.
310 Турецкие власти, встретив упорное сопротивление армян, послали в Урфу регулярную армию под командованием Фахр паши, а его заместителем был немецкий полковник Вольфскаhn.
311 Речь идет о начальнике штаба турецкой армии полковнике фон Эксфейле.
312 Исправлено, в оригинале Катанджян.
313 Постскриптум написан от руки.
314 В сентябре 1915 г. Болгария присоединилась Четверному союзу. 7 октября немецкие, австро-венгерские и болгарские войска начали общее наступление на Сербию и 9 октября заняли Белград, а 10 ноября, взяв Ниш, австрийские войска соединились с болгарскими войсками, таким образом открыв сухопутную дорогу Берлин – Константинополь.
315 В действительности американский консул Лесли Дэвис, вопреки предупреждениям турецких властей, укрыл в консульстве многих армян, в дипломатических докладных записках представлял факты об уничтожении армянского населения, а в дальнейшем написал книгу об этом: Davis L. A., The Slaughterhouse Province. An American Diplomat's Report on the Armenian Genocide, 1915–1917, ed. by Susan X. Bleair, N.Y., 1989.
316 Банкнота – выпускаемая банков беспроцентная ценная бумага, чью стоимость банк обязывается возместить золотом.
317 Севкиет (*тур.*) – депортация.
318 Вероятно имеет в виду военные отряды, состоящие из 50 человек.
319 Гуллул, куллул (*тур.*) – сторожевой пост.
320 В начале 20-го века армянские кварталы Харберда: Синамут, который располагался на юго-востоке внутри двух ущелий, от него вверх шли друг за другом кварталы айсоров Св. Степанос и Св. Карапет. Западные высоты территории занимал Вери Тах, который также называли тах Св. Акопа или Миссионеров, потому что там находилась церковь Св. Акопа и колледж «Евфрат».
321 Имеет в виду мостовую переправу к Самсату.
322 Нуфус тезкерес – справка, удостоверяющая личность. Автор имеет в виду, что у него имелся документ, подтверждающий его мусульманство.
323 Афион – сок мака, загустевший и затвердевший, с ядовитым запахом и горьким вкусом; используется в медицине как снотворное и болеутоляющее.
324 Имеется в виду военный билет.
325 Меариф – директорат образования.
326 Смотри примечание N 39.
327 Эти документы и фотографии оружия использовали турецкими властями в изданной в 1916 году в Константинополе книге «Революционные устремления и деятельность армянских комитетов до и после принятия Османской Конституции».

- ³²⁸ Дехтап – некая субстанция, выпадающая с дождем и градом, которая при контакте с воздухом затвердевает, размером с горошину или орешек. Им вылечивается укус змеи или какое-либо иное отравление.
- ³²⁹ Речь идет о молитвеннике Святого Киприана.
- ³³⁰ Тайин – дневной паёк.
- ³³¹ Драм – мера веса, равная приблизительно 3 граммам.
- ³³² Сурьян – религиозное верование айсоров.
- ³³³ Айсоры.
- ³³⁴ Церковь построена в 1171 году.
- ³³⁵ Чарек – имеет несколько значений, в данном случае – мера веса, равная 2,5 фунтам.
- ³³⁶ Шейх – мусульманский священник. Здесь речь идет о том же муфтии.
- ³³⁷ Куруш – турецкая монета.
- ³³⁸ Деспот – титул греческого епископа.
- ³³⁹ Митрополит – архиепископ, глава епархии у православных (греков).
- ³⁴⁰ Кяхья (*турк.*) – управляющий.
- ³⁴¹ Каваз, гаваз (*турк.*) – курьер посольства или консульства, разносчик документов, также имел и смысл телохранителя.
- ³⁴² Сублима – хлористая ртуть.
- ³⁴³ Речь идет о селе Автван.
- ³⁴⁴ С целью отмщения предательского убийства армянских фидайинов курдским племенем мазрик 25 июля 1897 г. армянские мстители напали на племя мазрик на поле Ханасори, расположенном на склоне горы Араул возле турецко-персидской границы. Глава племени Шараф бек спасается бегством.
- ³⁴⁵ Папаз (*тур.*) – священник.
- ³⁴⁶ Дефтердар – управляющий финансами вилаета.
- ³⁴⁷ Мехурдар (*араб.-перс.*) – хранитель печати.
- ³⁴⁸ Четебаши – командир четников.
- ³⁴⁹ Вераншехир – город в Диарбекирском санджаке, Междуречье, на пути к Едесии. В начале 20-го века имел 4000 население – турок, курдов, армян и айсоров.
- ³⁵⁰ Спутник – служащий, слуга; находящийся у кого-то в распоряжении, агент.
- ³⁵¹ Арабаджи (*тур.*) – ямщик, кучер.
- ³⁵² Седразам – великий везир, премьер-министр.
- ³⁵³ Гранд везир – великий везир; в 1913–1917 гг. Великим везиром Османской Империи был Саид Халим паша.
- ³⁵⁴ Речь идет о ноябрьской фетве (1914 г.) главного религиозного авторитета Османской Империи Шейх-уль-Ислама, в которой он призывает мусульман всего мира к священной войне. См. НАА, ф. 57, сп. 1, кн. 630, лл. 9 – 10.
- ³⁵⁵ Хаким – судья.
- ³⁵⁶ Джамы – мечеть.
- ³⁵⁷ Так в оригинале. Речь идет о генерал-майоре Евгении Вышинском (1873–1918), который в 1908–1914 гг. был секретарем русского консульства в Эрзеруме, в 1915 г. командиром эриванского лейб-гренадерского полка, в 1916 г. помощником генерал-квартирмейстера штаба Кавказской армии, в 1917 г. начальником штаба отдельного Армянского корпуса.
- ³⁵⁸ Имеет в виду Ишхана.

- ³⁵⁹ Имеет в виду А. Врамьяна.
- ³⁶⁰ Имеет в виду Арама Манукяна.
- ³⁶¹ Речь идет о досточтимом Григоре Гырг Яшаряне.
- ³⁶² Речь идет о вице-консуле Максе Эрвине фон Шойбнер-Рихтере.
- ³⁶³ Имена этих офицеров: Карл Верт, полковник Штангер, майор Сташевски.
- ³⁶⁴ Московский армянский комитет был создан осенью 1914 г. для оказания помощи раненым в Первой Мировой Войне, армянским добровольцам и беженцам. Комитет организовал и отправил на Кавказский фронт группы медиков и медикаменты, предоставил материальную помощь беженцам, открыл сиротские приюты. В 1916 г. учредил русскую еженедельную газету «Армянский вестник», выходящий до 1918 г.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абацев, Абациев Дмитрий Константинович (1857–1936) – генерал-лейтенант, командующий Эриванским отрядом 6-го Кавказского корпуса – 280.

Агбальянц Никогойос (Никол) Погосович (1873–1947), литературовед, министр образования и искусства РА – 155, 247.

Акопян Вардан архиерей – 135, 148.

Амазасп (Амазасп Хачатурович Срванцтян) (1873, Ван – 1921, Ереван) – деятель национально-освободительного движения. Участник армянского добровольческого движения на Кавказе и командир 3-го добровольческого полка. Участвовал во многих сражениях. В 1918 г. сражался за Бакинскую коммуны. Был зарублен топором в Ереванской тюрьме – 107.

Амирханян Вардан преподобный (1865–1915), пастор Армянской Евангелической церкви – 330, 357.

Аристакес архимандрит, предводитель Кхи – 29.

Аристакес Катекачян, архимандрит – 119, 294.

Адруни Арам (1881, Кюрни – 1915), член АРФД, несколько лет работал учителем в городе Акн, в 1902 г. действовал в Карине, в 1908 г. основал газету «Арадж» – 418,

Ачмян Айк Аршавирович (1898, Ван – 1965, Новая Джуга (Джюльфа), филолог, педагог – 12, 79, 84, 118, 157, 159, 182, 211, 219.

Вардан архимандрит – см. **Акопян Вардан архимандрит**.

Верт Карл, немецкий консул – 420.

Вышинский Евгений (Вишенский Эожен), генерал-майор – 418.

Ворберян Мкртыч С. – профессор. Родился 24 августа 1868 года Малатии, где получил первоначальное образование, затем учился в колледже Евфрат. Х. Хойлер, принимая во внимание его характеристику и знание, пригласил Ворберяна преподавать в колледже. По случаю 25-летия колледжа Ворберяну была присуждена степень профессора. Колледж командировал его в США, где он в течение одного года изучал выбранные им самим научные дисциплины в Бристонском университете. После начала Первой мировой войны вернулся в Харберд – 335, 336, 343.

Дейвис (американский консул) – см. **Лесли Девис**

Джевдет бей, губернатор Вана – 37, 39, 50, 54, 57, 62, 63, 122, 127, 167–190, 404.

Дро (Драстамат Канаян) – (1883, Игдир – 1956, Бостон) – армянский военный и политический деятель, член партии АРФД. В 1908 г. перешел в Западную Армению, контролировал / курировал процесс переправки оружия для гайдуцких групп. В годы Первой мировой войны был командиром 2 добровольческого полка, в конце 1917 года стал военным комиссаром

Сарикамыш. Руководил армянскими войсками, сражающимися против турок в Баш-Апаранском сражении. В ноябре 1920 года был назначен военным министром Республики Армения. До 4 января 1921 года был главнокомандующим / общим командующим военных сил Советской Армении. Впоследствии эмигрировал – 70, 71, 116, 117, 184, 188, 189, 191, 219.

Еотнехпаряц, Еотнехпарян Мкртыч (1885–1915), руководитель Урфийской самообороны – 352.

Ишхан, Вана Ишхан (Никол (Никогойос) Погосян-Микаэлян, 1883–1915) – известный деятель армянского национально-освободительного движения член АРФД, командир гайдуцких групп – 41, 54, 58, 104.

Кери – (**Галфаян Аршак Григорович**) (1858–1916), деятель национально-освободительного движения, член АРФД, в 1890 г принимал участие в походе С.Кукуняна, в 1904 г. принимал участие в Сасунском восстании. Во время Первой Мировой войны был назначен командиром 4 добровольческого полка. В 1915 г принимал участие в Сарикамышском сражении. Погиб в мае 1916 г, в бою при Ревандузе – 66, 87, 99, 101, 117, 229.

Корюн, Исо из Гомса (1880–1915) – участник национально освободительной борьбы и боев в Сасуне, один из руководителей самооборонительных боев в Сасуне, погиб в бою на горе Ампырни – 149.

Лато (Мирган Рашоян-Чатоян) – родился в селе Возм в 1882 г., в 1904 г. вступил в национально-освободительную борьбу, участвовал во многих боях, погиб 6 июля 1915 года в бою села Бетар – 184, 187–189, 191.

Левон из Харакана, хмбапет – см. **Шагоян Левон**.

Лесли Френсис Х. – миссионер, консульский агент США в Урфе – 258, 353.

Люледжян К. Тонапет (1876–1917) – профессор, учитель харбердского колледжа «Евфрат», преподаватель ботаники, зоологии и ботаники. По причине болезни был переправлен из тюрьмы в Американский госпиталь, откуда бежал в Дерсим, из Дерсима – на Кавказ, умер в Карине от тягот и лишений во время депортации – 335.

Манукян Арам Арутюнович (1879–1919) – деятель армянского национально-освободительного движения начала 20 века, руководитель самообороны Вана в 1915 г., основатель Первой Республики Армения – 219.

Мигран Чатоян – см. **Лато**.

Мкртыч (из Муша, дашнакцаканский деятель), **Мчо, Мкртыч Болеян** (1868–1915) – деятель АРФД, хмбапет, активный участник самооборонительных боев в Сасуне, погиб на горе Крвшык – 144, 149, 219, 221.

Муртулла бек – родился в 1860 г., сын Абдал бея из рода Эль-бека, мюдир Мокса. Известен своей любовью к армянам – 113.

Назарбеков Товмас (1855–1931) – военный деятель, генерал-майор русской армии (1915). В годы Первой Мировой войны сражался на Кавказском

фронте, командовал 2 кавказской стрелковой дивизией. В 1917 г был назначен командующим отдельного Армянского военного корпуса. Под общим командованием Назарбекова армянские войска и добровольцы в мае 1918 года остановили продвижение турецких войск в Каракилисе, Баш-Апаране и Сардарапате – 130, 219.

Нахикян Хачатур (1860–1915) – профессор, преподаватель астрономии в харбердском колледже «Евфрат» – 335.

Нубар паша – см. **Погос Нубар паша**.

Охикян Арменак (1873–1915) – юрист, член АРФД, действовал в Иране и в России, в 1908 г. проживал в Турции – 168.

Папазян Ваган (Комс) (1876, Тавриз – 1973, Бейрут), деятель армянского национально-освободительного движения, член АРФД. В 1908 г был выбран депутатом османского парламента из Вана. В 1913–1914 гг был в Муше. В 1915 – один из руководителей Сасунской самообороны. В 1919 г. был членом Национальной делегации на Парижской мирной конференции – 144.

Петрос Григорян архиерей – 119.

Погос Нубар Паша – (1851–1930) армянский государственный и политический деятель. Первый президент Армянского Всеобщего Благотворительного Союза. В 1912 году Католикос Всех Армян Геворк V Суренянц своим Кондаком (официальным посланием) назначил Погоса Нубара руководителем и полномочным представителем Армянской национальной делегации на конференциях по Армянскому вопросу, которые проходили в европейских странах, с предоставлением ему мандата на защиту требований и прав армянского народа. Деятельность возглавлявшейся Погосом Нубаром Армянской Национальной делегации продолжалась в годы Первой Мировой войны 1914–1918 гг. и после нее – 216, 332.

Псак архимандрит, Тер-Хоренян Псак архимандрит – 330, 331, 335, 357.

Саатетян Смбат, епископ – предводитель Карина – 136, 247, 270, 278, 323, 418–420.

Смбат епископ – см. **Саатетян Смбат, епископ**.

Согикиан Карапет (1874–1915), профессор, преподаватель языков и химии в харбердском колледже «Евфрат», был корреспондентом западноармянских изданий и армянских изданий США, в 1910 г. выпускал газету «Евфрат». Из тюрьмы был переправлен в Американский госпиталь, где и скончался – 335.

Согикиан Саргис, профессор, переводчик немецкого консульства в Карине – 419.

Тевекелян Гегам архиерей – епархиальный наместник Кеги – 284, 291, 306.

Тер-Минасян Рубен (1881, Ахалкалак – 1951, Франция), деятель армянского национально-освободительного движения, член АРФД. В 1906–1908 гг. был в составе группы Геворга Чавуша, участвовал в Сулукском бою. В 1915 г. был одним из руководителей Сасунской самообороны. В 1917–18 гг был членом Армянского Национального Совета, затем – военным министром Республики Армения. После советизации Армении перешел в Зангезур, затем эмигрировал – 144.

Трчун, хмбапет – 114, 189.

Халиль паша Кут (Халиль бей) (1882–1957) – генерал, командующий 6 турецкой армией – 29, 133, 134, 393, 402.

Чаникянц Тигран Багдасарович, Багдасаряне Тигран (1890–1955), полковник, организатор Шатахскогй самообороны 1915 года, в 1918–1920 гг. – военный командир в армянской армии – 115.

Чаноян Андраник (епархиальный заместитель Держдана) – 288.

Чатоян Миран – см. **Лато**.

Шагоян Левон – родился в 1887 г., в айоцзорском селе Хараканц, учился в Ахтамарской школе. Вступив в революционную борьбу, выделялся как своей смелостью, так и ответственной сознательностью. В 1914 г. был назначен командующим самооборонительных сил в Гяваше, после чего – военным командиром Песандашта. Местные армяне, число которых доходило до 6000, спаслись благодаря Левону. В 1918 г. вместе с армянами Вана перешел в Месопотамию, долгие годы жил в Мосуле. Умер в 1974 г. в Багдаде – 99, 100, 104, 117.

Ширин Егназарович Акоюн – хмбапет, уроженец Арчака, родился в 1876 г. в Хараконисе, в 1915 году был управляющим Арчака, после отступления – управляющим езидов Алагяза, умер в октябре 1920 года в Александрополе – 12, 28, 33, 35.

Шойбнер (Шобнер), Макс Эрвин фон Шойбнер-Рихтер (1884, Рига – 1923, настоящее имя Людвиг Максимилиан Эрвин Рихтер), немецкий дипломат, в 1915 немецкий вице-консул в Эрзеруме, по происхождению балтийский немец, один из основателей НСДАП, друг Гитлера, один из организаторов Мюнхенского пивного путча, во время которого и погиб от полицейской пули – 420.

Энвер паша (1881–1922), турецкий государственный и военный деятель, один из главных идеологов и организаторов Геноцида армян – 5, 167, 340, 412, 416.

Юхан Эхман, полковник, консул, предводитель миссионеров – 330, 331, 335, 336, 338, 339, 356–358.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абага** – нахия в восточной части Беркрийской казы Ванского санджака. До конца 19 века существовала отдельная Абагинская каза. В 1912 г. нахия состояла из 11 сел, большинство из которых были армянскими – 52, 80, 84.
- Абагинская долина** – находится в северо-восточной части Беркрийской казы и граничит с Макинским ханством – 53, 191.
- Абласат** – гора в Хошабской казе Хаккярского санджака – 119.
- Аблбухар** – см. **Абылбухар**.
- Абылбухар** – село в Мушской казе Мушского санджака. В начале 20 века в селе проживало 50 дворов армянских жителей. – 139, 198.
- Аванц** – село в Ванском санджаке, в области Ван-Тосп. В 1909 г. в селе было 300 дворов армян. – 52.
- Авараш (Сев джур) река** – см. **Мармет река**.
- Аверак или Авераки** – село в Ванском санджаке, в области Ван-Тосп. Находилось на расстоянии 7 км к северу от города Ван. В начале 20 века в Авераке было 60 дворов армян и 31 двор курдских жителей – 25, 26.
- Авзахбюр** – см. **Авзахбюр Неркин (Нижний)**.
- Авзахбюр Неркин (Нижний)** – село в Мушской казе, на расстоянии около 22 км от города Муш – 136.
- Авзут** – село в Мушской казе, на расстоянии 30 км к юго-востоку от города Муш. Село располагалось на дороге, ведущей в Битлис – 136, 140, 180.
- Авин** – село в Ширванской казе Сгердского санджака. – 191, 192.
- Авран** – село в Мушской казе, к северу от города Муш. В 1913 г. в селе насчитывалось 200 армянских дворов – 136.
- Авртеник, Авртик** – см. **Авырдни**.
- Авырдни** – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака. Сельская церковь Св. Акопа была построена в 1249 году – 295, 308.
- Агасав** – село в Арчешской казе Ванского вилайета – 56, 79, 80.
- Агасап** – см. **Агасав**.
- Агбак** – см. **Ахбак**.
- Агби, Агбик**, – село в Сасунской казе Мушского санджака, на расстоянии 8–10 км от Цовасара – 145–147, 152, 233.
- Агджадаг, Агджа-Даг** – каза в Харбердском санджаке Харбердского вилайета – 9, 327.
- Агджан** – село в Мушской казе Мушского санджака, в 14 км к северу от города Муш, на правом берегу Мехрагета – 136, 139.
- Агзуник** – село в Чарсанджакской казе. В селе была церковь Св. Саргиса, построенная в 13–14 вв – 342.
- Аграк** – село в Буланькской казе Мушского санджака – 178, 214.

- Аграк** – село в Ерзнкайском санджаке Эрзерумского вилайета – 321.
- Аграк** – село в уезде Кеги Эрзерумского вилайета – 282, 290, 305, 308.
- Агсрав** – село в Арчешской казе Ванского санджака. В начале 20 века здесь было 30 дворов армян – 90.
- Агстун** – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака – 282, 298.
- Агтат** – село в Мушском санджаке Битлисского вилайета. В начале 20 века в Агтате было 65 дворов жителей – 160.
- Агчатаг** – см. **Агджадаг**.
- Агын (Вагавер)** – село в Дерсимском санджаке Харбердского вилайета, в районе Арабкира – 371.
- Адана** – город в Равнинной Киликии, центр Аданайского вилайета. В начале 20 века население Аданы составляло 45000 человек, из которых 13 000 – армяне. – 243, 271.
- Адыгёзал** – село в Ванском санджаке, к северу от города Ван, в Тимарском нахия – 39.
- Адыяман** – город в Малатийском санджаке Харбердского вилайета. В конце 19 века население составляло 15 000 человек, из которых 6000 – армяне, остальные – турки, греки и ассирийцы – 382.
- Адыяманская каза** – каза в составе Малатийского санджака Харбердского вилайета – 9.
- Азар, Азаре, Хазара** – село в Арчакском нахия Ванской казы, в 1915 г. в селе насчитывалось 40 дворов армян – 33, 34.
- Азнвадзор** – см. **Гёзалдара**.
- Айгестан** – городской район в восточной части города Ван. Состоял из шести кварталов – 28, 97.
- Айланц** – село в Сасунской области. В конце 19 века в Айланце проживало около 300 армянских жителей – 147.
- Айланцик** – см. **Айланц**.
- Айнтап или Дутаг** – каза в Баязетском санджаке Эрзерумского вилайета. В конце 19 века состояла из 80 населенных пунктов с 3900 жителями – 9, 131, 195, 197.
- Аканц (Арчеш)** – поселок в Арчешской казе, на расстоянии 5–6 км от озера Ван. В начале 20 века в поселке было 1000 дворов, из которых 250 дворов – армянские – 53, 54, 66, 71, 75–81, 83–87, 90, 219.
- Акипеванк** – см. **Акипиван**.
- Акипиван** – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака Эрзерумского вилайета – 282, 286, 308.
- Акн** – каза в Харбердском санджаке Харбердского вилайета. В 1896 г. армянское население казы подверглось резне и погромам. – 9, 368, 371, 374, 377.

Акн – поселок в Харбердской казе Харбердского вилайета. В 1880 г. в поселке Акн жили 5442 армянина и 4286 жителя иных национальностей (в основном турки, частично – греки) – 253, 398.

Акнер – село в Маназкертской казе Мушского санджака Битлисского вилайета – 195.

Акрак – село в санджаке Хаккяри, в Хошабской казе. В конце 19 века в Акраке было 16 дворов армян, 5 дворов курдов – 119, 120.

Акрак – см. Аграк.

Алагяз – село в нахие Нижнего Буланька Буланькской казы Мушского санджака – 231, 438.

Алакан – горный хребет на Армянском нагорье, к северу от Котурских гор – 74.

Алашкерт – город, поселок, находится в верхнем течении Арацани. Основан армянским царем Вагаршаком I во II веке – 8, 136, 159, 160, 163, 166, 169, 195, 198, 204, 210, 213, 221, 275.

Алашкертская каза – каза в Баязетском санджаке Эрзерумского вилайета – 195, 422.

Алберд – село к юго-западу от озера Ван – 174.

Алвариндж – село в Мушской казе. В 1909 г. в селе было 160 дворов армян и 7 дворов курдов – 136, 139.

Алеппо – один из древнейших и известных городов Леванта – 10, 243, 339, 352, 415.

Алианцик – село в нахие Верин Гавар Мушской казы Мушского санджака. В 1909 г. в селе было 539 дворов армянских жителей – 145.

Алиглбон – село в Мушской казе. В начале 20 века в селе было 120 дворов армянских жителей – 138.

Алиглбун – см. Алиглбон.

Алиджан – село в Мушской казе Мушского санджака. В 1909 г. в селе было 80 дворов армян – 136, 139, 176.

Ализрнан – село в Мушской казе, на расстоянии 6–7 км к востоку от города Муш. В 1909 г. в селе было 30 дворов армянских жителей – 140.

Аличан – см. Алиджан.

Ало – село в Хнусской казе Эрзерумского санджака Эрзерумского вилайета – 277.

Альджаваз – см. Арцке.

Алюр – село в Тимарском нахие Ванской казы. Алюр был самым большим и богатым населенным пунктом Ванской казы. В 1909 г. в селе проживало 335 дворов армян – 39, 41–43, 45, 46.

Амаридж – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака. В начале 20 века село состояло из 500 дворов армян и 7 дворов курдов – 299.

Амасия – санджак в Себастиийском вилайете. Центр – город Амасия. До 1915 года в санджаке было 1200 населенных пунктов и 61 850 жителей, из которых армяне – 28 500 – 9, 364.

Аменашат – см. Ананаванк.

Амбуберд – село в Тимарском нахие Ванской казы к северу от города Вана – 50.

Ананаванк – село в Тимарском нахие Ванской казы. В начале 20 века здесь было 56 дворов армян – 45, 46.

Ангх – село в Айоздорском нахие Ванской казы. В начале 1909 г. в селе было 105 дворов армянских жителей – 56.

Ангха монастырь – см. Ангха Св. Богородица.

Ангха Св. Богородица – монастырь в Айоц Дзоре, к юго-востоку от поселка Артамет. По преданию монастырь был основан апостолом Фаддеем – 422.

Андзав – село в Беркрийской казе Ванского санджака. В 1909 г. в селе было 8 дворов армян – 69.

Анди таг – село в Мотканской казе Битлисского санджака – 175, 176, 178.

Андок – гора на Армянском нагорье, в горной системе Армянский Тавр – 144, 145, 147, 150, 154, 222, 223, 234, 241, 244, 246.

Адресси – нахие в Кегийской казе Эрзерумского санджака, в верхнем бассейне реки Бери – 299.

Аннаванк, Ананаванк – село в Тимарском нахие Ванской казы, к северо-западу от города Ван. В начале 20 века в селе было 56 дворов армян – 45.

Ансур – село в Малой Армении, в районе Малатии, направо от Евфрата. В 1909 году в селе жили 600 армянских жителей – 372.

Апаранк – см. Агранк.

Апеванк – см. Акипиван.

Апогнак – село в Кегийской казе Эрзерумского вилайета. В начале 20 века число жителей Апогнака доходило до 1000 человек – 282, 298, 309.

Апознак – см. Апогнак.

Агранк – село в Дерджанской казе Эрзерумского санджака, на расстоянии 13 км к юго-западу от города Мамахатун. В 1912 г. в Агранке жили 100 дворов армян – 268, 269, 273.

Апре – см. Апри.

Апри – село в Буланькской казе Мушского санджака, на расстоянии около 14 км к северу от озера Назик – 197, 199, 200, 214.

Арабкир – город основал Сенекерим Арцруни в 1021 году. Находится на северо-восточной стороне горы Ягмур. В начале 20 века число жителей Арабкира превосходило 20 000, больше половины составляли армяне – 167, 359–361, 363, 368, 369.

Арабкир – каза в Малой Армении, центр – город Арабкир. Накануне 1915 года число армян в Арабкирской казе доходило до 35 000 – 270, 371, 374, 377.

Араг – село в Мушской казе. В начале 20 века насчитывало 37 дворов армянского населения. В селе была древняя церковь (831 г.) – 139.

Арак – село в Агбакской казе Хакьярского санджака – 125, 403.

Аракс – река на Армянском нагорье, берет начало со склонов горы Срманц на Бюраканском плоскогорье – 180, 403.

Арарац или Арарк – один из кварталов ванского Айгестана – 107.

Арацани – река Восточный Евфрат, Мурад, Мурад-су – 144, 154, 196, 198, 200, 208, 212,

Арберд – село в Гявашской казе Ванского санджака. В 1909 г. состояло из 40 дворов с армянским населением – 100, 105.

Арвтоц – село в Верин Харзанском нахие Сасунской казы Мушского санджака – 240.

Арвыдоц – см. Арвтоц.

Аргана –Маденский санджак (Аргнийский) – санджак в Диарбекирском вилайете – 9, 292, 305, 307.

Аргик – село в Сасунской казе Мушского санджака, в Гаварском (Гяварском) нахийе – 145.

Арег – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака, в долине одноименной реки. Накануне 1915 года в селе было 300 дворов с населением 1680 человек – 282, 298, 309.

Арег – село в Шатахской казе Ванского санджака. В 1913 г. в селе проживало 102 двора армян – 117.

Арек – см. Арег.

Арен – село в Арцке-Алджавазской казе Ванского санджака. В 1909 г. здесь было 102 двора (626 человек) армян – 50, 91, 92, 93.

Ариндж – село в Мушской казе, к северу от города Муш. В начале 20 века в Ариндже проживало более чем 2400–2600 армянских жителей – 136.

Ариндж – см. Ариндж.

Аринджванк – село в Мушской казе, к северу от города Муш. В 1909 г. Аринджванк состоял из 60 дворов армян и 6 дворов курдов – 136.

Ариндз – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака – 282, 290, 292, 299, 309.

Аркаванк – село в Мушской казе, в 24 км к юго-востоку от города Муша, в плодородной долине Мехрагета – 140.

Армизон – село в Арчешской казе Ванского санджака, на северной стороне озера Ван – 90.

Арджиж – село в Хизанской казе Битлисского санджака, в Спаркертском нахие. В 1909 г. в Арджиже проживало 20 дворов армян – 186, 188.

Арнис – село в Беркрийской казе Ванского санджака, в северно-восточном районе озера Ван – 79.

Арнист – село в Мушской казе. В 1909 г. Арнист состоял из 70 дворов армян и 15 дворов курдов – 139, 219.

Арос – село в Хнусской области Эрзерумского вилайета, на расстоянии 6–7 км к юго-востоку от поселка Хнус – 180.

Арох – село в Эрунском нахие Сгердского санджака – 190.

Артамет – поселок в Ван-Тоспском нахие Ванской казы. В 1909 г. в селе было 150 дворов армян – 56–60.

Артгу – село в Хулпской казе Генджского санджака, в Талворикском нахийе – 145.

Артерт – село в Мушской казе, к северу от города Муша. В 1880 г. Артерт состоял из 80 дворов с населением 800 человек – 136.

Арткунк – село в Хулпской казе Генджского санджака, в нахие Хианка. В 1909 г. в Арткунке было 30 дворов армян – 246.

Артонк – большое армянонаселенное село в Мушской казе, к юго-востоку от города Муш – 139, 218, 219.

Артос – горная вершина на Армянском нагорье, около южных берегов озера Ван – 104, 117.

Артучли – гора на Армянском нагорье – 267.

Артушен – большое армянонаселенное село в Сасуне, в Хулпской казе – 167.

Артхонк – село в Мушской казе Мушского санджака. Находилось на расстоянии 13–14 км от города Муш – 136, 226.

Арук, Арух – село в Мотканской казе, в Хут-Брнашенском нахие – 178.

Арцап – крепость, поселок, в конце 19 века входил в состав Баязетского санджака Эрзерумского вилайета – 114.

Арцке или Альджаваз – поселок на северном берегу озера Ван, напротив одноименного островка – 90, 91, 96.

Арцке или Альджаваз, Адильджеваз – каза в Ванском санджаке, исторический Хорхоруник. Располагается к северо-западу от озера Ван. Во второй половине 19 века каза включала в себя 140 сел с населением 30 000 человек, из которых 25 000 составляли армяне – 7, 74, 75, 88–95, 111.

Арчак – село в Арчакском нахие Ванской казы, на расстоянии около 25 км к северо-востоку от города Ван – 28–33, 35, 47, 108.

Арчак – озеро на Армянском нагорье, располагается к востоку от озера Ван – 33.

Арчак, Арчишак – одна из рек Армянского нагорья, принадлежит бассейну озера Ван. Начинается с западных склонов Васпураканского хребта и впадает в озеро Арчак – 35.

Арчакское нахие – нахие в Ванской казе, к северо-востоку от города Ван – 8, 29, 31, 32, 36, 423.

Арчеш – каза в северной части Ванского вилайета – 7, 63, 73, 79, 80, 82, 83.

Арчеш – см. **Аканц**.

Арчра – село в Алджавазской казе Ванского санджака. В 1909 г. в селе проживало 74 двора армян (477 человек). Село было разделено на две части – Верхнее (Верин) и Нижнее (Неркин), которые подчас рассматривались в качестве отдельных сел. – 88–90.

Арчраниц ванк – см. **Арчра**.

Арыт – село в Ширванской казе Сгердского санджака – 194.

Аспарацин – см. **Аствацацин**.

Аствацацин, Св. Аствацацин – село в Ванской казе, в Тимарском нахие, на расстоянии 27 км к юго-западу от города Беркри – 39–41, 47, 185.

Астхаберд – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака. В начале 20 века в Астхаберде жили 1500 армян и 10 дворов курдов – 297.

Атананц – село в Айоцзорском нахие Ванского санджака Ванского вилайета. В 1909 г. в Атананце было 308 армянских жителей – 58, 61, 96.

Атер – село в Тимарском нахие Ванской казы. В 1915 г. в селе проживало 98 армянских жителей – 41.

Атиаман – см. **Адыяман**.

Аткон – село в Буланькской казе Мушского санджака. В начале 20 века Аткон состоял из 130 дворов, из которых 100 – армянские – 201, 214.

Атнаканц – село в Тимарском нахие Ванского санджака. В 1909 г. в селе было 40 дворов армянских жителей – 41, 46, 50.

Атнджих – турецкое село в Эрзерумском вилайете – 265, 266.

Атрпатакан – одна из древнейших исторических областей Ирана. В начале 20 века на территории Атрпатакана насчитывалось 6123 дворов армян – 108, 400, 403.

Ахаванк (Ахаванц) – село на южном берегу озера Ван, напротив острова Ахтамат, на расстоянии 33–34 км к юго-западу от Вана. В начале 20 века в Ахаванке проживало 200–250 армянских жителей – 103, 104.

Ахбак – область в провинции Васпуракан Великой Армении. В древности считалась родовой вотчиной Арцрунидов. Во второй половине 19 века Ахбакская каза состояла из 81 села, из которых 24 – армянские. Здесь жили армяне (около 10 000 человек), курды (8000), ассирийцы и евреи (около 2000) – 124, 125, 128, 400, 402, 405.

Ахберкаванк – монастырь в области Хут провинции Туруберак Великой Армении. Был построен в начале 4 века – 137, 139, 145.

Ахбзут – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака Эрзерумского вилайета, в 5 км. от поселка Кеги – 285.

Ахдахана – см. **Ахтахана**.

Ахлат – см. **Хлат**.

Ахлатская каза – см. **Хлатская каза**.

Ахорик – село в восточной части Махмудийской казы Ванского санджака – 118.

Ахсин – село в Нордузской казе Ванского санджака. В 1909 г. в селе было 12 дворов армян и 20 дворов курдов – 63, 64.

Ахсраф – см. **Агсрав**.

Ахт – гора – 99.

Ахтахана – село в Персидской Армении, в Салмастском районе, к северо-западу от озера Урмия – 402.

Ашкала (Ашгале, Ашгала, Ашхала) – город в Эрзерумском санджаке, в 40 км на запад от Эрзерума. В 1909 г. в Ашкале жило около 800 армян и турок – 262, 263, 265, 267.

Аянц – село в Тимарском нахие Ванской казы Ванского санджака. В 1901 г. село состояло из 52 дворов – 42.

Баберд – каза в северо-западной части Эрзерумского санджака. Накануне 1915 года число армян здесь доходило до 17 000 – 19 000 – 8, 247, 251, 267, 269, 314, 319, 359, 371, 418.

Багарич – поселок, село в Держанской казе Эрзерумского санджака, впоследствии, до 1915 года, Багарчи входил в состав Ерзнкайского санджака – 267–269, 271.

Багеш – см. **Битлис**.

Багло – см. **Баглу**.

Баглу – село в Мушской казе. В начале 20 века здесь было 40 дворов армянского населения – 136.

Багр Баба – см. **Пахр**.

Багран – село в Маназкертской казе Мушского санджака. В начале 20 века здесь было 15 дворов армянского и 30 дворов курдского населения – 195.

Бадранц, Бадрананц – армянонаселенное село в Спаркертском нахие Хизанской казы Битлисского санджака. В 1909 г. в селе было 14 дворов с населением 78 армянских жителей – 186.

Бадрмут – село в Верин Харзанском (Хаблджоз) нахие Сасунской казы Мушского санджака – 240.

Баз – село в Агбакской казе Хаккярского санджака. В 1915 г. в селе было 20 дворов армян, 12 дворов курдов – 125, 403.

Базениц монастырь, Св. Богородицы монастырь, Базениц Св. Эчмиадзин – монастырь Спаркертской казе, средневековый центр по созданию и переписыванию рукописей – 186.

Базенц – село в Спаркертском нахие Хизанской казы Битлисского санджака. Исключительно армянонаселенное село – 186, 187.

Базидаг – село в Беркрийской казе Ванского санджака – 73.

Базмашен – село в Харбердском вилайете, на расстоянии 10–12 км на юго-запад от города Харберд. Накануне Геноцида 1915 года в Базмашене было 460–500 дворов исключительно армянского населения – 334.

Базу – село в Мушской казе, к югу от монастыря Св.Карапета, центр по созданию и переписыванию рукописей – 226.

Байбурд – см. **Баберд**.

Байик – каза в Битлисском санджаке – 8.

Байрак – село в Тимарском нахие Ванской казы Ванского санджака. В 1909 г. в селе было 38 дворов армянского населения – 40, 41, 46.

Балажу гора – гора в Хизанской казе Битлисского санджака – 184.

Балдабан – местечко в Гюмюшханском санджаке Трапезундского вилайета – 396, 398.

Балкан – село в Гёзалдарском нахие Битлисского санджака – 225.

Балоинк – см. **Белоенк**.

Балу – город–крепость в Балуйской казе Арганамаденского санджака Диарбекирского вилайета. В 1914 году в Балу проживало около 10 000 армян, турок, курдов, ассирийцев и греков – 284, 285, 292, 304, 305, 307, 308, 342, 389, 393, 394.

Банон – село в Арчешской казе, к северо-востоку от озера Ван. В начале 20 века здесь было 50 дворов армянского населения – 80.

Банот – ущелье в окрестностях Битлиса – 183.

Барадотик – гора на Армянском нагорье, находится в Шатахском санджаке Ванского вилайета – 98, 116, 117.

Барвар – каза в Сгердском санджаке, в его восточной части, в области нижнего течения Восточного Тигра – 8, 189, 190.

Бас – см. **Пас**.

Басен – каза в Эрзерумском санджаке. В 1909 г. в Басенской казе насчитывалось 169 сел, из которых 57 – армянонаселенные – 8, 259.

Басен – область в провинции Айрарат Великой Армении. Согласно османской статистике, накануне 1915 года Басен включал в себя 171 село в населением 46654 человек, из которых 20000 – армяне. – 139, 220, 247, 269, 270, 275, 280.

Баст – село в Спаркертском нахие Хизанской казы Битлисского санджака, к юго-западу от озера Ван – 186, 188, 189.

Батнос – каза в санджаке Арцке Ванского вилайета, на северо-западной стороне озера Ван – 87.

Бахванц – село в Гявашской казе Ванского санджака – 101.

Бахезик – см. **Пахезик**.

Бахри – село в Малатийском санджаке Харбердского вилайета – 378.

Бахча – село в Мушском санджаке, в Хнусской казе. В начале 20 века уже было заселено курдами – 160.

Бацц – село в Хулпской казе Генджского санджака, в Хианкском нахие – 145, 242.

Башгала – см. **Башкала**.

Башкала – поселок в Агбакской казе Хаккярского санджака, административный центр казы. В 1910 г. в поселке было 500 дворов с армянским, еврейским, ассирийским и курдским населением – 56, 121, 122, 124–127, 129–131, 133, 134, 400, 403.

Башкале – см. **Башкала**.

Баяджук – село в Салмастском уезде – 410.

Баязет – город в Баязетской казе Баязетского санджака Эрзерумского вилайета – 66, 75, 91, 106, 113, 118, 119, 136, 159, 184, 185.

Баязетская каза – каза в Баязетском санджаке Эрзерумского вилайета – 8.

Баязетский санджак – санджак в Эрзерумском вилайете – 8.

Бглиц – село в Мушской казе, вблизи села Ариндж. В 1914 г. в селе было 130 дворов с армянским населением 1000 человек – 136, 139.

Белоенк – село в нахие Псанка Сасунской казы Мушского санджака – 242.

Белу – село в Гявашской казе Ванского санджака. В 1909 г. в селе было 110 дворов – 98.

Бенди–Маху, Бендимаху – см. **Беркри река**.

Бенканц – см. **Пиканц**.

Бентимаху – см. **Беркри**.

Бердак – село в Ван-Тоспском нахие Ванской казы. В начале 20 века в селе было 60 дворов армянского населения – 186.

Бердак – село в Дерсимском санджаке Харбердского вилайета, в Чарсанчакской казе – 327, 328, 334.

Бердак – село в Мушской казе, на расстоянии 8 км к юго-востоку от города Муш. В селе была церковь, построенная в 921 г. и школа – 139.

Беркри – каза в Ванском санджаке, простирается от северо-восточного залива озера Ван до Макинского ханства и горного хребта Тандурек (Тондурек, Тондрак) – 7, 65, 67, 68, 71, 72.

Беркри – поселок, крепость, город–крепость к северо-западу от озера Ван. В начале 20 века в Беркри проживало 3100 жителей, из которых 2100 – армяне, остальные – турки, евреи и курды – 27, 47–49, 53, 55, 57, 63, 65–68, 70, 71, 73, 75, 79, 80, 84, 87, 92, 105, 114, 118, 120, 185, 188, 191, 219.

Беркри – река на Армянском нагорье. Берет начало с северо-восточных склонов гор Цахканц и впадает в озеро Ван в 10 км к югу от поселка Беркри – 53, 144, 185.

Беркри Кале – см. **Беркри** (поселок).

Беркри ущелье – находится на северо-восточной стороне озера Ван, в долине реки Беркри – 26, 50, 108.

Берм – село в Хулпской казе Генджского санджака, в Хианкском нахие. В 1890 г. в селе было 200 дворов – 145.

Бертак – см. **Бердак**.

Бешнагомер – см. **Пшнагомер**.

Бжникерт – село в Агбакской казе Хакярского санджака. В конце 19 века состояло из 55–60 дворов армян, 10 дворов курдов. 54, 56.

Бзрхан – равнина в Беркрийской казе Ванского санджака – 71.

Биркарип, Бир-Карип – см. **Пиркариб**.

Бирои кали – место на горе Варага – 119.

Бирот – село в Харбердском санджаке Харбердского вилайета – 378.

Битлис или Багеш – город на юго-западной стороне озера Ван. В начале 20 века в городе проживало 30 000 человек, из которых 10 000 – армяне – 8, 14, 47, 51, 52, 63, 99, 112, 135, 150, 151, 158, 159, 164–170, 172–174, 177, 178, 181–184, 187, 192, 197, 223, 224, 228, 235, 240.

Битлисский (Багешский) вилайет – административно-территориальная единица Османской империи в Западной Армении, был образован в 1879–1880 гг. с центром Битлис (Багеш). Ранее он входил в состав Ванского, Эрзерумского и Диарбекирского вилайетов. В 1909 г. в него входили четыре санджака – Битлисский, Стердский, Мушский, Генджинский, площадь составляла 27.100 кв. км – 5, 7, 8, 14, 178, 181, 201, 204, 206, 227, 239.

Битлисский санджак – 8, 109, 155, 157, 159, 160, 163, 164, 168, 170, 172, 173, 175, 177, 181, 182, 185, 186, 191–193.

Бклиц – см. **Бглиц**.

Блел – село в Мушской казе, на расстоянии 8–9 км к западу от города Муш. В начале 20 века в селе было 20 дворов армянского населения – 136, 235.

Блоканк – село в Мотканской казе Битлисского санджака, в Хут-Брнашенском нахие – 178.

Блтенц – см. **Плтенц**.

Блур – село в Буланькской казе Мушского санджака, на расстоянии 18 км юго-западу от города Маназкерт. 49, 50, 55, 57, 166, 213.

Боганис – село в Гявашской казе Ванского санджака. В 1909 г. в селе было 18 дворов армянского населения – 98, 101, 128.

Боглан – село в Генджской казе Генджского санджака. В 1909 г. в селе было около 68 армянских и курдских жителей – 136.

Борхан – село в Хнусской казе Эрзерумского санджака – 277.

Бостакенд, Бостанканд – село в Мушской казе, на расстоянии 36 км к северо-востоку от города Муш – 220.

Бот – село в Хошабской казе Хакярского санджака – 120.

Бохтан река – река на Армянском нагорье, Восточный Тигр – 193.

Бргашен – село в Буланькской казе Мушского санджака, на расстоянии 24 км к юго-западу от поселка Коп – 214.

Брнакапан – село в Эрзерумской казе, на южных склонах горы Коб – 250, 266.

Брнашен – каза в Битлисском санджаке. Часто под этим названием подразумевалась Хут-Брнашенская каза – 154.

Бтарич – село в Ерзнкайском санджаке, на расстоянии 20 км к юго-востоку от города Ерзнка – 315.

Бугшарсыз Дереси – ущелье в окрестностях Эдесии – 326.

Буланьк – каза в Мушском санджаке Битлисского вилайета – 8, 47, 136, 140, 164, 166, 175, 179, 197–199, 201, 203, 204, 206, 207, 209, 211, 213, 217, 231.

Буланьк Верин (Верхний) – нахия в Мушском санджаке, северо-восточная часть Буланькской казы. В конце 19 века здесь было 15 армянонаселенных сел – 165, 199, 213–215.

Буланьк Неркин, Вари (Нижний) – нахия в Мушском санджаке, юго-западная часть Буланькской казы. В 1914 г. здесь было 13 исключительно армянонаселенных сел – 166, 199, 213–215, 220, 221.

Бурназ – село в Хнусской казе Эрзерумского санджака, на расстоянии 23 км на восток от города Хнус – 277.

Бурни-Булаг – см. **Бурну Булаг**.

Бурну Булаг, Бурнубулаг – село в Баязетском санджаке, на расстоянии 40 км к югу от села Каракилиса – 217.

Бханц – см. **Паханц**.

Ван – город в области Тосп провинции Васпуракан Великой Армении, на восточной стороне озера Ван – 7, 14–16, 25–34, 36–42, 46, 47, 49–60, 62, 63, 65, 74, 77, 78, 83, 84, 88, 92, 95–99, 101, 102, 104, 106–109, 113–115, 118–120, 122, 123, 130–132, 134, 150, 158, 159, 164, 167, 170, 174, 182, 184, 185, 187, 188, 190, 191, 195, 204, 211, 223, 280, 333, 341, 394, 401, 404, 407, 413, 418, 419.

Ван озеро – озеро на Армянском нагорье, в его южной части. Бассейн озера Ван – 6000 кв. км.

Ваник – село в Битлисской казе Битлисского санджака, в Татикском нахие. В 1909 г. состояло из 60 дворов с населением 362 человека – 169.

Ваник – село в Карчканской казе Гявашской казе Ванского санджака. В 1909 г. в селе было 37 дворов армянского населения. – 107, 111, 112.

Ванк, Скаваракаванк, Св. Геворк Ширинца – монастырь находился в Спаркертском нахие Хизанской казы – 186.

Ванская каза – 25–27, 29, 31, 32, 36, 39, 47, 49, 51, 53, 55, 57, 61, 63.

Ванский вилайет – площадь Ванского вилайета составляла 33,6 тысяч кв. км. Он был разделен на два санджака – Ванский и Хаккярский. В начале 20 века в вилайете было свыше 500 населенных пунктов с исключительно армянским населением и сотни населенных пунктов со смешанным населением. В селах и городах Ванского вилайета было 33 церкви и 750 монастырей – 7, 8, 14, 23, 25, 27, 47, 57, 65, 67, 68, 100, 101, 103, 128, 132.

Ванский санджак – 7, 25–27, 29, 31, 32, 36, 38, 39, 47, 49, 51, 53, 55, 57, 61, 63, 65, 67, 68, 71, 72, 74, 76, 79, 80, 82–84, 88–92, 94–96, 98, 100, 101, 103, 105, 109, 111–114, 116, 118.

Ван-Тосп – нахия в Ванской казе Ванского санджака – 8, 26, 27.

Вараг или Варак – горный хребет на Армянском нагорье, на восточной стороне озера Ван – 27, 60, 62, 97, 119, 123.

Вараг монастырь – монастырь располагался к востоку от города Ван, на западном склоне горы Вараг – 28.

Варденис – село в Мушской казе, на расстоянии 35 км к юго-востоку от города Муш, на правой стороне Мехрагета – 136, 139, 140, 219, 237, 238.

Вардо каза – каза в Мушском санджаке Битлисского вилайета. Центром казы было армянонаселенное село Гюмгюм – 8, 203.

Вардук – село в Держанской казе Эрзерумского санджака. В начале 20 века здесь было 50 дворов армян и столько же турок – 267, 279, 280.

Вардхак – село в Мушской казе, на расстоянии 26 км к юго-востоку от города Муш. В начале 20 века в селе проживали 168 армян и примерно столько же курдов – 139, 140.

Веритаг (Верхний квартал) – один из кварталов города Харберд – 367.

Верин Харзан (Кабылджоз) – нахия в Сасунской казе Мушского санджака – 147, 240, 243, 245.

Вогджин – см. **Огджин**.

Возм или Возим – село в Барварской казе Стердской провинции. В начале 20 века состояло из 200–300 дворов с армянским населением – 27, 29, 184, 187, 188, 190.

Востан – город в области Рштуник провинции Васпуракан Великой Армении, на расстоянии 1 км к югу от южного побережья озера Ван, напротив острова Ахтамар – 52.

Востан – село в Гявашской казе Ванского санджака, на расстоянии 1 км к югу от южного побережья озера Ван – 56, 58, 61, 63, 96, 99–105, 113, 117, 184, 188, 189, 191.

Востин – село в Татикском нахие Битлисского санджака – 169.

Вотнчур – село в Буланькской казе Мушского санджака – 214.

Габи кар (Хаварцил кар) – гора на Армянском нагорье в горной системе Бюракан-Мндзурян – 288.

Гавришами – село в Беркрийской казе Ванского санджака – 65, 87, 114.

Гази – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака, на расстоянии около 41 км к северо-востоку от Кеги – 285.

Гайли – село в Харбердском санджаке. В начале 20 века в селе было 30 дворов с населением 188 человек – 337

Гайлу – см. **Гайли**.

Галасар – село в Персидской Армении, в области Салмаста, на расстоянии 4 км к востоку от города Дилман. В начале 20 века в Каласаре проживало более 500 армянских жителей – 402, 403.

Гали-Гинонма – см. **Гелигенман**.

Гангачи – долина в Сомском уезде в Персидской Армении – 133.

Гарасу, Карасу, Мармет – река в бассейне озера Ван, течет по территории Тимарского нахия – 73.

Гарнен, Карнен – село в Мушской казе Мушского санджака – 139.

Гасан – Тамран – село в Махмудийской казе Ванского санджака, в долине Абаги – 118.

Геардапат – см. **Гярдабад**.

Гебин или Кепин – гора на Армянском нагорье, в горной системе Армянский Тавр, в районе Муша – 150.

Гёз (Коз) Верин и Неркин – села в Арчешской казе Ванского санджака – 82.

Гёзалдара – нахия в Битлисском санджаке, в бассейне реки Гёзалдара. В 1909 году нахия насчитывало 18 армянонаселенных сел – 8.

Гёзалдара – село в Гёзалдарской казе Битлисского санджака Битлисского вилайета – 218.

Гёли глух (Сареголе, Гёлбаши, Эрун) – село в Мушской казе Мушского санджака – 238.

Гелигенман – село в нахия Верин гавара Мушской казы Мушского санджака – 145, 146.

Гелигенман – см. **Гелигенман**.

Гелигюзан или Галигюзан – село в нахия верин гавара Мушской казы. В 1890 гг. в селе насчитывалось более 1000 дворов армянских жителей – 145–147, 149, 151–154, 222, 223, 235, 236.

Гелимсур – см. **Гялимсур**.

Гёллу, Кеолу – село в Тимарском нахье Ванской казы. В конце 19 века село насчитывало 40 дворов армянских жителей – 39, 42, 43.

Генджская каза – каза в составе Генджского санджака – 8, 246.

Геозене – местность в Малатийском санджаке Харбердского вилайета – 386.

Гермав – село в Мушской казе, в 10 км к юго-востоку от города Муш. В начале 1909 г. в селе проживало 395 армян. – 143–147, 149, 233.

Гехашен – село в Шатахском нахье Мушской казы, в его северо-западной части – 145–147, 149, 152, 154, 155, 231–233.

Гилонк – село в Мотканской казе Битлисского санджака, в Хут-Брнашенском нахье. В начале 20 века в Гилонке насчитывалось 13 дворов, 8 – армянских, 5 – курдских – 178.

Гирич – см. **Гирч**.

Гирч – село в Айоцзорском нахье Ванской казы. В 1909 г. насчитывало 30 дворов с армянским и 60 дворов с мусульманским населением – 104, 105.

Гихр – см. **Керх**.

Гличлу (Хличлу) – село в Мушском санджаке – 196.

Гндзи, Гндзик – село в Ширванской казе Сгердской провинции – 192, 193.

Говандук – село в Хнусской казе Эрзерумского санджака, на берегу реки Хнус. В 1915 г. в селе насчитывалось 158 дворов с 1000 армянскими жителями – 277.

Гоце – см. **Гёз**.

Голи гом – ущелье вблизи села Гоце в Арчешской казе – 82.

Гомац гора – гора вблизи села Гомс в Гявашской казе Ванского санджака – 106, 107.

Гомац Св. Богородица – монастырь на восточной стороне села Гомс, который располагался к западу от города Битлис. В 13 веке был епархиальным центром области – 145.

Гом-дзор – село в Держанской казе Эрзерумского санджака – 267.

Гомер – село в Мокском нахье Ванского санджака. В 1910 гг. село насчитывало 40 дворов армянских жителей. 112, 113.

Гомер – село в Эрзерумском санджаке, на расстоянии около 50–60 км от города Баберд. 136, 139, 145.

Гомк – село в нахье Псанка Сасунской казы Мушского санджака, на расстоянии около 12 км к северо-востоку от села Далхор, средневековый центр по созданию и переписыванию рукописей – 240, 242.

Гомоц ванк – см. **Гомац Св. Богородица** монастырь.

Гомс – село в Карчканском нахье Гявашской казы Ванского санджака. В 1909 г. насчитывало около 50 дворов армянских жителей – 105–108.

Гомс – село в Тимарском нахье Ванской казы Ванского санджака. В 1909 г. село насчитывало 40 дворов армян – 41, 136, 233.

Гонтуз – село в Хнусской казе Эрзерумского санджака – 277.

Горнгес – см. **Корнкез**.

Горнкес – см. **Корнкез**.

Горцот – село в Беркрийской казе ванского санджака, на восточной стороне озера Ван. Накануне 1915 г. Горцот состоял из 150 дворов – 48, 67, 68.

Гост – см. **Кост**.

Гргкёз – мост на реке Евфрат – 365.

Гре-Гёл – гора вблизи села Соскун в Арчешской казе – 86.

Гузел – см. **Кузел**.

Гузулчан – см. **Куручай**.

Гулыган – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака – 285, 292, 307.

Гуручай – см. **Куручай**.

Гцанк – см. **Кцанк**.

Гызыл –Бара – село в Хнусской казе Эрзерумского санджака – 280.

Гындзу – село в Мотканском нахье Мотканской казы Битлисского санджака – 181.

Гюзак – село в Беркрийской казе Ванского санджака, на северо-восточной оконечности озера Ван. 67, 69.

Гюзел-Дере – см. **Гёзалдара**.

Гюлизан – село в Персидской Армении, в районе Салмаста, к северо-западу от озера Урмия – 402.

Гюмгюм – село в Мушском санджаке, в казе Вардо, у южного подножия Бюракнских гор – 203.

Гюмушхане – город в Трапезундском вилайете, центр одноименного санджака. Накануне 1915 года в городе проживало 8000 человек, 2500 из которых – армяне – 10, 251, 396.

Гяболан – село в Буланькской казе Мушского санджака – 203, 214.

Гябул – см. **Гяболан**.

Гявар – каза в санджаке Хаккяри, в долине реки Гавар-су, притока реки Большой Заб – 8.

Гяваш – каза в Ванском санджаке. Находится на южной стороне озера Ван – 7, 58, 96, 98–101, 103, 105, 107–109, 111–113, 117, 191.

Гявришами – см. **Гавришами**.

Гялимсур – село в нахье верин гавар Мушской казы Мушского санджака – 146.

Гялхук (Глхук, Калхок, Клок и др.) – село в Харазанской казе Сгердского санджака – 169.

Гянгячин – см. **Гангачи**.

Гярдабад – село в Персидской Армении, в провинции Урмия, в районе Назлучая – 399, 406, 407.

Давабуин (Дава-Буйн, Давабойн) – горный хребет на Армянском нагорье, в восточной части Эрзерумского плоскогорья – 266.

Дагверан – село в Арчакском нахье Ванской казы. В 1914 г. в селе насчитывалось 40 дворов с армянским населением 320 человек – 31, 32.

Дадаверан – село в Хнусской казе Эрзерумского санджака, на расстоянии 21 км к северо-востоку от города-крепости Хнус – 277.

Даладзор – село в нахье Верин Харзана (Кабылджоз) Сасунской казы Мушского санджака – 240.

Даларс или **Далас** – село в Спаркертском нахье Хизанской казы Битлисского санджака – 186.

Даличай – речка в бассейне озера Ван – 83.

Далхор – село в нахье Псанка Сасунской казы Мушского санджака – 145, 242.

Дапик – см. **Тапык**.

Дапык – см. **Тапык**.

Дарабек – село в Тимарском нахье Ванской казы Ванского санджака, к северу от города Ван – 39, 40.

Дарман – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака. В 1915 г. в селе проживало 2650 армян. В селе были две церкви, одна из которых – Св. Саргис, была построена в 1181 г. – 296–298, 309.

Дару – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака – 301.

Датаверан – см. **Дадаверан**.

Датван – нахье в Битлисской казе Битлисского санджака – 8, 176, 181, 184.

Датем – село в Харбердском санджаке, недалеко от города Харберд – 326, 327.

Дахалайса – село в Сасуне – 146.

Дашбатрик – см. **Таджбатрик**.

Дашли чай – см. **Дашлыджа**.

Дашлыджа – село в Каракилисаской казе Баязетского санджака Эрзерумского вилайета – 196.

Дашт – село в Спаркертском нахье Хизанской казы Битлисского санджака, один из средневековых центров по созданию и переписыванию рукописей – 186, 269.

Даштадем – село в Хут-Брнашенском нахье Мотканской казы Битлисского санджака – 178.

Дваленк – село в Талворикском нахье Хулпской казы Генджского санджака, в 2–3 км к востоку от Талворика – 146.

Двник – село в Дерджанской казе Эрзерумского санджака, на расстоянии 15–16 км к западу от города Эрзерум – 136.

Дейр-Эз-Зор (Дейр-Эль-Зор, Дер-Зор, Тер-Зор) – город в Сирии, на правом берегу реки Евфрат. 10, 380, 384.

Дергеванк – село в Мушской казе Мушского санджака. В 1890 г. село насчитывало 89, а в 1909 г. – 60 армянских дворов – 136.

Дерджанская или **Мамахатунская каза** – каза в Эрзерумском санджаке, в верховьях Западного Евфрата. 8, 263–265, 267, 268, 270–272, 274, 275, 288, 314, 322.

Дерик, Дерык – село в Маназкертской казе Мушского санджака, на расстоянии около 12 км к юго-западу от города Маназкерт – 136, 195, 198, 199, 200, 206, 226, 280.

Деришк – село в Персидской Армении, в области Салмаст, к юго-востоку от поселка Дилман, на правом берегу реки Салмаст – 402.

Дерк – см. **Дерик**.

Деркен – село в Ширванской казе Стердского санджака – 194.

Дерон – село в Беркрийской казе Ванского санджака. В начале 20 века в селе насчитывалось 30 армянских и 25 турецких дворов – 71, 72.

Дерсим – санджак в составе Харбердского вилайета. Накануне 1915 года население Дерсима составляло 200 тысяч человек, из которых 45% составляли армяне, остальное – курды – 9, 259, 261, 264, 294, 305, 313, 314, 319, 322, 323, 326–328, 335, 337, 339, 341, 342, 356, 389, 393, 394.

Дех – село в Эрунской казе Стердского санджака – 189, 190.

Дехдз – см. **Дехдзмер**.

Дехдзмер – село в Мушском санджаке, на расстоянии около 22 км к юго-востоку от города Муш – 227, 229.

Джан – см. **Чан**.

Джаник – санджак в Трапезундском вилайете, см. **Самсун**.

Джаник (Чаник) – село в Тимарском нахье Ванской казы. В начале 20 века село насчитывало 160 дворов – 33–41, 47, 48, 52, 108.

Джевишлик – поселок, село в Мачканской казе Трапезундского санджака Трапезундского вилайета – 397.

Джезире, Джзире – см. **Джзирок**.

Дженис – село в Эрзерумском санджаке, на расстоянии 14 км к юго-востоку от города Эрзерум. В 1909 г. село насчитывало 65 армянских и 140 турецких дворов – 414.

Джерман – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака, на расстоянии 50 км к северо-востоку от поселка Кеги – 300, 309.

Джзирок – село в Хлатской казе Битлисского санджака – 162, 166.

Джиграшен, Чирашен, Чикрашен, Кирашен – село в Тимарском нахье Ванской казы. Находилось на берегу озера Ван. В начале 20 века в селе жили 126 армян – 39, 45.

Джирашен – см. Джиграшен.
Джнук – село в Шатахской казе Ванского санджака Ванского вилайета – 191.
Джодж – ущелье в Гёзалдарском нахие Битлисской казы – 173.
Джортник – см. Джртник.
Джрик – село в Мушской казе. В 1909 г. село насчитывало 120 армянских и 30 курдских дворов – 136, 139, 203.
Джртник – село в нахие Псанка Сасунской казы Мушского санджака – 145, 241.
Джуламерк (Джуламерик) – каза в санджаке Хаккяри – 8, 128, 129.
Джуламерк (Джуламерик) – поселок в санджаке Хаккяри, в Джуламеркской казе. В конце 19 века. насчитывал 500 дворов ассирийцев, турок, армян и курдов – 128–132.
Джюльфа (Джуга) – город в Нахиджеване, на правом берегу реки Аракс – 399, 405, 407.
Джутгях или Джугда – село в Арчешской казе Ванского санджака. В 1896 г. село насчитывало 60 армянских дворов – 90.
Дзитавах – см. Дзитахох.
Дзитахох – село в Эрзерумском санджаке. В 1909 г. состояло из 216 дворов, большинство населения составляли армяне – 251, 259.
Дзитох – см. Дзитахох.
Дзорахпи – село в Верин Харзанском нахие Сасунской казы Мушского санджака – 240.
Дзорер – армянонаселенное село в Талворикском нахие Хулпской казы Генджского санджака – 147.
Диадин – село, поселок, город в Диадинской казе Баязетского санджака. В 1915 г. в Диадине насчитывалось 400 дворов – 96, 217.
Диадинская каза – каза в Баязетском санджаке Эрзерумского вилайета – 9.
Диарбекир – вилайет, санджак в Западной Армении. По данным 1882 г. число армян в вилайете доходило до 150 000. В конце 1914 г. все население Диарбекира составляло 296 000, из которых 105 000 – армяне (во время резни 1895 г. были убиты тысячи армян, к тому же многие армяне эмигрировали) – 9, 14, 137, 140, 145, 150, 325–327, 331, 332, 335, 336, 338, 340, 389.
Диарбекирский (Тигранакертский) вилайет – административно-территориальная единица Османской империи в Западной Армении, с центром Диарбекир – 5, 7–9, 14, 262, 389.
Диза – село в санджаке Хаккяри, в Гяварской казе. Население состояло из армян, ассирийцев, курдов и евреев – 132, 404.
Дилман – город, поселок, село в Персидской Армении, центр Салмастской области – 405, 407.

Долагбаш – село в Маназкертской казе Мушского санджака. В 1909 г. село насчитывало 40 армянских и 10 курдских дворов – 195.
Дон – см. Том.
Дришк – см. Деришк.
Дрмерд, Дрмет – село в Мушской казе, к востоку от города Муш – 136, 140–143, 180.
Дукнук – см. Тукнук.
Дусу – см. Тосу.
Дутаг – см. Айнтап.
Духанашен или Духан – село в Битлисском санджаке, на расстоянии около 20 км к югу от города Битлис – 167, 223.
Дых – см. Дех.
Дурин чай (Дюру чайи) – река около города Ерзнка – 317.
Евфрат – река в бассейне Персидского залива. одна из крупнейших рек Передней Азии, берет начало на Армянском нагорье, впадает в Персидский залив – 137, 217, 223, 251, 252, 255, 256, 259, 260, 267–270, 275, 283, 285, 287, 295, 296, 312, 313, 317, 322, 327, 328, 331, 339, 340, 342, 344, 345, 348, 359, 363–365, 367, 368, 370, 378, 383, 393, 398.
Егвана, ущелье – ущелье в Беркрийской казе Ванского санджака – 69.
Егонак гора – гора в Хлатской казе Битлисского санджака – 165.
Ездихане – нахие в Нордузской казе Ванского санджака, проживали езиды – 118.
Екмал – село в Маназкертской казе. В начале 20 века в селе насчитывалось 15–17 армянских дворов с населением 160 человек – 195.
Екмал – село в Тимарском нахие Ванской казы Ванского санджака. Исключительно армянонаселенное село – 46.
Еникей – турецкое село в Эрзерумском санджаке – 265.
Енчалу – село в Буланькской казе Мушского санджака. В 1909 г. село насчитывало 300 дворов, более 263 из которых – армянские – 213.
Ерзнка – город в Эрзерумском вилайете, центр Ерзнкайского санджака – 247, 249, 251–253, 264–267, 269, 270, 273, 276, 294, 310–317, 321, 323, 324, 329, 335–338, 342, 356, 362, 371, 394, 396, 414, 419.
Ерзнка – санджак в Эрзерумском вилайете. В 1877–78 гг в санджаке проживало 180374 человек, 76220 из которых армяне – 8, 313.
Ериза – см. Ерзнка.
Еризак – село в Мушской казе Мушского санджака. В начале 20 века в селе насчитывалось 50 армянских и 12 курдских дворов – 139, 203.
Ерицанк – см. Ирицанк.

Еркан, Эркан – село в Ерзнкайском санджаке, немного к югу от города Ерзнка. В 1915 г. в селе насчитывалось 150 армянских дворов – 342.

Ерыштер – село в Мушской казе, на расстоянии 20–22 км к юго-востоку от города Муш – 138–140, 227, 228, 230.

Етинк – село в Сасунской казы Мушского санджака – 145.

Ехгард – село в Талворикском нахие Хулпской казы Генджского санджака – 145, 147.

Ехегис (Гёллу) – село в Карчканском нахие Гявашской казы Ванского санджака. В 1909 г. в селе насчитывалось около 90 армянских дворов – 107, 108.

Зевен – село в Карчканском нахие Гявашской казы Ванского санджака. В начале 20 века в селе насчитывалось 15 курдских дворов – 52.

Зенис – село в Хошабской казе Хаккярского санджака – 120.

Зернак – село в Хошабской казе Хаккярского санджака. В 1913 г. в селе насчитывалось 80 армянских дворов – 119.

Зиарат – см. **Зиарет**.

Зиарет – село в Мушской казе, на расстоянии 25 км к северо-западу от города Муш – 135–138, 225, 226.

Зиландере – ущелье в бассейне озера Ван – 81, 219.

Зилани дзор (Зиланское ущелье) – см. **Зиландере**.

Зорава – село в Хут-Брнашенском нахие Мотканской казы Битлисского санджака – 178.

Зрзанос – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака – 292, 302, 303.

Зыхран (Зугр, Зухр) – мост на реке Евфрат – 213, 221.

Ибо – село в Хнусской казе Эрзерумского санджака – 277.

Игахач – село в Персидской Армении, в области Урмия. До 1914 г. было армянонаселенным, состояло из 44 дворов – 409.

Игдир – 25, 53, 79, 80, 87, 92, 111, 113, 116, 118, 120, 156, 160, 162, 172, 185, 191–193, 195, 197, 198, 206, 208, 217–219, 221.

Икнаходжа – село в Маназкертской казе Мушского санджака. В 1909 г. насчитывало 25 армянских дворов – 195.

Илиджа – село в Эрзерумском санджаке, на расстоянии 10–12 км к северо-западу от города Эрзерум. В 1909 г. село насчитывало 220 дворов, более 80 из которых – армянские – 266, 248, 249.

Илича – см. **Илиджа**

Инах – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака, на расстоянии 10–12 км к северо-востоку от поселка Кеги – 301, 309.

Интере – гора в горной системе Антитавр, около города Малатия – 379, 380, 386.

Ирзак – Еризак – 138, 139, 203.

Ирицанк – село в Мушской казе, на расстоянии 8 км к югу от города Муш, на юго-западных склонах горы Севсар. 145–147, 233.

Иришат, Илишад или Еришад – село в Арчешской казе Ванского санджака. В 1909 г. в селе насчитывалось 66 курдских и 25 армянских дворов – 40.

Ишханадзор – село в Хианском нахие Хулпской казы Генджского санджака – 145, 148.

Ишханигом – село в Айоцдзорском нахие Ванской казы. В 1909 г. село насчитывало 52 армянских двора с населением 319 человек – 59, 61.

Ишху – село в Басенской казе Эрзерумского санджака – 259.

Йолмедж, – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака, на расстоянии 6 км к северо-западу от поселка Кеги – 286, 308.

Йолмезгех – см. **Йолмедж**.

Кабабик – см. **Кябабик**.

Кабылджоз (Габылджоз) – см. **Харзан Верин**.

Кавре-Шаме – см. **Гавришами**.

Каджаренк – см. **Каджаринк**.

Каджаринк – село в нахие Псанка Сасунской казы Мушского санджака – 242.

Каймаз – село в Беркрийской казе Ванского санджака. В 1909 г. село состояло из 33 дворов с армянским и 20 дворов с мусульманским населением – 71, 73, 74.

Кайнемеран – село в Шатахской казе Ванского санджака. В 1909 г. состояло из 20 армянских дворов – 117.

Какарлу, Кекарлу – село в Буланькской казе Мушского санджака, на расстоянии 24 км к юго-западу от поселка Маназкерт – 213, 215–218.

Калапан – ущелье в Дреджанской казе Эрзерумского санджака – 267.

Калашан – село в Персидской Армении, в 6 км к югу от поселка Дилман – 402.

Калбалсан – село в Айоцдзорском нахие Ванской казы Ванского санджака – 54.

Камах – каза в составе Эрзерумского вилайета. В первой четверти 19 века в Камахе было 360 сел с населением 168–210 тысяч, большинство которого составляли армяне и насильно исламизированные армяне. Накануне 1915 года из армянских сел Камаха осталось 21 село с населением 7000 человек – 8.

Камах – поселок, крепость, село в Ерзнкайском санджаке, в Камахской казе. Камах известен как один из знаменитых крепостей армянских ца-

рей Арташесян и Аршакуни. В начале 20 века население Камаха доходило до 15 000, половину составляли армяне – 258, 260, 269, 314.

Камахк Даранахи – см. **Камах**.

Камахское ущелье – ущелье на Армянском нагорье, на расстоянии около 50 км к юго-западу от города Ерзнка – 269 – 271.

Камбах – см. **Камах**.

Камбахи богаз – см. **Камахское ущелье**.

Кан – гора на Армянском нагорье, в Сасуне, в горах Сим (Куртик) – 144, 150.

Кан – село в Эрзерумском санджаке. Находится на расстоянии 3 км к северо-западу от города Эрзерум. Жители являются переселенцами из Ани в 11 веке. В 1914 г. село насчитывало 350 армянских и 70 турецких дворов – 259.

Канквар, Кангавар, Кангеван, Кенгевар – село в Хошабской казе Хакьярского санджака. В начале 20 века насчитывало 50 армянских дворов – 120.

Капуит (Синие) горы – горы на Армянском нагорье. Являются водоразделом бассейнов Западного Евфрата и Чороха, рядом с горами проходит дорога Эрзерум – Баберд – 250, 251.

Карабудаг – село в Хнусской казе Эрзерумского санджака. В начале 20 века состояло из 30 двора с армянским населением – 176.

Кара-Гёз – село в Хнусской казе Эрзерумского санджака – 273.

Карагыл – село в Буланыкской казе Мушского санджака, в 1909 г. состояло из 170 дворов населения, из которых 165 дворов составляли армяне – 214.

Каракайя – село в Маназкертской казе Мушского санджака. В 1914 г. насчитывало 114 армянских дворов – 195.

Караканское ущелье – лощина на Армянском нагорье, в Кегийской казе Эрзерумского санджака – 283.

Кара-Кёпри – село в Хнусской казе Эрзерумского санджака, на расстоянии 22 км к юго-востоку от города Хнус. В начале 20 века село насчитывало 200 армянских дворов – 277.

Каракилиса – село в Хорасанской казе Эрзерумского санджака, на расстоянии около 25 км к востоку от поселка Хорасан – 96, 145, 163, 176, 195.

Каракилиса (Каракилисе) – поселок в Каракилисской казе Баязетского санджака. Находится на алашкертской равнине, на правом берегу Арацани – 217.

Каракилисская каза – каза в Баязетском санджаке Эрзерумского вилайета – 9, 195.

Карасу или Карасу Верин – село в Хизанской казе Битлисского санджака, на расстоянии 30 км к югу от города Битлис – 183.

Кара-Су, река – см. **Сев джур**.

Кара-Хасан – село в Эрзерумском санджаке. Находится на расстоянии 60 км к северо-западу от города Эрзерум. В 1880 г. в селе проживало 574 жителя, 407 из которых – армяне – 266.

Карачобан – село в Хнусской казе Эрзерумского санджака, на расстоянии 38 км к юго-востоку от города-крепости Хнус. В 1914 г. здесь было 400 дворов с армянским населением – 211, 277, 279, 280.

Карашех (Карашейх) – село в Арцке-Альджавазской казе, на восточном склоне горы Сипан – 90.

Карб – село в Гёзалдарском нахье Битлисской казы Битлисского санджака – 172, 173.

Карбакойт, Карбакуйт – холм в Кегийской казе, в 11–12 км к юго-западу от поселка Кеги – 288.

Карбойс (Керпоз), Карабуйс – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака – 295, 296, 308.

Кар-дзор, Кардзор – село в Мушской казе. В 1909 г. в селе насчитывалось 40 дворов с армянским и 9 дворов с курдским населением – 136, 139.

Карер – село в Эрзерумском санджаке, на расстоянии 48 км к юго-западу от города Эрзерум – 297.

Карин – см. Эрзерум.

Каринская равнина – см. Эрзерумская равнина.

Каркар – крепость (село, город) в Харбердском вилайете, к юго-востоку от города Малатия – 184, 191, 252–254, 258, 314, 398, 413.

Каркар – регион в юго-западной части озера Ван. Подразделялся на две части: Верин (Верхний) Каркар – нахье в Гявашской казе Ванского санджака и Сторин (Нижний) Каркар – нахье в Хизанской казе Битлисского санджака Битлисского вилайета – 7, 99.

Кармир, Кармим, Кармин – село в Харбердском санджаке Харбердского вилайета, на расстоянии 17–18 км к юго-востоку от города Харберд. В начале 20 века в селе насчитывалось 20 дворов населения – 330, 335.

Кармравор монастырь – см. Кармравор Св. Богородица.

Кармравор Св. Богородица – монастырь в 8–10 км к востоку от города Ван, около сел Кармравор и Шушанц, один из средневековых центров по созданию и переписыванию рукописей – 123.

Кармундж – село в Хлатской казе Битлисского санджака. В начале 20 века здесь проживало около 700 армянских жителей – 237.

Картафин гора – см. **Картеван**.

Картеван, Картевин – горная вершина на Армянском нагорье, к северу от города Маназкерт – 197.

Карцер – один из сельских кварталов Кусгетского нахия, которое находилось у юго-западного подножия горы Марута – 240.

Карчакан – нахия в Гявашской казе Ванского санджака – 7, 105, 108, 109, 111.

Каср – село в Хошабской казе Хаккярского санджака – 120.

Касрик – село в Хошабской казе в санджаке Хаккяри. В начале 20 века в селе насчитывалось 12–15 дворов – 120.

Катфан – см. **Кетеван**.

Катнахбюр – источник на восточном берегу озера Ван, около монастыря Св. Богородицы – 66.

Катнук источник, Катнук ахбюр – см. **Катнахбюр**.

Кахазис – село в Шатахской казе Ванского санджака. Исключительно армянонаселенное село. В 1909 г. в селе проживало 214 человек – 117.

Кашах – село в Мотканском нахия Мотканской казы Битлисского санджака, на левом берегу реки Арпи – 181.

Квар – село в Мушской казе – 136.

Кеги – каза в Эрзерумском вилайете. Кегийская каза простиралась в юго-западной части Эрзерумского вилайета. В 1909 г. в 50 армянонаселенных селах Кеги проживало 16255 армянских жителей – 8, 247, 267, 281, 289, 304, 307.

Кеги – поселок, село в Эрзерумском санджаке, в Кегийской казе, административный центр казы. Накануне 1915 года население Кеги составляло 15 тысяч человек, из которых 10 тысяч – армяне – 13, 281–288, 291–299, 307–309, 314, 393.

Кеги – река в бассейне Арацани, верхнее течение Пери, правостороннего притока Арацани – 283.

Кеги–Касаба – см. **Кеги**.

Кез – село в Эрзерумском санджаке, на расстоянии 6–7 км к северо-западу от города Эрзерум. В начале 20 века село насчитывало 160 дворов, 130 из которых – армянские – 248.

Келек Тереси – см. **Караканское ущелье**.

Кёл–Пасан – см. **Калбалсан**.

Келькит – см. **Гайл, Гайлгет**.

Кем (Жим) или Гем (Гим) – село в Айоцзорском нахия Ванской казы. В 1909 г. село насчитывало 98 армянских дворов (467 человек) – 55–57.

Кемах – см. **Камах**.

Кемик – село в Мушской казе – 136.

Кеорбе (Керб, Корп) – село в Харбердском санджаке Харбердского вилайета, недалеко от города Харберд – 334, 414.

Кеошк – см. **Кёшк**.

Кёпри Кой – см. **Кёприкой**.

Кёприкой – село, поселок в казе Верин Басена Эрзерумского санджака, на Басенской равнине – 209, 216.

Кермав – см. **Гермав**.

Керх или Керхр – село в Татикском нахия Битлисской казы Битлисского санджака, около города Битлис – 169.

Керчанис – каза в Ерзнкайском вилайете – 8.

Кеским – каза в Эрзерумском санджаке – 8.

Кётив Кёприв – см. **Котерский мост**.

Кётур село – см. **Котер**.

Кётури мост – см. **Котерский мост**.

Кетеван – село в Басенской казе Эрзерумского санджака – 216.

Кёчани – село в Тимарском нахия Ванской казы. В 1909 г. в селе проживало 110 дворов армянского населения – 39.

Кешиш Даг – гора в Держжанской казе – 267.

Кёшк – село в Айоцзорском нахия Ванской казы. В 1909 г. в селе проживало 35 дворов (182 человека) армян – 63, 69, 70, 114, 412.

Кештым, Кыштым – село в Держжанской казе Эрзерумского санджака – 269, 322.

Кждоник – см. **Кштоник**.

Кзлджа – село в Арчакском нахия Ванской казы. В 1909 г. в селе насчитывалось 55 армянских дворов – 28, 33.

Кзлджама, Кзылджама – село в Персидской Армении, в области Салмаста. В 1890 гг в селе насчитывалось 90 дворов, из которых 40 – армянских – 402.

Кзылахадж – село в Мушской казе. В 1909 г. в селе проживало 90 дворов армянского населения – 136.

Кзылчубух – село в Кегийской казе, Эрзерумского санджака – 301.

Кизылдизе – село в Каракилисской казе Баязетского санджака Эрзерумского вилайета – 74.

Килиса – село в Хошабской казе Хаккярского санджака, в 21 км к северо-западу от Башкалы – 120.

Килисе гом – местность вблизи Вардука – 276.

Кистах – село в нахия Псанка Сасунской казы Мушского санджака, на расстоянии 35 км к юго-западу от города Муш – 145.

Клахуле – см. **Кялахоли**.

Клисе – см. **Килиса**.

Клок – см. **Гялхук**.

Когак – село в Буланькской казе Мушского санджака – 206, 207, 214.

Когпанц – село в Ван-Тоспском нахия Ванской казы. В 1909 г. в селе насчитывалось 27 дворов армянского населения – 119.

Коепру Кео – см. **Кёприкой**.
Колосик – село в Мушской казе, на расстоянии 17 км к юго-востоку от города Муш – 138.
Колтан – село в Мушском санджаке со смешанным армяно-курдским населением – 237.
Коп – поселок в Мушском санджаке, в Буланьгской казе. В 1914 г. состоял из 600 дворов с армянским и 150 дворов с курдским населением – 201, 205–207, 213–216, 233.
Коп – село в Шатахском нахье Сасунской казы Мушского санджака, на склонах горы Сев сар – 135, 145–147, 149.
Коп гора – см. **Капуйт горы**.
Кор Мусун – см. **Мосун**.
Кораху – село в Талворикском нахье Хулпской казы Генджского санджака – 145.
Кордер – село в Верин Харзанском (Кабылджоз) нахье Сасунской казы Мушского санджака – 240.
Корнкез – село в нахье Псанка Сасунской казы Мушского санджака – 145, 242.
Косор – область в Западной Армении, к северо-западу от Муша – 154, 237.
Кост – село в Хут-Брнашенском нахье Мотканской казы Битлисского санджака. В начале 20 века насчитывало 35 дворов с армянским населением – 178.
Косур – см. **Косор**.
Котак – село в Басенской казе Эрзерумского санджака – 262.
Котенц Верин (Верхний) – село в Спаркертском нахье Хизанской казы Битлисского санджака – 186.
Котенц Неркин (Нижний) – село в Спаркертском нахье Хизанской казы Битлисского санджака – 186.
Котер – поселок в Дерджанской казе Эрзерумского санджака, в районе поселка Дерджан. В 1914 г. поселок состоял из 160 дворов, 150 из которых – армянские, с населением 1500 человек – 267, 268.
Котерский мост – мост на реке Западный Евфрат, между селами Дерджанской казы Котером и Вачаном. Мост состоит из семи арок, построен в 13 веке – 264, 273, 274, 414.
Котол гял – см. **Котур**.
Котрфер – см. **Кордер**.
Котур – горный хребет на Армянском нагорье, в Котур-Загросской горной системе – 29, 275.
Кочамиш – село в Салмастском уезде – 402.
Кочанис – село в Джуламеркской казе, резиденция духовного предводителя ассирийцев Агбака и Джуламерика – 130, 131.

Кочерер (Кочрен) – село и порт в Арцке-Альджавазской казе Ванского санджака. В 1909 г. село насчитывало 35 дворов (311 человек) – 91.
Кошак – село в нахье Хаззо Сасунской казы Мушского санджака – 240.
Краву – село в Агджанском нахье Хандрезской казы Мушского санджака, в 16 км к северу от города Муш – 136.
Кран – село в Спаркертском нахье Хизанской казы Битлисского санджака – 228.
Крдагом – село в Мушской казе, в 15 км к востоку от города Муш – 136, 138, 139, 239.
Крдаманк – село в Талворикском нахье Хулпской казы Генджского санджака, на склонах горы Цовасар – 145.
Крдикан – село в санджаке Хаккяри – 120.
Крел – село в Хошабской казе Хаккярского санджака. В 1909 г. село состояло из 60 дворов с армянским населением – 119, 120.
Ктрац кар – село в Арчешской казе Ванского санджака. В 1909 г. насчитывало 30 курдских и 28 армянских дворов – 83, 84.
Кузел – село в Арцке-Альджавазской казе Ванского санджака. Насчитывалось 20 дворов (120 человек) армянского населения – 86, 91–93.
Курау Курайу – см. **Краву**.
Курд Мейдан, Курдмейдан – село в Мушской казе, в 20 км к северо-востоку от города. 136, 226.
Куркура мост – мост вблизи села Зиарат в Мушском санджаке – 226.
Курубаш – село в Ван-Тоспском нахье Ванской казы. Накануне 1915 года в селе насчитывалось 120 дворов с армянским населением (880 человек) – 26, 27, 60, 62.
Куручай – каза в Ерзнкайском санджаке Эрзерумского вилайета, в долине одноименной реки – 8, 267.
Куручай – поселок в Ерзнкайском санджаке Эрзерумского вилайета, административный центр одноименной казы – 267.
Кхзи – село в Айоцдзорском нахье Ванской казы. В 1909 г. в селе насчитывалось 32 двора с армянским и 11 дворов с курдским населением – 54.
Кцанк – село в Хут-Брнашенском нахье Мотканской казы Битлисского санджака – 178.
Кцвак – село в Хлатской казе Битлисского санджака. В 1909 г. в селе насчитывалось 60 армянских дворов – 109, 110.
Кцу – село в Генджской казе Генджского санджака. В 1909 г. состояло из 10 армянских и 4 курдских дворов – 136.
Кчаниц – ущелье в Ванском санджаке – 52.
Кштоник – село в Битлисском санджаке, в Татикском нахье, на левой стороне ущелья Татик – 169.

Кындзу – см. **Гындзу**.
Кюсненц, Госненц – село в тимарском нахье Ванской казы. В 1909 г. в селе насчитывалось 110 дворов армянского населения – 39, 54.
Кюсни – см. **Кюсненц**.
Кябабик – село в Беркрийской казе Ванского санджака. В 1909 г. в селе проживало 35 дворов армянского населения – 69.
Кялахоли – село в Мушском санджаке, в Мушской долине, в 1909 г. состояло из 10 армянских и 20 курдских дворов – 136.
Кяхта – одна из южных каз Малатийского санджака, который находился в его юго-восточной части. В конце 19 века и начале 20 века подразделялся на пять нахие. Центром казы был поселок Кяхта – 9.
Кяхта – поселок в Кяхтской казе Малатийского санджака. В 1914 г. население поселка насчитывало 4300 человек, 2350 из которых – армяне – 369, 383, 386.
Лабутаг – село в Эрзерумском санджаке Эрзерумского вилайета, в Хнусской казе – 277.
Латар – село в Буланькской казе Мушского санджака, на склонах горы Бледжан – 195, 213.
Лачкан – населенный пункт между Мушом и Сасуном – 229.
Лвавер – горная вершина на Армянском нагорье, в горной системе Армянский Тавр – 54.
Лвар – село в Спаркертском нахье Хизанской казы Битлисского санджака – 186.
Левин – долина в санджаке Хакьяри, в Джуламеркской казе, к северу от г. Джуламерка – 130.
Лезк – село в Ван –Тоспском нахье Ванского санджака. В 1909 г. в селе насчитывалось 130 дворов армянского населения – 41, 42.
Лек – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака – 296, 308.
Лечик – см. **Лчик**.
Лиз – село в нахье Неркин Буланька Буланькской казы Мушского санджака, административный центр нахие. В 1914 г. село состояло из 300 дворов – 198, 201, 202, 204, 210, 212.
Лим – остров на озере Ван, в его восточной прибрежной части, на расстоянии оэприблизительно 1 км от берега – 40, 41, 46, 49, 91, 96.
Лим Анапат, Лимский монастырь – монастырь, находился на острове Лим на озере Ван – 50, 76.
Лондрдзор, Лонтрдзор – см. **Лортндзор**.
Лортндзор – село в Хут-Брнашенском нахье Мотканской казы Битлисского санджака – 178.

Лчик – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака, в 50 км к северо-востоку от поселка Кеги. В 1909 г. в селе насчитывалось 280 дворов армян и 70 дворов курдов – 300, 302, 304, 309.

Магалесор – село в Хнусской казе Эрзерумского санджака – 176.
Мазкерт – см. **Мецкерт**.
Малабат – село в Беркрийской казе Ванского санджака. В 1901 г. село состояло из 30 дворов – 66.
Малаксм – см. **Молла Гасым**.
Малатийский санджак – санджак в составе Харбердского вилайета, центр – город Малатия – 9.
Малатия – город в Малатийском санджаке, в Малатийской казе, к юго-западу от Харберда. В 1915 г. население Малатии составляло 40 000, из которых 20 000 – армяне – 270, 326, 327, 331, 336, 341, 343, 345, 348, 355, 363, 364, 366, 367, 369–372, 374, 376, 379, 380, 382–384, 389.
Малая Армения (Покр Айк) – Историческое название малой западной (заевфратской) части Армении. Включала в себя верхнее течение Евфрата, среднее и верхнее течения Чороха, верховья рек Гайлгет (Ликус, Келкит) и Галис (Кызыл-Ирмак) – 9.
Мамахатун – поселок в Эрзерумском санджаке, на правом берегу Держана, левостороннего притока Западного Евфрата. Административный центр Держанской (Мамахатунской) казы – 263, 264, 267–274, 276, 310, 311, 317.
Мамахатун – см. **Держан**.
Мамртанк – нахье в Хизанской казе Битлисского санджака, на юго-западной стороне озера Ван – 183, 191.
Мамурет ур Решат – название Нордузской казы с 1913 года – 8, 9.
Маназкерт – город, город-крепость в Мушском санджаке в одноименной казе. По преданию город основал сын Хайка патриарха Манаваз. В 1909 г. в Маназкерте насчитывалось 280 дворов, 80 из которых – армянские – 135, 136, 138, 144, 158–160, 162, 165, 166, 195, 197–199, 205, 206, 208, 211–213, 216–218, 221, 239, 279, 280.
Маназкерт – каза в Мушском санджаке Битлисского вилайета, в его северно-восточной оконечности – 8, 47, 195, 196.
Маназкертская крепость – крепость, город-крепость в области Рштуник провинции Васпуракан Великой Армении, на берегу озера Ван, напротив острова Ахтамар, на высокой скале – 160, 195, 200.
Мандан – село в Арчакском нахье Ванской казы. В 1909 г. в селе насчитывалось 35 дворов армянского и 33 двора курдского населения – 30.
Мараток – см. **Марута гора**.

Мармет – одна из рек Армянского нагорья, принадлежит бассейну озера Ван – 50, 131.

Мармет – село в Тимарском нахье Ванской казы, на расстоянии 3–4 км от берега озера Ван – 39, 45, 46, 51.

Мармус – село в Маназкертской казе Мушского санджака. В 1909 г. в селе насчитывалось 25 дворов с армянским и 50 дворов с курдским населением – 196, 197.

Марник – село в Мушской казе Мушского санджака – 146.

Марсто – село в нахье Псанка Сасунской казы Мушского санджака, в его юго-западной части – 242.

Мартикдаг, Мартик – одна из горных вершин Армянского нагорья, в Гайлахазутских горах в Бюраканской горной системе – 287.

Марута гора, Маратук – одна из горных вершин Армянского нагорья в Сасунских горах – 240, 244.

Маршимуна село – см. **Кочанис**.

Мат – село в Спаркертском нахье Хизанской казы Битлисского санджака. В 1909 г. состояло из 20 дворов с армянским населением – 186.

Матадзман, Матадзмен – село в Спаркертском нахье Хизанской казы Битлисского санджака – 186.

Матацмен – см. **Матадзман**.

Матнаванк – село в Хлатской казе Битлисского санджака, в 5–6 км к юго-западу от поселка Хлат – 139.

Матне ванк – см. **Матнаванк**.

Махлам, Майлам – село в Салмастском уезде, в 7 км к югу от города Салмаст, на правом берегу реки Золучай – 118, 125, 401, 402, 404–406.

Махмадик – ущелье вблизи села Махмедик в Арчакском нахье – 108.

Махмаджяр – село в Иране, в уезде Сулдуз – 406.

Махмуди – одна из каз Ванского санджака – 7.

Маштак – село в Айоцзорском нахье Ванской казы. В 1909 г. село состояло из 61 армянского двора с армянским населением (319 человек) – 57, 62, 97.

Мграгом – см. **Мкрагом**.

Мджгех – село в нахье Псанка Сасунской казы Мушского санджака – 145, 241.

Мегти, Мегди – село в Мушской казе, в северно-западной оконечности Мушской долины – 136, 226.

Меджгюх – см. **Мджгех**.

Меджитлу – село в Буланькской казе Мушского санджака, на расстоянии 21 км к юго-западу от поселка Маназкерт – 214.

Мезре, Мезире – город, который находился на расстоянии 5 км к юго-западу от города Харберда. В 1914 г. население Мезре составляло 14 ты-

сяч человек, половину которого составляли армяне – 9, 327, 331, 332, 335–341, 355, 356.

Меликан – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака, в 30 км к северо-востоку от поселка Кеги – 300, 301, 309.

Мербар, Мирбар – село в Буланькской казе Мушского санджака, на расстоянии 19 км к юго-западу от поселка Маназкерт – 213.

Мехрагет – одна из рек Армянского нагорья, левый приток Арацани – 144.

Мецк, Мецик – село в Хлатской казе Битлисского санджака – 237.

Мецкерт – город в Дерсимском санджаке Харбердского вилайета, в 60 км к северо-востоку от города Харберд – 9, 264, 328.

Мечетлу – см. **Меджитлу**.

Мзра – см. **Мзре**.

Мзре – населенное курдами село в Маназкертской казе Мушского санджака – 34.

Мзре – село в Хианкском нахье Хулпской казы Генджского санджака – 109, 163, 241.

Мисак агы село – село в Мушской казе Мушского санджака – 226.

Мичелни – местность в Мушской казе Мушского санджака – 150, 154.

Мкрагом – село в Мушской казе, в 16 км к востоку от города Муш – 138, 227.

Мктинк, Мктенк – село в нахье Псанка Сасунской казы Мушского санджака, на границе между нахье Хианка и Псанка. 145, 146, 148, 242.

Млхамлу – см. **Махлам**.

Мндзур река – одна из рек Армянского нагорья, правый приток Арацани – 313.

Могила Девяти Святых – см. **Св. Ншан**.

Могонк – см. **Мокунк**.

Мозак – село в Чухурском нахье Битлисской казы Битлисского санджака – 139.

Мокс – нахье в Гявашской казе Ванского санджака, на южной стороне озера Ван – 7, 103, 112–114, 184, 185, 188, 189, 191.

Мокунк – село в Мушской казе, в восточной части города Муш. В 1914 г. в селе проживало более 600 армян – 136.

Молла Гасан (Неркин (Нижний) и Верин (Верхний)) – села в Тимарском нахье Ванского санджака, в казе Махмуди – 47.

Молла Гасым – село в Тимарском нахье Ванской казы Ванского санджака – 50.

Молла Мустафа, Молла-Мстафа – село в Маназкертской казе Мушского санджака, на расстоянии 21 км к западу от поселка Маназкерт – 195, 213.

Молла-баг – село в Маназкертской казе Мушского санджака. В начале 20 века состояло из 75 дворов – 195.

Моллакенд, Моллакянд – село в Буланькской казе Мушского санджака, на расстоянии 11 км к северо-западу от озера Назик – 214.

Мосин – село в Диадинской казе Баязетского санджака, на расстоянии 20 км к северо-востоку о поселка Диадин – 197.

Мосул – город в Верхней (Армянской) Месопотамии, вблизи древнего города Мцбин (Ниссибин), административный центр одноименного санджака – 247, 438.

Мосун – село в Диадинской казе Баязетского санджака, в 20 км к северо-востоку от поселка Диадин – 217.

Моткан – каза в Битлисском санджаке, в самой гористой части Сасуна. В конце 19 века каза состояла из 69 сел с населением 22612 человек, из которых 8000 составляли армяне – 8, 175, 177, 178, 181, 237.

Мохраберд – село в Гявашской казе Ванского санджака, на юго-восточном берегу озера Ван – 101.

Мочконк – село в Татикском нахье Битлисского санджака. В 1909 г. село состояло из 43 дворов с армянским населением 291 человек – 169.

Мулк – село в Айоцдзорском нахье Ванской казы. В 1909 г. в селе насчитывалось 40 дворов с армянским и турецким населением – 58–60.

Мурад река, Мурадсу – см. **Арацани**.

Муса гора – 7.

Мусул – см. **Мосул**.

Мухур – село в Иране, в Макинской области, в 40 км на юго-восток от города Маку – 118.

Муш – город в Мушском санджаке. Центр Мушского санджака и Мушской казы. В Муше находилась резиденция Епархиального начальника. Археологические материалы, сохранившиеся в Муше и окрестностях доказывают, что Муш был одним из древнейших населенных пунктов Армянского нагорья. До 1915 года Муш подразделялся на 12 кварталов – 7, 8, 16, 89, 109, 136, 138–140, 142–146, 148, 150–154, 159, 164, 176, 179, 180, 193, 197, 198, 203, 205, 207, 215, 216, 220–223, 225, 227, 229–237, 245, 278, 338.

Мушашхен – см. **Мушегашен**.

Мушегашен – село в Чухурском нахье Битлисской казы. В начале 20 века в селе насчитывалось 60 дворов с армянским населением – 139, 219, 238.

Мушовка – село в Малатийском санджаке Харбердского вилайета. Село находилось в глубокой лощине – 372.

Мушская долина – 135, 136, 138, 140, 144, 146, 150, 151, 176, 179, 180, 198, 203, 218, 219, 226, 230, 233, 235, 236–238.

Мушская каза – каза в составе Мушского санджака – 8, 147, 153, 179, 195–197, 199, 200, 203, 204, 206, 207, 209, 211, 213, 218, 220, 222, 223, 225, 226, 230, 231, 237, 239–242.

Мцу – село в Мотканском нахье Мотканской казы Битлисского санджака, на берегу реки Мцуи – 177.

Мшгех – см. **Мджгех**.

Мшкатар – село в нахье Верин Харзан Сасунской казы Мушского санджака – 240.

Мюзюрчай – см. **Мндзур**.

Мюлк – см. **Мулк**.

Набайин – село в Ширванской казе Сгердского санджака, в 28 км к северо-востоку от поселка Сгерд – 193, 194.

Набат – село в Арчакском нахье Ванской казы. В начале 20 века состояло из 40 дворов с армянским населением – 28.

Нагадэ – село в Иране, в Сулдузском уезде. В начале 20 века население села было смешанным, армяне составляли 85 дворов – 406, 407.

Надопа, Надопан – село в Сасунской казе, в нахье Хаззо – 240.

Назарове – село в Беркрийской казе Ванского санджака. В 1909 г. состояло из 50 дворов с армянским населением – 73.

Назик озеро – одно из озер Армянского нагорья, к западу от озера Ван, длина составляет 11 км – 162, 165, 166.

Назук озеро – см. **Назик озеро**.

Нал Теокен – село в Кятахской казе Малатийского санджака Харбердского вилайета – 383.

Нарек – село в Гявашской казе Ванского санджака. В начале 20 века состояло из 120 дворов с армянским населением – 103, 104.

Нарека монастырь – монастырь в Гявашской казе Ванского санджака, в селе Нарек. Построен в 10 веке – 44.

Немрут – одна из горных вершин Армянского нагорья, на юго-западном берегу озера Ван – 109, 158.

Неркин (Нижний) Келин – село в Сасунской казе Мушского санджака – 147.

Нерпан, Нербан – село в Ширванской казе Битлисского санджака – 186.

Нехри – село в Балуйской казе Арганамаденского санджака Диарбекирско-го вилайета – 389–391.

Ниязи – один из кварталов города Малатия – 385.

Нист – село в Битлисском санджаке, на расстоянии 10–11 м к северу от города Битлис, слева от дороги, ведущей в Муш – 158.

Норадин, Норати, Норатин – село в Мушском санджаке, в Маназкертской казе. В начале 20 века насчитывало 145 дворов, из которых 115 – с армянским населением – 195.

Норак – см. **Норшен**.

Норатен – см. **Норадин**.

Норберд (крепость Хайкапа) – крепость и село в Кегийской казе Эрзерумского санджака. В прошлом было исключительно армянонаселенным селом, с середины 19 века заселено курдами – 301.

Норгюх – село в Гявашской казе Ванского санджака, к югу от озера Ван. В 1909 г. состояло из 85 дворов с армянским населением – 102, 104.

Нордуз – каза в Ванском санджаке, к юго-востоку от Шатаха – 7, 63, 130.

Норс – село в Битлисском санджаке, в Спаркертском нахие Хизанской казы – 117, 189.

Норшен – село в Альджавазской казе Ванского санджака. В начале 20 века состояло из 35 дворов с армянским населением – 74, 90, 94.

Норшен – село в Мушском санджаке, в 22 км к северо-западу от города Муш – 136.

Норшен, Франг Норшен, Франк Норшен (франг, франк называли армян-католиков) – село в Мушской казе, в 11 км к востоку от города Муш – 136.

Оваджикская долина – одна из долин Армянского нагорья, в Дерсиме, на расстоянии 45–46 км к юго-востоку от города Камах – 314.

Оваджикская каза – каза в Дерсимском санджаке Харбердского вилайета – 9, 342.

Оваджу гавар – см. **Оваджикская каза**.

Овгех – село в нахие Хаззо Сасунской казы Мушского санджака – 240.

Овит – село в Дерсимском санджаке Харбердского вилайета – 261.

Огас – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака – 286, 287, 308.

Огванц – село в Карчканском нахие Гявашской казы Ванского санджака – 107.

Огджин, Вохджин, Хогджин – село в Маназкертской казе Мушского санджака. В начале 20 века состояло из 55 дворов с армянским и курдским населением – 195.

Огунк (Хогунк) – село в Мушской казе, на расстоянии 6 км к северо-востоку от города Муш – 139.

Оркноц, Хоркноц – село в Мушской казе, на расстоянии 12 км к востоку от города Муш. В 1901 г. село насчитывало 40 армянских дворов – 139.

Ормзу дзор (Ормзское ущелье) – ущелье в Мотканской казе, в окрестностях села Кашах – 182.

Орор – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака. В 1909 г. в селе насчитывалось 90 дворов (630 армян, 140 – иных национальностей), в селе была церковь Св. Геворка или Св. Богородицы (построенная в 1131 г.) – 296, 297, 309.

Ороран – село в Арчешской казе Ванского санджака. В 1907 г. село состояло из 17 дворов – 77, 78, 81.

Охек, Хохек – см. **Хохик**.

Охигедж – один из сельских кварталов Кусгетского нахие у юго-западного подножия горы Марута – 240.

Пазатаг, Пазитах – см. **Базидаг**.

Пазениц Св. Богородица, Пазенц монастырь – см. **Базенц**.

Пазенц – см. **Базенц**.

Пазниц монастырь – см. **Базениц монастырь**.

Пазу – село в Мушской казе Мушского санджака Битлисского вилайета – 136.

Пайрак – см. **Байрак**.

Пака-Гадук – село в Хошабской казе Хаккярского санджака, на расстоянии 36–37 км к юго-востоку от города Ван – 120.

Пакан – село в Джуламерской казе Хаккярского санджака. В конце 19 века состояло из 80 дворов с армянским населением – 129.

Пантимах – см. **Беркри река**.

Парх – село в Талворикском нахие Хулпской казы Генджского санджака – 145, 146.

Парханд – село в Датванском нахие Битлисской казы Битлисского санджака – 170.

Пас – село в Татикском нахие Битлисской казы Битлисского санджака. В 1909 г. состояло из 58 дворов с населением 441 человек – 168, 169.

Паст – см. **Баст**.

Пасур – село в Хулпской казе Генджского санджака, на расстоянии 23–24 км к юго-западу от села Хулп – 154.

Патрананц, Патранц – см. **Бадранц**.

Патрмут – см. **Бадрмут**.

Паханц (Пыханс) – село в Хошабской казе Хаккярского санджака. В селе жили армяне и курды – 120.

Пахванц (Пахванис, Бахванц) – село в Гявашской казе Ванского санджака – 103, 104.

Пахезик – село в Ван-Госпском нахие, на дороге, ведущей из Вана в Арчак – 27.

Пахор или Пахур Неркин (Нижний) – село в Хизанской казе Битлисского санджака, в Шенадзорском нахие. В начале 20 века состоял из 17 дворов с армянским населением – 184.

Пахр – одна из гор Армянского нагорья, в Бюракн-Мндзурской горной системе – 267.

Пахр Матен, Пахраматен – см. Арганамаден.

Песандашт – одна из равнин Армянского нагорья, в долине Восточного Тигра, в Шатахской казе Ванского санджака – 98, 99, 102, 107, 116, 117.

Петар – село в Мушской казе, на расстоянии 7–8 км к югу от города Муш. В 1909 г. состоял из 30 дворов с армянским населением – 136, 139, 148, 189.

Пиджонк – село в Мотканской казе Битлисского санджака, в Хут-Брнашенском нахие. В 1901 г. состоял из 21 армянского двора – 178.

Пиканц – село в Карчканском нахие Гявашской казы Ванского санджака – 107.

Пионк – село в Буланькской казе Мушского санджака, в нахие Неркин Буланька – 166, 202, 206, 214.

Пираи – село в Буланькской казе Мушского санджака, на расстоянии 30 км к юго-западу от города Маназкерт – 213.

Пириз – село в Держанской казе Эрзерумского санджака. Накануне 1915 года состояло из 187 дворов с армянским населением 1484 человека – 268, 269.

Пиркариб – село в Тимарском нахие Ванского санджака. В 1909 г. село состояло из 35 дворов с армянским населением – 41.

Пиршенк – село в нахие Верин Харзана (Кабылджоз) Сасунской казы Мушского санджака. В начале 20 века в селе насчитывалось 15 дворов (155 армянских жителей) – 240, 242, 244, 245.

Питар – см. Петар.

Пичонк – см. Пиджонк.

Плокан – см. Блоканк.

Плтенц – село в Айоцдзорском нахие Ванской казы. В начале 20 века состояло из 65 дворов, из которых 58 – с армянским населением, 7 – с курдским – 58.

Покр Айк – см. Малая Армения.

Похоргов – см. Похрков.

Похрков – село в Мушской казе, на расстоянии 12 км к северо-западу от города Муш – 136.

Пркашен – см. Бргашен.

Прошенц – село в Битлисском санджаке, в Шенадзорском нахие Хизанской казы – 183.

Прхус – село в Битлисском санджаке, в Хлатской казе. В 1914 г. состоял из 140 дворов с армянским населением – 159–165, 237.

Псанк – село в нахие Псанка Сасунской казы, на западной стороне горы Маратук – 145, 242.

Псти гюх – см. Пстик гех.

Пстик гех – село в Беркрийской казе Ванского санджака. В 1909 г. в селе насчитывалось 70 дворов армян – 69, 71.

Пут – см. Бот.

Путку Св. Геворк – монастырь в Мокском нахие Гявашской казы Ванского санджака, один из средневековых центров по созданию и переписыванию рукописей – 114.

Пхорахане – один из притоков реки Беркри – 73.

Пшаванк или Пшаванц – село в Гявашской казе Ванского санджака. В 1909 г. село состояло из 50 дворов с армянским населением – 103, 104.

Пшнагомер, Бешнагомер – село в Арчке-Алджавазской казе Ванского санджака. Накануне 1915 года в селе насчитывалось 40 дворов с армянским населением – 90.

Пшут – село в нахие Псанка Сасунской казы Мушского санджака, на расстоянии около 40 км к юго-западу от города Муш – 242.

Рахва, долина – одна из равнин Армянского нагорья, плоскогорье к юго-западу от озера Ван – 8, 184.

Рахли – село в Тимарском нахие Ванского санджака. В начале 20 века состояло из 30 дворов – 32.

Рахмен – см. Рахли.

Риконк – см. Хреконк.

Рустамгедук (Рстам-Гядук) – село в Маназкертской казе Мушского санджака – 195.

Рызагигасми – см. Хасмик.

Савра – село в Иране, в Салмастском уезде, в 4 км к юго-западу от города Дилман – 402.

Сагадзор – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака, на левом берегу верхнего течения реки Кеги – 282, 287, 308.

Салахан – село в Хошабской казе Хаккярского санджака. В середине 19 века усилиями Хримян Айрика (Мкртыч Хримян) здесь поселились 35–40 армянских семей – 120.

Салвори – село в Хнусской казе Эрзерумского санджака – 277.

Салмаст – город в Салмастском уезде, на северо-западной стороне озера Урмия – 124, 127, 131, 134, 186, 401–405.

Салмаст – уезд в Иране, на северо-западной стороне озера Урмия – 108, 400, 401, 403–406, 410.

Самсат, Самат – село в Малатийской казе. В начале 20 века в селе проживало 150 армян – 368, 382, 386.

Самсун (Джаник) – санджак в Трапезундском вилайете, в его западной прибрежной части – 6, 10, 399.

Санасарское ущелье – ущелье и горный перевал на Армянском нагорье, в 42 км к юго-востоку от города Ерзнка – 264.

Сарай – село в Махмудийской казе Ванского санджака. В начале 20 века в селе насчитывалось более чем 100 дворов армян, ассирийцев, курдов и турок – 31, 33, 47, 52, 63, 92, 108, 118, 122.

Сарамерик – село в Иране, в Салмастском уезде, в 6–7 км к северу от города Дилман – 402.

Сарикайя – село в Держанском санджаке, в 8–9 км к юго-западу от поселка Мамахатун. В 1909 г. в селе насчитывалось 100 дворов с армянским населением – 268.

Сарису – село в Арцке-Алджавазской казе Ванского санджака Ванского вилайета – 75.

Сарна – село в Иране, в Салмастском уезде, в 5 км к югу от города Дилман – 401, 402.

Сасик – село в Татикском нахье Битлисской казы – 169.

Сасун – каза в Мушском санджаке. В источниках территория казы точно не указана. В Сасунской казе в 1914–1915 гг было 118–243 населенных пунктов, население составляло около 10 000 человек – 7, 16, 135, 143, 144, 146–152, 154, 219, 222, 229–236, 240–242, 246.

Сахак – село в Мушской казе, в 30 км к северо-западу от города Муш, на северных склонах горы Карке – 136, 226.

Св. Акоп – монастырь в Ерзнкайском санджаке Эрзерумского вилайета, на расстоянии 39 – 40 км к западу от города Ерзнка – 315.

Св. Аракелоц монастырь – Монастырь Аракелоц находится в очень живописном месте, приблизительно в 10 км к юго-востоку от города Муш, на склоне горы Тирнкатар, который расположен между двумя вершинами горной цепи Таврос. До 1915 года монастырь являлся местом паломничества христиан из разных стран. Комплекс Мшо Аракелоц состоял из роскошного купольного храма с замечательной колокольной и притвора. Его окружала мощная оборонительная стена, выложенная из крупных камней. Войти в монастырь можно было через двое железных ворот. Вокруг шли хозяйственные постройки. Здесь находился один из рукописных центров, где в XIII–XV вв. копировались рукописи. Монастырь имел обширные поместья и свои доходы. Около церкви сохранилось кладбище с роскошными хачкарами. В 1915 году монастырь был разграблен и опустошен – 137, 139.

Св. Ахберик – см. Ахберкаванк.

Св. Ахбюрк, монастырь – см. Ахберкаванк.

Св. Богородицы монастырь – см. Ангха Св. Богородица.

Св. Варфоломея Апостола монастырь – монастырь в провинции Васпуракан Великой Армении. По преданию был построен во времена Григория Просветителя, и здесь был похоронен апостол Варфоломей – 403.

Св. Воскечук (Золотого мизинца) Петра Апостола монастырь, Гомац монастырь, Св. Петр Чкута – монастырь находится в селе Гомк Мушского санджака, к западу от Муша. Существовал до 14 века – 244.

Св. Всеспаситель – монастырь в Кегийской казе Эрзерумского санджака, в 15–20 км. К западу от поселка Кеги – 305, 316.

Св. Геворка монастырь – см. Ерманский Св. Геворка монастырь.

Св. Геворка холм – холм вблизи села Алюр – 42, 43.

Св. Григор Лусаворич (Григорий Просветитель) – монастырь в области Ерзнка в Эрзерумском вилайете. Согласно преданию был построен Григорием Просветителем, который находился здесь вместе с Трдатом III, один из средневековых центров по созданию и переписыванию рукописей – 315.

Св. Давида монастырь, Цаккари ванк, Апараниц Св. Григоря ванк – монастырь в Эрзерумском санджаке. Находился на расстоянии 18 км к юго-западу от поселка Мамахатун. Вероятно был основан в 13 веке – 268.

Св. Карапета Мшо (Мушский) монастырь – монастырь в области Тарон провинции Туруберак Великой Армении, в новое время – в Мушском санджаке Битлисского вилайета. Монастырь был основан Григорием Просветителем в 303 г. С 6 века монастырь являлся одним из известных церковных и образовательных центров Армении – 137, 139.

Св. Киракос монастырь – монастырь около города Ерзнка. Построен на склоне горы Арюц. Упомянут в 13 века, один из средневековых центров по созданию и переписыванию рукописей – 315.

Св. Креста монастырь Хизана – см. Сегаванк.

Св. Ншана (Знаменья) монастырь – монастырь в селе Тордан Ерзнкайского санджака. По преданию был построен в 4 веке. Здесь погребены армянский царь Трдат III, царица Ашхен, нахарары, Григорий Просветитель (?), чья могила выделяется своими размерами и убранством и могилы других святых. По этой причине монастырь назывался «Могилы Девяти Святых» – 316.

Св. Вардана ущелье – ущелье вблизи села Сурп Вардан Айоцзорского нахье Ванской казы – 59.

Сваз, Сивас – см. Себастья.

Сгерд – село в Сгердском санджаке, на расстоянии 50–52 км к юго-западу от города Битлис – 145, 167, 169, 174, 182, 190, 194, 224.

Сгердский санджак – 8, 189–193.

Себастиа (Сивас) – город в исторической Малой Армении. В конце 19 века и начале 20 века, по разным источникам, в городе проживало от 60 000 до 90 000 человек, половину которого составляли армяне, остальные были турками, малая часть – греками – 9, 10, 311, 327, 341, 365, 368, 371, 381–383, 387, 395.

Себастиа (Сивас) – провинция в исторической Малой Армении, в ее северо-восточной части – 5, 7, 9.

Сев гет – см. **Мармет**.

Сев кар – село в Хизанской казе Битлисского санджака, в спаркертском нахие. В начале 20 века в селе насчитывалось 30 дворов с армянским населением – 186.

Сев сар, Сев лер – горы и горная вершина в горной системе Армянский Тавр – 141.

Севаграк – село в Ван-Тоспском нахие Ванской казы, в 10 км к югу от города Ван – 57.

Севакрак – см. **Севаграк**.

Севан – село в Арчакском нахие Ванской казы. В 1909 г. село насчитывало 65 дворов с армянским и курдским населением – 36–38.

Севик – село в Агбакской казе Хаккярского санджака, в 10 км к югу от поселка Башкале – 131.

Севджур, Сев джур – один из правосторонних притоков Евфрата – 275.

Сегаванк – монастырь в Хизанской казе Битлисского санджака, в Мамртанском нахие, около села Сег – 183.

Сейдавар – село в Иране, в Хойском уезде. В конце 19 века в селе насчитывалось около 100 дворов с армянским населением – 131.

Семал – село в Мушской казе, в нахие Верин Гавара, на северной стороне горы Андок – 144–147, 152, 232, 233.

Сепух или Св. Григория Просветителя монастырь – см. **Св. Григорий Просветитель**.

Сергевил – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака, в 12 км к юго-западу от поселка Кеги – 287, 288, 290, 305, 306, 308.

Сесар – село в Мотканской казе – 182.

Сеганк – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака. Находилось к северо-востоку от поселка Мецкерт – 297.

Сивас – см. **Себастиа**.

Сиври гора – гора на Армянском нагорье, в Бюракн-Мндзурской горной системе – 286, 288, 306.

Сим лер, гора (Косура гора) – гора в Мушской казе, вблизи села Цронк – 139.

Симон – черкесское село в Буланькской казе – 210, 211, 212.

Сиок – село в Мушской казе Мушского санджака – 154.

Сипан – одна из горных вершин Армянского нагорья, к северу от озера Ван – 96.

Сипан Верин – село в Арцке-Альджавазской казе Ванского санджака, на расстоянии 8–9 км к северо-востоку от города Арцке – 75.

Сипан Неркин – село в Арцке-Альджавазской казе Ванского санджака, на расстоянии 8–9 км к северо-востоку от города Арцке – 95.

Сндзнут – село в Мушской казе, к западу от города Муш. В 1909 г. село состояло из 120 дворов с армянским населением – 136, 226.

Созванц – село в Шатахской казе Ванского санджака. В начале 20 века село состояло из 12 дворов с армянским населением – 116.

Сокран (Сокрам) – село в Гяварской казе Хаккярского санджака – 134.

Сома район, область – уезд в северной части провинции Урмия – 401.

Соран – село в Агбакской казе Хаккярского санджака. В начале 20 века село состояло из 15 дворов с армянским и 7 дворов с курдским населением – 126.

Сорб или Сорп – село в Карчканском нахие Гявашской казы Ванского санджака. В начале 20 века в селе насчитывалось 63 двора с армянским населением – 107.

Сордар – село в Мушской казе, в 30 км к северо-западу от города Муш – 136, 137, 226.

Сори – село в Хизанской казе Битлисского санджака, в Спаркертском нахие – 186.

Сорхач – село в Агбакской казе Хаккярского санджака – 131.

Соскун – село в Арчешской казе Ванского санджака. В 1909 г. в селе насчитывалось 69 дворов (440 человек) с армянским населением – 84, 86, 87.

Сосрат – село в Тимарском нахие Ванской казы, на расстоянии 20–22 км к северу от города Ван. В начале 20 века состояло из 30 дворов с армянским и 12 дворов с турецким и курдским населением – 39, 41, 45, 46.

Соуксу, Соугсу – село в Трапезундском санджаке, к юго-западу от города Трапезунд – 397.

Сохгом – село в Мушской казе, в 4–5 км к востоку от города Муш. В 1909 г. в селе насчитывалось 120 дворов с армянским, 10 дворов с курдским населением – 136, 139.

Спаркерт – нахия в Хизанской казе Битлисского санджака. В начале 19 века состояло из 29–30 сел с населением около 4000 человек – 183, 184, 186, 188, 191.

Спганк – село в Мушском санджаке, в сасунской казе Бун Сасун, в 33 км к юго-западу от города Муш – 145–147.

Спер – каза в Эрзрумском санджаке – 8.

Спитак ванк – село в Гявашской Казе Ванского санджака. В начале 20 века в селе проживало 297 армян – 58, 61.

Срыголен – см. Эрун.

Стукуран – село в казе Вардо Мушского санджака Битлисского вилайета – 279.

Сузанц – село в Хизанской казе Битлисского санджака, в Спаркертском нахие – 186.

Сулдуз – провинция в Атрпатакане, в южной стороне озера Урмия – 406.

Султанамут, Султанмут, Султанмуд – село в Мушском санджаке, в Маназкертской казе, в 20 км к северо-востоку от города Маназкерт – 155, 156.

Султанлу – село в Маназкертской казе. В 1909 г. состояло из 150 дворов с армянским и курдским населением – 195.

Сулух – село в Мушской казе, в 12 км к северо-востоку от города Муш. В начале 20 века в селе насчитывалось 160 дворов с населением более 1000 человек – 136, 139, 154, 198.

Сурп Вардан – село в Айоцзорском нахие Ванской казы. В начале 20 века в селе проживало 305 армян – 61.

Сурп Вардан – ущелье в окрестностях села Святой Вардан в Ванской казе – 59.

Сурп Григор – одна из горных вершин Армянского нагорья, в 22 км к северо-востоку от города Ерзнка – 313.

Сурп Луйс – гора, горы на Армянском нагорье, в горной системе Бюракн-Мндзурян – 293, 305.

Сурп Тадевос или Сурп Татос – село в Беркрыйской казе. В 1909 г. в селе насчитывалось 30 дворов с армянским населением – 69, 118.

Сучхан – село в Хлатской казе Битлисского вилайета – 162.

Сыпканц – село в Мокском нахие Гявашского уезда Ванского санджака. В начале 20 века состояло из 18 дворов – 113, 114.

Сыхга – село в Ван-Тоспском нахие Ванской казы. В 1909 г. состояло из 135 дворов – 97.

Таг – село в спаркертском нахие Хизанской казы, в 22–25 км к юго-востоку от города Битлис – 186.

Таг Анди – см. Анди таг.

Тагаванк, Тагванк – село в Хут-Брнашенском нахие Мотканской казы Битлисского вилайета. В 1909 г. в селе проживало 269 человек – 178.

Тагвыдзор – село в Хут-Брнашенском нахие Мотканской казы Битлисского санджака – 178.

Тагер – армянонаселенный пригород Хоя – 400.

Таджбадрик – село в нахие Псанка Сасунской казы Мушского санджака – 242.

Талворик – село в Хулпской казе Генджского санджака, центр Талворикского нахие – 145–147, 149, 152.

Талидзор – см. Даладзор.

Талхур – см. Далхор.

Тандзис – село в Спаркертском нахие Хизанской казы Битлисского санджака – 186.

Тапаванк – село в Хлатской казе Битлисского санджака, в 20 км к западу от Хлата, к югу от озера Назик – 157, 159, 160, 178, 237.

Тапык – село в Мушской казе, в Шатахском нахийе. В 1909 г. в селе проживало 244 армянских жителя, а также в селе была церковь – 145–147, 149, 151, 154, 223, 231, 233–236.

Тар – село в Ерзнкайском санджаке Эрзерумского вилайета. В 1915 г. состояло из 102 двора с армянским населением 456 человек – 268, 269.

Тарук – село в нахие Псанка Сасунской казы Мушского санджака – 145.

Татанк – село в нахие Псанка Сасунской казы Мушского санджака – 145.

Татик – нахия в Битлисской казе Битлисского санджака, простирается в долине реки Татик. До 1915 года 80% населения Татикского нахия составляли армяне – 8, 168, 169.

Татос Аракел – см. Святой Тадевос.

Татрагом – село Мушской казе, в 14 км к юго-западу от города Муш. В 1914 г. в селе проживало 165 армян – 136.

Татук – село в Сасуне – 242.

Тахман – село в Гявашской казе Ванского санджака. В начале 20 века село состояло из 40 дворов с армянским и курдским населением – 104.

Таштадем – см. Даштадем.

Тепе – село в Балуйской казе Арганамаденского санджака Диарбекирского вилайета – 284, 292, 307.

Тер Геванк – см. Дергеванк.

Техут – село в Буланькской казе Мушского санджака, на городе Коп-Хнус – 155.

Тзи – село в Верин Харзанском (Хаблджоз) нахие Сасунской казы Мушского санджака – 240.

Тиар – область в санджаке Хакьяри. В конце 19 века включала в себя 75 сел с ассирийским и 6 сел с курдским населением – 128–130.

Тигранакерт – см. Диарбекир.

Тил – село в Мушской казе Мушского санджака, в 10–12 км к северу от озера Назик – 136, 140.

Тимар – нахия, простирающееся на полуострове в восточной части озера Ван – 8, 25, 39, 40, 46, 47, 49, 51, 76, 117.

- Тирамер** – см. Аствацацин.
- Тигет** – село в Верин Харзанском нахие Сасунской казы Мушского санджака – 240.
- Тикетк** – см. Тигет.
- Токма** – река в Малой Армении, правосторонний приток Евфрата. Известен под именем Мелас – 383.
- Толагбаш** – см. Долагбаш.
- Тондрак** – село в Маназкертской казе Мушского санджака, в окрестностях поселка Маназкерт – 81, 195.
- Тондрас** – см. Тондрак.
- Тони** – село в Айоцзорском нахие Ванской казы Ванского санджака, в 15–16 км к юго-востоку от города Ван – 123.
- Топ** – село в Гезалдарском нахие Битлисской казы, в 16 км к востоку от Битлиса – 173, 174.
- Топал чауш** – село в Эрзерумском санджаке, на расстоянии 25 км к северо-востоку от поселка Мамахатун. В 1909 г. в селе насчитывалось 35 дворов с армянским и 150 дворов с турецким населением – 266, 270.
- Тортум** – каза в Эрзрумском санджаке, в долине реки Тортум. Центр – поселок Тортум – 8.
- Торхан** – село в Баязетском санджаке, в его юго-западной оконечности. В начале 20 века состояло из 38 курдских дворов – 279.
- Тосу** – село в Спаркертском нахие Хизанской казы Битлисского санджака – 186.
- Тохат (Евдокия)** – санджак в северной части Себастиийском вилайета – 9.
- Тохма чай, Тохмачай, Тохмасу** – один из правосторонних притоков Евфрата – 365.
- Трапезунд** – город и порт в Малой Азии, на южном берегу Черного моря. Накануне 1915 года здесь проживало 14–15 тысяч армян – 6, 10, 251, 274, 368, 398, 399.
- Трапезундский вилайет** – административно-территориальная единица Османской империи на южном берегу Черного моря, с центром Трапезунд – 7, 10, 394, 396.
- Трапезундский санджак** – санджак в северной части Трапезундского вилайета, накануне 1915 года здесь проживало 60 000 армян – 10.
- Трлашен** – село в Тимарском нахие Ванской казы. В 1909 г. состояло из 95 дворов с армянским населением – 41, 45, 46.
- Тртоп** – село в нахие Неркин Буланьика Буланьикской казы Мушского санджака – 165.
- Тукнук, Дюгнук** – село в Маназкертской казе Мушского санджака. В 1909 г. в селе насчитывалось 340 дворов с армянским и курдским населением – 195.
- Тунтрас** – см. Тондрак.
- Тшог (Тшох)** – село в Гявашской казе Ванского санджака. В начале 20 века село состояло из 50 дворов с армянским населением – 103.
- Ула** – село в Иране, в Салмастской провинции, в 6 км к юго-западу от поселка Дилман – 402.
- Уранц** – село в Карчканском нахие Гявашской казы. В начале 20 века в селе насчитывалось около 110 дворов с армянским населением – 107.
- Уртап** – село в Датванском нахие Битлисской казы. В 1909 г. село состояло из 58 дворов – 110.
- Уртук** – село в Хошабской казе Хаккярского санджака – 120.
- Уруг** – село в Мушской казе, на берегу Арацани. В 1914 в селе насчитывалось 100 дворов с армянским населения – 136.
- Урфа** – см. Эдессия.
- Ускуран** – см. Стукуран.
- Учкилис** – монастырь в Баязетского санджака Эрзерумского вилайета – 217.
- Фарашин** – ассирийское село в Джуламеркской казе Хаккярского санджака – 128.
- Франг Нор Шен** – см. Норшен.
- Хабниан** – см. Хейбан.
- Хаватаворик** – село в Мушской казе, в 4–5 км к юго-востоку от города Муш – 144, 152.
- Хавенц или Авенц** – село в Тимарском нахие Ванского санджака. В 1909 г. в селе насчитывалось 95 дворов армян – 42, 45.
- Хавкунк** – село в нахие Псанка в Сасунской казе Мушского санджака, на склонах горы Цовасар – 145, 242.
- Хаген** – см. Хаги.
- Хаги, Аги** – село в Арчешском нахие Ванского санджака. В начале 20 века в селе насчитывалось 50 дворов – 81.
- Хагманк** – село в Талворикском нахие Хулпской казы Генджского санджака – 145, 148.
- Хазяг** – село в Держжанской казе Эрзерумского санджака Эрзрымского вилайета – 268.
- Хазах** – см. Хазяг.
- Хазва** – см. Хаззо.
- Хаззо** – село в нахие Хаззо Сасунской казы Мушского санджака. В 1914 г. село насчитывало 4500 жителей, из которых 3000 – армяне, а остальные курды – 243.

Хазн гюх, Хазигюх, Хазн – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака – 285, 308.

Хазо – см. **Хаззо**.

Хай Уштам – Хуштам.

Хайне, Хайни – село, поселок в казе Балу Арганамаденского санджака Дирбекирского вилайета – 262, 265.

Хайоц Дзор (Хавадзор, Хавудзор, Хайкадзор) – в новое время – название нахия в Ванской казе Ванского санджака – 8, 53, 55, 57, 61, 63, 65, 96, 102, 117, 123.

Хамзашейх – село в Буланькской казе Мушского санджака, в нахия Верин Буланька. В конце 19 века состояло из 150 дворов армянского населения – 209, 210, 212, 214.

Хамур – село в Каракилисской казе Баязетского санджака Эрзерумского вилайета – 197, 208, 217.

Хананис неркин – село в санджаке Хаккяри, в Джуламеркской казе. В начале 20 века состояло из 6 дворов армянского и 26 дворов ассирийского населения – 128.

Хананц – см. **Хананис неркин**.

Ханасор – одна из равнин Армянского нагорья, в северо-восточной части Башкалы (Агбак) – 405.

Ханик – см. **Ханык**.

Ханык – село в Хлатской казе Битлисского санджака. В 1909 г. насчитывало 5 дворов армянского и 35 дворов курдского населения – 121.

Харабашехир – село в казе Верин Буланька Буланькской казы Мушского санджака – 213.

Харабек – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака, в 45 км к северо-востоку от поселка Кеги – 300, 302, 309.

Хараза таг – один из кварталов города Малатия – 385, 388.

Хараконис – село в Арчакском нахия Ванского санджака. В 1909 г. в селе насчитывалось 200 дворов с армянским населением – 28, 30, 32–34.

Харан (Харран, Карры) – город в Северной Месопотамии, в санджаке Урфы (Эдессия), к юго-востоку от Эдессии – 384.

Харапшахер – см. **Харабашехир**.

Харатун – село в Агбакской (Башкала) казе Хаккярского санджака – 124.

Харберд – город в Харбердском вилайете, на левой стороне нижнего течения Арацани, в Харбердской долине – 22, 151, 153, 228, 247, 270, 278, 284, 307, 324, 326, 358.

Харбердская каза – каза в составе Харбердского санджака Харбердского вилайета – 9, 324, 332.

Харбердский вилайет (Мамурет-ул-Азиз) – административно-территориальная единица Османской империи в Западной Армении, с центром Харберд (в 1867 г – Мезире), был образован в 1894 г. – 5, 7, 9, 14.

Хардерт или Артерт – село в Мушской казе Мушского санджака, в Мушской долине – 136, 139, 203.

Хардос – см. **Хартос**.

Харзан – каза и нахия в Сгердском санджаке Битлисского вилайета, в северо-восточной части Сасуна – 8.

Харит – село в Битлисском вилайете, в Хизанской казе. В начале 20 века состояло из 10 дворов – 168, 169.

Харкен или Харгин – село в Арчешской казе Ванского санджака, в 2–3 км к юго-востоку от поселка Арчеш. В 1909 г. село насчитывало 23 двора с армянским и турецким населением – 78.

Харкорк – село в Сасунской казе Мушского санджака, в Гаварском нахия, на склонах горы Цовасар – 145, 146.

Харс – село в Мушской казе, в 30 км к востоку от города Муш, к северу от реки Мехрагет – 136, 139, 140.

Хартк – исключительно армянонаселенное село в Талворикском нахия Хулпской казы Генджского санджака – 145.

Хартос – село в Мушской казе. В 1909 в селе насчитывалось 30 дворов с армянским населением, а также в селе была церковь, построенная в 1151 г. – 136.

Хархарут – село в Хнусской казе Эрзерумского санджака – 176.

Хархин – село в Держанской казе Эрзерумского санджака, в 18 км к юго-западу от Мамахатуна – 269.

Хархоц – село в Шенадзорском нахия Хизанской казы Битлисского вилайета – 182–185.

Хас – см. **Хасгюх**.

Хасан-Кала или Басен Верин – часть Басенской казы Эрзерумского санджака – 48, 227.

Хасан-Кала, Хасан-Кале – село, поселок, город в Басенской Казе Эрзерумского санджака – 232, 265.

Хасгех – см. **Хасгюх**.

Хасгюх – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака, к западу от поселка Кеги – 290, 295, 305, 308.

Хасгюх, Хас-гюх – село в Мушской казе Мушского санджака, в 16 км к юго-востоку от города Муш – 136, 138, 140, 141, 227, 229, 230, 239.

Хасмик – село в Маназкертской казе Мушского санджака. В начале 20 века состояло из 50 дворов с армянским и 30 дворов с курдским населением – 195.

Хаспстан – село в Арчакском нахичеванской казы. В начале 20 века насчитывало 35 дворов армянского населения – 125, 403.

Хатни – село в Берин Харзанском (Кабылджоз) нахичеванской казы Мушского санджака – 240, 308.

Хацик – село в Мушской казе, к северо-востоку от города Муш – 136, 139.

Хачан – село в Беркрийской казе Ванского санджака. В 1909 г. в селе насчитывалось 70 дворов с армянским населением – 72, 73, 119.

Хачатур – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака – 295.

Хачлу – село в Буланкской казе Мушского санджака, в 22 км к юго-западу от Маназкерта – 213.

Хачукошк – село в Хнусской казе Эрзерумского санджака – 277.

Хаш-галтыг – см. **Хашхалдаг**.

Хашхалдаг – село в Мушском санджаке Битлисского вилайета, в Мушской долине, к северу от города Муш – 139, 198, 203.

Хашхалдыг – см. **Хашхалдаг**.

Хвнер, Хывнер – село в Мушской казе, на расстоянии 29–31 км к востоку от города Муш – 227.

Хейбан – село в Мушской казе, в 22 км к северо-западу от города Муш – 135, 136, 226.

Хейпиан – см. **Хейбан**.

Хени – см. **Дерджан**.

Хеопек – горная вершина на Армянском нагорье, в Дерджане – 267.

Херкерт – село в Мушской казе, к северо-западу от города Муш. Называлось также Пандик, Падик – 139, 226.

Хертеф – село в Эрзерумском санджаке, в Кегийской казе, на северо-восточном склоне горы Сурп Луйс – 170, 293, 305, 308.

Хетинк, Хетин – исключительно армянонаселенное село в Гаварском нахичеванской казы Мушского санджака – 152.

Хефтван – армянонаселенное село в Салмастском уезде, в 3–4 км к югу от поселка Дилман. В 1914 г насчитывало 400 дворов (2200 человек) – 126, 128, 129, 131, 401, 402, 404.

Хжишк – село в Тимарском нахичеванской казы. В 1909 г. в селе насчитывалось 110 дворов с армянским населением – 41, 42.

Хиартанк – село в Битлисском вилайете, в Хлатской казе, в северо-восточной части озера Назик – 162, 165, 166.

Хизан – город в Битлисском санджаке Битлисского вилайета, в Хизанской казе, на правой стороне реки Хизан, в 35 км к юго-востоку от города Битлис – 104, 183, 191.

Хизан – каза в Битлисском санджаке, к югу от озера Ван. В 1909 г. каза состояла из 168 сел, 68 из которых – армянонаселенные – 182, 184, 186.

Хикян – см. **Хейбан**.

Хирч – село в Айоцдзорском нахичеванской казы. В 1909 г в селе насчитывалось 30 дворов армянского и 60 дворов мусульманского населения – 54.

Хлат – город в Хлатской казе Битлисского вилайета, административный центр казы – 63, 109–111, 140, 155, 159, 163–165, 217.

Хлат – каза в Битлисском санджаке. В 1909 г. каза состояла из 9 курдских и 24 армянских сел – 8, 155, 157, 159, 160, 163, 164, 217, 237.

Хлич-Гедук, Хлич – горный перевал на Армянском нагорье, через хребет Шариан-Цахканц – 278.

Хлич-Гедук, Хлич – село в Алашкертской казе Баязетского санджака Эрзерумского вилайета, в Айнтапском нахичеванской казы, в 16 км к югу от Алашкерта, к северу от одноименного горного перевала – 52, 73, 75, 164, 165, 217, 278.

Хлохенк – село в Талворикском нахичеванской казы Хулпской казы Генджского санджака – 145, 148.

Хндзоргин – село в Карчканском нахичеванской казы Гявашской казы. В начале 20 века в селе насчитывалось около 40 дворов с армянским населением – 109.

Хндзорик – село в Сасунской казе Мушского санджака, в нахичеванской казы Псанка – 145, 241, 322.

Хндкыдзор – село в Хут-Брнашенском нахичеванской казы Мотканской казы Битлисского санджака – 178.

Хндстан – село в Тимарском нахичеванской казы Ванского санджака. В 1909 г. село насчитывало 41 двор армянского населения – 119, 123.

Хнус – каза в Эрзерумском санджаке, административным центром казы был город Хнус – 8, 277.

Хнус, Хнискала, Хнусберд – город в Хнусской казе Эрзерумского санджака – 139, 145, 150, 151, 154, 159, 163, 176, 179, 180, 196, 229, 235, 236, 279, 280.

Хнусберд – см. **Хнус**.

Хобер – см. **Хопер**.

Хогик – село в Дерджанской казе Эрзерумского санджака. В 1915 г. в селе насчитывалось 220 дворов, из которых 115 – с армянским населением – 268.

Хогстун – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака, к северу от поселка Кеги – 283.

Ходзец ванк – село в Сасунской казе Мушского санджака, в нахичеванской казы Гавара, на склонах горы Цовасар – 145–147.

Хозат – поселок, село в Дерсимском санджаке Харбердского вилайета, в Хозатской казе – 264, 327, 339, 342.

Хозатская каза – каза в Дерсимском санджаке Харбердского вилайета – 9.

Хозерут – лес в Битлисском санджаке, в Хизанской казе, в окрестностях села Харит – 169.

Хозлу – село в Хнусской казе Эрзерумского санджака, в 20 км к северо-востоку от Хнуса – 277.

Хой – уезд в Иране, к северо-западу от озера Урмия, в долине реки Котур – 108, 400.

Хой – город в Иране, к северу от озера Урмия, на левой стороне среднего течения реки Котур – 108, 407.

Хойт – см. Хут.

Холхол – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака, на расстоянии 2–3 км от юго-восточных склонов горы Сурб – 290, 293–295, 305, 308.

Хопер – село в Мушской казе, в 7 км к северу от города Муш. В 1909 г. состояло из 30 дворов с армянским населением – 136.

Хор – село в Шатахской казе Ванского санджака – 154.

Хоранк – см. Хоронк.

Хоранц – село в Арцке-Алджавазской казе Ванского санджака. В 1909 г. село состояло из 40 армянских дворов (334 человека) – 95.

Хордзян – область в провинции Четвертая Армения Великой Армении, в долине притока Арацани Гайл (в настоящее время – Кеги). В последующие века область была разделена на две части – Кеги Неркин и Кеги Верин – 281, 283.

Хоронк – село в Мушской казе, в 8 км к северо-западу от города Муш. В 1909 г. состояло из 50 дворов с армянским и 6 дворов с курдским населением – 136.

Хорорс – село в Хизанской казе Битлисского санджака – 183.

Хоснак – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака, в 20 км к юго-востоку от поселка Кеги – 297, 298, 309.

Хоснер – село нахией Псанка Сасунской казы Мушского санджака – 145.

Хоснут – село в Талворикском нахией Хулпской казы Генджского санджака, в 7 км к востоку от села Талворик. В начале 20 века насчитывало 20 дворов армянского населения – 145, 146.

Хосп – село в Айоцдзорском нахией Ванской казы. В 1909 г. село состояло из 43 армянских дворов (223 человека) – 53.

Хосров – село в Салмастском уезде Ирана – 402, 404.

Хотанлу, Готанлу – село в Маназкертской казе Мушского санджака. В 1909 г. село насчитывало 65 дворов армян, 10 дворов курдского населения – 195.

Хоторджур – поселок в Кискимской казе Эрзерумского санджака – 251.

Хотурский мост – см. Котерский мост.

Хохик – село в Дерджанской казе Эрзерумского санджака. В 1915 г. село насчитывало 220 дворов, из которых 115 – с армянским населением – 270.

Хошаб – каза в северно-западной части Хаккярского санджака – 8, 56, 119–122, 133.

Хошаб – река в бассейне озера Ван. Длина реки составляет 113 км, одна из крупнейших рек, впадающих в озеро Ван – 133.

Хошан – одна из горных вершин Армянского нагорья, в Дерсиме, в области Чмшкацага – 267.

Хошан Мезре – село в Андресском нахией Кегийской казы Эрзерумского санджака – 299.

Хошгелди – одна из горных вершин Армянского нагорья, в области Кеги, около села Сагадзор – 287.

Хош-Гелди (Хошкелди) – село в Буланькской казе Мушского санджака – 198, 214.

Хош-Гялди – см. Хош-Гелди.

Хошкар – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака – 296, 308.

Хошмат – село в Арганамаденском санджаке, в Мазрватском нахией Балуйской казы. В 1915 г. в селе насчитывалось 100 дворов с армянским населением, а также в селе была церковь Св. Богородицы, построенная в 1116 г. – 390.

Хошут – армянонаселенное село в Хут-Брнашенском нахией Мотканской казы Битлисского санджака – 178.

Хреконк – село в Верин Харзанском нахией Сасунской казы Мушского санджака – 240.

Хрут – село в северной части Верин Харзанского (Хаблджоз) нахией Сасунской казы Мушского санджака – 240.

Хрымхайя – село в Хнусской казе Эрзерумского санджака, на берегу Арацани – 277, 280.

Хтан – село в Гаварском нахией Сасунской казы Мушского санджака – 147.

Хубс – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака, в 12 км к западу от поселка Кеги. В 1915 г. Хубс был маленьким поселком с 317 дворами и населением 2400 человек – 281, 282, 284, 287–292, 295, 304–308.

Хузилджан – см. Хузичан.

Хузичан – область в северной части Дерсимского санджака Харбердского вилайета, в долине реки Хузичан – 314.

Хузулчан – см. Хузичан.

Хулик – село в Битлисском санджаке, в Хлатской казе. В 1909 г. состояло из 20 дворов с армянским населением 183 человека – 162, 163.

Хулп – каза в Генджском санджаке Битлисского вилайета – 8, 153, 154.

Хултик – село в Байиркском нахией Битлисской казы, на расстоянии 16 км к юго-востоку от города Битлис – 170.

Хумлар – село в Дерджанской казе Эрзерумского санджака. В конце 19 века состояло из 50 дворов с армянским населением, в 1909 – из 35 дворов с армянским и 30 дворов с турецким населением – 272.

Хумс – село в Гёзалдарской казе Битлисского санджака Битлисского вилайета. В 1909 г. состояло из 40 дворов армян – 107.

Хунан – село в Мушской казе. В 1880 г. в селе насчитывалось 150 дворов (1200 человек) – 136, 139.

Хупек – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака – 290, 294, 305.

Хуртук – село в Хошабской казе Хаккярского санджака. В 1909 г. состояло из 40 дворов армян – 119, 123.

Хускан Ворди, Тер Хускан Ворди – монастырь в Беркрийской казе Ванского санджака, в Абагинской долине, в долине реки Беркри – 66, 69.

Хусп Верин – село в Спаркертском нахие Хизанской казы Битлисского санджака – 186.

Хут – область, которая с начала османского владычества входила в состав Битлисского вилайета, в дальнейшем – Хут-Брнашенская каза. В 1915 г. в составе Хута насчитывалось 21 армянонаселенное село – 175, 178.

Хут – село в Спаркертском нахие Хизанской казы Битлисского санджака – 140, 142, 178, 186, 222, 236, 237.

Хуштам, Уштам – село в Мушской казе, в Мушской долине. В 1914 г. насчитывало 50 дворов (400 жителей) – 136, 140.

Хызлагач или Кзыл-Агадж – село в Мушской казе между монастырями Сурп Карапета и Св. Оганеса – 136, 226.

Хызыл чубух – см. **Кзылчубух**.

Хыр – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака, в 26 км к западу от поселка Кеги – 293.

Хором-Хайя – см. **Хрымхайя**.

Хырт – село в Хнусской казе Эрзерумского санджака, в 22 км к северо-востоку от поселка Хнус – 277.

Хьюрик Верин – село в Спаркертском нахие Хизанской казы Битлисского санджака – 186, 187.

Хьюрик Неркин – село в Спаркертском нахие Хизанской казы Битлисского санджака, в 1909 г. в селе насчитывалось 19 дворов с армянским населением. 183, 186, 188.

Хюсп – см. **Хусп Верин**.

Цабна – см. **Цапна**.

Цактар – село в Тимарском нахие Ванской казы Ванского санджака. В 1909 г. в селе насчитывалось 40 дворов армян – 267, 268.

Цакцак – село в Арчешской казе Ванского санджака. В начале 20 века насчитывало 42 двора с армянским населением (375 человек) – 90.

Цапна – село в Мушской казе, в 4 км к северо-востоку от города Муш. В начале 20 века насчитывалось 32 двора – 136, 139.

Цахкар – село в Держанской казе Эрзерумского санджака – 267, 268.

Цахкен, Цахке – см. **Цхак**.

Цгак – село в Мушской казе, в 24 км к юго-востоку от города Муш – 139, 143.

Цгак – село в Хлатской казе Битлисского санджака, на северо-западной стороне озера Ван – 109, 110.

Цирмак – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака Эрзерумского вилайета. В 1914 году село насчитывало 165 дворов армянского населения – 282, 309.

Цицанц – село в Шатахской казе Ванского санджака. В 1909 г. село насчитывало 22 двора (165 жителей) – 191.

Цовасар – горная вершина и горный хребет на Армянском нагорье, в горной системе Армянский Тавр – 233.

Цронк – село в Мушской казе, в 15 км к северо-востоку от Муша, в Мушской долине, в долине Мехрагета – 136–139, 144, 198.

Цхаву – село в Мушской казе. В начале 20 века в селе проживали более 300 человек – 136, 226.

Цхак – село в Мушской казе, в 24 км к юго-востоку от города Муш, на правой стороне дороги Муш – Битлис – 237.

Цхау – см. **Цхаву**.

Цхам – село в Татикском нахие Битлисской казы Битлисского санджака – 169.

Цыхау – см. **Цхаву**.

Чабан – село в Хнусской казе Эрзерумского санджака – 277.

Чали – село в Камахской казе Ерзнкайского санджака – 271.

Чан, Чангюх – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака, на берегу одного из притоков реки Пери. 292, 295.

Чаныхчи – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака – 296.

Чанчахбюр – село в Арчешской казе Ванского санджака – 80.

Чапахджур – каза в Генджском санджаке Битлисского вилайета, простирается в долине реки Чапахджур – 8, 340.

Чарбухор – село в казе Вардо, в Мушском санджаке, в 45 км к северу от города Муш – 176.

Чарек – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака – 282.

Чарибаш – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака, в 14 км к юго-востоку от поселка Кеги – 297, 309.

Чарпхор – см. **Чарбухор**.

Чарсанджак – каза в Дерсимском санджаке Харбердского вилайета, в его южной равнинной части – 9, 328.

Чаурме – село в Хнусской казе Эрзерумского санджака – 176.

Чахырбек – село в Арчешской казе Ванского санджака, в 16 км к северо-востоку от г. Арчеша. В начале 20 века состояло из 15 дворов – 79.

Чбхлу – село в Беркрийской кзе Ванского санджака, в 35 км к юго-востоку от Беркри – 71.

Чер – село в Держанской казе Эрзерумского санджака – 276.

Чил Хороз – село в Держанской казе Эрзерумского санджака – 253.

Чим – село в нахие Псанка Сасунской казы Мушского санджака – 242.

Чипиче гора – см. **Санасарское ущелье**.

Чифтлик – село в Малатийском санджаке Харбердского вилайета, в 12–13 км к востоку от города Малатия – 345, 378.

Чифтлик – село в Эрзерумском санджаке, в 17 км к северо-востоку от Эрзерума – 268, 301, 302, 309.

Члкани – село в Арчешской казе Ванского санджака. В начале 20 века состояло из 20 дворов – 94.

Чмшкацаг – центр Чмшкацагской казы Дерсимского санджака. По данным И. Лепсиуса, накануне 1915 года в Чмшкацаге проживало 9000 человек – 9.

Чнок – см. **Джнук**.

Чпргюх – см. **Чпыргех**.

Чпыргех – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака, на левой стороне среднего течения реки Кега – 309.

Чртник – см. **Джртник**.

Чумах – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака Эрзерумского вилайета – 286, 308.

Чыл-Кайны – **Члкани**.

Шамдинан – каза в Хакьярском санджаке – 8.

Шапин-Карахисар – город в Шапин-Карахисарском санджаке Себастийского (Сивасского) вилайета, административный центр санджака. Накануне Первой Мировой войны число армян в Шапин-Карахисаре составляло 7000 человек – 7, 9, 327.

Шарук – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака – 300, 302, 303, 309.

Шатах – каза в Ванском санджаке, у истоков Восточного Тигра – 8, 58, 114, 116, 154, 231.

Шатах – поселок в Шатахской казе, на расстоянии 30 км к юго-востоку от поселка Мокс – 7, 58, 61, 114–117, 191.

Шахверди, Шахверт – село в Мотканской казе Битлисского санджака. В 1909 г. состояло из 19 дворов с армянским населением 192 человека – 178.

Шахгялди – село в Тимарском нахие Ванской казы, на расстоянии 30 км к северу от города Ван. В начале 20 века состояло из 20 дворов с армянским населением – 41.

Шейтан-аве – см. **Шейтанова**.

Шейтанова – село в Салмастской провинции, на расстоянии около 4 км к юго-востоку от поселка Дилман – 402.

Шейтанова, Шейтанова – село в Маназкертской казе Мушского санджака – 195.

Шейх Ягуб – село в Мушском санджаке, в Буланькской казе, на берегу реки Коп – 214.

Шейхалан – село в Мушской казе, в 16–17 км к северо-западу от города Муш, на дороге Муш-Зиарет – 136.

Шейх-Брем – см. **Шейхбрим**.

Шейхбрим – село в Мушском санджаке, в Мушской долине. В начале 20 века состояло из 30 дворов с армянским и 9 дворов с курдским населением – 136, 198.

Шейхеагуб, Шейх-Еагуб – см. **Шейх Ягуб**.

Шейх-Зелан – село в Айнтапской казе, в 4 км к югу от Айнтапа – 217.

Шейхизлан, Шейхизлан кетик – см. **Шейх-Зелан**.

Шен – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака, на расстоянии 27 км к северо-востоку от поселка Кеги – 292, 299, 300, 309.

Шен – село в Хизанской казе Битлисского санджака, в Хизан-Хорорском нахие – 185, 186.

Шен – село в Хут-Брнашенском нахие Мотканской казы Битлисского санджака – 178–180.

Шеник – село в Мушской казе, на расстоянии 24 км к юго-востоку от города Муш – 144–147, 149, 152, 154, 232, 233, 235.

Шенк – см. **Шеник**.

Шехан – село в Мушском санджаке, на расстоянии 16–17 км к северо-западу от города Муш, на дороге Муш – Зиарат – 226.

Шехис – курдское село в окрестностях города Харберд, на берегу Евфрата – 342.

Шехлан – см. **Шейхалан**.

Шех-Нок, Шехнок – село в Битлисской казе Битлисского санджака – 224, 225.

Шех-Усуф – см. **Шех-Юсуф**.

Шех-Юсуф или **Шейхюсуф** – село в Мушском санджаке, в 16 км к северу от Муша – 136.

Ширван – каза в Сгердском санджаке – 8, 191–193.

Ширваншейх или **Ширванчух** – село в Буланькской казе Мушского санджака. В начале 20 века состояло из 200 дворов с армянским населением – 176, 210, 211, 214.

Шитан – село в Шатахской казе Ванского санджака – 100, 104, 116, 117.

Шмлук – село в Мушской казе. В начале 20 века в селе насчитывалось 60 дворов с армянским населением (500 человек) – 136.

Шнидзор или Шенидзор – нахия в Хизанской казе Битлисском санджаке – 183.

Шнист – село в Хут-Брнашенском нахия Мотканской казы Битлисского санджака. В начале 20 века в селе насчитывалось 45 дворов с армянским населением – 178.

Шнист Неркин – село в Хут-Брнашенском нахия Мотканской казы Битлисского санджака – 178.

Шога ванк (Св. Шогакат) – см. **Св. Шогакат Шоха**.

Шумблабат, Шумблабад – село в Урмийском уезде, на расстоянии 28 км к северу от города Урмия – 408.

Шушанц – одна из горных вершин Армянского нагорья, к востоку от города Ван – 27, 97.

Шушанц – село в Ван-Тоспском нахия Ванского санджака. В 14–17 вв. – один из средневековых центров по созданию и переписыванию рукописей – 28, 119, 123.

Шушар – область (санджак, каза) на территории Армянского нагорья, на Бюраканском плоскогорье – 322.

Шушнамерк, Шушнамерик – село в Шатахском нахия Мушской казы, на берегу реки Шушнамерк – 145–147, 231–234, 236, 242.

Эгедзор – село в Арцке-Алджавазской казе Ванского санджака. В 1909 г. в селе насчитывалось 18 дворов с армянским населением – 90.

Эгнаходжа – см. **Икнаходжа**.

Эдессия (Урха, Урфа) – город в Верхней Месопотамии. Один из древнейших городов Передней Азии, который в правление Тиграна II Великого (95–55 гг. до н.э.) был присоединен к армянскому государству. Эдессия была известным центром армянской культуры – 325, 325, 347.

Экепат – село в Басенской казе Эрзерумского санджака. В конце 19 века насчитывало 70 дворов с армянским населением – 262.

Экин – см. **Акн**.

Энкузек – село в Кегийской казе Эрзерумского санджака – 287.

Энкузнак, Энкузек, Энкузик – село в Хут-Брнашенском нахия Мотканской казы Битлисского санджака – 178.

Эрерин – см. **Эрерна**.

Эрерна или Ерерин – село в Тимарском нахия Ванской казы, в 23–24 км к северо-западу от города Ван – 39, 49, 50.

Эрзерум – санджак в Эрзерумском вилайете. В начале 20 века число армян в Эрзерумском санджаке доходило до 90 000 – 8, 247, 265, 267, 271, 272, 274, 277, 281, 304, 313.

Эрзерум или Карин – город в области Карин провинции Верхняя Армения Великой Армении – 8, 13, 14, 47, 51, 58, 77, 92, 131, 150, 157, 158, 165, 167, 181, 187, 196, 199, 201, 204, 210, 212, 215, 216, 220, 227, 247, 248, 250, 251, 258, 261–263, 266, 267, 269, 270, 274, 278, 280, 281, 283, 287, 288, 290, 292–295, 297–303, 305, 311, 312, 324, 329, 332, 336, 338, 339, 342, 343, 371, 389, 411, 412, 414–417, 419, 420.

Эрзерумская каза – 8, 247, 265, 267, 271, 272, 274, 277, 281, 304, 313.

Эрзерумская равнина – одна из равнин Армянского нагорья, в верхнем течении реки Евфрат – 247, 268, 270, 273, 275.

Эрзерумский вилайет – (Каринский) вилайет – административно-территориальная единица Османской империи в Западной Армении с центром Эрзерум, был образован в 1514–1534 гг. Эрзерумский вилайет был одним из имеющих многочисленное армянское население вилайетов Западной Армении. Он состоял из Эрзерумского, Ерзнкайского и Баязетского санджаков Численность армянского населения вилайета накануне войны составляла более 200 тысяч человек – 5, 7, 8, 14, 247, 265, 418.

Эрун – каза в Стердском санджаке, в области истоков Тигра. Центром был поселок Дех – 8, 139, 189, 191–193.

Эрштер, Эриштер – см. **Ерыштер**.

Эскишехер – село в Харбердском вилайете. В древние века – Малатия, город в Малой Армении – 379.

Эсмар – село в Каракилисской казе Баязетского санджака, в 35 км к юго-западу от поселка Каракилиса. В начале 20 века насчитывало 45 дворов с армянским населением – 278.

Эсмер – см. **Эсмар**.

Юрдук – см. **Хуртук**.

Явран – см. **Авран** – 136.

Ягби – см. **Агбик**.

Ягин – см. **Хаги**.

Ялвариндж – см. **Алвариндж**.

Ярах – см. **Араг**.

Яргаванк – **Аркаванк**.

Ярдерт – см. **Хардерт**.

Ярджик – см. **Арджик**.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ

Ванский вилайет

- № 1 Свидетельство выжившего Гарегинна Геворкяна о резне в селе аверак Тимарского нахие Ванской казы Ванского санджака.
- № 2 Свидетельства выживших Оганеса Жамкочяна и Петроса Манукяна о резне в селе Курубаш Ван-Тоспского нахие Ванской казы Ванского санджака.
- № 3 Свидетельство выжившей Макруи Мелконян о резне в селе Пахезик Ван-Тоспского нахие Ванской казы Ванского санджака.
- № 4 Свидетельство выжившей Воскехат Азоян о резне в селе Арчак Арчакского нахие Ванской казы Ванского санджака.
- № 5 Свидетельство выжившей Аслик Казарян о резне в селе Дагверан Ванской казы Ванского санджака.
- № 6 Свидетельство выжившей Сатеник Парунакян о резне в селе Харако-нис Арчакского нахие Ванской казы Ванского санджака.
- № 7 Свидетельство выжившего Погоса Аветисяна о резне в селе Севан Арчакского нахие Ванской казы Ванского санджака.
- № 8 Свидетельства выживших священника Гевонда Саруханяна и его жены о резне армянских сел Тимарского нахие Ванской казы Ванского санджака.
- № 9 Свидетельство выжившего Агарона Григоряна о резне в селе Аствац-цин Тимарского нахие Ванской казы Ванского санджака.
- № 10 Свидетельство выжившего Вардана Галустяна о резне в селе Эерин Тимарского нахие Ванской казы Ванского санджака.
- № 11 Свидетельство выжившего Гарегинна Овсепяна о резне в селе Мар-мет Тимарского нахие Ванской казы Ванского санджака.
- № 12 Свидетельство выжившего Карапета Давтяна о резне в селе Хосп Хай-оцдзорского нахие Ванской казы Ванского санджака.
- № 13 Свидетельство выжившего очевидца Казара Манукяна о резне в селе Кем Хайоцдзорского нахие Ванской казы Ванского санджака.
- № 14 Свидетельство выжившей Сары Арутунян о резне в селе Маштак Хайоцдзорского нахие Ванской казы Ванского санджака.
- № 15 Свидетельство выжившей Тарер Варданян Тер-Аветисян о резне в селе Сурп Вардан Хайоцдзорского нахие Ванской казы Ванского санджака.
- № 16 Свидетельство выжившего Саргиса Капутяна о резне в селе Кёшк Хайоцдзорского нахие Ванской казы Ванского санджака.
- № 17 Свидетельство выжившей Санам Варданян о резне в поселке Беркри Беркрийской казы Ванского санджака.
- № 18 Свидетельство выжившей Ялдуз Егиазарян о резне в селе Гюзак Бер-крийской казы Ванского санджака.
- № 19 Свидетельство выжившей Дилбар Мкртчян о резне в селе Горцот Бер-крийской казы Ванского санджака.
- № 20 Свидетельство выжившей Симам Казарян о резне в селе Дерон Аба-гинского нахие Беркрийской казы Ванского санджака.
- № 21 Свидетельство выжившего Давида Фарманяна о резне в селе Хачан Беркрийской казы Ванского санджака.
- № 22 Свидетельство выжившего Аракела Гарибяна о резне армянского на-селения в Аршеской и Альджавазской казах Ванского санджака.
- № 23 Свидетельство выжившего Мкртыча Асланяна о резне в поселке Аканц-Арчеш Арчешской казы Ванского санджака.
- № 24 Свидетельство Нубара Рашояна о перенесенных мучениях армянско-го населения села Агасап Арчешской казы Ванского санджака.
- № 25 Свидетельство выжившей Овсанны о резне в селе Банон Арчешской казы Ванского санджака.
- № 26 Свидетельство выжившей Сусан Мурадян о резне в селе Гозе Арчеш-ской казы Ванского санджака.
- № 27 Свидетельство выжившей Гюлизар Бедеян о резне в селе Ктрац Кар Арчешской казы Ванского санджака.
- № 28 Свидетельства группы выживших о резне в селе Соскунарчешской казы Ванского санджака.
- № 29 Свидетельство выжившего Манука Арутуняна о резне в селе Арчра Альджавазской казы Ванского санджака.
- № 30 Свидетельство выжившего Гаспара Саргсяна о резне в селе Арчра Альджавазской казы Ванского санджака.
- № 31 Свидетельство выжившей Гёзал Бантоян о резне в селе Эгедзор Аль-джавазской казы Ванского санджака.
- № 32 Свидетельства выживших Карапета Акопяна и Седрака Мисакяна о резне в селе Кочерер Альджавазской казы Ванского санджака.
- № 33 Свидетельство выжившего Багдасара Казаряна о резне в селе Гузел Альджавазской казы Ванского санджака.
- № 34 Свидетельство выжившей Нигяр Петросянц о резне в селе Норшен Альджавазской казы Ванского санджака.
- № 35 Свидетельства выживших Аршака Мелик-Габриеляна и Геворка Гаспаря-на о резне в селе Неркин Сипан Альджавазской казы Ванского санджака.
- № 36 Свидетельство выжившего Андраника Мурадяна о резне в селе Та-нанц Гявашской казы Ванского санджака.
- № 37 Свидетельство выжившей Сары Мурадян о резне в селе Боганис Гя-вашской казы Ванского санджака.

- № 38 Свидетельство выжившей Маргарит Акопян о резне в селе Арберд Гявашской казы Ванского санджака.
- № 39 Свидетельство выжившей Рипсимэ Петросян о резне в селе Мохраберд Гявашской казы Ванского санджака.
- № 40 Свидетельство выжившей Рипсимэ Игнатиосян о самообороне и жертвах в селе Тшог Гявашской казы Ванского санджака.
- № 41 Свидетельства группы выживших о резне в Карчаканском селе Гомс Гявашской казы Ванского санджака.
- № 42 Свидетельство выжившей Азнив Асланян о резне в Карчаканском селе Хндзоргин Гявашской казы Ванского санджака.
- № 43 Свидетельство выжившего Мартироса Оганесяна о резне в Карчаканском селе Ваник Гявашской казы Ванского санджака.
- № 44 Свидетельство выжившего Тангика Авагыана о резне в Мокском селе Гомер Гявашской казы Ванского санджака.
- № 45 Свидетельства выживших Аветиса Давтяна и Казара Балояна о жертвах в Мокском селе Сыпканц Гявашской казы Ванского санджака.
- № 46 Свидетельство выжившей Лусабер Товмасын о самообороне армян в поселке Шатах Шатахской казы Ванского санджака.
- № 47 Свидетельства группы выживших о самообороне армян Песандаштского нахие Шатахской казы Ванского санджака.
- № 48 Свидетельства Хано, Сгана и Матоса Саиляна о жертвах в селе Тамран Махмудской казы Ванского санджака.
- № 49 Свидетельства выживших Минаса Геворкяна, Хачатура Аветисяна и Србуи о резне в селе Хуртук Хошабской казы Хаккярского санджака.
- № 50 Свидетельство выжившего Ншана Оганисяна о резне в селе Крел Хошабской казы Хаккярского санджака.
- № 51 Свидетельство выжившей Нубар Мартоян о резне в селе Харатун Агбакской казы Хаккярского санджака.
- № 52 Свидетельство выжившей Банамшах Оганесян о резне в селе Хаспстан Агбакской казы Хаккярского санджака.
- № 53 Свидетельство выжившей Мариам Казарян о резне в селе Соран Агбакской казы Хаккярского санджака.
- № 54 Свидетельство выжившей Хаме Ареян о резне в селе Гананц Джуламерикской казы Хаккярского санджака.
- № 55 Свидетельство выжившего Шахбаза Хлояна о самообороне и жертвах в селе Пакан Джуламерикской казы Хаккярского санджака.
- № 56 Свидетельство выжившей Назлу Петросян о резне в селе Диза Гяварской казы Хаккярского санджака.

Битлиссский вилайет

- № 57 Сведения, собранные священником Григором Тер-Григоряном о резне в Мушской долине и в Сасуне.
- № 58 Статистика, составленная Хазо Григоряном, о ряде сел Мушской и Сасунской каз Мушского санджака.
- № 59 Свидетельство выжившего Оганеса Абраамяна о самообороне и переселении Муша и Сасуна.
- № 60 Свидетельство выжившей Ноемик Хачатрян о резне в селе Техут Хлатской казы Битлиссского санджака.
- № 61 Свидетельство Рубена из Хлата об убийстве своих родителей.
- № 62 Свидетельства выживших Мело Манукяна и Савгюл Симонян о резне в селе Тапаванк Хлатской казы Битлиссского санджака.
- № 63 Свидетельства группы выживших о резне в селе Тапаванк Хлатской казы Битлиссского санджака.
- № 64 Свидетельство выжившего Мисака Седракияна о резне в селе Прхус Хлатской казы Битлиссского санджака.
- № 65 Свидетельство выжившей Агавни Хлгатын о резне в селе Прхус Хлатской казы Битлиссского санджака.
- № 66 Свидетельства выживших Егиазара Гарибьяна и Гутрад Аветисян о резне в селе Прхус Хлатской казы Битлиссского санджака.
- № 67 Свидетельство выжившего Вачагана Петросяна о резне армянского населения в Битлисе.
- № 68 Свидетельство выжившего Саргиса Гарибьяна о резне в селе Бас Татикского нахие Битлиссской казы Битлиссского санджака.
- № 69 Свидетельства выживших Аспатура Брутяна и Саргиса Галустяна о резне в селе Хултик Битлиссской казы Битлиссского санджака.
- № 70 Свидетельство выжившего Баграта Петросяна о резне в селе Карб Гёзалдарского нахие Битлиссской казы Битлиссского санджака.
- № 71 Свидетельство выжившего Мхитара Мирзояна о резне в селе Топ Битлиссской казы Битлиссского санджака.
- № 72 Свидетельство Тороса Мртояна о резне в селе Таг Анди Хут-Брнашенского нахие Мотканской казы Битлиссского санджака.
- № 73 Свидетельство выжившего Киракоса Мхояна о резне в селе Мцу Мотканской казы Битлиссского санджака.
- № 74 Свидетельство выжившего Мхитара Хазрояна о резне в селе Шен и окрестных селах Хут-Брнашенского нахие Мотканской казы Битлиссского санджака.
- № 75 Свидетельство выжившего Авета Гаспаряна о резне в селе Кашах Мотканской казы Битлиссского санджака.

- N 76 Свидетельство выжившего Аветиса Тер-Нерсисяна о резне в селе Хархоц Хизанской казы Битлисского санджака.
- N 77 Свидетельство выжившего Геворка Амирхана о резне в селе Шен Хизанской казы Битлисского санджака.
- N 78 Свидетельство выжившего Тороса Оганесяна о резне и самообороне в селах Спаркертского нахие Хизанской казы Битлисского санджака.
- N 79 Свидетельство выжившего Овсепя Кероянца о резне в селе Дех Эрунской казы Сгердского санджака.
- N 80 Свидетельства выживших Вардана Галояна и Мирзо Бхаряна о резне в селе Возм Барварской казы Сгердского санджака.
- N 81 Свидетельство выжившего Мурада Арутюняна о резне в селе Авин Ширванской казы Сгердского санджака.
- N 82 Свидетельство выжившего Берхо Азояна о резне в селе Гндзик Ширванской казы Сгердского санджака.
- N 83 Свидетельство выжившего Хачика Варданяна о резне в селе Набайин Ширванской казы Сгердского санджака.
- N 84 Свидетельство выжившего Акопа Ходжянца о резне и переселении армян Маназкертской казы Мушского санджака.
- N 85 Свидетельства выживших Мартироса Саргисяна и Саргиса Хачатуряна о насильственном переселении и потерях жителей села Мармус Маназкертской казы Мушского санджака.
- N 86 Свидетельство выжившей Салви Маргарян о резне в селе Апре Буланькской казы Мушского санджака.
- N 87 Свидетельства группы очевидцев о резне в селе Апре Буланькской казы Мушского санджака.
- N 88 Свидетельство выжившего Арутюна Тер-Мовсисяна о резне в селе Атонк Буланькской казы Мушского санджака.
- N 89 Свидетельство выжившего Сероба Степанянца о резне в селе Гяболан Буланькской казы Мушского санджака.
- N 90 Свидетельство выжившего Мовсеса Арутюнян Амирянца о резне в селе Лиз Буланькской казы Мушского санджака.
- N 91 Свидетельство выжившей Нойем Нореян о резне в селе Кохак Буланькской казы Мушского санджака.
- N 92 Свидетельство выжившего Оганеса Закаряна о резне в селе Коп Буланькской казы Мушского санджака.
- N 93 Свидетельства группы очевидцев о резне в селе Хамзашейх Буланькской казы Мушского санджака.
- N 94 Свидетельство выжившего священника Микаэля Тер-Самвеляна о резне в селе Ширваншейх Буланькской казы Мушского санджака.

- N 95 Свидетельство выжившего Закара Агы Маргаряна о переселении и потерях села Какарлу Буланькской казы Мушского санджака.
- N 96 Свидетельство выжившего Аствацатура Акопяна о резне в селе Артонк Мушской казы Мушского санджака.
- N 97 Свидетельство выжившего Джаваира Аветисяна о резне в селе Бостакенд Мушской казы Мушского санджака.
- N 98 Свидетельство выжившего Тороса Симоняна о резне в селе Гелигюзан Мушской казы Мушского санджака.
- N 99 Свидетельство выжившего Рубена Варданяна о резне в селе Гомс Мушской казы Мушского санджака.
- N 100 Свидетельство выжившего Казара Погосяна о резне в селе Зиарат Мушской казы Мушского санджака.
- N 101 Свидетельство выжившей Санам Оганесян о резне в селе Эриштер Мушской казы Мушского санджака.
- N 102 Свидетельства выживших Давида Мелоняна и Амаяка Матевосяна о резне в селе Хастюх Мушской казы Мушского санджака.
- N 103 Свидетельство выжившего Хачо Григоряна о резне в селе Шушнамерк Шатахского нахие Мушской казы Мушского санджака.
- N 104 Свидетельство выжившего Абрама Григоряна о резне в селе Варденис и ближайших селах Мушской казы Мушского санджака.
- N 105 Свидетельство выжившей Алмаст Мкртчян о резне села Крдагом Мушской казы Мушского санджака.
- N 106 Свидетельство выжившего Мкртыча Торосяна о числе спасшихся от резни в селах Верин Харзан (Хабылджоз) Сасунской казы Мушского санджака.
- N 107 Свидетельство выжившего Степана Арутюняна о резне в селе Меджгюх Сасунской казы Мушского санджака.
- N 108 Свидетельство выжившего Мкртыча Торосяна о резне в селе Пиршенк Сасунской казы Мушского санджака.
- N 109 Свидетельство выжившего Арутюна Саргисяна о резне в селе Арткунк Хулпской казы Генджского санджака.

Эрзерумский вилает

- N 110 Хронология депортации населения Эрзерума (Карина), составленная Мисаком Агбалином.
- N 111 Свидетельства Погоса Варданяна о депортации и резне армян Эрзерума.
- N 112 Свидетельство выжившего Товмаса Погосяна о резне армянского населения Карина и состоящих из армян строительных батальонов.
- N 113 Свидетельство выжившего Аршака Тертеряна о резне в селе Ашкала Эрзерумской казы.

- N 114 Гарегин Турикян о положении Держанской казы Эрзерумского санджака, о депортации и резне армян.
- N 115 Свидетельство выжившего Вардана Аветисяна о депортации и резне армян села Багарич Держанской казы Эрзерумского санджака.
- N 116 Свидетельство выжившего Ованеса Маркосяна о депортации и резне армян села Хумлар Держанской казы Эрзерумского санджака.
- N 117 Свидетельство выжившего священника Тер Амбарцума Арутяняна о депортации и резне жителей села Вардук Держанской казы Эрзерумского санджака.
- N 118 Свидетельство выжившего священника Карапета Тер-Ованесяна о депортации и резне села Карачобан Хнусской казы Эрзерумского санджака.
- N 119 Записки Назарета Постояна о резне армянских сел Кегийской казы Эрзерумского санджака.
- N 120 Свидетельства группы выживших о резне в селах Кегийской казы Эрзерумского санджака.
- N 121 Свидетельство выжившего жителя Ерзнка Егия Торосяна о депортации.
- N 122 Записи выжившего Гарегинна Турикяна о резне в армянских деревнях Ерзнкайской казы Эрзерумского санджака.

Харбердский вилает

- N 123 Свидетельство выжившего Мисака Бабаджаняна о депортации и резне армянского населения Харбердского санджака.
- N 124 Свидетельство выжившего Арсена Хачикяна о депортации и резне армянского населения Харберда.
- N 125 Свидетельство выжившего Миграна Гарибджаняна о депортации и резне армян в городе Харберд.
- N 126 Свидетельство выжившего Мушега Ворберяна о депортации и резне в городе Харберд.
- N 127 Свидетельство выжившей П. Фабрикторян о депортации и резне армянского населения Харберда.
- N 128 Свидетельство выжившего Петроса Акопяна об отрицательной роли иностранных чиновников во время депортации Харберда.
- N 129 Свидетельство выжившего Галсуста Галустяна о депортации и резне в городе Арабкир.
- N 130 Свидетельство выжившего Ованеса Ханчарляна о страданиях армянского населения, резне мужчин и депортации из Малатии.

Диарбекирский вилайет

- N 131 Свидетельство выжившего Закара Фнтхяна о депортации и резне в селе Нехри Балувеского нахие Аргниевской казы Диарбекирского санджака.

Трапезундский вилайет

- N 132 Свидетельство выжившей Гоар Сарян о резне в Трапезунде.

Персия

- N 133 Свидетельство выжившего Нерсеса Тер-Товмасянца о резне в селе Гярдабад уезда Урмия.
- N 134 Свидетельство выжившей Шушаник Бятянц об исходе села Тагер уезда Хой.
- N 135 Свидетельство выжившего Акопа Хорозянца о резне в селе Хефтван и других селах уезда Салмаст.
- N 136 Свидетельство выжившей Тагуи Оганеси Варданян о резне в селе Галасар (Каласар) уезда Салмаст.
- N 137 Свидетельство выжившего Хачатура Григоряна о резне в селе Махлам уезда Салмаст.
- N 138 Свидетельство Заруи Манукян о резне в селе Махлам уезда Салмаст.
- N 139 Свидетельство выжившего священника Мкртчича Тер-Петросяна о резне в деревнях Махмадкяр, Нагадэ и Гярдабад уезда Урмия.
- N 140 Свидетельство выжившей Тамам Гарибян о резне в селе Шумблабад уезда Урмия.
- N 141 Свидетельство выжившей Салатин Тер-Ованесян о резне в селе Баяджук уезда Салмаст.

Приложения

- N 1 Свидетельство очевидца Османа Али оглы о разрушении армянской церкви Карина.
- N 2 Свидетельства очевидцев – турка, перса и араба о причинах депортации и резне армян Эрзерума.
- N 3 Свидетельство айсора Ф. А. Вертена о депортации и резне армянского населения Эрзерума.
- N 4 Свидетельство очевидца Костандина Трианталфилиди о депортации и резне армян Эрзерума.

ГЕНОЦИД АРМЯН В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВЫЖИВШИХ ОЧЕВИДЦЕВ

Сборник документов

Составители

Аматуни Вирабян и Гоар Авакян

Перевод с армянского

Мариам Ханзадян и Ашот Мелян

Редактор перевода

Юрий Мравян

Автор карт

Гегам Бадалян

Компьютерное оформление карт

Мартин Мартиросян

**В сборнике использованы фотографии из Национального архива
Армении, Музея-института Геноцида армян и Фонда
по изучению армянской архитектуры**

Тираж 1 000. Заказ №5443.

ООО Издательство «ЮниПресс и К»

111524, Москва, а/я 20

unipress@inbox.ru

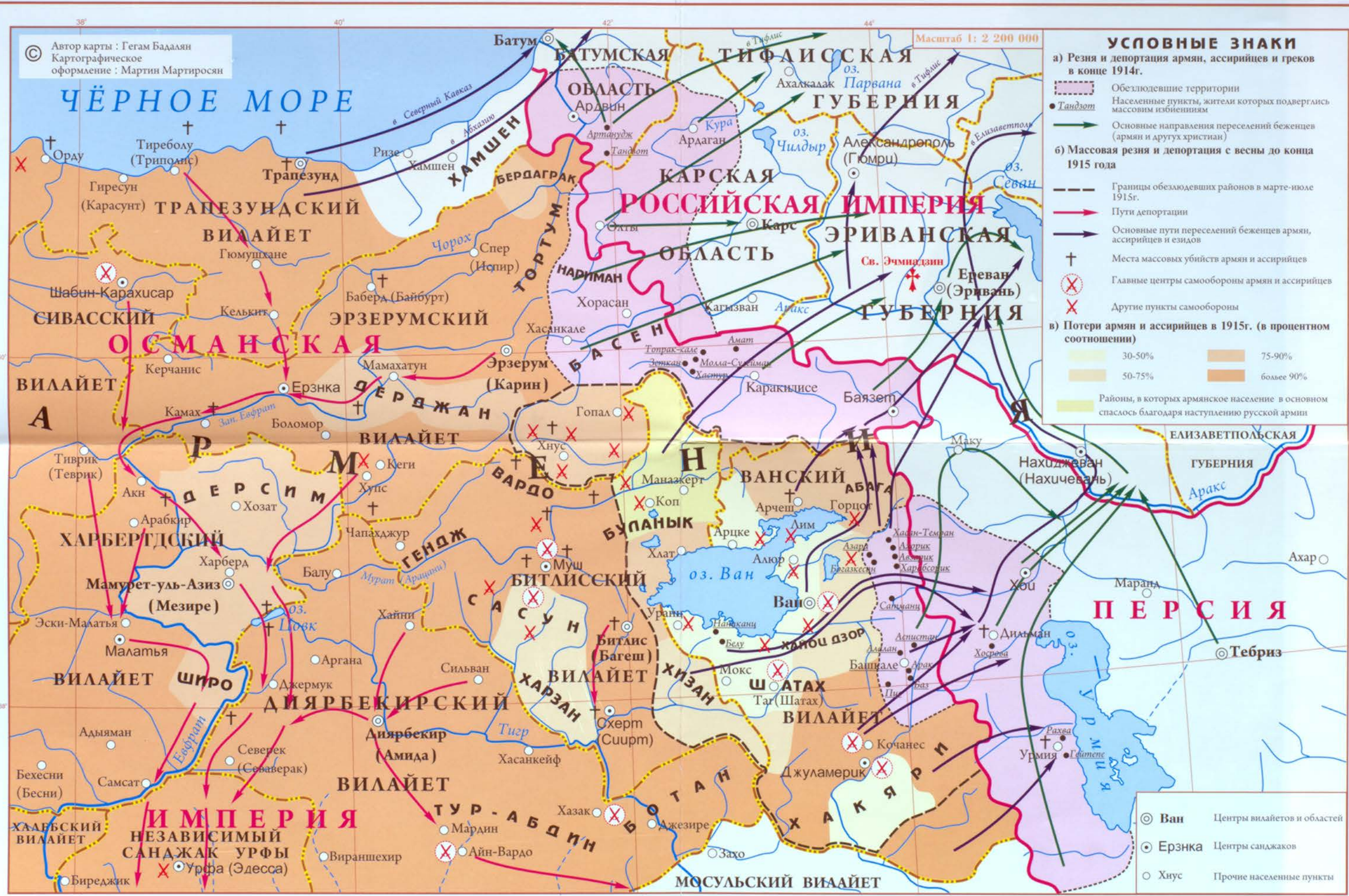
Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

РЕЗНЯ АРМЯН И ДРУГИХ ХРИСТИАНСКИХ НАРОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ АРМЕНИИ В 1914-1915гг.

© Автор карты : Гегам Бадалян
Картографическое оформление : Мартин Мартиросян

Масштаб 1: 2 200 000

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

а) Резня и депортация армян, ассирийцев и греков в конце 1914г.

- Обезлюдившие территории
- Населенные пункты, жители которых подверглись массовым избиениям
- Основные направления переселений беженцев (армян и других христиан)

б) Массовая резня и депортация с весны до конца 1915 года

- Границы обезлюдивших районов в марте-июле 1915г.
- Пути депортации
- Основные пути переселений беженцев армян, ассирийцев и езидов
- Места массовых убийств армян и ассирийцев
- Главные центры самообороны армян и ассирийцев
- Другие пункты самообороны

в) Потери армян и ассирийцев в 1915г. (в процентном соотношении)

30-50%	75-90%
50-75%	более 90%

Районы, в которых армянское население в основном спаслось благодаря наступлению русской армии

⊙ Ван Центры вилайетов и областей
⊙ Ерзнка Центры сандажков
○ Хнус Прочие населенные пункты

КАЗЫ БУЛАНЫК И ХЛАТ БИТЛИССКОГО ВИЛАЙЕТА И КАЗА АДИЛЬДЖЕВАЗ ВАНСКОГО ВИЛАЙЕТА В 1914 г.

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

ГРАНИЦЫ

- вилаетов
- санджаков
- каз

Символы:

- Хиус Центр казы
- Карачобан Поселки (более 1000 жителей)
- Буруу Сёла
- Таш Хутора (мезре)
- Амур Казан Развалины древних городов
- Сури-Дашман Мосты
- Хауурбера Крепости
- Постоялые двory (хань)
- Сури-Каранет Монастыри
- Сури-Аствацаци Действующие церкви
- Готсаван Развалины монастырей и церквей
- Урун Святые места (места поломничества)
- Хачкары, армянские кладбища

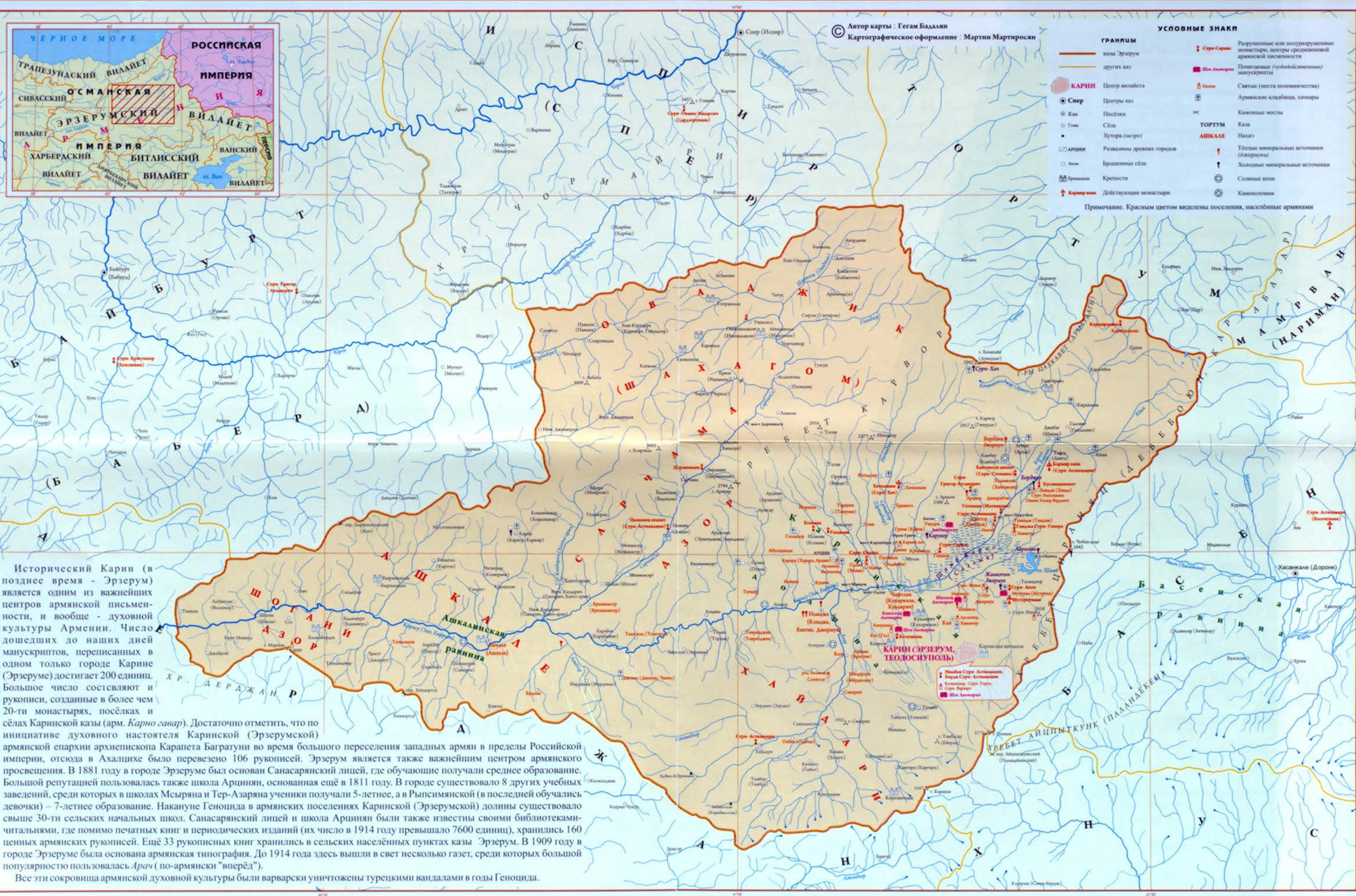
ХНУС Каза

ХАМУРБЕРА Нахиз

На карте обозначены цифрами:

- I** ЭРЗЕРУМСКИЙ ВИЛАЙЕТ
- II** БИТЛИССКИЙ ВИЛАЙЕТ

Примечание: Несмотря на то, что в течение XVIII-XIX вв. значительная часть поселений Хнус казы потеряла свой коренной армянский облик, тем не менее армяне накануне первой мировой войны оставались самым большим этническим элементом (более 26 тыс. человек или около 50% всего населения). Они преобладали как в административном центре – в городе Хнусе (3100 жителей), так и в наиболее крупных и многолюдных населённых пунктах данной казы: в Аросе (1200 жит.), Гопале (1400 жит.), Говандуке (1500 жит.), Карачобане (3000 жит.), Каракёпри (1500 жит.), Козлы (Хозлу, 1900 жит.), Харамике (1500 жит.), Халиль-Чауше (Хачалуйс, 1100 жит.), Чаурме (1800 жит.), Кахнике (1100 жит.). Чта касается неармянских поселений казы Хнус, которые были населены главным образом курдскими племенами, то это были в основном хутора (мезре) – с малочисленными жителями.

Автор карты: Гегам Бадалян
Картографическое оформление: Мартин Мартиросян

ГРАНИЦЫ		УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ	
	казы Эрзерум	+	Сурь-Саран: Разрушенные или полуразрушенные монастыри, центры средневековой армянской письменности
	других каз	■	Шех-Ахмедиян: Почитаемые (фундаментальные) манускрипты
●	КАРИН: Центр вилайета	⚡	Святые (места поклонения)
○	Сурь	⚡	Армянские кладбища, храмы
○	Каз	⚡	Каменные мосты
○	Посёлки	⚡	ТОРТУМ: Казы
○	Сёла	⚡	АНКАЛЕ: Нахчи
○	Хутора (избу)	⚡	Тёплые минеральные источники (дочуртки)
○	Развалины древних городов	⚡	Холодные минеральные источники
○	Бронзовые сёла	⚡	Солёные копи
○	Крепости	⚡	Каменоломни
⚡	Действующие монастыри		

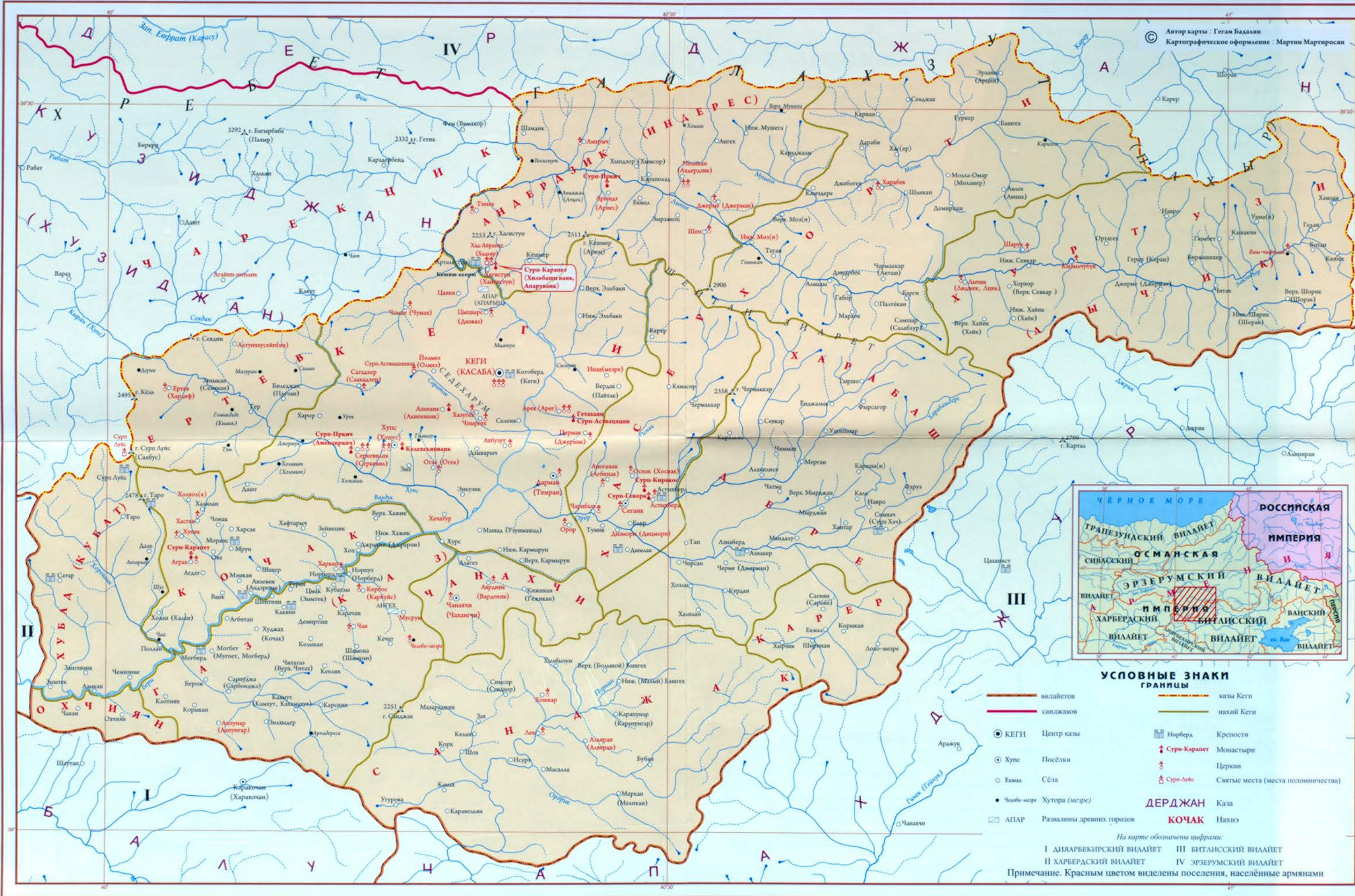
Примечание. Красным цветом выделены поселения, населённые армянами

Исторический Карин (в позднее время - Эрзерум) является одним из важнейших центров армянской письменности, и вообще - духовной культуры Армении. Число дошедших до наших дней манускриптов, переписанных в одном только городе Карине (Эрзеруме) достигает 200 единиц. Большое число составляют и рукописи, созданные в более чем 20-ти монастырях, посёлках и сёлах Каринской казы (арм. *Карно гавар*). Достаточно отметить, что по инициативе духовного настоятеля Каринской (Эрзерумской) армянской епархии архиепископа Карапета Багратуни во время большого переселения западных армян в пределы Российской империи, отсюда в Ахалцихе было перевезено 106 рукописей. Эрзерум является также важнейшим центром армянского просвещения. В 1881 году в городе Эрзеруме был основан Санасарянский лицей, где обучающиеся получали среднее образование. Большой репутацией пользовалась также школа Арцияня, основанная ещё в 1811 году. В городе существовало 8 других учебных заведений, среди которых в школах Мсыряна и Тер-Азаряна ученики получали 5-летнее, а в Рыпсимянской (в последней обучались девочки) - 7-летнее образование. Накануне Геноцида в армянских поселениях Каринской (Эрзерумской) долины существовало свыше 30-ти сельских начальных школ. Санасарянский лицей и школа Арцияня были также известны своими библиотеками-читальнями, где помимо печатных книг и периодических изданий (их число в 1914 году превышало 7600 единиц), хранились 160 ценных армянских рукописей. Ещё 33 рукописных книг хранились в сельских населённых пунктах казы Эрзерум. В 1909 году в городе Эрзеруме была основана армянская типография. До 1914 года здесь вышли в свет несколько газет, среди которых большой популярностью пользовалась *Арач* (по-армянски "вперёд").

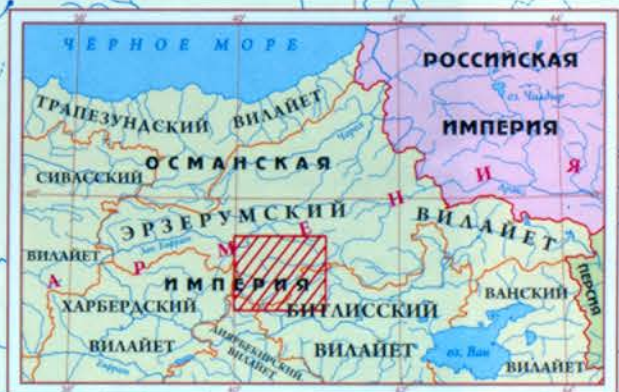
Все эти сокровища армянской духовной культуры были варварски уничтожены турецкими вандалами в годы Геноцида.

КАЗА КЕГИ В 1914 г.

Масштаб 1:250 000

Автор карты: Гегам Бадалян
Картографическое оформление: Мартин Мартиросян

- УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ ГРАНИЦЫ**
- вилайетов
 - казы Кегий
 - сандажаков
 - нахий Кегий
 - КЕГИ Центр казы
 - Норбера Крепости
 - Хуцы Посёлки
 - Сурь-Караеть Монастыри
 - Екма Сёла
 - Церкьи
 - Сурь-Ауис Святые места (места поломничества)
 - Чыбы-мере Хутора (мере)
 - ДЕРДЖАН Каза
 - КОЧАК Нахий
 - АПАР Развалины древних городов

На карте обозначены цифрами:
 I ДИЯРБЕКИРСКИЙ ВИЛАЙЕТ III ВИТАЛИССКИЙ ВИЛАЙЕТ
 II ХАРБЕРДСКИЙ ВИЛАЙЕТ IV ЭРЗЕРУМСКИЙ ВИЛАЙЕТ
 Примечание. Красным цветом выделены поселения, населённые армянами

САСУН В 1914 г.

Масштаб 1:300 000

КАЗА МУШ В 1914 г.

Масштаб 1:300 000

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ ГРАНИЦЫ

- вилаетов
- санджаков
- каз
- МУШ
- Агдажан
- Хасгех
- Урух
- Клык
- Мшпурк
- казы Муш
- Территория исторического уезда Тарон
- Возакан
- Крепости
- + Сури-Каранет
- + Действующие монастыри
- + Сури-Гевогк
- + Разрушенные или полуразрушенные средневековые монастыри
- + Тузунук
- + Святые (места пономничества)
- + Хранилища древних рукописей (с указанием числа рукописей)
- + Шех-Аветаран
- + Почитаемые (чудодейственные) манускрипты
- + Башкан
- + Постоялые дворы (хансы)
- + Каменные мосты

МУШ Каза
ШАТАХ Нахия

В 1914 году армянское население города Муша составляло 15000 человек. Армяне проживали в следующих городских кварталах: Брти, Верин (Верхний), Дзори, Джиграшен, Чагар или Сури-Марине. В городе было 5 церквей – Сури-Марине (кафедральный собор), Сури-Арутон, Сури-Астваццани, Сури-Киракос, Сури-Саркис, и 2 часовни – Сури-Гевогк, Сури-Минас. В городе было также 7 армянских начальных школ.

Примечание. Красным цветом выделены поселения, населённые армянами

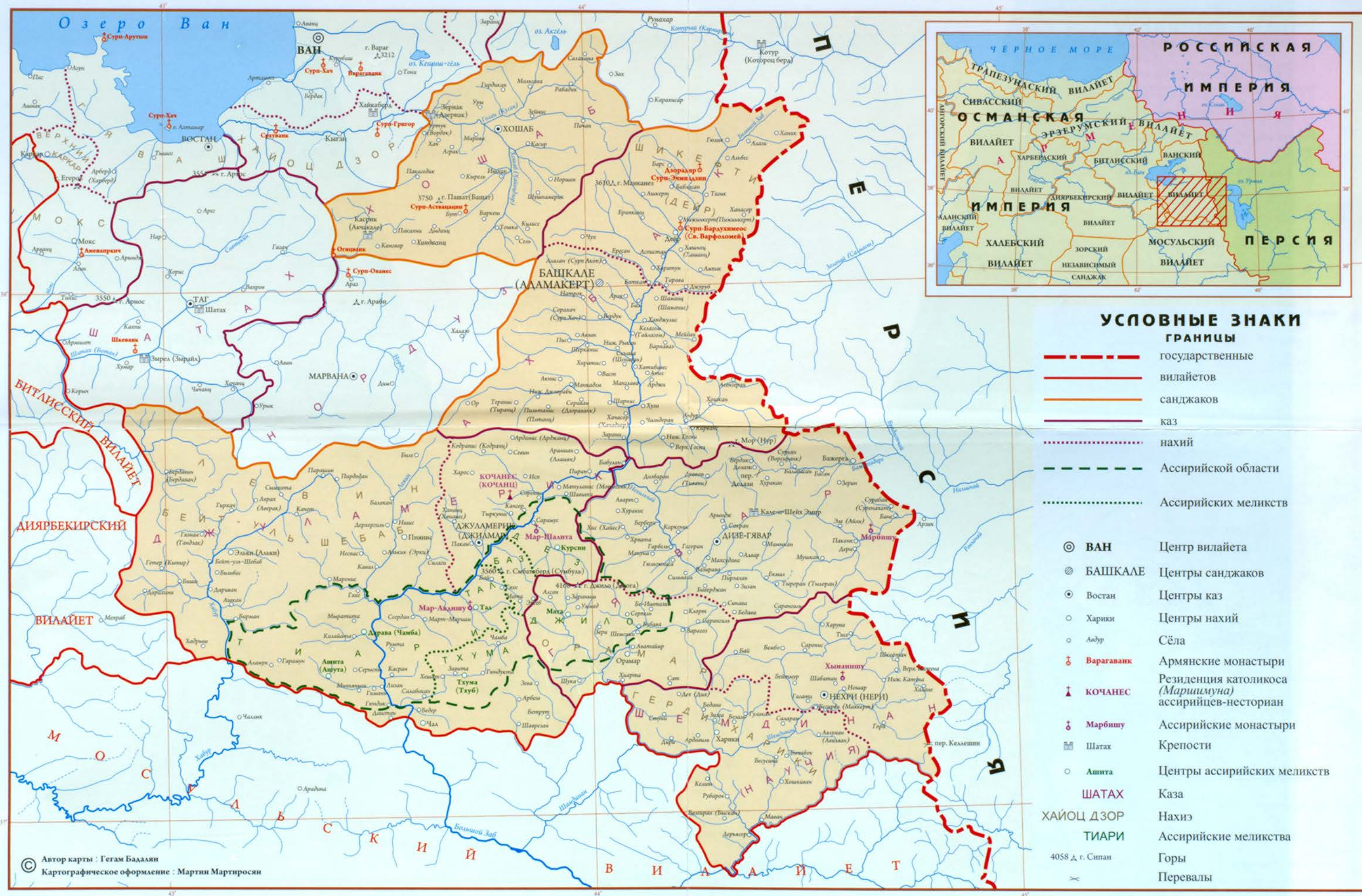
Примечание:
Каза Муш являлась самой густонаселённой армянской административной единицей на территории Западной Армении. Армяне, число которых в 1914 году превышало 75тыс. человек (71,4% от общего числа сельского населения казы), распределялись в 120 населённых пунктах, среди которых 32 поселений имели от 1000 до 5000 жителей. Вместе с городом Мушом доля армянского населения в казе составляла 65,7%. Наиболее крупные поселения, населённые армянами, были: Аваторик (1420 жителей), Авран (2870 жит.), Агджан (1860 жит.), Алварындж (1380 жит.), Алиджан (1420 жит.), Араг (1000 жит.), Арындж (1200), Артонк (1470 жит.), Бердак (1170 жит.), Бостакенд (1200 жит.), Варденис (2150 жит.), Гайбиян (1200 жит.), Гарни (1200), Гомер (1000 жит.), Гомс (1000 жит.), Дырмет (1000 жит.), Ериштер (1160 жит.), Зиарет (2480 жит.), Кртагом (1520 жит.), Курави (1260 жит.), Кызылагадж (1450 жит.), Мкрагом (1000 жит.), Норшен или Франк-Норшен (3300 жит.), Огунк (1000 жит.), Сохгом (1020 жит.), Сулух (1120 жит.), Унан (1320 жит.), Урух (1350 жит.), Харс (1400 жит.), Хасгех (4500 жит.), Цронк (3000 жит.), Шехланк (1270 жит.).

Автор карты: Гегам Бадалян
Картографическое оформление: Мартин Маргроски

САНДЖАК ХАКЯРИ ВАНСКОГО ВИЛАЙЕТА В 1914 г.

Масштаб 1:700 000

© Автор карты : Гегам Бадалян
Картографическое оформление : Мартин Мартirosян